Н. Крупская

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Scan: Ershov V. G., 23.02.2006

АКАДЕМИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
РСФСР

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

Н.К.КРУПСКАЯ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Под редакцией
Н. К. ГОНЧАРОВА, И. А. КАИРОВА,
Н. А. КОНСТАНТИНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ АПН РСФСР

Н.К.КРУПСКАЯ

ТОМ ВТОРОЙ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ

•

ОРГАНИЗАЦИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР

МОСКВА 1958

Подготовка текста и примечания
П. И. КУЛИКОВА

Н. К. Крупская

1918 · 1920

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

В буржуазном государстве — будь то монархия или республика, безразлично — школа является орудием духовного порабощения широких народных масс.

Цель школы в таком государстве определяется не интересами учащихся, а интересами господствующего класса, т. е. буржуазии, а интересы тех и других расходятся зачастую весьма существенно.

Цель же школы обусловливает всю организацию школьного дела, весь уклад школьной жизни, все содержание школьного обучения и воспитания.

Если мы будем исходить из интересов буржуазии, то цель школы будет различна в зависимости от того, для какого слоя населения она предназначается.

Если она предназначается для детей господствующего класса, она задается целью подготовить из них людей, способных наслаждаться жизнью и управлять. Типичным образцом подобного рода школ являются так называемые «сельские гимназии», или «новые школы», которые возникли теперь во всех почти странах Европы и где денежная и умственная аристократия воспитывает свое потомство. Плата в сельских гимназиях очень высока. Устраиваются они обычно в богатых имениях, оборудованы с необыкновенным комфортом, по последнему слову науки. Дети окружены в этих гимназиях заботой и лаской. Они пользуются свободой, самоуправлением, доверием учителей. Наилучшие учителя раскрывают им глаза на красоты природы, искусства, вводят их в святая святых науки. На укрепление здоровья, ловкости обращено самое тщательное внимание. Вместе с тем в

детях стараются развить волю, упорство в достижении намеченной цели, деловитость, умение управлять собою и другими. В то же время воспитатели стараются заложить в учениках прочные основы буржуазного мировоззрения, обосновать его исторически, этически, философски. Это тем легче, что в сельских гимназиях дети отрезаны от живой жизни, с ее горестями, противоречиями, борьбой. Товарищем мальчика, воспитывающегося в сельском интернате, никогда не может очутиться сын рабочего, семья которого погибает от безработицы. Внушаемые ему воззрения на собственность не могут быть поколеблены рассказом любимой няньки, угадывавшей все его желания и умевшей рассказывать такие чудесные сказки, что вот-де радость была в деревне, когда неподалеку разбило вагон с чаем и все набрали себе чаю кто сколько мог. Впечатления детства не заставляют его идти на помощь туда, «где трудно дышится, где горе слышится».

Если школа предназначается для детей мелкой буржуазии, цель ее — воспитать из них кадры бюрократии, кадры «интеллигенции», которая за право на определенную долю общественного пирога будет помогать господствующему классу управлять населением. Такова цель большинства средних и высших школ, вырабатывающих чиновников всех рангов и сортов, этих квалифицированных слуг буржуазии. В школах этого типа обращается особое внимание на воспитание в учащихся исполнительности, аккуратности, усидчивости. Зато подавляется способность самостоятельно мыслить, наблюдать, делать выводы. Большинство сообщаемых знаний носит отвлеченный, книжный характер. Такая школа отучает от физического труда, делает человека негодным ни на что другое, как на то, чтобы поступить на службу. Такой человек целиком зависит от раздающего места правящего класса, его хлеб кушает, его и слушает. Книжная наука отрывает от жизни, изолирует учащихся средних и высших школ от широких слоев трудящихся, делает их чуждыми массам. Особенно тщательно прививается ученикам этих школ культ буржуазного государства.

Что касается народной школы, то буржуазия стремится взять воспитание детей пролетариев целиком в свои руки, сохранить за собой исключительное влияние

на подрастающее поколение. Она делает школу обязательной.

Народная школа до последнего времени была школой учебы. Она давала ученикам кое-какие элементарные знания: управлять грамотными массами легче, чем не умеющими прочитать правила внутреннего распорядка или правительственного распоряжения, не умеющими подписать свое имя, сделать самый простой расчет. И чем развитее в промышленном отношении страна, тем больше объем знаний, который требуется от рабочего и крестьянина. Школа дает эти знания, но это дар данайцев, она дает их под условием усвоения учениками буржуазной идеологии. Данный буржуазный порядок установлен самим господом богом, он самый разумный, самый лучший, самый справедливый — внушается ученикам. Лица начальствующие, правящие — лучшие люди, им надлежит беспрекословно повиноваться. В школе ежедневно, ежечасно, ежеминутно ученик упражняется в послушании, в уважении к старшим. Преклонение перед силою, перед богатством, перед буржуазным образованием воспитывается в ученике с самых малых лет. Уроки родного языка, географии, истории служат средством воспитывать в детях самый неудержимый шовинизм. Школа стремится задушить в учениках чувство товарищеской солидарности. Система поощрений, наград, наказаний, отметок имеет целью вызвать между учениками конкуренцию, «соревнование». Одним словом, задача народной школы — пропитать учеников буржуазной моралью, притупить в них классовое самосознание, сделать из них послушное стадо, которым легко управлять.

Конечно, в зависимости от степени промышленного и исторического развития страны изменяются формы классовой школы. В передовых странах школы совершеннее, методы утонченнее, программа шире, цели школы более замаскированы, но суть дела остается та же. Возьмем, например, доступность среднего образования для детей рабочих. У нас в России не так давно еще в среднюю школу просто-напросто не принимали «кухаркиных детей». В Германии доступ в среднюю школу затрудняется не прямо, а косвенно: программы школ, низшей и средней, составлены так, что ученик, кончивший начальную

школу, по некоторым предметам готов в 4-й класс гимназии, а по некоторым годен только в приготовительный; и вот, чтобы ученику начальной школы поступить в гимназию, ему надо затратить 2—3 года лишних. В Англии вовсе не затруднен переход из низшей школы в среднюю. Напротив, в Англии существуют многочисленные стипендии, которые помогают талантливым и послушным ученикам начальной школы поступить в средние и высшие школы. Английская буржуазия рассуждает так: цель средней школы — подготовить кадры интеллигентных слуг буржуазного государства; рабочий класс, как таковой, состоит из людей физического труда, он не может воспитывать в массе своих детей в школах, отучающих от физического труда; в среднюю школу могут поступать лишь немногие избранные, тем самым они уходят из своего класса и вступают в привилегированный класс служащих государства. Если самые талантливые, самые даровитые уходят из рабочей среды, это только выгоднее буржуазии, рабочий класс теряет своих вожаков, обессиливается, обезличивается, а кадры слуг государства усиливаются. Так разрешается вопрос о доступе в среднюю школу. Решение вопроса различно, но суть дела везде одна и та же: средняя школа недоступна широким слоям населения, и знания продолжают оставаться классовой привилегией.

У нас в России буржуазия очень много говорила о всеобщем обучении, о реформе школьного дела, и не только говорила, но и работала в смысле проведения этих реформ в жизнь. Делала она это потому, что прекрасно понимала, что чем совершеннее буржуазная школа, тем более совершенным орудием порабощения народных масс может она быть. Не изменяя целей среднего и высшего образования, не отнимая у средней и высшей школы ее интеллигентского, оторванного от жизни характера, не соединяя в этих школах обучения с производительным трудом, нельзя изменить классового характера школы.

Рабочее и крестьянское правительство, соблюдающее интересы народных масс, должно сломать классовый характер школы, должно сделать школу на всех ее ступенях доступной для всех слоев населения, но сделать это не на словах, а на деле. Образование будет оставаться

классовой привилегией буржуазии до тех пор, пока не изменятся цели школы. Население заинтересовано в том, чтобы у начальной, средней и высшей школы была одна общая цель: воспитание всесторонне развитых людей, с сознательными и организованными общественными инстинктами, имеющих цельное, продуманное мировоззрение, ясно понимающих все то, что происходит вокруг них в природе и общественной жизни; людей, подготовленных в теории и на практике ко всякого рода труду, как физическому, так и умственному, умеющих строить разумную, полную содержания, красивую и радостную общественную жизнь. Такие люди необходимы социалистическому обществу, без них социализм не может осуществиться полностью.

Какова же должна быть школа, чтобы быть в состоянии сформировать таких людей?

Во-первых, школа должна сделать все возможное, чтобы укрепить здоровье и силы подрастающего поколения: она должна обеспечить детям здоровое питание, здоровый сон, удобную и теплую одежду, гигиенический уход за телом, свежий, чистый воздух, достаточное количество движения. Все это господствующие классы обеспечивают своим детям, но необходимо, чтобы это было обеспечено всем детям, без различия имущественного положения их родителей. Летом школа должна переноситься в деревню. Школа должна с самого раннего детства укреплять и развивать внешние чувства: зрение, слух, осязание и пр., так как это те органы, при помощи которых человек познает внешний мир. От их остроты, совершенства, развития зависит сила и разнообразие восприятий. Педагоги, особенно Фребель, давным-давно указывали на то, что необходимо с самых ранних лет давать детям достаточное количество слуховых, зрительных, мускульных и других впечатлений, систематизировать их, давать ребенку возможность постоянно упражнять свои внешние чувства. Очень рано ребенок стремится наблюдать. Надо научить его это делать. Система игрушек Монтессори и направлена к тому, чтобы не словами, а подбором игрушек приучить самых маленьких детей к наблюдению и к упражнению своих внешних чувств. Очень рано ребенок начинает также стремиться самым разнообразным образом выразить полученные им

впечатления: движением, словами, мимикой. Надо дать возможность ему расширить область выражения складывающихся у него образов. Надо дать ему материал: глину для лепки, карандаши и бумагу, всякий материал для построек и т. п., научить, как обращаться с этим материалом. Материальное выражение сложившихся образов служит прекрасным средством проверки и обогащения их. Надо всячески поощрять детское творчество, в какой бы форме оно ни выразилось. Искусство и язык являются могучим орудием сближения между людьми, средствами понять и самого себя и других.

Домашняя обстановка большинства населения не такова, чтобы она могла способствовать развитию внешних чувств ребенка и детскому творчеству. Потому необходимо такое количество детских садов, чтобы оно могло вместить всех детей. Эти детские сады должны быть устроены так, чтобы был дан простор индивидуальности каждого ребенка, они не должны быть казармами для малюток, которых заставляют маршировать по звонку, делать движения по указаниям учительницы, «обезьянничать», как выразилась одна французская работница на вопрос, чему учат детей в материнской школе. При буржуазном строе детские сады для детей рабочих очень часто вырождаются в такие казармы, но им не место в социалистическом строе.

Когда ребенок научается выражать свои мысли или чувства, он заинтересовывается выражением чужих мыслей и чувств. В этот период развития (приблизительно от 7 до 12 лет, хотя индивидуальные колебания могут быть очень велики) самый интересный предмет для ребенка — это другой человек. В этот период развития особенно сильна подражательность, которая часто есть не что иное, как особая форма творчества — перевоплощение чужих мыслей и чувств. Это период, когда у ребенка очень сильно начинают развиваться общественные инстинкты и человеческая жизнь и человеческие отношения делаются центром его внимания. Школа должна укрепить и углубить проснувшиеся общественные инстинкты ребенка, раскрыть перед ним, что труд лежит в основе человеческого общежития, научить его радости творческого производительного труда, дать ему почувствовать себя частью общежития, полезным его членом.

Повышенная подражательность облегчает приобретение разнообразных трудовых навыков, надо их дать ребенку, научить работе. Чрезвычайно важно, чтобы работа носила коллективный характер, так как это способствует выработке умения сообща работать и жить. Работа дает правильную оценку своих сил, предохраняя и от переоценки и от недооценки их. Совместная работа, общие игры со сверстниками, участие, в различной форме, в труде и жизни взрослых дает богатый материал для выработки у ребенка общественной этики.

В этот период развития ребенка школа, продолжая работу детского сада, должна помогать выливаться непосредственному стремлению ребенка к творчеству в форму производительного, нужного другим труда. Она должна дать общие трудовые навыки, дать возможность широко наблюдать общественные отношения, дать возможность научиться жить с другими, помогая друг другу, переживая сообща многие впечатления. Период от 7 до 12 лет соответствует тому периоду, когда дети посещают начальную школу. Но что давала она им? Умение писать, читать, считать, усвоение ряда чуждых, механически усваиваемых идей. Она не давала привычки к труду, не давала детям ни материала для труда, ни нужных указаний, ни времени. Современная школа — школа учебы, а не школа труда. Современная школа заглушает общественные инстинкты детей, а не развивает их, не обращая никакого внимания на игры детей, на их коллективную работу, на участие их в труде и жизни взрослых. Школа отрывает детей от жизни, от взрослых, суживая поле их наблюдения. Она отучает детей от организации, вмешиваясь в каждый их шаг. Начальная школа, общая, конечно, для всех, должна носить главным образом практический характер, широко применять трудовой принцип и укреплять общественные инстинкты.

Вторая ступень школы падает на возраст, когда идет самоуглубление, переработка, систематизация приобретенных впечатлений. Это период изучения. Юноша или девушка изучают самих себя, общество, различные отрасли знания и умений. Тут особенно сильно работает критическая мысль. В этот период формируется человек. Чрезвычайно важно, чтобы к этому времени у учащего-

ся был достаточный запас впечатлений и фактов. Эти факты располагаются им в известную перспективу, является запрос на всестороннее их освещение, это период выработки мировоззрения. Это период, когда учащимся особенно важно дать метод, дать путеводную нить для организации приобретенных знаний. Это года, когда у учащихся замечается некоторое ослабление воли, складывающаяся окончательно индивидуальность уходит в себя, внешняя жизнь его идет по заведенному порядку. Чрезвычайно важно, чтобы к этому времени юношей или девушкой были приобретены прочные привычки к труду и общественной жизни. На этот период, когда творческое выражение своего *я* несколько ослабевает, должно падать овладение самим механизмом труда в различных областях производства.

Средняя школа, охватывающая эти года школьной жизни, в настоящее время совершенно не обращает внимания на индивидуальность учащегося, на необходимость самостоятельной переработки им приобретенного опыта. Производительный труд, развитие общественных инстинктов играют в современной средней школе совершенно ничтожную роль, в ней царит та же учеба, что и в начальной, то же подавление индивидуальности, та же книжность, та же оторванность от общественной жизни.

Высшая школа преследует уже специализацию, поэтому по сути дела она не может быть всеобщей, и мы тут не будем ее касаться.

Итак, детский сад, начальная школа и средняя школа — все это тесно связанные между собою звенья общего развития. Самое главное, чем должна отличаться социалистическая школа от теперешней,— это тем, что для нее единственная цель — возможно полное всестороннее развитие учащегося; она должна не подавлять его индивидуальности, а лишь помогать ей формироваться. Социалистическая школа — школа свободная, где нет места дрессировке, муштре, зубрежке.

Но, помогая формировке индивидуальности, школа должна подготовить учащегося к тому, чтобы он умел выявить эту индивидуальность в общеполезном труде. И потому второй особенностью социалистической школы должно быть широкое развитие детского производи-

тельного труда. Теперь много говорят о трудовом методе, но в социалистической школе должен применяться не только трудовой метод, но должен быть организован производительный труд детей. Социалисты против эксплуатации детского труда, но они, конечно, за детский посильный, всесторонний, развивающий труд. Производительный труд не только готовит из ребенка в будущем полезного члена общества, он делает его полезным членом общества в настоящем, и сознание этого факта ребенком имеет громадное воспитывающее значение. Буржуазная школа дала немало примеров того, как можно организовать производительный труд детей. Организация трудовых и огородных дружин, помощь в производстве статистики, в разноске и сортировке писем, шитье и вязанье теплых вещей для солдат, чистка улиц американскими школьниками, изготовление пищи, ведение счетоводства, определение фальсификации продуктов, расклейка афиш, разноска литературы, изготовление учебных пособий и пр.— все эти опыты организации производительного труда надо собрать, систематизировать, дополнить, развить, придать им как можно более всесторонний характер. Тут на помощь учителям должны прийти профессиональные союзы, кооперативы, сельские организации крестьян. Дело это важное, вполне выполнимое, и за него надо взяться немедленно. Конечно, школа, которая будет организовывать детский производительный труд, будет мало похожа на теперешнюю школу учебы, но зато она будет тысячами нитей связана с жизнью, с действительностью. Введение в обиход школы детского производительного труда, тесно связанного с обучением, сделает самое обучение во сто раз жизненнее и глубже. И такая школа будет готовить людей, всесторонне подготовленных к труду, умеющих взяться за каждую работу, приспособиться ко всякой машине, ко всяким условиям производства. И это будут люди, в одинаковой мере способные и к тому интеллигентскому труду, который был до сих пор достоянием особого привилегированного слоя и который должно уметь делать само население, чтобы освободиться от зависимости от бюрократии и самому стать хозяином жизни.

Социалистическая школа мыслима только в определенных социальных условиях, ибо социалистической де-

лает ее не то, что во главе ее стоят социалисты, а то, что цели ее соответствуют потребностям социалистического общества. И при капиталистическом обществе могли в отдельных случаях возникать школы, ставившие себе цели воспитания всесторонне развитых людей, с ярко развитой индивидуальностью, с сильно развитыми общественными инстинктами, способных одинаково как к физическому, так и к умственному труду. Но при капиталистическом строе такие школы могли быть лишь единичными явлениями, мало жизненными. Воспитанный в такой школе юноша попадал, выйдя из школы, в атмосферу, которая очень быстро сводила на нет все плоды воспитания. В обществе, построенном на делении людей на людей белой и черной кости, на людей «интеллигентского» и людей физического труда, ему приходилось выбирать тот или иной род труда, и его способность к «всестороннему» труду атрофировалась. Причем выбор того или иного рода труда зависел не от него, а от его кошелька, от его связей в обществе. Неимущий, имевший «связи» лишь в рабочей среде, попадал, совершенно независимо от его жизни, в разряд людей физического труда, а попав в этот разряд, должен был тянуть лямку людей, живущих продажей своей рабочей силы, и тут его ярко выраженная индивидуальность была лишь помехой, делала для него однообразный, подневольный труд еще тяжелее, еще невыносимее. Сильно развитые общественные инстинкты были применимы лишь тогда, когда у юноши была натура борца, в других же случаях они являлись лишь источником мучений. Борцов же социалистическая школа в капиталистическом обществе могла воспитывать лишь в исключительных случаях, так как борец должен пройти суровую школу жизни, а социалистическая школа, вкрапленная в буржуазный строй, не могла быть не чем иным, как экзотическим растением, как учреждением, оторванным от жизни. И так как социалистическая школа не могла быть при капиталистическом строе учреждением жизненным, в лучшем случае она была не более как интересным педагогическим опытом. Она могла быть лишь частным предприятием, а не государственным, ибо физиономию государственной школы определял господствующий класс, класс буржуазии, а цели, которые он ста-

вил, были совершенно иные. Класс буржуазии при организации школьного дела исходил из своих интересов, из необходимости обеспечить свое классовое господство, а не из блага индивидуума и блага общества.

Только народное правительство может при организации школы исходить из блага индивидуума и блага общества. Но блага индивидуума и блага общества будут пониматься различно, смотря по тому, в какой момент народное правительство оказывается у власти. Если оно оказывается у власти в период господства капиталистических отношений, тогда народное правительство заинтересовано лишь в том, чтобы создать возможно более демократическую школу. Демократизация школы демократизирует знание и мешает ему сделаться исключительным достоянием господствующего класса. Такой тип демократизированной школы мы находим в Америке — школы, созданной правительством, победившим в американской гражданской войне северных штатов против южных.

Но когда народное правительство оказывается у власти в момент нарастающей социальной революции, оно, исходя из блага индивидуума и общества, должно сломать старую классовую школу, превратившуюся в вопиющую несправедливость, и создать школу, которая соответствовала бы потребностям момента. А потребность нарождающегося социалистического строя заключается в том, чтобы воспитать людей, годных для этого строя. Если характерным признаком капиталистического строя было бессмысленное мотовство рабочей силы, чрезмерный труд одних и вынужденная праздность других, то характерным признаком социалистического строя должно быть разумное, планомерное, наиболее целесообразное распределение труда между всеми людьми, превращение труда из подневольного в добровольный. Для этого нужны люди, одинаково приспособленные и к умственному и к физическому труду, умеющие приспособляться к вечно изменяющимся условиям производства, умеющие накладывать на свою работу печать своей индивидуальности. Характер производства будет уже сам по себе воспитывать людей в этом духе, перерождать их в этом направлении, но переход от подневольного труда к добровольному, от однообразного, узкоспециального к

всестороннему представляет собой длительный процесс, очень трудный вначале, особенно в такой некультурной стране, как Россия, с таким низким уровнем общего образования, и могущий преобразовать все общество лишь при новом поколении, воспитанном в совершенно иных условиях. На социалистической школе и лежит задача воспитать это будущее поколение.

1918 г.

ИНТЕРЕСНАЯ СТАТЬЯ

В сентябрьско-октябрьской книжке «Вестника воспитания» за 1917 г. мы находим чрезвычайно интересную статью П. Блонского «Аксиомы педагогического дилетантства». Многое в этой статье очень спорно, неверно, но она важна в том отношении, что ставит ряд коренных вопросов, ответить на которые так или иначе необходимо, вопросов, выдвинутых самою жизнью.

Первый вопрос — это вопрос *о создании новой школы*. Автор пишет: «Повсюду, как аксиому, мы слышим: «Нужно создать новую школу». Нужно ли сейчас создавать новую школу? Нет, не только не нужно, но даже вредно, больше того, пагубно... Если будет сломлена старая школа и слабая, не слишком авторитетная власть предпишет по ее плану создавать новую школу, то не увидим ли на местах пассивного сопротивления и, что еще опаснее для детей, педагогического саботажа? Сейчас создавать новую школу — значит идти на явный провал... Общество право в боязни, что, разрушив старую школу и получив спешные и неавторитетные проекты новой, оно рискует остаться без всякой школы. Пока остра нужда в другом — освободить ныне существующую школу от сковывающих ее бюрократических пут. Правда, уже явочным порядком на местах старые циркуляры часто отменяются, но явочный порядок — это явный беспорядок. И во избежание подобного хаоса необходимо организованное сверху раскрепощение старой школы, чем лучше всего расчистится путь для осуществления новой русской школы. И лишь постольку и необходимо сейчас делать реформу школы. Делать иное — значит бросить школу в пучину борьбы и противоречий».

«...Создается не школа, а школьный проект; школа же органически вырастает из истории народа и реальных условий его общественного быта. Реформа школы — «сложный», трудный и медленный процесс. И для реформаторов встает задача, как сделать этот процесс более естественным, облегченным и безболезненным... Реформируя старую школу, мы серьезно верим в возможность создания новой. Но учителя-то прежние, те, которые пропитаны духом школы старого времени. Но культура-то страны русская, которой еще слишком, слишком далеко до западной. Но мы-то сами с новыми ли головами и сердцами?»

Взгляд автора на возможность организации новой школы иллюстрирует парадоксальную возможность для человека, искренне интересующегося судьбами нашей школы и проблемами социального воспитания, сохранить в разгар великой революции старое сердце и старую голову. Человек с обновленным сердцем и обновленной головой не может не понять, что старая школа навеки умерла, так как это была классовая школа, школа, имевшая целью духовное порабощение народных масс. Народ сбрасывает господство буржуазии, он освобождается от рабства, и ему нужна школа, которая воспитывала бы не господ и рабов, а свободных, сильных, умелых людей. Не легкое, конечно, дело при данных условиях создавать новую школу. Самое худшее, что нет еще кадра опытных учителей, понимающих задачи новой школы, готовых порвать со старыми педагогическими предрассудками и целиком отдаться творческой работе воспитания подрастающего поколения. Но такой кадр создастся, и создастся скорее, чем думают, ибо не будет бюрократических пут, тормозящих это дело. А дело живое, интересное, захватывающее. Отовсюду уже тянутся к нему новые силы, полные веры в свою миссию — воспитывать свободных людей. Скоро они объединятся, сорганизуются, и работа закипит. Но новое вино нельзя вливать в старые мехи, и старую школу надо разрушить.

Автор боится, что школа будет повергнута в пучину борьбы и противоречий. Непонятно, как он ухитряется не видеть того, что школа уже превращена в арену борьбы, и не потому, что ее стали разрушать, а потому, что она была всегда орудием господства буржуазии, и в момент

гражданской войны между классами это орудие особенно усиленно пускается в ход.

Что же касается противоречий, то нет противоречия более вопиющего, как старая классовая школа учебы в лихорадочно перестраивающемся на демократических началах обществе. Автор прав, что школа должна быть органически связана с экономическими, политическими и общественными условиями страны, но разве он не видит, какой коренной переворот произошел во всей жизни страны, во всем укладе ее жизни, как глубок происшедший сдвиг и какой утопией было бы желание повернуть назад колесо истории? Старая школа уже не соответствует экономическим, политическим, общественным условиям страны. И поэтому-то она и обречена на гибель.

Что же касается «безболезненности» школьной реформы, медленного процесса ее перестройки, то П. Блонский совершенно забывает, в какую эпоху мы живем. Воспевать медленную эволюцию в период революции — дело довольно-таки безнадежное. Когда ломает весенний лед и вскрывается река, смешно рассуждать на тему, что гораздо «безболезненнее» и естественнее был бы процесс таяния льда от лучей весеннего солнца. Он и растает, но раньше его разломает река, разрушит и все то, что было на его поверхности.

В одном автор прав, конечно: не нужно прожектерства, все реформы должны органически вытекать из реальных потребностей текущей жизни, основываться на тщательном изучении существующей действительности. Но говорить это — значит повторять, что Волга течет в Каспийское море.

Однако если мы расходимся с автором в вопросе о ломке старой школы, то согласны с ним в вопросе о необходимости подчинить учителя контролю населения.

Автор оспаривает утверждение, что *школа — дело учителя,* утверждение, постоянно повторяемое на учительских съездах и собраниях. «Школа есть общественное учреждение,— говорит он,— создаваемое обществом для общества. Школьное законодательство и школьное управление должно, как и вся страна, находиться в руках общественной власти, центральной и местной». И вот в органы центральной и местной власти «является учительство и просит для себя особого представительства в будущих

органах школьного законодательства и управления... Учитель не народный представитель, а служащий по назначению. И если мы признаём, что школа должна создаваться волей общества, выражаемой через народных представителей, то странно говорить об особом представительстве служащих по назначению в органах народного представительства. Тогда последние утрачивают свой характер, и идея представительства нарушена. На практике же это должно привести к ряду возможных нарушений общественной воли. В самом деле, представьте, что народ в лице своих представителей желает новой школы, но в органе школьного законодательства и управления засело 50% учителей, назначенных и подобранных еще господами старой школы. Представьте и другое — тот, в чьих руках назначение и увольнение учителей, фактически собственник половины голосов в якобы представительном демократическом органе. При чем здесь тогда воля общества?»

«...Но голос учительства должен быть слышен? Конечно. Но громче и сильнее всего он будет слышен не тогда, когда в школьном комитете 5 учительских представителей будут спорить с 10 посторонними им. Путь иной, и в некоторых кантонах Швейцарии им уже идут. Там общественный школьный совет не имеет права выносить решения, не заслушав сперва мнения учительства данного района. Это и есть самый правильный путь: решает воля общества, но общество обязано выслушать мнение учительства».

Оспаривает автор и другую аксиому дилетантства — что «*школа должна быть автономна*». Народное образование должно субсидироваться государством. «Ясно, конечно, что неизбежная экономическая зависимость школы неизбежно создает правовую ее зависимость... Обогащать дефекты современной школы оторванностью ее от общественного влияния и варением современного учительства в собственном соку было бы странно. Школа осуществляет общественные задачи на общественные средства и все живые силы получает от общества — вот это положение скорее несомненно, нежели необходимость замаринования школы в ее «автономных» стенах в то время, как школа именно нуждается в сближении с обществом и жизнью... В старинном учении об автономии начальной и средней

школы есть та доля истины, что учительство боится, что демократия, подобно самодержавию, будет мелочным надзором и произвольными предписаниями стеснять работу учителя... Учительство право в своем раздражении на предупредительный контроль, хотелось бы сказать, былой инспекции. Полную отмену так называемого превентивного контроля должно оно требовать. Но оно часто идет дальше: «Никакого контроля». Но это уже ночь реакции: учитель обязан отчетом агентам общества: безотчетных деятелей народу не нужно, раз он требует отчета даже от своих выборных представителей».

«Учительство право в своем раздражении против мелочных циркуляров, трактовавших даже, кажется, о том, сколько времени думать перед выставлением отметки. Оно право, когда говорит: общество, поставь мне задачи, а технику исполнения этих задач предоставь ведать мне, как специалисту... Но учительство идет дальше: полная независимость. И это опять ночь реакции — это желание учительского произвола. Конституционное право уже давно решило ту проблему, над которой бьется учительская мысль: всякий выборный представитель независим (без наказа или императивного мандата), но так или иначе подотчетен; всякий служащий по назначению (т. е. и учитель) стоит в иерархическом отношении к тому, кто назначает его, но в интересах дела деятельность (компетенция) такого служащего должна определяться лишь с точки зрения цели (так называемая система особых поручений), в данном случае — определение в общих чертах целей учебной программы и предоставление полной свободы в выборе методов... Мы видим, что учителю в его поисках прав и свободы очень мешает то, что он служащий по назначению... Потому понятно, что учительство говорит о выборном начале. Под выборным началом учителя понимают выборы педагогическим советом нового члена. Но ясно, что это не выборное начало. Выборы обычно принято понимать, как выборы населением, т. е. получение своего мандата от народа». Выбор же педагогическим советом нового члена — простая кооптация со всеми своими недостатками: «Коллегия подбирает под стать себе товарища и не обновляется, большую роль играет и примитивная агитация чисто личного

свойства в местном кругу с ее отрицательными сторонами».

Автор сомневается, возможны ли выборы учителей населением (он не указывает, почему эти выборы кажутся ему неосуществимыми), но отмечает, что в немецких и латышских местностях они практиковались и в самодержавной России. От себя скажем, что мы придаем громадное значение выборности учителей населением, т. е. непосредственному контролю населения над учительской деятельностью. Социал-демократия в своей программе всегда настаивала на выборности чиновников непосредственно самим населением, в том числе, конечно, и учителей. Учительство чересчур важная и ответственная функция, чтобы население могло отказаться от своего права непосредственного выбора и отзыва воспитателей молодого поколения. Выборность учителей практикуется и в Америке, и в некоторых кантонах Швейцарии. В тех кантонах Швейцарии, где существует выборность, состав учителей гораздо выше, чем в тех, где выборности нет. Необходимо только хорошенько обдумать, как наиболее целесообразно организовать эти выборы. Выборы учителей имеют громадное значение и с точки зрения пробуждения в массах населения интереса к постановке школьного дела, к постановке преподавания, к проблемам педагогики. Пока у нас в России такой интерес почти совершенно отсутствует, а между тем он один лишь является гарантией того, что школа будет соответствовать своему назначению.

1918 г.

О СВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

Вопрос о светской школе — один из самых злободневных вопросов.

Декретом от 15 января 1918 г. провозглашено отделение церкви от государства и, как следствие этого, отделение школы от церкви. Государство тем самым заявляет, что в деле религии оно нейтрально, оно не поддерживает ни морально, ни материально ни одного вероисповедания. Для государства, для рабочего и крестьянского правительства отныне «несть эллин или иудей»... Какую бы веру ни исповедовал человек — государства это не касается. Он может быть православным, католиком, протестантом, старообрядцем, сектантом, магометанином, язычником, может не верить ни в какого бога — это не будет ему вменяться ни в заслугу, ни в преступление.

В средние века инаковерующих жгли на кострах, у нас не так давно еще жестоко преследовали сектантов, обязывали всех чиновников исполнять церковные обряды, преследовали евреев, натравливали на них темные массы— все во имя Христа, во имя православной церкви.

Православие было государственной религией, на поддержку его шли крупные суммы. Но зато и оно было слугою государства. За получаемые от государства привилегии оно должно было служить власти всеми силами, окружать ее ореолом божьего благословения, возвеличивать с амвона каждый ее шаг, покрывать своим авторитетом каждое ее преступление. Священник провозглашал многолетие царствующему дому, священник освящал казни своим присутствием, священник благослов-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ
ПО НАРОДНОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОРГАН,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ И НАУЧНЫЙ

ЯНВАРЬ
№№ 1-2

ПЕТРОГРАД
1918

Титульный лист первого номера журнала «Народное просвещение» — ежемесячного органа Государственной комиссии по народному просвещению. В этом номере были опубликованы статьи Н. К. Крупской «К вопросу о социалистической школе» и «Интересная статья».

лял христолюбивое воинство на войну. Царское самодержавие смотрело на православных священников как на своих верных пособников, призванных морально поддерживать его авторитет, проповедовать по всей стране необходимость рабского послушания власть предержащим. Благодаря положению «господствующей» церкви, православие неразрывно связало себя с самодержавием, но тем самым оно подорвало свой нравственный авторитет в массах. То, что священник, вчера произносивший молитвы за царя, с падением самодержавия стал молиться за «благоверное» кадетское, а потом коалиционное правительство, должно было не поднять авторитет церкви, а еще более умалить его, подчеркнув, что церковь «чей хлеб кушает, того и слушает». Е. Репина, выступившая в 9-12 книжке «Русской школы» против светской школы, вынуждена констатировать, что «в интеллигенции и особенно в пролетариате религия Христа заменилась религиозной верой в принципы социализма». Но и «деревня», по ее словам, быстро распропагандируется, старозаветные устои давно пали, простая вера «деревенских баб» «уходит во власть предания». Три года империалистической бойни, начатой с благословения православной церкви, сделали свое дело. Наши пленные, бежавшие из Германии, рассказывали как-то, как к ним в лагерь приехал однажды священник. При первых же его словах поднялся такой крик, свист, раздались такие негодующие вопли, что священник совершенно растерялся. «Уйдите, батюшка, видите, не место вам тут»,— сказал ему один пожилой крестьянин, и священник ушел, не выслушанный своей паствой.

Государство всегда пользовалось церковью для духовного порабощения масс, и церковь охотно играла эту роль орудия порабощения. Поэтому социалисты всегда выставляли на своем знамени отделение церкви от государства.

Декрет только проводит в жизнь то, что десятки лет проповедовали лучшие люди России, что являлось общепризнанной аксиомой в среде не только социалистов, но и всех интеллигентных людей, всех сознательных рабочих.

Из отделения церкви от государства логически вытекает отделение школы от церкви. Потому что дать пред-

ставителям какой-либо религии возможность сделать из школы орудие пропаганды своих религиозных идей, дать возможность им влиять на впечатлительные, не защищенные жизненным опытом и знанием детские умы — значит ставить эту религию в исключительно привилегированное положение.

Отделение школы от церкви являлось требованием социалистических программ не только по соображениям логики, но и во имя прав ребенка. Очень много говорят у нас о правах родителей, но очень мало — о правах ребенка. Между тем как общепринято, что необходимо защищать законом беззащитного ребенка от чрезмерной эксплуатации его слабых сил не только предпринимателем, но и родителями, очень мало говорят о необходимости защитить душу его от всего того, что действует на эту душу разрушающе. Но, скажут нам, взгляд на то, что действует на душу ребенка разрушающе, весьма спорен: один станет утверждать, что разрушающе действует преподавание религии, другой — что так действует отсутствие этого преподавания. Однако мерило может быть найдено. Это мерило — классовая точка зрения. Маркс и Энгельс блестяще доказали в своем «Коммунистическом манифесте», какая неизмеримая пропасть лежит между пониманием всех фактов общественной жизни, если к ним подходить с точки зрения буржуазной морали или если к ним подходить с точки зрения морали рабочего класса. До сих пор организация школы находилась целиком в руках господствующих классов, и потому они сделали ее орудием пропаганды своих взглядов на все явления общественной жизни. Школа в их руках служила средством притупления в массах самосознания, средством прививки массам буржуазного миропонимания и буржуазной морали. Господствующие классы всегда там, где это было возможно еще в силу исторических условий, пользовались для этой цели услугами духовенства. И чему же оно учило? Прежде всего оно учило, что нет власти, которая бы исходила не от бога. И потому оно призывало слушаться всякое начальство, всех власть имущих, всякого, кто сядет на шею рабочего и крестьянина и станет на них ездить. С точки зрения господствующего класса такая проповедь весьма полезна, но согласны ли рабочие и крестьяне, чтобы их

детей учили быть рабами: рабами неведомого бога, рабами царя, рабами всех сильных мира сего? Классовая точка зрения трудящихся отбрасывает эту рабскую мораль, приятие ее эксплуатируемыми обозначало бы их вечное рабство. И от проповеди такой морали надо защитить ребенка.

Для рабочего и крестьянина неприемлема вся эта проповедь смирения, самоуничижения, готовности подставлять другую щеку, когда тебя бьют по одной. Все это «непротивление злу» очень выгодно эксплуататорам, но эксплуатируемым оно не с руки. Если барыня предается порывам смирения, готовности принимать удары — для нее это довольно невинное занятие, так как ее ограждает от ударов и угнетения ее общественное положение, ну а для рабочих и крестьян готовность быть эксплуатируемыми и унижаемыми имеет совершенно другие последствия. И потому ребенка надо защитить от пропаганды прелести непротивления злу, прелести самоуничижения.

Священник проповедует неосуждение, прощение своим классовым врагам; он проповедует отречение от земных благ, воздержание; обещает справедливость на небе. Зачем будут учить этому своих детей рабочие и крестьяне, которые добиваются справедливости здесь, на земле, хотят здесь, на земле, построить для всех светлую, разумную жизнь? Ребенка надо защитить от внушения ему мысли, что справедливость и светлая жизнь недостижимы на земле.

Евангелие — редко священники — проповедует любовь к людям. Это самое, что есть ценное в религиозной морали и что не противоречит классовому интересу рабочих и крестьян. Они на своем знамени также выставляют равенство и братство. Но равенству и братству учит эксплуатируемых сама жизнь, общность их интересов, сближение, основанное на взаимопонимании. «Все за одного, один за всех». И это обучение взаимопомощи трудовой жизнью гораздо ценнее, чем проповедь любви евангелия, сплетенная с самоуничижением, терпением, отречением от всякой борьбы, от всех земных благ.

Религиозная мораль противоречит, в общем и целом, классовым интересам трудящихся. Она бессильна. И ярче всего она показала свое бессилие во время мировой

войны. Чуть не две тысячи лет проповедуется эта мораль, и все же она не могла предотвратить ужаса мировой войны.

Такова религиозная мораль. Что же касается религиозного миропонимания, то в век могучего развития капитализма, сопровождаемого неслыханным развитием техники, даже ребенка трудно убедить в том, что можно остановить бег солнца, создать мир в шесть дней, сделать человека из ребра и т. п. Учить верить тому, во что не верит ум, в чем нельзя убедить,— значит стремиться усыпить ум, закрыть глаза шорами. Дело безнадежное, но вредное, ибо оно учит ребенка не истине, а лжи.

Надо предохранить ребенка от внушения ему истин, противоречащих наукe.

Буржуазия пользуется религией для того, чтобы при ее помощи властвовать над массами. Послушайте рядового интеллигента, и вы часто услышите такие речи: «Мне религия, конечно, не нужна, я человек интеллигентный, но она нужна темной массе. Надо, чтобы массы что-нибудь сдерживало, нужна узда, и потому нельзя отнимать веру у народа, без веры масса превратится в банду грабителей». Религия — узда для масс. И буржуазия хотела держать народ в этой узде. Это знало духовенство и молилось за «благоверное» Временное правительство.

Очень характерно отношение к вопросу о светской школе Государственного комитета по народному образованию, хотя учреждения и выборного (не непосредственно населением), но стоявшего целиком на точке зрения Временного правительства.

Государственный комитет не нашел возможным порвать с церковью. Для школ, поддерживаемых государством,— таковых громадное большинство — закон божий продолжал быть предметом обязательным, только школам частным (главным образом средним) разрешалось не вводить закона божия в качестве учебного предмета. Для громадного большинства населения все оставалось по-старому. По-старому должны были служиться молебны, читаться утренние молитвы, молитвы перед учением и после него, по-старому священник был членом педагогического совета и влиял на постановку дела. Одна только уступка была сделана возрастающей антирелигиозности масс: ученик мог, если этого захотят родители,

а по истечении 14 лет он сам, не ходить на уроки закона божия. Это была уступка, но уступка ничтожная. Родители, желающие, чтобы их сын не учился закону божию, должны подать соответствующее заявление. Для этого им надо проявить известную инициативу, энергию, интерес к школьному делу, сознание вреда обучения этому предмету, независимость. Само собой, таких родителей будет ничтожное меньшинство, большинство же детей, даже детей неверующих родителей, будет по-прежнему воспитываться в страхе божием.

Значит, для громадного большинства детей обучение закону божию остается обязательным, и только очень незначительное количество детей будет освобождено от этих уроков. Почему же Государственный комитет, в котором было большинство представителей от учителей, пошел вопреки постановлению учредительного собрания (в 1905 г.) Всероссийского учительского союза, почти единогласно высказавшегося за светскую школу?

Члены Государственного комитета ссылаются на неподготовленность населения. Уничтожить преподавание закона божия в школе — значит восстановить против себя массы. Ссылка на массы, на неподготовленность населения — в значительной мере ссылка лицемерная. Тот, кто сам не хочет какой-либо решительной меры, ссылается обычно на неподготовленность масс. Когда не хотели давать народам всеобщее избирательное право, ссылались на неподготовленность масс; когда не хотели давать избирательных прав женщинам, говорили, что женщины — народ темный, будут голосовать за попов и погубят дело свободы; когда не хотели свергнуть самодержавие, говорили, что народ так чтит царя-батюшку, что грудью встанет на его защиту; не хотят сделать школу светской и говорят: народ возмутится. А суть дела в том, что верхи учительства теперь смотрят на все сквозь буржуазные очки и втайне считают, что религия нужна народу как узда.

Правда, на учредительном собрании Всероссийского учительского союза учительство почти единогласно высказывалось за светскую школу. Но с 1905 года много воды утекло. Россия за это время пережила полосу черной реакции. Лучшие силы учительства были изъяты из обращения. Правительство стало тщательнее подбирать

учителей. В то же время революция пятого года усилила влияние буржуазии на интеллигенцию. На учительство буржуазная пресса обратила особое внимание. Она одна обслуживала учительство, которое видело в ней противника ненавистного самодержавия. Социалисты центр тяжести видели в свержении самодержавия, а на вопросы школы обращали мало внимания. Учительство все больше и больше пропитывалось мировоззрением буржуазии, проникалось ее идеологией. По мере того как росло влияние буржуазии на учительство, оно отходило все больше от народных масс. И вот теперь, когда массы проснулись к сознательной жизни, оно заняло по отношению к ним враждебную позицию. Лучшие элементы учительства просто растерялись и ничего не понимали в развертывавшихся с необычайной быстротой событиях. Делегаты III съезда Советов единодушно отмечали, что сознательные учителя — редкость, что в массе своей они либо стали сперва на сторону буржуазии, либо просто не знали, что думать. Им часто непонятны даже те вопросы, которые теперь ставятся на сходах. Но вместе с тем делегаты указывали на самоотверженную работу учителей в школе. То, что учителя оказались политически неподготовленными, что они оказались под идейным влиянием буржуазии, их беда, а не их вина. Учительство — это распыленная демократия. Где ей, разъединенной, разбросанной по глухим углам земли русской, где ей, бедной знаниями, было бороться с идейным влиянием богатой, образованной, объединенной буржуазии, надевшей маску друзей народа, его доброжелателей. Но события учат, учат и учительство, и, может, не так далеко уже время, когда во взглядах учительства произойдет крутой перелом и оно станет, в своей массе, на сторону народа. Нужно только больше внимания к нему. Ведь по своему классовому положению учительство гораздо ближе к трудящимся, к эксплуатируемым, чем к эксплуататорам. Скоро в его ряды вольется рабочая и крестьянская сознательная интеллигенция и поможет ему сблизиться идейно с массами. Но пока что этой близости между учительством и массами еще нет. И потому учителя считают, что религия необходима для народа в качестве сдерживающего фактора, в качестве «узды».

Конечно, декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви крайне недовольно православное духовенство. Оно теряет свои привилегии, теряет связанные с ними доходы, теряет все материальные блага. И потому оно постарается использовать весь остаток своего влияния, чтобы отомстить народному рабочему и крестьянскому правительству за этот декрет. Оно торжественно поименно предаст анафеме народных комиссаров, оно изливает на них свою злобу, потому что чувствует, что песенка его спета.

Оно не отказалось бы служить и теперешнему правительству, если бы не понимало, что этому правительству не нужны его услуги. Рабочему и крестьянскому правительству нечего скрывать от народа: чем выше будет сознательность масс, тем прочнее будет положение этого правительства. Ему не нужно продажных слуг, ему не нужно затемнения масс, не нужна покорность масс, их рабское послушание, не нужно их смирение, готовность терпеть без конца. Народное правительство не собирается утешать массы посулами царства божьего на небе, оно хочет вместе с массами строить царство человеческой жизни здесь, на земле. И потому ему не нужны услуги церкви.

Народное рабочее и крестьянское правительство знает, что, провозглашая отделение церкви от государства и школы от церкви, оно создаст себе ярого врага в лице духовенства. Оно знает, что есть еще несознательные слои, которые смутит эта мера, что буржуазия и ее прислужники постараются воспользоваться этой несознательностью некоторой части трудящихся, чтобы восстановить их против теперешнего правительства. Но, будучи глубоко убеждено в необходимости этой меры, в необходимости отказаться от услуг церкви, народное правительство не отступило, не могло отступить перед изданием декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви.

1918 г.

К РЕФОРМЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

В «Правде» помещена статья А. Галкина, в которой он высказывает неудовольствие, что до сих пор среднее образование не сделано бесплатным. Он считает, что бесплатность среднего образования откроет доступ в среднюю школу рабочим массам. Это мера необходимая, но далеко не достаточная.

Главное препятствие, которое делает среднюю школу в теперешней ее форме недоступной для масс,— это ее книжность, оторванность от жизни. Ученик средней школы в течение ряда лет отучается от всякого производительного труда, готовится к карьере «интеллигента»: чиновника, врача, инженера, человека, предназначенного для привилегированного положения в обществе.

Сын крестьянина, рабочего, попав в среднюю школу, тем самым «выходит» из народа, отрывается от своей среды. Цель современной средней школы — создать кадры лиц, при помощи которых буржуазия могла бы управлять массами. И пока цель средней школы не будет изменена, пока цель эта будет воспитание бар, привилегированного слоя, до тех пор средняя школа будет чужда массам, будь она хоть совершенно бесплатна. Маркс указывал на то, что сделать современную среднюю школу бесплатной — значит преподнести буржуазной интеллигенции недурной подарочек из общественной казны. Как же должна быть преобразована средняя школа, чтобы быть общедоступной? В основу ее должен быть положен производительный труд, который должен быть тесно связан с обучением. Тогда средняя школа будет готовить не белоручек, а людей дела, тогда туда пойдут все. Что же это будет за школа? Какова ее программа?

Сколько будет уроков в ней отведено русскому языку? Сколько математике? Естествоведению?

Школ трудового типа пока еще очень мало. Они должны быть еще созданы. Опишу одну из них, существующую в Америке. Каждому из классов этой средней школы дается какое-нибудь практическое задание, блестящее выполнение которого служит наилучшим доказательством успешности работы учеников. Например, одному из классов средней школы дается задание — очистить город от грязи. И вот закипает работа. Ученики изучают причины, почему город затоплен грязью. Изучают почву, климат страны и пр. Затем теоретически изучают вопрос: где, какие меры применялись для очистки города от грязи. Изучают соответственные машины, их строение, делают чертежи. Определяют, какая машина наиболее применима для очистки данного города, причем им придется при этом составить точный план города, определить ширину улиц и пр. Когда найдено несколько наиболее подходящих типов машин, обсуждают финансовую сторону дела. Рассматривают бюджет города, всесторонне изучают его, определяют, какая сумма может быть затрачена на очистку города от грязи. Сообразно этой сумме составляют смету с точным указанием стоимости машин, наемного труда и пр. Городское самоуправление утверждает эту смету. Чтобы это было сделано, необходимо, чтобы смета была очень хорошо составлена и защищена. Когда город выдаст деньги — все дело ведут ученики самостоятельно, начинается покупка и выписка машин, забота об их установке, приведение их в действие, работа ими. Работа производится собственноручно самими учениками. Экзамен такой школы — жизнь. Если город в результате блестит чистотой, значит, ученики блестяще выполнили свое дело. Какую массу знаний приобретет ученик за этот год, знаний практических, необходимых в жизни! Какую громадную организационную работу придется проделать при этом 14—15-летним мальчикам. Им придется правильно распределить между собою труд, каждого поставить на свое место, определить, на что он годен. Цель ясна и определенна, и достижение ее дает удовлетворение, прибавляет уверенности в себе.

Какое громадное число аналогичных заданий может быть предложено различным классам средней школы и какую полезную работу они смогут выполнить. Это нечто другое, чем сидение на партах и зубрение бесконечных латинских грамматических правил... Громадная разница — создать даровую гимназию, оторванную от жизни, где так невыносимо томительно, что занятия должны поддерживаться лишь при помощи строжайшей дисциплины, или же создать полную жизни рабочую трудовую артель молодежи, одновременно и учащуюся и работающую. Новой России нужна школа американского типа.

1918 г.

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ДЕЛО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНЕ

Вопрос об организации всех сторон общественной жизни — один из самых насущных вопросов данного момента. Старая власть создала и поддерживала такие формы государственной организации общественной жизни (как, например, полицию, старое судопроизводство, церковь, классовую школу и пр.), которые организовывали жизнь так, как это было выгодно и удобно господствующему классу. Эти старые формы обеспечивали дворянству и буржуазии возможность классового господства, они были орудием этого господства. Само собой понятно, что, разрушая старую власть, революция разрушала и эти старые формы государственной организации. Буржуазия не видит иных форм государственных организаций, кроме тех, которые были созданы раньше господствующими классами в целях порабощения масс. Вот почему разрушение этих старых форм она называет анархией и отождествляет с уничтожением *всяких* форм государственной организации. Пролетариат смотрит на дело иначе. Он считает, что при социализме не нужна будет государственная организация общественной жизни, ибо эта жизнь будет так хорошо организована, что не будет надобности в особой принудительной организации. Но в переходный период диктатуры пролетариата государственная организация общественной жизни необходима более чем когда-либо. Только цель этой государственной организации иная: не порабощение масс, а создание условий для поднятия этих масс на тот уровень, который только и сделает возможным осуществление социализма.

В России Октябрьская революция поставила у власти пролетариат. Первыми шагами новой власти было

докончить разрушение тех форм государственной организации, которые служили орудием порабощения. И тут начался самый трудный период для пролетарской власти. Старое разрушено, а новое еще не создано, и создать его не так легко, потому что приходится находить совершенно новые формы жизни, идти новыми, неизведанными путями,— и все это при условиях неимоверно трудных, при господстве невероятной разрухи, в обстановке мировой войны, при отсутствии у масс самых элементарных знаний.

Но, несмотря на все эти трудности, дело народного просвещения уже пошло по определенному руслу и скоро отольется в определенные организационные формы, подсказанные самой жизнью.

Как только гнет самодержавия пал, рабочие бросились добывать себе знания. Понятно вполне, что деятельность рабочих была направлена прежде всего на область внешкольного образования. Каждый завод, каждая фабрика заводила у себя библиотеку, нанимала своего библиотекаря, заводила свою школу, свой клуб. Вся эта культурно-просветительная работа велась с большой энергией самими рабочими. То же самое наблюдалось и в деревне. Из Тверской губернии рассказывали, например, что там повсюду в деревнях отводят особые избы, куда неграмотные женщины, старики и прочие сходятся по вечерам и учатся читать и писать. Учат их не учителя, а свой брат-крестьянин, только более грамотный. Вообще приходится отметить, что интеллигенция, так много вздыхающая о невежестве народных масс, не пошла — не говорю об отдельных исключениях — навстречу этой стихийной тяге масс к знанию. И вполне понятно, что рабочие и крестьяне, оставленные одни, часто делали свое дело с большей затратой сил, чем это могло бы быть сделано, а сил было и так в обрез.

Может быть, сил бы хватило с избытком, если бы работа велась по определенному плану, в большом масштабе, а не тем кустарным способом, каким это происходило. Параллелизм в работе получался чудовищный. 10 фабрик, расположенных рядом друг с другом, вместо того чтобы завести одну богатую библиотеку со сведущим библиотекарем и его помощниками, заводили 10 плохоньких библиотек, каждая фабрика у себя, с

10 плоховатыми библиотекарями, каждый из которых вырабатывал каталог нужных рабочим книг, затрачивая на это уйму времени, и библиотека часто не пускалась в ход, пока библиотекарь обучался самоучкой библиотечному делу. Каждая организация — заводской комитет, профессиональный союз, кооператив, культурно-просветительная комиссия при управе центральной, при управе местной, при Совете, при комитете партии — работала в области внешкольного образования. В направлении работы не было существенной разницы, все делали одно и то же дело, но разрозненно, параллельно. Конечно, этот период кустарной работы был необходимой ступенью развития культурно-просветительного дела, ступенью, характерной особенностью которой было втягивание масс в активную работу над своим образованием. Следующей ступенью, однако, должно быть слияние всех этих бесчисленных культурно-просветительных ручейков в один могучий поток. Такое слияние есть настоятельная потребность момента. Новая планомерная работа должна, конечно, базироваться на активности самих рабочих, на их самодеятельности. Это должна быть планомерная работа, не насаждаемая сверху, а вырастающая с низов. В этом ее громадное значение, и этим план, выросший на почве самодеятельности масс, как небо от земли, отличается от плана, исходящего из недр министерских кабинетов.

Когда говорят о деле народного просвещения, то часто забывают, что и духовное освобождение рабочих может быть делом рук только самих рабочих, упускают из виду, что народные массы уже начали дело культурно-просветительного строительства, и задача центра — только помочь им делать начатое дело, только облегчить им эту работу, помочь создать формы, в которых эта работа была бы наиболее плодотворна. Комиссариат просвещения считает, что всякий план организации дела народного образования в стране только тогда будет целесообразен, когда он будет построен на вовлечении масс в просветительную работу. Комиссариат считает, что самый наилучший план организации тот, который отдает это дело *целиком в непосредственное* ведение населения. Поэтому Комиссариат просвещения полагает, что дело народного образования должно быть передано в руки осо-

бых советов народного образования, в которые входят делегаты всех тех организаций, которые посылают своих делегатов в местный Совет, с добавлением, в количестве не более одной трети, делегатов от учителей и учащихся. Но, учитывая то, что 1) создание советов народного образования — процесс длительный, что 2) должна быть организация, которая будет энергично работать над созданием этих советов народного образования, что 3) не всюду еще массы втянуты в достаточной мере в просветительную работу, Комиссариат просвещения, *как переходную форму*, считает возможным следующее: из членов местного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов выделяется коллегия, которая ведает делом народного образования и составляет советский отдел народного образования. Эта коллегия работает согласно инструкциям Комиссариата просвещения.

Первая же инструкция Комиссариата просвещения будет касаться вопроса о немедленном образовании при советских отделах народного образования советов народного образования, которые будут носить совещательный характер, но перед которыми должна делать постоянно доклады о своей деятельности коллегия отдела; причем выбранный общим собранием совета народного образования совещательный комитет является органом, с которым постоянно совещается коллегия отдела и который в случае, если он будет находить направление деятельности коллегии неправильным, может апеллировать как к Советам, так и к Комиссариату просвещения. Такая организация, обеспечивая, с одной стороны, непрерывность работы, тесно связывая ее с общей советской работой, в то же время находится под *непосредственным* контролем населения, втягивает население во все сложные вопросы просвещения. Но как контроль рабочих над производством есть переходная форма к тому, чтобы рабочие целиком взяли производство в свои руки, так и советские отделы народного образования, взятые под непосредственный контроль населения, являются переходной формой к такой организации, когда дело народного образования целиком перейдет в *непосредственное* заведование масс.

1918 г.

КОНТРОЛЬ СВЕРХУ И КОНТРОЛЬ СНИЗУ В ДЕЛЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Школа — учреждение общественное и потому должна быть учреждением подконтрольным. Нельзя предоставить учителю полную автономию в деле формирования будущих граждан. Может попасться учитель, который будет только калечить душу ребенка. Это не исключительный случай, такие факты встречаются на каждом шагу. Нужен контроль над его деятельностью. Это истина, не требующая доказательства, и если некоторые учителя говорят об автономии школы, подразумевая под этим свободу учителя от всякого контроля, то это, конечно, простой плод недомыслия или реакция против тех форм контроля, которые практиковало царское правительство. Тогда контроль осуществлялся через полицию, батюшек, инспекторов. Полиция следила за благонадежностью учителей, батюшки — за выполнением ими церковных обрядов и надлежащей покорностью сильным мира, инспектора — за всем этим и только отчасти за преподаванием. Причем под надзором за преподаванием разумелось нечто весьма растяжимое, в большинстве случаев он сводился к требованию, чтобы учителя подделывались под вкус инспектора. Один требовал мертвой тишины в классе, другой — громких ответов, у третьего был конек — устный счет, у четвертого — прямое письмо и т. д. При всей своей стеснительности для учителей, вынужденных подлаживаться к произвольным требованиям инспектора, контроль этот был мало действителен. Урок при инспекторе — нечто иное, чем урок без инспектора. Показное отношение к ученикам и действительное отношение часто весьма различны. У умеющих показать товар лицом учите-

лей есть особо разученные уроки на случай приезда инспектора.

В Советской республике контроль над преподаванием нужен не меньше, чем при царском правительстве. Но к нему можно идти двумя путями: один путь — это насадить побольше комиссаров по просвещению, комиссаров, стоящих на точке зрения Советской власти, и предоставить им хозяйничать так, как им заблагорассудится. Из этого, конечно, ничего хорошего не выйдет. Комиссары будут такими же чиновниками, какими раньше были инспектора.

Но можно организовать контроль иначе. Это контроль самого населения. Конечно, организовать этот контроль гораздо труднее, чем назначить известное число инспекторов, но зато контроль населения — единственно целесообразный, действительный контроль. Приведу пример из смежной области. Возьмем охрану детей от эксплуатации в школьном возрасте. Охрана их труда через инспекцию возможна только с грехом пополам на крупных заводах; в мелких же предприятиях, в торговле, в домашней промышленности сама фабричная инспекция признает себя совершенно бессильной. В Германии прибегли в этом случае к контролю населения. Там есть комиссии охраны детского труда. В эти комиссии может записаться всякий желающий. Записавшийся получает особый билет, который дает ему право вмешиваться в каждый случай эксплуатации детского труда и направлять дело к инспектору. Можно укрыться от инспектора, приезжающего раз в месяц или в неделю, но нельзя укрыться от сотни глаз постоянно живущих бок о бок соседей. То же и в школьном деле. Только дело это более тонкое, требует большей подготовки, большего внимания. Чтобы население могло осуществлять действительный контроль, надо втянуть его во все вопросы школьной организации, во все вопросы школьного дела, во все вопросы воспитания. Как это сделать?

Конечно, путем пропаганды и агитации, устной и письменной, но также и путем особой организации населения, вводящей его в курс школьного дела.

По мнению Комиссариата просвещения, надо организовать население в особые советы народного образования. Эти советы народного образования составляются из делегатов от всех тех организаций, которые посылают своих

представителей в местный Совет. В количестве одной трети к ним добавляются представители от учащих и учащихся. Составленный таким образом совет народного образования собирается приблизительно раз в месяц, но не реже раза в три месяца. Перед этим советом отчитывается народный комиссар, на этом совете обсуждаются всесторонне все вопросы, касающиеся воспитания и образования. Так как собрание делегатское, то каждый делегат обязан делать доклады в своей организации о происходящем в советах народного образования.

Таким образом в населении будет пробуждаться интерес ко всем этим вопросам, а систематическое обсуждение всех больных вопросов образования сделает население способным к контролю. Пробудить интерес к этим вопросам в массах очень легко теперь. У масс наблюдается теперь какая-то стихийная неудержная тяга к знанию, и это понятно. Массы ужасно остро, ужасно мучительно чувствуют именно теперь, когда они стали хозяевами жизни, свою темноту и невежество. Массы понимают, что мало отнять у буржуазии ее материальные богатства, нужно отнять у нее то, что составляло до сих пор ее главную силу — монополию знания. Народ сознает, что только тогда освободится от власти буржуазии, когда станет столько же знающим, как она. И потому рабочие и крестьяне, несомненно, горячо отнесутся к советам народного образования как средству научиться, как брать — и брать организованно — необходимое им знание.

Советы народного образования должны быть органами совещательными. Только выслушав население, только узнав его точку зрения на данный вопрос, может отдел народного образования (или комиссариат) взять правильную линию. Отделу народного образования необходимо еще и потому совещаться с советами народного образования, что только тогда, когда его линия соответствует желаниям и потребностям населения, его начинания могут быть проведены в жизнь и привиться. Только поняв, оценив эти начинания, население будет пристально следить за их выполнением.

Непосредственным органом контроля ведения дела народного образования на местах, в школах, являются родительские комитеты. В теперешней своей форме они не на высоте задачи. Во-первых, потому, что в состав коми-

тета входят не все родители, часто туда не входят наиболее сознательные рабочие, занятые разными общественными должностями и считающие участие в родительском комитете делом второстепенным. Надо всячески будить в массах сознание необходимости участия в правильной постановке школьного дела. Надо сделать участие в родительских комитетах обязательным. Во-вторых, мало знакомые с вопросами воспитания и образования родители часто не могут ничего возразить учителю, односторонне и неправильно освещающему вопрос. Чтобы этого не было, надо опять-таки поднять уровень знаний родителей в этом деле и дать право родителям приводить с собой с совещательным голосом сведущих людей. Наконец, необходимо, чтобы и родители и учителя не чувствовали себя зависимыми друг от друга, так как только тогда возможен свободный обмен мнениями. Надо точно определить круг прав учителя и родителей, ибо без этого будет нарушение правильного хода школьного дела.

Высшими органами контроля должны быть советы народного образования. Они необходимы также как орган контроля деятельности комиссаров. Царское правительство годами воспитывало население в духе работы безответственной, и потому существует опасность, что члены советских отделов народного образования (или комиссариатов) могут иногда повести работу по старому типу. Ждать контроля действительного в настоящее время от Советов трудно. Они завалены массой работы, и посвящать столько времени, сколько надо, чтобы контролировать серьезно работу отделов народного образования, они не смогут. Другое дело, если к ним будут апеллировать время от времени контрольные комитеты, избираемые из среды советов народного образования в тех случаях, когда они не согласны с деятельностью отдела народного образования. Тогда Совет будет обсуждать суть разногласия и давать принципиальное решение. Контрольные комитеты могут апеллировать непосредственно и в Комиссариат просвещения.

Очень многие считают советы народного образования неподходящей формой организации.

Главное возражение — это то, что советы народного образования будут якобы органами, параллельными Со-

ветам, как бы конкурирующими с ними. Это возражение несостоятельно. Во-первых, эти советы народного образования будут созываться для определенной цели, совершенно иной, чем та, для которой созываются Советы.

Советы народного образования будут заниматься *только* делом народного образования. Они будут под политическим контролем общих Советов, будут зависимы от них в бюджетном отношении. Это будут только контрольные органы. Чего же бояться тут Советам? Некоторые товарищи, понимающие дело слишком упрощенно, говорят так: Совет — выборное учреждение, он истинный выразитель масс, он и должен все делать, другие организации излишни, они могут быть терпимы более или менее, но они не нужны. Говорить так — значит не понимать сущности Советской власти. Худший враг Советской власти мог бы только пожелать, чтобы Советы не опирались на целую сеть самых разнообразных организаций, охватывающих все население до самых низов, втягивающих в активное строительство жизни каждого пролетария, каждого крестьянина, а оставались бы одинокими, исполняющими всю работу и сводящими массы к роли пассивных подданных Советской власти. Советы только тогда укрепятся, когда поймут, что их сила в том, чтобы создать многочисленные формы активной работы для масс. Советская власть заинтересована в том, чтобы создать организации массовые, работающие над делом народного образования. Не мешать Советам, не конкурировать с ними будут советы народного образования, а укреплять их власть...

1918 г.

ШКОЛА И ГОСУДАРСТВО

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Буржуазия сделала из школы орудие классового господства. Программы школы, метод преподавания, школьная дисциплина, словом, весь дух школы были таковы, что воспитывали из ученика, сына рабочего или крестьянина, человека, привыкшего беспрекословно повиноваться воле всякого начальства, точно исполнять приказания и считать существующий буржуазный порядок чем-то незыблемым и неизменным, установленным самим господом богом.

Вот почему Маркс стремился освободить школу от ее подчиненности государству. Он хотел выбить это орудие духовного порабощения народа из рук классового врага пролетариата — буржуазии. Хотел, чтобы школа была тем, чем она должна быть — содействием всестороннему развитию свободного человека.

Перечисляя заслуги Парижской Коммуны, Маркс в числе ее заслуг считает и то, что «все учебные заведения стали бесплатными для всех и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью» [1].

Тут имеется в виду *административное* вмешательство государства.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 313.

Законодательное вмешательство государства Маркс признавал. В одной из резолюций Женевского международного конгресса 1866 г., составленной Марксом, говорится: «Рабочий не свободен в своих действиях. В очень многих случаях он даже слишком невежествен, чтобы правильно понимать интересы своего ребенка или нормальные условия человеческого развития. Как бы то ни было — наиболее просвещенная часть рабочего класса вполне сознает, что будущее его класса, следовательно человечества, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения. Она знает, что прежде всего дети и подростки должны быть ограждены от разрушительного действия современной системы производства. Это может быть достигнуто лишь путем превращения *общественного сознания* в *общественную силу*, а при данных условиях этого можно добиться только посредством *общих законов*, к соблюдению которых принуждает государственная власть» [1].

Итак, в данную эпоху Маркс считает необходимым законодательство государственное, подчеркивая, что это законодательство государством необходимо лишь при данных условиях. В связи со взглядом Маркса на государство ясно, что он под этим подразумевает, что, когда сознательность, организованность и солидарность рабочих достигнут такой высоты, что не будет надобности ни в каком регулировании извне, тогда *условия будут иные*, не будет надобности в государственных законоположениях и само государство постепенно отомрет. Но это еще далекое будущее. А пока за государством остается право и обязанность регулировать законодательным путем постановку школьного дела.

Свою точку зрения на соотношение школы и государства Маркс формулировал с достаточной определенностью в «Критике Готской программы»:

«Никуда не годится *«народное образование, находящееся в руках государства»*. Определять общим законом расходы на народные школы, квалификацию преподавательского персонала, программу обучения и т. д. и наблюдать при посредстве государственных инспекторов, как это делается в Соединенных Штатах, за соблюдением

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 199.

этих предписаний закона,— нечто совсем иное, чем назначить государство воспитателем народа. Следует, наоборот, отстранить как правительство, так в равной мере и церковь от всякого влияния на школу. В современной Прусско-германской империи... государство, наоборот, само нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа» [1].

Таковы взгляды Маркса на отношение между государством и школой.

Но скажут, может быть: рассуждения Маркса относятся к государству буржуазному, а к государству народному, Советскому, все это не относится.

Свергая буржуазию, пролетариат стремится освободить не только себя, но и все человечество. Диктатура пролетариата имеет целью сломить классовое господство буржуазии, сломить, где надо, силою, разрушить все формы порабощения, но никоим образом не к тому, чтобы создать новое классовое господство. Это основная истина социализма, которую всегда имел в виду Маркс и которой руководится и будет руководиться в своей деятельности Комиссариат просвещения.

О том, что и как он считает нужным сделать, чтобы превратить школу из орудия классового угнетения в орудие духовного освобождения,— об этом в следующий раз.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

В заседании Генерального Совета Интернационала от 14 августа 1869 г. Маркс отстаивал необходимость оградить народное образование от административного вмешательства государства, считал это вполне осуществимым, в пример чего приводил Северо-Американские Соединенные Штаты.

На постановку дела народного образования в Соединенных Штатах Америки оказал особенно сильное влияние один из видных борцов против рабства — Горас Манн. Страстный демократ и республиканец, он старался провести в жизнь идею административного невмешательства государства в дело народного образования. По его мысли, не должно было даже быть никакого центрального адми-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 285.

нистративного аппарата, каким в Европе является министерство народного просвещения. 20 апреля 1837 г. Горас Манн в качестве президента сената штата Массачусетс подписал акт об учреждении Бюро образования. Бюро образования не могло «распоряжаться», «предписывать», оно могло лишь обсуждать вопросы, выражать свое мнение, высказывать пожелания. Задача его была вносить дух единства в дело народного образования, всячески содействовать его развитию и пр. Но содействие это должно было быть чисто идейным. С полным сознанием того, что он делает, Манн не дал в руки Бюро образования никакой административной власти.

Манн был назначен секретарем Бюро образования и своей деятельностью показал, какое громадное значение на всю постановку дела может иметь такое бюро, хотя бы оно и не имело права приказывать. До сих пор на народном образовании Соединенных Американских Штатов лежит печать идей Гораса Манна. Он проложил русло, по которому пошло на долгое время это дело.

Бюро начало с изучения дела, стало собирать сведения о материальном и моральном состоянии школ. Для содействия делу народного образования Манн обратился к населению. Из города в город, из деревни в деревню он объехал все 14 округов штата Массачусетс, всюду говорил речи, читал доклады, объяснял, какие реформы нужны для дела народного образования. Часто аудитория была почти пуста, так мало интереса проявляло население к этому вопросу. «Если где-либо,— шутя говорил Манн,— соберется толпа заговорщиков, полиции незачем вмешиваться: достаточно заявить, что тут сейчас будет читаться педагогическая лекция, все разбегутся моментально». Но Манн не падал духом.

Вместо того чтобы писать циркуляры, рассылать предписания, он продолжал убеждать. С 1838 г. он стал издавать журнал «Общественная школа» («Common School Journal»), где развивал свою точку зрения на воспитание и обучение. Этот журнал положил начало ряду педагогических журналов, столь распространенных теперь в Америке.

Но главное, чем старался воздействовать Манн на общественное мнение,— это распространением отчетов Бюро образования. Бюро рассылало опросные листы,

устраивало анкеты, получало массу отчетов с мест и было, благодаря этому, прекрасно осведомлено о положении школьного дела в стране. Отчеты бюро, полные знания дела, представляли собой обращение к народу, своего рода манифесты. В них говорилось о значении образования, о необходимости реформ в этой области. Каждый отчет печатался в 20 тысячах экземпляров и рассылался бесплатно по всей стране. Эти отчеты читались в самых глухих деревнях. Отчеты выходили часто и в общем составляли тысячи страниц.

В конце концов Манну удалось пробудить интерес к школе.

Удалось ему убедить население в необходимости светскости обучения. В 1849 г. был проведен закон о светскости школы. Эта реформа стоила немалой борьбы. Против нее были многочисленные сектанты, каждая секта отстаивала свое право делать из школы орудие пропаганды своих религиозных взглядов, против реформы были книгопродавцы, которые теряли возможность сбыта старых учебников, против были многие учителя, привыкшие к тому, чтобы зубрение библейских изречений и псалмов составляло главное содержание преподавания. Манн, борясь за светскую школу, говорил: «Есть совы, которые, чтобы приспособить вселенную к своим слепым глазам, хотели бы, чтобы солнце знания никогда не взошло».

Манн хотел совместного воспитания. Источник знания должен быть через посредство школы одинаково открыт для всего населения, одинаково для мужчин и женщин.

Манн понимал, как важна для правильной постановки дела наличность умелых и подготовленных учителей. Он создал несколько учительских семинарий (нормальных школ), в том числе одну женскую. Провел устройство еженедельных лекций для учителей и учительниц, устройство образцовой школы в Бостоне; настаивал на возможно более частых съездах и собраниях учащих, добился устройства летних курсов для учителей.

Школа, по идее Манна, должна стать центром умственной жизни. Чтобы она стала таковым, необходимо, чтобы школа хорошо была снабжена книгами, которыми могли бы пользоваться не только дети, но и их родители. Книги привлекут к школе не только молодежь, но и лю-

дей зрелого возраста. Школа дает лишь ключ к знанию. Знание же можно почерпать из книг.

«Если бы моя воля,— часто говорил Манн,— я бы всю землю засеял книгами, как борозды засевают зерном».

В 1842 г. палата депутатов вотировала субсидию школьным библиотекам.

«Знания, сообщаемые народу,— писал Горас Манн,— создают необходимость давать их ему всё в большем количестве. Знание пробуждает в народе новые силы: надо регулировать эту интеллектуальную и моральную энергию. Дело идет тут не о механических силах, которые, будучи пущены в ход, сделают свое дело и остановятся; нет, это силы духовные, обладающие своей собственной жизнью и развитием, их ничто не в силах остановить».

Идея Манна пустила глубокие корни в Америке. Там до сих пор нет министерства народного просвещения в европейском смысле слова. И, несмотря на это или именно благодаря этому, американская школа много выше европейской. В американской школе сын поденщика и сын Рузвельта сидят на одной скамье, это школа совместного воспитания, школа, приближающаяся к типу единой... Конечно, она далека от идеала, ибо существует она в империалистической стране и капитал кладет на нее свою грязную лапу, но американская школа лучше несравненно сословной, классовой школы Европы, цель которой — духовное порабощение трудящихся масс.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

Маркс считал, что школа не должна быть орудием классового господства, и отрицал право государства путем административного вмешательства регулировать жизнь школы (см. статью первую.— *Прим. автора*). В тогдашней американской школе он видел наглядный пример того, как хорошо идет дело, если «государство» не стремится наложить свою руку на свободное развитие школы.

Вопрос об административном невмешательстве государства в дела школы — вопрос старый, возникновение его относится к периоду Великой французской революции. Наряду с провозглашением «прав человека и гражданина» революция провозгласила право каждого на обра-

зование. Как сделать это право реальным,— этого вопроса не разрешила Французская революция. Деятели ее постоянно переходили от одного проекта плана народного образования к другому, прямо противоположному, и сегодня отменяли то, что было принято вчера. 20 сентября 1792 г. Конвент рассматривал проект Кондорсэ и отверг его. Главной причиной, почему Конвент отверг проект Кондорсэ, было то, что Кондорсэ требовал, чтобы школа была независима от государственного вмешательства. Но Кондорсэ не требовал абсолютной независимости, он хотел только, чтобы не было административного вмешательства, а дело народного образования зависело непосредственно от собрания народных представителей: из всех государственных властей, по его мнению, эта власть менее всего испорчена, менее всего руководствуется частными интересами, более всего доступна влиянию коллективного мнения просвещенных людей. Представляя собою власть, от которой исходят главным образом все изменения, она, благодаря этому, является наименее враждебной прогрессу, просвещению, наименее противится улучшениям, которые должны повлечь за собой этот прогресс. Признавая, с одной стороны, целиком власть законодательного корпуса в деле народного образования, Кондорсэ считал необходимым, с другой стороны, поставить учительство под контроль населения. По плану Кондорсэ, окружной образовательный институт намечает список народных учителей. Собрание отцов семей округа, в котором находится школа, избирает учителя из числа выставленных кандидатов.

Непризнание права административного вмешательства центральной власти показалось большинству Конвента преступлением против только что провозглашенной республики, желанием умалить ее прерогативы. Проект Кондорсэ был объявлен изменническим. Сторонник Кондорсэ, Дону, защищая Кондорсэ, утверждал, что Кондорсэ хотел защитить своим проектом общественное образование от опасного вмешательства монархии; создавая из учащих автономную корпорацию, Кондорсэ, враг королей, хотел бросить на чашу весов общественных властей еще один противовес против королевской власти. Говоря так в целях защиты Кондорсэ, Дону уклонялся, однако, от истины. Кондорсэ был врагом королей, сторонником Горы, но

все же основная мысль его та, что наука и образование должны быть свободны от вмешательства *всякой* власти, в том числе и республиканской.

Конвент до известной степени был прав в том отношении, что в силу того, что до тех пор, пока знание было привилегией господствующих классов, автономия учительской корпорации означала бы автономию кадра лиц из привилегированных, лиц, в большинстве своем враждебных республике. Это Кондорсэ упускал из виду, но он был прав, говоря, что административное вмешательство в школьное преподавание — явление крайне нежелательное. Опыт Западной Европы, которая при помощи такого вмешательства сделала из школы орудие духовного порабощения масс, как нельзя лучше подтвердил правильность точки зрения Кондорсэ на эту сторону дела.

Но ведь у нас диктатура пролетариата и крестьянства, скажут иные, а соображения Кондорсэ, Гораса Манна, Маркса относятся лишь к периоду господства буржуазии и совершенно не относятся к теперешнему времени.

Говорящие это товарищи по настроению близки к членам Конвента, отвергнувшим проект Кондорсэ. Эти товарищи исходят из того факта, что теперешнее учительство осталось в наследие от старого режима, подобрано определенным образом царским правительством, и потому эти товарищи боятся оставить его без бдительного надзора. Они упускают из виду, что под влиянием коренным образом изменившихся условий общественной жизни меняется и учитель. Раньше он стоял под надзором урядника, попа, помещика. Теперь ему нечего бояться их. Народный Комиссариат по просвещению отменил институт инспекторов.

Находившийся раньше под влиянием, с одной стороны, правительственной, с другой — кадетской пропаганды, учитель встретил рабочее и крестьянское правительство недоброжелательно.

Но мало-помалу он начинает разбираться в событиях и сближаться с населением. В рядах учительской молодежи, особенно среди учителей народных школ, идет усиленная работа мысли, идет внутренняя ломка. Наблюдается несомненный духовный рост учительства народных школ, и только сравнительно небольшая часть не захва-

чена новыми веяниями. Эта часть безнадежна, и ей не место в новой школе. Другая же часть быстро учится.

Буржуазия создала школу классовую: для крестьянских и рабочих масс — так называемую «народную школу», для привилегированных классов — школу среднюю и высшую. Народная школа воспитывала тех, кем будут править, кого будут эксплуатировать. Она учила их смирению, рабскому послушанию, исполнительности, бросала им лишь крохи знания, старалась сделать из них верных слуг буржуазии. Школа средняя и высшая не готовила к физическому труду, который не к лицу белой кости, а давала лишь отвлеченные знания, готовила к интеллигентской карьере, к тому, чтобы эксплуатировать и править. Пролетариат, стремясь уничтожить разделение на эксплуатируемых и эксплуататоров, подчиненных и командующих, хочет школы единой по цели, единой по духу, хочет, чтобы она была в одинаковой мере, не юридически только, а на деле, доступна для всех, чтобы это не была школа, воспитывающая или «рабочие руки», или бар и чиновников, а школа, где бы каждый учился труду одинаково, как физическому, так и умственному, где бы он учился быть хозяином жизни, творцом ее.

Создать такую школу можно лишь совместными усилиями учителя и пролетариата.

1918 г.

УЧИТЕЛЬ И НАСЕЛЕНИЕ

«Каков учитель, такова и школа» — эту истину прекрасно знало самодержавие и поэтому обращало самое тщательное внимание на подбор учителей.

Кадры народных учителей подготовлялись главным образом в учительских семинариях, цель которых была выработать из учеников верных слуг самодержавия, которые служили бы ему не за страх, а за совесть. Семинария не расширяла горизонт учеников, не давала им тех знаний, которые могли бы осветить для них смысл всей окружающей жизни. Из семинарий выходили учителя, которые могли, может быть, учить ребят грамоте, грамматике, славянскому чтению, но не могли внести свет знания в их глухие углы, где им приходилось учительствовать и где население так безысходно мучилось своей темнотой. Без газет, без книг они забывали часто и то, чему учились в семинарии. Это была не вина их, а беда их.

Как огня, боялось правительство «неблагонадежных» учителей. От всякого учителя требовалось представление свидетельства о благонадежности, выдававшегося полицией. Но, не доверяя вполне проницательности полиции, правительство устраивало надзор за каждым шагом учителя. Инспектор выспрашивал учеников, стараясь косвенно выпытать у них, не проходили ли они чего сверх программы, не говорил ли учитель чего-нибудь недозволенного. Кроме инспектора, следил за учителем батюшка, наблюдая, достаточно ли неуклонно исполняет учитель все церковные обряды, не вольнодумец ли он; присматривал урядник, и присматривал богатей, смотрел, достаточно ли почтителен учитель к начальству и сильным

мира сего, не водится ли с беднотой и не слушает ли голытьбу.

Положение учителя было прочно только тогда, когда у него была «рука». И учитель стремился снискать покровительство помещика, попа, урядника. Сближение с этими лицами, которое диктовало ему чувство самосохранения, отдаляло его от народных масс, вырывало между ними пропасть.

В былые времена народники, а затем народовольцы ходили в народ, и учительствование было одним из способов сближения революционной интеллигенции с народом. Этого сближения страшно боялось правительство, старалось всячески помешать ему. Достаточно было учителю получить влияние в селе или деревне, чтобы его под тем или другим предлогом переводили на новое место.

Правительство стремилось сделать учителя чуждым народу. Долгое время это плохо удавалось. Но после 1906 г. началась основательная чистка среди учителей, тысячи их пошли в ссылку, а оставшуюся часть постарались всячески «обработать». И то, что не смогло сделать самодержавие — воздвигнуть стену между учителем и народом,— помогла самодержавию сделать буржуазия. Педагогические журналы, проникавшие в учительскую среду, вливали понемногу в учительские массы яд кадетского мировоззрения, приучали смотреть на все сквозь кадетско-либеральные очки, и это более чем что-либо другое сделало народного учителя чуждым населению. Сплочение учителей во Всероссийский учительский союз не помогло делу в этом отношении, а еще ухудшило его, так как во главе союза стали люди, по сути дела враждебные левым течениям, близким народу. Учительский совет[1] получил особо сильное влияние благодаря распыленности учительских масс, не дававшей им возможности противостоять влиянию совета. Совет же старался всеми силами поддерживать в массах кадетское, правое настроение.

Пришла революция и обнаружила всю ту пропасть, которая образовалась между учительством и народом. Учительство не чувствовало совершавшегося духовного пробуждения масс, это пробуждение не радовало его, а

[1] Совет Всероссийского учительского союза (ВУСа).— *Ред.*

пугало. На III съезде Советов, на секции по народному образованию, делегаты рассказывали, как во время выборов в Учредительное собрание учителя призывали через детей голосовать за кадетов, как выговаривали ученикам за то, что их родители подавали голоса за левые партии. Рассказывали, как мало развиты учителя во многих местах и совершенно не понимают тех вопросов, которые теперь так страстно обсуждаются на сходах.

Если Февральская революция вызвала в учительстве мало сочувствия, то Октябрьская была встречена ими крайне враждебно, и в очень значительном количестве мест начался учительский саботаж, школы стали, учителя и дети сидели по домам. Но саботаж, принеся громадный вред делу народного просвещения, не мог повернуть назад колесо истории. Саботаж сломлен, и среди народных учителей начало меняться настроение.

По существу дела народный учитель близок народной среде, в большинстве случаев он связан с нею тысячами нитей, и пропасть между учительством и народом была вырыта искусственно, с определенной целью. Новые условия засыпают эту пропасть, и надо создать такие формы совместной работы учителей с населением, которые положили бы конец этой противоестественной розни. Вернувшиеся с фронта учителя, растолковывающие и крестьянам и учителям истинное положение дел, способствуют сближению их. В этом сближении — залог процветания школы, залог поднятия путем общей энергичной работы культурного уровня страны, залог лучшего будущего; в нем же залог возрождения учительства, роль которого может стать почетной и славной.

1918 г.

УЧИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ И СОЮЗ УЧИТЕЛЕЙ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

Царское правительство подбирало учителей, которые бы служили ему не за страх, а за совесть. Оно ссылало и сажало в тюрьму учителей-социалистов. Социалист мог попасть в учителя лишь контрабандой, скрывая свои убеждения. Громадное большинство учительского персонала ничего общего с социализмом не имело.

Однако, поскольку дело идет об учителях начальных школ, большинство их было настроено демократически. Принадлежа большею частью по своему происхождению к крестьянству или рабочему классу, учитель народной школы жил в той же обстановке, как и народные массы, близко наблюдал их жизнь и был тесно связан с ней. Понятно, что и по настроению он был более близок к массам. Однако у него не было достаточно знаний — учительская семинария умышленно давала ему лишь крохи знания, да и то фальсифицированного,— и он не мог самостоятельно разобраться в вихре текущих событий.

До учителя пресса социалистическая не доходила, доходила лишь пресса правительственная, черносотенная, пресса либеральная, кадетская. Последняя знакомила учителя с новыми течениями педагогической мысли, и учитель привык с негодованием относиться к прессе правительственной и сочувственно к прессе либеральной, кадетской. Еще с бо́льшим доверием относились к ней учителя средней школы, ближе стоящие к правящим классам. Вполне понятно, что учительские массы, привыкшие доверять либеральной прессе в делах школьных, педагогических, не сумели ничего противопоставить кадетской клевете на большевиков. На события они смотрели долгое время сквозь кадетские очки. Вот по-

чему в Совет Всероссийского учительского союза они выбрали людей, определенно враждебно настроенных по отношению к Советской власти. Это было в апреле 1917 г. Но с тех пор много воды утекло; учительские массы не могли оставаться в стороне от жизни и увидали многое, чего не видали и не понимали раньше. Настроение, враждебное Советской власти, в массах учителей начальных школ стало меняться; учительство стало представлять собою почву, богатую для посева на ней социалистических идей.

Союз учителей-интернационалистов представляет собою ту группу среди учителей, которая ведет среди учительства пропаганду социализма и интернационализма. И поскольку эта группа выполняет эту роль, она является весьма ценной.

Каково же наше отношение к Всероссийскому учительскому союзу и к учителям-интернационалистам?

Сейчас Всероссийский учительский союз занимает по отношению к Советской власти определенную враждебную позицию, опираясь при этом на худшие элементы учительства, оставшиеся в наследство от старого режима. И поскольку ВУС стоит на этой точке зрения, комиссариат не может вести с ним никакой работы, даже на почве чисто экономических вопросов.

У местных учительских союзов в очень многих местах отношение к Советской власти уже совершенно иное, чем у Всероссийского учительского союза. Учителя стали понимать, что не мешать строить новую жизнь массам надо учительству, а помогать этому строительству, принимать в нем самое активное участие. К таким союзам и отношение Советской власти совершенно иное. Советская власть ценит профессиональные союзы учителей, так как понимает, какое громадное значение может иметь коллективная работа учителей над созданием новой школы. Она заинтересована в том, чтобы эти профессиональные учительские союзы ширились и крепли и развивали самую энергичную деятельность. Союз учителей-интернационалистов может помочь учительству выйти на широкую дорогу сотрудничества с Советской властью.

Но может он сделать это только тогда, если будет существовать на положении группы внутри общего профес-

сионального союза учителей. (Такие группы всегда существовали в учительском союзе. После последнего съезда образовалась, например, внутри учительского союза группа учителей социал-демократов.) Это, конечно, затрудняется тем фактом, что вожди Всероссийского учительского союза сделали все, чтобы натравить на учителей-большевиков всю массу учительства. Были случаи исключения учителей из учительского союза за их принадлежность к большевизму. Конечно, это заставило Советскую власть взять под свою защиту травимых и поддержать объединение учителей-интернационалистов. Это было вполне нормально.

Но не следует становиться на путь противополагания учителей-интернационалистов всем другим учителям, на путь предоставления им особых, исключительных привилегий. Это может очень затруднить пропаганду интернационалистских идей среди учительства, пробуждая недоверие к интернационалистам, создавая отчужденность между ними и остальным учительством. Было бы громадной ошибкой, если бы учителей-интернационалистов брали, например, на учительские должности, не принимая во внимание их педагогической подготовленности, или если бы учителей-интернационалистов ставили бы какими-то оценщиками пригодности других учителей, цензорами над их политическими взглядами. Это был бы моральный крах организации учителей-интернационалистов. Это превратило бы их в группу, к которой ради материальных интересов примазывались бы всякого рода беспринципные субъекты, ищущие теплого местечка. Эти люди вконец подорвали бы авторитет учителей-интернационалистов, скомпрометировали бы их идеи, опошлили бы их.

Но учителя-интернационалисты, надо думать, понимают это и на своем съезде сконструируются как идейная группа, никакими особыми привилегиями не пользующаяся, группа, которой суждено будет тогда сыграть крупную роль в духовном возрождении, в духовном подъеме всероссийского учительства.

1918 г.

СТРАННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Когда читаешь «Новую жизнь», диву даешься психологии людей, пишущих в ней. Многие из ее сотрудников — марксисты, несомненно, интернационалисты, но при чтении их статей невольно хочется спросить словами Некрасова: «Как дошла ты до жизни такой?!» Потому что не может быть для социалиста, для марксиста большего падения, как стараться собственными руками укрепить позицию своих классовых врагов и подорвать, ослабить позицию взявшего в свои руки власть рабочего класса. Новожизненцы — люди неглупые, но люди без чувства перспективы, не видящие того, что видит теперь всякий, «даже не учившийся в семинарии», а именно, что идет борьба не на жизнь, а на смерть между сторонниками старого, буржуазного строя и между сторонниками нового, зарождающегося строя социалистического. Спросите новожизненца, хочет ли он, чтобы Скоропадские и К° наложили свою руку на рабочий класс и крестьянство, хотят ли они отдать пробудившиеся народные массы в кабалу старым господам, они совершенно искренне скажут, что нет. Но того, что, если будет погублена сторонниками буржуазного строя Советская республика, народ будет скручен в бараний рог, они видеть не хотят. И вот в ту минуту, когда дело идет о жизни и смерти, когда, вступив в ряды работников Советской республики, они могли бы помочь ей, эти бывшие люди ведут бесконечные рассуждения на тему «Веревка вещь какая?» и стараются доказать, что Советская республика не та веревка, которой можно вытащить из ада империализма гибнущую Россию. Не так-де она сплетена, и по сему

случаю они помогают буржуазии перервать эту веревку изо всех своих слабых силенок. И потому нет такого несчастья для страны, нет такого поражения Советской республики, по поводу которого «Новая жизнь» не ликовала бы, нет той самой грязной клеветы, которую, захлебываясь, не распространяла бы эта «глашательница» истины.

Статья Евг. Рудневой «Учителя-интернационалисты и учительский съезд», помещенная в «Новой жизни» от 15 июня, в высшей степени характерна для этой газеты. Год тому назад Евг. Руднева, сколько помнится, была интернационалисткой. Тогда я встречала ее в группе учителей социал-демократов, и тогда я не помню, чтобы между нами были разногласия относительно того, что обязанность учителей социал-демократов интернационалистов — вести самую энергичную пропаганду против той проповеди шовинизма, которую вели господа Золотаревы и К°, против их растлевающего влияния на учительские массы. Тогда об этом спору не было. Но с тех пор много воды утекло, и у многих тогдашних социал-демократов бесследно пропала их классовая точка зрения на вещи. Черное для них стало белым, кадетская линия милой, единственно правильной. Евг. Руднева в своей статье ни словом не обмолвилась о том, куда ведут учительство, эту распыленную демократию, организованные кадетские верхи. Очевидно, они ведут его туда, куда этого хочет Евг. Руднева, иначе она хоть словом бы обмолвилась, что школа, например, не должна быть национальной, как то предлагают все буржуазные педагоги, как это предлагал Вахтеров. О сути дела Евг. Руднева молчит и всячески расхваливает «деловую атмосферу» съезда, совершившего благотворную большую работу. Зато с глубоким негодованием говорит она об учителях-интернационалистах, посмевших выступать на съезде от имени союза этих учителей. По ее словам, учителей-интернационалистов небольшая горсточка, и учительская среда прочно забронирована от влияния интернационализма.

И бывшая интернационалистка неописуемо этому рада. Да здравствуют кадетские лидеры учительства и иже с ними и долой калифов на час, большевиков, на деле доказавших свой интернационализм!

Евг. Руднева что-то слыхала о моем несогласии с тактикой тт. Познера и Лепешинского, выступавших на съезде. Она хочет меня похвалить за это. Но людей из лагеря калифов на час хвалить не следует, можно ошибиться. Я не меньше тт. Познера и Лепешинского считаю ложной кадетскую идеологию, не менее их хочу, чтобы массы учительства освободились от вредного влияния кадетских и окадетившихся верхов и стали убежденными интернационалистами, и даже не интернационалистами только, а коммунистами-большевиками. Я не могу этого не хотеть, потому что считаю эту точку зрения самой правильной. Я, как и тт. Познер и Лепешинский, хотела вырвать Всероссийский учительский союз из-под влияния теперешних его верхов. Но я старая раскольница и считала более целесообразным взорвать ВУС изнутри. По-моему, надо было убеждать всех учителей, стоящих на платформе Советской власти — а среди учителей народных школ теперь таковых очень много, пожалуй, большинство,— не выходить из ВУСа, поехать делегатами на съезд, там составить сплоченную группу и развить во всей полноте свою платформу. Тогда было бы видно, каковы истинные силы интернационалистов. Но какова бы ни была тактика, начальный учитель по происхождению своему и по условиям жизни близок к народным массам и потому в конце концов не может не стать интернационалистом.

1918 г.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

В приложении № 5 к «Известиям ЦИК» помещена статья т. Альтера «Организационная политика комиссариата».

Статья эта задевает такие важные вопросы, которые требуют самого внимательного, самого тщательного обсуждения.

В данной статье т. Альтер говорит только о внутренней организационной политике комиссариата. Все, что он говорит о необходимости так наладить работу, чтобы каждый винтик и каждое колесико великолепно действовали, чтобы каждый знал свою функцию, делал бы свое дело и не мешал другим,— все это истина, не требующая доказательств. Но тут нет еще никакой «политики». О работоспособности своих учреждений заботятся одинаково и крайние правые, и кадеты, и коммунисты. Политика начинается с того момента, когда встает вопрос о том, как организовать учреждение, а это «как» зависит от того, для чего оно организуется. Буржуазное общество делится на классы господствующие и угнетенные. Государство являлось суммой учреждений, имевших целью организовать господство одних классов над другими. Для этой цели были созданы кадры бюрократии, где строго проводилось разделение на законодательствующих, распоряжающихся, начальствующих и исполнителей, выполняющих распоряжения, «задания и поручения» и пр.

Но было бы и смешно, и грустно, и обидно, если бы пролетариат, взявши власть, строил бы свои организации по типу бюрократических учреждений буржуазии.

Пролетариат взял власть не для того, конечно, чтобы стать просто-напросто на место буржуазии и превратиться в класс господствующий и угнетающий, а для того, чтобы уничтожить всякую эксплуатацию, всякое господство, всякое угнетение.

А для этого ему нужны совершенно иные органы управления, чем какие нужны были буржуазии. Не у буржуазии ему в этом отношении надо учиться, а у революционного пролетариата передовых стран, каковым, например, был парижский пролетариат, свергнувший старую власть и организовавший Парижскую Коммуну.

Освещая события того времени, Маркс писал: «Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»[1]. Коммуна — т. е. сумма ее правительственных учреждений.

Ленин в своей книге «Государство и революция» пишет: «Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь *нет*»[2]. И далее Ленин развивает ту мысль, что прямой очередной задачей революционного пролетариата является постепенно сводить на нет всякое чиновничество, отбросить «начальствование» и свести все дело к организации пролетариев.

Народный Комиссариат по просвещению до сих пор так и понимал свою задачу. Ему легче, чем какому-либо другому, в силу характера его работы было упразднить всякое «начальствование», уничтожить у себя всякий бюрократизм. Организационная цель его работы была образовать из себя идейное ядро, вокруг которого сплачивались бы все работники, все учреждения, работающие в этой области; сплачивались бы пролетариат и

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 313.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 396.

крестьянство, жаждущие просвещения и сорганизованные для этой цели в советы народного образования. Только таким путем — считал комиссариат — он может воплотить в жизнь единую трудовую школу, могущую дать детям всестороннее развитие, подготовить их одинаково как к физическому, так и к умственному труду, дать навыки коллективной работы, навыки организованной общественной жизни; дать взрослому населению то общее и профессиональное образование, которое до сих пор было недоступно ему и которое необходимо ему для организации нового, коммунистического строя.

С такой колоссальной задачей не могло бы справиться никакое бюрократическое учреждение, намеченные задачи могут быть лишь результатом коллективного творчества тысяч работников. Всякий бюрократизм, всякое «начальствование» не может быть терпимо в среде работников народного просвещения, это язва, которая может разрушить весь организм.

Внутренняя организация Комиссариата просвещения и была до сих пор построена так, что каждый член его был в одно и то же время и работающим и законодательствующим ее членом. Каждый отдел коллегиально вел текущие дела и постоянно совершенствовался, изыскивал новые пути работы, крепче сплачивался, улучшая свою организацию. Само дело, освещенное революционным сознанием, подсказывало, по какому руслу должна идти работа, какие нормы необходимо выработать, чтобы работа могла развиваться правильным образом. Опыт своего отдела заведующий нес в Государственную комиссию, которая состояла из всех заведующих отделами и имеющими одинаковое право решающего голоса в обсуждении и выработке деталей общего плана работы и необходимых для проведения в жизнь того или иного начинания декретов. Именно благодаря такому характеру работы члены комиссариата особенно близко принимали к сердцу общее направление работы всего комиссариата, следили за выдержанностью и успехами этой работы. Комиссариат был детищем его членов, созданием их рук.

Однако опыт показал, что Государственная комиссия оказалась перегруженной всякой мелкой работой, «вермишелью», которая отнимала у ее членов массу времени

и отвлекала их от необходимой коллегиальной теоретической работы. С другой стороны, Государственная комиссия не могла заменить собой небольшую коллегию, с которой всегда каждый отдел может посоветоваться по тому или иному важному делу, обсудить тот или иной важный вопрос, не терпящий отлагательства.

Как суррогат была создана Малая Государственная комиссия, но функции ее были неопределенны, а состав часто случайный. Поэтому Государственная комиссия в проекте плана народного образования в стране и выдвинула необходимость создания коллегии комиссариата из членов комиссариата, утвержденных Совнаркомом и имеющих целью вести эту текущую работу по помощи отделам, разрешению совместно с ними наиболее важных дел, по выяснению возникающих в ходе работы принципиальных вопросов и по подготовке их для обсуждения и разрешения в Государственной комиссии, для проведения постановлений Государственной комиссии в жизнь.

В таком виде утвержден проект, составляющий результаты очень большой коллективной работы всего комиссариата, Совнаркомом. Конечно, само собой разумеется, что существование коллегии и Государственной комиссии (расширенной представителями других комиссариатов и общественных организаций, работающих в области народного просвещения) не исключает того, что будут помогать в работе всякого рода иные комиссии, образуемые для той или иной цели.

Но не успели еще с «Планом организации дела народного образования», утвержденным Совнаркомом, ознакомиться товарищи на местах, как т. Альтер предлагает совершенно иной план, в корне противоречащий всему прежнему духу работы комиссариата и превращающий его в чисто бюрократическое учреждение.

«Рабочие органы комиссариата должны распадаться на две различные группы: группу органов, подготовляющих и проводящих законодательную работу и управляющих всеми общегосударственными делами комиссариата, и вторую группу органов, выполняющих организационную и текущую работу».

Так хочет истолковать декрет т. Альтер, зовущий нас «назад, к бюрократизму!» Этим духом проникнут весь проект т. Альтера. Члены коллегии, по его плану, пере-

стают быть заведующими отделами, тесно связанными с текущей работой. Они только управляют, да и управляют-то по старинке. За них все делают другие. «Постоянным центральным органом объединения, расправления и направления работы является управление делами комиссариата».

Организационные вопросы коллегии касаться не будут, общие и принципиальные вопросы будут разрабатываться и представляться на утверждение коллегии одной из коллегий отделов. Дело коллегии будет не работать, а утверждать или не утверждать. Государственная комиссия будет обсуждать не те вопросы, которые ей будут казаться важными, а те, которые поставит на повестку коллегия.

Живая работа превращается в бюрократическое учреждение с начальствующими, подписывающими бумаги, и исполнителями, которым даются, по выражению т. Альтера, «задания и поручения». Зачем же было и огород городить, брать власть, разрушать старый бюрократический аппарат, чтобы создать иной, точь-в-точь такой же!

1918 г.

НЕ СОВСЕМ ОДНО И ТО ЖЕ

«Ночью все кошки серы» — говорит пословица, и во мраке царского режима казалось, что и кадеты, и социалисты в области народного образования хотят одного и того же: сделать школу свободной, разумной, доступной для всех.

Но при ярком свете совершающегося социального переворота, с беспощадностью разоблачающем классовую позицию каждой общественной группы, стало видно совершенно ясно и определенно, что кадетская педагогическая кошка и кошка коммунистическая (я беру коммунистов как наиболее последовательных, сознательных социалистов) окрашены в совершенно различные цвета.

И различие сказывается не столько в различии общих положений, сколько в том конкретном содержании, которое в них вкладывается.

Возьмем примеры.

Нужно ли дать доступ к знанию всем без исключения? «Да, конечно!» — скажут в один голос и коммунисты, и кадеты.

Но *коммунисты* говорят: «До сих пор школа была классовой; господствующие классы сохраняли за собой монополию знания; для широких масс существовали лишь народные школы, для привилегированного слоя — сравнительно немногочисленные гимназии, реальные училища и другие средние учебные заведения, а также высшие школы. Эти школы готовили к интеллигентским профессиям, готовили к тому, чтобы править или помогать править массами. Мы хотим в корне реформировать дело, сделать так, чтобы не было отдельных школ для богатых и бедных, а была бы для всех единая школа.

В ней не будут учить всяким ненужностям, как раньше в женских институтах учили болтовне по-французски, так как умение болтать по-французски считалось признаком принадлежности к образованному обществу; или как теперь в гимназиях заставляют учеников целые годы убивать на изучение никому не нужных латыни и греческого и знание этих языков ставят непременным условием поступления в университет ради создания особого привилегированного слоя; в единой школе будут учить сознательно относиться к окружающей природе и общественной жизни, будут учить коллективному производительному труду, освещаемому светом знания».

Кадеты затушевывают, замалчивают классовый характер современной школы. Единую школу они понимают лишь в том смысле, что программы народной и средней школы должны быть согласованы и пригнаны так, чтобы облегчить наиболее талантливым и одаренным ученикам переход из народной школы в среднюю. Они заботятся о том, чтобы дать возможность этим ученикам через посредство средней школы «выйти из народа» и подняться выше по ступеням общественной лестницы. Под трудовой школой они понимают лишь такую, где преподавание ведется при помощи трудового метода, но не как правильно организованный производительный детский труд, освещенный светом знания.

Возьмем другое положение: детям должна преподаваться только истина.

«Само собой разумеется!» — скажут и кадеты, и коммунисты. Стоит вопрос о преподавании закона божия. На уроках закона божия преподается *как истина,* в которой не разрешается сомневаться, что Иисус Навин остановил солнце, что Иона три дня пробыл во чреве кита, что милосердный бог вмешивается в людские дела и, имея возможность, в силу своего всемогущества, остановить неслыханную бойню, длящуюся скоро четыре года, не останавливает ее...

Коммунисты говорят: «Мы хотим, чтобы детям преподавалась только истина, и потому не можем допустить, чтобы отрицание непреложности законов природы и общественного развития покрывалось авторитетом школы. Мы стоим за светскую школу».

Кадеты говорят: «Конечно, как люди образованные,

сами мы этому верить не можем, но надо считаться с темнотой народной, народу религия дает такое утешение, а потом религия — такое прекрасное воспитательное средство!» И только в виде уступки социалистам кадеты допускают необязательность закона божия.

Нужно ли воспитывать в детях сознание того, что все люди должны жить, как братья?

Да, конечно.

Коммунисты говорят: «Необходимо, чтобы ребенок понял, что все угнетенные, эксплуатируемые, притесняемые — братья. Русскому рабочему, из которого выжимают пот, близки и понятны интересы и стремления немецкого, австрийского, французского и прочих рабочих. Все эксплуатируемые должны объединиться в одну дружную братскую семью, без различия национальностей, и добиться того, чтобы было уничтожено деление людей на богатых и бедных, на начальствующих и подчиненных. Люди должны стать братьями на деле, а не конкурировать друг с другом, не вырывать друг у друга куски, не перегрызать друг другу горло из-за наживы».

«Черт знает что такое! — говорят *кадеты*.— Разве можно учить ребенка таким вещам! Вы вносите политику в школу! Детей надо научить любить свое родное село, свой уезд, свое отечество. Научая его любить свою родину, вы научаете его любить свой народ, свой язык, свою культуру. Только пробудите в нем любовь к родине, и тогда он научится ценить ее могущество, будет готов бороться за единую, великую, могущественную Россию. Он поймет, что для могущества России ей надо соединиться с Англией и Францией, полюбить эти народы. Соединившись с ними, легко будет наголову разбить злокозненных немцев, и тогда водворится на земле мир, в человецех благоволение. Все люди станут братьями...»

Надо в школе научить детей, как строить общественную жизнь? Конечно, надо...

Коммунисты обращаются к учителям и говорят им: «Товарищи учителя! Перед вами лежит великая, почетная задача: научить творить новую, разумную жизнь, построенную на общем, дружном, братском коллективном труде; научить детей работать по-новому, не в качестве наемных рабов, а в качестве хозяев жизни, членов

братской коммуны; научить их в своих действиях подчиняться той внутренней дисциплине, которая дается ясным сознанием того, что благо отдельного человека связано с благом целого, что необходимо в меру своих сил и способностей работать для этого целого, одним словом, научить их быть социалистами. Но для того, чтобы научить всему детей, надо быть самому социалистом, причем социалистом в лучшем смысле этого слова. Учитесь, товарищи учителя, быть социалистами, тогда только вы сможете выполнить ту задачу, которую возлагает на вас переживаемое время».

Кадеты скажут: «Учите детей пониманию того строя, который выработали более цивилизованные страны. Научите их ценить блага этого строя. Научите их в соответствии с этим их гражданским обязанностям. Предостерегайте их от увлечения всякими неисполнимыми социалистическими утопиями».

Должен ли учитель помогать строить новую школу?

Коммунисты скажут: «Дело учителя — хорошо подумать, какова должна быть новая школа, для того чтобы помочь людям создавать новый общественный строй; выяснив себе это, он должен добиваться, чтобы это поняло и население, должен пропагандировать свои педагогические идеи, агитировать за них. Он должен строить новую школу вместе с населением, призывая его к активному участию в строительстве этой новой школы, потому что только тогда школа будет тесно связана с жизнью, только тогда она будет не школа учебы, а школа — мастерская, школа — поле, школа — жизнь».

Кадеты говорят: «Школа должна быть автономна, учитель должен быть в ней единственным полновластным хозяином, и никто, даже организованное население, не имеет права вмешиваться в то, что делает учитель».

Итак, во всяком вопросе у кадетов и коммунистов разные точки зрения. Каждая школа, хотя бы она и не носила кличку единой трудовой и т. п. школы, будет представлять из себя нечто совершенно другое, чем школа коммунистическая; кадеты и их подголоски и коммунисты и сочувствующие им хотят двух совершенно различных школ.

1918 г.

О СОВМЕСТНОЙ РАБОТЕ КОМИССАРИАТОВ

Живое дело сплачивает работников, к какому бы ведомству они ни принадлежали.

Десятки тысяч безработных подростков без всякого дела околачиваются в Москве, они зарегистрированы на бирже труда, им выдают там обед, но работы найти для них не могут; подростки, женщины больше всех страдают от безработицы, связанной с переходом на мирное положение. А в южных губерниях (Орловской, Тамбовской и др.) нет рабочих рук, некому собирать плоды в садах, некому помогать работать в поле, реквизированные имения стоят втуне, некому работать... У лиц, работающих среди рабочих подростков по устройству для них клубов, школ и пр., возникла мысль отправить мыкающихся безработных подростков на юг. Культурно-просветительная организация при Московском совдепе вместе с эвакуационной комиссией проделала большую предварительную работу: выяснила, куда, сколько, на какие работы можно отправить детей, потом пришла к нам во внешкольный отдел за содействием. Сообща подобрали группу руководителей-единомышленников — сторонников трудовой, свободной школы — часть, хорошо знающая сельское хозяйство, есть даже среди них агроном; публика, умеющая подходить к ребятам, которая, вероятно, сумеет скоро завоевать их доверие. Подбирается библиотека, заготовляется все нужное для отъезда, начался медицинский осмотр и прием подростков 13—16 лет. Истощены ребята, слабоваты, но на воздухе, на лучшей кормежке скоро отойдут, окрепнут... Чем больше вывезем ребят, тем лучше. Там их уже ждут ко-

миссары земледелия... Не было средств на вывоз ребят. Но навстречу пошел Комиссариат труда, дав на вывоз безработных подростков сто тысяч и послав своего представителя. Комиссариат земледелия даст агрономов, представитель от него сделает доклад руководителям о трудовых земледельческих коммунах, будет обмен мнениями о том, как выяснить ребятам все значение этих коммун... Кипит дело, а попутно налаживаются совместные действия комиссариатов.

С Комиссариатом труда нужно сообща решить вопрос о внешкольном профессиональном образовании; вне профессиональных союзов, группирующихся около Комиссариата труда, этот вопрос не может быть решен...

С Комиссариатом земледелия нужна постоянная контактная работа. Для библиотек нам нужны комплекты брошюр и книг по сельскому хозяйству, подбор которых лежит на Комиссариате земледелия. Комиссариату земледелия чрезвычайно важна работа нашего кинематографического отдела. Мы хотим ввести земледелие как обязательный предмет в единую трудовую школу. Нам нужна самая энергичная помощь Комиссариата земледелия. И так на каждом шагу.

Общими усилиями комиссариатов скорее удастся наладить дело народного образования.

1918 г.

О СОВЕТАХ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Никогда, может быть, так остро, так болезненно не ощущалась массами истина, что знание — сила. Саботаж интеллигенции был наглядным уроком чрезвычайной яркости, который воочию показал массам, что они до тех пор не станут хозяевами жизни, пока знание не перестанет быть привилегией буржуазии и ее прислужников. Поэтому сейчас у масс стремление к знанию неудержимо. Этого никто не станет оспаривать, конечно, по крайней мере, из тех, у кого есть глаза. Но «мертвый хватает живого», и старая привычка смотреть на народ как на малого ребенка мешает деятелям по народному образованию понять, что сейчас нужнее всего делать в области народного образования. Это относится отчасти и к советским работникам, отчасти и к работникам так называемых «общественных» организаций (термин устаревший, выросший из противоположения бюрократическим правительственным учреждениям, где интеллигенция, «общество», не имела голоса, не имел его также и сам обслуживаемый «народ»).

Народный Комиссариат по просвещению поднял вопрос о советах народного образования. И как относятся к этой попытке организовать самодеятельность масс в деле народного образования, вовлечь массы в планомерную работу над правильной постановкой этого дела те, кто работает сейчас в области народного образования? Есть ли советы народного образования в Москве, Питере, Московской губернии, уезде, в целом ряде других городов, уездов, губерний? Лишь кое-где возникают эти советы, несмотря на декрет, в котором говорится о

необходимости *немедля* организовать их повсюду. Почему так туго идет образование советов народного образования? Инертные массы? Ничуть не бывало! Не хотят работать в советах учителя? Хотят. Но многие комиссары не могут еще отрешиться от старого взгляда на массу как на объект интеллигентских попечений, как на малого, неразумного ребенка. Устроим совет, а он повыбирает черносотенных учителей, попов, кулаков; из школы сделают черт знает что, не станут слушать Советскую власть, исполнять декреты... Бросьте все эти страхи, товарищи! Никто себе не враг, выберут, может, сначала черносотенного учителя, а потом увидят очень скоро, что в соседней деревне, где учитель нового закала, дело идет совсем по-иному, и на следующий раз, поверьте, уже выберут кого надо: дело касается их детей. Мы не боялись устраивать революцию, не боимся народных масс, не боимся того, что они Советы не так выберут, попов туда посадят, мы хотим, чтобы массы управляли страной, сами были себе господами. Волков бояться — в лес не ходить. Мы глубоко убеждены, что и дело народного образования должно быть делом рук самого народа. Это должно быть первым лозунгом каждого комиссара, который понимает, что такое Советская власть, понимает ее сущность. Мы слишком мало обращаем внимания на *пропаганду* идей народного образования в массах, на самоорганизацию масс для этой цели. Мы думаем все по старинке, что если мы будем себя не жалеть и день и ночь работать на пользу народную, то этого и довольно. Этого мало. Наша задача — помочь народу на *деле* взять свою судьбу в свои руки.

Не подумайте, что недоверие к народным массам, недоверие бессознательное, воспитанное старым строем и накладывающее на действия человека свою печать помимо его воли, присуще только советским комиссарам. Что у некоторых оно есть, на то нельзя закрывать глаз. Надо сказать это прямо и надо с этим бороться советским работникам самым энергичным образом. За Советами — будущее, и Советская власть должна быть во всех отношениях безупречна. Недоверие к массам еще гораздо сильнее, прочнее в так называемых «общественных» организациях. У них есть свои традиции. Гнету самодержавия, не дававшему дышать, они проти-

вополагали самодеятельность интеллигенции, самодеятельность «общества». Теперь вопрос стоит в другой плоскости. Самодеятельности «общества» необходимо противопоставить самодеятельность трудящихся масс. Когда Центральный рабочий кооператив предлагает составлять советы народного образования из представителей всех общественных, классовых и частных организаций внешкольного образования, то что это значит? Это значит, что в совете будут преобладать не те, кто нуждается во внешкольном образовании, а те, кто ведет работу среди них, кто их в духовном отношении опекает. Ведь так выходит? Это та же опека, то же недоверие к массе...

Нет, это говорит в вас «ветхий человек». Давайте направим все усилия на то, чтобы помочь трудовому народу взять знание в свои руки, организоваться так, чтобы никто никогда не мог уже сделать знание привилегией господствующего класса!

1918 г.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОВЕТАХ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Учителя и учительницы, приезжающие из провинции, нередко жалуются на то, что декрет об отмене преподавания в школе закона божия поставил их в крайне тяжелое положение. Комиссары требуют, чтобы в школе закона божия не было, а родители, особенно которые постарше, грозятся, что изобьют учительницу, если она отменит общую молитву и не станет учить детей молитвам, церковнославянскому чтению, священной истории. И вот учительница не знает совершенно, как быть: будет учить закону божию — места лишится, не будет — изобьют и не станут посылать детей в школу. Как быть?

Отделы народного образования, а там, где их нет, комиссары неверно понимают свою задачу, если считают, что их дело просто распорядиться, чтобы закон божий был изгнан из школы. Это, конечно, всего проще — написать предписание учителям, да и дело с концом. Подчиняйся.

Но предписания хороши тогда, когда их есть возможность осуществить. И комиссары, которые ограничиваются предписаниями, плохо понимают свою задачу. Чтобы декрет мог быть проведен в жизнь, надо вести за него усиленную агитацию, и агитацию упорную, неустанную, чтобы население поняло декрет и не противилось его проведению. Конечно, такая агитация иногда довольно трудна, население относится к ней враждебно. (Бывало, что даже избивали агитаторов, говорящих за светскую школу.) Но без подготовки населения эту меру не проведешь. Отказываться Советской власти от агитации, потому что она трудна, и сваливать всю

трудность положения на учителей не годится. Дело бы много облегчилось, если бы были уже налицо советы народного образования. На заседаниях совета (состоящего главным образом из представителей населения) надо бы самым обстоятельным образом разобрать вопрос о светской школе: убедить представителей населения в правильности изъятия закона божия из числа учебных предметов. Если бы делегаты, посланные в совет, убедились, что светская школа действительно лучше, они бы сделали доклады пославшим их организациям, и, таким образом, постановление об изъятии закона божия из числа учебных предметов не было бы принято помимо населения, а с его согласия. А если бы они остались при своем убеждении, что светская школа неприемлема, то этот вопрос надо было поставить в Совете депутатов и там разрешить его. Во всяком случае, отдел или комиссар не может обойти трудность тем, что переложит всю ответственность на учителя и предложит ему выпутаться из затруднительного положения, как тот хочет. Это не решение вопроса, и так светской школы мы не создадим. Надо ставить как можно шире агитацию за светскую школу, пропаганду ее.

1918 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 10 нашего приложения «Народное просвещение» помещен отчет о I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов. Мой доклад о школе и государстве и в особенности мои возражения т. Познеру в значительной степени извращены, и настоящим письмом я хочу восстановить их в истинной форме.

Доклад изложен так, что из него выпало все содержание. Например, я очень долго и обстоятельно останавливалась на мысли, что в буржуазном государстве — безразлично, республике или монархии — школа есть дело рук буржуазии, служит ее интересам и носит ярко выраженный классовый характер. Буржуазное правительство строго следит за тем, чтобы в школе царил желательный ему дух: оно тщательно подбирает кадры учителей из наиболее послушных и исполнительных, регулирует каждый их шаг при помощи административных предписаний и строгого инспекторского и всякого другого надзора. Между тем, судя по отчету, я сказала: «Буржуазное влияние и административное вмешательство сказывается на западноевропейской школе и теперь». Это нечто совсем иное.

Я говорила, что народу никто не даст той школы, которая ему нужна, «ни бог, ни царь и ни герой», что добиваться правильной постановки школьного дела ему придется самому, «своею собственной рукой». Этой мысли в докладе нет. Относительно советов народного образования я говорила, что эти советы являются прекрасным способом пропаганды педагогических идей, прекрасным средством возбуждения активного интереса на-

родных масс к школьному делу, предоставления возможности массам научиться быть хозяевами в этом деле. В отчете доклад заканчивается словами: «Чрезвычайно важно провести децентрализацию школьной жизни. Вот к чему мы должны стремиться». Я говорила не то. Я говорила, что в области школьного дела чрезвычайно большую роль играет личность учителя, его инициатива, большую роль играют местные и бытовые условия и особенно условия труда населения, смешно было бы и недопустимо стремиться к тому, чтобы обстричь все школы под одну гребенку, что учителей надо выбирать на местах и поставить школу под наблюдение самого населения, а не центральной власти.

Что касается моих возражений т. Познеру, то и они изложены неверно. В общем они сводились к следующему.

При царизме социалисты весьма мало интересовались вопросами народного образования, чувствуя себя бессильными изменить положение дела. Учительские массы были знакомы лишь с двумя точками зрения — передовой, либерально-кадетской, и реакционной, правительственной.

В политических вопросах учительская масса разбиралась плохо и в общем сочувствовала антиправительственной точке зрения либеральных по тому времени вождей Всероссийского учительского союза, которым привыкла верить. Февральская, а особенно Октябрьская революция втянула в политику все и вся, в том числе и учительский союз, вожди которого заняли враждебную Советской власти позицию. Массы учительские по привычке пошли за ними. Но скоро окружающая атмосфера, близость учителя к народным массам заставили учительство в значительной его части изменить свое отношение к Советской власти, народный учитель в своей массе ушел из-под влияния Всероссийского учительского союза, и только учителя средней школы еще верны ему.

Отмечая этот переход широких масс народных учителей на сторону Советов, я говорила, что мы теперь уже сильнее учительского союза и если бы повели энергичную пропаганду среди народных учителей за то, чтобы они ехали на Всероссийский учительский съезд и

там защищали свою точку зрения, то получили бы на съезде большинство и выявили бы всю слабость вождей Всероссийского учительского съезда, морально подорвали бы все их влияние.

Про союз учителей-интернационалистов я говорила, что он должен оставаться идейным пропагандистским ядром, которое сумеет, исходя из интересов учительства, широко провести среди него пропаганду идей интернационализма и социализма. Показать учительству, что завстные мечты лучших педагогов осуществимы лишь при социализме,— такова задача группы учителей-интернационалистов.

1918 г.

ИДЕАЛЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

(РЕЧЬ НА КОНФЕРЕНЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ)

Окружающая среда имеет громадное влияние на воспитание человека, поэтому реорганизация общественного строя имеет в деле воспитания громадное значение. Но мы будем говорить о воспитании в более узком смысле, подразумевая организованное воспитательное влияние на наше подрастающее поколение. Ему должно быть дано широкое общественное воспитание, а для этого школы должны быть общественными. Идеи о господстве рабочего класса уже глубоко охватывают подрастающее поколение. Мы видели, как в Петрограде ходили юноши на Марсово поле и произносили речи о том, что рабочему классу принадлежит господство. Говорили это часто подростки 13—14 лет, и видно было, как при этом глубоко эти идеи их захватывают.

Воспитывать — значит планомерно воздействовать на подрастающее поколение с целью получить определенный тип человека. Конечно, идеалы воспитания весьма различны в зависимости от эволюции жизни, и можно проследить изменения в идеалах воспитания, но это не входит в мои задачи. Укажу только, что перед нами с особой силой встали идеи социалистического общественного воспитания,— воспитание домашнее все более и более отходит на задний план. Надо отметить, что буржуазия организовала общественное воспитание так, чтобы детям буржуазии дать одно воспитание, которое она считала подходящим для своих детей, а рабочему классу дать совершенно другое воспитание. Если мы посмотрим на школы, как они существуют в Западной Европе, то увидим, что воспитание носит ярко буржуаз-

ный классовый характер. Есть школы, которые существуют для детей черной кости, и есть школы для детей белой кости. Все школы, которые существуют для громадной массы трудящихся, представляют собой воспитательные учреждения, которые имеют целью воспитать послушных подданных, лиц, нужных буржуазии. Буржуазия давно сознала, что благодаря всеобщей школьной повинности она имеет всех детей пролетариев в своем распоряжении. Известный педагог Кершенштейнер вполне откровенно говорит: «Важна не та сумма знаний, которую даст начальная школа, а то, чтобы эта школа воспитала рабочих. Необходимо приучить ребенка к безусловному повиновению, к тому, чтобы он точно и аккуратно выполнял данные ему задания. Необходимо приучить к услужливости». Вот те задачи, которые ставит себе буржуазная школа, и это не только в Германии, а также и во Франции и в демократической Швейцарии: там школа особенно типично буржуазна, несмотря на то, что страна наиболее демократическая. Существенных знаний, которые бы давали человеку возможность сознательно относиться к окружающему, там детям не дают. Мне пришлось быть в одной швейцарской школе, и в IV классе дети писали под диктовку, складывая вслух буквы. Это показывает, какую ничтожную сумму знаний дают швейцарские школы.

Кроме того, детям даются не те знания, которые действительно нужны, а дается чрезвычайно подробно всякий хлам, который только засаривает головы; в естествознании, например, учат названия всевозможных рыб, бабочек, все, что нужно взять памятью, но что для развития не имеет никакого значения. Выходит, что школа, которая продолжается 8 лет, знаний существенных не дает, а только дрессирует детей. Это своего рода дрессировочные заведения. На первый план выдвигается принцип повиновения; если же ребенок слепо не повинуется учителю, то начинается битье.

Буржуазная школа ставит целью воспитать известные воззрения. Мы видим, как, например, на уроках истории все изображается как непрерывный ряд войн, в которых выступают национальные герои, они прославляются, к другим народам внушается ненависть. Это делается и на уроках истории, и на уроках морали, на ко-

торых учитель, беседуя с учениками, старается воспитать в них буржуазные воззрения. Одним словом, школа выполняет свою задачу: пропитать своим духом. У Л. Толстого есть рассказ о том, как он хотел в свою школу заполучить сына прасола-торговца. Но торговец ответил ему: «Я не могу вам дать своего сына, потому что я должен пропитать его своим духом». Так воспитываются дети трудящихся.

Совершенно другие цели ставит буржуазия при воспитании своих детей. Если мы возьмем школы, которые распространились в последнее время,— так называемые сельские воспитательные гимназии,— то увидим, что эти школы устроены по последнему слову науки, с полным комфортом. Дети живут на лоне природы, оторванные от повседневной жизни, они живут в таких условиях, что им не приходится наблюдать повседневной жизни, они поставлены под стекло. Дети проходят все науки. Там есть и труд, но труд игрушечный: мальчик, сын богача, сажает на грядки капусту и растит ее, чтобы потом продать ее за несколько копеек кухарке. Это называется педагогическим трудом, но он не имеет воспитывающего значения. Школа, которую создала буржуазия, является производной буржуазного строя. В нем наука — труд умственный — пропастью отделена от труда физического. Еще Лассаль говорил о необходимости соединения труда с наукой. Буржуазия же, наоборот, старается их разъединить. Трудовая масса получает только огрызки знания, а люди, которые никогда не занимались физическим трудом, сидят в университетах, в ученых академиях и разрабатывают разные научные вопросы. В школе физический труд не имеет никакого значения или имеет какое-то педагогическое или же гигиеническое значение. В проспектах сельских гимназий говорится: «Эти школы предназначены для тех, которым предстоит играть роль в крупной промышленности и торговле, явиться администраторами где-нибудь в Индии или быть управителями в далекой колонии». Одним словом, тут воспитываются люди с сильным характером, с серьезными знаниями, но которые сознательно отрезаны от широких народных масс, живут оторванными от жизни. Так называемые средние школы, которые имеются в Западной Европе, имеют целью воспитать кадры бюрократии. Педагог

Паульсен писал: «Наша средняя гимназия имеет целью воспитать чиновника, подчиненного; главными руководителями их является буржуазная молодежь, воспитанная привилегированными учебными заведениями и школами, а исполнителями и помощниками их в управлении являются окончившие средние учебные заведения». Так построено народное образование в буржуазных странах, причем учителя воспитываются в буржуазных взглядах. Их строго фильтруют, чтобы не могли попасть в народную школу учителя, имеющие широкие взгляды на жизнь, учителя-социалисты.

Очень характерно отношение французского правительства к учителям-синдикалистам, которые пришли к заключению, что им нужно теснее слиться с народными массами. Учителя-синдикалисты решили, что если днем они будут заниматься с детьми рабочих, то по вечерам надо идти в рабочую среду и вместе с родителями обсуждать, как нужно поставить школу, чтобы она была такой, какой она должна быть для того, чтобы дать народным массам действительные знания, действительное воспитание. И вот когда учителя-синдикалисты заикнулись, что они хотят войти в бюро труда, то начались преследования. Клемансо откровенно заявил: «Вы — не более как чиновники правительственные и должны проводить те идеи, которые хочет провести в народные массы правительство». Многие учителя были переведены в глухие места, многие отстранены от службы. Буржуазное правительство опасается единения между учителями и населением.

Теперь, если мы обратимся к социалистическим идеалам воспитания, то увидим, что они прямо противоположны идеалам воспитания буржуазного. Молодежь необходимо воспитывать в социалистическом духе, потому что мы стоим накануне всемирной социалистической революции. В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс писали: красный призрак революции веет над Европой. Теперь это стало еще более реальным. Через кровавый туман мировой войны вырисовывается контур мирового социализма. Руководители капиталистического строя прекрасно поняли, что для того, чтобы вести эту войну, необходимо организовать производство по-новому. Производство, построенное на конкуренции, не подходит

к военному времени. В Германии организация производства является своего рода «государственным социализмом»: от свободной конкуренции там перешли к планомерной организации. Такую планомерную организацию пытались создать и другие страны. Но тот «государственный социализм», который наметился больше всего в Германии, этот «социализм» быстро изжил себя в обстановке мировой войны. Есть пословица: «Мертвые несутся во весь дух», так и «государственный социализм»; он быстро сам себя дискредитировал, организация планирования в интересах господствующих классов показала с наглядностью массам, что ничего не делается для их интересов, что на них смотрят как на пушечное мясо, и поэтому психологически создалась возможность социальной революции. Те поражения, которые на Западе потерпела Германия, имеют громадное психологическое значение. Товарищи, приезжающие из Германии, рассказывают, что Германия за последнее время стала неузнаваемой; что там теперь, как и у нас перед революцией, при появлении офицеров в трамваях открыто начинают их ругать. «Государственный социализм» Германии обречен на крах, возмущение рабочих масс растет все больше и больше. Перед нами неминуемая социалистическая революция, и надо воспитать молодежь так, чтобы она могла строить новый строй.

В настоящее время у нас отменяется частная собственность на средства производства. Это — громадный шаг вперед, но он не проводится планомерно; и главное, в психологии народных масс нет еще известного сознания о необходимости этой отмены — собственнические инстинкты разгораются с особой силой. Чтобы построить новый строй, нужно воспитать новое поколение. Французы говорят: «Мертвые хватают живых»,— и вот этот мертвый строй хватает новый, он мешает ему развернуться, мешает строить новую жизнь по-новому. Буржуазия, как я уже указывала, в своих школах и в школах народных выкидывала за борт труд. В настоящее же время коллективный труд надо поставить в центре воспитания. Воспитание должно заключаться в том, чтобы организовать жизнь детей так, чтобы в основу ее был положен коллективный разносторонний труд, освещенный светом науки. Такой труд будет воспитывать из детей социалистов.

Буржуазия устраивала профессиональные школы. Для фабрик и заводов нужны были обученные рабочие, и поэтому буржуазия устраивала профессиональные школы. Но каково же было там обучение? Часто случалось, что окончившие школу и потратившие на это много лет и приобретшие большое искусство в своей области оставались без куска хлеба, когда технический прогресс создавал новые машины. Буржуазия воспитывала в рабочих знания узкоспециальные, она не давала широкого политехнического воспитания, которое знакомило бы с разными отраслями производства. Раньше машина исполняла только главное, основное движение, человек же являлся рабочими руками, которые помогали машине, делая подсобные движения. Теперь техника пошла в том направлении, что машина производит не только движения основные, но и подсобные. При новых машинах требуется меньше рабочих, зато они должны быть более обученными. Прогресс техники идет в том направлении, что число необученных рабочих сокращается, а требуется большее число обученных рабочих, знающих целый ряд специальностей. Возьмем, например, наборное дело. Раньше был только ручной набор, достаточно было только уметь читать; теперь наборная машина требует не только умения читать, но требует умения писать на пишущих машинах, знать технику и электротехнику. От наборщиков требуют все эти знания, ряд знаний нового типа.

Маркс вопросам воспитания посвящал много времени, и он указывал, что соединение обучения с производительным трудом является тем рычагом, который сможет перевернуть и преобразовать современное общество; такое политехническое воспитание является необходимым условием всестороннего образования. В наших школах мы будем учить не одной отрасли труда, а будем стремиться дать политехническое образование. В буржуазной стране было резкое разделение между деревней и городом. При социализме такого разделения не должно быть, поэтому в область политехнического образования мы вводим также знакомство с земледелием.

Мы представляем себе школу, которая летом будет перекочевывать куда-нибудь в земледельческие коммуны, где ученики на лоне природы начнут изучать зем-

леделие; зимой же при какой-нибудь фабрике или заводе ученики будут изучать процессы производства. На I ступени, в младших классах, будет изучаться то, что ближе к жизни, может быть, разные ремесленные знания, в более старших классах надо будет изучать все это в целом; важно, чтобы учение не было механическим учением.

В Австрии распространены так называемые трудовые школы, которые в сущности сводятся к тому, что в школах при какой-нибудь мастерской дают ученикам разные механические навыки. Конечно, не такой труд будут давать в социалистических школах. Надо, чтобы труд этот был освещен светом науки, чтобы он давал понимание производства в целом, чтобы он давал понимание общественной жизни. Поэтому тут связь между обучением и техническими знаниями очень глубока. Школа должна быть школой производительного труда.

В буржуазной школе стремились к тому, чтобы разъединять учеников между собой. Известный французский педагог Кузине писал, что если не удастся учеников разъединить между собой, то учитель будет иметь перед собой сплоченную массу учеников, с которыми он ничего не сможет сделать. Поэтому учитель должен стараться разъединять учеников между собой. Он должен выделить несколько человек из общей массы, тогда удастся учителю справиться с общей массой. Такой отвратительный прием могла придумать только буржуазия.

Конечно, безусловно необходимо послушание учителю. В швейцарских школах практикуются доносы, развиваются всячески собственнические интересы. Во Франции и в Германии развиты школьные сберегательные кассы; они строятся так, что каждый ученик сберегает в отдельности. Таким образом собственнические инстинкты, конкуренция, рознь между учениками — все это вносится в школу. В школе социалистической ничего подобного быть не может. Цель этой школы — воспитать в учениках общественные инстинкты, сделать обстановку школьной жизни такой, чтобы собственнические инстинкты заглушались. Самый труд должен быть организован таким образом, чтобы удовлетворялись общественные инстинкты. Развитие общественных инстинктов должно проходить красной нитью через всю жизнь школы.

В буржуазном строе рабочему указывается определенная работа, и он должен ее выполнять.

При социалистическом порядке, когда рабочие сами являются хозяевами жизни, они должны научиться организации.

Самая характерная сторона социалистической школы — планомерная организация; социализм — это особого рода организация, и поэтому чрезвычайно важно дать в школе детям возможность приобретать некоторый организационный опыт. В школе, где дело учеников — только отвечать по книжкам, такого опыта нет; в школе же, где главную роль играет производительный труд, развовьется и организационный опыт. Необходимо построить труд так, чтобы дети сами принимали участие в его организации, и навык с ранних лет в организации работы будет иметь громадное значение.

Колоссальнейшая задача организации жизни идет медленно из-за недостатка организационных навыков, а они как раз и дадут возможность рабочим массам организовать производство действительно в интересах трудящихся.

Затем труд имеет и другое воспитательное значение. В буржуазной школе все построено на внешней дисциплине, между тем участие в творческом процессе, особенно в труде, где принимают участие многие лица, дает воспитанию внутреннюю дисциплину. Если вовремя не засеешь грядки, то не вырастет овощей,— тут сама сила вещей воспитывает ребенка, заставляет его побороть и чувство усталости, и нежелание, так как тут видна и цель, ради которой это делается. Если чувство дисциплины воспитывается трудовым процессом, то дисциплина перестает быть внешней. Конечно, невозможно жить ни в каком обществе, если люди не дисциплинируют сами себя, но важно, чтобы эта дисциплина исходила не извне, а была результатом сознания самого человека. Развитие этой внутренней дисциплины очень важно в социалистической школе. Затем трудовой процесс учит ребенка познавать самого себя, измерять свои собственные силы и способности.

Громадное воспитательное значение и в том, что ребенок может разносторонне развивать способности. В школе часто развивается только память: прочитать —

рассказать, заучить наизусть. Часто же ребенок, не обладающий богатой памятью, может быть очень развитым, одаренным.

Задача социалистического строя — сделать труд менее однообразным и утомительным. Если ребенок сможет развивать все свои дарования, он легче выберет себе дело по душе, и работа не будет ему в тягость. Точно так же коллективный труд воспитывает ряд других ценных свойств. Ребенок научается распределять свое время, организовывать свой труд.

Капитал определенным образом организовывал труд — он требовал интенсивности труда, он смотрел на рабочие руки как на предмет эксплуатации и организовывал рабочий труд только в своих интересах. Рабочему в социалистической стране также придется заботиться, чтобы труд его был производительным. Он должен уметь развивать свои силы, беречь их и распределять определенным образом свое время. В социалистической стране это будет организовано с точки зрения сбережения сил человека. Целый ряд свойств, необходимых для рабочего, когда он хочет уничтожить капиталистическое общество, определяет характер нашей социалистической школы. Конечно, сейчас создать такую школу чрезвычайно трудно, потому что в учительской среде, и даже в рабочей, чрезвычайно слабо развито сознание того, какова должна быть школа.

Надо вести социалистическую пропаганду среди учителей. Учителя-социалисты будут в совершенно другом духе воспитывать ребенка. Их любовь к детям может заставить их идти к социализму. Учителя народных школ в последнее время все более и более идут на работу в советские учреждения. И только учителя средних школ до сих пор относятся крайне враждебно к Советской власти.

1918 г.

ГОД РАБОТЫ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

При необычайной обстановке пришлось начинать свою работу комиссариату.

В большом зале министерства народного просвещения у Чернышева моста собрались встретить вступавшего в должность народного комиссара Луначарского только сторожа и курьеры. Все чиновники старого министерства народного затемнения отказались работать с представителями рабоче-крестьянского правительства. Никто не пришел даже сдать дела. Государственный комитет также не захотел работать с новой властью. Луначарский разослал приглашение работать в комиссариате целому ряду лиц, работавших раньше в области народного образования. Ответа не последовало, одно лицо ответило грубой выходкой в «Русских ведомостях».

Всероссийский учительский союз повел агитацию против новой власти. Во главе его стояли кадеты, правые эсеры, меньшевики. Учительство пошло за союзом. Это вполне понятно. Набранные из «благонадежных» элементов, учителя не были заражены в своей массе революционным духом. Начался саботаж. В Москве учителя саботировали в течение нескольких месяцев. Там, где занятия продолжались, школы превращались в очаг антисоветской пропаганды. Учителей-большевиков исключали из учительского союза.

Ближайшими сотрудниками Луначарского были главным образом коммунисты, работавшие перед этим в районных думах Петрограда. Но, надо правду сказать, наш организационный опыт был очень невелик. Административной работе приходилось учиться в процессе работы. Конечно, «место даст разум», мы скоро овладели адми-

нистративной премудростью, и по мере работы все более и более улучшалась организация и самого комиссариата, и организация всей работы. Но далось все это не даром.

Переезд в Москву разбил на время нашу работу. Народный комиссар по просвещению продолжает работать в Петрограде, и отсутствие его сильно отзывается на работе комиссариата. Часть работников осталась в Москве. Пришлось набирать новый персонал. Опять остро почувствовался недостаток в людях. Теперь бойкот уже кончен, в комиссариат охотно идут все. Берем наиболее ценные силы, но много уходит времени на столковывание, на выравнивание линии.

Всякую нашу реформу, всякий наш декрет, нашу программу работы мы несли в массы.

Комиссар Луначарский периодически давал перед рабочими на митингах в цирке «Модерн» отчеты о работе комиссариата.

Мы придавали особое значение тому, чтобы наши взгляды развивались не в специальных педагогических журналах, а в общих советских газетах, чтобы вопросы народного образования были освещены перед массами, а не только перед учительством.

Вот почему мы так настаивали на издании приложений при «Известиях» и почему отказ «Известий» печатать приложения — из-за недостатка бумаги — для нас особенно тяжел.

Мы завязывали связи с каждым рабочим, крестьянским кружком, приходившим к нам за помощью и советом.

Постоянно обращались к рабочим, когда надо было решить какой-нибудь важный вопрос. В Государственной комиссии присутствуют представители профессиональных союзов и т. п. В комиссариат входит отдел пролетарской культуры, ведущий работу среди рабочих организаций. За одно первое полугодие комиссариат выдал Пролеткульту 9 миллионов. У Пролеткульта свои клубы, студии, съезды, издательство.

По декрету Комиссариата народного просвещения при отделах народного образования создаются советы народного образования в качестве органов совещательных и контролирующих. В СНО (советы народного обра-

зования.— *Ред.)* посылают своих делегатов все те организации, которые посылают своих представителей и в Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Затем к ним добавляются в количестве не более одной трети делегаты от учителей и учащихся. СНО является органом, через посредство которого отдел народного образования может проводить в массы свои взгляды. Так как это учреждение выборное, то делегаты будут делать доклады на местах и таким образом знакомить широкие слои трудящихся с деятельностью отдела. В СНО население работает совместно с учителями. Буржуазия стремилась всегда отделить учителя от трудящихся. Мы хотим их сближения, так как это одно из самых действительных средств общественного воспитания учителей.

Немало положил комиссариат сил и на пропаганду среди учителей. В этом ему помогал союз учителей-интернационалистов, возникший тотчас же после образования Народного Комиссариата просвещения. Характерно, что учителя народных школ, по происхождению, образу жизни, настроениям ближе стоящие к трудящимся, становились на сторону Советской власти, а учителя средних и высших школ продолжали относиться крайне враждебно к новой власти.

Встали на ее сторону и учителя по призванию, с болью в сердце видевшие, как старая школа и физически и духовно калечит детей. Лозунг единой трудовой школы встретил с их стороны горячую поддержку.

Учительство далеко еще не то, чем оно должно бы быть. Созданные наскоро летние курсы, занятия в которых происходили под знаком единой трудовой школы, не смогли сразу поднять учительство на должную высоту, хотя через одни только петроградские курсы прошло 6 тысяч учителей. Теперь по России разъезжают кадры инструкторов, помогающих учителям на местах налаживать новую школу. При комиссариате существует особый инструкторский отдел. Зима уйдет на более основательную подготовку учительского персонала. Был съезд представителей всякого рода заведений по подготовке персонала: учительских семинарий, педагогических институтов и т. п. На съезде слушателей учительских институтов, где присутствовали также представители комиссариата, были выбраны представители, которые работали

в комиссии по реорганизации учительских институтов. Шелапутинский институт преобразован в построенную совершенно на иных основаниях, с обновленным преподавательским персоналом, Педагогическую академию.

В бывшем Екатерининском институте организованы курсы по подготовке учителей трудовой школы с мастерскими всякого рода. На курсах работают Левитин, Блонский и другие поборники трудовой школы.

Открываются всякого рода учительские курсы и в провинции.

Спешно составляются учительские библиотеки, учителя снабжаются литературой, жалованье учителям значительно повышено, учителя выведены, наконец, из злой нищеты, в которой прозябали раньше.

Новым духом повеяло среди учительства.

Совет Народных Комиссаров не жалеет денег на народное образование. На 1918 г. ассигновано было на народное образование в 9 раз больше, чем при Временном правительстве, и в 18 раз больше, чем последний раз при царской власти.

Это не считая того, что затрачивается на народное образование из местных средств. Приезжие с мест рассказывают, как между волостями идет соревнование, кто больше даст на народное образование.

Усилия Народного Комиссариата по просвещению были направлены главным образом на то, чтобы преобразовать старую классовую школу учебы в единую трудовую школу, одинаково доступную для всех. Обращено было внимание на то, чтобы открыть как можно больше школ первой ступени для детей от 8 до 13 лет. Этот год ознаменован открытием огромного количества новых школ и увеличением числа школьных комплектов.

В корне изменен характер школ. Школа стала светской. Религиозное преподавание в стенах школы воспрещается. Этот декрет было трудно провести. Против него агитировали попы и все сторонники старых порядков, прекрасно понимавшие, как выгодно превращать школу в место проповеди смирения, покорности, послушания сильным мира сего. Они сделали все возможное, чтобы использовать темноту народную и натравить, в деревнях особенно, свою паству на Советскую власть за ее безбожие.

Но самая главная реформа школы заключалась в превращении школы учебы в школу труда. Знание до сих пор было монополией господствующего класса. Школа или давала обрывки знаний, да и то фальсифицированных (в народных школах), или готовила белоручек, не способных к физическому труду, привыкших, чтобы за них работали другие. Школа, доступная для всех, должна соединять обучение с производительным трудом. Это соединение, по словам Маркса, послужит могучим рычагом преобразования существующего строя. Причем производительный труд, который будет занимать теперь видное место в школе, должен быть не однообразным, притупляющим трудом, а трудом творческим, разносторонним, политехническим.

Декретом старая школа учебы превращена в школу труда. Многие упрекают комиссариат, что он издал этот декрет, не дав учителям самых точных указаний, что́ и ка́к делать, не дав программ, учебников и т. п. Трудовая школа — дело новое. Комиссариат создал опытные школы I и II ступеней. Но если бы он ждал прежде результатов, какие даст опытная школа, а пока все оставлял по-старому, дело мало подвинулось бы и дети пролетариата продолжали бы отравляться в школах учебы. Теперь же тысячи учителей работают над задачей организовать трудовую школу. Многие, конечно, наглупят, не смогут поставить сразу дело, но все же исчезнет старый, мертвый дух школы. Зато сотни учителей нащупают новые пути, новые формы работы с детьми. Коллективный опыт приведет скорее к цели, чем единоличная работа комиссариата. «Ищите! — вот задание.— Ищите путей, как их осуществить!» Работает над правильной постановкой единой трудовой школы комиссариат, работает не покладая рук. Коллективный опыт учителей оплодотворит его работу.

Высшая школа открыла свои двери для всех желающих. Для поступления в нее не надо никаких аттестатов и свидетельств. На первых порах лишь немногие из рабочих и крестьян попадут в университет. У них нет соответствующей подготовки. И потому наряду с открытием дверей университета комиссариат создает ряд школ для взрослых, дающих эту подготовку.

С каким интересом относятся к занятиям слушатели, видно, например, из примера Иваново-Вознесенска, где рабочие целыми мастерскими остаются после работы слушать политическую экономию и историю культуры. В ряде мест открываются пролетарские и народные университеты, народные политехникумы. Открыт громадный политехникум в Перми, существует народный университет в Богородске, Калуге и других местах.

В Москве открывается пролетарский университет. Программа его выработана особой комиссией. В Петрограде — ряд политехникумов, матросский клуб с рядом курсов и т. д.

Комиссариат поддерживает также устройство музеев, экскурсий и пр. Во внешкольном отделе самые крупные затраты — на библиотечное дело. Повсюду устраиваются избы-читальни, районные библиотеки с передвижными комплектами, городские библиотеки и пр. Комиссариат вырабатывает списки книг для различных библиотек, устраивает годичные курсы по библиотечному делу, которые должны превратиться потом в постоянные библиотечные курсы, куда можно будет приезжать и на время — подновить знания, подучиться. Постепенно курсы превратятся в живой библиотечный центр. Книги отпускаются небольшим библиотекам даром.

Очень широко развивается устройство клубов и народных домов. Потребность постоянно собираться для обсуждения разных дел, растущий общественный инстинкт заставляет на местах особенно усиленно заботиться об организации помещений для собраний, бесед, занятий и пр. Под народные дома приспособляют часто помещичьи дома, в столицах под клубы отданы лучшие помещения.

Комиссариат стремится сплотить вокруг себя все учреждения, работающие в области народного образования (соответствующие отделы комиссариатов — Военного, Национальностей, Земледелия, Высшего Совета Народного Хозяйства и пр.), устранить параллелизм в работе, внести в нее единство.

За последнее время организовался, наконец, профессиональный отдел. После конференции с представителями профессиональных союзов решили составить руководящий орган из двух представителей Народного Ко-

миссариата просвещения, двух представителей профессиональных союзов, одного представителя Совнархоза, одного — Комиссариата труда, одного — Комиссариата торговли и промышленности.

Этот руководящий орган сумеет поставить профессиональное образование (речь идет о профессиональном образовании взрослых, так как для детей необходимо политехническое трудовое образование, всесторонне развивающее их способности, а не специальное) так, чтобы оно дало широкие кадры рабочих, так нужных теперь производству, вполне владеющих и своей специальностью и в то же время понимающих значение и роль своего производства в целом и потому могущих быть хозяевами производства.

Обращено особое внимание на дошкольное образование. Устройство домов ребенка, колоний и прочего тормозится отсутствием подходящего персонала. Однако тысячи детей были это лето вывезены в колонии. Царское Село превратилось в детское село. Петергофские дворцы стали приютом для детей профессионального союза табачников. В Уфе колония попала в руки чехословаков, дети натерпелись не мало, особо плохо было, что врачи ушли на сторону белогвардейцев, что часть персонала, набранная из людей, которые в глубине души несочувственно относились к Советской власти, небрежно относилась к своим обязанностям.

При комиссариате существуют также отделы: кинематографический, театральный, музыкальный, изобразительных искусств. Все они завалены работой. В массах пробудилась не только жажда к знанию, но и тяга к искусству. Всюду устраиваются театральные кружки, художественные студии и т. п.

Работа развертывается все больше с каждым днем. Самое трудное время позади. План работы наметился вполне. Теперь дело только в углублении работы, в развертывании ее во всей широте, в доведении до конца начатого. Работая совместно с рабочими, можно достигнуть необычайных результатов.

Недаром писал Лассаль в «Принципах труда в современном обществе»: «Господство в государстве четвертого сословия принесет с собою расцвет нравственности, культуры и науки, еще невиданной в истории».

1918 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОМИССАРИАТОВ

Большевики всегда раньше резко нападали на бюрократизм, тучи чиновничества, а, взявши власть, сами развели поистине чудовищный бюрократизм, набрали во все комиссариаты уйму служащих, которые, в сущности, ничего не делают, а только мешают друг другу.

Большинство комиссаров понимает, что тьма служащих — язва, помеха делу, но число служащих растет и растет как-то помимо их воли. Что делать? Вот Народный Комиссариат по просвещению назначил комиссию по сокращению числа служащих (в Народном Комиссариате просвещения не 16 тыс. служащих, как предположил тов. Ольминский, а $2^1/_2$ тыс., но и это число чрезмерно велико). Комиссия, говорят, решила уволить 50%. Хорошо. Но месяца через три наверняка будет опять $2^1/_2$ — 3 тыс. служащих. Дело не в комиссии. Определенная организация комиссариатского аппарата требует определенного числа служащих. Большое число служащих всегда указывает на дефект внутренней организации учреждения. И колоссальные числа служащих в наших комиссариатах указывают на плохую организацию комиссариатов.

Во-первых, каждый комиссариат должен заниматься только своим делом.

Я буду говорить только о деле народного образования, так как я в этой области работаю и хорошо знаю, что в ней делается.

Какой комиссариат не занимается народным просвещением: ВСНХ, Комиссариат торговли и промышленности, Комиссариат внутренних дел, Комиссариат социального обеспечения, Комиссариат земледелия, Комиссариат национальностей, Военный комиссариат и т. д. Кроме

того, ЦИК, Пролеткульт, профсоюзы, кооперативы, разные «общества свободы и культуры» и т. д. и т. д.

Все делают одно и то же дело, но каждое учреждение имеет для всего этого особый штат, особых инструкторов и т. д. Наш отдел внешкольного образования бьется над объединением работы, кое-чего добился, но до сих пор параллелизм остается. И не потому, чтобы были существенные разногласия в характере работы, а потому, что люди не умеют работать согласованно, потому что каждый считает, что он лучше сделает. Хороших работников в области внешкольного образования не так-то много; идет какая-то нелепая конкуренция из-за людей... А сколько тут ненужной параллельной работы, сколько сотен, если не тысяч, лишних служащих!

Теперь, внутри комиссариата тот же параллелизм, неискоренимый, все вновь и вновь выплывающий. То возникает какой-то «иногородний отдел», ведущий свою особую переписку с местами, то отдел информационный, осведомляющий, например, приезжих о работе внешкольного отдела, не побывав ни разу там, не имея представления, что там делается. Вдруг этот информационный отдел начинает издавать свой орган с принципиальными статьями по вопросам народного образования.

Конечно, все эти неведомо как возникающие отделы упраздняются в свое время, но все это берет много сил и денег и показывает, что винтики и колесики комиссариатской машины плохо прилажены, что одно колесо вертится, не задевая другое.

Необходимо было бы всем комиссариатам пересмотреть свою организацию: не делает ли комиссариат чужую работу, все ли у него внутри слажено так, как надо, каков механизм аппарата, нет ли на нем каких-нибудь ненужных наростов...

Надо сознаться, что среди нас мало настоящих организаторов, что при царизме у революционеров были связаны руки, что им негде было развить свои организаторские таланты. И теперь приходится впервые в широком масштабе учиться организовываться. Тучи служащих показывают, что мы еще этому искусству не научились. А надо научиться тому, что умеет делать европейская буржуазия: «to put the right man at the right place» — поставить на каждое место подходящего человека. Но у буржу-

азии были другие «места», служившие другой цели, чем в Советской республике, и, стало быть, нужны были другие люди. Нам надо учиться создавать лишь необходимые для дела места и для каждого места подобрать такого человека, который, работая на нем и только на нем, сумел бы принести максимум пользы.

У нас в Народном Комиссариате просвещения есть правило, что каждый служащий приглашается сначала на месячный стаж. Это прекрасный порядок, только мы не умеем использовать этот месяц для достаточного ознакомления с работоспособностью и взглядами кандидата на должность, и прекрасное правило остается мертвым.

Организация, организация и организация! В ней смысл диктатуры пролетариата как переходной ступени к социализму.

1919 г.

СОВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И СОВЕТЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вопрос о советах народного образования тесно связан с вопросом о советской демократии.

Говоря о демократии, нельзя говорить о демократии вообще. Демократия, в зависимости от того или иного строя, выливалась и выливается в весьма различные формы. Так, была демократия первобытная, была демократия афинская, целиком покоившаяся на рабстве, существует демократия буржуазная, покоящаяся на господстве буржуазии, и, наконец, нарождается демократия рабоче-крестьянская, демократия трудящихся.

В 1903 г. на II партийном съезде социал-демократия приняла программу партии. И после раскола у большевиков и меньшевиков осталась одна общая программа. В программе требовались свобода совести, свобода слова, свобода собраний, союзов, всеобщее избирательное право. Для России требовалось Учредительное собрание.

В 1903 г. Россия билась еще в тисках самодержавия. По сравнению с ним демократический режим был громадным шагом вперед и, казалось, создавал благоприятные условия для развития и организации рабочего класса. В России требование демократических свобод и демократического строя имело громадное значение. Надо, однако, сказать, что большевики с самого начала смотрели на буржуазный демократизм как на средство, а не как на цель.

С 1903 по 1917 г. много воды утекло. За это время в России был пятый год, потом бешеная реакция, Ленские события, сплотившие массы, и, наконец, мировая война,

так тяжело доставшаяся России. На Западе империализм все больше и больше выявлял свою сущность, свое пренебрежение к демократизму, который обнаружил всю свою эфемерность. Империалистическая война поставила точки над i, показав, что парламент — послушное орудие в руках империалистов, что в момент, когда свобода наиболее нужна, буржуазия отменяет свободу слова, свободу собраний, свободу коалиций...

С другой стороны, голосование кредитов, вспыхнувший в начале войны в рабочих массах капиталистических стран шовинизм ясно показали, как ловко сумела буржуазия при помощи буржуазного демократизма сделать из рабочих своих слуг не за страх, а за совесть. Свобода печати громко провозглашалась, но благодаря тому, что в руках буржуазии имелись громадные средства, вышло так, что в то время, как рабочая пресса ютилась где-то на задворках, не имела ни своих телеграмм, ни сведений из других стран, буржуазная пресса получала свои радиограммы, имела своих агентов во всех странах, прекрасно налаженный издательский и распространительный аппарат. Рабочие массы через прессу подпадали под идейное влияние буржуазии. Свобода собраний свелась к свободе собраний для буржуазии, а для рабочих не было помещений, особенно когда нужно было обсуждать какой-нибудь острый вопрос. Свобода союзов провозглашалась только на словах. Буржуазия заботилась о том, чтобы из среды квалифицированных рабочих выработать людей — социалистов на словах, на деле слуг буржуазии. Союзы под руководством Эберта или Шейдемана не опасны для буржуазии.

Во Франции право коалиции отнято у железнодорожных служащих, почтово-телеграфных чиновников, банковских чиновников, учителей-синдикалистов...

Парламент — законодательная палата — все больше превращается в игрушку. Депутаты разговаривают в парламенте, перед ними раскланиваются, а правят страной, ни с какими законами на деле не сообразуясь, военная партия да отчаянные реакционеры.

Буржуазный демократизм разоблачил себя совершенно, обнаружил все свое бессилие. Он — ширма для буржуазии, позволяющая ей морочить массы.

В «Исторических письмах» Миртова одна глава посвящена вопросу о знамени. В этой главе Миртов говорит о том, что знамя, революционное в один момент,— в последующий может стать реакционным.

Вопрос об Учредительном собрании является прекрасной иллюстрацией этой мысли. При царизме лозунг Учредительного собрания был революционным; в момент, когда рабочие и крестьяне овладели властью, этот лозунг превращается в архиреакционный и равносилен лозунгу: «Назад! К буржуазным порядкам!»

Жалкую картину представляет собою социалист, как утопающий за соломинку хватающийся за буржуазный демократизм и тем доказывающий, что мысль его никогда на деле не перелетала за забор буржуазного строя, что в переживаемую великую эпоху всемирного потрясения он тратит силы на тщетные усилия повернуть назад колесо истории.

При социализме не будет никаких классов, не будет ни эксплуатируемых, ни эксплуататоров, никто не будет поставлен в привилегированное положение, каждый будет получать определенную часть общественного продукта, каждый будет работать в меру своих сил. С наступлением социализма отомрет и государство как орудие насилия над массами. Мощная организация масс, постоянное всестороннее обсуждение ими всех жизненных вопросов и участие в их разрешении превратится в обычное, естественное явление. Что же касается всеобщего избирательного права, то выборы будут производиться не в законодательное учреждение вроде парламента, но все будут принимать участие и в управлении, и в законодательстве, которые неразрывно связаны между собою. Это будет гораздо более глубокая, всеобъемлющая демократия, чем демократия буржуазная.

Задача диктатуры пролетариата — подготовить необходимые условия для осуществления социализма. Пролетариату надо сломить силу буржуазии, сломить старый государственный угнетательский аппарат, надо преодолеть буржуазную идеологию, надо обобществить производство и наладить его механизм.

Первый период диктатуры особенно тяжел. Буржуазия, старое чиновничество, военщина отчаянно сопротивляются. Одно из средств борьбы с буржуазией — это ограни-

чение ее политических прав. Для отдельного человека это ограничение продолжается постольку, поскольку он продолжает оставаться в рядах эксплуататоров. Поскольку число эксплуататоров сокращается, постольку уменьшается и число лишенных гражданских прав.

Советская власть стоит за рабоче-крестьянский демократизм и отрицает демократизм буржуазный, так как не хочет дать буржуазии возможность использовать демократизм в своих целях..

Чтобы выполнить то, что ставит себе целью Советская власть — вовлечь массы в управление страной,— необходимо, чтобы советские учреждения были построены так, чтобы способствовали вовлечению масс в дело управления.

Народный Комиссариат просвещения организует при всех своих отделах особые контролирующие и вместе с тем совещательные органы: советы народного образования. В советы народного образования посылают своих делегатов те ячейки, которые посылают своих делегатов в совдеп. Следовательно, в СНО (советах народного образования.— *Ред.)* мы имеем представительство от рабочих и трудовых крестьян. К ним прибавляются, в количестве не более одной трети, делегаты от учащих и учащихся.

Учащие — те же специалисты, и присутствие их в СНО необходимо, чтобы всесторонне освещать вопросы. Кроме того, царское правительство воздвигало стену между учащими и рабочими и крестьянами, теперь же необходимо употребить все усилия, чтобы сблизить учительство с массами; в этом общении учительство будет черпать новые силы для работы, будет учиться живой жизни. Перед советом народного образования заведующий отделом народного образования должен будет давать подробный отчет о мерах, им принятых, и вообще о постановке всего дела народного образования. Члены СНО будут обсуждать этот доклад, высказывать свое мнение и т. д. Это поможет заведующему нащупывать правильный путь работы, членов же СНО будет втягивать в дело управления народным образованием. Если кому-нибудь из них придется потом быть избранным в совдеп и заняться народным просвещением, он уже будет не новичок в этом деле и будет уметь за него взяться. Но не только члены СНО будут знакомиться с делом народного просвещения: каж-

дый из них должен сделать подробный доклад о происходившем в совете перед своими избирателями и вместе с избирателями проводить в жизнь принятые постановления. Таким образом массы будут приобщены к этому делу.

Втягивание масс в дело управления народным образованием — одна из самых важных функций отделов народного образования. Когда в дело вовлечены массы, можно ручаться, что дело поставлено на прочную почву.

1919 г.

РАБОТНИЦА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Знание — сила. И потому господствующие классы всегда старались сохранить за собой монополию знания. В Соединенных Штатах Америки, во время господства там рабства, всякого, кто выучит негра читать и писать, наказывали смертью. Во времена крепостничества у нас в России крепостные не допускались в гимназии и университеты, да и после уничтожения крепостного права министр народного просвещения Делянов издал указ, чтобы не пускали в гимназию детей кухарок и кучеров. Еще перед революцией в некоторых губерниях чуть не половина всего населения была безграмотной.

Но, может быть, за границей дело обстоит лучше? Да, насколько дело касается грамотности, то там дело лучше: почти все сплошь грамотны и даже ходят в школу по 7—8 лет. Но все же наука остается привилегией буржуазии и ее прислужников, а детям рабочих и крестьян бросаются лишь жалкие крохи знаний; время в школе идет на всякую муштру и зубрежку.

Знания, даже в той убогой форме, в которой они даются, преподносятся детям рабочих в искаженном, отравленном виде. Преподают историю — и рассказывают в ней только о военных подвигах, стараются при помощи истории развить в детях чувство ненависти к другим народам, привить им дух милитаризма. Учат родному языку — и дают читать рассказы, в которых восхваляют богатство, знатность и пр.

Главная цель народной школы в капиталистических странах — это воспитание в детях чувства покорности, привычки к слепому, беспрекословному послушанию.

В народных школах применяются методы физического воздействия и всячески втаптывается в грязь личность ребенка. Школа на Западе, вместо того чтобы стать орудием духовного освобождения, превратилась в орудие духовного порабощения.

Но если плохо обстоит дело с образованием народных масс, то по отношению к женской части населения — дело еще хуже. Существуют особые школы для мальчиков и особые школы для девочек. В школах для мальчиков обращают больше внимания на воспитание духа милитаризма, патриотизма; в школах для девочек тоже воспитывают преклонение перед существующими порядками, но главное внимание обращено на ручные работы, на развитие хозяйственности, аккуратности, на умение украшать домашнюю жизнь. Знаний дается еще меньше, чем мальчикам.

Рабоче-крестьянская Советская республика дала женщине те же права, что и мужчине, она призвала и ее строить новую, светлую жизнь.

Рабочий класс рвется к знанию, он понимает, что знание — сила. И если женщина хочет освободиться, она должна напрячь все силы, чтобы овладеть знанием. Ни одна мать, как бы ей тяжело ни было, не должна оставлять дома свою дочь помогать по хозяйству и нянчить младших детей, она должна посылать ее в школу. Она должна сама сесть за букварь, если она безграмотна, сесть за газету, за книжку, заставлять своих детей, чтобы они ей читали. Она должна идти на лекцию, в школу, на митинг. Если муж ей товарищ, он поможет ей учиться, если нет, она должна вопреки его воле проложить себе дорогу к знанию.

1919 г.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

(ИЗ РЕЧИ НА I ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ШКОЛЬНЫХ ПОДОТДЕЛОВ)

В программе РКП пункт 12-й касается вопроса народного образования вообще и профессионального образования в частности. Этот параграф требует проведения бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет, с одной стороны, и широкого развития профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста — с другой.

Этот пункт, как и вся программа, писался не наобум, а на основании всестороннего изучения вопроса. И этот параграф обязателен для всех коммунистов, пока он не отменен.

Между тем у нас склонны очень легко отмахиваться от этого параграфа, игнорировать его. Когда минувшую зиму на первый план выдвинут был вопрос об экономическом строительстве, сразу стало ясно, какой у нас громадный недостаток в квалифицированных рабочих. На очереди стал вопрос о профессиональном движении.

Многие товарищи, подходя к этому вопросу, склонны были вырывать его из общей системы народного образования и забывать условия, необходимые для его жизненного проведения. Так, на секции по профессиональному образованию, работавшей при последнем всероссийском съезде по профессиональному образованию, раздавались голоса, что общее образование для профессионального не имеет никакого почти значения, что единая трудовая школа и внешкольное образование ничего не имеют общего с профессиональным образованием. Та-

кое игнорирование связи профессионального образования с общим крайне ошибочно. Возьмем две страны, идущие во главе промышленного развития: Германию и Америку. Как там поставлено профессиональное образование? Там для поступления в профессиональную школу необходимо окончить по крайней мере шесть классов народной школы. Но и во время пребывания в профессиональной школе ученики занимаются общеобразовательными предметами. Это делается ради того, чтобы поднять уровень профессионального образования, так как без общего образования этого сделать нельзя. В Америке существует обычай, что инженеры, приобретшие себе имя, делятся с молодежью, кончающей технические школы, своим жизненным опытом. И вот они подчеркивают, что не следует переоценивать чисто технических их знаний, что надо помнить, что в основе всех технических знаний лежит математика и естественные науки. На их изучение надо обратить самое серьезное внимание.

Таким образом, в Германии и в Америке придают общему образованию специалистов очень большое значение.

Но, говорят некоторые товарищи, нам не до жиру, лишь бы быть живу. Может быть, в Германии и в Америке и можно обращать внимание на общее образование и готовить хорошо знающих свою отрасль работы квалифицированных рабочих, нам же надо не гнаться за этим, у нас нет времени, у нас надо обратить внимание на подготовку узких специалистов. Таких узких специалистов можно подготовить гораздо скорее.

В крупном производстве в настоящее время работают три типа рабочих: квалифицированные рабочие, знающие известную отрасль работы (слесари, ткачи и т. д.), рабочие, обслуживающие машины и как бы дополняющие работу машины (например, мюльщики, которые следят за тянущимися от машины к машине нитями и связывают их на ходу, если они рвутся), и, наконец, чернорабочие.

Чем менее совершенен машинный механизм, тем больше надо рабочих, дополняющих его работу.

В Америке и в Германии, конечно, надо меньше таких обслуживающих машины рабочих, чем у нас. Чтоб натаскать рабочих этого типа, выучить их известным манипуляциям, надо часто только несколько дней, иногда, когда работа сложнее, несколько месяцев. Создать кадры

таких «натасканных» (angelernten) рабочих гораздо легче, чем создать необходимый кадр квалифицированных рабочих, на подготовку которых нужно два, три, четыре года.

Было бы глубокой ошибкой думать, однако, что можно обойтись одними «натасканными» рабочими. При всякого типа машинах нужны квалифицированные рабочие, и чем выше будет подыматься уровень промышленного развития, тем острее будет потребность в квалифицированных рабочих. А для подготовки квалифицированных рабочих необходимо общее образование.

Остановлюсь на вопросе, как должно быть поставлено преподавание в единой трудовой школе, чтобы она облегчала и углубляла профессиональное образование. Во-первых, единая трудовая школа должна развивать в учениках графическую грамотность, т. е. умение рисовать и чертить. Это умение, крайне существенное для рабочих целого ряда производств, играет крупную роль и в деле общего образования.

Математика, и в особенности математика прикладная, должна занимать в единой трудовой школе видное место. Не меньшее значение имеют и естественные науки. Но, само собой, они должны ставиться целесообразно, так, чтобы воспитать из ученика естествоиспытателя, чтобы дать ему возможность вполне овладеть естественноисторическим методом. Знание, например, физики, механики, химии сослужит рабочему крупную службу.

И, наконец, единая трудовая школа должна поставить на должную высоту политехническое образование. Предмет этот новый, методы его и программы еще не разработаны, но тем не менее предмет этот имеет колоссальное значение. На секции по профессиональному образованию III съезда профессиональных союзов высказывались против политехнического образования, важность которого подчеркивает программа РКП. Там говорилось: лучше изучить один предмет, да хорошо, чем много, да плохо. Но это возражение было мимо цели. Политехническое образование есть не что иное, как изучение в теории и на практике хозяйства страны. В сущности, это один предмет, но предмет колоссальной важности.

В Советской России трудящимся приходится самим строить хозяйственную жизнь и поэтому для них чрезвы-

чайно важно знание и понимание производства своей страны.

Как поставить политехническое образование — этот вопрос у нас совершенно не разработан. Этот вопрос Наркомпрос не может разрабатывать самостоятельно, к обсуждению вопроса должны быть привлечены и Наркомзем и ВСНХ. Необходимо установить относительное значение различных отраслей производства, выделив из них самое существенное, наметить предприятия, куда могут посылаться ученики старших классов для изучения дела по определенной программе. Изучение нескольких главных, основных отраслей производства даст ученикам необходимую широту понимания хозяйственного строительства. Повторяю, вопрос о политехническом образовании совершенно еще не разработан и тут предстоит еще большая работа.

Вопросы экономического строительства будут с каждым годом привлекать все более широкое внимание, и подготовка в этом направлении необходима.

Графическая грамота, математика, естественные науки, наука о народном хозяйстве, поставленная совершенно по-новому, дадут ученикам такую серьезную подготовку, что дело профессионального образования сможет быть поднято на очень высокую ступень.

1920 г.

1921 • 1930

ПРОБЛЕМА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Проблемы воспитания видоизменялись в зависимости от цели воспитания.

Желая воспитать из своих детей неустрашимых, выносливых, жестоких, ни перед чем не останавливающихся воинов, спартанцы давали им крайне суровое воспитание, закаляли их физически, делали из них спецов военного дела, не знавших никакого другого труда. Вместе с тем они внушали им с самых ранних лет определенный взгляд на вещи, заставлявший их презирать мирную жизнь и ее радости, презирать творческий труд, жестоко ненавидеть всякого иноземца.

Целью воспитания древнего грека-рабовладельца было сделать его способным к наиболее полному наслаждению жизнью. Гимнастика, игры, музыка, ваяние и прочие искусства — все должно было услаждать его жизнь. Физическое и эстетическое воспитание сопровождалось воспитанием той нравственной слепоты, которая позволяла считать существование рабства нормальным явлением и жестоко расправляться с рабами.

А воспитание раба? Жестокое битье, долженствующее приучить раба к безмолвному и беспрекословному послушанию, приучение к работе вьючного животного, обучение ремеслу...

Проблема воспитания, которую ставила во все времена церковь, заключалась в превращении человека в божьего раба, боящегося смотреть и видеть, не смеющего ни о чем судить... Убить в ребенке самостоятельную мысль, убить в нем жажду, радость жизни всегда стремились отцы церкви. «Не страшно,— писал мне однажды ученик вечерних классов, квалифицированный рабочий,— не страшно быть ра-

бом человеческим, тут дело ясно — нужна борьба, ну а быть рабом божьим, не сметь и подумать о борьбе — всего хуже».

От церкви научилась буржуазия, как можно в школе воспитывать рабов. Своих детей она учит в особых школах, где воспитывают из них хозяев жизни, людей, которым придется в будущем повелевать и пользоваться благами жизни. В народных же школах, в тех школах, где учатся дети рабочих и крестьян, идет систематическое угашение духа. Там воспитывают из детей покорных слуг капитала.

Посмотрите на народные школы Германии, Франции, Швейцарии и т. д. и посмотрите, как подавляют там в детях всякую самостоятельную мысль, как вбивают им в головы буржуазную мораль, учат преклоняться перед богатством, перед всяким начальством, как учат слепо повиноваться, выполнять каждый приказ учителя. Буржуазия прекрасно знает, что голым насилием она не может сохранить надолго свою власть, она все делает, что можно, для духовного порабощения масс.

Когда в России в октябре 1917 г. трудящиеся взяли в руки власть, они получили возможность воспитывать подрастающее поколение так, как они считают это нужным. Перед органами просвещения возник целый ряд новых воспитательных задач. Поскольку Октябрьская революция низвергла власть помещика и капиталиста, она положила начало уничтожению разделения общества на классы и превращению всего населения в республику трудящихся.

Само собой, что в Советской республике не может быть места двум системам воспитания: одной, направленной к воспитанию господствующих, и другой, направленной к воспитанию порабощенных.

Вот почему первым актом Наркомпроса было провозглашение *единой системы воспитания*, «единой школы», бесплатной, распадающейся на две ступени и дающей солидную подготовку к жизни и труду. Сделать двухступенную, девятилетнюю школу не на словах, а на деле доступной для каждого ребенка — такова первая проблема воспитания, вставшая перед Советской Россией.

Война и разруха мешали до сих пор выполнению этой проблемы коммунистического воспитания.

Февральская революция уравняла перед законом муж-

чину и женщину, а Советская власть делает все возможное, чтобы это юридическое равенство (равенство перед законом) превратить в равенство фактическое (равенство в жизни). Понятно поэтому, что Наркомпрос старается сделать школу на всех ее ступенях одинаково доступной как женской, так и мужской молодежи. Мальчики и девочки ходят в одну и ту же школу, учатся у одних и тех же учителей, по одной и той же программе, по одним и тем же учебникам. Значит, и в этом отношении мы имеем единую воспитательную систему.

Если в прежнее время дети ходили в школу только учиться, то теперь, когда война оторвала от миллионов семей отцов, когда разрушенное хозяйство страны, жизнь повелительно диктуют широкое вовлечение в работу и матерей, старших сестер и пр.,— к школе переходят многие функции семьи. Школа в Советской России все больше и больше заботится о том, чтобы дети были сыты, одеты, обуты, чтобы у них было все необходимое. Нищета и разорение страны ставят на этом пути, по которому пошло школьное строительство, очень тяжелые препятствия, но школьные завтраки со снабжением школьников одеждой и обувью стали обычными. Стоящая перед Советской властью задача наметилась вполне определенно: через посредство школы Советская власть должна взять на себя полностью содержание всех учащихся.

Переходит все больше и больше к школе и другая функция семьи: раньше семья давала ребенку общее трудовое воспитание, учила его работать; теперь, когда работа начинает происходить все более и более вне дома, и эту функцию — обучение ребенка труду — должна взять на себя школа. Школа учебы становится экономически немыслимой. Не заботясь о развитии трудоспособности молодого поколения, она понижает общую сумму производительных сил страны. Вот почему даже буржуазные страны, вроде Америки и Германии, стали обращать особое внимание на превращение школы учебы в школу труда.

Коммунизм предполагает планомерную рациональную организацию производства. Не должна пропадать ни одна сила, ни одно дарование. Рациональное использование сил предполагает их планомерное целесообразное воспитание. Подготовка молодых поколений к коммунистическому производству является одной из важнейших проблем комму-

низма. Вот почему Наркомпрос поставил себе задачей создание именно такой «единой *трудовой* школы».

Трудовая школа трудовой школе рознь. Трудовая школа может носить узкоремесленный характер, домашнехозяйственный, она может ставить себе целью воспитывать в детях трудолюбие, усидчивость, терпение и пр. С другой стороны, трудовая школа может носить политехнический характер. Этот политехнический характер должен состоять не в том, что ребенок изучает несколько ремесел, как толкуют некоторые педагоги. Политехническая школа должна давать представление о хозяйстве страны в целом, ознакомив учеников с сельскохозяйственной промышленностью, с добывающей, с обрабатывающей, с ее главными отраслями: металлообрабатывающей, текстильной, химической. Знакомство это должно быть дано путем учебников, иллюстраций, кинематографа, посещения музеев, выставок, фабрик, заводов, путем участия в производстве. Последнее особенно важно. Только работая над материалом, изучает его всестороннее подросток. Трудовой метод — наилучший метод изучения. В процессе труда ученик наилучшим образом изучает физику, химию, законы механики. В процессе труда он учится наблюдать, проверять свои наблюдения путем опыта, учится пользоваться книгой как орудием труда, учится применять данные науки к обыденному труду. Только когда подросток научится обрабатывать материал, он наглядно увидит встающие в процессе работы проблемы производства. История каждой изучаемой отрасли народного хозяйства получит для работающего в ней подростка совершенно новое значение, он поймет, в чем заключается прогресс каждой отрасли производства, поймет роль в производстве пара, электричества, поймет колоссальную роль науки в современном производстве. Задача политехнической школы — подготовить не узкого специалиста, а человека, понимающего всю взаимосвязь различных отраслей производства, роль каждой из них, тенденции развития каждой из них, воспитать человека, знающего, что и почему в данную минуту надо делать, одним словом, хозяина производства в настоящем смысле этого слова. Это — с одной стороны. С другой стороны, политехническая школа должна воспитать в то же время из ученика и активного участника этого производства. Она должна вооружить его

умением правильно подойти к каждой работе, умением учиться в процессе работы, умением работать сознательно, творчески, умением применять теоретические знания к практике, умением быстро ориентироваться в работе. Политехническая школа не дает готового специалиста, она дает возможность ученикам быстро и основательно обучиться выбранной профессии, она парализует вред узкой специализации, облегчает переход от профессии к профессии, а главное, она дает тот кругозор, который необходим для строительства новой жизни.

Политехническая школа готовит к труду. Но она должна готовить не только к умению трудиться индивидуально, она должна воспитывать умение трудиться коллективно, и тут самое важное — умение организоваться для труда. При крепостном праве организатором труда был помещик или его управляющий. При капитализме капиталист и главным образом инженер, директор фабрики и пр. организовывали труд рабочих внутри фабрики или завода, организовывали с точки зрения интересов капиталиста. У нас, в Советской России, старая, капиталистическая организация труда распалась. Перед рабочими, свергнувшими иго капитала, стоит чрезвычайной трудности и важности задача — организовать труд в интересах всего коммунистического общества не только на отдельных фабриках и заводах, но во всей стране. Взяв в свои руки власть, коммунисты взялись за организацию производства и распределения. И мы видим, как на каждом шагу сказывается недостаток организационных навыков. Только исключительно талантливые люди оказываются на высоте задачи, а то всюду мы натыкаемся на бестолочь, незнание азов организационной науки...

Почему у нас, в Советской России, распустился таким пышным цветом бюрократизм? Что тому причиной? Наше неумение организовать дело.

Зачем же брали, скажут враги Советской власти, рабочие власть, если не умеют сами ничего организовать? Да, за науку платят, и рабочим Советской России тяжко приходится платить за то, чтобы научиться делу организации: им пришлось учиться ей не в пансионе благородных девиц, а в разгар войны, в обстановке разрухи, когда каждый промах влек за собой тяжелые последствия. И другого выхода не было. Иначе век пришлось бы быть в кабале у ка-

питала. Умение организовывать в данный исторический момент приобретает особо важное значение. Ведь базой коммунизма является прекрасно, рационально организованный в интересах всего коллектива общественный труд. Вот почему политехническая школа наряду с подготовкой учеников к труду должна воспитывать в них организационные навыки. Это значит, что обучение труду должно происходить в такой обстановке, которая давала бы простор организационной инициативе трудящихся. Лучше всего, если трудовые задания будут даваться отдельным группам учеников, причем величина группы должна все возрастать, а сами задания усложняться. Развитию организационных навыков способствуют также известного рода игры. Капитализм понял значение игры в детской жизни и сделал из нее орудие воспитания из молодых поколений насквозь пропитанных буржуазной идеологией слуг капитала. Бойскаутизм, давая пищу детской инициативе, свободному проявлению физических и духовных сил молодежи, сослужил буржуазному строю немалую услугу. Незаметно для подростка он пропитывал его шовинизмом, развивал в нем преклонение перед военщиной, перед грубой силой, перед властью, внушал чисто буржуазные взгляды на все явления общественной жизни. Но можно использовать опыт буржуазного бойскаутизма, внести в него совершенно другой дух, вложив новое содержание, сделать его орудием воспитания коммунистического мировоззрения. Нельзя игнорировать такое важное средство воспитания привычки к коллективным действиям, средство развития организационных навыков, как игра.

Школьное самоуправление действует в том же направлении.

Та школа, которую стремится создать Советская власть, удовлетворяет требованиям самого полного демократизма: она едина для всех. Эта школа удовлетворяет требованиям экономического развития, способствуя наилучшей подготовке живых творческих производительных сил. Эта школа удовлетворяет самой острой потребности рабочего класса в данный исторический момент: она способствует превращению взявшего власть рабочего класса в хозяина и коллективного организатора производства.

1921 г.

К ВОПРОСУ О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Чтобы правильно подойти к вопросу, каково должно быть коммунистическое воспитание молодежи, надо прежде всего дать себе отчет в том, что за человек должен быть коммунист, что он должен знать, к чему стремиться, как поступать.

Коммунист прежде всего — *человек общественный,* с сильно развитыми общественными инстинктами, желающий, чтобы всем людям жилось хорошо, чтобы все люди были счастливы.

Коммунистами могут быть выходцы из всех классов общества, но больше всего коммунистов выходит из рабочей среды. Почему? Потому что условия жизни рабочих таковы, что воспитывают в них общественные инстинкты: коллективный труд, успех которого зависит от общих усилий, общая обстановка труда, общие переживания, общая борьба за человеческие условия существования — все это сближает рабочих между собою, спаивает их узами классовой солидарности. Возьмем класс капиталистов. Условия жизни этого класса совершенно иные. Конкуренция заставляет всякого капиталиста видеть в другом капиталисте прежде всего конкурента, которому надо подставить ногу; в рабочем капиталист видит лишь «рабочие руки», которые должны работать над созданием прибыли для него, капиталиста. Конечно, общая борьба против рабочего класса сплачивает капиталистов, но той внутренней спайки, того растворения в коллективе, которые мы видим у рабочих — им делить между собой нечего,— в классе капиталистов нет, капиталистическая солидарность разъедается червоточиной конкуренции. Вот почему человек с развитыми общественными инстинктами в рабочей среде является пра-

вилом, в капиталистической же среде такой человек складывается в виде исключения.

Общественный инстинкт значит очень много. Часто он помогает чутьем находить правильный выход из положения, помогает найти правильный путь. Вот почему при чистке РКП обращалось внимание, принадлежит ли тот или иной член партии к рабочей среде или нет. Тому, кто принадлежит к рабочей среде, легче выправиться. У нас в России интеллигенция, видя, как легко дается, благодаря классовому инстинкту, рабочему понимание того, до чего интеллигент, например, доходит с большим трудом,— склонна была в конце 90-х годов и в первой половине первого десятилетия XX века (1896—1903) преувеличивать значение классового инстинкта. «Рабочая мысль» — одна из социал-демократических нелегальных газет — договорилась до того, что перестала даже допускать, чтобы не из рабочей среды мог выйти социалист. Потому что Маркс и Энгельс не были рабочими, «Рабочая мысль» писала: «Не надо нам Марксов и Энгельсов»!

Классовый — в рабочем классе он совпадает с общественным — инстинкт есть условие, необходимое для того, чтобы быть коммунистом. Необходимое, но недостаточное.

Коммунисту надо еще немало *знать*. Во-первых, он должен понимать, что вокруг него делается, должен разбираться в механизме существующего строя. Когда в России стало развиваться рабочее движение, социал-демократы озаботились в первую голову распространением в широких массах таких брошюр, как, например, Дикштейна [1] «Кто чем живет», «Рабочий день» и т. п. Но мало понимать механизм капиталистического строя. Коммунисту надо еще изучить законы развития человеческого общества. Он должен знать историю развития хозяйственных форм, развития собственности, деления на классы, развития государственных форм. Должен понимать их взаимозависимость, знать, как из определенного общественного уклада вырастают религиозные и моральные представления. Поняв законы развития человеческого общества, коммунист должен ясно представлять себе, куда идет

[1] Дикштейн — польский социал-демократ, автор знаменитой книжки «Кто чем живет», объяснявшей механику извлечения прибавочной стоимости. Была самой популярной книжкой в подпольных кружках.— *Прим. автора.*

общественное развитие. Коммунизм должен представляться ему не только желанным строем, где счастье одних не будет строиться на несчастье других; он должен понимать также, что коммунизм именно и является тем строем, к которому неизбежно идет человечество, и что коммунисты должны расчищать лишь путь этому строю, содействовать его скорейшему наступлению.

В рабочих кружках, возникавших на заре рабочего движения в России, обычно проходилась, с одной стороны, политическая экономия, имеющая целью объяснить структуру современного общества, и история культуры (история культуры противополагалась при этом обычному изложению истории, которая представляла собою часто набор исторических фактов самого различного значения). Вот почему в кружках того времени читался первый том «Капитала» К. Маркса и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса.

В 1919 г. в одном из сел Нижегородской губернии, в селе Работки, мне пришлось наткнуться на такое явление. Учителя рассказали мне, что во II ступени они проходят политическую экономию и историю культуры, что ученики единогласно потребовали введения этих предметов в курс школы II ступени.

Откуда в волжском селе, в котором все население занимается исключительно волжскими промыслами да земледелием, у крестьянских подростков могло появиться такое и так определенно формулированное желание? Очевидно, интерес к политической экономии и истории культуры был занесен в Работки каким-нибудь рабочим, ходившим когда-то в кружок и объяснившим ребятам, что им надо знать.

Однако в переживаемый момент русскому коммунисту надо знать не только это. Октябрьская революция открыла перед Россией возможность самого широкого строительства в направлении коммунизма. Но чтобы использовать эти возможности, надо знать, что надо делать сейчас, чтобы хоть на шаг продвинуться к коммунизму; надо знать, что возможно сейчас достигнуть и чего нельзя; надо знать, *как* строить новую жизнь. Надо прежде всего знать основательно ту отрасль работы, за которую берешься, а затем надо обладать методом коммунистического *подхода* к делу. Возьмем пример. Чтобы правильно поставить ме-

дицинское дело в стране, надо, во-первых, знать самое дело, во-вторых, знать, как оно было раньше поставлено у нас в России, как ставится в других государствах, и, наконец, в-третьих, надо уметь подойти к нему по-коммунистически, а именно: повести агитацию среди широких слоев трудящихся, заинтересовать их, вовлечь в работу, создать усилиями трудящихся могучую организацию вокруг медицинского дела. Надо все это не только знать, как сделать, надо *уметь* это сделать. И выходит, что коммунист должен знать не только, что́ такое коммунизм и почему он неизбежен, но должен знать хорошо еще свое дело, должен уметь подойти к массе, повлиять на нее, убедить ее.

В своей личной жизни коммунист должен всегда руководиться интересами коммунизма. Что это значит? Это значит, что как бы, например, ни хотелось остаться в привычной уютной домашней обстановке, раз для дела, для успеха коммунистического дела, надо бросить все и ехать в самое опасное место, коммунист это делает. Это значит, как бы трудна и ответственна ни была возлагаемая на коммуниста задача, раз это нужно, коммунист берется за нее и старается провести ее в меру своих сил и умения, идет на фронт, на субботник, на изъятие ценностей и т. п. Это значит, что коммунист свои личные интересы всегда отодвигает на задний план, подчиняет их общим интересам. Это значит, что коммунист не проходит равнодушно мимо того, что кругом него делается, что он активно борется с тем, что вредит делу коммунизма, борется с тем, что вредит интересам трудящихся масс, а с другой стороны, отстаивает активно эти интересы, считает их своими.

Кого выбрасывали при чистке из партии: а) шкурников и примазавшихся, т. е. тех, кто свои личные интересы ставит выше интересов коммунистического дела; б) тех, кто равнодушен к коммунизму, ничего не делает, чтобы помочь ему осуществиться, кто далеко стоит от массы и не стремится сблизиться с ней; в) кто не пользуется уважением и любовью массы; г) за грубое обращение, чванство, неискренность и пр.

Итак, чтобы быть коммунистом: 1) надо знать, что́ плохо в капиталистическом строе, куда идет общественное развитие и как надо содействовать скорейшему наступлению коммунистического строя; 2) надо уметь приклады-

вать свое знание к делу; 3) надо быть душой и телом преданным интересам трудящихся масс и коммунизму.

Перейдем теперь к вопросу о коммунистическом воспитании молодежи.

Великая революция, вся революционная обстановка развила в молодежи, горячей и отзывчивой, глубокий интерес к общественной жизни. Это относится не только к рабочей молодежи, но и к молодежи крестьянской, и к молодежи интеллигентской. Молодежь тянется к коммунизму.

И вот необходимо не заглушать это стремление, а всячески поддерживать, развивать проснувшиеся под влиянием революции общественные инстинкты молодежи.

Как поддерживать? Во-первых, необходимо, чтобы организация РКСМ давала *каждому* своему члену возможность в той или иной форме работать для дела коммунизма, быть не только пассивным созерцателем того, как строится коммунизм, но быть активным строителем его. То дело, для которого поработал, в которое вложил кусочек своего *я*, делается гораздо более близким. Конечно, для того, чтобы каждый мог найти в рядах РКСМ дело по своим силам и по душе, организация РКСМ должна быть достаточно гибка и жизненна, должна быть тысячами нитей связана с той громадной творческой строительной работой, которая сейчас ведется в стране. Участие в строительстве будет одновременно давать и умение, те организационные навыки, которые нам, россиянам, так необходимы.

РКСМ может воспитать в своих членах умение работать коллективно, проводя всюду умелое разделение труда, воспитывая чувство ответственности за свою работу перед коллективом, воспитывая трудовую дисциплину и уча коммунистическому подходу к строительству новой жизни. Успех этой воспитательной работы зависит целиком от размаха работы РКСМ и налаженности его организации, глубины и жизненности постановки всех вопросов.

Воспитание характера, выдержки должно цениться РКСМ не меньше, чем умение говорить, выступать.

Кроме активного участия в общественной работе РКСМ, было бы, может быть, полезно требовать от каждого члена союза молодежи работы, по крайней мере в течение года, где-нибудь на фабрике или заводе. Американцы и немцы требуют от каждого кончающего инженера

годовой практический стаж на предприятии в качестве рядового рабочего, работающего в общих для всех рабочих данного предприятия условиях. Американцы и немцы считают, что только проделавший такой стаж инженер способен будет управлять рабочими и влиять на них. Тем более необходим был бы такой стаж общественной работы для каждого члена союза молодежи.

Наряду с воспитанием характера, общественных инстинктов, практических умений вести работу необходима большая работа каждого члена РКСМ над своим мировоззрением. У нас в России эта работа тесно переплетается с работой над самообразованием. Если мы находимся в более выгодных условиях, чем западноевропейская молодежь, в том отношении, что гораздо меньше пропитаны буржуазными предрассудками, буржуазными взглядами, то нам гораздо труднее в том отношении, что громадное большинство рабочей и особенно крестьянской молодежи не имеет даже самого необходимого минимума общеобразовательных знаний. А без этого невозможно и овладение марксизмом. Нашей молодежи приходится учиться и учиться, пользоваться каждой свободной минутой, каждым случаем, чтобы заполнить те пробелы, которые мешают им стать сознательными коммунистами.

Надо упорно работать и над приобретением того научного марксистского фундамента, который необходим, чтобы разбираться в сложных вопросах окружающей действительности, чтобы не теряться перед каждым непонятным на первый взгляд положением. Совпартшколы, партшколы, кружки с умелыми руководителями облегчат эту задачу некоторой части молодежи. Но таких счастливцев, которые могли бы воспользоваться всеми этими учреждениями, будет все же небольшое меньшинство. Громадное большинство вынуждено будет учиться самостоятельно, отчасти в одиночку, отчасти небольшими группами, сообща работающими над приобретением знаний. В помощь этим усилиям самопроизвольно возникающих кружков должны быть изданы рекомендательные каталоги, методические указания, как вести кружковую работу, целый ряд примерных программ. Издать все это как можно скорее крайне необходимо.

1922 г.

ЕДИНАЯ ТРУДОВАЯ ШКОЛА

Возражая против единой трудовой школы, многие не понимают, в чем выражается это единство. Оно только в том, что нет школ для низших и высших, а есть для всех. Трудовой она является потому, что основа в ней — изучение трудовой деятельности. Вырабатываемая сейчас программа, содержание которой в статье дано, вполне удовлетворяет научным требованиям.

У нас считается признаком хорошего тона ругать Наркомпрос за что надо и не надо. Никто не дает себе труда познакомиться с работой этого «выцветшего» учреждения нашей Советской республики, но всякий считает себя в праве нести всякий демагогический вздор о том, о чем он и представления не имеет. За примерами недалеко ходить. Возьмем ну хотя бы недавнюю статью т. Шатуновского в № 227 «Труда». «Единая, неделимая если не Россия, то хоть русская школа». Чего-чего только там не понаписано! Возьмем хотя бы первую фразу: «Принцип разделения труда, связь труда с местными условиями и связь школы с трудом властно вновь и вновь ставят перед нами вопрос о школе, удовлетворяющей интересы трудящихся и потому специализированной уже с самого начала, а выцветший Главсоцвос взирает на школу из кабинетных глубин и все еще имеет дело с побрякушкой единой трудовой школы». Демагогия падает на благодарную почву. Редакция «Труда» пишет примечание: «Печатается в порядке предложения», а молодежь (конечно, не только под влиянием агитации Шатуновского, а и ряда других инженеров, достаточно мытых в буржуазных водах) верит, что единая трудовая школа — это что-то архивредное, верит, что спе-

циализация должна начинаться с детского сада,— и принимает резолюцию о пересмотре системы народного образования в РСФСР.

Вопрос о пересмотре системы народного образования должен быть поставлен на партийном съезде, так как «единая трудовая школа» значится в партийной программе и не может быть поэтому отменена «в советском порядке». «Единая» школа — это не значит школа, обстриженная под одну гребенку, не значит школа, в которой, подобно школе французской, во всех школах страны в соответствующем классе пишут в один и тот же час одну и ту же диктовку. «Единая» школа — это значит такая, которая одинаково доступна для всех слоев населения. «Единая» школа — это школа, в которой нет деления на «народную» школу и школу привилегированную. Коммунисты всех стран стоят за «единую» школу, стоим и мы. «Единая трудовая» — это такая школа, учебный материал которой тесно связан с окружающей трудовой деятельностью людей, освещает эту деятельность, связывает школу с жизнью. И потому Шатуновский ломится в открытую дверь, когда говорит, что деревенская школа должна оперировать с другим материалом, чем школа промышленного района. Тов. Шатуновский никогда явно не читал ни одного номера наркомпросовских журналов. Советую ему почитать ну хотя бы «На путях к новой школе», журнал научно-педагогической секции Государственного ученого совета, издаваемый ею совместно с Главсоцвосом и Цекпросом; там он узнает, что́ Наркомпрос думает о школьных уклонах, как их разрабатывает, узнает кое-что и о программах школы II ступени, которые прорабатываются не в кабинетах, а на учительских собраниях в несколько сот человек.

По случаю дискуссий о пролетарской культуре и съезда РКСМ газеты уделяют немного времени и вопросу о школе. Пользуясь этим, мне хотелось бы ознакомить читателей «Правды» с разрабатываемой Наркомпросом программой 1-го концентра II ступени (5, 6 и 7-й годы обучения, подростки 12—15 лет).

Необходимость школы I ступени сомнению не подвергается, школа же II ступени берется особо сильно под подозрение и на Украине уничтожена даже.

Мы считаем, что 1-й концентр II ступени, куда дети поступают уже с умением читать, писать и знанием ариф-

В. И. Ленин, Н. К. Крупская и А. И. Ульянова в Горках. 1922 г.

метики, должен дать подростку знакомство — теоретическое и практическое — с трудовой деятельностью людей, с организацией этой деятельности, с тем, как путем этой деятельности люди овладевают природой, используют ее силы и богатства для создания материальной базы общественной жизни, как в процессе трудовой деятельности общество распадается на классы, как эти классы борются между собой, как организуется классовое господство, как складываются классовая идеология и психология. И чтобы подросток лучше осознал все это, перед ним развертывается прошлое Земли и прошлое человеческого общества, дается возможность увидеть, куда идет общественное развитие.

Изучая этот материал, подросток овладевает методами изучения настоящего и прошлого, овладевает необходимыми для этого знаниями и умениями, организационными навыками и пр.

Мы кладем в основу программы II ступени трудовую деятельность людей и ее организацию потому, что нам надо воспитывать молодежь, которая умела бы работать, правильно организовывать свой труд — и физический и умственный, не растрачивать зря времени и энергии. Мы кладем в основу программы трудовую деятельность людей и ее организацию потому, что сейчас будущее Советской республики зависит от того, насколько мы сумеем поднять производительность труда, наладить правильную организацию труда на предприятиях и во всей стране. Мы много говорим о производственной пропаганде среди взрослых, которым часто трудно переучиваться; тем необходимее ставить эту пропаганду среди молодежи, которая только учится работать. Мы кладем трудовую деятельность и ее организацию в основу программы потому, что без понимания того, как была организована трудовая деятельность людей при капитализме, где в этой области царили хаос, свободная конкуренция, свободная игра интересов, где шла самая зряшная растрата сил и человеческих жизней, с одной стороны, и без понимания того, что на смену этому хаосу должна прийти планомерная организация труда в коммунистическом обществе,— с другой, невозможно понимание советского строительства, задач Советской республики. И потому, наконец, мы берем в основу программы трудовую деятельность и ее организацию, что

эта сторона особенно интересует ребят и поддается очень легко проработке при помощи экскурсионного, лабораторного и трудового методов.

Естествознание мы берем в его отношении к трудовой деятельности людей. Это заставляет особенно тщательно делать выбор изучаемого материала, иначе располагать его, иначе расценивать его. Методы изучения не меняются, наблюдения, опыт кладутся в основу этого изучения, но «целевая установка» (как любит выражаться молодежь) этого изучения другая.

Трудовую деятельность людей мы рассматриваем как базу общественной структуры. На этой базе понятно становится деление общества на классы, создание органа классового господства — государства, создание классовой идеологии.

Доступно ли все это подросткам? Доступно вполне. Надо только при прохождении этой программы соблюдать необходимые методические приемы. Надо избегать энциклопедичности, организовывать материал около немногих достаточно важных, существенных тем; строить программу на конкретном, близком подростку материале; будить интерес, затрагивая эмоциональную сторону; развивать максимум самодеятельности, активности, не жалеть времени на проработку материала путем экскурсий, работы в лабораториях, путем моделирования, работы в мастерской, на фабрике, в поле.

А куда же делись родной язык, математика, искусство? Разве ими не надо заниматься в школе? Надо, конечно. Но прохождение их не должно быть чем-то самодовлеющим, это — только средства, и занятие ими должно быть вплетено в изучение вышепоименованных явлений. Математика должна связываться с изучением физики, химии, измерением Земли, вычислениями и т. д. Литература должна связываться с историей, служить иллюстрацией классовой психологии и пр. Искусство должно вносить радость в творческий труд, углублять переживания и т. д. и т. п.

Мы набрасываем такую схему: первый год II ступени изучаются добывающая промышленность и земледелие, формы их. Соответственно этому в естествознании изучаются строение Земли, почвы, климат, жизнь растений, соответствующие части химии и физики. В обществоведении

центральной темой берется крепостное право, рассказывается история закрепощения и раскрепощения крестьянского труда, обрисовываются классовые отношения, помещичья и крестьянская идеология, показывается, как самодержавие соответствовало тогдашнему классовому строению государства. Все это иллюстрируется выдержками из Щедрина, Тургенева, Некрасова и пр. Говорится об условиях освобождения крестьян, о малоземелье, ненависти крестьян к помещикам, мечтах о земле. Затем рассказывается о крепостном праве и о рабстве в Западной Европе и Америке, о Великой французской революции и о гражданской войне в Америке.

Второй год II ступени изучается обрабатывающая промышленность, ее формы. Изучается организация труда в ремесле, мануфактуре (в кустарной промышленности), на фабрике, говорится о развитии различных отраслей промышленности в РСФСР, выясняются причины возникновения того или иного производства в том или ином районе. Так как в предыдущем году говорилось уже о земледельческих районах РСФСР, то теперь можно уже дать представление о районировании РСФСР, а затем о производстве в мировом масштабе. Параллельно с этим в отделе естествознания идет изучение физики и химии, а в отделе обществоведения — капиталистического строя, опять-таки в том разрезе, как это делалось при изучении крепостного права: изучается классовая структура, борьба классов, идеология, берутся различные фазы развития капитализма, вплоть до империалистической войны и послевоенного периода.

Третий год II ступени должен дать общую картину развития. Надо сравнить хаос в производстве капиталистическом, безумную растрату сил и энергии, сравнить с будущим организованным обществом и указать место Советской России как переходной ступени. В естествоведении в этом году надо говорить о происхождении Земли, жизни на Земле, развитии видов, происхождении человека, а в обществоведении дать картину развития человеческого общества, начиная с первобытного. Предыдущее изучение в течение двух предыдущих лет элементов общественной жизни двух крупнейших эпох сделает возможным уже более краткий обзор остальных этапов развития человечества. Весь курс этого года должен быть построен так,

чтобы подростку ясно стало, куда идет общественное развитие.

Такова разрабатываемая Наркомпросом схема программы для I-го концентра II ступени.

Она должна лечь в основу программы, которая должна быть детально формулирована, связана с изучением родного языка, математики, географии, с трудом и искусством. Программа должна быть тщательно проработана методически, давать простор для заполнения известных ее частей местным материалом, прорабатываемым учительскими конференциями совместно с хозяйственниками данного производственного района.

Программа, так подработанная, даст возможность создать целый ряд совершенно новых по духу и содержанию учебников.

Думается, что эта программа даст каждому подростку серьезный базис для выбора и изучения профессии. В Советской России вопрос идет не о том, чтобы выработать из рабочего только совершенное орудие в руках инженера,— вопрос идет о том, чтобы сделать из него умелого исполнителя, но в то же время и сознательного организатора производства, организатора новой жизни.

1922 г.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ

Общественное воспитание складывается из воспитания: 1) общественных инстинктов, 2) общественного сознания и 3) общественных навыков.

I

С самых ранних лет необходимо ставить ребенка в такие условия, чтобы он жил, играл, работал, делил свои радости и горести с другими детьми. Необходимо, чтобы эта совместная жизнь была как можно полнее, радостнее, ярче. Коллективные переживания должны ассоциироваться у ребенка с рядом радостных эмоций.

Это не значит, конечно, что надо постоянно возбуждать детей, трепать им нервы, заставлять их непременно что-нибудь «переживать». Для нормального развития эмоциональной области ребенку точно так же нужна спокойная обстановка, как она нужна и для развития умственного. Ничего нет вреднее, как превращение жизни детей в непрерывный ряд празднеств, спектаклей, выступлений и т. п. Это — с одной стороны. С другой стороны, и отдельные эмоции могут иметь отрицательное значение, потрясая весь организм. Однажды мне пришлось быть свидетелем такого зрелища. На рассвете по улицам Парижа в глубоком молчании двигалась процессия. Хоронили девочку, умершую в одном из католических приютов. Ее одноклассницы — человек пятнадцать девочек 10—12 лет, закутанные в саваны, со свечками,— двигались за колесницей. Одежда, свечи, глубокое молчание, утренний рассвет — все это рассчитано было на то, чтобы вызвать

глубочайшую эмоцию, которая подавила бы навсегда голос рассудка. Католические священники — хорошие психологи, они знают, что участники такой погребальной процессии останутся всю жизнь верными католичками. Эмоция имеет громадное значение. Современные психологи доказывают, что в основе интереса, внимания, памяти, воли и пр. лежит именно эмоция. Эмоция определяет направление интереса, интерес обусловливает внимание, внимание — память и т. д. Но эмоция не должна подавлять остальных сфер духовной жизни.

Для жизни нужны не надорванные, а нормально развитые люди. Их может создать нормальная коллективная жизнь, в которой дети являются активными участниками. Активное участие изменяет весь тонус переживания. Это хорошо учитывают, например, те же католические священники. В описанном выше примере их воздействия на эмоциональную сторону характерно, что они делают девочек не только свидетельницами похорон их товарки, но участницами этих похорон. Коллективная жизнь детей должна быть заполнена радостной, свободной деятельностью, и тогда она воспитает людей с сильно развитым общественным инстинктом.

Буржуазный строй, покоившийся на началах свободной конкуренции, превращал жизнь в борьбу за существование, где интересы одной личности противостояли интересам всех других, находились в противоречии с интересами целого. Весь уклад общественной жизни противодействовал развитию общественных инстинктов. В том же направлении влияла и семья. Семья противополагалась обществу. Мне запомнился, между прочим, один из эпизодов детства французского писателя — архибуржуазного — Лоти. В «Романе ребенка», где он описывал свое детство, он рассказывает о той внутренней борьбе, которую ему пришлось пережить. Жили они в одном из приморских городов Бретани, всегда переполненном толпами матросов, жившем очень интенсивной общественной жизнью. 13-летнему подростку Лоти страстно хотелось всегда смешаться с этой толпой, пожить ее жизнью. Мать и тетушки, семья, которую он очень любил, боялись влияния на него улицы. Они дарили ему дорогие книги, коллекции прекрасных раковин. И вот Лоти описывает ту внутреннюю борьбу, которую он переживал. Любовь к

семье заставила его заглушить в себе общественный инстинкт, и вышел из него не великий писатель, выразитель настроения массы, сделаться которым он мог по своим задаткам, а слащаво-сентиментальный буржуазный романист. В том же направлении подавления общественных инстинктов влияет и буржуазная школа с ее похвалами и порицаниями, отметками, наградами и наказаниями... Учитель в буржуазной школе стремился править разделяя, отделяя овец от козлищ. В том же направлении влияет и религия, поскольку она вырывает человека из общества, берет его изолированным, вне условий общественной жизни, трактует его только как индивидуум и как такового ставит под гнев и милость господни. Немудрено, что индивидуализм развивался пышным цветом в буржуазном обществе. И хотя в отдельных случаях носителями его являлись крайне яркие личности, но в общем отрыв личности от общества вел к необычайному убожеству мысли и чувства, к скудности переживаний. Выразителем этого отрыва личности от общества и являлось мещанство.

Но уже в недрах капиталистического общества вырос слой, где не было этого противоположения личности обществу. Таким слоем был рабочий класс. Условия существования и борьбы сплачивали членов рабочего класса в одно целое. Работая на фабрике, на заводе, рабочий ежечасно наблюдает, как его работа координируется с работой других, как выполнение им какой-нибудь небольшой частичной функции необходимо в цепи ряда действий, в результате которых получается изготовляемый продукт. Это, как и весь заводской уклад, вырабатывает привычку к коллективному действию, к коллективной жизни. Успех классовой борьбы зависит от выдержанности, сплоченности, дисциплинированности рабочих. И самая работа, и условия существования, и классовая борьба — все укрепляет в них общественные инстинкты. Интересы рабочего класса не противополагаются общественным. Они идут по одной линии. Историческая миссия рабочего класса — уничтожение всех классов общества.

И сейчас уже в рабочем классе борьба между интересами личными и общественными значительно ослаблена. Но только в коммунистическом обществе между этими интересами будет полная гармония. Это не означает, что личность будет подавляться обществом, как это было в

первобытном обществе, в общине и пр., будет только прекращение внутреннего разлада, внутреннего раздвоения. Напротив, будет расцвет личности, которая будет черпать силу, мощь в коллективной жизни.

В нашу переходную эпоху школа должна всячески способствовать развитию общественных инстинктов в детях и подростках.

Конечно, способствовать этому должен в первую голову весь школьный уклад, вся школьная жизнь — игры, учебные занятия, труд и пр. Но школа не должна быть замкнутой единицей, не должна напоминать буржуазную семью, только в несколько расширенном виде. Под видом «новых трудовых школ» часто создаются школы именно такого типа: тихие заводи среди бурного моря. Примером может служить описываемая в данном номере нашего журнала опытно-показательная школа в Казани.

Школа, которая ставит себе целью воспитание в учащихся общественных инстинктов, не может изолироваться. Необходимо расширить рамки общественных переживаний детей, сблизить школу с взаправдашней общественной жизнью. Конечно, хорошо, если школы связаны между собою. Но общение между школами может привести к простому хождению друг к другу в гости, вроде того, как раньше дети одной буржуазной семьи ходили в гости к детям другой семьи. Придавать исключительное значение общению между школами не следует. Гораздо важнее организованное общение школьной молодежи с рабочей и крестьянской молодежью вообще. С этой точки зрения особо важное значение имеет организация в школах ячеек КСМ. Через комсомол школьники связываются с рабочей и крестьянской молодежью, ближе входят в ее жизнь. Надо только, чтобы школьные ячейки комсомола правильно учитывали свою роль в школе. Им не плохо поучиться знанию психологии хотя бы у католических попов и заботиться о том, чтобы каждого школьника вовлечь в активную работу, приставить к какой-нибудь работе по комсомолу: собирать и переплетать книжки для библиотечки, обучать грамоте неграмотных комсомольцев, участвовать в их кружках, в работе с юными пионерами, содействовать изданию комсомольцами листков, плакатов, газет, журналов, входить в санитарные отряды вместе с комсомольцами и т. д. и т. п. Та ячейка комсомола наилучше выполнит

свою задачу, которая наилучше сумеет использовать школу в интересах рабочей и крестьянской молодежи.

Небесполезно также в тех же целях открыть двери школы для стоящей вне ее рабочей и крестьянской молодежи и впустить в школу этот кусок живой жизни.

Но надо, чтобы школа была связана не только с жизнью молодежи, но и с жизнью взрослых, в первую очередь с жизнью рабочего класса. В особо благоприятных условиях находятся в этом отношении школы фабзавуча, школы в рабочих поселках вроде Электропередачи и т. п., где дети и подростки вне школы живут интересами рабочей массы.

Но и учащихся других школ надо сближать с жизнью рабочего класса всюду, где к этому имеется хоть малейшая возможность. Как это сделать? Некоторые думают, что достаточно, если дети и подростки будут время от времени принимать участие в рабочих празднествах вроде Первого мая, годовщины Октябрьской революции и т. п. Это само собой не плохо, но этого еще чрезвычайно мало. Надо искать путей установления связи между школами и заводскими предприятиями. Мы очень бы просили наших читателей высказаться по этому поводу. Нам кажется, что можно бы разработать вопрос о шефстве. Скажем, завод берет шефство над какой-нибудь школой. Это не значит, что завод заботится просто о материальном благосостоянии школы, делает отчисление на эту школу,— это значит другое: каждый рабочий завода-шефа думает, чем он может помочь школе — пойти ли в школьный клуб и там рассказать в вечер воспоминаний о своем многотрудном детстве, о той борьбе, которую завод вел раньше с хозяевами и т. д., или взять на себя руководство каким-нибудь столярным или слесарным кружком, который образуют учащиеся покровительствуемой заводом школы, или организовать посещение группой учащихся завода и растолковать им устройство машин, показать свою работу, или устроить совместно с учащимися школы субботник для помощи школе, или позвать их на заводское собрание, в свой клуб и пр. Каждый школьник, с своей стороны, каждая группа учащихся должны обдумать, что они могут сделать для своего завода-шефа: помочь заводским яслям, повеселить детей заводского детского сада, украсить заводской клуб плакатами, обслужить завод разнос-

кой газет и писем, помочь чем в санитарном отношении и т. д. и т. п. Все это установит духовную связь между заводом и школою, создаст то духовное родство с рабочим классом, которое так необходимо подрастающему поколению. Если наладить взаимное шефство между заводами и волостями, которое выдвигается теперь, надо, чтобы школы принимали в этом деле активное участие. Городская заводская или покровительствуемая заводом школа помогает определенной деревенской школе, с которой она устанавливает взаимное шефство — изготовляет для деревенской школы пособия, составляет доклады, подбирает литературу, возит ей книги, летом учащиеся городской школы в страду ездят помогать работать своим товарищам по деревенской школе, принимают у себя их экскурсию в город и т. д. и т. п. С другой стороны, деревенские школьники пишут городской школе-шефу о своей работе, жизни, помогают, чем могут, принимают их у себя и т. д.

В сельских местностях надо бы группировать школы около совхозов, культурных учреждений и т. д.

Важна спайка между рабочей и крестьянской молодежью, между молодежью и трудящимися. Эта спайка лучше всего будет способствовать развитию общественных инстинктов у детей и подростков.

II

Эмоциональные переживания в области общественной жизни создают повышенный интерес к явлениям общественной жизни. Воспитатель должен уметь использовать этот интерес, чтобы выработать у учащихся сознательное отношение к окружающей жизни, понимание явлений общественной жизни.

Часто говорят о преподавании политграмоты в школе. Под политграмотой понимают освещение не только политических событий, но вообще явлений современной общественной жизни в отличие от обществоведения, в которое входит главным образом история. В старых школах современность игнорировалась. Бывало нередко так, что историю успевали в гимназии пройти только до Французской революции... Школа существует для жизни, и потому, несомненно, в центр занятий обществоведением должна быть поставлена современность. Прошлое — история —

нужно лишь для того, чтобы оттенить, уяснить настоящее. Это прекрасно, например, понимают американцы, которые меньше всего считаются с традициями и чрезвычайно практичны. Правда, они освещают современность с махровой буржуазной точки зрения, но это уже другой вопрос. Расценка же их взаимоотношения между преподаванием современности и истории совершенно правильна. Но если подходить так к преподаванию обществоведения, то ясно, что нельзя отрывать политграмоту от истории, а надо все преподавание истории превратить в базирующуюся на истории политграмоту.

Весь вопрос в том, как ее преподавать.

Тут надо исходить из того положения, что надо базироваться на переживаниях, на опыте ребенка и подростка, их брать за исходный пункт, постепенно расширяя горизонт учащегося, связывая преподавание с его опытом. «Великое педагогическое правило,— пишет У. Джемс в своей «Психологии» (изд. 1922 г., изд-во «Наука и школа», стр. 250),— заключается в следующем: всякий новый отрывок знаний следует связывать с каким-нибудь образовавшимся в уме ребенка интересом, т. е., иначе говоря, каким-нибудь путем ассимилировать этот отрывок с заранее приобретенными сведениями. Отсюда вытекает преимущество, получаемое из сравнивания отдаленного и чуждого непосредственному опыту с близким и знакомым и неизвестного с известным и из связывания сообщаемых сведений с личным опытом ученика...»

Работать коллективно — не значит просто работать вместе, в одном помещении, одну и ту же работу. Это самая простая форма сотрудничества. Коллективной работой называется такая работа, которая имеет общую цель. Но достижение этой общей цели обычно допускает и даже требует определенного, обычно очень сложного разделения труда. Паровоз есть продукт коллективного труда рабочих, но он является в результате очень сложной организации труда. Каждый рабочий выполняет свою определенную часть работы. Но он знает, что без точного, быстрого выполнения той части работы, которую он делает, остановится все дело. Это постоянное сознание себя как части целого имеет громадное воспитывающее, дисциплинирующее значение.

И школа должна учить детей и подростков ставить себе определенные производственные цели, сначала простые, элементарные, ближайшие, потом более сложные и отдаленные. Должна учить обсуждать, точно определять наиболее экономные и быстрые пути к выполнению поставленной цели, взвешивать средства выполнения, и свои силы в том числе, и затем точно, отчетливо и быстро выполнять взятую на себя работу. Скажем, группа ребят берется расчистить сад. Прежде всего надо обсудить, в чем должна заключаться эта работа, затем, из каких частей эта работа состоит, каких сил и инструментов требует эта работа, как достать инструмент, как распределить сообразно силам между собою работу, когда за нее взяться и т. д. Чем отчетливее план работы, тем больше шансов на успех. Вот трудовая школа и должна научить коллективно вырабатывать план и коллективно, соблюдая установленное целесообразное разделение труда, выполнять его.

Те же навыки необходимы и в области умственного труда. Для того чтобы вести собрание, составлять газету, собирать материал, проводить какое-нибудь статистическое обследование, сообща изучать какой-нибудь вопрос, надо владеть навыками коллективного труда; их должна давать школа.

Какое тут проводить распределение труда, как помогать друг другу в этой работе, этому надо учиться так же, как и коллективной работе в области труда физического.

Навыки в коллективной работе создают одновременно и навыки общеорганизационные и навыки известной самодисциплины. Те и другие имеют громадное значение в вопросах организации коллективной жизни.

В школе учебы, где не ставятся учащимся общие конкретные цели, самоуправление обычно не ладится. Там же, где перед учащимися встают конкретные трудовые задачи, там и самоуправление носит гораздо более жизненный характер и налаживается гораздо легче.

Но как трудовые задачи надо уметь ставить начиная с элементарных и близких и лишь постепенно переходить к более сложным и далеким, так и самоуправлению учащихся нельзя давать сразу сложную форму. В младших классах дети будут организовываться от случая к случаю

для выполнения временных задач, в старших классах организация должна уже охватывать все стороны жизни и отливаться в определенную конституцию.

Правильно поставленное общественное воспитание должно не только помочь им сознательно отнестись к явлениям общественной жизни, но и научить их активно строить эту жизнь.

1923 г.

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ ШКОЛЫ

Прочитав прекрасную статью В. Н. Шульгина «О целях школы» и соглашаясь с большинством развиваемых в ней мыслей, я хотела бы уяснить самый вопрос о целях. Совершенно верно, что государство во все времена ставило школе определенную цель, ставит школе цель и Советская власть. Отрицать это — значило бы возражать против очевидности. Что буржуазное государство, создавая систему народного образования, преследовало свои классовые интересы, также несомненно и вряд ли вызовет возражения. Надо бы, пожалуй, остановиться на одной стране, по отношению к которой у многих могут появиться сомнения,— на Америке. Мы привыкли смотреть на Америку как на страну, где осуществляется школою какое-то внеклассовое, истинное воспитание. Однако ближайшее знакомство с современной американской школой покажет нам, как мы глубоко ошибаемся, если так думаем. Не говоря уже об особых школах для негров, в Америке вся школа пропитана архибуржуазным шовинистским духом. Возьмем хотя бы прошлогоднюю американскую школьную неделю, цензуру учебников, надзор над школами и т. д. Странно, если бы было иначе.

Цель, которую ставит буржуазное государство школе,— служить орудием классового господства буржуазии.

Какую цель ставит себе пролетарское государство? Напрашивается такой ответ: служить орудием классового господства пролетариата. Такой ответ напрашивается потому, что неправильно поставлен вопрос. «Пролетарское государство» — термин, которым злоупотребляют. Пролетариат берет власть не для того, чтобы поставить рабочий класс в привилегированное положение, а для того, чтобы

уничтожить всякое классовое господство, уничтожить всякое государство (см. В. И. Ленин, «Государство и революция»). Поэтому и термин «пролетарское государство» — термин ошибочный, рождающий недоразумения. И надо ставить вопрос не так. Надо спрашивать: какие цели ставит школе рабочий класс?

Эта цель идет по линии общих целей рабочего класса. Цель заключается в воспитании поколения, которое могло бы осуществить цели рабочего класса. Каково оно для этого должно быть? Насквозь пропитано коллективистическими инстинктами, ясно понимающее, за что борется современный передовой класс, понимающее, что идеалы рабочего класса лежат на пути общественного развития, что поэтому они реальны, осуществимы. Молодое поколение должно ясно видеть пути, которые ведут к осуществлению целей рабочего класса, уметь идти по этим путям.

И буржуазия, и рабочий класс ставят школе определенные цели, но буржуазия смотрит на школу как на средство классового господства, а пролетариат смотрит на школу как на средство воспитать поколение, способное положить конец классовому господству. Цели буржуазного государства ведут к подавлению личности громадного большинства детей, к затемнению их сознания, эти цели идут вразрез с интересами молодого поколения; цели, которые ставит школе рабочий класс, ведут к расцвету личности каждого ребенка, к расширению его кругозора, к углублению его сознания, к обогащению его переживаний, цели идут по линии интересов молодого поколения. В этом разница между целями буржуазии и целями пролетариата.

Многие педагоги, высказываясь против того, чтобы школе ставились цели, часто имеют в виду только одно: что дети, молодежь не должны стать орудием для осуществления посторонних, идущих вразрез с их интересами, целей. И с этим нельзя не согласиться. Но цели, которые ставит рабочий класс,— не посторонние цели; они не идут вразрез с интересами молодого поколения. И потому, я думаю, всякий любящий ребят и свое дело педагог постепенно убедится, что и ему следует работать не за страх, а за совесть над осуществлением тех целей, которые ставит школе рабочий класс.

1923 г.

СИСТЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РСФСР

Вопрос о цельной системе народного образования в РСФСР сейчас вновь стоит перед Наркомпросом.

Вначале была принята 9-летняя школа, в которой должны были учиться все ребята от 8 до 17 лет. Это идеал, к которому мы стремились с самого начала и продолжаем стремиться сейчас. Но жизнь показала, что к поставленной цели нам придется идти не прямой утрамбованной дорогой, а несколькими дорогами — низинами и холмами, обходными часто путями, тогда только придем к цели. Первый этап — это тот общеобразовательный минимум, без которого невозможна никакая сколько-нибудь культурная жизнь: умение читать и писать, знание четырех правил арифметики, обладание известной суммой географических и исторических знаний. Этот общеобразовательный минимум должен быть пройден всеми детьми во что бы то ни стало, всеми подростками и взрослыми. Подросток и взрослый могут пройти этот общеобразовательный минимум в гораздо более короткий срок. Практика показала, что взрослые могут при правильной постановке дела при ежедневных занятиях овладеть этими знаниями в течение года. Годичные школы малограмотных, куда поступают безграмотные или еле-еле грамотные, должны стать широко распространенной формой школы взрослых, которыми должна быть буквально покрыта наша малограмотная страна. Общеобразовательный минимум должен быть обязательным прежде всего для членов партии, союза молодежи, профсоюзов, для красноармейцев, членов детских групп, организаций работниц и крестьянок.

Для членов партии должна быть обязательна также и политграмота.

Итак, основной тип школы — это школа, дающая общеобразовательный минимум. Разновидность этого типа: 1) детская школа I ступени, 2) школа I ступени для подростков, 3) школа I ступени для безграмотных и малограмотных взрослых, 4) школа политграмоты для членов партии (с общеобразовательным минимумом).

Над I ступенью Главпрофобр строит годичные курсы для взрослых — кооперативные, счетоводные, по уходу за детьми раннего возраста. Но их мало, и строит их не столько профобр, сколько частные лица. Между тем в Америке, Франции существует целая сеть таких специальных курсов: курсы по ремеслам — шитью и кройке, переплетному мастерству и т. п., курсы по рисованию и черчению, по сельскому хозяйству, домоводству. Без таких курсов не поднимется средний культурный уровень быта. Такие курсы необходимо бы было широко проводить и у нас при клубах, народных домах, при основных курсах и т. д.

Все эти курсы носят чисто утилитарный характер и хотя имеют очень большое значение, но стоят несколько в стороне от общей системы народного образования.

Второй этап в общей системе — это 1-й концентр II ступени, охватывающий в нормальной школе три года, концентр, предназначенный для подростков от 12 до 15 лет. Этот концентр даст общую ориентировку в природе и обществе.

Первоначально предполагалось, что профессиональная подготовка будет начинаться по окончании девятилетки, в январе 1921 г. срок был понижен и было установлено, что профессиональное образование может начинаться по окончании семилетней школы. А как вышло на самом деле? Главпрофобр пооткрывал профессиональные школы для ребят 12 лет, окончивших I ступень,— музыкальные, художественные и др. Школы фабзавуча хотя формально условием приема обозначали окончание семилетки, но даже не попытались проводить это постановление в жизнь, ибо на фабриках и заводах подростков, кончивших семилетку, не оказалось вовсе, профобр не требует даже окончания четырехлетки, а берет просто хоть немного грамотных ребят. Жизнь тол-

кает на устройство сельскохозяйственной школы подростков, и для поступления в нее также предполагается сделать обязательным окончание семилетки, но, очевидно, в деревне дело будет обстоять еще хуже, и придется и в сельскохозяйственную школу принимать учеников, окончивших лишь I ступень.

Явно, уровень культуры страны так низок, что при данном количестве школ II ступени требование окончания семилетки повисает в воздухе. Что же делать? Выход один: требовать, чтобы и для ремесленной школы, и для музыкальных и художественных школ, и для школ фабзавуча и сельскохозяйственных школ подростков *был обязателен* общеобразовательный курс семилетки. Это единственное, за что мы можем бороться и за что должны бороться со всей серьезностью и решительностью. Забронирование общеобразовательного минимума превратит школы фабзавуча и сельскохозяйственные школы подростков в своеобразные разновидности школы-семилетки.

Специальных школ с курсом 1-го концентра для подростков, кончивших школу I ступени, открывать, пожалуй, не надо. До 16 лет они могут поступать в 1-й концентр нормальной школы, после же — в школы взрослых. В настоящее время в 1-й концентр II ступени в провинции, особенно в деревне, поступают не только подростки более великовозрастные, но поступают и взрослые. И с этим бороться не следует.

Следующий — третий — этап общей системы — это 2-й концентр II ступени, укладывающийся в два года, восьмой и девятый год нормальной школы, и дающий уже некоторые навыки научной разработки разбираемых тем[1]. Программа его точно так же должна быть точно фиксирована. Тут должен быть установлен свой образовательный минимум.

Рабфаки и школы взрослых охватывают собою программы 1-го и 2-го концентров II ступени. То же должны охватывать и совпартшколы II ступени.

Техникумы различного типа строятся над семилеткой, но практика показала, что первые два года в них

---

[1] В настоящее время 2-му концентру II ступени придается профессиональный уклон.— *Прим. автора.*

уходят на общеобразовательную подготовку. Программа этих двух лет должна соответствовать образовательному минимуму 2-го концентра II ступени, хотя и может пополняться некоторыми специальными дисциплинами.

Итак, начинаются занятия с детского сада. От 8 до 12 лет идет школа I ступени — четырехлетка. Потом, от 12 до 15 лет, ученик (-ца) посещает 1-й концентр II ступени, от 15 до 17 — 2-й концентр II ступени. Далее идут вузы. Это нормальный тип. Программы I ступени, 1-го и 2-го концентров стандартизированны.

Школы подростков равняются по стандартизированным программам, хотя весь цикл проходится подростками в более короткий срок.

То же и в отношении школ взрослых.

Общеобразовательная программа едина, но должна проходить на местном материале, видоизменяющемся также в зависимости от возраста.

Кроме того, каждое учебное заведение может добавлять к нормальной программе те или иные предметы или расширять их курс в зависимости от специальных задач данного учебного заведения.

Важно только, чтобы был забронирован везде общеобразовательный минимум, наличие которого облегчает переход ученика из одного типа учебного заведения в другой, облегчает свободный выбор профессии.

Так мыслим мы схему народного образования в РСФСР.

1923 г.

НЕМНОЖКО О ПЕДАГОГАХ

И в деле просвещения спецы должны быть использованы полностью. Бояться их «мелкобуржуазности» нечего: наилучшие и энергичнейшие из педагогов не могут не пойти за коммунистами.

В № 61 «Правды» заведующий Моно тов. Рафаил поместил статью «Бюрократизм или улучшение дела просвещения».

Статья изображает дело так: что в Моно все обстоит как нельзя лучше и что полезной деятельности Моно мешают только какие-то «насквозь пропитанные мелкобуржуазными традициями» Шацкие и Иорданские.

Тот, кто следил за деятельностью Моно или читал программы Моно и слышал выступления Моно на съезде соцвосов,— знает, благополучно или неблагополучно обстоят дела в Моно. Об этом следует поговорить особо и весьма и весьма серьезно. В данной заметке я хочу поговорить лишь о «насквозь пропитанных мелкобуржуазными традициями» Шацких и Иорданских.

Иорданский недавно еще был заведующим Главсоцвосом, а Шацкий является одним из самых активных членов научно-педагогической секции ГУСа.

Я была в свое время против приглашения Иорданского в члены Коллегии Наркомпроса не потому, что имела что-либо против него, а потому, что считаю, что все члены Коллегии Наркомпроса непременно должны быть коммунистами, и продолжаю так думать и теперь. Но, наблюдая деятельность Иорданского в качестве заведующего Главсоцвосом, я не могла не почувствовать

искреннего уважения к его глубокой преданности делу народного образования, к той настойчивости, с которой он всегда выдвигал на первый план вопросы строительства массовой школы.

С Шацким я работаю вот уже скоро два года в научно-педагогической секции ГУСа и привыкла ценить его инициативу, активность, преданность делу. И должна отметить, что работа у нас шла очень дружно и никаких существенных разногласий не было.

Работа научно-педагогической секции ГУСа на виду, и за что она борется, какую линию отстаивает — это знают товарищи-коммунисты, знает Агитпроп ЦК.

Нужно ли привлекать к работе Шацких и Иорданских?

Считаю, что делать это необходимо. Перед нами море невежества, и для того, чтобы ликвидировать его, необходимо использовать все силы.

И в первую голову надо использовать тех, кто глубоко и искренне предан делу народного образования. Я, по крайней мере, привыкла таких работников ценить и бережно к ним относиться. Я многому у них научилась. Таких людей совсем не так много, чтобы ими можно было швыряться.

А их «мелкобуржуазные традиции»?

Во-первых, я глубоко убеждена, и вижу тому подтверждение на каждом шагу, что искренне преданные делу просвещения люди, любящие это дело, не могут не пойти в этом вопросе за Коммунистической партией, потому что она берет наиболее жизненную и правильную линию, потому что ее постановка вопросов открывает для работы широчайшие перспективы. Более того, именно позиция коммунистов в деле народного образования приводит многих из работников просвещения к коммунизму. Это во-первых. Во-вторых, тот, кто твердо знает, чего он хочет, умеет последовательно проводить свою линию, меньше всего будет устраивать истерик насчет «мелкобуржуазных традиций». В руках коммунистов достаточно власти и нравственного авторитета для того, чтобы широко поставить пропаганду своей точки зрения. Эти мелкобуржуазные взгляды, если они даже существуют на деле, а не только в воображении неумелого вести свою линию коммуниста, совершенно не страшны: им есть что про-

тивопоставить. Важно уметь мелкобуржуазные тенденции преодолеть, важно выявить их сущность, убедить людей.

Перед коммунистами стоит нелегкая задача перевоспитать в духе коммунизма широкие кадры учительства. Эта задача облегчается тем, что в своей массе учительство близко соприкасается с рабочей массой и крестьянством и заражается до известной степени их настроением. Но к этой задаче надо отнестись со всей серьезностью, и свои аргументы надо хорошо выбирать и обосновывать.

Швыряние же эпитетами «мелкобуржуазные идеологи», подшиваемыми в придаточных предложениях,— прием, к которому не следовало бы прибегать. Нахожу демагогией и беспомощностью.

1923г.

К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНО-ДЕФЕКТИВНЫХ ДЕТЯХ

«Морально-дефективные»... как этот гнусный буржуазный термин пробрался в нашу советскую педагогику и завоевал в ней довольно прочное право гражданства?

Термин «морально-дефективный» предполагает, что существуют какие-то извечные, незыблемые нравственные законы, где-то вне сознания людей, кем-то извне установленные.

Эти нравственные законы живут в душе человека, и тот человек, который не знает их,— морально-дефективен. Это — точка зрения философского идеализма. Буржуазия весьма охотно принимает такое представление о морали, изображая свою буржуазную мораль извечной, незыблемой моралью.

Философский идеализм резко отвергается марксизмом. Маркс и Энгельс всю жизнь боролись с философским идеализмом, прекрасно понимая, каким сильным орудием в руках буржуазии он является. Марксизм смотрит на мораль, на ее происхождение по-другому.

Опираясь на изучение истории, он утверждает, что нравственные представления не являются чем-то незыблемым, что на протяжении истории они постепенно менялись, что у различных классов общества они различны. Не только, скажем, дикарь и современный человек диаметрально противоположно подходят к вопросу о том, что хорошо и что дурно, но мы видим у буржуазии и у пролетариата две совершенно различные морали.

В «Коммунистическом манифесте» Маркса и Энгельса прекрасно вскрыта классовая сущность буржуазной и пролетарской морали. Марксизм не только вскрыл классовую

сущность морали различных классов, он показал, как вырастают нравственные представления на почве известных экономических, политических, бытовых условий. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса проливает очень яркий свет на возникновение моральных представлений.

Маркс и Энгельс посвятили долгие годы борьбе с философским идеализмом, конечно, не потому, что это просто доставляло им удовольствие, вроде того, как игра в шахматы. Они боролись с философским идеализмом потому, что понимали, как важно духовное освобождение пролетариата из-под влияния буржуазии, потому что понимали, что религия является лишь «популяризацией для масс» философского идеализма.

Религия — прекрасное средство обуздания масс, средство приглушения их классового инстинкта, средство ослабления их классового самосознания.

Но нельзя бороться с религией, не преодолев ее философского обоснования — идеализма.

Для марксиста совершенно неприемлем термин «морально-дефективный».

Есть затравленные, озлобленные, замученные, больные дети, но нет морально-дефективных.

Почему же влез со своими грязными лапами этот термин в советскую педагогику?

Воспитывать озлобленных, больных, живших долгое время в тяжелых условиях звериной борьбы за существование, в атмосфере разврата ребят нелегко. Нужна большая чуткость, громадный такт, наблюдательность, готовность прийти на помощь, поддержать, заставить звучать громче струны общественного инстинкта. Где у нас такие педагоги, которые бы годились для этого? Война мировая и гражданская, общая разруха, голод расширили до колоссальных размеров кадры беспризорных детей. Надо было как-нибудь их устраивать. И шли на эту работу очень часто не те, кто понимает и любит ребят, а те, кто просто нуждался в куске хлеба и квартире. Термин «морально-дефективный» освободил их от всякой ответственности, и внутренне и внешне, освободил от необходимости считаться с ребятами, уважать их человеческое достоинство, их личность, учиться подходить к ним, освободил от самого обыкновенного человеческого побуждения

помочь слабому. Термин «морально-дефективный» санкционировал преступное отношение к беспризорным детям. Для «морально-дефективных» ребят ввели карцер, «изолятор», оскорбляющее обращение,— все позволено, с детьми ничего не поделаешь: они «дефективные».

Позорный термин «морально-дефективный», развязывающий руки бессовестной и бессознательной части педагогов, должен быть изгнан из употребления.

На работе с заброшенными, задавленными жизнью, исковерканными ею ребятами надо оставить лишь живых, чутких людей, умеющих заслужить доверие ребят, умеющих подойти к ним.

Надо помочь ребятам, на которых всей тяжестью обрушились невзгоды жизни, надо помочь им подняться, на эту работу должны идти лучшие люди.

Долой снимающие ответственность буржуазные термины вроде «морально-дефективный»!

Беспризорные, заброшенные, больные ребята должны стать родными, любимыми детьми Советской республики.

1923 г.

О НАШЕЙ ШКОЛЕ

Наши школы еще плохи. Прежде всего их очень мало. Много детей вовсе не могут попасть в школу. А те школы, которые есть, очень бедны. Школьные помещения плохи, обставлены школы бедно, нет в них часто дров, свету. Не хватает книг, тетрадок. Учителя часто сами знают мало, живут очень бедно. Последнее время, правда, все взялись за школу и стали ее налаживать: крестьяне возят в школу дрова, чинят, ремонтируют школьные здания, местные Советы больше уделяют денег на школы, учителя засели за книжки, учатся вовсю. Школа понемногу начинает оживать.

Школа нам страшно нужна.

Взялась Советская власть, рабочие и крестьяне, строить новую жизнь, и на каждом шагу видим, как мешает нам наша темнота, незнание, невежество. Учимся. Детям нашим придется продолжать начатое нами дело, и школа должна дать им те знания, которые для этого нужны.

В буржуазных странах школьные здания хороши, теплы и светлы, места в школе достаточно для всех детей; книг, учебников вдоволь, учителя хорошо оплачиваются, много лет учились, как учить. Далеко нам в этом отношении до буржуазных стран, и тут нам надо брать с них пример.

Но учить мы в школе должны иначе, чем в буржуазных странах, должны учить не тому, чему там учат.

В буржуазных странах в школах с самых малых лет всеми правдами и неправдами вбивают детям в голову, что они должны слушаться начальства, слушаться хозяев, работать на них как можно больше, быть при этом весе-

лыми, вежливыми, услужливыми, ни на что не жаловаться, во всем беспрекословно слушаться хозяев и начальство, поменьше рассуждать, считать себя ничтожеством.

Учителя внушают детям, что такой порядок, что одни богаты, а другие бедны, установлен самим господом богом, что все, что делается на земле, делается по воле бога, что он благословляет и войну, и нищету, и эксплуатацию.

Чтобы дети беспрекословно слушались — их бьют. Бьют детей и во французских, и в немецких, и в английских, и в швейцарских школах. Бьют за всякую малость, всячески топчут в грязь личность ребенка. В Швейцарии в школах бьют детей бедных и не бьют детей богатых. Во Франции, в Германии, в Англии богатые не отдают своих детей в народные школы, а устраивают для своих детей особые частные привилегированные школы, где их детей никто не бьет и не ругает. Чтобы дети не очень привыкали самостоятельно думать, их заставляют лишь потверже зубрить слово в слово учебники — спрашивать учителя ни о чем не полагается, надо только слушать, что он говорит, и отвечать на вопросы; вообще стараются, чтобы дети поменьше рассуждали и раздумывали над окружающей жизнью. И потому детей не учат применять полученные знания к жизни.

Чтобы получить еще бóльшую власть над рабочими, в школах буржуазных стран учат детей ненавидеть все другие народы и считать свой народ самым лучшим, свое правительство самым лучшим, считать, что надо победить и покорять все другие народы. Немцы в своих школах учат ненавидеть французов, французы учат ненавидеть немцев и т. д. И во всех решительно странах учат ненавидеть коммунистов.

В нашей школе мы стараемся учить наших детей совсем другому. Мы учим их только истине и не набиваем им голову баснями о каком-то неведомом, несуществующем боге, о могучих царях и добродетельных фабрикантах, учим надеяться только на себя, добиваться всего «своею собственной рукой». Мы не стараемся уверить их, что теперешняя жизнь хороша, показываем им все недостатки ее, стараемся дать им понять, как надо перестроить жизнь по-новому, чтобы всем жилось хорошо. Мы стара-

емся уяснить ребятам, что выход — в тесном, братском союзе всех трудящихся. Мы учим их жить и работать для борьбы за счастье всех трудящихся, за счастье всего человечества. Мы учим их с малых лет сообща решать свои дела, добиваться цели общими усилиями, учим их прилагать свои знания к жизни. Мы призываем учителей прежде всего уважать личность ученика.

Наша школа отличается от буржуазной школы не только тем, что там школа богата, а у нас она нищенская, но и тем, что там учат детей быть рабами, а в нашей школе учат детей быть творцами новой жизни.

1923 г.

СИСТЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РСФСР

(ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА НА СЪЕЗДЕ ЗАВЕДУЮЩИХ ОТДЕЛАМИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ)

1. Исторические условия сложились так, что Россия первая выбралась из пут буржуазного строя, расчистила для себя возможности перестройки всей жизни на новых началах и, слившись в братский Союз Советских Социалистических Республик, стала опорным пунктом мировой революции.

Победившая мировая революция придет на помощь России, создав необходимую для развития ее сил международную ситуацию, но есть необходимая, неотложная работа, которую Россия должна проделать сама у себя внутри страны, работа, без которой она не справится со стоящими перед ней задачами и без которой открывшиеся возможности останутся неиспользованными: это работа по поднятию культурного уровня страны. Чтобы строить жизнь на новых началах, необходимо научиться делать это коллективно, правильно учитывая и распределяя силы и идя нога в ногу с достижениями современной науки. В этой работе по поднятию культурного уровня на Наркомпрос ложится особенно ответственная задача.

2. Наркомпросу надо формулировать, как он рисует себе систему народного образования в РСФСР, чтобы ясно установить перспективы своей работы и определить, на какие частные задачи распадается стоящая перед ним общая задача.

3. Шесть лет упорной работы в неимоверно тяжелых условиях сделали нас реалистами, научили считаться с действительностью, строго учитывать имеющиеся возможности. Опыт этих лет показывает нам, что Наркомпросу нет оснований отрекаться от провозглашенных им в 1918 г. принципов. Эти принципы Наркомпрос РСФСР отстаи-

вает и сейчас, но сейчас он много яснее представляет себе, с чего надо начинать и в какой постепенности идти к намеченной цели.

4. В 1918 г. был брошен лозунг социального воспитания всех детей республики от 3 до 17 лет. Наркомпрос считал, что государство должно снабжать их пищей и одеждой, воспитывать в детских домах-коммунах и т. д.

Жизнь показала, что в данный момент это совершенно непосильно государству, что самое большее, что оно может и должно, обязано сделать,— это создать необходимую сеть детдомов для беспризорных ребят.

Только тогда, когда эта первоочередная задача будет выполнена, возможно будет расширять сеть детских домов и брать в них и детей, для которых не исключена возможность воспитываться дома.

По отношению к остальным детям социальное воспитание пока может осуществляться лишь через школу. Поскольку продолжительность пребывания в школе увеличивается (например, в школе продленного дня), развивается прежде всего внешкольная работа, создается летняя школа, увеличивается и влияние школы. Расширение сферы общественного воспитания должно идти именно по этому пути. Однако мы не должны упускать из вида, что объектом общественного воспитания должны быть все дети, и поэтому расширение школьного времени и осуществление летней школы не может производиться за счет сокращения школьной сети.

5. В области социального воспитания нам удалось осуществить два принципа: принцип совместного воспитания и принцип последовательного светского воспитания. Остается еще углубление содержания общественного воспитания в направлении усиления воспитания коллективистических инстинктов, привычек и сознания, в направлении повсеместного проведения целесообразных форм самоуправления и организации детского труда в школе, в направлении усиления связи школы с жизнью, в частности укрепления связи ее с пионерским и комсомольским движением.

Учитывая громадное значение для дела социального воспитания в школе и вне школы пионерского и комсомольского движения, Наркомпрос должен всячески под-

держивать эти организации и способствовать теснейшему их контакту со школой и детдомами.

6. Из всех видов массового социального воспитания осуществимее всего дошкольное воспитание, так как благодаря тому, что оно освобождает в значительной мере крестьянку и работницу от ухода за ребенком, трудовое население охотнее всего пойдет на материальные жертвы по устройству дошкольных учреждений. Необходимо только иметь в виду, что нельзя мечтать сейчас об образцово обставленном массовом детском саде, а надо заботиться о проведении в жизнь детских садов хотя бы самого элементарного типа. Впечатления возраста от 3 до 8 лет оставляют глубокий след в душе ребенка, и потому общественное воспитание в этом возрасте особо важно.

7. Систему народного образования Наркомпрос мыслит как единую школу, распадающуюся на несколько ступеней, органически между собой связанных.

Первая ступень охватывает, как правило, возраст от 8 до 12 лет и имеет целью дать детям умение читать, писать и считать и знания и умения, позволяющие им несколько ориентироваться в окружающей трудовой деятельности людей, в явлениях природы и общественной жизни.

Первый концентр II ступени охватывает возраст от 12 до 15 лет и имеет целью дать уже более полное знакомство с трудовой деятельностью людей и ее организацией, с силами и законами природы и общественной жизни, сделать учащегося сознательным гражданином Советской республики.

Второй концентр II ступени охватывает возраст от 15 до 17 лет и имеет целью подготовку сознательного строителя новой жизни независимо от того, в какой области и по какой специальности он будет работать в дальнейшем.

Второй концентр должен дать учащимся ясное представление о проблемах в области строительства, стоящих перед Советской властью, и о способах и средствах разрешения этих проблем.

Из 2-го концентра те ученики, которые имеют к тому склонность и необходимые данные, переходят в вузы.

8. Эту единую школу Наркомпрос стремится превратить в трудовую политехническую школу.

Единая школа должна в центр своего внимания ставить трудовую деятельность людей и организацию ее. Эта центральная тема проходит красной нитью через программы единой трудовой школы на всех ступенях, определяет выбор изучаемых тем в области естествознания и является базой для изучения классового общества, его структуры и развития.

Ориентировка на трудовую деятельность людей, изучение под этим углом зрения связей и взаимоотношений между человеком и природой, индивидуумом и обществом, экономикой, политикой и культурой, настоящим и прошлым придает содержанию преподавания общеобразовательный, политехнический характер. В единой трудовой школе мы устанавливаем подход к труду не с точки зрения специалиста, а с точки зрения строителя новой жизни, которому, какую бы специальную работу он в будущем ни делал, необходимо именно ясное понимание связей, соотношений.

Наше представление об общем образовании существенно изменилось. Раньше под общим образованием понималось знакомство с известным условным кругом знаний вообще, главным образом гуманитарного характера. Теперь под общим образованием следует понимать другое: ясное понимание вышеуказанных взаимоотношений.

Единая трудовая школа должна быть трудовой не только по содержанию, но и по методу. В ней должен получать широкое применение трудовой метод, признаваемый современной педагогикой методом, способствующим наиболее глубокому изучению вещей и явлений. Единая трудовая школа должна быть трудовой и в том отношении, что она должна быть непосредственно связана с окружающей трудовой деятельностью людей. Начиная с 1-го концентра II ступени под школу должна быть подведена серьезная трудовая база.

Опыт шести лет изменил наше представление о характере школы II ступени, заставил мыслить ее как школу фабзавуча, с одной стороны; как школу крестьянской молодежи — с другой; как школу с базой ремесленного или муниципального труда — с третьей.

В этих школах изучается определенная отрасль труда: промышленность (в ее заводской и ремесленной формах), сельское хозяйство, муниципальная деятельность. Не са-

мообслуживание, а общественно полезный труд ложится в ее основу. Но и в школах фабзавуча, и в школах крестьянской молодежи, и в городских школах с муниципальным уклоном бронируется политехнический, общеобразовательный уклон, становящийся лишь более углубленным благодаря тому, что за исходный пункт взято практическое и теоретическое изучение определенной отрасли труда.

Само собой, что при такой постановке дела прохождение курса единой трудовой школы должно рассматриваться как серьезный трудовой стаж, и переход из школы II ступени в вуз должен быть открыт всем желающим и имеющим для этого необходимые данные.

9. Не только под II ступень, но и под вузы, по мнению Наркомпроса, должна быть подведена производственная база.

Сеть вузов строится на точном учете потребностей производственных районов.

Каждый вуз имеет свой определенный производственный план, заключающийся в том, что вуз выполняет силами учащих и учащихся известную часть общественно необходимой работы в той области, которая является предметом его изучения. План должен быть тщательно разработан совместно с хозяйственными органами данной области.

В процессе выполнения намеченного плана студенты получат возможность все время связывать теорию с практикой. Такая постановка дела придаст всей работе вузов столь необходимый для них жизненный уклон и органически свяжет их со строительством данной области.

На очереди стоит вопрос о возложении на вузы известной учетной и исследовательской работы, необходимой для области.

Вместе с тем одной из основных задач вузов должно быть ведение производственной пропаганды в районе в изучаемой студентами области знания. Характер и формы этой производственной пропаганды, а также вопрос о возможности создания педагогических факультетов при старших курсах специальных вузов в целях подготовки педагогов-специалистов должны быть подвергнуты обязательной разработке.

На эти педагогические факультеты вузов должно быть возложено установление тесной связи с техникумами дан-

ной специальности и со школами II ступени с уклоном в данную специальность.

10. В наших условиях вышеочерченная система народного образования выливается в следующие формы.

а) Уровень экономического и культурного развития страны заставляет считать в данный момент типом осуществимой *массовой школы,* доступной широким слоям пролетариата и крестьянства, лишь школу I ступени.

б) В центральной России школа I ступени откристаллизовалась как школа-четырехлетка, охватывающая детей обоего пола в возрасте от 8 до 12 лет. Четырехлетка должна стать *нормальным* типом школы I ступени.

в) К этому типу желательно подтянуть трехлетки, существующие в более отсталых местностях; однако это никоим образом не должно производиться за счет сокращения сети школ. Надо помнить, что у нас и в школе I ступени учатся лишь 50% детей школьного возраста и что, пока четырехлетка не стала еще школой общедоступной, надо допускать не только трехлетки, но и двухлетки и однолетки, считая их зародышами четырехлетки и ставя своей ближайшей задачей их развитие в четырехлетку.

г) Там, где местные условия это позволяют, четырехлетка может вырастать в пятилетку, шестилетку и семилетку, что опять-таки никоим образом не может производиться за счет сокращения сети четырехлеток.

д) Там, где к тому представляется возможность, создаются школы I ступени не только для детей 8—12-летнего возраста, но и для подростков, не получивших этого первоначального образования. Эти школы в большинстве случаев сложатся, вероятно, как вечерние. Ввиду более старшего возраста курс школы I ступени для подростков возможно уложить в два года. В эти школы принимаются подростки до 18 лет.

е) Там, где нет специальных школ для подростков, подростки могут приниматься и в детские школы, если там остаются свободные места. Наплыв подростков не может быть особенно велик ввиду того, что труд их бывает нужен в крестьянском хозяйстве.

ж) Школа II ступени, как было сказано выше, тесно связана с какой-нибудь определенной отраслью производства, которую ученики изучают и теоретически и прак-

тически и которая служит исходным пунктом изучения общеобразовательной части программы II ступени.

з) Мы имеем уже одну откристаллизовавшуюся более или менее форму трудовой школы — это школу фабзавуча. Фабзавуч — школа, которая соединяет обучение с работой на фабрике. По возрастному своему составу (от 15 до 18 лет) она должна бы строиться над 1-м концентром II ступени. Но культурный уровень страны таков, что школа фабзавуча может строиться лишь над I ступенью, да и то она должна иметь при себе в большинстве случаев подготовительную школу для подростков, имеющую целью усиленным темпом пройти курс I ступени. Таким образом, школа фабзавуча отступает от возрастных норм, строится над I ступенью, и в ней бронируется лишь общеобразовательная часть 1-го концентра.

и) Школа крестьянской молодежи хотя еще и не проведена в жизнь, но очертание ее уже более или менее вырисовывается. Она строится над I ступенью и хотя предназначается для 12—15-летнего возраста, но на деле будет включать более великовозрастную молодежь. Эта школа будет базироваться на сельскохозяйственной основе и ориентироваться на крестьянское хозяйство. В ней должен получить широкое применение метод проектов, который свяжет школу тесной связью с крестьянским хозяйством, а по окончании школы ученики должны посылаться на заработок, на практику в образцовые хозяйства.

к) Совершенно не проработан еще тип городской школы, которая должна базироваться, как правило, на муниципальном труде. Общеобразовательный минимум 1-го концентра в этих школах должен быть тесно связан с практическим и теоретическим изучением той или иной отрасли муниципального труда.

л) В профессиональных школах должна быть произведена реформа в направлении тесной связи их с производством и в направлении забронирования в них общеобразовательной части программы в размере 1-го концентра.

м) Из школ фабзавуча, крестьянской молодежи, профессиональных и школ с муниципальным уклоном желающие переходят либо в техникум, либо во 2-й концентр.

н) Техникумы дают комплекс общеобразовательных знаний в объеме 2-го концентра II ступени.

Окончившие техникумы имеют право поступления на первый курс любого вуза или на второй курс вуза той же специальности.

Таким образом, специальное образование подрастающее поколение получает: низшее — в школах фабзавуча, школах крестьянской молодежи, профессиональных школах и школах муниципального труда, среднее — в техникумах и высшее — в вузах. Каждый из этих видов профессионального образования связывается самым тесным образом, с одной стороны, с производством, с другой — с общеобразовательной программой соответствующей ступени, дающей возможность учащемуся стать не слепым исполнителем чужих приказаний, а одновременно и работником и хозяином в производстве.

11. Особо надо остановиться на системе подготовки учителей, необходимых для работы в новой школе. Если не будет должным образом поставлено это дело, все постановления Наркомпроса повиснут в воздухе и останутся благими пожеланиями. Подготовка учительства должна проводиться отделами народного образования при активной поддержке союза работников просвещения. Центром ее должны стать педвузы. Одна из основных задач педвуза каждого производственного района — педагогическая пропаганда среди учительства и обслуживание его через союз работников просвещения. Так, например, новые программы, по плану Наркомпроса, должны базироваться на местном материале. Но это требование останется на бумаге, если не будет органа, который проделает работу по собиранию и классификации местного материала. Отдельным учителям это не под силу, оно не под силу и отделу народного образования, который загружен административной работой. Это дело не может быть выполнено и союзом работников просвещения, так как это — работа, идущая не по основной линии работы союза. Собирание материала, который можно получить через советские органы, оценка его с педагогической точки зрения, составление необходимых сводок и указаний может быть поручено педвузу.

Или возьмем вопрос о производственном плане педагогической работы в районе. Этот план вырабатывается отделами народного образования совместно с Научно-методическим бюро, но ни отделы народного образования, ни

Научно-методическое бюро не могут проделывать той предварительной работы по учету состояния дела, которую может проделать педвуз.

При такой постановке дела педвузы превратятся в идейные педагогические центры, опираясь на которые получат совсем другое педагогическое значение всякие курсы по переподготовке и надлежащим образом будут обслужены и переподготовка учительства и процессы работы. Педвуз должен быть связан с союзом работников просвещения, с педтехникумами и районными школами и через них вести педагогическую пропаганду, следить за их работой. Педтехникумы, с одной стороны, районные школы — с другой, должны стать также, хотя и более мелкими, центрами педагогической пропаганды среди учительства и населения. Педтехникумы, как и педвузы, должны вести переписку с учительством своего района по вопросам педагогическим, стать своего рода педагогическими консультативными бюро, поддерживать особо тесную связь с окончившими техникум, устраивать в своем районе при содействии союза работников просвещения доклады на педагогические темы, вести по указанию отдела народного образования работу по курсам, конференциям и пр. С другой стороны, педтехникумы должны систематически изучать постановку педагогического дела в своем районе и способствовать поднятию его на более высокую ступень. Курсанты педтехникумов, как и педвузов, должны также вести довольно широкую политпросветработу среди населения, работу внешкольную с детьми и подростками, особенно с беспризорными, вести и работу школьную.

Только создав такую сеть учреждений педагогической пропаганды, можно будет создать того квалифицированного учителя, который нужен для создания новой школы.

Тесная связь с рабочими и партийными организациями поможет учителю поднять и свою политическую сознательность.

12. В целях облегчения поступления в вузы рабочих и крестьян создается особый вид школ для взрослых и молодежи — рабфак, куда принимаются лица с трехлетним трудовым стажем, курс которых включает в себя программу школ I и II ступени (обоих концентров).

Этот своеобразный тип школы представляет собою ту широко открытую дверь, через которую проникают в вузы

трудовые элементы, для которых раньше пути к высшему образованию были закрыты и которые особенно ценны для страны своей энергией, выдержкой и своим рабоче-крестьянским подходом ко всем вопросам.

13. Система народного образования дополняется еще устройством школ взрослых различных типов. Широкий размах получила ликвидация безграмотности, имеющая у нас в России особое значение. Школы грамотности, как правило, должны развертываться в школы I ступени для взрослых.

Эти школы должны, конечно на другом материале, давать общеобразовательный минимум школы I ступени. Затем создаются школы повышенного типа, дающие знания в объеме II ступени.

Параллельно с этой работой по поднятию культурного уровня и сознательности вообще ведется еще широко работа по поднятию специально политической сознательности. Создается сеть школ политграмоты, совпартшкол I и II ступени. Система партпросвещения завершается созданием комвузов. При наших условиях партпросвещение неразрывно связывается с просвещением вообще. Поэтому в совпартшколах I ступени бронируется общеобразовательный минимум I ступени, в совпартшколах II ступени — общеобразовательный минимум II ступени.

14. Параллельно с устройством школ для взрослых должны устраиваться всякого рода иные просветительные учреждения, имеющие целью поднятие культурного уровня и политической сознательности. Должны быть созданы специальные циклы изданий, обслуживающих массы, сеть библиотек, изб-читален, клубов, народных домов, должны проводиться всякого рода кампании и пр.

Искусство должно играть большую роль в политпросветработе, воздействуя на эмоциональную сторону, будя новые интересы, расширяя кругозор. Широко должны быть использованы, например, такие способы воздействия на массы, как кино, празднества и пр.

15. Строительство четкой, гибкой, основанной на учете потребностей страны и задач момента, научно обоснованной системы народного образования — дело не одного дня; дальнейшее покажет, что́ надо еще уточнить, развить, разработать. В представленных тезисах дается лишь общее понимание нами системы народного образования.

Работа над усовершенствованием системы еще очень велика, она лишь поставлена на очередь.

16. В этой работе существенную пользу могут оказать опытные школы, существующие при Наркомпросе и губоно и являющиеся как бы лабораториями современной педагогической мысли, научно-педагогические институты, а равно и всякого рода научно-исследовательские институты и учреждения.

Особое значение имеют исследовательские институты при вузах. Работа их должна быть связана как с производством, так и со всей работой вуза и являться той закваской, которая не дает вузу застывать на том или ином уровне, успокаиваться на тех или иных достижениях и держит его на уровне современной науки, пропитывает его тем духом научных исканий, без которых нет истинно научной жизненной работы.

1923 г.

ВОПРОСЫ БЕСПРИЗОРНОСТИ

(РЕЧЬ НА ОТКРЫТИИ МОСКОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ)

...Товарищи, у меня здесь вырезка из «Форвертс», в которой рассказывается, что на улицах Москвы за последнее время подобрано более одной тысячи детских трупов. Это сообщение произвело колоссальное впечатление в широких кругах Европы. «Форвертс» сделала это сообщение средством своей агитации против Советской России. Автор этой заметки говорит, что вот Россия, она помогает германским детям, но у нее у самой детские трупы валяются по улицам столицы, в Москве. И в прикрытой форме доказывается, что режим буржуазный гораздо лучше советского режима, советский режим неизбежно-де ведет к гибели ребят, ведет к таким ужасным условиям, что остается только одно — подбирать детские трупы по улицам. Так ли это?

Посмотрим, откуда берется у нас беспризорность и что мы можем сделать для ликвидации ее. Я думаю, что не стоит опровергать этих нелепых слухов о трупах, валяющихся по улицам Москвы. Корни этих слухов ясны. Никаких трупов нет, конечно. Но мы не скрываем, что у нас налицо имеется громадная беспризорность в очень тяжелой форме. Наша обязанность — сделать для ликвидации этой беспризорности все, что в наших силах. Вопрос в том, в состоянии ли мы в Советской России это сделать лучше, чем это делается в буржуазных странах? Корни беспризорности в *общем и целом* ясны. Мы переживали громадные, колоссальные разрушения общественных связей, вызванные войной. И не только войной. Надо сказать

прямо, что пережитая нами революция тоже является одной из причин беспризорности.

Что представляет собою всякая революция? Она представляет собою разрушение прежнего, устаревшего, изжившего себя порядка, старых связей, старых семейных отношений, старых общественных отношений. Революция означает ликвидацию всего этого и налаживание каких-то новых связей, новых взаимоотношений, новой общественной организации. Тот исторический момент, который мы теперь переживаем, сделал нашу революцию особенно глубокой. Мы в России вынуждены были ликвидировать строй, который потерял свои корни в современности. Самодержавие, выражавшее волю не только класса капиталистов, но в еще большей мере волю помещиков, дворянства, даже для капиталистического строя было невыносимо. Продолжение его существования и означало гибель страны. Ликвидация этого строя была общественной необходимостью. Наша революция означала прежде всего как раз ликвидацию этого отжившего строя, который всю страну уносил в пропасть. Ненависть рабоче-крестьянских масс к этому строю, порыв к разрушению его был стихиен, неудержим. Всякий, кто вдумается в общественные отношения, конечно, ясно осознает это.

Может ли революция быть революцией тихой, благонравной? Конечно, революция развязала страсти: громадная ненависть была сопряжена со страшными потрясениями, с очень тяжелыми переживаниями, иначе не бывает ни одной крупной революции. Вместе с тем эта революция означала в данной мировой обстановке переход к новому строю, не к буржуазному строю, а к строю переходному, к социализму. Путь от старого самодержавия к социализму — это путь не одного дня, это путь чрезвычайно трудный.

Мне помнится, как лет 25 тому назад мы, коммунисты, упрощенно понимали социализм. Тогда совершенно неясно было еще, каким изменением психологии, каким изменением всей общественной жизни, всего ее тонуса, всего подхода к разрешению всех жизненных вопросов будет сопровождаться переход средств производства в общественную собственность. Теперь, после пережитой революции, это понимание начинает зарождаться, начинают, хотя смутно еще, вырисовываться новые формы жизни, но-

вый способ разрешения общественных вопросов. При социализме вся масса снизу доверху будет организована, всякий член общества явится членом организации. Этот громадный размах общественной деятельности, громадную всестороннюю организацию в разных направлениях, разных комбинациях — это мы уже сейчас начинаем чувствовать. Мы видим, как эта организация общественности растет не по дням, а по часам. Россия от старого, самодержавного строя постепенно идет к социализму, т. е. к организованной общественности.

И к нашему частному вопросу, вопросу о ликвидации беспризорности, мы, конечно, и должны подойти таким же образом. Мы должны понять, что ликвидация беспризорности, вызванной войной, вызванной разрушением старых отношений, старых связей, возможна только с помощью организованной общественности. Формы ликвидации беспризорности, которые практикуются в буржуазных странах, непригодны для ликвидации беспризорности у нас. Из детских домов старого типа беспризорные подростки бегут. Тут приходится клин клином вышибать: разрушение общественных отношений породило беспризорность, и необходимо, чтобы организованная общественность ликвидировала эту беспризорность. Поэтому необходимо обдумать, как координировать усилия существующих разнообразных организаций в деле ликвидации беспризорности, как их направить в надлежащее русло.

За последнее время подсекция научно-педагогической секции ГУСа по беспризорным много работала над этими вопросами, над выяснением того, каковы должны быть пути для ликвидации беспризорности. Необходимо опираться прежде всего на уже существующие организации, в первую голову на организации рабочих, на профсоюзы. Мы уже обращались в ВЦСПС. В дальнейшем необходимо будет с каждым отдельным профсоюзом обсудить детально, чем и как может союз помочь беспризорным, ибо помощь со стороны профсоюзов в деле ликвидации беспризорности может быть громадна, дело может быть поставлено совершенно на новые рельсы.

Возьмем вопрос о привлечении беспризорных ребят к организованному труду. Это то, что дает ребятам выход в нормальную жизнь. Этот вопрос может быть разрешен лишь при активном содействии профсоюзов. Должны по-

могать и партийные организации, женотделы, союзы молодежи, юные пионеры — все они бóльшую или меньшую долю работы в этой ликвидации беспризорности могут взять на себя. Необходимо участие и всех советских органов. Конечно, нельзя забывать именно то, что наши госорганы во многом еще представляют собою слепок старого бюрократического аппарата, но уже начинает пробивать себе дорогу иное понимание роли госаппарата. Начинает сознаваться, что государственный аппарат должен быть не столько аппаратом управления, сколько аппаратом, организующим соответствующую область работы. В этом отношении, может быть, Наркомпрос больше всего чувствует, что он должен стать, и становится таким, организующим центром. Не только, конечно, Наркомпрос, но и все другие наркоматы в процессе своей работы приходят к новому пониманию своей задачи, к пониманию того, что их задача — организовать общественность в данной области, организовать данную отрасль работы. И вот мы должны обратиться ко всем советским и партийным органам с той же просьбой — прийти на помощь делу ликвидации беспризорности. Только таким путем, путем привлечения уже организованных слоев населения, путем вовлечения организационного аппарата в его целом в эту работу, мы сможем ликвидировать это тяжелое наследие войны и разрушения старых связей. Это вопрос не благотворительности — это вопрос здоровья всего общественного организма. Это очень важная общественная задача, и поэтому к ней надо подойти со всей серьезностью.

Следующие докладчики будут подробно говорить о проделанных в этом направлении опытах. Я надеюсь, что конференция эта положит начало гибкой, мощной организации, которая придет на помощь беспризорным ребятам, которая ликвидирует это крупное социальное зло. Я думаю, что сейчас мы должны на этой конференции подвести итоги той работе мысли, которая проделана в этой области. Должны подвести итоги проделанному опыту. Следующим этапом работы будет увязка всей этой организационной работы, бóльшая сплоченность, бóльшая продуманность каждой формы организации, бóльшая планомерность.

Я думаю, что работа на этой конференции представляет необходимый этап, нужный для того, чтобы работа

могла достаточно широко и сильно развернуться дальше. И поэтому, товарищи, позвольте пожелать конференции всяческих успехов в ее работе и выразить желание, чтобы общими усилиями удалось ликвидировать беспризорность. Это — работа не одного дня. Планомерная работа в этой области, несомненно, приведет к тому, что беспризорность в Советской России будет играть все меньшую роль и сведется на нет.

1924 г.

ВСЕСОЮЗНЫЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ СЪЕЗД И ЕГО ЗАДАЧИ

«Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и, главное, главное и главное — над поднятием его материального положения.

Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать их из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех, без исключения, капиталистических странах, опорой советского строя, чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь их к союзу с пролетариатом» [1].

Эту цитату знает наизусть каждый учитель. Она вдохнула мужество в десятки тысяч учителей.

Никто так упорно не учится сейчас, как учителя.

Не только на летних курсах учатся учителя, они учатся систематически, собираясь в районные школы, обсуждая там ряд педагогических и политических вопросов, помогая друг другу правильно ставить работу. Учатся на экскурсиях. Учатся, работая в избах-читальнях, ведя работу с населением. Учатся, черпая знания из общей прессы и литературы педагогической. За последнее время

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 424.

учитель чрезвычайно вырос, стал советским, тянется к партии.

Во время обсуждения на XIII съезде партии вопроса о народном просвещении 15 тыс. просвещенцев Москвы пришли на Красную площадь приветствовать съезд.

Они пришли с плакатами, на которых было написано: «Заветы Ильича на фронте просвещения выполним»...

И не только московское учительство готово идти за партией, готово идти за ней все провинциальное учительство.

Эта позиция учительства будет окончательно закреплена на предстоящем Всесоюзном учительском съезде.

Но не только эта задача стоит перед съездом.

Надо строить новую трудовую школу, пропитанную духом коммунизма.

«Необходимо,— говорил Ильич 28 августа 1918 г. на I Всероссийском съезде по народному образованию,— приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы, которая лишь одна сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобно той, что продолжается уже пятый год» [1].

Пока учительство не шло за партией, пока оно не поняло своей роли в деле воспитания подрастающего поколения, трудно было говорить о создании массовой социалистической школы. Социалистическую школу нельзя насадить по предписанию сверху, ее можно создать только совместными усилиями учительства при содействии самих ребят, при содействии всего организованного населения.

Работа эта уже началась. Все учительство I ступени усердно работает над программами ГУСа, в корне изменяющими все прежнее содержание школьного преподавания, тесно связывающими знания с жизнью. Работает учительство и над новыми методами преподавания, дающими возможность правильнее вести работу, сочетая самодеятельность учащихся с коллективными методами работы.

Детское движение, с своей стороны, совершенно изменяет взаимоотношения между учителем и учениками. Оно

---

[1] Цитируется Н. К. Крупской по тексту отчета в газете «Правда». № 184 от 30 августа 1918 г.— *Ред.*

делает учеников независимее от учителя и в то же время до чрезвычайности облегчает работу учителя. Наравне с этим мы наблюдаем, что начинает завязываться у школы тесная связь с населением, поскольку школа начинает врезываться в труд и быт населения, влиять на них. Учитель делается близким населению.

Необходимо всю проделанную уже работу подытожить, наметить этапы дальнейшей работы.

Это должно быть сделано на съезде.

И, наконец, последняя задача съезда — это сплотить учительство, спаять его в тесный коллектив. Учительство разбросано по всем градам и весям СССР, и для него особенно важна дружная союзная спайка, которая помогала бы учителю никогда не падать духом, всегда иметь перед глазами общую цель, чувствовать, что где-то рядом с ним другие его товарищи борются за ту же цель.

Чтобы учительство пришло на съезд как можно более сорганизованным, сознательным, чтобы съезд прошел возможно более подготовленно и успешно, Цекпрос (ЦК профсоюза работников просвещения и социалистической культуры.— *Ред.*) стал издавать еженедельную «Учительскую газету».

Через газету яснее слышен голос учительства, газета, несомненно, сыграет роль коллективного агитатора, пропагандиста, организатора, она поможет сплотить красную учительскую армию для борьбы на фронте просвещения. Надо, чтобы в этой газете был также слышен голос работницы и крестьянки.

Работница и крестьянка кровно заинтересованы в постановке дела народного образования. Им не все равно, чему учат, как воспитывают в школе их детей. И они не могут не радоваться тому, что школа реорганизуется, что в ней начинает учить сознательный учитель, что их дети в школе живут полной жизнью и получают серьезную подготовку к жизни.

Работница и крестьянка не могут поэтому молча, равнодушно пройти мимо Всесоюзного учительского съезда, он слишком близко их касается.

Они должны внимательно следить за работой съезда, должны отдать себе отчет в том, какая школа нужна их детям, как эту школу строить, они должны отдать себе отчет в том, что́ они — работницы и крестьянки — долж-

ны сделать, чтобы воспитать ребят сознательными, умелыми строителями новой жизни.

А поняв это, работницы и крестьянки поймут, до какой степени нужна школе их помощь, поймут, что без их помощи настоящей трудовой школы, о которой говорил Ильич, не выстроишь, не создашь.

И они сделают всё, что смогут, чтобы помочь советской школе укрепиться и осуществить свои задачи.

Об этом им надо сказать на Всесоюзном учительском съезде.

1924 г.

ПУТИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

В порядке дня Всесоюзного съезда стоит вопрос о советской школе.

Вопрос этот надо будет на съезде продумать до конца. Надо будет отдать себе отчет в том, какие лозунги выдвинул, какие цели поставил школе Октябрь, как эти лозунги неизбежно вытекали из общих целей, которые ставились Советской республике; надо отдать себе отчет в том, что эти лозунги продолжают оставаться нашими целями. Теперь, когда политическая сознательность учительства поднялась, выросла, надо этот вопрос, который так долго обсуждался в свое время, быстро охватить во всем его значении, отметить правильность выставленных целей и затем перейти к расценке опыта протекших семи лет.

Надо остановиться на вопросе о том, как не знали мы меры своих сил, как ставили себе 100% программы достижений и на этом провалились, как пришлось начинать с начала и неизмеримо более медленным шагом двигаться к тем же целям.

Теперь мы не стремимся уже всем сразу дать высшее образование. Теперь наш путь таков: мы будем сначала добиваться того, чтобы пропустить всех ребят через четырехлетку, ее сделать всеобщей, потом уже перейдем к всеобщности семилетки, потом — к всеобщности профессиональной подготовки. Конечно, стремясь к ближайшей цели — к всеобщности I ступени, необходимо одновременно работать и над увеличением числа семилеток и 2-го концентра, но ударная задача сейчас — прохождение всеми ребятами четырехлетки.

Теперь мы уже кое-что сделали для правильной постановки работы в четырехлетке.

Мы определили, чему мы должны учить в нашей четырехлетке, какой цикл знаний должны мы дать детям. У нас есть уже программы четырехлетки, в которых центральным вопросом является изучение трудовой деятельности людей, в которых даваемые знания увязаны между собою, в которых ребятам даются не какие-то обрывки сведений, а самые необходимые им знания. Каждый пункт программы обоснован.

Следующим чрезвычайно важным шагом является переподготовка учительства, подготовка его к занятиям по новым программам.

Сейчас началась также усиленная работа над созданием учебника, соответствующего новым программам, широко вовлекается в эту работу учительство. Новый учебник должен быть серьезной подмогой учителю в его работе.

И с другой стороны идет помощь учителю — стихийно растущее детдвижение дает школе такого ученика, какого не знала старая школа и наличие которого разрешает очень легко вопрос о дисциплине.

Умелый подход к детдвижению открывает новые перспективы и в деле увязки школьных занятий с коллективным детским трудом.

И, наконец, вполне ясно сознана уже необходимость того, чтобы школа тесно была связана с окружающей жизнью и влияла на нее.

В нашей малокультурной стране школа призвана сыграть крупную культурную роль. Новые программы плюс детдвижение открывают двери вклиниванию школы в повседневную жизнь, ее влиянию на окружающий быт. Этому же способствует и все шире и шире развивающаяся общественная деятельность учителя, делающая его близким населению.

Путем отчетников, путем приближения школы к жизни началась пропаганда новой школы среди населения. Эта пропаганда делом, показом будет укрепляться с каждым днем по мере того, как новая школа будет становиться на ноги,— а тогда не будет уже школа стоять нетопленной, неремонтированной, не будет голодать учитель — школа станет любимым детищем населения.

Идет работа в том же направлении и над семилеткой. Готовы уже программы, пишутся учебники, приспособляется семилетка к жизни, превращаясь в деревне в школу крестьянской молодежи, а в промышленных центрах приближаясь к жизни завода.

Общая линия развития та же, что и в четырехлетке.

Второй концентр школы II ступени профессионализируется, держится курс на подготовку того культурного работника с средним образованием, который так страшно нужен стране. Второй концентр перестает быть пропускным пунктом в вуз,— он будет давать, наряду с техникумами, прямой выход в жизнь.

К I Всесоюзному учительскому съезду путь советской школы вполне очерчен. Нужна только упорная, неустанная работа над ней всего учительства, всей страны. Перед нами стоят широкие, ясные перспективы. Пойдем к их осуществлению дружными, сплоченными рядами, одушевленные одной идеей,— и мы победим, сделаем Россию светлой и просвещенной.

1924 г.

ЛЕНИН И НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Вопросы народного просвещения стояли в поле внимания т. Ленина; он неоднократно высказывался по поводу них. Эти высказывания относятся главным образом ко времени после Октябрьской революции. До тех пор, пока самодержавие накладывало свою тяжелую лапу на школу, было довольно-таки бесплодно разговаривать о школе, народном образовании и пр.; центр внимания направлялся на то, чтобы создать хоть минимальные условия для реорганизации школы.

Но уже в 1897 г. в статье «Перлы народнического прожектерства» Владимир Ильич высказался по этому вопросу: «... нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания» [1].

Это — точка зрения Маркса, тогда еще мало известная даже марксистам. Владимир Ильич указывает на это: «Эту мысль высказали еще старые великие утописты [2]; ее вполне разделяют и «ученики»...» [3]

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 440.

[2] Главным образом Роберт Оуэн.— *Прим. Н. К. Крупской.*

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 440.

«Ученики» — так цензурных ради соображений называли тогда себя марксисты.— *Прим. Н. К. Крупской.*

Эту точку зрения провел потом Владимир Ильич при выработке программы РКП.

В той же статье «Перлы народнического прожектерства» т. Ленин подробно разъясняет разницу между сословной и классовой школой, разницу, которой до сих пор очень многие не понимают.

«Сословная школа требует от ученика принадлежности к известному сословию. Классовая школа не знает сословий, она знает только граждан. Она требует от всех и всяких учеников *только одного:* чтобы он заплатил за свое обучение. Различие программ для богатых и для бедных вовсе не нужно классовой школе, ибо тех, у кого нет средств для оплаты обучения, расходов на учебные пособия, на содержание ученика в течение всего учебного периода,— тех классовая школа просто не допускает к среднему образованию. Классовой замкнутости вовсе не предполагает классовая школа: напротив, в противоположность сословиям, классы оставляют всегда совершенно свободным переход отдельных личностей из одного класса в другой» [1].

«...Классовая школа,— если она проведена последовательно, т. е. если она освободилась от всех и всяких остатков сословности,— необходимо предполагает один общий тип школы» [2].

Это написано в 1897 г., а теперь, в 1924 г., мы видим, как борьба за «единую» среднюю школу во Франции, насквозь классовую, выдается за великую борьбу, за коренную якобы реформу школы, проводимую в интересах народных масс. Достаточно прочесть эту старую статью Владимира Ильича, чтобы правильно оценить то, что делается сейчас, 27 лет спустя после появления этой статьи, во Франции, чтобы «великая» реформа предстала перед нами во всей своей буржуазно-классовой наготе.

Прошло много лет с 1897 г. В 1917 г. было свергнуто самодержавие, перед народом открылась возможность широчайшего строительства, и в своей речи на I съезде по народному образованию 28 августа 1918 г., за два дня перед тем, как в него стреляла эсерка Каплан, увидевшая в нем врага народа,— Владимир Ильич произнес речь о

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 432.
[2] Там же.

роли школы в Советской России. Эта речь прошла как-то малозамеченной отчасти потому, что выстрел Каплан отодвинул на время все актуальные вопросы, отчасти потому, что за времена царского самодержавия вопросы народного образования не привлекали к себе внимания марксистов и этими вопросами мало интересовались,— а речь эта очень знаменательна.

Характерно, что в ней Владимир Ильич как бы подхватывает нить своих доказательств, прерванную в 1897 г. В этой своей первой речи по народному образованию он вновь говорит о классовом характере школы.

«Иные нас упрекают в том, что школу мы делаем классовой. Но школа и была таковой во все время своего существования. Если сейчас мы видим саботаж со стороны учителей высшей школьной ступени, так это показывает, что эти учителя хотят монополизировать нашу школу, сделать ее орудием классовой борьбы, сделать ее оружием, направленным против рабочих и крестьян. Да чем же, собственно, и вызвана хотя бы эта, продолжающаяся уже пятый год бойня, как не тем, что школа была использована врагами трудового народа в своих целях. В школах старого типа ребенку неминуемо внушаются национальные предрассудки; разжигается ненависть к другим народам, к рабочим другой национальности; юная мысль затемняется глупыми предрассудками. Школы в буржуазных странах насыщены ложью и клеветой в угоду буржуазии. Чувство ненависти к отдельным национальностям буржуазия как нельзя лучше использует в своих целях именно во время войны, которая дает ей колоссальные барыши»[1]. В этой речи поражает, какое большое значение придает Владимир Ильич школе в деле воспитания народных масс, каким сильным оружием классовой борьбы он считает школу. Эту мысль он повторяет и дальше.

Сказав, «что и наша школа будет классовой, но преследующей интересы исключительно трудовых слоев населения», он заканчивает свою речь призывом: «Необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой

[1] Цитируется Н. К. Крупской по тексту отчета в газете «Правда» № 184 от 30 августа 1918 г.— *Ред.*

школы, которая лишь одна сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобно той, что продолжается уже пятый год» [1].

И именно потому, что Владимир Ильич придавал школе такое громадное значение, его речь была обращена не только к учительству, но и к трудовым слоям населения. «Русская же школа отныне освобождается от этой опеки буржуазии и вместе со своим освобожденным от цепей рабства народом вступает в новую жизнь на началах социализма, братства и равенства» [2].

Призыв к тому, чтобы освобожденный от цепей рабства народ, рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки вместе с учителями строили новую, социалистическую школу, и оправдывает такое большое место, какое уделяет «Коммунистка» на своих страницах вопросам народного образования.

«Коммунистка» не может оставаться в стороне от этих вопросов, это — дело, к которому она должна относиться с полной сознательностью.

В своей речи на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 г. Владимир Ильич наиболее полно выразился по вопросу, как он мыслит, какова должна быть наша советская школа.

«Старая школа заявляла,— сказал Владимир Ильич,— что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплуататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии. В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья. Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей

---

[1] Цитируется Н. К. Крупской по тексту отчета в газете «Правда» № 184 от 30 августа 1918 г.— *Ред.*

[2] Там же.

взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования» [1].

И далее:

«Когда мы слышим нередко и среди представителей молодежи, и среди некоторых защитников нового образования нападки на старую школу, что старая школа была школой зубрежки, мы говорим им, что мы должны взять то хорошее, что было в старой школе. Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен...» [2]

Эту мысль Владимир Ильич в течение своей речи на съезде молодежи повторил несколько раз.

«...Мы должны,— повторял он,— поставить уменье взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования» [3].

И не только коммунизму должны учиться ребята.

«Перед вами,— говорил Владимир Ильич,— стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 260—261.
[2] Там же, стр. 262—263.
[3] Там же, стр. 264.

на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве. Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение» [1].

«Мы не верили бы,— говорил дальше Владимир Ильич,— учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни... Она (школа.— *Н. К.*) должна за то время, пока люди в ней учатся, делать из них участников борьбы за освобождение от эксплуататоров» [2].

«Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами» [3].

И дальше Владимир Ильич говорил о том, что надо все задачи учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую.

Школа должна научить детей и молодежь, говорил Владимир Ильич, объединять свой труд, осмысливать его и дисциплинированно его осуществлять.

Эти вехи советской школы, намеченные Владимиром Ильичем, и должны проводить в жизнь учителя совместно с трудовыми слоями населения.

1924 г.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 264.
[2] Там же, стр. 270.
[3] Там же, стр. 273.

ВСЕСОЮЗНЫЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ СЪЕЗД

Революция смела старую школу.

Надо было строить новую школу, такую, какой не бывало еще раньше, школу, которая служила бы не интересам помещиков и капиталистов, а интересам трудящихся.

Эта школа должна была быть тесно спаяна с жизнью, идти с ней нога в ногу, помогать трудящимся строить жизнь на началах социализма.

Такую школу не могло учительство строить в одиночку, без участия трудовых слоев населения.

Наркомпрос сразу же выдвинул идею советов народного образования.

Однако идея эта не привилась широко.

Чтобы строить школу вместе с трудовым населением, нужно было желание это делать, добрая воля, взаимное доверие.

Учительство в то время в своей массе с населением работать и не умело, и не хотело.

Гражданская война отвлекала население от участия в строительстве новой школы, оно не представляло себе облика новой школы, а на учительство смотрело с недоверием.

Понадобилось много времени, чтобы учитель завоевал это доверие.

Только последний год, когда учительство вплотную взялось за работу, эта работа сблизила его с крестьянством — в целом ряде мест около учительства сплачиваются бедняцкие слои. Крестьяне стали отзываться об

учителе совершенно иначе, чем раньше. Особенно это сказалось во время последних выборов в Советы и комитеты крестьянской взаимопомощи.

Взявшись за общественную работу, учитель стал внимательнее всматриваться в жизнь, взялся за книжку, горизонт его расширился, он понял значение и смысл Советской власти, осмыслил для себя события последних годов, и он становится опорой Советской власти в деревне, тянется к партии, хочет работать под ее руководством.

Всесоюзный учительский съезд окончательно закрепит смычку между учительством и трудовыми слоями населения, между учительством и Советской властью, между учительством и партией.

Ничто теперь уже не будет мешать учительству строить школу «вместе со своим освобожденным от цепей рабства народом».

Со стороны населения за последний год сильно поднялся интерес к школе. Сделавшись общественником, учитель и школу повел по пути общественности. Школа все больше стала врезываться в общественную жизнь и тем стала привлекать к себе внимание. Вглядываясь в работу новой школы, крестьянин решает: «Школа занимается делом». Входящие все больше в практику «отчетники» перед населением — выставки, отражающие проделанную работу, детские доклады — поражают население. «Так вот чему учат теперь в школе,— говорят они,— делу учат». В этом году в школу хлынули массы ребят, а также подростков, не могших в предыдущие годы посещать школу. Престиж новой школы явно возрастает. Этому помогает углубление работы школы, сближение ее с жизнью, появление в школе учебника, поднятие квалификации учителя. Конечно, то, что делается, еще капля в море, но все отмечают, что в работе школы известный сдвиг чувствуется.

Всесоюзный учительский съезд поможет лучше выявиться облику советской школы; учительство учтет проделанный опыт, четче поставит задачи, запасется уверенностью, что идет по верной дороге, запасется новой энергией. Съезд будет иметь не только громадное политическое значение, он будет крайне ценен и тем, что даст несомненный толчок педагогической мысли, выравняет линию педагогического строительства.

Эта линия будет равняться по указаниям Владимира Ильича. На съездах в речах, в статьях он часто говорил о задачах народного образования, о школе, давая ясные, точные директивы, развертывал план строительства в этой области.

Учительство читает и перечитывает его статьи, вдумываясь в них. Оно знает, что делу народного образования он придавал громадное значение, что он заботился об учителе, говорил о том, что учитель у нас должен быть окружен заботой и вниманием, материально обеспечен. И потому Всесоюзный учительский съезд больше, чем какой другой, будет обвеян мыслью Ильича.

Пожелаем съезду успеха в его работе.

1925 г.

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА

(ДОКЛАД НА I ВСЕСОЮЗНОМ УЧИТЕЛЬСКОМ СЪЕЗДЕ)

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ШКОЛА

Товарищи, Октябрьская революция смела старую школу. Старая школа — школа буржуазная, служившая помещикам и капиталистам, была ненавистна народу.

Мне вспоминается один эпизод. В конце 1917 г., вскоре после того, как большевики овладели властью, пришел с фронта товарищ и рассказывал, как солдаты, которых поместили в школу на ночлег, изорвали в мелкие клочки все книги, разбили все физические аппараты и произвели полное разрушение. Это было сделано солдатами потому, что они чувствовали, что та школа, в которой находились все эти книги и инструменты,— школа враждебная, барская школа, школа господская, враждебная народным массам. Они чувствовали, что знания, даваемые в этой школе, служили не для того, чтобы наладить общую жизнь, а для того, чтобы вырастить слуг капитала, которые бы порабощали народ. Надо было строить новую школу.

В своей первой речи на съезде по народному образованию в 1918 г. Владимир Ильич говорил, что отныне русская школа освобождается от опеки буржуазии. Она вместе со своим освобожденным от цепей рабства народом вступает в новую жизнь на началах социализма, братства, равенства. И дальше, в конце этой речи, Владимир Ильич говорил о том значении, которое имеет шко-

ла. Он говорил: «Необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы, которая лишь одна сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобно той, что продолжается уже пятый год» [1]. Эти слова Владимира Ильича, в которых он так высоко ставил школу, прошли как-то незамеченными потому, что тогда быстро стала развертываться и развивалась все шире и шире гражданская война.

Гражданская война отодвинула на время эту оценку. Такая высокая оценка школы была непривычна даже нам, коммунистам, но если расшифровать слова Владимира Ильича, то мы увидим, что они означают, что школа должна перевоспитать молодое поколение в духе коммунизма, что она должна помочь молодому поколению совершенно по-новому перестроить свою жизнь на основах социализма. В этом отношении Владимир Ильич говорил, что нам предстоят еще годы тяжелых испытаний, «еще нами не пройдены все эти этапы испытаний». И действительно, школа пережила целый ряд крайне тяжелых лет. Учитель, действительно, пережил годы тяжелых испытаний. Но сейчас, в данный момент, мы имеем уже известные предпосылки для построения той школы будущего, о которой говорил на этом съезде, в августе 1918 г., Владимир Ильич.

Действительно, почему не могла построиться трудовая школа за минувшие годы? Во-первых, потому, что разруха и тяжелые экономические условия не давали возможности материально обеспечить школу. Гражданская война, которая происходила на всей территории России, особенно разрушительно действовала на школу. Теперь дело улучшилось: мы слышали в докладе Рыкова, что страна вступила в полосу экономического подъема, и хотя, конечно, нельзя строить тут особенных иллюзий, но несомненно, что это самое главное, основное препятствие, которое все время лежало на пути строительства школы, будет понемногу устраняться. И другое — крестьянство с большим недоверием относилось к новой школе. Крестья-

---

[1] Цитируется Н. К. Крупской по тексту отчета в газете «Правда» № 184 от 30 августа 1918 г.— *Ред.*

нину эта школа была непонятна, ему казалось, что в этой школе много черт старого барства.

Надо сказать, что первое время учитель на местах не знал, как строить эту новую трудовую школу, и часто труд в школе сводился к самообслуживанию.

КРЕСТЬЯНСТВО И ТРУДОВАЯ ШКОЛА

Крестьянин говорил: «Что же, в школе работают, а не учат. Мы весь век свой работали, и нам надо не работать, а учиться чему-то другому». С другой стороны, когда дети ходили на экскурсии, когда крестьянин видел, что дети поют, лепят, вырезывают, то ему казалось, что это барские затеи и что самого нужного, что необходимо крестьянину для того, чтобы построить по-новому свою жизнь, настоящих знаний эта трудовая школа не дает. Старое недоверие, воспитанное долгими годами, перенеслось и на новую школу, и на нового учителя. В прежнее время учителю полагалось иметь знакомство только с попами и с богатыми слоями, а тот учитель, который вел знакомство с беднейшим крестьянством, считался неблагонадежным. И вот эту старую привычку смотреть на учителя как на ставленника господской власти крестьянство перенесло и на учителя новой школы.

В этом году мы видим, как школы переполнились ребятами. Все товарищи с мест, все делегаты отмечают, что в настоящем году масса ребят нахлынула в школы, что те дети, которые не имели по тем или другим причинам возможности учиться в предшествующие годы, которых крестьяне не посылали в школы в силу недоверия к этой школе, в этом году наполнили школы до отказа.

Товарищи учителя рассказывают, что комплекты так велики, что иногда приходится работать со 150—180 ребятами. Этот наплыв детей в школы, имеющий в своей основе улучшение материального положения, показывает все же, что лед недоверия со стороны крестьянства к школе начинает таять. Мы видим другое. Я уже упоминала о том, что к учителю крестьянство относилось с недоверием, и в первое время учитель не находил еще своего пути, он не видел так отчетливо и так ясно, как он видит это теперь, что он должен связаться с делом рабочего класса, с делом трудящихся.

В первые годы,— конечно, это не вина учителя, а беда его,— учитель растерялся, не знал, что такое Советская власть, надо ли ему идти с нею, или надо ему с нею бороться, и только постепенно, путем тяжелых размышлений, путем долгих страданий пришел он к заключению, что он должен связать свое дело с делом рабочего класса.

Мы видим, как за последние два года учитель начинает принимать участие в общественной работе. Эта общественная работа учителя имеет громадное значение в том отношении, что она сближает учителя с населением, и вот поэтому необходимо, чтобы не только часть учительства прошла через общественную работу, а необходимо, чтобы все учительство прошло через общественную работу, так как это единственный путь для теснейшего сближения его с трудящимися.

Мы видим результаты этой общественной работы учителя. Население стало с доверием относиться к учителю, в особенности бедняцкие слои. Комиссариат внутренних дел дал материал о том, что в целом ряде мест во время последних выборов в Советы учитель выступал как общественник, облеченный доверием, а в Вологодской губернии, в Кадниковском уезде, волостные конференции крестьян давали учителю даже право решающего голоса в тех случаях, когда он этого права не имел. Это показывает, что выросло доверие населения к учителю, и теперь влияние учителя может быть в сто раз больше того, чем оно было, когда он стоял в стороне, когда он был чуждым трудящимся массам.

В процессе этой общественной работы учитель сам очень многому научился, горизонт его расширился, и ему стало ясно, что Советская власть — это власть трудящихся, это его власть. Учителю стало ясно, что Коммунистическая партия, авангард рабочего класса, ведет рабочий класс и все слои трудящихся, всю страну по правильному пути. Это убеждение учитель принес с собою на этот съезд, именно поэтому этот съезд имеет такое громадное значение, потому что он является показателем смычки между учительством и Советской властью. Этот съезд показывает готовность учителя работать под руководством Коммунистической партии.

Вчера мне рассказывали маленький эпизод: несколько учительниц-башкирок обратились к прохожему с вопросом: «Товарищ, как проехать на учительский съезд, на какой трамвай надо сесть?» Прохожий посмотрел на них и сказал: «Какой я вам товарищ, я буржуй, вот ваши товарищи»,— сказал он, указывая на группу проходящих рабочих. Этот эпизод крайне характерен — сторонние люди, буржуи, и те видят, что учитель и рабочий — товарищи.

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА — ТРУДОВАЯ

Было одно, что мешало делу строительства нашей школы,— это неясное представление, какова должна быть эта новая школа.

Коммунисты говорили: эта школа должна быть трудовой школой. Это было несомненно потому, что если обеспеченные слои общества могли не придавать труду большого значения, не понимать его роли, то массы рабочих и крестьян, вся жизнь которых проходит в труде, не могут проходить мимо этой стороны дела, хотят всестороннего освещения этого вопроса. Советская школа стала трудовой.

О необходимости сделать школу трудовой школой писал Владимир Ильич еще в 1897 г., когда еще вообще русские марксисты очень мало задумывались над этим вопросом.

Еще в 1897 г. Владимир Ильич указывал на точку зрения Маркса, который говорил, что только соединение производительного труда с обучением сделает возможным всестороннее развитие человека и создаст такого человека, который положит конец капиталистическому обществу.

Когда власть перешла в руки рабоче-крестьянского правительства, поставлена была цель — создать школу трудовую. Но когда подошли конкретно к строительству этой трудовой школы, то оказалось, что тут не хватает опыта, не хватает умения, что вопрос еще во многом неясен. Многие поняли трудовую школу в том смысле, что школа должна приучить к трудолюбию, что в ней должно царить самообслуживание, что дети должны заниматься в ней тяжелым физическим трудом. Но опыт показал, что такая школа дает детям чрезвычайно мало,

что не в том дело, чтобы учить ребят трудолюбию, и что как раз школа для детей рабочих и крестьян, для детей трудящихся, меньше всего в этом нуждается, что надо как-то иначе ставить этот вопрос; и только постепенно, изучая практический опыт, пришли к тому заключению, что чрезвычайно важно на первый план выдвинуть теоретическое изучение вопроса, осветить, осмыслить труд и организацию труда, осветить вопрос о труде в его развитии. Тогда ясно будет, как увязать этот вопрос и с практической трудовой деятельностью. Тут важно показать, найти те формы труда, которые имеют будущее; важно учить не старым, ремесленным, отсталым формам труда, а необходимо показать новые формы труда, показать, как труд, освещенный знанием, может помочь поднять хозяйство, как он может помочь овладеть силами природы.

ПРОГРАММЫ ГУСа

Это новое представление о трудовой школе отразилось на тех программах, которые изданы ГУСом, о которых так много идет разговоров. Средняя колонка этих программ и посвящена вопросу об осмысливании труда, освещению труда в его развитии. Эта колонка показывает связь, которую имеет труд с обществом, показывает, как труд становится базой этого общества, с одной стороны, и, с другой — показывает, как, каким путем он овладевал силами и богатствами природы. Поэтому, если эта колонка программы ГУСа выпадает, как это часто бывает на местах, при прохождении программы, то выпадает самое основное, самое существенное.

Владимир Ильич придавал очень большое значение программам. Он много раз говорил о том, что необходимо составить новые программы, которые бы определяли, чему должна учить школа. В своей речи на III Всероссийском съезде комсомола Владимир Ильич говорил, что надо критически подходить к накопленным знаниям, надо выбрать то, что является самым ценным, самым нужным для того, чтобы вооружить молодежь знанием, нужным для преобразования жизни. Нельзя всех знаний сообщить, какие только есть, потому что знаний этих необъятное количество. Но из всей суммы имеющихся знаний надо отобрать самые нужные, самые существенные. Программы ГУСа и представляют собой попытку отобрать то,

что является ценным с точки зрения трудящихся слоев населения, то, что является ценным с точки зрения современности, то, что нужно подрастающему поколению для того, чтобы реорганизовать всю жизнь на новых началах. Конечно, эти программы не являются чем-то совершенным. Они являются только попыткой отобрать необходимый материал и дать детям этот материал в организованном виде.

Те знания, которые даются детям, не должны представлять собой чего-то бессвязного, такого, чтобы общая сумма даваемых им знаний походила на одеяло, сшитое из кусочков. Даваемые знания должны быть между собой связаны, должны быть уложены в какую-то перспективу. Иначе они не будут иметь и половины своей ценности.

Увязать знания нужно не произвольно, а в той связи, в какой они существуют в жизни. Вот отсюда и взялись те комплексы, о которых так много говорилось и писалось последнее время. Некоторые делали из этих комплексов, из расположения материалов, какой-то педагогический фетиш, что-то весьма хитроумное, когда у нас все дело шло только о том, чтобы каждое даваемое знание было бы не оторванным, а давалось в определенной существующей в жизни связи. Только данные в определенной связи знания дают возможность сознательно отнестись к окружающему, дают возможность оценить критически это окружающее, понять его.

Мы берем в программах еще каждое явление в его развитии. Мы не берем явление как нечто законченное, раз навсегда данное. Мы смотрим на общественное явление, на явление природы, как оно изменяется, видоизменяется на протяжении времени, и берем эти явления в их развитии. Мы научаем ребят глубже понимать их, глубже подходить к ним. Конечно, только опыт учительства, только проверка этих программ школою покажет, какие детали в этих программах нужно изменить, но суть этих программ верна с марксистской точки зрения.

Товарищи, приехавшие с мест, товарищи делегаты указывают на то, что новые программы дают ребятам развитие, дают умение сознательно относиться к окружающему. Это очень много значит. Но указывают они и на то, что эти программы очень трудно увязать с навыками. Если расшифровать, что такое навык в школе I ступени, то это

оказывается — умение бегло, сознательно читать, толково, грамотно записывать свои мысли и уметь считать.

Конечно, крестьяне, которые требуют приобретения таких навыков, совершенно правы: школа должна давать эти знания. Но являются ли навыки чем-то несовместимым с программами ГУСа? Это — вопрос, который волнует товарищей на местах, и приходится сказать, что тут трудность не в самих программах ГУСа. Беда в том, что часто нет учебника, нет книги, которая давала бы подходящий материал для чтения. Если будет дана в школу книга, которая будет связана с программами ГУСа и даст для ребят интересный, захватывающий материал, то этим и будет разрешен вопрос о навыке чтения. На интересующем ребят материале научиться читать, конечно, гораздо легче, чем на скучном, неинтересном материале.

Точно так же и навык письма. Сейчас эти навыки значительно упрощены, и те товарищи, которые до революции занимались в школе и знают, какая возня была со старой орфографией, скажут, что теперь эта задача значительно облегчена. Раньше нужно было долгое время посвящать на изучение буквы *ѣ* и на другие орфографические трудности. Овладеть письмом теперь гораздо легче, и только нужно в помощь учителю дать какой-нибудь небольшой учебник элементарных грамматических упражнений, связанный с программами ГУСа, чтобы овладеть грамотным письмом, которое так необходимо, так нужно ребятам.

Наконец, что касается математики, то тут меньше слышится жалоб. Тут уже ясно наметились пути, как связывать материал, даваемый программами, с математикой, с арифметикой. Дальнейшее обслуживание школ учебниками, может быть, поможет учителю разрешить этот вопрос. Но, конечно, повторяю, со стороны крестьянства это требование — научить читать, писать, считать — вполне законно, и если бы программы были несовместимы с сообщением этих навыков, они были бы никуда не годными.

Но они совместимы. И вопрос сейчас не столько в реорганизации программ, не столько в их сокращении, сколько в снабжении школ соответствующими учебными пособиями, соответствующими учебниками. Материальное улучшение школ, может быть, поможет разобраться на

пути проведения этих программ, которые не мешали бы приобретению навыков. Увязка между тем и другим необходима.

Вопрос о труде еще недостаточно проработан. В I ступени эти вопросы гораздо более легко разрешимы. Во II ступени вопрос этот более сложен, и как раз над этим вопросом работает сейчас научно-педагогическая секция ГУСа.

Тут нужно только отметить то, на что указывал Владимир Ильич,— на необходимость привлекать к работе школ всех сведущих в области техники, в области профессионального труда людей. Мы часто видим, например, уже теперь, как группы крестьян, знающих различные ремесла, организуются для того, чтобы помогать школе, помогать ребятам приобрести умение в области слесарного, столярного и прочих ремесел и т. д.

Лучшее материальное обеспечение школ, улучшение отношения крестьян к школе, изменение позиции учительства, уточнение облика трудовой школы — все это служит предпосылкой к тому, чтобы можно было начать строить школу на новых началах.

ПИОНЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

За последнее время мы наблюдаем еще один факт, вносящий новое в нашу школу. Мы наблюдаем прямо стихийный рост комсомола и пионердвижения. Как раз наблюдается рост этого движения в деревне. Мы думали сначала, что это пионерское движение встретит со стороны населения суровый отпор, но наше предположение оказалось неверным. Население, если не считать отдельных местностей, вроде мест, населенных казаками, Донской области, в общем и целом доброжелательно относится к этому движению юных пионеров.

Крестьяне говорят: «Новое время пришло, тут ничего не поделаешь». И вот сейчас стоит чрезвычайно важная задача — увязки пионерского движения со школой. Некоторые из учителей недовольны тем, что это движение выросло вне стен школы и существует самостоятельно. Многие учителя говорят, что самым естественным вожатым был бы учитель.

Это неправильно. Именно то и хорошо, что это движение зародилось на фабрике и заводе и идет независимо

от школы, потому что необходимо, чтобы в школах все ребята жили своим умом, ставили себе те или другие вопросы и задачи, чтобы они своими силами их разрешали, на своих ошибках учились.

В старой школе, в школе учебы, был противопоставлен учитель и ученик. Даже хороший учитель, уже в силу того что он более знающ, лучше разбирается во всем, подавлял своим авторитетом учеников. Детям надо в своей собственной организации учиться жить коллективно и учиться коллективно работать.

Надо сказать правду, что дело самоуправления в общем и целом плохо прививается. В отдельных местах дело самоуправления поставлено удачно, но если взять массовую школу в целом, то можно видеть, что в деле самоуправления часть школ не пошла по тому пути, по которому она должна была бы пойти. В части оно вылилось в детские суды над товарищами, а частью самоуправление является просто формой помощи учителю в деле наведения дисциплины. Оно не является тем, чем должно было быть, т. е. воспитывающей нового человека организацией.

Мы говорим, что наша новая школа — это советская школа, школа трудящихся, рабочих и крестьян. Но ведь у нас — Союз Советских Социалистических Республик, и потому наша школа должна быть не только школой трудящихся, но вместе с тем и школой социалистической. Что же это значит, если расшифровать это слово? Это значит, что наша школа должна давать ученикам не только знакомство с прошлым и настоящим, но должна давать знания, которые показывали бы, куда идет общественное развитие, указывали бы на новые формы труда. Поэтому школа должна учить ребят объединяться, ставить общие цели и общие задачи и общими усилиями эти задачи разрешать. Без этого не будет школы социалистической. Детдвижение вносит новый дух в школу, дух коллективизма; товарищеская спайка, привычка действовать коллективно создает новых людей — ребят с коллективистическими переживаниями, с коллективистической мыслью, которые привыкают больше говорить не *я*, а *мы*. Эта сторона дела имеет огромное значение, и школе нужно пионерское движение.

Было бы неправильно, если бы школа и пионерско

движение шли разными путями, потому что если пионерское движение не будет постоянно подкрепляться знаниями, если ребята не будут упорно и усиленно учиться, то они не смогут как следует работать и не смогут правильно ставить себе задачи и правильно эти задачи разрешать. Для того чтобы это уметь, нужно знание. Одними выступлениями, одними разговорами этого не сделать, надо уметь организованно жить и организованно работать, но без знания, без школы этого сделать нельзя. Школа тоже, как и детдвижение, должна врезываться в окружающую жизнь, и детдвижение может и тут влить в школу новую струю.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА ШКОЛЫ

Уже наша теперешняя школа врезывается в окружающую жизнь. Например, школа ведет через учеников широко поставленное санитарное просвещение; ученики старших групп I ступени прикрепляются к неграмотным семьям для чтения вслух газет и ликвидации безграмотности. Иногда через школу, через учеников удается широко ставить агрономическую пропаганду и т. д.

Эта общественная работа школы является чрезвычайно важной именно с точки зрения социалистического развития школы. Это одна из тех задач, которые стоят во весь рост перед школой. Эта задача тесно связана с изучением окружающей жизни. Конечно, программа из центра должна быть приспособлена к местной конкретной действительности, которая очень многообразна. Тут встает задача перед учителями и перед школой — научить ребят смотреть и видеть жизнь, а также понимать, как надо эту жизнь реорганизовать. Если это будет понято, школа сможет врезаться в жизнь и реорганизовать жизнь, а это задача чрезвычайно важная.

О ШКОЛЬНОЙ СЕТИ

Итак, в настоящее время имеются уже налицо предпосылки для строительства новой школы. Вначале, в 1917—1918 гг., большевикам казалось, что сейчас можно сразу добиться громадных результатов, что сразу можно, например, провести всеобщее обучение, что сразу можно снабдить всех ребят пищей, одеждой и кровом. Но дли-

тельный опыт научил нас тому, что к поставленной цели надо идти путем преодоления целого ряда ступеней, завоевывая одну ступень за другой. Поэтому сейчас мы должны нашей школе поставить целый ряд практических задач, осуществление которых продвинет ее по пути к той школе, которую мы хотим иметь, к школе, которая охватывала бы всех ребят и всем ребятам давала бы то, что надо.

В настоящее время мы имеем сеть, которая обслуживает только половину ребят. И мы должны поставить сейчас своей ближайшей целью — никоим образом не допускать сокращения этой сети и приложить все усилия к тому, чтобы эта сеть неустанно расширялась. Расширение сети должно опираться на самодеятельность крестьянства.

ШКОЛА ДЛЯ ПЕРЕРОСТКОВ

Рядом с расширением нормальной сети встает вопрос о так называемых переростках, о тех ребятах, которые не попали в школу. Получается, что 14—15-летние дети часто сидят рядом с 8-летними. Развитие их совершенно разное. Это затрудняет занятия, в некоторых местах просто невозможно впитать в школу этих нахлынувших в школу переростков. Мы должны поэтому поставить своей задачей ту задачу, о которой говорил Анатолий Васильевич (Луначарский.— *Ред.*),— создать подсобную школу для этих ребят, которая помогла бы им хотя бы ликвидировать неграмотность, научиться читать, писать и считать, т. е. научиться тому, без чего ребята не могут пользоваться ни книжкой, ни газетой.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ШКОЛ II СТУПЕНИ

Еще ряд других задач. Необходимо, чтобы продолжалось строительство школ крестьянской молодежи и школ фабзавуча, школ, тесно связанных с производством и дающих непосредственное знание, служащее для поднятия этого производства. Но наряду с этим необходимо, чтобы не уничтожилась ни одна школа II ступени, потому что сейчас для страны прежде всего нужны средние интеллигентные работники. Необходимо только реорганизовать 2-й концентр этих школ. До сих пор школы II ступени

были пропускным пунктом в вузы, и очень часто в вузы шли в силу старого предрассудка, что без высшего образования нет спасения, и если ученик не попадал в вуз, это было для него настоящей трагедией. Необходимо так реорганизовать школы II ступени, чтобы они сразу же открывали выход в жизнь, помогали ученику сразу же взяться за ту или иную отрасль работы.

КОМИТЕТЫ ВЗАИМОПОМОЩИ И ШКОЛА

Остановлюсь еще на одной задаче: на необходимости поддержать ребят неимущих слоев населения, дать им возможность учиться. В этом отношении следовало бы вовлечь в работу комитеты крестьянской взаимопомощи. Часто ребята не посещают школу только потому, что у них нет лаптишек, которые стóят какие-нибудь 15 копеек. В этом отношении комитеты крестьянской взаимопомощи смогли бы серьезно прийти на помощь. Точно так же комитеты содействия — совсоды — в этом отношении могли бы сделать очень многое. У нас уже есть места, где совсоды довольно широко развернули в этом направлении свою работу. Например, врачи указывают, что в комнате, где спят дети, должна непременно быть фортка. И вот совсоды обходят квартиры, осматривают комнаты, где спят ребята, и, если в помещении фортки нет, а родители ребят не имеют денег, чтобы самим сделать эту фортку, совсоды берут это на себя. Таким образом, они приходят на помощь малоимущим слоям населения. Это одна из форм деятельности, которые чрезвычайно многообразны.

ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ РАБОТЕ УЧИТЕЛЯ

Остановимся в заключение на вопросе о том, что нужно еще для того, чтобы школа могла развиваться в желательном направлении. Я уже говорила о том, что необходимо прежде всего, чтобы все учительство прошло через общественную работу, но в этом направлении очень важно разгрузить учителя и отметить, какая именно деятельность является общественной деятельностью. Является ли, например, работа в драмкружке обязательной для учителя? Есть ли это общественная работа? Эта работа требует от него очень много времени, но не везде она может

быть названа общественной. Конечно, эта работа имеет очень большое значение. Мне приходилось не раз слышать от учителей татар, что среди мусульманского населения театр играет совершенно исключительную роль. Дело в том, что религия запрещает мусульманам ходить в театр. И если мусульманин пойдет в театр, да еще поведет с собой жену, он изгоняется из числа правоверных. В таких условиях, конечно, участие учителя в драмкружке является участием в своего рода антирелигиозной пропаганде. При таких условиях, безусловно, работа в драмкружке является общественной работой. Однако это исключительный случай. В большинстве же случаев это просто устройство развлечения, а между тем эта работа требует от учителя много времени, которого у него так мало. То же самое и всякая большая техническая работа, которая очень часто возлагается на учителя и отрывает его от непосредственной работы, должна регулироваться. Затем необходимо обратить внимание на то, что в помощь учителю необходимо вовлекать в работу и врачей, и агрономов, и всю сельскую интеллигенцию, которая есть на местах.

ПЕРЕПОДГОТОВКА И ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЬСТВА

Далее идет вопрос о вооружении учителя знаниями. В той анкете, которая была распространена среди делегатов, из 300 анкет, которые были в первый день заполнены учителями, в 282 выставляется просьба снабдить учителя политической и педагогической литературой бесплатно или на льготных условиях. Учитель стоит на правильной точке зрения. Чтобы строить новую школу, чтобы строить такую школу, которая нужна сейчас населению, учителю самому надо упорно учиться, надо быть в курсе работ Советской власти, нужно сознательно относиться к тому, что эта Советская власть делает. По той же линии идет требование переподготовки и серьезной подготовки учительства. Требование это вполне обоснованно и вполне ясно. Необходимо также обеспечить учителю возможность учиться в самом процессе работы.

Главсоцвос выдвинул план опорных районных школ, около которых могло бы группироваться учительство, совместно учиться и проверять свою работу, фиксировать

свой педагогический опыт. Важно, чтобы районные школы были связаны с педагогическими техникумами, с педагогическими вузами, с которыми в свою очередь должны быть связаны методические бюро. Таким образом, инструктирование по этой линии может идти гораздо целесообразнее и рациональнее, чем оно идет в данную минуту. Очень многие делегаты указывают на потребность в этом постоянном инструктировании, и сделать это возможно, лишь организовав коллективную работу учительства.

УЧИТЕЛЬ И ПРЕССА

Параллельно с этим необходимо, чтобы все учителя ясно сознавали, что одной из важнейших и первейших обязанностей учителя является его участие в прессе, в «Учительской газете». Много говорилось, какую громадную роль имеет эта газета. Она играет организующую роль, она дает возможность учительству через посредство газеты говорить с другими учителями, а учительство, как мы знаем, принадлежит к профессии наиболее распыленной, разбросанной по массе селений, по массе глухих уголков. Поэтому участие их в газете имеет особо важное значение.

Я не буду подробно останавливаться — отчасти на этом вопросе останавливался Анатолий Васильевич — на значении дошкольного воспитания в деревне и на значении политпросветработы. Это значение всем вам ясно. И дошкольное воспитание, и политпросветработа завершают начатое школой дело.

Я позволю себе закончить свой доклад, выразив уверенность в том, что настоящий съезд будет съездом, который положит начало дружному, совместному строительству учительства, строительству той новой школы, о которой говорил Владимир Ильич. Примите, товарищи, мой горячий привет.

1925 г.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ СЪЕЗД

Два года тому назад т. Ленин писал: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и, главное, главное и главное — над поднятием его материального положения.

Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать их из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех, без исключения, капиталистических странах, опорой советского строя, чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь их к союзу с пролетариатом» [1].

При царском режиме учитель, и особенно учитель деревенский, был поставлен под строгий надзор. Он должен был ходить в церковь, быть «верен царю и отечеству», должен был вести знакомство с попом, лавочником, богатым крестьянином-кулаком. Учитель, желавший идти другим путем, немедленно устранялся от должности, высылался, а иногда и ссылался «за неблагонадежность». Организации учителей ставились всяческие препоны. Распыленное, разбросанное по глухим деревням учительство слабо разбиралось в надвигавшихся событиях. Оно было,

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 424.

правда, оппозиционно настроено. Социал-демократы, в том числе и большевики, почти совершенно не вели работы среди учительства, сосредоточивая все внимание на передовом, боевом отряде трудящихся — на рабочем классе. Среди учительства влияние имели эсеры. Во время войны эсеры пьянили учительство патриотическим угаром. Состоявшийся весной 1917 г., через пару месяцев после Февральской революции, в Петрограде Всероссийский учительский съезд, состоявший больше, впрочем, из городского учительства, чем из сельского, прошел под знаком разжигания патриотических чувств. Социал-демократов — и большевиков и меньшевиков вместе — было на этом большом съезде человек двадцать.

Советскую власть учительство встретило больше недоуменно или враждебно. В Москве сорганизована была учительская забастовка. В деревнях картина была пестрая. Гражданская война всей своей тяжестью обрушилась на учительство, школы разрушались и занимались под постой. Белые местами насмерть засекали учительниц, увлекая за собой другую часть. Советская власть относилась в большинстве случаев к учительству с недоверием, деревенская беднота — так же; старая школа с ее «законом божиим» и авторитарным строением стала невозможной; как строить новую школу, учителя не знали. Постепенно их жалованье сведено было к совершенно ничтожной сумме, школа разрушалась, моральный авторитет учителя падал, их захлестывала волна.

Статья т. Ленина[1] обратила внимание партии и Советской власти на учителя; на XIII съезде партии было постановлено улучшить материальное положение учительства, и теперь оно везде значительно поднялось, местами вдвое.

Кроме того, вышеназванная статья т. Ленина, поднимавшая моральный авторитет учительства, ободрила его — всякий учитель знает эту статью,— она внесла новый дух в отношения между учителем и Советской властью.

Два года учительство работало над собой. Два лета по всей России устраивались курсы, будившие мысль учителя, расширявшие и его политический кругозор, и его

[1] В. И. Ленин, «Странички из дневника», Соч., т. 33

педагогический опыт. Эти летние курсы носили несколько странное название «переподготовки». Не только на курсах учились учителя, они при помощи союза работников просвещения и Народного Комиссариата просвещения организовались для постоянной коллективной работы. В районе с радиусом 10—20 километров намечается лучшая школа, куда периодически собираются учителя для докладов, отчетов, обсуждения своих педагогических достижений. Учитель почувствовал свой духовный рост. В школы стала посылаться газета. И по мере того как росла сознательность учителя, он превращался в общественника, а общественная работа, в свою очередь, способствовала духовному росту учительства. Какую общественную работу ведет учитель? Кроме школы, он сплошь и рядом работает в избах-читальнях, он работает в ликпунктах — в школах, где взрослые учатся грамоте и приобретают первоначальные знания; он работает на сельскохозяйственных курсах, ведет сельскохозяйственные кружки, агитирует среди крестьян за лучшие способы обработки земли; он ведет кооперативную пропаганду и работу; помогает крестьянам в ведении советской работы, работает в комитетах крестьянской взаимопомощи; почти все учительницы ведут работу среди крестьянок, проводят всяческие кампании... Эта общественная работа учителя, ведущаяся в большинстве случаев бесплатно, сблизила его с населением, в особенности с бедняками и середняками-крестьянами. Мы видели во время последних выборов в сельсоветы, как возросло доверие крестьян к учительству, видели, какую крупную роль в них играл учитель.

Конечно, не все еще учителя стали общественными работниками, конечно, много еще несознательных учителей, но и они тянутся за передовыми учителями.

Мы знали уже давно, что учитель становится общественником, но только состоявшийся съезд выявил полностью, как вырос учитель. Это не старый сентиментальный, немного далекий от жизни сельский учитель, это доподлинный общественник, стоящий в гуще жизни, организатор, самостоятельно мыслящий человек, говорящий своими собственными словами, продумывающий окружающее. В беседах с учителями так и мелькают слова

«марксизм», «исторический материализм», «люмпенпролетариат» и т. п.

На съезде было 1600 делегатов — учителя всех решительно национальностей, учителя с юга и с далекого севера, иногда из самых глухих мест, где никто в целом селе, например, никогда не видал зеркала. Выборы происходили торжественно. Решительно все учителя принимали в них участие, съезжались на свои учительские конференции; крайне заинтересованы были и крестьяне. Они давали учителям наказы: «Посмотри, какие там в центре коммунисты, блюдут ли заветы Ильича, можно ли на них положиться, разузнай, как коллективно вести хозяйство». «Раздобудь там, в Москве, механическую прялку,— наказывали бабы,— пряжа нас заедает, прядешь и день и ночь, чай, и нам надо учиться, безграмотность свою ликвидировать...»

Дети наказывали учителям: «Свяжите нас с московскими пионерами, привезите «пионерские законы», сходите в зоологический сад и про львов и тигров нам расскажите».

Учителя жадно впитывали в себя новые впечатления. В Москве были устроены для них экскурсии, ходили учителя в Музей Революции, в Кремль, на производства, в школы, клубы. Широко шло братанье учительства с рабочими. На съезд пришли рабочие приветствовать учителей, дарили им платки с портретами Ильича. Работницы Сокольнического района принесли на сцену (съезд происходил в театре Зимина) семафор, подняли красный фонарь, и одна из работниц, сказавшая горячую приветственную речь, закончила ее словами: «Путь для смычки учительства с рабочим классом открыт». Громом рукоплесканий ответил ей съезд. А вечером учителя рассыпались по рабочим клубам, и такой товарищеской лаской окружили рабочие учителей, что те говорили, что никогда не забудут этого.

...Съезд приветствовали ученые, Красная Армия, РЛКСМ, пионеры. Учителя на этом съезде почувствовали себя членами братской семьи трудящихся. По всему Союзу Советских Социалистических Республик разнесут они то, что слышали на съезде, что видели в Москве. Их возвращения с нетерпением ждали все 250 тыс. союзного учительства, их ждало с нетерпением все население.

Политическое значение съезд имел громадное. Съезд знаменовал, что завет Ленина о поднятии морального веса учительства, о превращении учителя в надежнейшую опору Советской власти в деревне уже в значительной степени осуществлен. Об этом свидетельствовали все речи учителей; с сознанием того, что оно заветы Ильича выполнило, пошло учительство в мавзолей.

Однако не только политикой интересовалось учительство, оно страстно обсуждало и вопросы чисто педагогические: о новых программах, учебниках, методах.

В позапрошлом и прошлом годах вышли новые программы. Эти программы учат ребят сознательно относиться к окружающему, тесно связывать школу с жизнью, учат детей употреблять приобретенные знания для строительства новой жизни. Новые (так называемые гусовские, т. е. составленные Государственным ученым советом) программы, рвущие со старыми традициями учебы, были вначале встречены с недоумением, однако на съезде уже громадное большинство учителей выступало горячими защитниками этих программ, указывало на то, что они чрезвычайно развивают ребят, что новые программы стали признаваться и крестьянами, крестьяне говорят: «Теперь в школе делу учат». Говорили только, что проводить эти программы трудно при теперешних условиях, когда учителю иногда приходится заниматься со 100—250 учениками, с тремя отделениями, без нужных учебников и пособий.

В этом году школы переполнены, стремятся в школу все ребята, пошли в школу и те, кто за последние годы по целому ряду причин не ходил туда. Мест не хватает, крестьяне недовольны. Жажда знания в этом году охватила деревню как никогда.

Обсуждение на секции вопросов, связанных со строительством новой школы, показало и чрезвычайное повышение чисто педагогической квалификации учительства. Программы заполняются местным материалом, широко развернуты экскурсии, применяются новые методы. Учитель ведет большую творческую коллективную работу, увлекается ею. Растет и интерес населения к школе, который поддерживается и все усиливается тем, что школа все больше и больше врезывается в окружающую жизнь.

Не только учитель, но и школа в целом ведет общественную работу.

В деревне школьники оповещают об имеющих быть собраниях, старшие ребята прикрепляются к неграмотным семьям для чтения вслух газет, ребята обучают грамоте своих товарищей, братьев, сестер, матерей; школа широко ставит местами санитарную пропаганду — под влиянием школы дети начинают чаще умываться, стричься, чинить одежду, чище становится в избах, улицы деревни очищаются от навоза, вдоль улиц прорываются канавы, сажаются деревья; школа ведет сельскохозяйственную пропаганду, и часто бывает, что под влиянием школы крестьяне переходят к многополью, лучше начинают обрабатывать огороды, лучше ухаживать за скотом, заводят машины и т. д. Конечно, такая школа привлекает внимание крестьян, они охотно начинают посылать детей в школу.

Все шире и шире прививаются школьные выставки, иллюстрирующие работу школы, и так называемые «отчетники», на которые широко приглашается местное население и на которых ребята рассказывают о своей школьной работе. Выставки и «отчетники» служат средством популяризации новой школы.

Обсуждался делегатами очень горячо вопрос о детдвижении. Сейчас уже более миллиона юных пионеров. Пионеры вносят в школу новый дух. Они очень дисциплинированны, организованны, усердно учатся. Они снимают с учителя полицейские обязанности, делают возможными товарищеские отношения между учителями и детьми. Пионеры чрезвычайно оживляют и углубляют детское самоуправление в школе. Самоуправление становится доподлинным школьным самоуправлением, где ребята вполне самостоятельно обсуждают и решают вопросы, их близко касающиеся. Все делегаты согласны были с тем, что детдвижение — положительный фактор; обсуждения шли лишь в разрезе того, как лучше увязать детдвижение с работой в школе. Съезд принял декларацию и обращение к Красной Армии и Красному Флоту, к Ленинскому комсомолу, к Цекпросу, к ВЦСПС, к учительству всех стран.

Кроме пленарных и секционных заседаний съезда, учителя посещали всякого рода специальные, устраивавшиеся для них собрания: по работе среди крестьян, по волост-

ному бюджету и т. д. «Учительская газета» и «Правда» устраивали специальные совещания с делегатами с целью организации систематического корреспондирования учителей в эти газеты. Учителя были снабжены и общеполитической и специально педагогической литературой.

Съездом учительство осталось чрезвычайно довольно. «Мы ошеломлены прямо всем виденным и слышанным,— говорили учителя,— с нетерпением ждут нас теперь на местах»,— и обсуждали, как наиболее целесообразно организовать доклады, какие волости и деревни объехать.

Первый Всесоюзный учительский съезд несомненно имеет громадное значение. Он — яркая страница в деле строительства новой жизни.

1925 г.

ВОПРОСЫ, ТРЕБУЮЩИЕ РАЗРЕШЕНИЯ

Одним из больных вопросов, требующих скорейшего разрешения, является вопрос о постановке народного образования среди нацменьшинств. Этому вопросу в свое время Коммунистическая партия уделяла немало внимания, но на практике дело обстоит далеко не так, как оно должно было бы обстоять. На деле наблюдается полное нарушение партдиректив.

Во-первых, плохо дело обстоит с политпросветработой. Среди многих нацменьшинств она вовсе не ведется на родном их языке. Вот пример. Под самым Ленинградом живет масса финнов-колонистов, как они раньше назывались. Эти финны ведут хуторское хозяйство. Потребность в общении у них большая. Но местные избы-читальни не ведут работы на финском языке, не получают газет на финском языке, не ставят спектаклей на финском языке. Финны не захвачены советской общественностью. В результате, как пишут нам из Тосно, среди местных финнов быстро развивается баптизм, удовлетворяющий, худо ли, хорошо ли, их потребность в общении, в коллективных переживаниях.

Громадное значение искусства, создающего общее настроение, ярко выявилось во время гражданской войны: яркие плакаты, пение, спектакли захватывали массы. Конечно, кроме искусства, нужно крестьянину и знание, много знания, но нельзя перегибать палку, нельзя изгонять из политпросветработы искусства. Может быть, нужно найти новые формы этого искусства, внимательно вглядываясь, что созвучно переживанию масс, учитывая,

как массы реагируют на те или иные произведения искусства. Надо постоянно проверять близость тех или иных художественных образов массе, в частности крестьянской массе, в частности крестьянской массе той или иной национальности. Сейчас, с развитием радио и кино, открывается широкая возможность приблизить искусство к массе, но тем важнее проследить, что́ близко массе, что́ наиболее ее захватывает. В капиталистических странах кино и радио являются могучим средством порабощения масс, внедрения в них буржуазных воззрений, затуманивания голов рабочих и крестьян религиозным дурманом, националистическими предрассудками. У нас, в СССР, кино и радио могут стать орудием духовного освобождения масс. Когда думаешь об этой роли кино и радио, то чувствуешь, какую громадную роль они смогут сыграть в деле поднятия культурного уровня национальных меньшинств. Ну, это в будущем, правда, недалеком. Но и теперь на политпросветработу среди национальных меньшинств должно быть обращено сугубое внимание, работа изб-читален среди них должна развиваться, вестись на соответствующем национальном языке и учитывать условия окружающей жизни. Это последнее имеет также немалое значение. Нередко приходится наблюдать, как правильно составленные схемы не облекаются живой плотью, а шаблонизируются, проводятся без учета реальной действительности. Особенно надо это сказать про антирелигиозную пропаганду. Часто она приводит как раз к обратным результатам. Только вдумчивое отношение к окружающей действительности может сделать политпросветработу достигающей цели.

Перейдем к другой стороне просветительной работы — к школьной. Тут, пожалуй, еще резче сказываются дефекты постановки работы среди нацменьшинств. В школе обучение должно проводиться на родном языке. Таково положение. Как оно проводится?

Во-первых, очень часто отношение к этому вопросу чисто формальное. Если ты татарин по паспорту, то, хотя бы ты вырос в семье, которая говорит по-русски, и фактически первые слова, которые ты научился произносить, были русские,— ты обязан посещать татарскую школу. Такой формальный подход совершенно недопустим. Родным языком для ребенка должен считаться тот, на кото-

ром он лучше всего говорит, который ему фактически всего ближе.

Другое — преподавание на национальном языке затрудняется часто отсутствием знающих учителей. Отсюда вытекает настоятельная необходимость обратить особое внимание на подготовку и переподготовку учителей на языках национальных меньшинств. Параллельно с этим должно идти и создание букварей и книг для чтения и других учебников на национальных языках. Эти учебники не могут быть простым переводом с русского языка, а должны учитываться особенности данного языка и особенности культуры данной народности. Создание учебников на языках национальных меньшинств — такая же неотложная задача, как подготовка педагогов, умеющих преподавать на родном языке. Педтехникумы, готовящие таких учителей, должны бы позаботиться о создании коллективными усилиями учебников, с привлечением к этому делу опытных учителей нацменьшинств. Такой педтехникум должен быть естественным руководящим центром. Тут нужна большая работа.

Есть еще у нас народности, у которых нет своей письменности. Тут уж ничего не поделаешь. Но в школах этих народностей все же важно, чтобы основное преподавание, то, которое знакомит ребенка с окружающей жизнью, давало ему возможность разобраться в ней, шло на родном языке. Учитель должен владеть этим языком в полной мере.

И, наконец, вопрос о преподавании русского языка в школах национальных меньшинств. Нельзя рассчитывать на то, что ребенок в будущем всю жизнь будет прикован к своей области, где говорят на его родном языке. Напротив, большинству придется периодически жить и работать в местностях, где господствующим языком является русский. Кроме того, русская литература более богата, чем литература большинства нацменьшинств, а главное — это язык революционного народа, язык, имеющий богатую литературу по марксизму-ленинизму. Поэтому вполне естественно стремление большинства родителей обучать своих детей русскому языку. Этому стремлению не следует, конечно, противиться. В школах нацменьшинств надо вводить и русский язык, но ни на минуту не забывать, что русский язык для большинства ребят «иностранный»,

А из этого вытекает ряд методических подходов. Русский язык вводится не одновременно с родным языком, а позже. Обучение письму и чтению на русском языке вводится тогда, когда ребенок уже овладеет известным запасом слов, научится составлять элементарные хотя бы фразы. Первое время центр внимания должен быть обращен на устную живую русскую речь. Затем необходимо подходить к изучению русского языка сквозь очки языка данной национальности, должны отмечаться в букварях все особенности произношения русской речи по сравнению с родной ребенку, должны отмечаться особенности структуры русской речи, должно разъясняться содержание тех понятий, для которых нет слов на родном языке, но есть на русском. Ребят нужно знакомить с русским бытом, особенностью хозяйственного уклада, природных условий и пр. Русский язык для ребят нацменьшинств — иностранный (этого, между прочим, нельзя забывать и при постановке ликпунктов на русском языке; отказывать в их устройстве населению нельзя, но подход к русскому языку там, где взрослые не говорят на нем, должен быть как к иностранному).

И, наконец, программы ГУСа. Недавно пришлось заслушивать доклады инспекторов о проведении программ ГУСа в школах Ингушетии и Чечни. Там стремятся проводить в жизнь программы ГУСа. Но программы ГУСа рассчитаны главным образом на Центрально-Промышленный район и на стоящие на культурном уровне этого района нацменьшинства, а если их начать прилагать в отсталых школах Ингушетии, они перестанут быть связаны с живой жизнью и станут мертвее старых программ. Они превратятся в нечто вредное. В странах с другой природой, другим хозяйственным укладом, другой культурой должен быть сохранен лишь дух гусовских программ, лишь метод, основной принцип их составления, подход к изучению явлений, материал же должен быть взят совершенно другой. Над программами ГУСа в областях, населенных нацменьшинствами, а тем более в национальных республиках, нужна большая, серьезная работа. Ее необходимо проделать.

Тут мы подходим вплотную к одному из вопросов, который касается не только программ нацменьшинств, но и наших русских программ. В последнее время в области

политики Советской власти выдвинулся один вопрос, который раньше, в период составления гусовских программ, оставался в тени. Это — вопрос о кустарной промышленности. Обернувшись «лицом к деревне», Советская власть оказалась вынужденной обернуться лицом и к кустарю. Развитие крупной промышленности требует подготовленной почвы, требует широкого развития кустарной промышленности, подготовляющей кадры квалифицированных рабочих, производящей подготовительную работу по обобществлению труда кустарей-одиночек, а также нащупывающей почву для развития целых новых областей производства.

Сейчас кустарям Советская власть предоставляет всяческие льготы и обдумывает меры рационализации этой области труда.

В гусовских программах вопрос о кустарной промышленности вовсе не затрагивается. Этот пробел надо заполнить.

Но не только это. Необходимо обдумать программы вечерних школ для учеников, занятых в кустарной промышленности. Думается, что посещение таких курсов должно быть сделано обязательным. Но это должны быть курсы, построенные соответственно программам, выработанным ГУСом для подростков, только роль кустарной промышленности должна быть в программе гораздо полнее освещена, и вся она должна быть более ориентирована на данных отраслях труда, на повышении в ней техники и пр. Вопрос этот еще не обсуждался в Коллегии Наркомпроса, но, мне думается, его надо уже поставить на обсуждение учительства, так как сельское учительство близко соприкасается с кустарной промышленностью, широко развитой по деревням, и заслушать его соображения особо важно.

1925 г.

ЗА НОВУЮ, ПРОСВЕЩЕННУЮ СТРАНУ

(РЕЧЬ НА III ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ)

В одной из речей Владимир Ильич сказал: мы начали великую войну, которую не скоро кончим,— войну за Россию новую, просвещенную, светлую. И теперь, если охарактеризовать работу правительства за истекший период, можно сказать, что это была война за сытую страну, за ее материальную обеспеченность. Теперь уже всем ясно, что правительство достигло крупных успехов и победа обеспечена.

Но развитие производительных сил подсказывает необходимость подъема культурного развития всего населения страны. По этому поводу Владимир Ильич писал в последних статьях, что экономическое развитие страны тесно связано с повышением культурного уровня...

И нужно вполне ясно и отчетливо подчеркнуть, что мы во что бы то ни стало должны поднять культурный уровень населения и с этой целью провести ряд необходимых мер, которых крестьянин давно уже жаждет.

Мы, работая в Наркомпросе, больше других видим эту жажду крестьян к знаниям. Деревенские ребята мне пишут: «Тетенька, Надежда Константиновна, похлопочи, чтобы у нас сделали школу...» Такие же ходатайства приходится слышать и от деревенских комсомольцев и различных организаций. Необходимо идти навстречу этой жажде знаний. После пережитых революций эта жажда знаний непрерывно растет среди крестьянства.

Когда-то, на II съезде партии, Плеханов (тогда он еще не был оппортунистом) говорил, что народное образова-

ние — это гарантия прав пролетария. И крестьянство также начало понимать теперь, что просвещение — это гарантия прав крестьянина. Мне кажется, что съезду необходимо обратить особое внимание на развитие дела народного образования. Надо перестать говорить о народном образовании как о каком-то «третьем», или третьестепенном, фронте. Вопрос о широких мерах для проведения народного образования в крестьянстве стал неотложным.

Необходимо, чтобы Наркомпрос работал здесь не в одиночку, а все правительство помогло ему обернуться лицом к деревне. Лицом к деревне — это значит в кратчайший срок осуществить всеобщее народное образование и воспитать кадры культурных работников среди крестьянства. Эти кадры помогут рационализировать, индустриализировать и машинизировать наше сельское хозяйство и улучшать сельскохозяйственную кооперацию, поскольку в ее работе будут принимать участие квалифицированные работники из среды крестьянства. Необходима конкретная формулировка поставленных вопросов о народном просвещении. Правительству нужно обратить на это дело еще больше внимания, и победа тогда будет обеспечена.

1925 г.

КОЛЛЕКТИВНЫМИ УСИЛИЯМИ

За эту зиму много надо сделать.

Надо много поработать и Цекпросу и Наркомпросу над улучшением положения учителя. Завет Владимира Ильича о том, что учитель у нас должен быть так высоко поставлен, как нигде, не должен забываться ни на минуту. Советская власть должна продолжать заботиться об улучшении материального положения учительства. Не менее важно создать для учительства возможность самостоятельно и серьезно учиться, вести коллективную работу по поднятию знаний, по поднятию своей педагогической квалификации. Нам всем — и в центре, и на местах — надо упорно учиться, без этого мы останемся надолго отсталой, нищей страной.

Мы радуемся по поводу каждого шага вперед в деле народного образования, но нам нельзя ни на минуту забывать о нашей отсталости, малокультурности и не успокаиваться на мелких успехах. Перед нами стоит задача провести всеобщее образование. С неба знания и умения не падают — нужна упорная работа и в центре и на местах, нужна совместная товарищеская работа, работа коллективная.

Что касается школы I ступени, то, как показал Всесоюзный учительский съезд, учительство ведет большую творческую работу над программами I ступени. Задача теперь в том, чтобы учесть опыт, учесть всю работу, проделанную учительством, чтобы опыт отдельного учителя, отдельных групп учительства превратить в коллективный опыт. Тут нужно самое бережное отношение к работе

учительства. Мне кажется, Всесоюзный учительский съезд прошлой зимы показал, какая громадная работа проделывается низовым учительством, как выросло в массе своей учительство.

У нас, в отсталой стране, школа имеет исключительное значение. Пропитанная духом марксизма, овеянная великой борьбой за освобождение трудящихся, наша школа — я крепко надеюсь на это — сыграет крупную роль в культурном подъеме страны, сыграет крупную роль в деле воспитания в молодом поколении умения работать и жить коллективно.

Опять во весь рост встает перед нами вопрос о превращении нашей школы в школу труда. Мы начали строить нашу трудовую школу в период общей хозяйственной разрухи, в период, когда учительство в своей массе недоброжелательно относилось к Советской власти, когда в силу разрухи мы не могли строить никакой иной формы трудовой школы, как школы домашнего самообслуживания. Конечно, мы должны учесть отрицательный опыт школы самообслуживающего, замкнутого в четырех стенах труда.

Но мы должны создать другую школу труда — школу, указывающую пути, как строить коллективный, покоящийся на достижениях современной науки труд.

Особенно важное значение должна иметь II ступень. Надо тщательно изучить опыт школ фабзавуча, профессиональных школ, школ крестьянской молодежи и к средней колонке программ — колонке, охватывающей вопросы труда и его организации, припаять реальный, организованный по-новому, по возможности, механизированный труд. Это дело не одного дня. Но жизнь повелительно требует того, чтобы мы вопрос о труде в школе больше не отодвигали в будущее.

В этом году выяснился в промышленности острый недостаток квалифицированной рабочей силы. С каждым годом — по мере развития промышленности и сельского хозяйства — этот спрос будет расти. Сельское хозяйство и промышленность будут восстанавливаться не путем создания отживших в техническом отношении предприятий, а путем создания предприятий, оборудованных по последнему слову науки, и для работы на этих предприятиях понадобятся рабочие иного типа. Без правильно

налаженной трудовой школы мы не сумеем создать таких рабочих.

В школе II ступени — в обоих ее концентрах,— в школе фабзавуча, в школе крестьянской молодежи мы должны дать навыки коллективного, планомерно поставленного труда. Когда мы пройдем по этому пути порядочный кусок времени, легко будет разрешена проблема и постановки труда в школе I ступени.

Другая задача легче. Это — задача наладить в школе коллективную жизнь ребят, опираясь на правильно поставленное самоуправление. Эта задача будет окончательно разрешена лишь тогда, когда разрешен будет вопрос о труде в школе. Отсюда, конечно, не вытекает, что надо откладывать вопрос о самоуправлении, о правильно организованной школьной жизни до тех пор, пока будет разрешен вопрос о труде. Надо начинать дело сейчас же.

1925 г.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ НАРКОМПРОСА

(ДОКЛАД НА СОБРАНИИ КОМЯЧЕЙКИ НАРКОМПРОСА)

ДЕРЕВНЯ ТЯНЕТСЯ К ЗНАНИЮ

В этом году мы стоим перед лицом развертывающейся промышленности и поднимающегося сельского хозяйства. Мы подходим к моменту, когда дальнейшее развитие производительных сил упирается в недостаточно высокий культурный уровень страны. Это особенно сильно чувствуется по линии политпросвета, но и вы также во всех областях народного просвещения чувствуете, как поднимается сейчас деревня, как она жаждет знаний. Мы получаем каждый день массу писем, из которых ясно видно, как деревенское население жаждет знаний. Случается, например, что Главполитпросвет посылает в деревенскую библиотечку несколько книг во внеочередном порядке. По поводу каких-нибудь полутораста брошюр крестьянство принимает ряд резолюций, высказываясь при этом об отношении к Советской власти вообще. Каждое письмо вносит какую-нибудь новую черточку в наше представление о настроении деревни. Мы видим, например, как комсомол жаждет книг. Иногда в письмах встречаются такие фразы: «У нас много наплывших ребят; войдите в наше положение, посоветуйте, что с ними делать». Один комсомолец, бывший в Сибири волполитпросветорганизатором, рассказывает, как он разъезжал по району. Сапог у него не было, купил сандалии, одежды — одна шуба, а время было дождливое,— так ему и приходилось в шубе и сандалиях переезжать из деревни в деревню. Жаловался, что в шубе очень неудобно, а сандалии сбились. Пришлось в шубе и босиком объез-

жать ряд деревень. По письму видно, что это деятельный работник, который принимает близко к сердцу интересы рабочего просвещения и не только принимает к сердцу, но также много вносит в эту работу.

Такую работу по народному образованию ведут не только комсомольцы, но и заведующие избами-читальнями, учащаяся молодежь, женщины. Видно, что вся деревня стала шевелиться и тянется к знанию. Нам, политпросветчикам, живущим в городе, это не так заметно, потому что здесь политпросветительную работу ведут главным образом профсоюзы.

Эта жажда диктуется объективными условиями. Сельское хозяйство и промышленность поднялись теперь на такую ступень, когда данный культурный уровень не может нас удовлетворить.

Перед моими глазами стоит сейчас конспект, который составлял Владимир Ильич в 1922 г., когда он готовился к речи, которую ему уже не удалось сказать. В конспекте говорится о том, о чем он во всех своих статьях писал и подчеркивал. Владимир Ильич говорил, что вопросы культуры ставятся теперь в центре советского строительства, и особенно подчеркивал, что сейчас идет вопрос о поднятии всей культуры, подчеркивая слово «всей» три раза. Для того чтобы поднять всю культуру, нужны долгие годы. Опыт подтверждает сказанное Ильичем. В одной из своих последних статей он говорил, что мы стоим перед лицом культурной революции. Теперь, когда читаешь письма с мест, которые так хорошо обрисовывают местную обстановку, особенно сильно чувствуешь, что мы действительно стоим перед лицом культурной революции.

НЕОБХОДИМО РАБОТАТЬ ПО ПЛАНУ

Какие же именно задачи стоят сейчас перед нами? Одна из задач кажется мне общей для всего Наркомпроса, для всех работников культуры вообще. Это установление определенной перспективы в работе. Естественно, за время революции мы работали без всякого плана, и эта бесплановость у нас до сих пор сильно сказывается. Мы до сих пор не сознаем, какая задача является для нас более важной, какая менее важной. Часто бывало так: «Ах, вот хорошая работа, надо ее сделать»,— и

работа делается безотносительно к общему плану. Года два тому назад эта бесплановость еще была в полном расцвете. Я просматривала, например, отчет Уральского района, где описана была работа какого-то консервного завода. В соседних деревнях нет ни одной школы I ступени. На этом заводе, где работают много тысяч рабочих, есть один ликпункт, и в этом ликпункте несколько потрепанных букварей, по одному на 25 человек, а кроме того, есть школа фабзавуча, построенная по всем правилам искусства и стоящая какую-то крупную сумму денег. Этот отчет особенно поразил меня тем, что на школу фабзавуча были потрачены бешеные деньги в то время, как кругом была совершеннейшая пустыня,— во всех окрестных деревнях нет ни одной школы, и на заводе возвышается одно здание фабзавуча. Конечно, фабзавуч — дело необходимое, но надо же считаться с окружающей обстановкой. Это явление взволновало меня потому, что оно достаточно типично для нашего школьного дела. Во многих случаях, хотя может быть и не в такой резкой форме, мы наблюдаем полное отсутствие увязки. Возьмем наши опытные школы. Конечно, я не скажу, чтобы они хорошо оплачивались. Возможно, что персонал их оплачивается хуже, чем в московских школах. Но все же на этих школах долгое время сосредоточено было внимание педагогов. Мы имели в области первичных школ большие достижения. Сравните опытные школы, где и ребята сорганизованы, и преподавательский персонал стоит на достаточной высоте, с нашими московскими школами. Нам бросится в глаза громадная разница. Неувязка чувствуется во всем. Пойдите на какую-нибудь фабрику; вы увидите великолепно обставленный клуб, который часто очень дорого стоит, а рядом увидите школу для ребят, которая находится в самом отчаянном положении. У нас одна балка должна крепить другую, а этого пока еще нет. Нет перспектив, нет увязки в работе профсоюза и наших органов, нет представления о первостепенных и второстепенных задачах. Конечно, всякая работа нужна, но одна является более спешной, другая менее спешной. При составлении перспективного плана нужно ориентироваться на места. Нужно в первую очередь обращать внимание на развитие местных учреждений, которые охватывают самые широкие слои населения.

Если мы будем ориентироваться на массы, у нас тогда будет мерило, что для нас является первостепенным делом, что имеет не такой острый характер. Мы должны провести сначала подготовительную работу, чтобы создать фундамент для дальнейшей работы.

О ВСЕОБЩЕМ ОБУЧЕНИИ

В вопросе о всеобщем обучении недавно был установлен семилетний срок для его проведения. После того как это было утверждено, наша инспектура обследовала девять волостей на выборку и по полученным данным было установлено, что многие ребята не могут посещать школ. Дети бедняков в лучшем случае доходят только до третьего года, а уже на втором году обучения их выбывает до 69%, на третьем году выбывают не только все бедняки, но также 62% детей середняков. На четвертом году остается только небольшая группа детей наиболее зажиточной части населения. Это главным образом дети служащих, детей же беднейшей части населения в четвертой группе совсем нет. Не думайте, что это относится только к деревне. Недавно было произведено обследование 5-й советской школы, находящейся при Академии коммунистического воспитания. Оказалось, что в Москве наблюдается точно такая же картина, как и на местах: социальный состав первых двух лет обучения чрезвычайно отличается от состава третьего и четвертого года. Таким образом, мы видим, что массовой школой у нас является даже не четырехлетка, а только двухлетка. Для того чтобы четырехлетка стала массовой школой, надо принять ряд мер вне Наркомпроса. Необходимо, чтобы СНК помог обеспечить детей бедняков одеждой и обувью. Перед Наркомпросом также стоит ряд задач в этой области. Мы должны всемерно содействовать распространению дошкольных учреждений, чтобы разгрузить детей бедняков от нянчения своих младших братишек и сестренок. Мы должны сначала сделать двухлетку доступной для масс, а потом уже говорить о том, что четырехлетка должна явиться массовой школой. Это не значит, что нужно сначала проводить только двухлетку, потом дожидаться несколько лет, пока дети будут достаточно подготовлены, и затем перейти к че-

тырехлетке. Но мы должны отдать себе отчет, что массовой школой можно назвать пока только двухлетку. Когда мы будем проводить всеобщее обучение, надо, чтобы те товарищи, которые этим делом займутся, позаботились о том, чтобы в первую голову были охвачены непременно эти два года.

Не менее важным обстоятельством является и то, что наши подростки остаются неграмотными. Мы должны обратить сугубое внимание на ликвидацию неграмотности среди подростков. Если мы не проведем этой задачи, ликвидация неграмотности среди взрослых будет в значительной степени ослаблена. Ликвидацию неграмотности должны крепить две вещи — всеобщее обучение и обучение тех подростков, которые в эти тяжелые годы остались вне школы. Только тогда мы сможем говорить о всеобщей ликвидации неграмотности, иначе нам каждый день придется выслушивать разговоры вроде следующего: «Что же вы нас, стариков, хотите учить, а ребята ходят безграмотными». Не надо относиться свысока к таким рассуждениям. Если вдуматься, мы увидим, что в этих словах кроется указание на очень важный факт. Действительно, мы никоим образом не ликвидируем безграмотность, не поднимем культурный уровень, если мы не подведем под эту работу базу всеобщего обучения и базу обучения подростков. Из этого не следует, конечно, чтобы можно было хоть на минуту ослабить работу по ликвидации неграмотности, но все же не надо забывать, что низовая база должна быть обязательно подведена.

КНИГУ И ГАЗЕТУ В МАССЫ

У нас постоянно будут рецидивы безграмотности, если мы не приблизим к массе книгу и газету. Кое-что в этом отношении уже сделано. Обследование Наркомпроса указывает на то, что приблизительно на 5—8 дворов приходится одна газета. Это уже можно считать положительным явлением. Конечно, не приходится обольщаться такими результатами, надо все дальше и дальше заботиться о распространении газет и книг, о том, чтобы эти газеты и книги своевременно и исправно доставлялись по адресу. Была я недавно на одной фабрике. У них выписывается 800 экземпляров газет,

Для отчета это, конечно, великолепная цифра, но на самом деле оказывается, что эти 800 газет вовсе не читаются, что масса на фабрике не организована для совместной читки и проработки газет. Мы не должны утешать себя такими цифрами, надо сперва рассмотреть, расшифровать такую цифру, и в результате часто оказывается, что успехи эти только показные, а реальная сущность совсем иная. Сейчас такие вопросы, как изба-читальня, как передвижка, как красный уголок, являются самыми насущными, самыми первейшими. Это относится не только к деревне. То же самое можно применить и к городу. В городе создано много эффектных кружков, но когда спросишь, как ведется в них массовая работа, получаешь крайне неудовлетворительный ответ. Часто оказывается, что масса не организована для совместной читки газет. Из кружков в большинстве случаев имеются налицо только шахматный, кружок радиолюбителей и физкультуры. Если спросишь, как ведется работа между взрослыми, получаешь ответ, что никаких кружков у них нет, что кружками интересуется только молодежь, увлекающаяся радио, физкультурой и т. д. Таким образом, сейчас не только по отношению к деревне, но и по отношению к городу стоит вопрос об углублении работы. Мы должны приблизить красные уголки к жилтовариществам, вообще устроить их всюду, где собирается городская беднота. В этой области предстоит большая работа, но нужно только отдать себе отчет в том, что такая работа менее заметна, что ни в какой отчет она не попадет и никакой славы не принесет. Однако это насущная работа, в которой сейчас назрела необходимость.

МАССЫ ЗА АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В КУЛЬТРАБОТЕ

Сейчас у масс проявляется потребность самим принимать активное участие в работе. Профсоюзы бьются над тем, что клубы у них плохо посещаются. Говорят, надо ввести развлечения в клубах. Но дело вовсе не в развлечении, а в том, что при теперешней постановке дела, когда для каждой работы нужно закрепить специального работника, конечно, дело зависит от того, насколько мы сможем обеспечить каждый клуб или каждый уголок таким работником и втянуть массу в активную

работу. Почему масса не посещает клубы? Очень понятно. Пришел, послушал и ушел. Если сам не принимаешь активного участия в работе, то и охоты нет ходить в клуб. Сейчас, когда мы ставим вопрос об оживлении союза, вопрос об углублении нашей политпросветительной работы также стоит очень остро.

Рабочий класс у нас был чрезвычайно распылен, поэтому профсоюзы немного обюрократились, и сейчас, когда рабочий класс в связи с подъемом промышленности должен сорганизоваться, конечно, встает вопрос о политпросветработе. Ясно, что мы должны к ней подойти несколько по-иному. Мы должны дать населению настоящую книгу и газету и научить их читать. Надо втянуть в активную работу в кружках самые широкие слои населения. Углубление работы изб-читален, лучший подбор библиотек, кружковая работа — вот что сейчас необходимо для массы. Конечно, это не значит, чтобы надо было забросить другие работы, что не надо крепить четырехлетку, не надо строить над этой четырехлеткой семилетку. Жизнь подвела нас к тому, что нам нужны сейчас школы повышенного типа. Несколько процессов могут идти параллельно. Одновременно с расширением двухлетки и четырехлетки надо усиленно работать над семилеткой. У нас вышло так, что школа фабзавуча, которая фактически должна базироваться на гораздо более высокой подготовке, имеет под собой только четырехлетку или пятилетку. В фабзавучах приходится проходить курс семилетки под тем или другим соусом, так как без этого нельзя изучать производство. Это сильно удлиняет срок обучения фабзавуча и слишком много времени уходит на общеобразовательные предметы. Необходимо содействовать созданию школ-семилеток при фабрике, которые могли бы постепенно стать базой для фабзавуча. С другой стороны, школа-семилетка должна получить распространение в деревне, так как рано или поздно она должна стать базой для школ крестьянской молодежи. Мы должны поддерживать школы крестьянской молодежи, так как они страшно нужны деревне.

Вот те общие вопросы школьного строительства, строительства политпросвета, которые сейчас приобрели особенно острый характер.

МАССОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Скажу несколько слов о той перемене, которую мы постепенно вносим в нашу работу. В свое время все наши митинги, вся наша немножко театральная торжественность играла большую роль, но сейчас мы должны удовлетворить потребность в глубокой работе. Комсомол особенно чуток к нарождающимся потребностям, поэтому через него можно проводить такую работу, как, например, организация вечерних школ. В 1917 г. чрезвычайно широко был поставлен вопрос о всякого рода вечерних школах и курсах. В 1918 г. эти школы получили уже широкое развитие. Но война выдвинула потребность агитации. Когда приходится вести работу не с коренным, а со случайным, передвигающимся населением, то в условиях гражданской войны на первый план выдвигается именно агитация и пропаганда. Углубленная работа была в эти годы отодвинута на задний план, но сейчас мы наблюдаем реакцию. Масса больше не желает слушать агиток, она хочет перейти к самостоятельной углубленной работе. Поэтому вопрос о вечерних школах опять встал во всей остроте, как он стоял в 1917 г. В Агитпропе ЦК проведено уже положение о вечерних школах, и нам придется поработать над их созданием. Они представляют собой однолетнюю школу для грамотных. До сих пор у нас были только школы для малограмотных, связанные с ликпунктом, притом же они были трехлетними, а сейчас выдвигается необходимость создать школы с более гибкой, подвижной программой, школы-однолетки.

Вот те задачи, которые намечаются у нас в области массового образования.

О ФАБЗАВУЧАХ

Наравне с массовым образованием подъем промышленности выдвинул также вопрос о профессионально-техническом образовании. Наши хозяйственники чрезвычайно волнуются ввиду недостаточного количества квалифицированной силы. ВСНХ, а иногда и Наркомтруд, который особенно живо чувствует отсутствие квалифицированной силы, начинают нервничать, и в результате получается, что во всем виновата школа фабзавуча.

Говорят, что раньше никаких школ фабзавуча не было, а рабочие обладали высокой квалификацией. Говорят, что надо вернуться к индивидуальному ученичеству, восстановить бригадное ученичество и т. д. Однако никто не учитывает того, что с тех пор, как эти рабочие считались квалифицированными, прошло много времени, а теперь они не могут уже считаться подходящими для современного уровня промышленности. К нашему времени общие условия настолько изменились, что в настоящее время нас совершенно не удовлетворяет то, что было хорошим 20—30 лет тому назад. Со всех сторон ведутся разговоры о подготовке рабочей силы и делаются иной раз совершенно нелепые предложения. Говорят, например, что школу фабзавуча, выросшую из потребностей промышленности, созданную силами нашей молодежи, нужно свести на нет. Как Наркомпрос подходит к разрешению этого вопроса? Мы считаем, что школу фабзавуча никоим образом сокращать, а тем более уничтожать, нельзя, потому что только фабзавуч может дать нам ту рабочую силу, которая сейчас нужна. Какая именно рабочая сила требуется в производстве? В производстве, во-первых, нужны обыкновенные чернорабочие, затем идут так называемые обученные, тренированные рабочие, которые должны обладать двумя-тремя несложными навыками и могут этими навыками овладеть в течение очень небольшого времени. Для того чтобы научиться обертывать в бумажку шоколадные конфеты или связывать какую-нибудь порвавшуюся нитку, не требуется долгих лет обучения — для этого достаточно натренироваться в течение 4—5—6 недель. Но есть отрасли промышленности, которые будут получать все больший и больший удельный вес по мере развития промышленности. Они требуют квалифицированной силы нового типа, того типа, без которого не может развернуться крупная промышленность. Раньше многие предприятия носили полуремесленный характер. Для таких предприятий, конечно, достаточной была просто работа умелых ремесленников, которые овладевали своими знаниями в течение многих лет. Сейчас простой ремесленник, знающий обыкновенный ручной труд, нас не может удовлетворить. Нам нужен рабочий, умеющий приспособляться к условиям высокой техники, знающий машину, знающий мате-

риал и умеющий этот материал комбинировать. Статистика квалифицированных рабочих в Австрии показывает, что как раз рабочие самой высокой квалификации чаще всего меняют профессии, относящиеся к одному типу. Они переходят от одной профессии к другой и усваивают все характерные черты каждой из них. В конце концов получается подготовка с разными вариациями, которая дает возможность выполнять разнообразные функции. У нас в России, с ее своеобразными особенностями, нужны именно такие квалифицированные работники, которые знакомы с современной техникой и могут приспособить ее к специфическим условиям отсталой страны. Нам нужны именно такие рабочие, которые являются душой производства. Мы должны обратить усиленное внимание на их подготовку.

Конечно, нужно пересмотреть программу школ фабзавуча. Возможно, что там есть пережитки старого, что там слишком много литературы, хотя бы и пролетарской, но занимающей слишком много места. Может быть, в самом деле есть фабзавучи, которые подготовляют рабочих неизвестно к какой профессии. Один комсомолец говорил, что в производстве нужны токари, а мы готовим слесарей. Нам нужна большая увязка с запросами производства. Мы должны поставить фабзавучи ближе к производству, изменить программу, построить ее на более высоких общеобразовательных основах. Все же эта школа останется основной школой. Но здесь перед нами встает вопрос: что делать с ребятами, занятыми в производстве на мелких работах? Какую они могут получить подготовку? В интересах подготовки квалифицированных рабочих мы должны создавать наряду с фабзавучами также вечерние школы, которые давали бы молодежи знания, которые позволили бы этой молодежи, работающей сейчас в производстве, знающей фабрику, но пока исполняющей только механические функции, при первом удобном случае приспособиться и найти себе настоящую работу в производстве. В Германии и во Франции имеется большая сеть вечерних курсов. Наша страна еще настолько отсталая, что мы совершенно не ценим культуры, наивно относимся к вопросам подготовки квалифицированной силы. Мы должны отдать себе отчет, что квалифицированная сила у нас будет только тогда,

когда мы поднимем общий культурный уровень. Итак, организацию вечерних курсов мы должны поставить перед собою как первоочередную задачу.

Кроме этого, в целом ряде производств необходимо объединить все профессиональное образование. Я на днях была в текстильном институте. Профсоюз принял участие в его оборудовании, а сейчас оно поддерживается даже ВСНХ. Такое богатое оборудование, как в текстильном институте, дает возможность группировать вокруг него всякие техникумы и технические школы. Профсоюз весьма удачно связал все это в один узел, центром которого являются превосходно оборудованные мастерские и выставки текстильного института. Если мы будем проводить такую линию, можно будет поднять разговор о подготовке руководителей бригадного и индивидуального ученичества в специально приспособленных для этого мастерских.

БОРЬБА С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ

Я хотела бы еще остановиться на одном вопросе, который всех волнует и должен быть так или иначе разрешен. Это вопрос о беспризорности. При СНК работает комиссия Дробниса, которая собирает статистические данные о беспризорных в России и обсуждает этот вопрос. Мы наблюдаем в этом году, что, несмотря на урожай, большие города буквально залиты беспризорными. На всех углах и переулках мы наталкиваемся на беспризорных ребят. Когда вы приходите на фабрику, работницы в первую очередь вам говорят: «Ну да, это очень хорошо, что вы устраиваете площадки и т. д., но что же у нас делается на улице?» В чем кроются причины таких размеров беспризорности? Сейчас собес решил переложить помощь беспризорным на кресткомы деревни. Однако кресткомы недостаточно развиты и не могут еще в полной мере поддерживать сирот и полусирот. У нас получилась такая картина, что собесовской помощи уже нет, а между тем и со стороны кресткома эта помощь не организована или организована в очень незначительной степени. Деревня выкидывает сирот, так как не знает, что с ними делать. Часто тетка покупает билет, сажает своего племянника, у которого умерли

отец и мать, в поезд и посылает в Москву. И вот мы видим на каждом переулке беспризорных ребятишек. Наркомпрос должен выработать определенный план для борьбы с беспризорностью. Крестькомы должны взять на себя заботу о беспризорных, о сиротах, остающихся без всякой помощи. Для беспризорного нужно найти опекуна, у которого он мог бы поселиться. Самой важной является помощь на местах. Если она не будет организована, в больших городах никогда не прекратится поток беспризорных, который будет переполнять ночлежки. Но мы знаем, что парень или девушка, проведшие несколько времени в ночлежках, делаются уже совсем не теми, какими были раньше. Пребывание на улице и в ночлежке кладет тяжелую печать на беспризорного ребенка.

Кроме того, мы должны обеспечить для сирот возможность трудиться. Но при детских домах есть много беспризорных старше 14 лет. Оставлять их в детском доме неудобно, так как это было бы насилием над их волей. Им трудно укладываться в рамки детского дома, так как жизнь заставила их о многом думать, а детские дома не рассчитаны на тех ребят, которые перенесли слишком много тяжелого. Это не значит, чтобы они были развращенными детьми. С другой стороны, нельзя прикладывать к ним мерку обыкновенного ребенка, выросшего в хороших условиях, так как жизнь помяла их и оставила ряд тяжелых впечатлений. Обыкновенный, нормальный темп детской жизни для этих ребят невыносим. Они требуют товарищеского отношения и уважения к себе. С ними нужно обращаться с чрезвычайной осторожностью. Как-то я просматривала отчет детского дома. Он относился, правда, к 1923 г., но такие случаи у нас и теперь еще имеют место в провинции. Дело в том, что руководительница детского дома переносит ребенка в графу «дефективных» только на основании того, что ребенок отказывается делать елочные украшения, так как чинит валенки. На предложение руководительницы принять участие в лепке елочных украшений, он ответил: «У меня есть дела поважнее. Не стану я возиться с вашими украшениями». Это послужило «достаточным поводом» для того, чтобы признать ребенка «дефективным». Правда, этот детский дом потом был раскассирован, но все же это не единичный случай. Недавно я получила

письмо от комсомольца, который рассказывал услышанный им разговор двух учительниц. Они обсуждали, какие меры принимать для того, чтобы ребята их слушались. Например, собирались запирать ребят в кладовую или оставлять их на день или два дня без пищи. Я не сомневаюсь, что в детских домах эти недостатки еще не изжиты. Детские дома переведены теперь на местный бюджет. Обслуживаются они плохо, ребята ходят раздетые и мозолят всем глаза. На ОНО сыплются упреки, что ребята находятся в самом жалком состоянии. Тогда ОНО прибегает к последнему выходу — выбирает пустой монастырь, куда и отправляет ребят. Там они могут ходить босиком, и никто этого не увидит и не поставит в упрек ОНО. Работники Наркомпроса не должны относиться спокойно к такому положению вещей. Надо принять все зависящие от нас меры, чтобы беспризорность была изжита. Наша работа должна заключаться не в торжественных заявлениях и клятвах, а в практической работе. Насчет торжественных заявлений мне припоминается один случай во время одной поездки в Харьков. Когда я уезжала, меня провожали оттуда женотдел и товарищи железнодорожники. Все было очень торжественно. Мы устроили целую процессию, тут были и пионеры и просто ребята из харьковских школ. Вдруг появляется оборванный беспризорный. И что же? Все пионеры и женщины стали делать какие-то движения руками, и этот беспризорный моментально исчез. Я запротестовала, тогда этот беспризорный появился опять и с торжеством пошел впереди нашего отряда, гордый, что его извлекли из глубины женотдела. За первым беспризорным появился и второй, и третий. На вокзале были торжественные проводы, и один железнодорожник, между прочим, сказал: «Надежда Константиновна, мы клянемся, что беспризорность будет изжита». Я ему говорю: «Может быть, этих беспризорных можно куда-нибудь устроить?» В это время поезд тронулся, и я увидела такую картину. Беспризорные куда-то стремглав убегают, а железнодорожник бежит за ними в догонку. Оказалось, что во время его торжественной речи беспризорные вытащили у него из кармана два червонца. Такова житейская обстановка. Не надо никаких клятв, а надо перейти к практической работе, сговориться с проф-

союзными организациями, с отдельными союзами, например нарпитом, союзами строителей, железнодорожников и т. д., и при их содействии как-нибудь устраивать ребят на работу. Здесь нам могут помочь также совхозы и кооперация. Мы должны использовать все возможности, а когда почва будет подготовлена, можно было бы устроить деловое совещание, без пафоса, без декламации о вреде беспризорности, просто с практическим подходом к назревшему вопросу.

Мы должны разгрузить детские дома от подросших ребят, но, конечно, не выводить их на улицу с милицией, а постепенно переводить на работу в производство или хозяйство. Комсомол сможет принести большую пользу в этой области.

О РАБОТЕ СРЕДИ НАЦМЕНЬШИНСТВ

В заключение я хотела бы сказать несколько слов по вопросу о нацменьшинствах. Все мы работаем в различных областях, но не должны забывать о нацмене. Это один из наших больных вопросов. В прошлом году у нас с Ленинградом вышла маленькая тайная драка по поводу финнов. Учителя писали, что живущие в Ленинградской губернии финны находятся в самом заброшенном состоянии. Живут они далеко друг от друга, расчищают кусками лес и этим питаются. В их районе есть изба-читальня, но работа ведется исключительно на русском языке. Оказалось, что даже в Совете нет ни одного финна и никто не понимает финского языка. Учителя жалуются, что среди финнов сильно развился баптизм. Учителя спрашивают, нельзя ли принять какие-нибудь меры, намекают даже на аресты. Действительно, это угрожающее явление. Я спросила их: «Почему же вы только в придаточном предложении пишете, что у вас в Совете никто не понимает по-фински? Ведь от этого зависят все неурядицы». Они должны были связаться с финской секцией и стараться провести какую-нибудь общественную работу среди этого населения, которое живет оторванно, которое страшно нуждается в общении и за неимением лучшего увлекается баптизмом. Это дает им возможность побыть вместе с другими, послушать пение. Нужно привлечь их к работе. По поводу этих фин-

нов у нас завязалась большая переписка, и в конце концов дело было улажено.

Конечно, для Ленинградской губернии это исключительный случай, но в провинции дело обстоит довольно плохо. На конференции губернских инспекторов я задавала вопросы, как обстоит дело с работой по нацменьшинствам. Один инспектор рассказал мне, что часто бывают нелады с преподаванием на родном языке. Например, в мордовской школе обучение с первого года идет на русском языке. Само население выразило желание обучать детей на русском языке, да это и вполне понятно, так как им предложили выбор: или учить детей только на мордовском, или только на русском языке. Естественно, что население предпочло русский язык, так как, живя среди русских, мордвины без него не могли бы обойтись. Надо было поставить вопрос иначе: первые годы обучения проводить на родном языке, а затем перейти на русский. Это инспектор рассказал мне на словах, другой же подавал записку без подписи в таком смысле: «А не будет ли преподавание на родном языке мешать ассимиляции мелких народностей?» Одна эта записка говорит о том, что мы должны с особым вниманием относиться к работе среди нацменьшинств. Если находятся товарищи, которые говорят об ассимиляции, то зачем же вообще мы, коммунисты, разговариваем насчет самоопределения национальностей? Вопрос этот чрезвычайно серьезен. Конечно, работу среди нацменьшинств проводить трудно. У многих нет литературы и письменности, но у каждого есть живой язык, и политпросветительная работа может вестись. Из присылаемых нам писем и из бесед с заезжими товарищами мы с каждым днем все больше и больше убеждаемся, что работа среди нацменьшинств должна привлечь к себе все наше внимание.

Вот те вопросы, которые выдвигаются со всех сторон.

1925 г.

О ВСЕОБЩЕМ ОБУЧЕНИИ

Вопрос о всеобщем обучении имеет громадное значение для нашей страны. Буржуазия всех стран прекрасно учитывала всегда значение грамотности и образования широких слоев населения для развития производительных сил и поднятия производительности труда. Не ради прекрасных глаз трудящихся, не под влиянием каких-либо высоких идеалов вводила буржуазия капиталистических стран всеобщее обязательное обучение: делалось это из чисто делового расчета. Темнота народных масс задерживает темп промышленного развития.

Наша страна — страна полуграмотная. Этого мы не можем забывать ни на минуту. Мы не можем забывать ни на минуту, что мы тогда только сумеем овладеть всеми нашими производительными силами, всеми богатствами, только тогда сможем развернуть как следует наше сельское хозяйство и промышленность, если мы нашу темноту ликвидируем, если введем как можно скорее всеобщее обязательное обучение. Тут недопустима халатность, расхлябанность, волокита. Нужно неослабное напряжение в повседневном труде над этой поставленной жизнью задачей.

Мы не должны ни на минуту забывать еще другого: нам нужно торопиться со всеобщим обучением еще и потому, что у нас есть все предпосылки к строительству социализма, потому что мы хотим его строить, потому что мы его строим, и в этом строительстве нам наша полуграмотность — помеха чрезвычайная. Подумайте только: у нас Советская власть, каждая кухарка должна при-

влекаться к управлению государством, и что дальше, то шире и шире будет Советская власть вовлекать рабочие и крестьянские массы в управление,— надо всю жизнь перестроить, сделать ее светлой, радостной, а мы... полуграмотны. Чем грамотнее мы будем, тем быстрее мы будем продвигаться по пути кооперирования. Все наше будущее зависит от того, насколько быстро мы сумеем цивилизоваться. Об этом так много писал последнее время Ильич. А мы медлим с введением всеобщего обучения.

Я знаю, как велики трудности, какие препятствия стоят на пути, я знаю — одна балка должна крепить другую, и нищие бюджеты, отсутствие зданий, леса и пр. и т. п. не очень-то способствуют осуществлению всеобщего обучения.

И я вновь вспоминаю первое сочинение своего ученика, взрослого текстильщика, только что обучившегося грамоте,— дело было 30 лет назад. «Трудно рабочему человеку учиться при двенадцатичасовом рабочем дне, но необходимо, чтобы наши «благодетели» не устроили нам пятнадцатичасового,— писал он.— Трудно, но необходимо».

Необходимо цивилизоваться, необходимо провести всеобщее обучение.

Я хотела бы остановиться на двух вопросах.

Надо держать ухо востро, чтобы не попасть в лапы мертвых схем. План имеет громадное значение, поэтому планирование сетей вещь необходимая. Но приходится помнить, как несовершенны эти сети, как мало еще они ориентированы на местные бытовые, производственные, общекультурные условия. И думается, что нужна еще большая проверка жизнью всех этих сетей. Да простят мне товарищи мой «сетьевой» скептицизм. Читая протоколы совещания по вопросам введения всеобщего обучения в промышленных губерниях, я вычитала не один пример, подтверждающий мой скептицизм. По карте до школы меньше трех верст, да болота тут и буераки; надо ездить и ходить кругом, а это восемь верст. По карте школа в версте, да по мосту ходить опасно...

И потому я сугубо советовала бы при осуществлении сетей больше считаться с жизнью и с требованиями на-

селения. У нас существует старый бюрократический предрассудок — свысока относиться к самодеятельности населения, и когда мы изживем его — неизвестно.

Каждое селение хочет иметь школу у себя на селе. Это, конечно, сбивает все сети. Есть школа в двух верстах, прекрасная, а крестьяне строят у себя школу-хибарку на каких-нибудь 30 ребятишек; школа-хибарка убога, и продержится-то она каких-нибудь 5—6 лет. Нелепость это. Так рассуждает заведующий «сетями». А крестьяне рассуждают так: село бедное, у ребят ни одежды, ни обуви. На дворе зимой стужа. Посылать за две версты невозможно. Да младшим и не под силу. На ходьбу время тоже идет. Хоть и хороша соседская школа, а дети останутся безграмотными. По теперешним временам негоже это. Из последнего строят хибарку-школу... А отдел народного образования смотрит со стороны и постановляет: только тем школам оказывать содействие, которые возникают там, где полагается по сети, а чтобы предотвратить постройку школ-хибарок, разрешить строить школы лишь в том случае, если губернский инженер одобрит план постройки. Крестьяне обижаются. Не по глупости и темноте строят они школы-хибарки, а из нужды. Каждую инициативу поддерживать надо, а не бюрократически свысока запрещать.

Я извиняюсь за свои резкие слова, но прошлое еще держит нас в своих лапах и мешает нам делать то, что требует от нас жизнь...

Постройка зданий, подыскание учителей, изыскание средств на покрытие их заработной платы, элементарное снабжение — все это лишь первые шаги. Целый ряд добавочных мер, необходимых для осуществления не на словах, а на деле всеобщего обучения, потребуют еще большего активного участия населения в этом деле.

Поэтому чрезвычайно важно вести планомерную пропаганду дела всеобщего обучения. Надо, чтобы в избах-читальнях, в Домах крестьянина делались отчеты о том, что делается в этом отношении в данной губернии, уезде, волости. Каждую инициативу, вроде инициативы бежецких крестьян, устроивших общественную запашку в пользу постройки школы, надо доводить до всеобщего сведения, заносить на Красную доску и т. п. Важно вызвать

соревнование в этом деле, важно идею всеобщего обучения сделать населению близкой, вовлечь его в работу, показать, как эта работа необходима.

Нужна коллективная работа в деле осуществления всеобщего обучения. Не без населения, а только вместе с ним можно осуществить эту задачу.

1926 г.

О БЕСПРИЗОРНЫХ

Я не стану больше писать о том, что необходимо прийти на помощь беспризорным ребятам — приютить, обогреть, устроить всех их, об этом писалось уже достаточно. Теперь весь вопрос в том, *как* помочь им.

Для того чтобы помочь, начать помогать беспризорным, нужны деньги, средства. Фонд имени Ленина помогает собирать необходимые средства. Тов. Гранкова, работница из Донбасса, отдающая себя всецело работе с беспризорными, в письме ко мне пишет о том, что надо объявить сбор вещей в фонд беспризорных — у каждого найдется, что дать,— а потом устроить субботники, вещи почистить, перешить, и можно будет одеть беспризорных. Думаю, что мысль т. Гранковой заслуживает большого внимания и должна быть осуществлена. Можно найти еще и другие источники материального благоустройства ребят. Думается, например, что тут здорово могли бы помочь Советы отводом подходящих помещений, освобождением их от оплаты коммунальных услуг и целым рядом других мер.

Но материальные средства — лишь предпосылка для устройства беспризорных, самое же главное — устроить их так, чтобы жилось им хорошо, чтобы чувствовали они себя гражданами Советской республики, чтобы появилось у них желание учиться, работать, чтобы нашли они применение своим силам. Тут не в одних деньгах и материальных средствах дело. Относительно ребят младшего возраста, лет до 11—12, дело проще. Их нужно устроить в лучшие детские дома, обратив особое внима-

ние на их здоровье, окружив их особым вниманием. Главная трудность — с подростками, которых изломала, исковеркала жизнь, которые вдосталь хлебнули горя, озлобились, исхулиганились. Заслужить их доверие нелегко, еще труднее ввести их в рамки какого-нибудь режима. У них беспризорное существование выработало громадную наблюдательность — они сейчас же заметят малейшую фальшь, неискренность по отношению к себе,— развило своеобразное чувство собственного достоинства, привычку к независимости, развило большую активность и потребность к новым острым ощущениям. Эти ребята плохо приспособляются к жизни детского дома. Их надо как-то иначе устраивать. Надо устраивать для них ночлежки, столовки, общежития и около этих учреждений развивать большую работу: иметь кадр рассказчиков, знающих психологию беспризорных, умеющих найти отклик в их душе, пробудить их интерес, направить их внимание. Рассказы, чтение вслух, втягивание их самих в творческую работу, введение этой работы в надлежащее русло, расширение и углубление их интересов и работы. Устройство при ночлежках, столовых, общежитиях очень коротких, двух- трехдневных профессиональных курсов — самых разнообразных, создание небольших временных артелей около этих курсов для выполнения платных работ, связанных с курсами, затем организация длительных артелей с параллельными курсами грамотности, технических навыков и пр., организация перехода к более квалифицированной работе. Параллельно — организация втягивания беспризорных в спорт, в общественную работу и пр. Закрепление всей этой работы с беспризорными втягиванием их в пионерские организации, в кружки, связанные с комсомолом.

Все это — трудная, сложная работа, методика которой только зарождается, работа, требующая твердых людей, самих умеющих и жить по-новому, умеющих по-товарищески, попросту подойти к изверившемуся в людей подростку, открыть ему новые стороны жизни.

В Москве с беспризорными работают, ничего не получая за свой труд, свыше двух тысяч курсантов педагогических учебных заведений. Их самоотверженный труд нельзя не ценить, но его одного мало — надо, чтобы за дело взялись рабочие.

Самое главное ведь создать для беспризорных ребят возможность трудового заработка. Как и где найти его? И вот необходимо, чтобы тут на помощь пришли профсоюзы, отдельные фабзавкомы, отделы Советов и пр., обдумали бы, чем можно помочь; наметили бы, в каких предприятиях, на какой работе можно применить труд подростков, какие краткосрочные курсы должны сопровождать различные виды труда, в какой последовательности должны проходить подростки разные формы труда, как можно организовать прием на работу, контроль над ней. Без профсоюзов тут ничего не сделаешь, а профсоюзы могут сделать тут колоссально много. Важно, чтобы рабочие, работницы проявили тут инициативу, выявили бы свои организационные способности. Самое важное, чтобы беспризорный попадал в рабочую атмосферу, заражался пролетарской психологией.

Вредны проекты вроде того, который выдвинул Г. И. Бройдо в № 32 «Правды»,— устроить специальный городок на 10 тыс. беспризорных. Необходимо не создавать для беспризорных специфическую атмосферу, где они будут чувствовать себя на каком-то особом положении, будут оторваны от обычной трудовой обстановки, от общения с трудовым населением, с его печалями и радостями, а будут постоянно подогревать свои воспоминания о своем недавнем горьком беспризорном прошлом, будут жить в той нездоровой атмосфере азарта, хулиганства, безделья, которой они недавно еще дышали и которую куда труднее им изжить, если они будут сбиты все вместе. На такие городки тратить деньги не стоит, деньги надо тратить на то, чтобы помочь беспризорным войти в нормальную трудовую жизнь. Главное дело в том, чтобы на работу с беспризорными пошли лучшие представители рабочих, пошли женотделы, комсомольцы и пр. и общими усилиями поставили дело на должную высоту.

1926 г.

РЕЧЬ НА III СЕССИИ ВЦИК XII СОЗЫВА

Весь доклад Анатолия Васильевича (Луначарского.— *Ред.*) говорил о том, что решения, которые будут приняты на этой сессии по всеобщему обучению, будут иметь большое политическое значение. Кроме того, каждый из вас тесно связан с местным крестьянством, с массой рабочих и знает, что это ваше решение будет учтено трудящимися массами как политическое решение.

Рабочие и крестьяне относятся к вопросу народного просвещения с чрезвычайным вниманием и чрезвычайной горячностью. Анатолий Васильевич уже приводил цитату из «Страничек из дневника», написанных Владимиром Ильичем в 1923 г., где говорилось, что в настоящее время необходимо сосредоточить все внимание на вопросах первоначального образования, что весь госбюджет должен быть передвинут в сторону помощи начальному образованию.

Так учитывал Владимир Ильич политическую важность вопросов народного образования вообще и начального народного образования в частности.

В январе 1925 г. Всесоюзный учительский съезд был демонстрацией в пользу народного образования, в пользу начального народного образования, потому что главная масса участников этого всесоюзного съезда—были народные учителя. Тогда и т. Калинин — председатель ВЦИК — и целый ряд других ответственных товарищей выступали с горячими речами, и эти речи не могли быть иначе учтены, как то, что широким массам дается обещание обратить на это дело сугубое внимание.

С тех пор прошло почти два года. Странно было бы говорить, что в течение этого времени Наркомпрос недостаточно уделил внимания этому вопросу. Надо принять во внимание именно то, о чем когда-то говорил Владимир Ильич,— он говорил, что в области культурной нельзя победить так быстро, как в военной. Работа велась напряженно, но, конечно, надо с полной ясностью осознать, что работа Наркомпроса может давать необходимые результаты только в том случае, если вся страна, все комиссариаты, и СНК, и ВЦИК — все будут с достаточным вниманием относиться к этому делу, помогая работе Наркомпроса.

Я думаю, что надо принять те решения, которые выдвинуты Наркомпросом. Но я бы возражала против того, что выдвинул здесь Комиссариат РКИ. Что им предлагается? Им предлагается создать комитет по всеобщему обучению, но не сказано, что этот комитет должен делать. Этот комитет может иметь две цели: или он будет делать ту же работу, которую делает Наркомпрос, и в таком случае эта работа будет параллельна, или же этот комитет будет иметь целью поддержать ту громадную инициативу, которую проявляют в деле народного образования сами трудящиеся массы.

Тут я должна сказать, что на местах часто этой инициативе уделяется недостаточно внимания. Иногда бывает и так, что крестьяне для того, чтобы выстроить школу, собирают на это деньги, а отдел народного образования говорит: «Этих денег мало для того, чтобы выстроить хорошую школу, и поэтому вообще не нужно строить ее». Между тем ясно, что всякой инициативе надо идти навстречу и всячески ее поддерживать.

Какие этот комитет, который намечает РКИ, поставит себе задачи? Как будет организован? Сможет ли он эту инициативу поддерживать и материально как-то помогать? Я себе не представляю, как это дело может быть организовано. Если РКИ имеет в виду создание особого фонда, то, конечно, его надо в первую очередь направлять на поддержание инициативы населения, потому что только таким образом можно быстрее продвинуть вперед дело всеобщего обучения.

Тут опять-таки я должна указать на подход, который всегда применяет наша партия,— это ориентация на мас-

сы, внимание к тому, что масса в своей повседневной жизни создает. Органы народного образования и местные исполкомы должны с величайшей внимательностью относиться к этой инициативе. Если этот комитет будет иметь целью поддержку инициативы, то, мне кажется, тут нельзя возражать. Но если он будет организован на манер старого комитета грамотности, то он, хотя и будет называться не комитетом грамотности, а комитетом всеобщего обучения, будет производить параллельную работу с Наркомпросом, и, думается, такого комитета создавать не надо.

Второе. Тов. Яковлев ополчился тут на программы ГУСа. Я должна сказать следующее. Вопрос программ— вопрос чрезвычайно важный. Не вопрос метода, а именно вопрос программ, т. е. содержания того, что нужно преподавать. На эту тему мне приходилось неоднократно беседовать с Владимиром Ильичем, и он придавал громаднейшее значение программам школ. Наши программы должны дать подрастающему поколению умение разбираться в окружающей жизни, умение находить пути к изменению этой жизни к лучшему.

И когда говорят о гусовских программах, нужно иметь в виду не методы — хорош или не хорош комплексный метод,— а говорить о том, соответствует ли это содержание, программа тому, что мы хотим дать ребятам. Вопрос о комплексном методе запутывает этот вопрос, ибо есть очень много педагогов, которым не нравится содержание программы, потому что оно ново, потому что оно революционно,— вот они и запутывают программный вопрос вопросом комплексного метода. Не в методе, а в содержании суть. Конечно, странно было бы, если бы ВЦИК решал, каким методом надо преподавать. Не об этом должно быть принято решение: наше решение должно заключаться в том, что мы хотим создать действительно новую, нужную нам школу. Думается, нельзя и сомневаться в том, что Наркомпрос от членов ВЦИК встретит всяческую поддержку в этом деле.

Еще одно предложение со стороны РКИ, против которого я всячески возражала бы. Это вопрос о снижении нашей школы с четырехлетки до трехлетки. Нужно отдать себе отчет в том, что это вопрос политический. В настоящее время мы не можем в целом ряде районов,

перед лицом масс, снизить школу-четырехлетку до трехлетки.

Если говорить, что такое снижение допустимо, хотя бы в отдельных случаях, то это заявление может повести к тому, что на местах пойдут по линии наименьшего сопротивления. Мы должны себе поставить задачей даже в отсталых районах подтянуться к четырехлетке. Если мы будем говорить о трехлетке, то, повторяю, это может быть понято как снижение наших требований, а это снижение шло бы вразрез со всеми желаниями масс.

Возьмем Тверскую губернию: там деревня не удовлетворена даже четырехлеткой. Там приходится наблюдать такое явление, что окончившие четырехлетку забирают метрические свидетельства и идут в город, в школу-семилетку, чтобы учиться дальше.

И вот перед лицом такого страстного тяготения к знанию говорить, что четырехлетка нам непосильна и что пусть будет трехлетка, мне кажется, совершенно немыслимо.

У нас, конечно, совершенно различное положение народного образования в различных районах. Главполитпросвет недавно вычислял процент неграмотных в различных районах в возрасте от 11 до 35 лет. Мы имеем такую картину, что Центрально-Промышленный район имеет меньше 5% неграмотных в возрасте от 11 до 35 лет, а рядом — Центрально-Черноземный район — свыше 20%, в средневолжском районе — 23% неграмотных. Таким образом, район на район не похож.

Мы подошли к тому моменту, когда мы должны индивидуализировать наш подход. Для каждого района мы должны учитывать все те движущие силы, все те возможности, которые имеются в районе. Не надо, например, концентрировать средства на Ленинграде и Москве, которые имеют возможность найти эти средства; но какой-нибудь Воронежской или Тамбовской губернии нам необходимо помочь, чтобы подтянуть там дело народного образования на более высокий уровень.

СНК выдал особые средства на помощь Центрально-Черноземному району. Надо в такой же мере подойти к районам и в смысле помощи просвещению. Нельзя отделять одну форму народного образования от другой. Нельзя говорить так, что мы сейчас должны заняться только

улучшением школ I ступени и на все остальное закрыть глаза,— рядом с этим, рука об руку, должно развиваться также и первоначальное народное образование во внешкольной области. Еще Толстой когда-то говорил: «У грамотной матери никогда не будет неграмотного ребенка».

Нужно создать общее настроение и общую помощь, нужно, чтобы одна балка крепила другую. То решение, которое примет ВЦИК, будет иметь громадное значение. Хотелось бы, чтобы это решение не было проведено в обычном порядке. Нужно, чтобы ВЦИК по поводу своего решения выпустил соответствующее воззвание, а товарищи, приехавши на места, передали бы это решение местам как особо важную директиву ВЦИК и помогли эту директиву провести в жизнь.

1926 г.

ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

(ДОКЛАД НА I СЕССИИ СОВЕТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ)

Я рада вас приветствовать, товарищи. Вопрос, о котором мне приходится говорить, чрезвычайно интересует, конечно, не только работников Совнацмена, но и всех партийцев, всех тех, кого интересует развитие нашей Советской власти по пути к мировой революции.

На днях мне пришлось прочитать одну книгу, которая меня чрезвычайно взволновала. Я говорю о книге Ваганяна. Книга эта как раз посвящена вопросу о национальной и интернациональной культуре. Это — вопрос чрезвычайной важности, и я хочу высказать тут несколько соображений по этому поводу.

Мы не можем рассматривать вопроса о национальной и интернациональной культуре вне зависимости от вопроса экономического развития. Мы не смотрим на этот вопрос как на нечто такое, что оторвано от экономического развития. Если мы посмотрим, как идет это экономическое развитие, то мы должны отметить, что сначала в средневековье были отдельные хозяйственные группы, между собой не связанные, и затем с развитием капитализма стали формироваться более крупные хозяйственные области, а далее отдельные хозяйственные области стали объединяться в очень большие группы.

Капитализм принес с собой объединение внутри отдельных стран, но мы теперь стоим уже на пути к объединению всей хозяйственной жизни, всей борьбы с природой в одно мировое плановое хозяйство.

Только такое мировое плановое хозяйство даст воз-

можность использовать наиболее целесообразным образом все богатства и все силы природы. Тут мы должны сказать, что капитализм, который сыграл крупную роль в объединении отдельных хозяйственных групп, сплотил их в отдельные государства, которые имеют одну общую экономическую базу,—этот капитализм в настоящее время является препятствием к дальнейшему объединению хозяйств отдельных стран в одно мировое хозяйство.

Этот процесс, это развитие происходило, конечно, на очень большом пространстве времени, это — медленный, длительный процесс, но процесс, который происходит неуклонно.

Конечно, вопрос о мировом хозяйстве не мог быть поставлен в докапиталистическом периоде. Мировое хозяйство предполагает уже известный высокий уровень развития отдельных стран. Только на определенном уровне хозяйственного развития возможно это объединенное мировое хозяйство.

Я сделала такое отступление от темы потому, что мне кажется, что, говоря об основах, на которых создавались и складывались отдельные национальности, ясно можно будет отметить и тот путь, по которому идет развитие национальной культуры. Он идет параллельно экономическому процессу. Пока было натуральное хозяйство, пока отдельные хозяйственные группы были оторваны одна от другой, тогда и культура, развивавшаяся у этих хозяйственных групп, представляла собой нечто замкнутое, отрезанное от остального мира. Мы знаем, какая громадная разница была и в языке, и в обычаях, и во всем укладе жизни до развития капиталистических отношений. Капитализм объединил отдельные разрозненные группы в отдельные национальности.

Эта роль капитализма была прогрессивная роль, он мелкие разрозненные наречия слил воедино, помог образованию общенационального языка, общенациональной культуры.

Но в дальнейшем и в области культуры точно так же, как и в экономическом отношении, капитализм становится тормозом. Капитализм противопоставляет одну национальную культуру другой, натравливает одну нацию на другую и тем самым задерживает путь к общей интернациональной культуре.

Конечно, когда капиталисты говорят о национальной культуре, они под этим подразумевают особого рода культуру — культуру, при которой капиталистический класс является господствующим классом. Сегодня, думая по этому вопросу, я вспомнила одну английскую книжку, которую когда-то читала; к сожалению, я забыла автора. Книжка относится к половине XIX века, называется она «Две нации». В этой книге говорится об английской жизни, и две нации — это, с одной стороны, нация английских капиталистов и, с другой стороны, нация английских рабочих. В книжке говорится, что это две совершенно различные культуры. Обычаи, язык, круг представлений, которые существуют у английской буржуазии, сплачивают английскую буржуазию как бы в одну нацию, а обычаи, язык и круг представлений, которые существуют у английского рабочего класса, сплачивают его как бы в другую нацию, совершенно отличную от первой.

Эта книжка чрезвычайно верно рисует дело. Капитализм объединил разные наречия, но не создал единства культуры. Культура высших классов была совершенно иная, чем культура рабочего класса, чем культура трудящихся. Внутри нации это были две особые, существующие друг около друга, но различные между собой нации.

Когда мы говорим об интернациональной и национальной культуре, мы говорим об этом не в буржуазном смысле слова. Сейчас чрезвычайно много таких факторов, которые помогают изживать обособленность национальную, обособленность культурную. Как-то недавно я перечитывала педагогические сочинения Льва Толстого. В статье, относящейся к образованию, у него говорится: «Разве крестьянин заинтересован в той культуре, в которой заинтересованы высшие классы? Разве тульскому крестьянину нужна железная дорога, которая проходила бы в Москву?» И когда читаешь эти строки, то ясно себе представляешь, как это давно написано. Разговор о том, что для крестьянина не нужна железная дорога, кажется таким старым, говорящим о давно прошедшем времени.

Быстро развивающиеся пути сообщения, возможности сноситься по телеграфу, телефону, а теперь и при помо-

щи радио и кино — все это такие способы сношения, которые ломают границы национальных культур, которые приближают культуру одной народности к культуре другой народности.

Международный обмен вызвал потребность в сношениях более близких, и вот все эти способы сношений, которые с каждым годом становятся все более совершенными, которые преодолевают пространства, ломают все границы, указывают на то, что, конечно, мы идем по пути к интернациональной культуре.

В настоящее время национальная культура уже не является чем-то замкнутым, каковой являлась в начале развития капиталистического строя. Культура различных национальностей сближается друг с другом. Но было бы чрезвычайно наивно думать, что можно искусственно построить какую-то интернациональную культуру. Как мировое плановое хозяйство может вырасти только на базе развитого, объединенного в рамках отдельных государств хозяйства, точно так же ясно, что интернациональная культура может вырасти только на определенной базе развития национальных культур, а искусственно ее построить нельзя. Всякое искусственное построение какой-то интернациональной культуры будет весьма убого. Попытки создать искусственный интернациональный язык вроде эсперанто или интернациональное искусство путем сборника интернациональных песен (о чем мы читаем в книге Ваганяна) крайне наивны, обнаруживают крайне поверхностное понимание того, что такое культура.

Интернациональная культура может явиться только известным синтезом национальных культур. Если перефразировать пушкинское сравнение и сравнить интернациональную культуру с морем, то надо сказать, что это море может получиться лишь из слияния ручьев национальных культур.

Переходя к этому вопросу, вот на какой стороне дела необходимо остановиться. Конечно, вся линия партии резко отличается от старого отношения к национальностям, которое господствовало в царские времена. При царизме последовательно проводилось угнетение, подавление нерусских национальностей, проводилось в дикой, грубой форме.

Я помню, Владимир Ильич рассказывал о своих симбирских впечатлениях. Он рассказывал, как симбирская «интеллигенция», когда заходил разговор о какой-нибудь национальности, кроме русской,— о татарах, поляках, евреях и т. д.,— всегда говорила о них свысока, с презрением. Великорусский шовинизм сквозил в каждом отзыве этой «интеллигенции». Тогда еще, юношей, научился Владимир Ильич ненавидеть этот великорусский шовинизм.

В партийной программе особенно подчеркивается вопрос о необходимости внимательного отношения к тем национальностям, которые при царском правительстве были угнетены.

Но, подходя к этому вопросу, нельзя ставить вопрос так, что вся культура в целом, как она есть, подлежит дальнейшему развитию. Надо внимательно вглядываться в каждую из культур и смотреть, из каких частей она состоит, анализировать ее. Когда мы будем говорить о национальной культуре, то мы под этим подразумеваем культуру народа, живущего на определенной территории, говорящего на определенном языке, имеющего определенное историческое прошлое и под влиянием всего этого сложившийся национальный характер, национальный быт. Надо подойти и внимательно рассмотреть элементы каждой такой культуры.

Если мы всмотримся в те национальные культуры, которые имеются у нас в РСФСР, то мы увидим, что это чрезвычайно различные по своему характеру культуры. Мы увидим, что когда речь идет о таких национальностях, как поляки, латыши и т. д., то тут мы встречаем довольно высокий тип культуры, культуры буржуазной, буржуазность которой надо преодолеть, чтобы преобразовать в новую культуру.

Что касается национальностей, которые стоят на более низком экономическом уровне, то тут приходится говорить о совершенно других типах культур. И, конечно, и тут не все приемлемо для нас в национальных культурах. Например, если мы будем говорить о положении женщины, то, конечно, было бы странно, если бы мы говорили, что мы не будем бороться с такими национальными особенностями, как угнетение женщины, которое часто встречается у народов Востока, или если бы мы го-

ворили, что мы отказываемся от борьбы с религиозными представлениями, которые есть в отдельных национальных культурах.

Конечно, есть такие вещи у существующих в СССР национальных культур, с которыми приходится бороться, с которыми необходимо бороться, и было бы совершенно неправильно говорить, что так как это культуры тех национальностей, которые при царском правительстве угнетались, то мы берем их целиком так, как они есть, не рассматривая в отдельности, из каких элементов они состоят, отказываясь от борьбы с тем, с чем необходимо бороться.

И вот, мне кажется, в этом и заключаются трудности. Когда читаешь книгу Ваганяна, то видишь, что он представляет себе путь к интернациональной культуре через изживание национальных культур. Это, конечно, неверно. Важно изживание отрицательных сторон национальных культур, но в то же время имеет громадное значение развитие положительных сторон национальных культур. Например, если мы возьмем историческое прошлое, то угнетение, которое приходилось испытывать этим национальностям при царском правительстве, воспитывало такую ненависть ко всякому гнету, дало такую закалку, такую ненависть к любой форме гнета, что это, конечно, является ценнейшей частью культуры; эту национальную черту надо всячески поддерживать. Угнетение воспитывало часто настойчивость в достижении цели, выдержку, закалку, которые так важны в строительстве новой жизни.

У каждой национальности свое лицо, свой тип, и важно найти пути к тому, как эти положительные стороны каждой национальности наиболее рационально поддерживать. Я возьму вопрос строительства новой школы. Заслушивая доклады инспекторов, приходится часто знакомиться с тем, как этот вопрос преломляется через бытовые особенности разных национальностей. Мне припоминается доклад одного из инспекторов, который рассказывал о школе II ступени в Ингушетии. Он указал на то, что там ребята сидят по родам, один род не желает якшаться с другим родом, и ребята сидят на разных скамейках. Еще силен родовой быт, еще в школах проявляется родовая месть. Когда мы видим все

это, мы спрашиваем себя: как подойти к этому вопросу? Можем ли мы здесь видеть только одно отрицательное? Вглядываясь в то, как ребята живут, нужно отметить, что наряду с родовой обособленностью у каждого ребенка есть определенная внутренняя дисциплина, которая воспитывается именно этим родовым бытом. Важно изжить родовую обособленность, дать ребятам как можно больше общих ярких переживаний, чтобы возможно больше сгладилось отчуждение, родовая ненависть. Нужно на общей работе, на общих занятиях найти элементы, которые бы сближали ребят, и в то же время нужно использовать привычку к той внутренней дисциплине, которая воспитывается родовым бытом, для того чтобы поставить перед ней совершенно другую цель, создать новый тип детского самоуправления. Таким путем, может быть, удастся воспитать людей с очень большой внутренней дисциплиной, которая является зародышем дисциплины будущего.

Возьму другой пример. Мне приходилось наблюдать как-то в 1919 г. при поездке по Каме отношение татар к ребятам. Пришлось обратить внимание на то, что когда происходит собрание русских рабочих на заводе, то ребят нет, а когда происходят татарские собрания, то они берут ребят с собой. На собрания работницы-татарки всегда приходят с детьми; мне приходилось наблюдать, что татары особенно мягко относятся к детям. Это явно национальная особенность, и эту национальную особенность можно использовать для того, чтобы ту задачу, которую мы поставили перед собой, но которую нам не удалось еще разрешить, а именно — тесную увязку школ с населением, попробовать разрешить в условиях татарского быта. Нужно использовать то, что татары так внимательно относятся к детям, заинтересовать их вопросами школы, вовлечь их в активную работу самой школы. Таким образом национальные особенности можно использовать для того, чтобы создать более высокие формы в области народного просвещения.

Возьмем еще такое явление, как страстный интерес многих национальностей к искусству. Опять-таки, когда мне пришлось быть в Казани, там мне рассказывали, что когда идет какой-нибудь спектакль, то все религиозные препятствия забываются: идет татарин и его жена,

несмотря на то, что коран запрещает посещение театра, забываются всякие религиозные запреты, до такой степени захватывает их зрелище. Это стремление к искусству надо уметь использовать. Мне как-то пришлось читать письмо старой крестьянки коми,— оно так ярко написано, так поэтически написано, что видно, что эта нация особенно способна к художественно-литературному творчеству. Надо особенно внимательно всматриваться в национальные черты и уметь их всячески поддерживать и развивать. Только внимательное отношение к работе и быту национальных меньшинств позволит пойти по правильному пути.

Надо сказать, что старые пережитки еще остались, и закрывать глаза на это не следует. На одном совещании инспекторов мне подали записку, правда анонимную, которая гласила следующее: «Зачем поднимать всю эту возню, не лучше ли всех обучать русскому языку и всех русифицировать?» Правда, автор этой записки не имел мужества ее подписать, так как он понимал, что с точки зрения Советской власти подобные взгляды недопустимы. Но пережитки все же остались, и надо постараться их изжить.

Например, мы еще очень плохо умеем учиться у нацменьшинств, у других национальностей, мы еще слишком суммарно подходим к той или другой национальности. У нас в Москве бывают часто всякого рода конференции и экскурсии, и когда приходится присутствовать на экскурсиях нацменьшинств, то обыкновенно всегда учишься довольно многому. Мне особенно запомнилась одна из конференций: это была конференция западных национальностей. Они рассказывали очень много о формах религиозной борьбы среди польского населения, о формах борьбы, которые нам надо широко применять и у себя. Один из экскурсантов рассказывал, как в одной польской местности, где очень сильно влияние католицизма, где ксендзы играют очень большую роль, велась борьба с влиянием этих ксендзов. Ксендз оказался довольно умным и для того, чтобы приспособиться к местному населению, устроил кружок по сельскому хозяйству и во главе этого кружка поставил беднячку. Наши выбрали беднячку в сельсовет и назначили заседание сельсовета в воскресенье, как раз во время церковной

службы в костеле, и так как беднячке было важнее всего знать все необходимое насчет налога и т. д., то она ходила в сельсовет, а не в костел, и окончилось все дело тем, что ксендз исключил ее из кружка. Она стала посещать избу-читальню. С ней ушли еще шесть крестьянок; изба-читальня пригласила агронома, и постепенно большинство из кружка ксендза ушло и стало посещать избу-читальню.

Это такой прием борьбы, который нам нужно вносить во всю нашу работу, потому что только запрещением и непусканием, конечно, не переубедишь население и не переборешь того влияния, которое складывалось веками.

Надо отметить, что сейчас не только ксендзы идут подобными путями. Из Нижегородской губернии, Сергачевского уезда, сообщают, что там мулла заявил, что так как Советская власть провозгласила равноправие между мужчинами и женщинами, то надо внести также некоторые поправки в коран и открыть мечети для мусульманок, для татарок. Это, конечно, тоже очень своеобразная форма борьбы с женотделом. Тут идет борьба двух культур — культуры буржуазной и культуры пролетарской, и, конечно, надо быть во всей этой борьбе очень хорошо подкованными.

Конечно, десятилетиями, веками складывались определенные влияния, например религиозное влияние, и тут имеет громадное значение найти правильный способ борьбы с ними. У очень многих национальностей в их национальной культуре имеются определенные религиозные мировоззрения. Сегодня мне пришлось . перелистывать книгу, в которой мимоходом описывается культура нагорных карабахов, рассказывается, какие там красивые монастыри по берегам реки и как все это уютно и поэтично. Все это описывается так, точно так и быть все должно, точно и изживать этого не надо. Изжить надо, но надо приступать к делу обдуманно. Тут речь идет о перестройке самых основ мировоззрения, и это, конечно, не может быть сделано чрезвычайно быстро. Тут надо очень глубоко захватывать.

Как-то мне пришлось жить в галицийской деревушке, где чрезвычайно сильно развита католическая религия. Одна крестьянка так объясняла свою тягу к церкви: «Да как же,— говорила она,— живешь в горах, одна-

одинешенька круглую неделю, а в воскресенье в костеле людей увидишь». Оказывается, церковь выполняет роль клуба, в церковь ходят не затем, что господь бог понадобился, а чтобы людей повидать. В таких случаях нужно бороться такими способами, чтобы дать возможность собираться в других местах; католическая церковь дает ряд зрелищ — надо также дать ряд ярких зрелищ, но без господа бога.

Итак, подходя к вопросу о национальных культурах, мы должны расчленить то, что надо в них изжить, и то, что надо всячески поддерживать, или, как теперешние педагоги говорят, «сублимировать», т. е. переводить с низшей ступени на высшую. Теперь это словечко модное. Но дело тут не в словах, а дело в сущности; важно использовать все национальные особенности, чтобы широко развернуть положительные стороны различных национальных культур. Эта работа находится еще в самом начале.

Теперь я остановлюсь еще на нескольких вопросах, связанных с вопросом национальной культуры. Прежде всего остановлюсь на вопросе о родном и русском языке.

Даже странно немного, что этот вопрос поднимается, потому что очень много на эту тему говорилось и писалось. Подходя с точки зрения современной педагогики, когда мы смотрим на школу не только как на школьную учебу, которая дает известную схему механических знаний, а когда мы смотрим на школу как на организацию, которая дает детям и развитие и сознательное отношение к окружающему, мы должны сказать, что в вопросе о языке на фоне такого подхода к школе вопрос о преподавании на родном языке имеет колоссальнейшее значение.

Ведь в самый первый период жизни ребенок должен учиться выражать свои переживания, свои чувства при помощи того языка, который он слышит от матери в семье. И материнский язык служит ему орудием выражения себя, своих мыслей, своих настроений. И вот представьте себе: шесть лет выражал себя ребенок на материнском языке, а затем приходит в школу — и там совсем непонятный, чужой язык. Ясное дело, что мы ребенка подвергаем невероятной пытке. Его стремление выразить себя — а это стремление у ребят чрезвычайно

сильно — останавливается, он только дома может выражать свои мысли на родном языке, а тут он должен выражать их на чужом языке, чужими словами. Вопрос о необходимости первоначального образования на родном языке ясен. Но у нас наблюдаются иногда пережитки шовинизма. Один инспектор, делая доклад, указал на такую сторону дела (кажется, это касалось мордвинов): ему говорили, что мордвины не желают учиться на материнском языке, не желают терять времени, а сразу хотят учиться на русском языке, хотя дети русского языка не знают. И вот инспектор рассказывал, что, когда он разговорился с крестьянами, выяснилась такая история, что им предлагали *или* материнский язык, *или* русский. Если выберут материнский, то школа будет на родном языке, а к русскому доступа не будет, но если выберут русский, то доступа не будет к родному языку. Это шовинистическая постановка вопроса, инспектор сумел ее усмотреть. Конечно, для развития ребенка необходимо начинать обучение на родном языке.

Если дело касается народностей, исторические судьбы которых так сложились, что народности эти были угнетены, замкнуты, городской жизни не было, то очень часто случается так, что язык этой народности недостаточно развит и дети в третьей группе (я забыла, какая это была национальность) не находят на своем языке слов для выражения некоторых понятий. И вот учитель описывает, как он вместе с учениками придумывал новые слова на родном языке для выражения тех или иных понятий.

Конечно, если имеются такие моменты, когда на родном языке нельзя выразить определенных понятий, это указывает, что уже своевременно начать изучение того языка, на котором эти понятия существуют, который более развит. Это не значит, что надо оставить работу на родном языке, но значит, что одновременно с ним надо изучать более развитой язык, который более ясно может выразить определенное понятие. Поэтому запрещать изучение русского, украинского или другого более развитого языка было бы нецелесообразно, потому что это значило бы загонять детей в определенный тупик.

Скажем, в селе говорят на мордовском языке, и если ребенок обучается на родном языке, то ему закрыт до-

ступ к гораздо более сложным понятиям, которые создает современная жизнь; и тут обучение русскому, украинскому или другому языку является иной необходимостью, ибо иначе ребенок дальше не может развиваться.

Так что обыкновенно для нацменьшинств путь такой: начинать с родного, материнского языка и на известной стадии — трудно определить, будет ли это на второй или на третий год обучения — начать обучаться языку более развитому — русскому или другому, большей частью великорусскому языку, если говорить о РСФСР.

Вот так, мне кажется, надо подходить к этому вопросу о родном и русском языке, но я бы хотела сделать одно маленькое методическое замечание. Мне кажется, что техника преподавания русского языка *как иностранного* довольно слабо развита. Обыкновенно обращается внимание лишь на расстановку ударений, и преподают так, как если бы этому языку обучался русский ребенок, тогда как чрезвычайно важно дать целый ряд таких упражнений, которые бы специально ориентировались на данный язык. Например, если обучают французскому языку баварца, который путает «б» и «п», то ему дают целый ряд слов, на которых нужно учиться выговаривать эти буквы. Или, например, если в языке нет буквы «р», чрезвычайно важно дать ребенку ряд упражнений, который бы выявлял этот звук; и в отношении русского языка, когда он изучается как иностранный, важно дать ряд упражнений, которые бы позволили овладеть надлежащими звуками.

Теперь еще один вопрос — вопрос о пятилетке. Конечно, если в школах имеется два языка—и родной язык, и русский язык, то четырех лет обучения слишком мало. Но надо сказать, что увеличение придется произвести, по всей вероятности, не путем создания пятой группы, а путем создания нулевой группы для более раннего возраста, и здесь вопрос встанет, вероятно, о перегруппировке программы.

Здесь т. Мансуров отметил еще один вопрос, на который я должна ответить: это вопрос о программах. Я неясно себе представляю, как эти программы будут проводиться, например, в Ингушетии, где дети сидят по родам, где, как рассказывал инспектор, принимают ребят

в школу таким образом: родители верхом на конях привезят детей в школу и т. д. У них совсем другая система хозяйства, а мы хотим учить их по нашим программам. Я думаю, что как бы ни был талантлив учитель, вряд ли он сможет учить в Ингушетии по общим программам. Конечно, здесь прежде всего нужен краеведческий подход, надо учитывать местное хозяйство, быт народности и пр. Здесь важны те основы, которые у нас есть в программах. Я думаю, что нам надо поподробнее разработать вопрос о том, чем наша школа отличается от школы старого времени. Возьмем вопрос о комплексе. Из комплекса нужно брать основную установку. Не только сейчас у нас комплексы, и в старину был комплекс, но он был не такой, как теперь. Когда, например, учили стихотворение Кольцова «Урожай», которое заканчивалось словами: «С тихою молитвою я вспашу, посею, уроди мне, боже, хлеб, мое богатство», то здесь был один комплекс: урожай — волею божьей, захотел бог — дал урожай, не захотел — не дал. Здесь тоже определенная связь — увязка урожая с волею божьей, а сейчас мы даем другой комплекс: ставим урожай в зависимость от обработки земли, от удобрения и т. д. Здесь два совершенно разных комплекса. Можно говорить не об урожае ржи, а о виноградарстве, но суть комплекса должна остаться.

Затем, если взять, например, Ушинского «Детский мир», то там в рассказе «Чудный домик» давалось описание жизни человеческого тела: существует «чудный домик, в нем живет хозяйка — душа, она всем управляет, все приводит в движение, а улетает из тела душа — уходит хозяйка, жизнь останавливается в домике, человек умирает». Это тоже определенный комплекс, а у нас другой комплекс. Мы описываем функции головного и спинного мозга, нервной системы, объясняем, как и почему двигаются разные органы человеческого тела. Старый комплекс — комплекс религиозный, наш комплекс — комплекс материалистический.

Затем возьмем, например, рассказы Мамина-Сибиряка, которые раньше читались ребятами; какие там преподносились рассуждения: те, у кого не хватает ума устраиваться хорошо в жизни, те завидуют другим; каждый за себя, у каждого ум должен идти на то, чтобы как можно лучше устроиться. В старое

время преподносились такие рассуждения, как у Мамина-Сибиряка. Мы же будем говорить о том, как общими усилиями, при помощи кооперации или другими путями добиваться тех же результатов. Так что раньше говорили: «Каждый за себя, а бог за всех»,— а теперь мы говорим: «Все за одного, а без бога мы обойдемся». Тут две совершенно разные морали, разные комплексы.

Поэтому, когда мы говорим о программах ГУСа и их применении в условиях нацменьшинств, то ясно, что важно не точное соблюдение формы (ее можно использовать в одном случае в большей мере, в другом — в меньшей мере),— важно сохранение духа программы, важно, чтобы были соблюдены основные подходы, которые дали бы возможность ребенку сознательно относиться к окружающему. Этот подход — сознательное отношение к окружающему — нужно дать всюду. Здесь вопрос идет не о соблюдении каждой буквы программы, а о необходимости взять из этих программ основное, а сейчас, по правде сказать, когда, например, из Якутии ребятишки пишут о том, что они занимаются по программам ГУСа, то становится жутко...

В заключение я хочу сказать, что, конечно, мы боремся и стараемся всячески помочь отдельным национальностям в широком распространении грамотности и т. д. Но надо сказать, что сейчас культуру можно распространить не только путем печати. Сейчас техника дала нам возможность при помощи радио сноситься даже с людьми неграмотными. Мы знаем по нашей деревне, как часто ходят слушать какую-нибудь «Крестьянскую газету» или доклады по сельскому хозяйству безграмотные крестьяне и крестьянки, и слушают не только о сельском хозяйстве, но и о Китае и пр. Сейчас радио является громаднейшим распространителем культуры и чрезвычайно важно, чтобы наши местные радио ставили работу также и на национальных языках.

Например, около Астрахани много нацменов, а Астрахань в своем радио при выборе материала делает ставку исключительно на город, несмотря на то, что есть возможность широко обслужить нацменовское население. На киргизов, которые близко живут, которые могли бы воспользоваться этим, они внимания не обращают, а обращают внимание только на русское население. Мне ка-

жется, что там, где есть местные станции и где существуют нацмены,— в тех местах чрезвычайно большое значение имеет постановка не только музыкальных номеров, но целого ряда бесед на соответствующих национальных языках. Тут использовать радио надо полностью, в гораздо большей мере, чем оно используется сейчас.

Точно так же и кино. Кино — громадное средство распространения знаний, распространения культуры, а мы еще им плохо пользуемся. Наряду с нашим советским кино, мы даем такую буржуазную халтуру, что вместо своей культуры мы насаждаем самую махровую буржуазную культуру, которую нести нацменам не для чего. Но целый ряд советских кино с научными постановками имеет колоссальнейшее значение, и здесь гораздо лучше, чем в какой-нибудь отвлеченной лекции, можно показать целый ряд вещей, например деятельность различных органов человеческого тела, затем при помощи кино можно показать наглядным образом целый ряд производств, революционную борьбу и т. д. Так что сейчас мы живем в момент, когда есть возможность не только при помощи печати, но и при помощи радио и кино изживать отсталость, оторванность, замкнутость. Тут важно не спокойно проходить мимо этого, а важно интенсивно работать в этом направлении, и только тогда, когда мы поможем изжить все отрицательные стороны национальных культур и поможем развитию положительных сторон этих культур, мы сделаем крупный шаг по направлению к интернациональной культуре.

1927 г.

КАК РАБОТАТЬ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

(РЕЧЬ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ РАБОТНИЦ И КРЕСТЬЯНОК — ЧЛЕНОВ СОВЕТОВ)

Я еще не имела случая приветствовать вас. *Позвольте приветствовать в вашем лице работниц и крестьянок — общественниц, которые на первый план выдвигают работу на общую пользу, часто в ущерб своим личным интересам, всегда имеют в виду общие интересы, общее дело.*

Позвольте, товарищи, вас приветствовать и просить передать мой горячий привет другим работницам и крестьянкам-общественницам, которые в Советах еще, может быть, не работают, но которые уже помогают Советам в их работе.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ

Работницы и крестьянки особенно заинтересованы в деле народного образования. Они невольно ближе подходят к этому через своих ребят. Когда Наркомпрос старается на сессиях ЦИКа отвоевать побольше денег на школы, на детские учреждения, на политпросветительные учреждения, мы всегда находим самую горячую поддержку со стороны работниц и крестьянок и со стороны нацменьшинств. Это — наши союзники; они всегда поддерживают нас, когда дело идет о народном образовании.

Я хочу остановиться на вопросе о том, что может сделать работница и крестьянка, работая в сель-, в горсовете, для дела народного образования?

Владимир Ильич как-то сказал: «Мы много хороших декретов написали, но декреты наши в воздухе остаются, так как часто нет поддержки со стороны масс». Вот через Советы, через сельсоветы, через горсоветы, как раз и можно получить поддержку всем мероприятиям центрального правительства. С другой стороны, через сельсоветы, через горсоветы можно установить, как лучше и более практично подходить к тем или другим вопросам.

В лице Советской власти мы имеем такой могучий аппарат, который связывает центральную власть с широкими массами так, как ни в одной стране. Тов. Ленин, когда выдвинул мысль о Советской власти, указывал на то, что ни в одной стране еще нет Советской власти, что Советская власть — новая форма власти, которая привлекает к работе по управлению государством, к работе по организации и строительству всех сторон жизни самые широкие массы. Это — не парламент, это особого рода организация, которая теснейшим образом связывает центр с многомиллионными массами. Тов. Енукидзе в своем докладе указывал на то, что у нас в Советах работает громадное число товарищей — около полутора миллионов. Сельсоветы, волостные исполкомы и т. д. вплоть до ЦИКа — все вместе представляют собой громаднейшую могучую организацию.

Тов. Ленин много раз говорил, что гвоздь строительства социализма в организации. Он говорил, что нужно, чтобы все, что проснулось в народе и способно к творчеству, вливалось в организации, которые имеются и будут строиться в дальнейшем трудящимися массами. Так говорил Ленин. В Советах он видел организаторский центр. Надо и дело народного образования увязать с Советами; через сельсоветы и горсоветы для дела народного образования можно сделать чрезвычайно много. Часто сельсоветы занимаются лишь одним каким-нибудь вопросом. Один сельсовет все внимание обращает на то, чтобы организовать красный уголок. Другой сельсовет занимается только постройкой школы.

И выходит так, что сельсоветы и волисполкомы занимаются не всем делом народного образования в целом, что у них перед глазами стоит не все, что надо делать в данном селе, в данном районе или в данном городе, а

какой-нибудь один частный вопрос: постройка школы, устройство детской площадки и т. д. Я внимательно прислушивалась к выступлениям делегаток. Они говорили о том, с каким трудом они пробивали себе дорогу в сельсоветы, какую борьбу им пришлось вынести! Но делегатки говорили не только об этом. Очень многие из них говорили и о том, как надо организовать работу Советов, чтобы эта работа давала как можно больше результатов. С этой точки зрения надо подойти также и к вопросам народного образования.

Первоначально Советы были созданы в очень несовершенной форме. Но постепенно Советская власть крепла, росла и выливалась в определенную форму. Если мы сравним, как были организованы Советы в первые дни и месяцы после Октябрьской революции, с тем, как они организованы сейчас, то увидим, что сейчас организация Советов гораздо более продумана и Советы организованы гораздо лучше, чем это было вначале. Секций в Советах сначала совсем не было, да и в настоящее время, как правильно указали многие из выступавших здесь товарищей, наши секции спят и работают слабо. А между тем вопрос о работе секций — один из важнейших, один из самых нужнейших вопросов. Возьмем секцию народного образования. Эта секция должна иметь перед глазами все народное образование в своей местности — и дошкольную работу, и школьную — и I и II ступень,— и политпросветительную работу. Секция народного образования должна иметь на учете все население от трехлетнего возраста и смотреть, что можно сделать в данном районе для просвещения масс.

ДОШКОЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ

Возьмем дошкольное образование. Анатолий Васильевич (Луначарский.— *Ред.)* много говорил тут о значении дошкольного образования. Но я должна сказать, что когда бываешь на фабриках в провинции, то постоянно щемит сердце из-за того, что у нас очень мало детских учреждений. Есть какой-нибудь отдельный детский сад, отдельный очаг, а вся масса ребят остается необслуженной. Нужно, чтобы в каждом городе, в каждом районе, в каждом селе смотрели, что́ можно сделать для

дела дошкольного образования. Совет не может проходить мимо этого вопроса, он не может заняться только школьным делом. Положим, местное население еще не знает о том, что такое дошкольное образование. Что надо делать? Надо позаботиться о том, чтобы крестьянка на селе узнала, что такое детский сад, что такое детская площадка. Об этом она может узнать из книжки. Важно, чтобы во всех избах-читальнях в определенный день производилась читка статей из «Крестьянки» и из других журналов и газет, читка книжек о дошкольном образовании, была бы беседа о том, что такое дошкольное образование. Ведь в глухих уголках об этом до сих пор понятия не имеют. Правда, если сравнить то, что есть сейчас, с тем, что было, например, в 1919 г., то, конечно, достижения огромные. В 1919 г. крестьянки писали слезные прошения правительству о том, чтобы у них не устраивали детских садов, откуда — они думали — ребят увезут в Красную Армию и т. д. Только руками приходилось разводить, когда приходили такие заявления.

Эти заявления показывают, как была заброшена деревня, показывают, что крестьянки не знали, что такое детские сады и детские площадки. Теперь они могут знать об этом не только из книжек, но могут узнать и в соседнем селе, где есть детская площадка или детский сад. Если в данной деревне ничего нет, а в соседнем селе или в ближайшем городе есть детское учреждение, так надо, конечно, постараться сделать так, чтобы крестьянки могли прийти туда и посмотреть, что там делается. Тогда крестьянке ясно будет, какую большую помощь оказывают деревне детские учреждения, особенно в страдное время. Тогда крестьянка сама, вместе с сельсоветом, подумает, что можно было бы сделать и в своем селе.

Товарищи из Вятской губернии рассказывали, что там взяли дома у духовенства, но ничего в них не сделали: дома стоят забитыми. Сельсовет, конечно, должен позаботиться о том, чтобы эти дома не стояли забитыми и не разрушались. Нужно подумать, как бы эти помещения приспособить для детского сада. Но даже если и нет помещения, надо подумать о том, чтобы хоть в праздник собрать детей в школе или в другом месте. Тут товарищи рассказывали, как ребята I ступени

устраивают праздники для детишек дошкольного возраста, собирают их в школе, поют песни, играют с ними. Малыши начинают после этого совсем иначе смотреть на своих старших братишек и сестер. Такой подход является желательным. Нужно хоть раз в неделю собирать ребят-дошкольников. Это сделает их немножко организованнее. Надо научить матерей, как к этому делу подходить.

В этом отношении для дошкольников очень многое можно сделать в городах. Но и здесь не все делается, что надо. В Москве работницы часто рассуждают так: зачем я буду посылать ребят в детский сад; я лучше возьму из деревни няньку лет 9—10, и пускай она нянчит ребенка. Это неправильный подход. Девочке 9—10 лет надо учиться. Хотя ее и из деревни привезли, но она все равно за ребенком не углядит. Важно, чтобы с первых шагов ребята приучались дружно жить, дружно играть, помогать во всем друг другу. Сейчас в деле устройства дошкольных учреждений помогают жилтоварищества и кооперация.

Конечно, наперед для каждой местности нельзя сказать, что нужно делать, но дело сельсовета и заключается в том, чтобы выдвинуть вопрос, что́ в данной местности можно сделать для дошкольного образования.

Надо рассказать матери, как воспитывать детей, надо рассказать молодежи, как воспитывать ребят и какие учреждения можно создать. Только тогда, когда мы будем иметь в виду всех ребят дошкольного возраста, мы поймем, какая большая работа тут должна быть сделана.

НУЖНО ВСЕОБЩЕЕ ОБУЧЕНИЕ

Возьмем теперь школы I ступени. По школе I ступени открывается громадная работа и для сельсовета и для горсовета. Много ребятишек не проходит даже школы I ступени. В Москве, на одной из больших фабрик, мне пришлось разговаривать с работницами. Работницы жалуются, что их ребята не могут поступить в фабзавучи, потому что они прошли только два года учебы, а в фабзавучах требуется четыре года. Оказывается, даже в центре, в Москве, работницы четыре года не обучают

своих ребят — говорить о деревне уже не приходится. Совершенно очевидно, что сельсовет должен позаботиться о постройке школ и должен раскачивать всех граждан, чтобы и они за это дело взялись. Часто, однако, приезжают из деревни и рассказывают, что начали такую-то и такую-то стройку. Спрашиваешь: вы с кем-нибудь согласовали этот вопрос? Оказывается, что нет. Оказывается, что размахнулись больше, чем надо: стали строить школу-клуб, нужно на это 50 тыс., а сколько тысяч можно достать — не рассчитали.

Приезжают в центр и говорят: «Мы пять тысяч вложили, дайте еще 45». А дать их неоткуда. Смотришь, пропадают и пять тысяч рублей, уже вложенных. Надо поэтому, прежде чем начинать стройку, согласовать план стройки с уездным отделом народного образования. Но, с другой стороны, чрезвычайно важно, чтобы всякая такая инициатива встречала поддержку. Небольшие суммы для того, чтобы такую инициативу населения поддержать, можно изыскать. Это имеет большое значение.

Несколько слов о ремонте. Приезжаешь иногда в деревню: осень, пора заниматься, в других школах ребята уже занимаются, а тут ремонт еще и не начинался. Важно, чтобы сельсовет посмотрел, нужно, чтобы ремонт начинался вовремя. Есть целый ряд таких вопросов, которые ни центр, ни губернский отдел народного образования не могут разрешить, которые видны только на месте и которые могут быть разрешены только силами сельсовета. Это всегда нужно иметь в виду.

Еще один вопрос, который стоит и в городе, и в деревне. Не все ребята ходят в школу, даже когда школа есть. Я вот спрашивала заведующего губернским отделом народного образования Москвы т. Алексеева, все ли ребята в Москве посещают школу. Он говорит: «У нас нет случаев отказа». Я говорю: «Случаев отказа — да, а сколько ребят не подавало заявлений в школу, не знает ли он, сколько ребят не учится вообще?» Оказывается, он этого не знает. Но несомненно, что часто заявлений о приеме в школы родители не подают, и ребята растут неученые. Почему? Потому что часто нет возможности посылать в школу. И тут сельсовет должен всячески помогать и следить за тем, чтобы все ребята посещали школу. Обыкновенно не посещают школу дети

бедноты, батраков, сироты, полусироты и приемыши. Некоторые, например, берут на воспитание ребят, а в школу не посылают, загружают их домашней работой. Сельсовету нужно иметь на учете этих ребят, добиваться, чтобы их посылали в школу. В первую очередь надо иметь перед глазами ребят бедноты, ребят сирот, полусирот, им надо помочь ходить в школу. Это, конечно, не значит, что сельсовет должен сам выдать и одежду и обувь ребятам, но сельсовет должен тесно связаться с комитетом крестьянской взаимопомощи и от него добиться поддержки. Мы знаем, что в целом ряде мест комитеты крестьянской взаимопомощи как раз оказывают помощь ребятам-сиротам, полусиротам, ребятам бедняков и батраков. То, что можно сделать в одном месте, очевидно, можно сделать и в другом месте. То же самое можно сказать и относительно учебников.

ПРИБЛИЗИТЬ ШКОЛУ К ДЕТЯМ

Бывают и такие случаи. Школа далеко, ребят надо подвозить в школу. Получается так, что у кого лошадь есть, тот своих детей подвозит, а другие ребята в школу не попадают. Тут важно через сельсовет наладить общественный подвоз везде, где это нужно и возможно. А иногда бывает так, что школа отстоит от деревни так далеко, что и подвозить-то нельзя, тогда ребята постарше просто живут в том селе, где находится школа. Сельсоветы и волостные исполкомы не очень обращают внимание на то, чтобы устроить общежитие. Вот про ту же Вятскую губернию рассказывали, что там попов выселили из старых помещений, а им верующие отстроили новые, более обширные дома, и попы берут на харчи к себе ребят. Получается противоречие: в школах у нас закону божьему и молиться не учат, а ребята живут у попа, там молятся перед хлебом-солью и на ночь, слушают про Илью-пророка, богородицу и т. д. Чтобы избежать этого, надо для школьников организовать общежития. Тогда легче, в складчину, можно будет кормиться, можно будет иметь общую кухарку, и ребята будут жить там, где есть школа. Особенно это имеет значение при школах II ступени.

Надо помнить также, что забота о сиротах и ребятах бедноты подрезывает корни беспризорности. Ребята-си-

роты бегают в деревне без всякого пригляда. Им некуда деться, ну и едут они в большие города, где путаются по улицам, не зная, куда приткнуться, и т. д. Отсюда ясно, как важно на месте организовать помощь бедноте, помощь сиротам. На месте это можно сделать гораздо легче и с меньшими затратами. На месте видно, кому действительно надо помогать. В этом отношении большую помощь может принести женщина — член сельсовета.

Как строится у нас школа? Школа строится у нас по-новому. Тов. Луначарский подробно говорил о том, какая у нас школа. Наша школа не отрезана от жизни, а тесно с нею связана. Тов. Ленин говорил, что надо, чтобы школа на всех своих ступенях служила делу строительства, чтобы школа помогала, увязывала знание с жизнью. В советской школе не учат всякой дребедени, которой учили раньше и которая никому не нужна, а учат всему тому, что поможет лучше организовать жизнь, сделать ее более справедливой, более светлой, более просвещенной, здоровой, сытой. Ребят учат, как этого добиваться.

НАДО ШКОЛУ СВЯЗАТЬ С ЖИЗНЬЮ

Но для того, чтобы ребята этому могли научиться, надо, чтобы сама школа была тесно связана с жизнью. У нас даже в школе I ступени работа строится так, чтобы ребята вели общественную работу. Тов. Луначарский уже говорил о том, как школа ведет эту общественную работу: не учитель, а вся школа вместе. Чрезвычайно важно эту работу развивать. И ребята, и часто школа делают, однако, так, что не увязывают своей работы с общей работой. Сельсовет должен обратить внимание на эту работу. В тех школах, где сельсовет обращает на школу внимание, где член Совета спрашивает ребят: «Вы в том-то и в том-то можете помочь?» — там дело гораздо лучше налажено, идет гораздо более организованно. Общественной работе школы чрезвычайно важна помощь. Тут женщина — член сельсовета и женщина — член горсовета может помочь чрезвычайно много. Здесь имеет громадное значение то, что школа с малолетства, начиная с 8 лет, приучает ребят вести ту общественную работу, которая так важна. Все вы, члены сельсоветов и горсоветов, ведете общественную работу. Вы зна-

ете, как она помогает вам развиваться и правильно понимать все окружающее. То же самое относится к ребенку. Мы хотим вырастить из ребят ленинцев, вырастить такую молодежь, которая то дело, которое делается нашим поколением, дело рабочего класса, дело трудящихся, довела бы до конца. Поэтому важно, чтобы школа с самых ранних лет приучала ребят смотреть не так, что для себя я сделал, а до остального мне никакого дела нет. Нужно приучить ребят дружно жить, дружно работать, помогать друг другу и школе. Члены сельсоветов могут проделать здесь громадную работу. Мне приходилось заслушивать отчеты по обследованиям членов горсоветов. Вот отчитывается работница, которой обследованы 8 школ; оказывается, что она обратила внимание только на внешнюю сторону. Смотрела, не обтрепаны ли ребята, вовремя ли начались занятия и т. д. Это очень хорошо, но, кроме этого, она должна была посмотреть также и на то, как ребята воспитываются, действительно ли учат их дружной и совместной работе, действительно ли помогают им эту общую совместную работу налаживать, действительно ли ребят воспитывают так, чтобы из них выросли такие люди, которых мы хотели бы видеть. Здесь работница может сделать много. Конечно, придя в школу, она не должна во все вмешиваться. Но она может посмотреть, записать, поделиться впечатлениями в дружеской беседе с учительницей, может все рассказать в горсовете или в сельсовете. Такой подход тем более важен, что часто мы не понимаем ребят, думаем, что они ни о чем серьезно не задумываются. А вот вспомните-ка свое детство, вспомните, когда вам было 9, 10, 11 лет. Как запоминают дети то или другое, те или другие слова отца и матери, и как это потом оставляет след на всю жизнь. Именно поэтому важно, чтобы иногда в школу пришла работница или рабочий и чтобы они рассказали о той борьбе, которую они вели. Узнать о борьбе рабочих и работниц ребенку гораздо лучше с живых слов, чем из книжки. Он и вопрос задать может, и, главное, он видит и чувствует, как велась эта борьба. То, что делалось старшим поколением, должно узнать наше молодое поколение, если мы хотим, чтобы оно наше дело продолжало.

ШКОЛА КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ ДОЛЖНА УЧИТЬ ОБЪЕДИНЕНИЮ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ

Школа I ступени добивается, как я уже говорила, чтобы непременно дети бедняков проходили всю школу. Часто ребята пишут и жалуются. Один мальчонка, например, пишет: «Живешь ты в Москве — горя не знаешь, а у нас в деревне всякая случайность случается. Родители рассуждают так: мы неученые прожили, и ты, бог даст, неученый проживешь». Ребята не согласны больше неучеными жить, а некоторые родители считают, что можно и без ученья обойтись, в особенности девочкам. Само собой разумеется, что члены сельсоветов должны вести среди родителей агитацию за то, чтобы в школу отдавали всех девочек. Беднячка часто не может отпустить девочку, потому что она дома нужна. Тут можно призвать на помощь пионеров. В какой-нибудь праздник пионеры помогут сделать матери ту работу, которую делает девочка.

Теперь относительно II ступени. Мне не стоит повторять того, что говорил о школе крестьянской молодежи т. Луначарский. Я об одном только хотела сказать. Тов. Ленин говорил о деревне, что путь крестьянства к социализму — это путь объединения, путь кооперирования, путь взаимопомощи. Только кооперируя, объединяя все свои хозяйственные усилия, деревня может стать крепкой, сильной, может бороться, может жить совсем другой жизнью. Вопрос кооперации в деревне имеет большое значение. Важна не кооперация в узком смысле — только купить-продать,— а важно объединение (кооперирование) всех крестьянских хозяйств, всей работы. Часто бывает так, что такое объединение не ладится. И хотели бы крестьяне и крестьянки объединиться, да не знают, как это сделать. И в этом отношении правильна установка школы крестьянской молодежи. Школа крестьянской молодежи ставит себе целью воспитать как раз таких крестьян и таких крестьянок, которые умели бы объединяться, умели бы налаживать хозяйство сообща. В этом отношении школа крестьянской молодежи может принести очень большую пользу. На эту сторону нужно обратить особое внимание. И опять-таки, сельсовету и волостному

исполкому не может быть безразлично, правильно ведется работа в школе крестьянской молодежи или неправильно. Нужно и здесь оказать помощь.

О ВУЗАХ

Скажу теперь о вузах. Это — вопрос очень важный. Тов. Луначарский уже осветил, как важно, чтобы в высшие учебные заведения попадала молодежь из крестьянской и рабочей среды. В этом отношении много достигнуто, особенно если посмотреть, что сделано среди национальностей, угнетавшихся раньше царизмом. Мне пришлось разговаривать с товарищем из Марийской области. До Октябрьской революции имелось только два человека по всей Марийской области с высшим образованием, а теперь обучаются 300 человек. Это значительное достижение. Конечно, когда они вернутся в деревню, то они помогут ей встать на правильный путь. Наши высшие учебные заведения другие по составу, чем они были раньше. И, зная хорошо жизнь крестьянина и рабочего, вузовцы могут помочь в очень многом. За последние два года во многих городах, где есть вузы, при них образовались рабочие университеты, куда поступило очень много рабочих и работниц. Конечно, рабочему человеку трудно заниматься первое время в рабочих университетах, но им на помощь приходят студенты вузов. Они сами не сразу подошли к науке, и они знают путь, как рабочему человеку подойти к науке. В настоящее время стали создаваться и крестьянские университеты. Важно, чтобы наша молодежь и сама училась в вузах, и помогала взрослым работницам и крестьянкам, рабочим и крестьянам овладевать знаниями.

О ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ

Остановлюсь еще на вопросе о политпросветительной работе, на вопросе грамотности. Мы рассчитываем, прикидываем, в какое время нам удастся ликвидировать безграмотность, но мы часто упускаем из виду, какое громадное значение имеет грамотность для всего подъема культурной жизни. На последней сессии ЦИКа одна крестьянка рассказывала о том, что на Северном Кавказе

вздумали вдруг собирать подписку, чтобы не устраивали ликвидационных пунктов: нам, мол, нужны не ликпункты, а детские школы. «Но я,— рассказывала крестьянка,— отчитала за это: мы в старую тьму назад не полезем, это никуда не годится». Эта крестьянка учитывала значение школы по ликвидации безграмотности не только с такой точки зрения, что эта школа научит правильно читать и писать, а также с той точки зрения, что эта школа помогает ей разделаться со старым, помогает ей идти вперед. Здесь на съезде одна делегатка говорила, что два-три года тому назад она не могла читать и писать и как ей теперь помогло то, что она стала грамотной. Каждая крестьянка и работница, конечно, понимает, как на каждом шагу нужна грамотность, знание арифметики, уменье рассчитать, прикинуть, вычислить. Поэтому к вопросу о ликвидации неграмотности нужно подходить не с формальной стороны, нужно, чтобы само население помогало учиться неграмотным. В былые времена мне приходилось наблюдать, что если взрослый ученик или ученица живут дома и никто не помогает им, то они с большим трудом выучиваются, а если они живут в артели и товарищи помогают им, то они выучиваются быстро. И тут, конечно, надо, чтобы прикрепленные к сельсоветам смотрели за тем, чтобы каждому учащемуся на ликпункте была оказана соответствующая помощь.

ИЗБЫ-ЧИТАЛЬНИ

Анатолий Васильевич уже говорил об избах-читальнях. Надо прямо сказать, что на привлечение женщин в избы-читальни все еще обращается недостаточное внимание. Недостаточно подбирается и та литература, которая привлекает женщину в избу-читальню. А между тем посещение избы-читальни имеет для женщин громадное значение. Она уже перестает себя чувствовать такой одинокой и оторванной, какой она чувствовала себя раньше. Кроме того, в избе-читальне она приучается читать газету. При избе-читальне есть разные кружки, организуются разные экскурсии и т. д. Крестьянка многое узнаёт, посещая избу-читальню, кругозор ее расширяется.

Я хотела бы остановиться еще на одной стороне дела. За последнее время в некоторых губерниях, например в

Нижегородской губернии, стало сильно расти сектантство. Оно распространяется особенно там, где недостаточно развита политпросветработа, где в нее не вовлекается женщина. Она никуда не ходит, она одинока. Если мы посмотрим на религию и на сектантство, то увидим, что часто женщина идет в церковь или на какое-нибудь сектантское собрание только потому, что она чувствует себя одинокой, потому что очень сера ее жизнь. Для того чтобы этого не было, важно не только объяснять и разъяснять в книжках о вреде религии, а важно также сделать так, чтобы женщина не чувствовала себя одинокой, чтобы у нее была поддержка, чтобы она могла чем-нибудь скрасить свою серую жизнь. Такую жизнь скрашивают кино, спектакли и т. д. Огромное значение должна сыграть здесь и изба-читальня.

Вот целый круг вопросов, которые приходится работнице и крестьянке иметь в виду. Я затронула их только бегло, в общих чертах. Повторяю: надо постоянно упирать не во что-нибудь одно, а иметь перед глазами обслуживание всего населения в целом.

СЕКЦИИ СЕЛЬСОВЕТА

Теперь я хочу остановиться на другом: на вопросе об организации работы. Как лучше организовать эту работу? Конечно, сама работница, сама крестьянка — член Совета не может всего дела сделать только своими руками. Практикуется прикрепление делегаток к секциям. Это правильно; нужно, однако, чтобы к секциям прикреплялись не только делегатки, а и представители других организаций, например комсомола, волостного политпросветкома, профессиональных организаций, комитетов крестьянской взаимопомощи, добровольных обществ: ОДН (общество «Долой неграмотность».— *Ред.*), «Друг детей» и т. д. Надо, чтобы к секциям прикреплялись товарищи от каждой организации, чтобы все организации помогали работе сельсоветов, волостных исполкомов или горсоветов.

Когда организовывались Советы, Владимир Ильич говорил, что задача Советов — поголовно организовать все население. Женщине, которая работает в Совете, надо иметь в виду, что она должна всех тех, кто интере-

суется делом народного образования, как-то сорганизовать. Если мы посмотрим, как сейчас обстоит дело, то увидим, что многие организации делают для дела народного образования довольно много.

Многое по своей линии делает комсомол, многое делают и другие организации. Но вся эта работа между собою не увязана, и бывает так, что, например, союз рабочих землеса свою работу совершенно не увязывает с избой-читальней, работа идет врозь. В городе организации работают еще больше врозь. Важно поэтому, чтобы все организации имели своих представителей, прикрепленных к секции народного образования; чтобы, когда принимается план, все принимали участие в выработке этого плана; чтобы каждый рассказал, что он по своей организации может сделать и какую работу надо провести, чтобы вся эта работа была увязана; чтобы была связь и со школой, и с избой-читальней, с дошкольными учреждениями, со всеми учреждениями, со всеми организациями, чтобы была самая тесная непосредственная связь везде. Только тогда мы сможем широко развернуть работу по народному образованию.

Как я уже подчеркивала, важно выработать план, важно знать, что нужно сделать, какие есть силы, какие есть средства, какие есть возможности. Нужно ясно поставить задачу, точно распределить работу, поставить дело так, чтобы каждый отчитывался в своей работе. Только при правильной организации секций народного образования можно широко развернуть работу. У нас есть, например, волостные политпросветкомы, это организации крепкие, их надо увязать с работой секций народного образования. Надо, чтобы оттуда были прикреплены не один, не два, а, может быть, целый ряд работников, чтобы секции народного образования могли опираться на большой актив, который в свою очередь должен втягивать все новых лиц для работы в области народного образования.

Только таким образом можно наладить широкую работу. У нас работа секций — довольно новая работа. Надо еще много поработать, чтобы правильно наладить их работу. В городах бывает, что в секции записываются несколько сот человек, а работа их не объединена, не организована: ни плана не вырабатывается, ни силы не

распределяются. Такая работа никуда не годится. Нужно, чтобы сообща был выработан план, нужно учесть все возможности, правильно распределить работу и потом отчитаться, кто в данной местности какую работу ведет по отделу народного образования и каких результатов добивается. Тогда ясно будет, в каком месте нужно помочь. Объединенными усилиями можно сделать много. У нас и сил не так уж много, очень немного и средств. Поэтому надо быть возможно экономнее. А бывает так: одна организация получит средства, построит какое-нибудь большое здание, а на дальнейшее средств не хватает. Прекрасное здание для клуба есть, а школы нет. Если бы был план и увязка — этого не было бы. Вот почему нужно, чтобы все организации работали не за себя, а чтобы вся работа увязывалась с работой Совета.

Работа секций — очень большая работа, и ее нужно наладить совместными усилиями. За это дело надо дружно взяться. Тот опыт, который будет достигнут в работе секций, надо выявить и через печать сделать общим достоянием. Сейчас можно добиться многого. Мы видим, какой громадный интерес, какая громадная жажда знаний пробудилась у масс. Чтобы удовлетворить эту жажду знаний, нужно лучше наладить дело. Я надеюсь, что когда мы в следующий раз соберемся здесь, то у вас будет опыт в этой работе и мы сможем поставить эту сторону работы деловым образом.

Вот все, что я хотела вам сказать.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Печать и просвещение

По докладу т. Луначарского поступило свыше 200 записок. Затем высказывавшиеся товарищи задавали очень много разных вопросов. Само собой, в заключительном слове, которое может продолжаться только полчаса, ответить на все эти вопросы, на все записки, разобраться во всех поднятых вопросах невозможно. Но мы думаем, что после съезда нужно будет выпустить несколько брошюрок, которые бы эти очень важные вопросы, которые подняты, подробно разобрали. Вы знаете, что выходит «Библио-

течка работниц и крестьянок», которая выпустила уже 128 книжек — $3^1/_2$ миллиона экземпляров. И эта огромная литература должна быть пополнена еще брошюркой, которая касается вопросов народного образования. На эту библиотеку делегаткам придется обратить особое внимание.

Затем я вот о чем хотела сказать.

Коммунистическая партия указывает даже в своей программе, что необходимо, чтобы трудящиеся, рабочие и крестьяне, работницы и крестьянки, как можно ближе стояли к вопросам народного образования. И вот в последнее время замечается, что на фабриках рабочие и работницы, в селах крестьяне и крестьянки все больше и больше начинают интересоваться вопросом народного образования. Это заставило нас подумать о том, что нужно создать журнал, где бы говорилось о ребятах, о школе, о всех больных вопросах народного образования и где бы принимали участие сами рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки. С января такой журнал будет выходить. Он будет называться: «О наших детях». У нас очень много журналов, которые говорят о школе, но они написаны главным образом для учителей и они носят слишком специальный характер, говорят о вопросах, часто интересных только учителям. А в этом журнальчике «О наших детях» нужно будет обсуждать вопрос так, чтобы это было понятно каждой работнице и каждой крестьянке.

Я обращаюсь к съезду с просьбой принимать участие в этом журнале, писать о больных вопросах, касающихся дела народного образования. В этом журнале можно будет обсудить и часть вопросов, которые указываются в записках.

Мне приходилось присутствовать на съезде работниц и крестьянок в Ленинграде. Я обратила внимание на то, что ленинградские работницы и крестьянки особо выдвинули вопрос о том, что работницы и крестьянки должны знакомиться с делом ближе, должен быть поставлен инструктаж — указания, как нужно работать, потому что, приходя неподготовленной, работница или крестьянка не знает, как взяться за дело. Вопрос этот, конечно, очень важный.

Тут вопрос, во-первых, о литературе для членов сельских и городских советов, о которой должен позаботиться

Наркомпрос, затем вопрос о кружках. Необходимо, чтобы секция по народному образованию собирала своих членов, устраивала кружки, которые бы вместе читали литературу, обсуждали вопросы, помогали друг другу в этой работе. Затем в больших городах, в таких городах, как Москва, для членов горсоветов создаются особые вечерние курсы, где разбираются вопросы, с которыми приходится иметь дело членам секции. Такие курсы, менее длительные, могут быть организованы не только в Москве и Ленинграде, а и в других городах.

ОДН — общество «Долой неграмотность»

Теперь я отвечу на записки и выступления. Вот в записках повторяется много раз вопрос, что такое добровольное общество ОДН. Это — общество «Долой неграмотность». Иногда приходится наблюдать, что в течение трех месяцев на ликпунктах человек научается очень немногому. Но если тот, кто обучается на ликпункте, обратится к грамотному товарищу за помощью, то за три месяца он сможет научиться гораздо большему. Я приведу вам такой пример. Один красный партизан, старик уже, в Кургане, в Сибири, занимался в течение трех месяцев на ликпункте и потом прислал удостоверение об окончании ликпункта и письмо, какое редко напишет даже окончивший семилетку. Партизан добился в деле своего обучения громадных успехов только потому, что он сумел использовать грамотных товарищей, которые помогли ему в учебе. Вот эта учеба, помощь в открытии ликпунктов, помощь всякому делу, делу просвещения, она и заставляет всех, кто понимает, какое зло безграмотность, объединяться в общество «Долой неграмотность». Тов. Ленин говорил, что необходимо, чтобы сами массы, сами трудящиеся взялись за дело своего образования. И вот, следуя этому призыву т. Ленина, и объединяются по целому ряду губерний рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки, все желающие помогать делу просвещения, в обществе «Долой неграмотность».

Из выступлений видно, какое громадное значение все выступающие на этом съезде придают политпросветработе, т. е. всяким вечерним курсам, школам, избам-

читальням и т. д. В одной записке описывается, какое громадное возмущение у всего населения вызвало то, что избу-читальню из одного села хотели перенести в другое, чтобы из этой избы-читальни сделать там школу. Население возмущалось, но председатель волисполкома решил все же, что изба должна быть перенесена потому, что школа-де важнее, чем изба-читальня.

Но население не так рассуждает, а считает, как это видно из выступлений, что и то и другое нужно, что у грамотных родителей не будет безграмотных детей, что работнице и крестьянке для всей ее работы, для строительства социализма знания необходимы.

О самообразовании

Укажу на то, что если нет школ для малограмотных, если нет крестьянских курсов (теперь по деревням начинают открываться одногодичные курсы) и если школы для взрослых устроить трудно, то можно организовать кружки по самообразованию. Это очень важный вопрос. Когда работница или крестьянка умеет читать газету, книжку, может записать свои мысли, она может сама учиться дальше. Если мы возьмем другие страны, то видно, что, например, в Америке самообразование развито чрезвычайно сильно. У нас тоже начинают создаваться курсы заочного обучения, где знающие только читать и писать могут учиться дальше.

Они выполняют определенные уроки, которые указаны им,— посылается каждую неделю урок, они выполняют, посылают в центр, там поправляют эти уроки, пишут на них замечания и возвращают назад. Это дело у нас только-только начинает развиваться, но кружки и заочное обучение могут сильно помочь делу самообразования.

Школа I ступени

Затем я бы хотела остановиться на вопросе о школе I ступени. Тут очень много, в связи со школой I ступени, было поднято вопросов. Я остановлюсь только на некоторых. Ребят, которые не посещали раньше школу и которым теперь уже лет 15—16, в школу не принимают, потому что

по-одному надо обучать восьмилетнего ребенка, по-другому — пятнадцатилетнего. Пятнадцатилетний скорее может обучиться, но ему надо совсем на другом материале обучаться, и там, где в школы — а у нас это было — принимаются одновременно и восьмилетние и пятнадцатилетние, там они друг другу мешают. Поэтому для ребят, которые в свое время в школы не поступили, устраиваются так называемые школы для переростков, одногодичные, а местами и двухгодичные. У нас по РСФСР заботится об устройстве таких школ Главсоцвос. Конечно, нам надо, чтобы не только была четырехлетка, а чтобы были разные подсобные школы, которые помогали бы действительно всем ребятам до 17-летнего возраста получить образование хотя бы в размере школы-четырехлетки.

О помощи бедноте

Относительно помощи бедноте. Само собой, работа комитетов крестьянской взаимопомощи не везде налажена. Иногда приходится наблюдать, как комитеты крестьянской взаимопомощи больше заняты устройством предприятий, а работу непосредственной помощи иногда, в первое время своего существования в особенности, отодвигают на задний план, но ведь активная крестьянка работает также и в комитетах крестьянской взаимопомощи. В комитетах крестьянской взаимопомощи непременно должны быть прикрепленные секциями народного образования. Такое прикрепление поможет тесной смычке между секциями народного образования и комитетами крестьянской взаимопомощи, что поможет до некоторой степени наладить дело народного образования; конечно, не везде это будет проходить гладко.

О завтраках для детей

Теперь относительно завтраков. Вот в Ленинграде это дело идет, кажется, лучше, чем где бы то ни было. По устройству завтраков у нас, в Москве, наблюдается такая картина: за завтраки согласны платить немножко подороже как раз самые бедные слои. На первый взгляд это кажется непонятным — почему более бедные соглаша-

ются на более высокую оплату завтраков? Оказывается, дело в том, что у многих ребята совсем горячей пищи не видят, и горячий завтрак помогает ребенку вообще горячей пищей пользоваться. Вопрос о горячих завтраках, конечно, вопрос чрезвычайно важный, но у нас еще иногда встречается так, что одни дети получают завтрак, а другие нет. Конечно, с этим приходится всячески бороться. Если завтраки устраивать, то для всех ребят.

Об учителях

Несколько слов об учителях. Тут в одной записке говорится так: учителя, мол, не идут навстречу, когда приходишь, то не пускают во время урока входить в класс. Я думаю, что тут лишку хвачено в обвинении учителей. Нельзя даже и члену Совета мешать заниматься, входить в класс и начинать не по уроку говорить, а по другому делу. Порядок при этом нарушается, так нельзя.

Тут, может быть, учитель сказал, что после урока поговорим, а не на уроке, для того, чтобы соблюсти порядок. Вообще надо сказать, что в записках сурово осуждаются учителя, хотя и говорится многими о том, что положение учителей тяжелое. Я хочу сказать несколько слов в защиту учителей, особенно учительниц. В народных школах у нас красных учителей много. Я не могу вам в процентах сказать (меня спрашивали в одной записке, а сколько процентов у нас красных учителей и сколько процентов учителей старого закала), этого в процентах сказать нельзя — сам никто не напишет, что он не красный учитель. Но вопрос заключается в том, что те учителя, которые любили свое дело, увидели, что при Советской власти перед ними открывается такое поле деятельности, какое ни при какой другой власти не могло бы открыться. Они увидели, что могут действительно совершенно в новом духе воспитывать новых людей. Сами учителя за эти годы очень многому научились. Мне пришлось присутствовать на учительском съезде в 1925 г. Когда учителя ходили по улицам, нэпманы на них косились. Когда одна учительница обратилась к толстому гражданину — прохожему, спросила дорогу, он ответил: я с вами не разговариваю, вы у своих — у рабочих — спрашивайте. Вот как буржуазия оценивает;

они считают, что учитель свой рабочим и крестьянам. Если посмотрим на установку новой школы, где в школе учат ребят дружно жить, вместе работать, учат тем знаниям, которые нужны им для строительства социализма, мы видим, какую колоссально большую роль играет народный учитель. Владимир Ильич Ленин о народном учителе специально говорил. Он говорил о том, что мы учителя не должны отталкивать, а должны привлечь к работе, так как он может громадную роль играть в деревне. Учительница, учитель могут помочь крестьянке овладеть теми знаниями, которые ей необходимы. Конечно, старое еще сильно и властно, оно властно над всеми нами, оно властно и над учителями, но учителя сделали громадный шаг вперед.

О беспризорности

Затем о беспризорности. Конечно, у нас с детскими домами во многих местах очень и очень неблагополучно. Дело в том, что в первое время, когда приходилось во что бы то ни стало устраивать детские дома, во время голода, разрухи, то нельзя было подобрать учителей, знающих и умеющих вести это дело, и приходилось брать тех, кто хотел идти на эту работу. А это часто были люди, которые шли из-за пайка, из-за квартиры и которые не умели подходить к ребятам. Но я хотела бы обратить внимание на одну сторону дела: в детских домах имеет громадное значение постановка труда. Под Москвой в одном совхозе, в котором жил Владимир Ильич, ГПУ устроило для молодых преступников особую колонию; там устроены мастерские и налажена жизнь очень правильно, очень регулярно,— и сами основатели колонии удивлялись, что те ребята, которые были преступниками, кокаин нюхали, за многими из них очень тяжелые преступления были, теперь, благодаря размеренной трудовой жизни, работе при машинах, совершенно переродились: из них вырастают твердые люди, способные к труду, полезные члены общества.

Теперь по этой линии устраивают многие детские дома. Если детские дома правильно налаживают труд, если преподаватели труда правильно занимаются, тогда мы видим, что дети из таких детдомов не бегут, а что, напротив, дети,

находящиеся не в детдоме, в этот детдом просятся, потому что там интересно и хорошо налажен труд. На эту сторону при всех обследованиях нужно обратить внимание. По РСФСР отпускаются большие деньги на оборудование детских домов, для того чтобы там были мастерские, но не всегда умело тратятся эти деньги, и особенно важно, чтобы работницы и крестьянки, которые в труде очень много понимают, смотрели за тем, чтобы правильно было поставлено преподавание труда.

О профшколах

Еще несколько слов я хотела сказать о профшколах. Сейчас, когда поднимается сельское хозяйство, особо острая нужда чувствуется в ремесленниках, в умелых людях, которые умеют машину починить, знают, как сделать то или другое орудие труда, которые могут сделать нужную стройку. В этом отношении бросается в глаза, как мало умеет наша деревня, и вот вопрос о профшколах в деревнях, которые учили бы тому, что деревне надо, это — вопрос острый. У нас молодежь бежит в город и в городе не может найти себе заработка. Пополняют ряды безработных, а между тем необходимо, чтобы в деревне были профшколы, хотя бы самые простенькие, самые начальные, самые элементарные. Они давали бы нужное молодежи деревни умение. В Сергиевском уезде Московской губернии крестьяне своими силами устраивали такие школы; из своей среды выделили умелых людей и устроили кружковое обучение, которое дало очень хорошие результаты. На этот вопрос надо и нам, в центре, обратить больше внимания, надо больше обратить внимания и вам.

На правильном пути

Время мое истекло, и я в заключение скажу: выступавшие делегатки рисовали яркую картину того, что делается на местах в области народного образования. Это всем нам, работникам центра, поможет в дальнейшей работе. Очень многое выявлено в прениях.

Этот съезд всем нам дает уверенность в том, что мы стоим на правильном пути, что общими усилиями мы добьемся очень многого, что сейчас, хотя у нас очень боль-

шие недостатки, много неизжитых еще больных мест, но мы глаза на них не закрываем и знаем, что общими усилиями, объединенной работой над этим делом мы справимся со всеми этими недочетами.

На этом съезде мы видим наших товарищей из Германии, Франции, Англии. Мы видим, чувствуем в них наших сестер, которые с нами в нашей работе и борьбе. Их присутствие укрепляет еще больше нашу уверенность в окончательной победе мировой революции!

1927 г.

ЛЕНИН О ПРОСВЕЩЕНИИ И НАРОДНОМ УЧИТЕЛЕ

Сын педагога-шестидесятника, много поработавшего на поприще организации начальных школ, Владимир Ильич всегда принимал близко к сердцу дело постановки народного образования и высоко расценивал роль народного учителя. Его слова из «Страничек из дневника» слишком хорошо известны, так что нет надобности их повторять.

Владимир Ильич всегда учитывал тот факт, что громадное большинство учительства близко стоит к рабочему классу и к трудящейся части крестьянства, живет их интересами. Этот факт заставлял его относиться с доверием к учительству. Особенно характерна в этом отношении его речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов, имевшем место в январе 1919 г.

Руководители союза учителей-интернационалистов опасались расширять рамки союза, им казалось, что та ожесточенная борьба, которая шла между учителями, с самого начала ставшими на сторону Советской власти, и учителями, придерживавшимися старых порядков, диктует сугубую осторожность. Уже год шла эта борьба. Выступая на съезде, Ленин начал с того, что выразил уверенность, что теперь после годовой борьбы этой борьбе должен прийти и приходит конец. «Нельзя сомневаться в том,— говорил он,— что громадное большинство учительского персонала, который стоит близко к рабочему классу и к трудящейся части крестьянства, что оно в громадном большинстве убедилось теперь, как глубоки корни социалистической революции, как неизбежно она распростра-

няется на весь мир, и я думаю, что теперь громадное большинство учительства несомненно искренне встанет и будет становиться на сторону власти трудящихся и эксплуатируемых, в борьбе за социалистический переворот и в борьбе с той частью учительства, которая до сих пор, оставаясь на почве старых буржуазных предрассудков и старых порядков и лицемерий, воображала, что может что-нибудь сохранить от этих порядков» [1].

И потому, что Ленин был уверен, что народный учитель будет заодно с массой и вместе с ней пойдет за Советской властью, он стоял за широкий учительский союз. Он говорил: «...сейчас главная задача той части учительства, которая встала на почву Интернационала, которая встала на почву Советской власти, заботиться о том, чтобы создать более широкий и по возможности всеобъемлющий учительский союз» [2]. Ленин говорил союзу учителей-интернационалистов: «...задача вашего союза — привлечь самые широкие учительские массы в вашу семью, задача воспитать наиболее отсталые слои учительства, подчинить их общепролетарской политике, связать в общую организацию» [3]. В этих словах Владимира Ильича ярко выразился его взгляд на профсоюз как на «школу коммунизма». Он говорил о том, что колеблющиеся демократические элементы силою вещей вынуждены переходить на сторону Советской власти, потому что они убедились, что всякий другой путь невольно толкает их на путь защиты белогвардейцев и международного империализма. Владимир Ильич не мыслил себе, конечно, что учительский союз может остаться «нейтральным». Он не сомневался, на чью сторону встанет учительский союз в борьбе труда и капитала. Он считал, что «полноправным членом профессиональных союзов могут быть только те союзы, которые признают революционную классовую борьбу за социализм путем диктатуры пролетариата» [4].

В этой своей речи Ленин говорил о тех необъятных задачах, которые встанут перед учительским профсоюзом. Основной задачей союза будет борьба за то, чтобы «знания и науки перестали быть делом привилегированных,

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 385.
[2] Там же, стр. 386.
[3] Там же, стр. 387.
[4] Там же, стр. 388.

перестали быть материалом, который укрепляет позицию богатых и эксплуататоров, а превратились бы в орудие освобождения трудящихся и эксплуатируемых» [1].

Широкий учительский союз необходим для того, чтобы возможно было создать новую, социалистическую школу. Буржуазия, говорил Владимир Ильич, «во главу угла школьного дела ставила свою буржуазную политику и старалась школьное дело свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии... покорных и расторопных слуг, исполнителей воли и рабов капитала, никогда не заботясь о том, чтобы школу сделать орудием воспитания человеческой личности. И теперь ясно для всех, что это может сделать только школа социалистическая, стоящая в неразрывной связи со всеми трудящимися и эксплуатируемыми и стоящая не за страх, а за совесть на советской платформе» [2].

В этом высказывании Владимира Ильича особо важна его мысль о том, что только социалистическая школа может быть орудием воспитания человеческой личности. Эту мысль надо особенно подчеркнуть. Наша советская школа, увлекаясь, по вполне понятным причинам, вопросом коллективистического воспитания, оставляла в тени вопрос о воспитании человеческой личности. Школа, организуемая капиталистическими государствами, школа учебы, школа с принудительной дисциплиной, подавляет самодеятельность ребят, мешает развертыванию человеческой личности, коверкает ее. Лишь школа труда, школа, тесно связанная с окружающей жизнью, с интересами ребенка, открывающая ему различные сферы приложения своих сил, школа, учащая коллективной жизни, ставящая перед учащимися высокие цели, создает впервые условия для развития человеческой личности.

Воспитание коллективиста должно быть соединено с воспитанием всесторонне развитого, внутренне дисциплинированного человека, способного глубоко чувствовать, ясно мыслить, организованно действовать.

В настоящее время, когда определено уже содержание преподавания в школе, вопросы воспитания все более и более выступают на первый план, все более привлекают к себе внимание учительства. И теперь высказывание Владимира Ильича имеет поэтому особую ценность.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 388.
[2] Там же, стр. 386.

В этой же своей речи Владимир Ильич, говоря о необходимости тесной связи школы с политикой, прибавляет: «Конечно, дело перестройки школы — дело трудное. И, конечно, тут бывали и сейчас наблюдаются ошибки и попытки принцип связи школы с политикой перетолковать и извратить в грубом и уродливом смысле, когда пытаются неумело внести эту политику в умы еще молодого подрастающего поколения, которому следует подготовиться. И несомненно, что с этим грубым применением основного принципа нам всегда придется бороться» [1].

Что имел тут в виду Владимир Ильич? Из других его речей ясно, что под извращением принципа связи школы с политикой он имел в виду превращение коммунистического по своему духу воспитания в новую учебу, когда ребят заставляют заучивать и повторять вещи, которые им непонятны, когда не связывают учение с общественной работой, когда не учат ребят жить и работать сообща, помогая во всем друг другу, когда коммунизм превращают во что-то, ничего общего с настоящим, живым коммунизмом не имеющее.

Без малого девять лет прошло со времени этой речи Владимира Ильича. Просвещенцы давно уже стоят на платформе Советской власти, стремятся воспитывать молодежь в духе ленинизма, готовят новое поколение, которому выпадет на долю дело Ленина довести до конца. Цели перед просвещенцами стоят громадные и по своему значению, и по своей глубине, и по своему охвату. Ленин учил нас с доверием относиться к просвещенцу.

Просвещенец все тверже будет держать знамя Ленина, выше поднимать его.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 386.

1927 г.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ЗА 10 ЛЕТ

В одной из последних статей, в статье «О нашей революции», Ленин писал, что многие из противников коммунистов говорят, что коммунисты затеяли пустое дело: хотят строить социализм в стране, хозяйственно и культурно отсталой. Ленин тогда указывал, что говорящие так не понимают, что завоевание власти пролетариатом послужит громадным толчком для развития всех производительных сил, для такого поднятия культуры, о каком не могло бы быть и речи при господстве буржуазии.

И вот, подводя итоги тому, что сделано за10 лет в области народного просвещения, мы видим, как прав был Ленин.

Надо представить себе те отчаянные условия, в которых протекала работа в первую половину этого десятилетия. Страна действительно была страшно отсталой в культурном отношении: местами население думало еще (например, старообрядцы Воронежской губернии), что грамота — это печать дьявола, что детские сады — это военные школы, куда забирают малышей, чтобы там растить из них не помнящих родства солдат (так думали в 1919 г. крестьяне Поволжья), население имело в своем составе ряд народностей, не имевших своей письменности. Тяжелое разорение, принесенное империалистической войной, война гражданская, разруха, голод — все это стояло на пути культурного развития.

Но революция разбудила громадные творческие силы. Вернувшись с фронта гражданской войны, рабочий скидывал с плеча ружье и брался за букварь. В нетопленных

школах, с выбитыми окнами, закутанные во всякое барахло ребятишки продолжали учиться, не получавшие жалованья учителя продолжали учить,— и сейчас мы с уверенностью можем сказать, что в культурном отношении порядочно-таки шагнули вперед.

Нам, конечно, хотелось бы большего, хотелось бы и безграмотность ликвидировать полностью, и каждому сделать доступной любую книгу; все знания, добытые человечеством, мы хотели бы полностью бросить в массы, мы хотели бы приблизить к массе искусство в полной мере.

Однако, чтобы сделать все это, нужны материальные предпосылки. Нужно поднятие промышленности и сельского хозяйства на гораздо более высокий уровень, надо поднять технику, вырвать крестьянина и крестьянку, кустаря и кустарку из лап мелкого, отсталого производства, не дающего свободной минуты, которую бы можно было посвятить поднятию своих знаний, своего культурного уровня. Нужен известный уровень благосостояния масс, нужно общее изменение быта.

Подводя итоги проделанной за десять лет работы, мы должны отметить определенные успехи. Мы еще не провели всеобщего обучения, но проведем его лет через пяток (темп развития школ быстрее, чем предполагалось; тут крупную роль играет самодеятельность населения). И только проведя его, мы сможем осуществить и ликвидацию безграмотности. Но мы не дожидаемся, не можем дожидаться, пока осуществится всеобщее обучение. Мы одновременно работаем, и работаем упорно, над ликвидацией безграмотности среди взрослых. За семь лет на ликпунктах обучено 5 миллионов человек, но ведь обучение шло и помимо ликпунктов. Лишь разработка данных последней переписи покажет подлинные цифры нашего успеха на фронте ликвидации безграмотности.

Но не только в ликвидации безграмотности дело. Надо, чтобы обучившемуся грамоте было что читать. Успехи нашей печати — громадные тиражи газет, развитие местных газет — все это говорит, что грамотность превращается в настоящее орудие просвещения. Рабселькорство еще больше приближает газету к населению. Газета является у нас не орудием буржуазного обмана масс, а действительным орудием просвещения; она обсуждает вопросы, близкие массам. Сеть изб-читален, все растущая сеть красных

уголков еще больше приближают газету к массе, помогают массе разбираться в событиях.

Целый ряд возникающих практических вопросов, активно работающая мысль масс создают громадный спрос на книжку, интерес к книжке. Снабжение широких масс книгою является, пожалуй, одним из наиболее слабых у нас участков, на который надо обратить сугубое внимание. Работа на этом фронте ведется, но ее надо усилить.

У нас возникают новые типы школ взрослых: крестьянские курсы, рабочие университеты. У нас громадную роль сыграли рабфаки, дающие среднее образование рабочим и крестьянам, для которых доступ в среднюю школу при старом режиме был закрыт. Благодаря рабфакам происходит пролетаризация нашей высшей школы. Школы политграмоты, совпартшколы дополняют работу школ взрослых и рабфаков.

Театр, советские фильмы и радио продолжают дело, начинаемое ликпунктом.

А рядом растет новая школа. Решительно и бесповоротно она была отделена от церкви: в школе не осталось и следа религиозного преподавания. Содержание того, что в школах разных ступеней преподается, правдиво, реалистично закладывает основы трудового материалистического мировоззрения. Раньше школа отгораживалась от живой жизни каменной стеной — теперь она тесно с ней увязывается. Школа говорит о том, как улучшить окружающую жизнь, сделать ее светлее, разумнее. Школа учит ребят — в меру их силишек — осуществлять это на практике, вести общественно полезную работу.

Отношения между учителем и учениками изменились. Учитель стал товарищем ребят, помогая им организовываться, не бьет, не наказывает их. Учителя буржуазной народной школы, приезжающие к нам из Европы, удивляются той свободе, с которой держат себя дети, тем отношениям, которые у нас существуют между учителем и учеником.

Деткомдвижение, пионердвижение помогают школьникам лучше организовываться. Дух школы в корне изменился. Школа растит поколение, которое дело Ленина доведет до конца. Правда, не везде еще так: есть еще остатки старого, довольно много этих остатков, но они изживаются.

Еще очень много надо улучшить в нашей школе. Что надо делать,— знаем и сделаем. Сделаем потому, что союз работников просвещения целиком и полностью стоит на платформе Советской власти. Учитель растет, учится; его захватывает общий поток жизни нашей страны, общее стремление к налаживанию социалистических порядков.

Сделаем потому, что население все больше начинает интересоваться школой, все ближе становится к ней, помогает ей. Через Советы приближаем мы население к школе.

Особая, совершенно исключительная по своему значению область работы — работа среди народностей нерусского языка. Эти народности составляют более половины всего населения нашей страны. При царском режиме даже мысль о необходимости преподавания на родном языке считалась крамольной. Нацменьшинства беспощадно грабились, подавлялись, держались в темноте. Советская власть ведет линию братской поддержки широко развертывающейся национальной культуры. Усиленная помощь и внимательное, бережное отношение к культуре нацменьшинств — таков лозунг Советской власти.

Мы делаем еще первые шаги в области создания массовой социалистической культуры, но уже первые шаги открыли перед нами необъятные перспективы. И в этой области, как и во всех других областях советского строительства, мы идем по пути, указанному Лениным.

1927 г.

ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(ДОКЛАД В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ)

Мой доклад немного громко озаглавлен — «Проблемы народного образования». Я боюсь, что те проблемы, о которых я буду говорить, покажутся очень обыденными, очень «непроблемистыми», если можно так сказать. В 1919 г. Коммунистической партией была принята программа, и в этой программе 12-й пункт посвящен вопросам народного образования. И вот сейчас, когда думаешь о тех проблемах народного образования, которые стоят перед нами, целесообразно посмотреть, что же из нашей программы и как мы за эти годы проводили и провели в жизнь, чему мы научились, что мы лучше осознали, поняли в процессе попыток проведения тех или других пунктов нашей программы, касающихся народного образования, и к чему все наши усилия привели.

Программа Коммунистической партии в области народного образования является развитием идей I Интернационала, идей Маркса, и в зачаточном своем виде она входит уже в программу РСДРП. Таким образом, эта программа не является чем-то случайным, но представляет собой идеи, которые до того уже защищались в международном масштабе. Первый пункт программы, касающийся дела народного образования, звучит так: «Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет» [1]. Такой скромненъ-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК; ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.

кий, можно сказать, пункт, что уж кажется никакой тут и проблемы-то нет, и ничего как будто, кроме политехнического характера, ничего такого особенного коммунистического и нет в этом. Но именно этот пункт представляет для нашей страны вещь особенно трудно осуществимую. Эта проблема, которая была выдвинута в 1919 г., продолжает оставаться во всей силе, потому что нет у нас еще всеобщего образования, нет бесплатного образования, нет охвата и мальчиков и девочек в одинаковой мере, а о политехническом воспитании можно говорить только условно. А между тем, конечно, это именно тот пункт, который необходим в первую очередь. Двадцать раз повторяли все мы, что социализм в стране безграмотной не введешь. Немного смешно с этой трибуны говорить о таких простых, элементарных вещах. Но ведь это база, это та основа, на которой строится в дальнейшем все — и среднее, и профессиональное образование, и высшее образование. Если мы эту основу, эту базу будем упускать из виду и не будем прилагать все усилия для того, чтобы провести этот пункт в жизнь, то у нас получится истукан на глиняных ногах, будет чрезвычайно расточительно построена вся система народного образования. Если бы мы этот параграф осуществили, провели его в жизнь, тогда целый ряд вопросов, на разрешение которых теперь приходится затрачивать массу энергии, разрешался бы чрезвычайно просто. Тут, в этом пункте, указан путь наиболее естественный, ибо гораздо естественнее обучить ребенка, который не играет еще никакой роли в производстве, который имеет массу свободного времени, гораздо проще, дешевле обучить его, чем взрослого человека, которому надо затратить на это дело массу энергии, массу сил и который в конце концов может выучиться только кое-как грамоте. Но именно этот пункт представляет чрезвычайно большие трудности. Первая трудность, которая с самого начала была ясна,— это невозможность проводить всеобщее обязательное бесплатное обучение без того, чтобы параллельно с этим не ликвидировать безграмотность взрослого населения, и поэтому-то и был в 1919 г. издан декрет о ликвидации безграмотности среди взрослого населения до 50 лет. Задача обучения всей молодежи до 17 лет оказалась так трудна, что пару лет спустя, в 1921 г., постановлением

ЦК был временно снижен возраст с 17 лет до 15. ЦК тогда говорил, что снижение возраста, до которого обязательна общеобразовательная школа, до 15 лет, должно рассматриваться как временная мера, как такая мера, которая вытекает из нашей нищеты, из разорения, которое пережила страна за время войны. Эти факты всем хорошо известны, но все же я думаю, что интересно посмотреть, куда же мы пришли и как далеко мы продвинулись в смысле ликвидации безграмотности и проведения в жизнь обязательного всеобщего обучения в общеобразовательной школе хотя бы в отношении детей до 15 лет.

Данные, которые недавно опубликовало ЦСУ, показывают, что в смысле ликвидации неграмотности мы несколько продвинулись вперед, но продвинулись весьма незначительно, и что дело идет совсем не тем темпом, на который мы надеялись. Например, в 1920 г. число грамотных на 1000 человек было 319, а сейчас, шесть лет спустя,— 441. Конечно, 319 человек грамотных из тысячи — это ужасающая цифра, но и теперешняя цифра — 441 человек из 1000 — это цифра в достаточной мере печальная, цифра, говорящая о том, что проблема ликвидации безграмотности осталась неразрешенной и стоит так же остро, как и раньше. И особенно поразительно то, что, как оказалось, ребята в возрасте начальной школы остаются наполовину безграмотными. Эта цифра настолько поражает, что она заставляет сказать, что основной нашей проблемой, проблемой, без решения которой не могут быть разрешены другие более сложные задачи, продолжает оставаться ликвидация безграмотности вообще и ликвидация безграмотности среди ребят в первую очередь. Половина безграмотных ребят школьного возраста — это нечто настолько вопиющее, что заслоняет собою все другие задачи. А если мы возьмем возраст до пятнадцати лет, то окажется грамотных только 57,6%. Все эти цифры показывают, что тут нужна усиленная работа.

Нужно найти пути, как все же эту задачу разрешить гораздо более быстрым темпом, чем можно ее разрешить в обычном порядке. Мне кажется, что одним из основных вопросов в этой области является — найти пути, как поддерживать местную инициативу. Может быть, это

элементарный вопрос, сам собою разумеющийся, но, по правде сказать, если взглянешь, как это дело происходит в действительности, то видишь, что мы еще не научились этой столь элементарной вещи.

У нас бывает сплошь и рядом так, что крестьяне затрачивают деньги на устройство школы, а потом три года не могут добиться учителя. Этого факта совершенно достаточно для того, чтобы по всей волости школ больше не строили за счет местной инициативы. Бывают и такие вещи, что школа остается недостроенной из-за какой-нибудь мелочи: не хватает, скажем, какой-нибудь сотни рублей для того, чтобы вставить окна, или что-нибудь в этом роде. В таких случаях нужно суметь вовремя прийти на помощь местам.

Мы этого делать не умеем, а в результате школа стоит без окон, без вставленных стекол и начинает разрушаться. Конечно, мы кое-чему научились в этом отношении, и сейчас это делается лучше, чем два-три года тому назад. Но никогда не следует упускать из виду, что тут следует установить норму. В Америке, например, устанавливается норма: сколько дает население, столько же даст и правительство. Конечно, при таком способе обыкновенно получают гораздо бо́льшую поддержку местности наиболее богатые. Так, конечно, не достигается задача помощи наиболее отсталым местностям, так что эта американская норма не годится. Но надо выработать твердую норму, чтобы население знало, что за такую-то вложенную в дело сумму оно получит такую-то и такую поддержку. Эта проблема остается у нас не разрешенной.

Затем другая вещь, которая, по-моему, чрезвычайно задерживает темп нашего развития. Мы недостаточно учитываем особенности районов. Когда смотришь на наши цифры и на наши статистические сборники, то иногда прямо жуть берет, как в общих средних цифрах тонут все те мелочи, от которых зависит продвижение дела вперед. Я говорю это, конечно, не потому, что не ценю и не понимаю значения общей статистики, но я думаю, что, кроме этих общих средних цифр, надо, чтобы были цифры, характеризующие более мелкие единицы, более мелкие районы, чтобы их можно было увязать с особенностями этого района.

Мы в Наркомпросе в последнее время особенно усиленно ощущаем на каждом шагу необходимость районирования, культурно-просветительного районирования. Это культурно-просветительное районирование, учет всех особенностей района, определяющих его культурный профиль, несколько иное, чем районирование чисто экономического характера.

Наша страна распадается на экономические, госплановские районы. Каждому госплановскому району соотвстствует определенный уровень культуры. Каждый экономический район имеет свой уровень грамотности, свой уровень насыщенности книгой, газетой. Зная, к какому району та или иная губерния относится, можно определить наперед и уровень грамотности и число книг общественного потребления, общественного пользования, которое на эту губернию приходится. Тут есть ярко выраженная взаимозависимость между экономикой и культурным уровнем. Это относится также в полной мере и к школам. Конечно, культурное районирование должно учитывать не только экономику. Недавно пришлось както обратить внимание на такой факт, что у нас есть отдельные села, отдельные заводы, отдельные местности, которые являются особенно горячими борцами за культуру и идут вперед в деле социалистического строительства. Если взглянуть на историю этих сел, этих местечек, этих заводов, то можно увидеть, что это как раз те местечки, те села, те заводы, которые принимали активное участие в революционной борьбе начиная с 1861 г., на разных этапах в разной форме. Когда сейчас получаешь письмишко из какого-нибудь такого села, где особенно настаивают на том, чтобы у них устроили школу-семилетку, или пишут, что не могут обойтись без того, чтобы не выписывать книг из центральных библиотек, и т. д. и т. д., то сейчас же начинаешь чувствовать, что здесь мы имеем такой район, такое село, где имела в прошлом место революционная борьба, а потом оказывается: в 1905 г. громили помещиков, в 1917 г. первыми проводили Советскую власть, а теперь эти места являются движущими центрами, особенно настоятельно борющимися за культуру. И вот интересно эту картину выявить, потому что именно на эти центры можно опереться, они могут стать рассадниками культуры. Если взять экономические

условия и вот эту историю, недавнюю историю, которая еще не история, собственно говоря, а кусок теперешней жизни, которая так срослась с теперешней жизнью, так могущественно влияет на нее,— если все это учесть, то можно нащупать таким образом экономико-исторический профиль каждой губернии, каждой местности: тогда будет ясно, какие места являются особо передовыми в смысле культуры. Я думаю, что если такую работу не проделать, если ограничиться только общими средними цифрами, не индивидуализируя всего этого, то мы будем продвигаться вперед медленным темпом. Без самого активного участия населения мы будем стоять здесь долго на одном и том же месте и продвигаться вперед очень медленно. Здесь громадное влияние имеет организация самодеятельности населения. Эта самодеятельность есть, но она идет как-то скачкообразно, идет как-то порывами: ну, возьмется комсомол, например, за что-нибудь, развернет активную агитацию и бросит на полдороге; то же самое и женотделы — начинают заботиться о том, чтобы девочек в школы принимали, но бросают это дело на полдороге, до конца его не доводят. Я повторяю, необходимы объединение всех сил и систематическая работа для продвижения этого дела усиленным темпом вперед.

Вот в вопросе ликвидации безграмотности одно время громадную роль играло то, что Красная Армия взялась за это дело; в результате среди красноармейцев нет безграмотных. Каждый неграмотный крестьянин, попадая в Красную Армию, сразу обучается грамоте. Точно так же через женотделы можно проделать очень большую работу, которая продвинет это дело в значительной степени вперед.

Далее, во введении к параграфу 12-му программы, говорящему о школе, сказано: «Школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс»[1]. Если мы посмотрим на нашу теперешнюю массовую школу, школу I сту-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.

пени, то в последнее время начинаешь чувствовать, что эта школа действительно становится уже совершенно другой, чем та школа, которая была раньше. Особенно показательны в этом смысле бывают письма ребят-школьников, которые то пишут о том, что все ребята сейчас бойкие, то вдруг получается письмо от какого-нибудь мальчонки 11 лет, который говорит, что не желает вовсе жить так, как жили его родители, жить, надеясь на бога, а он надеется, что Советская власть удержится хоть на 10 квадратных метрах, а потом распространится по всему миру. Очевидно, этот мальчонка проходит метрические меры и весьма за Советскую власть стоит. Очень интересными бывают письма, которые говорят о спорах ребят со взрослыми, как ребята ко взрослым, к родителям обращаются за тетрадкой, а родители отвечают: «Да ведь государство вас для себя воспитывает, пускай оно вам и тетрадки покупает». Это замечание показывает, что население считает, что школа воспитывает из ребят коммунистов.

Во время партийного съезда было получено письмо одного пастушонка, который писал мне и посылал через меня поклон Анатолию Васильевичу Луначарскому. Этот пастушонок писал о том, что вот мы с Анатолием Васильевичем очень заботимся о том, чтобы ребята получали учебные пособия, бесплатную одежду и обувь, и он пишет: «Учебники дают, а одежды и обуви не дают. Но вот о чем вы должны позаботиться,— это о том, чтобы пастушат по окончании сезона вовремя отпускали с работы, а то,— пишет он,— приходишь в школу, а тебе говорят: «Поздно пришел». Так вот, надо добиться таких порядков, чтобы можно было не опаздывать к началу учебных занятий». В этом письме виден большой практицизм, знание жизни. Мальчик делает конкретное практическое предложение, ему ясна его важность. Я считаю, что эти письма нам особенно важны и интересны в том отношении, что по ним мы видим, что растет новый человек. В дальнейшей переписке он рассказывает о том, как он научил свою мать грамоте, как школа поручила детям назвать улицы разными именами и что ребята ту улицу, на которой он живет, назвали «Боевой» улицей.

Из ребячьих писем обыкновенно все узнаешь, что в деревне происходит, потому что довольно бесхитростно

все это пишется. И вот видно, что городская и особенно деревенская школа I ступени действительно воспитывает новых ребят. Со школой-семилеткой дело обстоит не так благополучно, но зато там сказывается довольно сильно влияние пионеров. Это то, чего у нас в программе не было, это то, чего не было, когда писалась программа,— не было детской организации, пионерской организации. А сейчас в семилетке, на 5, 6, 7-м году обучения, местами уже много пионеров. Конечно, пионеры не всегда стоят на высоте задачи. Иногда, как недавно ребята жаловались, пионеры классу не делают докладов о своей деятельности; и поэтому беспартийный мальчик говорит: «Я ими не интересуюсь, они нам докладов не делают». В работе пионерорганизаций много недостатков, но путь уже очерчен — школа дополнятся деторганизацией.

Наша общеобразовательная семилетняя школа еще очень невелика, мал охват ее — если взять вместе и четырехлетку и семилетку, то только 42% ребят до возраста 15 лет обучаются в школе,— но все же, поскольку она их охватывает, она уже определенным образом влияет на ребят. Тут уже есть достижения, и задача состоит в том, чтобы эту школу всячески подкреплять.

Насчет политехнического образования. Сейчас мы, конечно, гораздо лучше, чем это было в 1918 или 1919 г., понимаем, что́ такое политехническое образование. Тогда представление о том, что такое политехническое образование, было весьма неясное. Я помню, в этом самом 1919 г., когда я ездила на «Красной звезде» и останавливалась в каждом поселке, то в каждом поселке учитель по-своему толковал политехнический труд. Один считал, что воду надо носить, другой—что все равно, какой труд, только бы трудолюбие воспитывать, и т. д. Сейчас уже есть довольно ясная картина, что представляет собой политехническое образование. В программе партии говорится о теоретическом и практическом изучении главных отраслей труда. В школе дается теоретическое освещение труда, различных форм труда. Сейчас в ребячьих письмах получаешь, например, такие сообщения: «Вот мы изучали формы связи и, для того чтобы яснее понять, пригласили почтового чиновника, и он нам сделал доклад о работе телефона, телеграфа, почты и т. п.» Так что ребята не только знают, что такое связь,

но и знают, кого пригласить надо для того, чтобы заслушать доклад.

Вообще что касается теоретического изучения различных форм и видов трудовой деятельности человека,— это в школьные программы введено. Что касается труда, то у нас стала прививаться одна форма его, которая в особенности отличает нашу школу от школы буржуазной. Это та форма, которой всегда иностранцы удивляются,— это так называемая общественно полезная работа, которая вовлекает ребят в работу на общую пользу. Такова, например, работа в области санитарии, обслуживание предвыборных кампаний путем разноски повесток, помощь кооперации, библиотеке и пр.

Но что плохо — это обучение практическим трудовым навыкам; бедность не позволяла нам устраивать мастерские: нет помещений, нет оборудования. Только за последнее время удается тут кое-что проводить, главным образом по линии детдомов.

К сожалению, во II ступени школа у нас еще платная. Не все одинаково платят, часть от платы освобождается, но все же это мешает делу втягивания в школу II ступени детей рабочих и крестьян-середняков.

Обязательности еще нет нигде. А между тем это одна из важнейших задач.

Таким образом, мы видим, что те проблемы, которые охватываются пунктом первым § 12 партийной программы, еще не разрешены и остаются во всей своей силе.

Дальше в партийной программе в § 12 идет пункт второй: «Создание сети дошкольных учреждений: яслей, садов, очагов и т. п., в целях улучшения общественного воспитания и раскрепощения женщины»[1]. Много по этому поводу говорить не приходится. Тут сдвиг у нас несомненный. В то время, когда писалась эта программа, в 1919 г., приходилось еще получать целый ряд прошений за подписью чуть не целых деревень, чтобы не устраивали детских садов и не брали ребят в Красную Армию. А теперь детсады, детплощадки стали бытовым явлением.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.

Насчет яслей в таких городах, как Москва, здравотделом предпринимается целый ряд мер, глубоко внедряющихся в быт. Объективный показатель успешности этой работы, идущей рука об руку с улучшением условий жизни и труда рабочих,— это значительно понизившаяся против довоенной смертность ребят. Тут дорога тоже пробита. Вопрос тут, как и в отношении школ I ступени и семилеток, количественный. Качественно наши дошкольные учреждения стоят высоко, воспитывают в ребятах общественность, дают ребятам много полезных навыков, любимы детьми. В этом пункте мы сделали порядочный шаг вперед.

Теперь дальше, в § 12 программы сказано: «Полное осуществление принципов единой трудовой школы, с преподаванием на родном языке...» [1]

Сейчас только у тех народностей, у которых нет письменности, это дело застопорилось, а в общем и целом этот пункт проводился и стоит вне всяких споров.

Точно так же проводится и совместное обучение детей. Школа у нас свободна от какого бы то ни было религиозного влияния.

Далее в программе партии вновь подчеркивается необходимость тесной связи обучения с общественно производительным трудом. Я уже отчасти говорила об этом, но надо отметить, что тут без помощи хозяйственников сделать невозможно ничего. Тут необходима со стороны хозяйственных органов большая помощь, а в этом отношении мы гораздо более косны, чем, например, Америка, где с гораздо большим вниманием относятся к этому делу, чем у нас. Необходимо больше привлечь хозяйственников и доказать им, что это дело их касается.

Затем дальше: «Снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства» [2]. Это, так сказать, печальная глава. Сначала мы думали, что возможно это провести довольно быстро, и показателем этого было широкое развитие детских домов. За последние пять лет у нас в детских домах число детей сократилось на 271 000 человек, сократилось в силу

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.

[2] Там же, стр. 420.

невозможности для государства содержать такое громадное количество ребят, так что сейчас детские дома далеко не охватывают всех ребят, которые нуждаются в них. Я уже не говорю о беспризорных.

Получаются, например, письма от родителей следующего содержания: «Я готов платить за ребенка, я не знаю, что делать с ребенком, у меня жена умерла, нельзя ли ребенка поместить куда-нибудь за плату в детский дом». Так как у нас не в моде принимать в детский дом детей за плату, то он, естественно, и остается с этим ребенком на руках. Точно так же есть масса матерей, которые не знают, куда девать им ребенка, хотели бы отдать за плату в какой-нибудь детский дом. Но у нас не ставится даже вопрос о приеме за плату в детские дома, а между тем в 1921 г. никто не сомневался в том, что в нашу задачу входит широчайшее обслуживание всего населения, всех ребят детскими домами. Вопрос о снабжении пищей и одеждой детей бедноты только-только еще начинает проводиться в жизнь.

Теперь дальше: «Подготовление новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма»[1]. Насчет подготовки новых кадров дело обстоит слабовато, но идет усиленная переподготовка старых учителей. Съезд учителей, который был в январе 1925 г., показывает, что по отношению к учителям I ступени в этом отношении брешь уже пробита и остается только умело продолжать начатое дело.

Дальше: «Привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения»[2]. Сейчас мы, конечно, гораздо более подкованы в отношении того, как это делать. У нас нащупаны формы, как организовать влияние трудящихся на школы и вообще на просветительную работу. За последние два года у нас стали развиваться секции Советов, главным образом секции городских советов. Секции эти и в деревне при волостных исполкомах и сельсоветах начинают энергично работать. На съезде работниц и крестьянок, в особенности на предварительных совещаниях,— мне пришлось быть на таком совещании в Ленинграде и слышать горячие обсуж-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 420.

[2] Там же.

дения того, как это дело ставится,— поражало, насколько советская работа подымает население, учит конкретно ставить и разрешать вопросы. Например, вопрос об инструктаже. Вот как образно описывала крестьянка, как она приезжает в секцию сельсовета, как она не знает, куда ткнуться, и как ей никто не объясняет. И она говорит: «Как же работать в секции? Приезжаешь за 40 верст, не знаешь, как за дело взяться, все на тебя бычатся, никто не может проинструктировать». Ленинградские работницы разрабатывали вопрос, кто может инструктировать, может ли инструктировать местный работник или учитель. Все это у них взвешено до мельчайшей подробности. А когда ленинградская работница с «Треугольника» попробовала сказать, что инструктажа нет, то на нее все собрание закричало: «Ты работаешь на предприятии, где 17 тыс. рабочих, и не умеешь концов найти!» В городах вопрос об инструктаже стоит гораздо лучше. Конечно, это Ленинград, он всегда идет впереди, там эти вопросы очень детально разрешаются. Но ясно, что у нас секции будут вырастать в могучий аппарат, который, действительно, в смысле контроля, в смысле помощи развитию дела народного образования сыграет крупнейшую роль. Уже сейчас приходится слышать, как фабричная работница говорит: столько-то объектов было обследовано. Правда, когда слушаешь, как говорят об обследованных объектах, то думаешь, что инструктаж был не совсем правильный, но дело тут поправимо, а в этой форме, в форме секции Совета, найден правильный подход к вопросу о том, как надо организовать активное участие населения.

Далее в партийной программе идет вопрос о всесторонней государственной помощи самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян. Это политпросветская работа. Тут мы за это время пережили такую вещь. Сначала, когда писалась эта программа, вся работа еще шла в одном месте — профсоюзы не работали отдельно, а работали вместе, шла общая работа. После этого профсоюзы и политпросветы повели работу отдельно. Связи между организациями, которые ведут политпросветительную работу, той тесной связи, которая должна быть, до настоящего времени нет. И только в таких

крупных центрах, как, например, Брянск, сама жизнь толкает к объединению этой работы.

Мы часто и много говорим о плановости, но ни в одной области нет так мало плановости, как в области народного просвещения. Хотя у нас в Наркомпросе организовано Оргплановое управление (ОПУ), но его деятельность распространяется только на ту часть, которая подлежит ведению Комиссариата народного просвещения, а между тем целая масса политпросветительной работы ведется другими организациями, и эта работа весьма слабо увязывается. А между тем сейчас, когда из деревни нахлынула такая масса крестьян, которые работают на фабриках, задачи политпросветской и культотдельской работы переплетаются самым теснейшим образом. Одна из очередных проблем — это вопрос о том, как всю просветительную работу увязать, как сообща выработать общий план работы, потому что неплановая работа — чрезвычайно расточительная работа, как мы все знаем. Но это требует, конечно, очень большой заботливости и большого желания со стороны Политпросвета и профсоюзов эту работу между собою увязать.

Я бы хотела отметить одну сторону политпросветской работы. Сейчас создаются новые пути для придания этой работе массового характера. Мне припоминается одно письмо Владимира Ильича, написанное еще до II съезда партии, письмо к Ереме.

Там Владимир Ильич писал по поводу того, что у нас вопросы пропаганды и агитации ставятся кустарным образом, что каждый начинающий часто работник — студент, девица — думает, что он может идти к рабочим и ставить там пропаганду и агитацию, а что в действительности дело это настолько серьезное, что оно требует известной централизации. Мне всегда приходит на память это письмо, когда я думаю о радио. Ведь именно радио является средством централизовать агитацию и пропаганду. Через радио читается ряд лекций, дается ряд разных агитационных подходов. Надо только на местах сорганизовать слушание, организовать подсобную работу. Передаваемые по радио лекции и целый ряд указаний дают возможность, централизовав эту работу, поставить ее научным образом. Мы не учитываем того, что отдельные неопытные работники в кружках, в которых они

ведут работу, говорят часто несуразицу. Я буду откровенна в этом отношении и должна вам сказать, что иногда придешь случайно и прислушиваешься к тому, что там говорят, и слышишь иногда такие неправильные формулировки, такие несуразные вещи у неопытных работников, что начинаешь понимать всю важность централизованной пропаганды. Средний работник учится, слушая такую лекцию, он учится, он уже сам начинает иначе подходить к вопросам, научается лучше растолковывать массе то, что слышит. Таким образом создается путь, при помощи которого широкие ряды средних работников вооружаются через радио для пропаганды и для агитации, для своей просветительной работы. Это имеет, конечно, колоссальнейшее значение.

Точно так же надо отметить то значение, которое получили у нас газеты, причем совершенно новое значение, которого не было еще в 1919 г. Сейчас наши газеты обросли селькорами и рабкорами. Рабселькоровское движение — это такой новый вид работы, благодаря которому газета делается близкой читателю, это один из путей газеты, который дает возможность близости широких масс трудящихся к газете. Вот, скажем, на Урале. Я вспоминаю, как лет пять тому назад на Урале газета была каким-то невиданным явлением, не знали, как подписаться на газету. А сейчас, когда местная газета пишет о местных заводских уральских делах, понятно, как это воспринимается рабочими. Эта газета обрастает все более широкой армией рабселькоров. Понятно, что эта газета воспринимается совершенно иначе. Так вот, я говорю, что такие средства культурного воздействия на массы, как газета, радио, кино (культурный фильм), которое дает живой образ, дает возможность так живо, ясно воспринимать многое, как не дает никакая книга, никакая лекция, являются очень существенными и значительными.

Теперь, в последнее время, особенно ясно стал у нас еще один путь такой массовой, уже не пропаганды, я бы сказала, а массовой учебы — это заочное обучение. В настоящий период мы имеем дело с большим увлечением — все считают, сколько тысяч уже новых заочников есть, насчитывают их двенадцать, двадцать пять тысяч и т. д. Я повторяю, что все это еще период увлече-

ния. Много еще тут опытов, исканий. Но одно несомненно, что заочное обучение воспринимается, проникает в жизнь; издается целый ряд учебников, и в силу этого создается возможность широкой просветительской деятельности, широкой просветительской школы.

Когда мы в Главполитпросвете в этом году работали над созданием учебников для I ступени, для актива малограмотных, мы поступали таким образом: брали практика-педагога и ставили над ним специалиста, который отвечает за содержание, а потом еще пропускали уроки через методиста. Может быть, эти учебники и несовершенны, но они дают возможность на местах среднему малоподготовленному преподавателю пользоваться уже готовыми учебниками с подробно разработанными уроками и поэтому разрешают задачу просветительской школы.

Дальше в программе говорится о широком развитии профессионального образования для лиц от семнадцатилетнего возраста в связи с общими политехническими знаниями. В первые годы существования Наркомпроса шел спор о том, как это профессиональное знание увязывается с политехническим. Я вспоминаю целый ряд заседаний, на которых обсуждался этот вопрос. Люди не понимали, что это значит — увязывать профессиональную подготовку с политехническими знаниями. Что же касается самого политехнического образования, то оно у нас первые годы было в большом загоне. Это объяснялось тем, что спецам казалось, что все эти наши «максимальные» требования об увязке профобразования с политехническим образованием, все эти новые подходы, которые мы старались провести, все это казалось им делом весьма мало приемлемым. Так вот, в области таких общих разговоров дело приблизительно оставалось до 1920 г., даже до начала 1921 г. Этот вопрос был сдвинут с мертвой точки в 1921 г. Здесь сказалось, с одной стороны, давление профсоюзов, а с другой стороны,— комсомола по вопросу о необходимости технической подготовки. И вот партсовещание, которое было в 1921 г., подчеркнуло особую важность развития технического образования. Собственно говоря, с 1921 г. профессионально-техническое образование и стало более или менее развиваться. Сейчас у нас в отношении высшего образования

возник целый ряд проблем. В партийной программе есть пункт, который говорит о необходимости открытия широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться, и в первую очередь для рабочих. Осуществление этого, как вы знаете, проведено через рабфаки. В рабфаках учится 33000 рабочей молодежи, которая главным образом подготавливается через рабфаки в вузы. Кроме того, доступ в вузы в последнее время происходит через так называемые рабочие университеты. Что такое рабфаки, это, конечно, знает всякий в достаточной мере. Что же касается рабочих университетов, то они являются очень интересной формой работы. Они стали стихийно создаваться в последние годы. В годы разрухи, в первые годы вообще школы взрослых были в зачаточном состоянии. Но вот года два тому назад рабочие подняли вопрос о создании именно рабочих университетов. Инициатива исходила от самих рабочих. А затем эта форма образования стала довольно быстро расти, так что в прошлом году, например, по одной Москве было 8 рабочих университетов. Теперь по РСФСР — 40 рабочих университетов с 12 тысячами учащихся (отказано в приеме за неимением мест 71% подавших заявления).

Эти слушатели не представляют собой вузовцев в настоящем смысле слова. Они представляют собой рабочих с производства. В рабочие университеты пошла не молодежь, а рабочие от станка, которые занимаются, не отрываясь от производства, и которые пришли со своими вполне определенными требованиями. В прошлом году на конференции рабочих университетов была чрезвычайно любопытная картина. Обыкновенно у нас везде преобладает молодежь. А тут вы видели довольно пожилых рабочих, по многу лет бывших на производстве, пришедших со своими, очень определенными требованиями. И вот эти требования, которые они выставляли, носили довольно своеобразный характер. Они предъявили требование не обычного профтехнического образования, какое обыкновенно молодежь выставляет, а предъявили требование на политехническое образование — как раз требовали дисциплин общего характера, вроде технологии, указывали, что они им необходимы для того, чтобы им можно было лучше разобраться во всем

производстве в целом. Это характерно в том отношении, что молодежь хочет получить прежде всего квалификацию, а вот рабочие от станка говорили, что навыки у них есть, приобретены, а вот осмыслить, обобщить — это необходимо. Программа рабочих университетов в значительной степени продиктована была самими рабочими. В этом отношении они представляют интересное явление. Я была на одном из выпусков такого рабочего университета при 2-м МГУ, и там были интересные высказывания рабочих. Один рабочий говорил: «Раньше я не представлял себе совершенно, что это за наука такая, казалось — это вещь простая, а вот позанимавшись, я только теперь понимаю, как мне надо учиться, и горизонты мне открываются, что́ я должен охватить, а раньше представления у меня не было». Другой рабочий рассказывал: «Странное дело, занимались мы естествознанием, а я по партийной линии скажу: раньше бывало так, все бегаешь в район, если докладчик не пришел, все в район. А теперь я вот занимался естествознанием, а стал увереннее во всем, во всем лучше разбираюсь, не придет докладчик, я сам справлюсь. Естествознание повлияло на меня так, что я стал в обществоведении, в партийных вопросах лучше разбираться!» И несколько человек из выступавших говорили, что занятия более углубленные, более научные занятия, хотя и по другим дисциплинам, дают им возможность глубже подходить к вопросам партийным. Интересно тут было также выступление студентов 2-го МГУ. Один из студентов говорил: «Я рабочий, я вот во 2-м МГУ занимаюсь третий год, и только на третий год я научился заниматься по-настоящему. Я знаю все трудности, которые рабочий испытывает при учебе более углубленной, и вот я знаю, как к товарищу из рабочего университета подойти, как ему помочь». Интересно также, что именно рабочие университеты поставили вопрос о выезде лекторов на фабрики, о постановке лекций на фабриках и заводах. Эти лекции, насколько я знаю, довольно удачно начинают проводиться. Учащиеся рабочих университетов растолковывают слушателям то, что говорит профессор, переводя это на язык понятный, близкий рабочим; это создает новую политпросветскую форму работы, наука приближается через рабочие университеты к массам. Что

по этой линии как будто пойдет дальнейшее развитие, указывает еще и следующее: ректор 1-го МГУ т. Вышинский как раз поставил вопрос о том, что надо как-то ставить дело таким образом, чтобы кончающие, например, физико-математический факультет учились передавать свои знания массе. А то они в чистую науку уходят. А как передать массе свои знания — этого они не умеют. Он ставил вопрос двояко. Во-первых, что необходимо с первых же курсов всех отделов, всех факультетов ставить политпросветский вводный курс, который бы указывал на то, как надо подходить к массе, и чтобы через все курсы проходила такая популяризаторская работа. А с другой стороны, он поставил вопрос о том, чтобы добавочный год поставить с целью популяризации, чтобы человек выучился популярно писать, популярно читать лекции и т. д. Вопрос о популяризации у нас один из больных вопросов. То, что у нас называется популярной литературой, часто совершенно не популярная литература, а просто хлам никуда не годный. Человек думает, что если он напишет книжку так, чтобы не сказать ничего, кроме общих фраз, то это называется популярной книжкой. Мы к этому вопросу с разных сторон подходим. Думали, нельзя ли где-нибудь при ГИЖе (Государственном институте журналистики.— *Ред.*) создать школу популяризаторов, чтобы люди, научно подкованные, учились бы путем общения с массой, как надо популярно писать. Я знаю, что «Малая энциклопедия» пишется таким образом, что статьи пропускаются через аудиторию рабочих. Несомненно, что сейчас приходится нащупывать пути, потому что масса рвется к знанию, а чрезвычайно мало популяризаторов, которые и писать умеют популярно, и умеют популярно излагать свои мысли. Это одна из тех проблем, которые стоят на очереди, которые сейчас чрезвычайно жизненны. И Госиздат начинает об этом же говорить. Запросы присылает, что́ надо сделать для того, чтобы создать популяризаторов. Очевидно, он тоже чувствует отсутствие этих популяризаторов. Тут идет вопрос о смычке высшей школы с широкими массами. Сейчас к выполнению этого пункта, конечно, есть возможности. После опыта рабочих факультетов, после опыта рабочих университетов, всех этих воскресных университетов — ясно, что как будто уже на-

мечается путь открытия аудитории высшей школы частично в различных формах для широкой массы, т. е. то, что в программе поставлено.

Далее идет вопрос о профессиональном образовании. У нас стоит вопрос о путях профессионального образования. Семилетка, конечно, ни в какой вуз не подготовляет. Кончающие рабфаки, кончающие техникумы, специальные школы проходят в вузы. Затем у нас проходным коридором в вуз является школа II ступени.

Но беда та, что, например, кончающий II ступень идет в вуз со школьной скамьи, у него нет настоящего жизненного опыта, он часто идет не потому, что есть интерес к какой-нибудь определенной отрасли знаний, а потому, что создалось какое-то очень странное представление о том, что нет спасения без вузов. У нас нет отбора для вуза. В вуз все же должен идти человек, который интересуется определенно какой-нибудь областью знания, у которого есть стремление к углублению своих знаний в той или иной области, у которого уже есть определенный выбор той области, в которой он хочет работать. У нас же обыкновенно идут в вуз, как шли раньше, идут куда попало, куда примут, куда он может выдержать экзамен, куда может проскочить и т. д. Создался предрассудок, что, не поступивши в вуз, нельзя жить на свете, и молодежь часто говорит: «Не выдержал я экзамена и жить на свете не стоит». Между тем мы знаем такие случаи, когда студент поучится в вузе год, два года, а потом бросит. Мы видим, что по техническим вузам кончает из поступивших 10%. Значит, масса уходит, не кончивши вуза; куда она уходит, как она применяет свои знания в жизни — это дело неизвестно, и нет никакой статистики, которая бросила бы свет на это дело. И все же каждый считает необходимым вкусить от вузовской науки. И особенно осенью, когда видишь эти кадры молодежи, совершенно неподготовленные кадры молодежи, которая хочет учиться и которая думает, что учеба настоящая, доподлинная учеба — только в вузе, то начинаешь иногда думать, что мы перескакиваем через одну ступень. У нас слишком мало учреждений, которые создают работников средней квалификации, образованных практиков, а сейчас страна нуждается не столько в громадных кадрах команд-

ного состава, сколько в гораздо более знающих — и теоретически и практически — определенные отрасли средних работниках. У нас есть квалифицированные рабочие, у нас есть инженеры, но у нас нет среднего звена — техника, который близко стоит к рабочему, который может видеть его работу, оценивать ее. У нас какой-то прорыв между низшим профессиональным образованием и высшим, у нас чрезвычайно мало среднего технического персонала. Так же дело обстоит с сельскохозяйственным образованием. Например, сейчас сельскохозяйственные профессиональные школы, сельскохозяйственные курсы (сельхозуч — это начальное образование) всего охватывают 2788 человек. В техникумах — 14 112 учащихся, а вузовцев — 20 307. Получается у нас так, что низших школ у нас совсем мало; потом средних немножко побольше, а вузовцев еще больше. Получается, таким образом, большая голова, маленькое туловище и совсем коротенькие ноги. Получается что-то вроде новорожденного ребенка. Что касается технического образования, то здесь получается та же картина: низшее образование охватывает 72 тыс. человек, куда входит и фабзавуч — 35 тыс., в техникумах учащихся 25 тыс. и 42 тыс. учащихся в вузах. Опять-таки выходит среднего образования гораздо меньше, чем высшего образования, и опять получается несоответствие. Между тем проблема подготовки квалифицированных рабочих является чрезвычайно острой проблемой. Дело в том, что раньше рабочие квалифицированные черпались в очень значительной мере из ремесла, из кустарной промышленности. У нас революция здорово разрушила кустарную промышленность. В первые годы революции кустарное производство разрушалось стихийно. Сейчас оно в известной мере возрождается, но уже идет по другим путям, и тут преемственность квалификации до известной степени нарушена. Часто уже в кустарном промысле нет тех традиций ремесленных, тех навыков, которые были раньше; поэтому вычерпывание квалифицированных рабочих из кустарной промышленности сейчас дело невозможное или, по крайней мере, эти возможности очень ограничены. Кроме того, сейчас требуется совершенно другого типа рабочий. Если фабрика раньше только часть работы производила машинным способом, а для другой ча-

сти требовался просто ремесленно квалифицированный рабочий, рабочий с ремесленной подготовкой, то теперь для обслуживания машины при реконструкции производства требуется рабочий другого типа, требуется рабочий гораздо более подготовленный, подготовленный в специальной школе, знающий технику, машину, умеющий ею управлять. А у нас ничтожнейшая подготовка. Если мы исключим фабзавуч, который стоит на правильной линии,— конечно, в фабзавуче есть дефекты, но дефекты, которые могут быть выравнены,— то увидим, что у нас проблема не разрешена, не разрешена в том отношении, что нам надо обращать колоссальное внимание на низшее профессиональное техническое образование. Конечно, один Наркомпрос тут не справится; тут нужна колоссальная помощь со стороны хозяйственников. Промышленность именно и заинтересована в подготовке кадров новых квалифицированных рабочих, квалифицированных рабочих нового типа. В этом отношении, например, вся западноевропейская литература представляет собою доказательство того, как даже самые реакционные слои сознают необходимость этого. Вот, например, Отто Каммерер пишет: «Основная идея развития машинной техники — использование в рамках разделения труда человека не как мускульной машины, а как мыслящего существа. Главным средством осуществления этой идеи является распределение электрической силы. Потребность в обученных рабочих останется и будет все расти. Современная подготовка квалифицированных рабочих будет иметь большее значение, чем страхование на случай болезни и старости, ибо неквалифицированный рабочий будет так же мало пригоден для работы, как больной. Государство, которое не будет заботиться о подготовке квалифицированных рабочих из среды подрастающего поколения, может очутиться в таком положении, как если бы оно послало деревянные суда с пушками, заряженными с дула, в бой с панцирными линейными судами со скорострельными орудиями».

У нас подготовка квалифицированных рабочих слаба. У нас ведь квалификация в процессе работы получается, в процессе работы один от другого учится, а что касается систематической подготовки, то она равняется почти нулю: на тысячу рабочих приходится около четырех

человек, кончивших школы фабзавуча. Это ничтожное количество, которое совершенно растворяется в общей массе рабочих. Таким образом, вы видите, что в этом отношении дело у нас обстоит очень остро. Точно так же дело обстоит и в сельском хозяйстве. Мы хотим крупного кооперированного сельского хозяйства, ставим ставку на кооперирование, а работников низшей квалификации не подготавливаем.

Точно так же и со средним профобразованием дело обстоит чрезвычайно плохо. Конечно, какие-нибудь двадцать пять тысяч учащихся в индустриальных техникумах или 14 тыс. учащихся в сельскохозяйственных — это капля в море. Поэтому у нас здесь постоянная прореха, постоянный недостаток. Вот этой организующей практической силы у нас постоянно не хватает. Кроме того, надо заметить, что даже кончающие наши техникумы являются недостаточно подкованными в практическом отношении. Это происходит потому, что обучение в наших техникумах бывает недостаточно поставлено на практическую ногу. Тут у нас очень часто влияет старое. В прежние времена учение ставилось там очень отвлеченно. Часто проводили сравнение между кончающим у нас индустриальный техникум и кончающим немецкий индустриальный техникум. Так вот, оказывается, что немец прекрасно знает массу практических вещей, может сейчас же взять машину и поправить, может все проверить, он может самостоятельно руководить рабочими. А наш техник, окончивший техникум, практически не может руководить рабочим. В силу этого создается такое положение, что нашей промышленности недостает умелых рук; ей нужно больше таких техников, которые могли бы справляться с практическими задачами. Это, конечно, тесно связано с постановкой технического образования и с общеобразовательной школой. Все это связано одно с другим. Одна из самых острых проблем, которые существуют,— это постановка нашего профобразования, усиление его низшими кадрами, углубление и укрепление средних кадров и больший отбор принимаемых в высшие учебные заведения. Нам надо добиться, чтобы не такой массой шли в вузы, а чтобы туда шли более подобранные и более приспособленные кадры.

А это станет только тогда возможным, когда на прочной основе будет среднее техническое образование.

Ну, наконец, последнее. Последнее, о чем говорится в программе,— это о необходимости «открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров»[1]. Надо сказать, что в смысле экскурсионном, в смысле посещения музеев мы здесь сами не замечаем, чего мы достигли, мы не замечаем, что здесь достигли наибольших результатов. Это особенно бросается в глаза иностранцам. Я помню, как здесь была одна американка, преподавательница, которую больше всего поразило то, как у нас ведется экскурсионная работа, как у нас проводятся экскурсии в целый ряд наших музеев, в частности в наш исторический музей, в картинные галереи и т. д. и т. п. Она рассказывала, что у них в Америке ничего подобного не существует. Там нет такой широкой ориентации на массы. У нас же эта ориентация на массы принимает большие размеры в смысле экскурсионном, в смысле доступа к памятникам искусства. В этом отношении мы продвинулись значительно вперед.

Подводя итоги того, что мы достигли, я должна сказать, что в смысле содержания преподавания и в смысле понимания проблем мы значительно продвинулись, мы теперь ясно все эти проблемы сознаем. Они не так отвлеченны, как были раньше. Но в смысле количественных достижений у нас есть еще такие прорехи, как безграмотность, как недостаточное развитие школ общеобразовательных, как неправильное соотношение между низшим, средним и высшим профессиональным образованием, как недостаточная увязка с производством. Тут у нас имеется целый ряд таких вещей, с которыми надо покончить, над которыми надо работать, чтобы их изжить, ибо без этого те правильные основы, которые отмечены в программе партии, искажаются. Мы не достигнем наших целей, если у нас не будет широкой общеобразовательной базы, если у нас профессиональное

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 420.

образование не будет ориентироваться полностью на производство. Если оно не будет иметь в виду широких масс, если наше образование не будет создавать новых путей овладения знаниями массами, тогда мы не сможем осуществить строительство социализма так быстро, как нам хотелось бы. Здесь необходимо продвигаться по всем линиям с очень большим напряжением, с очень большой организованностью, чтобы все это проделать, ибо иначе произойдет чрезвычайно непроизводительная затрата сил, я бы даже сказала,— расточительство сил.

Вот то немногое, что я хотела сказать.

1928 г.

ЛЕНИН О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ ПРОЛЕТАРИАТА

В сентябре 1909 г. Владимир Ильич писал: «Историческая задача пролетариата — переваривать, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство в виде выходцев из мелкой буржуазии» [1]. Это было написано за восемь лет до Октябрьской революции. Но, само собой, при диктатуре пролетариата эта задача не отпадает, а, напротив, приобретает исключительно важное значение.

Стоящий у власти пролетариат стремится прежде всего создать социалистическую базу производства, создать путем законодательства, путем целого ряда мероприятий такие хозяйственные условия, при которых мелкое производство безболезненно будет переходить в более совершенные, производственно-кооперативные формы. Мелкая собственность постепенно отомрет, а вместе с ее отмиранием отомрет и мелкособственническая психология, мелкособственнические предрассудки. Вот почему и Советская власть и партия обращают так много внимания на экономику, на хозяйственное строительство.

На заре нашего российского рабочего движения в среде социалистов были такие, которые говорили: «Экономика имеет громадное значение, и ей должно быть уделено все внимание. Политическая борьба поэтому не нужна, правильное политическое устройство придет само собой». Социалистов, говоривших так, прозвали тогда «экономистами». Тогда и Плеханов и Владимир Ильич повели самую бешеную борьбу с «экономистами» и доказали всю необходимость борьбы с самодержавием и со всеми теми

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 16. стр 44.

взглядами, со всей той идеологией, которая ведет к укреплению царского строя, к укреплению господства помещиков и капиталистов, ведет к порабощению рабочего класса. «Экономисты» были разбиты наголову, никто их не стал слушать. И в настоящее время было бы, конечно, величайшей ошибкой думать, что параллельно с созданием экономических предпосылок для социалистического строительства можно не вести борьбу на идеологическом фронте. Так коммунисты не думают. «Наша задача,— писал Владимир Ильич,— побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное» [1].

Пролетариат долгие годы вел политическую борьбу, организуясь в этой борьбе, сплачиваясь идейно, укрепляя все больше и больше свои силы. Он повел за собой всех трудящихся и победил. Меньшевики говорили: «Ну, тут коммунистам и крышка. Кругом ведь мелкособственническое море. Победивший пролетариат будет захлестнут всей этой мелкобуржуазной стихией, он духовно переродится, сам насквозь пропитается мелкособственническими взглядами и привычками». Ленин же считал, что пролетариат не только способен одержать победу на идеологическом фронте, но и перевоспитать в своем духе все общество.

Буржуазия, писал Ленин, «старается затушевать еще более важную роль диктатуры пролетариата, ее воспитательную задачу, особенно важную в России, где к пролетариату принадлежит меньшинство населения. А, между тем, тут эта задача должна выдвинуться на первый план, так как нам нужно подготовить массы к социалистическому строительству. О диктатуре пролетариата не могло бы и речи быть, если бы пролетариат не выработал в себе большой сознательности, большой дисциплинированности, большой преданности в борьбе против буржуазии, т. е. той суммы задач, которую необходимо выдвинуть для полной победы пролетариата над его исконным врагом» [2].

Эта-то сознательность, дисциплинированность, беззаветность в борьбе против эксплуататоров, которые помог-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 345.
[2] Там же, стр. 339.

ли пролетариату одержать победу над буржуазией в политической области, помогут пролетариату выполнить и его воспитательную задачу.

Основной задачей Коммунистической партии, как авангарда в борьбе, ее задачей должна быть помощь в деле воспитания и образования трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс.

Ильич говорил о трудностях этой воспитательной работы. Трудности он видел в том, что враг, с которым надо бороться, не всегда ясен рабочей и крестьянской массе. Теперь открытых помещиков нет, открытых капиталистов нет. Все подлаживаются под Советскую власть. Но, подлаживаясь, они в то же время во всю жизнь, в весь быт протаскивают старые подходы, старые навыки и привычки. Рабочему классу надо острить свой взгляд. Старое перевернуто, но не изжито. Надо учиться отличать старое, то, с чем надо бороться. Надо вооружаться знанием.

В своих последних речах и статьях Владимир Ильич не уставал поэтому говорить о необходимости и для коммунистов и для рабочих самой упорной учебы; нам нужно, писал он, «во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы *наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом*»[1] (курсив мой.— *Н. К.*). Первую часть у нас часто повторяют, а о второй забывают, а в ней ведь вся суть. Нам нужна учеба для реорганизации всей нашей жизни. Только неустанно остря свой взгляд, вооружаясь знанием, сможет рабочий класс выполнить свою историческую задачу — переучить, перевоспитать мелкобуржуазную стихию, вырвать из-под влияния старого многомиллионную крестьянскую массу.

Говоря о воспитательной роли пролетариата, Ленин считал, что пролетариат в своей работе должен опирать-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 447.

ся также и на учительство. «...Особенно ярко,— говорил Владимир Ильич,— встает задача сочетать партийное руководство и подчинить себе, пропитать своим духом, зажечь огнем своей инициативы этот громадный аппарат — полумиллионную армию преподавательского персонала, которая состоит сейчас на службе у рабочего. Работники просвещения, учительский персонал, были воспитаны в духе буржуазных предрассудков и привычек, в духе враждебном пролетариату, они были совершенно не связаны с ним. Теперь мы должны воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты»[1]. «Нужно сказать, что сотни тысяч учителей — это есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками, которые еще до сих пор существуют в массах. Наследие капиталистической культуры, пропитанность ее недостатками учительской массы, которая при наличии их не может быть коммунистической, однако не может мешать брать этих учителей в ряды работников просветительной политической работы, так как эти учителя обладают знаниями, без которых мы не можем добиться своей цели» [2].

Четыре года назад, перед гробом Ильича, который так высоко ценил учителя, относился к нему с таким доверием, тысячи учителей в глубине своей души горячо клялись провести в жизнь его заветы.

За эти годы многие из них почувствовали, как много надо им поработать над собой, чтобы стать тем, чего ждал от них Ильич,— помощниками пролетариата в его воспитательной работе.

На педагогическом фронте идеологическая борьба должна носить особо четкий характер. Тут со старыми предрассудками, со старой идеологией надо бороться особо упорно. Всякое оживление старой идеологии означает борьбу против заветов Ильича. Советское учительство

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 343.
[2] Там же, стр. 344.

выбрало свой путь, но путь этот надо расчищать, а не заваливать старым буржуазным хламом.

В четвертую годовщину смерти Ильича учительство продумает еще раз пережитое за эти годы и более уверенно пойдет вперед, рука об руку с пролетариатом, помогая ему в осуществлении тех великих задач, которые на него возложила история.

1928 г.

НА ПОРОГЕ ПЯТОГО ГОДА БЕЗ ЛЕНИНА

Вряд ли надо опять перебирать в нашей памяти четыре прожитые без Ленина года. Этой осенью мы подводили не раз итоги проделанной во всех областях работы, подводили эти итоги к съезду работниц и крестьянок, к юбилейной сессии ЦИК СССР, к 10-летию Октября, к XV съезду партии. Говорить о пройденном пути еще раз — значило бы повторяться. Вряд ли надо говорить о том, что каждый из нас знает и чувствует: если бы Ленин был жив, мы ушли бы много дальше вперед, то, что нами достигнуто, было бы достигнуто с меньшей затратой сил, каждый из нас спокойнее бы работал, был бы увереннее в себе. Об этом что говорить.

Я хотела бы остановиться сейчас на одном вопросе. Массы поднялись к сознательной жизни, великие идеи Октября докатились до глухих углов, до отдаленных деревень нашего Союза. Мы подошли вплотную к преобразованию всех основ нашей жизни на социалистических началах. То, о чем писал Ленин в своих последних статьях, стало очередной задачей. Возьмем пример. Нам надо поднимать сельское хозяйство. Но задача стоит уже не так, как она стояла еще недавно. Нам надо уже не просто агитировать за улучшение хозяйства, за вспашку на зябь, за утепление хлевов, за кормление по нормам, и пр., и т. д.

Мы подошли к вопросу о реконструкции, о преобразовании самих основ сельского хозяйства. Перед нами вплотную встала задача — создание крупных хозяйств на основе добровольного объединения теперешних мелких и мельчайших крестьянских хозяйств. Эта задача требует гораздо более глубокого знания деревни, гораздо лучших организационных навыков, гораздо более умелого ведения пропаганды. С другой стороны, кооперирование требует от

самих крестьян гораздо более высокого культурного уровня, общественных навыков, грамотности. Мы вплотную упираемся тут в вопрос о малокультурности всего нашего деревенского уклада. И тут мы вспоминаем все, что говорил нам Ильич об учебе. Пять лет тому назад на IV конгрессе Коммунистического Интернационала он говорил: «...каждый момент, свободный от военной деятельности, от войны, мы должны использовать для учебы и притом с начала.

Вся партия и все слои России доказывают это своей жаждой знания. Это стремление к учению показывает, что важнейшей задачей для нас является сейчас: учиться и учиться. Но учиться должны также и иностранные товарищи, не в том смысле, как мы должны учиться — читать, писать и понимать прочитанное, в чем мы еще нуждаемся. Спорят о том, относится ли это к пролетарской или буржуазной культуре? Я оставляю этот вопрос открытым. Во всяком случае, несомненно: нам необходимо прежде всего учиться читать, писать и понимать прочитанное» [1].

В заключение этой своей речи Ильич сказал: «Я убежден в том, что мы должны в этом отношении сказать не только русским, но и иностранным товарищам, что важнейшее в наступающий теперь период, это — учеба. Мы учимся в общем смысле. Они же должны учиться в специальном смысле, чтобы действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы» [2].

Если мы оглянемся на пройденные пять лет, то увидим, что для иностранных товарищей минувшие годы были годами учебы — часто учебы очень тяжелой, учебы на ошибках.

Мы знаем, как мы учились на наших ошибках, как учились на них миллионные массы. Мы знаем, как, подытоживая опыт, Ильич расценивал пройденный путь. Каждой стране надо постоянно учиться лучше организовываться, организовывать массы, сплачивать крепкий, стойкий центр, следить, чтобы были приводные ремни между центром и массой, надо, чтобы все винтики и колесики организации были правильно прилажены; надо уметь подходить

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 393.
[2] Там же, стр. 394.

к массам, вести их за собой, будить их самодеятельность, надо знать, когда какой вопрос выдвинуть, за какое звено ухватиться. В этом отношении мы прошли многолетнюю учебу. Я не могу подробно остановиться, чему и как за минувшие пять лет научились иностранные товарищи, это мог бы быть предмет большой, обстоятельной статьи или брошюры.

Я хочу остановиться на другом вопросе — на нашей учебе, той учебе, для которой Ильич советовал использовать каждую минуту.

Конечно, было бы смешно отрицать, что мы за эти пять лет очень многому научились. Народ стал грамотнее, стал больше читать газеты, больше и лучше разбираться в окружающей жизни и событиях. Но достаточно ли мы учились? Надо прямо сказать — недостаточно. Между тем спросом, который предъявляет жизнь на учебу, и нашей фактической учебой ножницы расходятся до чрезвычайности. Жизнь, вся современная организация ее требуют высокой культурности населения, а прошлое держит еще властно широкие массы во тьме. Тут нужна напряженнейшая работа.

На пороге пятого года, который мы живем без Ильича, отпала ли задача, выставленная Ильичем пять лет тому назад? Перестала ли учеба быть для нас главнейшей задачей момента? Нет, мы сейчас должны еще напряженнее учиться, помня, что передышка, которую мы имеем пока, каждую минуту может быть сорвана нападением на нас.

Мы сейчас уже имеем начало, которое облегчает нам дальнейшую учебу. Но, если мы посмотрим, как идет, например, работа в хозяйственной области, мы должны прямо сказать, что в культурной области той напряженности, той четкости, которую мы имеем в хозяйственной области, мы не видим.

И если Ильич говорил о том, что иностранным товарищам надо продумать организацию, построение, метод и содержание революционной работы, то нам, в нашем Советском Союзе, пожалуй, надо глубже продумать организацию, построение, метод и содержание нашей культурной работы.

В области просвещения у нас работает Комиссариат народного просвещения. Но и сам комиссариат это знает, и об этом четко сказано в программе нашей партии, что

комиссариат должен в своей работе опираться на массы. Нам надо продумать и лучше наладить связь массы с органами народного просвещения.

Нам надо лучше продумать построение нашей просветительной работы — продумать, как все в области народного просвещения должно быть увязано между собою, как одна балка должна крепить другую.

Нам надо лучше продумать, как вести всю культурную работу, как сделать ее наиболее плодотворной, более эффективной, как принято сейчас говорить.

Наконец, нам надо посмотреть на содержание нашей культурной работы, есть ли полная увязка, полное соответствие между запросами масс и их удовлетворением.

Вот почему Агитпроп ЦК ВКП(б) созывает весной партийное совещание по вопросам народного образования.

Было бы ошибочно думать, что это дело только Агитпропа и органов народного образования. Нет, это дело общенародное. И как пастушонок глухой деревни Саратовской губернии заботится о том, чтобы его «друг» народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский делал «те распоряжения, которые надо», так о том же надо заботиться и каждой организации.

Мне кажется, что отделы по работе среди женщин должны развить тут особо большую подготовительную работу. Вопросы организации, построения, методов и содержания просветительной работы должны стать вопросами, обсуждаемыми на делегатских собраниях и т. п. Конечно, мудреных слов употреблять не надо, но обсудить по существу все эти вопросы надо. Надо внимательно прислушиваться к тому, что говорят делегатки, работницы и крестьянки. Надо записывать каждое меткое выражение, каждую новую мысль, чтобы к партсовещанию иметь организованное мнение делегаток.

Весь вопрос очень большой важности, он должен быть основательно еще подработан.

Если мы всерьез хотим продвигать широчайшим образом вопрос о поднятии культуры,— надо вопросы партсовещания по народному образованию прорабатывать возможно шире, вместе с массой.

1928 г.

О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ

(ВОСПОМИНАНИЯ)

Впервые я услышала о Л. Толстом, когда мне было лет десять. Мать читала «Войну и мир», очень увлекалась ею. Мне она прочитала из «Войны и мира» о Пете Ростове, об его увлечении войной и его смерти. И странным образом у меня образ Пети сочетался с виденной мною в тот год выставкой картин Верещагина. Это было года два спустя после турецкой войны. С тех пор я стала любить Л. Толстого.

Читать я его стала лет тринадцати, по многу раз перечитывала все его рассказы и романы, только «Анну Каренину» почему-то читала позднее, лет шестнадцати. Мне особенно нравилось «Семейное счастье».

Когда мне попался IV том с педагогическими сочинениями Л. Толстого, они особенно увлекли меня — я в те времена мечтала о том, что стану сельской учительницей. Что мне, подростку, так нравилось у Л. Толстого? Во-первых, то, что он так хорошо знал деревню и ее быт. Я знала деревню, у меня было немало приятелей среди деревенских ребят, и я видела, что Л. Толстой отображает деревню, как она есть. Потом мне нравилось очень, что он в каждом ребенке видит человека и уважает его личность. У нас в доме отец с матерью часто говорили о воспитании. Слушая их, я пришла к убеждению, что детям надо предоставить как можно больше самостоятельности, как можно меньше опекать их. Я весьма рьяно отстаивала свои ребячьи права. Мне разрешалось читать, что я хочу, дружить, с кем я хочу, не ходить в гимназию, если мне не хочется, и т. д. Поэтому я советовалась о том, что мне читать, не пользовалась правом не ходить в гимназию и т. д.

Я еще так живо помнила, как мучилась я в одной школе, где пробыла год, мучилась формальным отношением, постоянным недоверием ко мне учителей и особенно классной дамы, какой затоптанной, ненужной я себя там чувствовала, как плохо училась, как чуждалась других ребят. И я была благодарна Л. Толстому, что он уважает ребенка. Мне было любо, что Л. Толстой написал статью «Кому у кого учиться: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?»; на всю жизнь врезалось в память, как Л. Толстой с ребятами писали рассказ и как ходили потом ночью по деревне и говорили о самом задушевном. Запомнилась еще тогда сцена, как дворовая девчурка, все время молчавшая, вдруг под влиянием рассказа Л. Толстого сначала робко, а потом все смелее заговорила. И я переживала то, что чувствовал Л. Толстой; он писал — точно тайну какую-то подсмотрел, точно на его глазах цветок какой-то распустился. Мне казалось, что Л. Толстой понимал, как бережно надо относиться к детям, дать им развернуться, осознать жизнь.

Мне нравилось, что Л. Толстой критикует современную школу, ищет путей, как сделать школу лучшей, близкой, нужной детям. Я ненавидела всякое рабство и хотела школы свободной. Меня трогало, что Л. Толстой, написавший такой замечательный роман, как «Война и мир», заботится о том, чтобы было ребятам что читать, что думает, как ребят научить лучше петь, и пр. И не только заботится об этом, но не стыдится признаваться в ошибках.

Из-за заработка я рано стала давать уроки, и я стала сейчас же применять в своей педагогической деятельности методы Л. Толстого — стала относиться к ребятам, как к равным, внимательно слушать, что они говорят, чего они хотят, и скоро убедилась, что так именно и надо относиться к ребятам. Я благодарна Л. Толстому за то, что благодаря ему я испытала немало радости: узнала горячую детскую привязанность, испытала, что значит доверие ребят; узнала, как просто при известном отношении к ребятам добиться от них серьезного отношения к делу, помочь им добиться больших успехов в учебе.

И сейчас — 45 лет спустя — я не изменила своей точки зрения. И сейчас я хочу, чтобы из ребят воспитывались не рабы, а свободные граждане, и сейчас я считаю никуда не годным учителя, не умеющего уважать личность ребен-

ка, с ней считаться, думающего, что путем скалы наказаний, мер воздействия можно воспитать «строителя социализма».

От писателя, художника в настоящем смысле слова, мы всегда многому учимся, как бы несогласны мы ни были с его воззрениями. Л. Толстой умел так отображать жизнь, умел так смотреть, что и читателя учил видеть жизнь в ее настоящем свете, понимать ее во всей ее сложности. Я помню, какое на меня, кончившую гимназию, произвел впечатление XIII том Л. Толстого, где были статьи «Труд и роскошь», «Обследование ночлежного дома» и др. Но были годы глухой реакции, и страстная критика Л. Толстого рвала мертвое молчание, будила, не давая покоя. «Самокритика» дворянского и буржуазного уклада была освежающим каким-то потоком. Ни одной минуты я не была непротивленкой, «толстовкой» в настоящем смысле слова, но я глубоко благодарна Л. Толстому за то, что он помог мне научиться бесстрашно глядеть жизни в глаза. Я думаю, многим, очень многим помог Л. Толстой стать революционерами.

1928 г.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

25 октября будет праздноваться 60-летие Михаила Николаевича Покровского.

Михаил Николаевич Покровский — председатель Государственного ученого совета. Он — старый партиец, крупнейший ученый. О революционной деятельности Михаила Николаевича и о его ученой деятельности читатели «На путях к новой школе» прочтут в газетах и общих журналах. Я только хотела бы отметить то громадное значение, которое имело руководство со стороны Михаила Николаевича ГУСом, в частности его руководство научно-педагогической секцией. По мысли Владимира Ильича, ГУС должен был стать центром марксистского руководства делом народного образования. Построить дело народного образования надо было по-новому, надо было пропитать программы на всех их ступенях духом диалектического материализма, вложить в них марксистскую суть; в руководящих журналах надо было показывать широким кадрам педагогов, профессоров, примкнувших к Советской власти, в чем именно заключается марксизм в педагогике, как по-марксистски ставить ряд научных дисциплин. Многие и по сию пору думают, что все дело было в том, чтобы на место прежних педагогов и профессоров посадить новых, вместо беспартийных — партийцев, что все дело было в том, чтобы сочинить хорошую политграмоту и сделать прохождение ее обязательным. Владимир Ильич смотрел на дело иначе. Само собой, он не отрицал необходимости того, чтобы коммунисты как можно шире вливались в ряды педагогов, он признавал, конечно, необходимость выработать новый

учебник, в котором давалась бы азбука марксизма, но наряду с этим он считал, что центр тяжести — в перестройке всего преподавания и воспитания на новых, марксистских началах, в реорганизации всего учебного плана, всех программ, всего школьного уклада в духе коммунизма, Марксовой теории, в духе коммунистической морали. Этого нельзя было сделать скандачка, наспех. Эта работа мыслилась Владимиром Ильичем как большая научная работа многих лет. Без этой работы коммунисты никогда не смогут вести за собой кадры учительства и профессуры; Владимир Ильич считал, что если такая работа не будет вестись, тогда не мы поведем беспартийные массы, а их поведут через нас же всякие чуждые, приспособившиеся элементы. Слова, термины будут марксистские, а суть останется буржуазная. Основание ГУСа положило начало той работе, которой придавал такое исключительное значение Владимир Ильич. Самым подходящим для этой работы человеком Владимир Ильич считал Михаила Николаевича, которого он глубоко уважал и ценил.

В статье «О работе Наркомпроса» (от 7. II 1921 г.) Владимир Ильич писал: «В комиссариате просвещения есть два — и только два — товарища с заданиями исключительного свойства. Это — нарком, т. Луначарский, осуществляющий общее руководство, и заместитель, т. Покровский, осуществляющий руководство, во-первых, как заместитель наркома, во-вторых, как обязательный советник (и руководитель) по вопросам научным, по вопросам марксизма вообще»[1].

Мне пришлось 7 лет работать в научно-педагогической секции ГУСа под непосредственным руководством Михаила Николаевича.

Михаил Николаевич руководил не на словах, а *на деле*. Вникал в суть всех вопросов. Никогда не бывало, чтобы он отмахнулся от какого-либо важного вопроса, никогда не бывало, ни разу, чтобы он подошел к нему формально. Он вникал во все те детали, из которых складывается целое, постоянно приходил на собрания, вслушивался в постановку вопроса каждым работником. Ну, о формах руководства, о его глубоко товарищеских фор-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 102—103.

мах, говорить нет надобности, все знают величайший такт Михаила Николаевича.

Когда я думаю о руководстве Михаила Николаевича, мне всегда приходит в голову одно сравнение. В «Обрыве» Гончарова Райский рассказывает о своих попытках в школьные годы рисовать портреты. Нарисует портрет, а глаза у него выходят мертвые. Потом придет учитель, ничего не исправляет, а только точечки какие-то в зрачках поставит, и вдруг глаза становятся живыми, все лицо точно дышит.

И вот составляем мы программы, планы и т. п. Все по-марксистски, но не живое какое-то. Михаил Николаевич сделает пару замечаний, и, смотришь,— программы, планы преобразовались, их марксизм стал живым, дышащим. Много раз это приходилось наблюдать.

Я ненавижу юбилеи. В них много фальши.

Но все же хочется придраться к случаю и сказать Михаилу Николаевичу, хотя бы в его юбилей, как мы ценим его как марксиста, как мы ценим его как руководителя и товарища в борьбе за пропитывание всего дела народного просвещения подлинным духом марксизма.

1928 г.

ПОЛОЖЕНИЕ О ЕДИНОЙ ТРУДОВОЙ ШКОЛЕ РСФСР

10 лет тому назад, 16 октября 1918 г., ВЦИКом было принято «Положение о единой трудовой школе РСФСР». Оно подписано председателем ВЦИКа Я. Свердловым, зам. наркома по просвещению М. Покровским и секретарем ВЦИКа А. Енукидзе.

Это «Положение» снабжено было вступительной статьей от Государственной комиссии по просвещению, написанной наркомом по просвещению А. Луначарским. Эта вступительная статья носила название «Основные принципы единой трудовой школы».

В самом декрете очень много такого, что имело временное значение, носило административный характер. Смысл и значение этого декрета особо ярко выступают в «Основных принципах единой школы», но эти «Основные принципы» были бы простой декларацией, обычной, хорошей, талантливой статьей, если бы они не сопровождались данным декретом, показывающим, что все это не слова, а дело, что «Основные принципы» — руководство к действию. Пусть многое в декрете спустя 10 лет строительства школы, борьбы за «Основные принципы» выглядит наивно, но в самой этой наивности, в каждом пункте, в каждом параграфе звучит могучий призыв величайшей в мире революции.

Сила этого призыва не ослабела и сейчас, она напоминает нам, как много еще не сделано нами для осуществления «Основных принципов», как многое еще не доведено до конца и не может быть доведено, если мы не будем работать неустанно под революционным знаменем Октября.

Основной задачей декрета было сломать старую привилегированную школу, сделать школу подлинно массовой, подлинно народной, доступной и нужной массам. В этих целях должна быть создана обновленная школа совместного воспитания — общедоступная, бесплатная и обязательная на всех ступенях. Это должна быть единая (но не однотипная, а приспособленная к местным условиям) трудовая школа. Труд, радостный, творческий труд, должен стать стержнем школьной учебы и жизни, труд производительный, тесно увязанный с жизнью, политехнический, коллективный. Школа светская, в ней нет места религии. Программа должна, покоясь на достижениях науки, давать молодежи материалистическое мировоззрение. Обновленная школа не будет подавлять личность, индивидуальность ребенка, напротив, она будет всесторонне обогащать ее, развивая все природные способности.

«Забота об отсталых,— говорится в «Основных принципах»,— это первая забота демократической школы, ибо отсталость в подавляющем большинстве случаев объясняется не недостатком природных способностей, а худшими условиями домашнего обихода... Пусть лучше не сразу нам удастся осуществить меры в пользу особо преуспевающих, но пусть ни в каком случае отсталые не останутся без особых забот школы».

В «Основных принципах» говорится также об организующей роли искусства, которое должно пронизывать всю работу школы. Искусство будет помогать сплочению ребят в дружный коллектив.

«...Прочность социалистического общества заключается не в казарменном однообразии и не в искусственной дрессировке, не в религиозном или эстетическом обмане, но в реальной солидарности интересов... В воспитании самой прекрасной задачей является создание школьного коллектива, спаянного радостным и прочным товариществом, что заложит в душу подростка, развивая соответственные наклонности в нем, широкую общественность, способность реально, всем сердцем чувствовать себя солидарной частью великого целого. Добровольная дисциплина, дух взаимопомощи, объединенная работа, самоуправление на началах полного равенства, хоровое начало повсюду, где оно возможно, разнообраз-

ные трудовые акты, устремленные к созданию общего сложного результата,— вот принципы, которые рядом с изучением прошлого и настоящего человечества при свете научного социализма дадут нам того гражданина, какого нам нужно и какого никогда не воспитает буржуазная школа, умеющая плодить лишь эгоистов или баранов».

В учащихся нужно воспитывать твердую волю. «Волю нельзя развить иначе, чем развивая активность разнообразную, целесообразную... Как ни важен, однако, трудовой принцип в деле воспитания воли, характера и солидарности,— благотворные результаты в этих отношениях могут быть достигнуты лишь при правильно налаженном школьном быте».

Говоря далее о товарищеском, внимательном отношении учащих к учащимся, без которого невозможно создать новой школы, «Основные принципы» говорят: «Никакая строгость, никакие наказания не могут иметь места в обновленной школе».

В самом декрете особо четко сформулированы разделы II («Основные начала школьной работы») и III («Порядок и условия школьной работы»).

Мы имеем теперь обширную педагогическую литературу, которая затопляет, оглушает учителя. В этой новой педагогической литературе говорится обо всем, о чем угодно, но очень мало о тех основных принципах, которые лежат в основе нашей единой трудовой школы.

Декрет и вводная статья к нему не отменены ни юридически, ни ходом развития, основные идеи декрета и «Основных принципов» стоят в полном согласии и с программой ВКП(б).

Разруха, крайне тяжелые общие условия, при которых жила и развивалась наша школа за эти десять лет, помешали осуществлению основных принципов в той мере, в какой это необходимо. Но целевая установка нашей школы не изменилась. Декрет, созданный в разгар революции, будет освещать наш путь до тех пор, пока мы полностью не осуществим основные принципы, заложенные в нем.

1928 г.

О СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Система народного образования в СССР должна быть такова, чтобы она давала возможность всем ребятам и подросткам без различия пола и национальности всесторонне развить все свои способности, овладеть тем, что накоплено человеческим знанием, научиться прилагать эти знания к конкретным условиям окружающей жизни, должна помочь им научиться коллективно жить, работать и творить новые формы жизни.

Система народного образования должна также охватывать всю молодежь, выковывать из нее умелых работников, нужных стране, сознательных и активных организаторов, строителей социализма.

Эта система народного образования должна обслужить массы рабочих и крестьян, молодежь и взрослых, которые в условиях старого режима лишены были возможности приобрести самые элементарные знания. Наша система народного образования должна стать не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс.

Она не может быть просто скопирована с системы буржуазных стран, не может быть слепком с дореволюционной системы. Она должна строиться совершенно на иных основах, в корне отличающихся от тех основ, на которых строятся буржуазные системы народного образования.

В программе ВКП(б) формулированы основы нашей системы народного образования. Параграф 12-й нашей программы говорит о дошкольном, школьном, професси-

ональном и политпросветском образовании детей, подростков и взрослых. Относительно дошкольного образования говорится, что необходимо «создание сети дошкольных учреждений: яслей, садов, очагов и т. п., в целях улучшения общественного воспитания и раскрепощения женщины». Относительно школьного образования сказано, что необходимо: 1) «проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет»; 2) «полное осуществление принципов единой трудовой школы, с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно светской, т. е. свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества»; 3) «привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения».

О профобразовании сказано: «широкое развитие профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста в связи с общими политехническими знаниями».

Относительно политпросветского образования сказано: 1) необходимо «развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этой цели аппарата и средств государственной власти»; 2) «всесторонняя государственная помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян»; 3) «открытие широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться, и в первую очередь для рабочих» [1].

Таковы *основы* нашей системы народного образования.

Само собой, что для осуществления этих основ нужна длительная работа, что для осуществления их в нашей отсталой стране нужен ряд переходных мероприятий.

В своем письме к Зорге от 20 июня 1881 г. Маркс писал по поводу национализации ренты, что в числе других переходных мер допустима и эта мера. «Эти меры...— писал Маркс,— полны внутренних противоречий, како-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419—420.

выми вообще бывают и должны быть переходные мероприятия»[1]. Вдумываясь в эти слова Маркса и рассматривая под углом зрения этой мысли Маркса мероприятия Советской власти за минувшие 11 лет ее существования, видишь, как много противоречий крылось в основных мероприятиях Советской власти и как лишь в ходе развития постепенно изживаются эти противоречия.

Весь нэп полон внутренних противоречий, которые лишь постепенно могут быть изжиты.

Точно так же и мероприятия, имеющие в виду осуществление основ нашей системы народного образования, формулированных в программе ВКП(б), проникнуты внутренними противоречиями, которые могут быть изжиты лишь постепенно.

Возьмем хотя бы постановление ЦК ВКП(б), принятое в конце 1920 г., о временном снижении обязательного общего образования, охватывающего всех детей и подростков с 15 до 17 лет. В программе этот возраст определяется в 17 лет.

Это постановление также таит в себе внутренние противоречия: с одной стороны, это как будто бы отступление от основ единой трудовой политехнической школы; с другой стороны — это мера, необходимая для того, чтобы все силы сосредоточить на начальном образовании, сделать его на деле всеобщим. Это противоречие может быть изжито лишь тогда, когда мы в значительной мере продвинемся по пути введения всеобщего образования. Тогда данное постановление, которое ЦК ВКП(б) характеризовал *как временное,* будет лишним, когда можно будет провести повышение возраста.

Ни одна мера не является изолированной, и Владимир Ильич, проведший это постановление ЦК о снижении числа лет общеобразовательной школы, в то же время настаивал на внесении элементов политехнизма в профессиональное образование.

В статье «О работе Наркомпроса» Владимир Ильич указывает на неправильную постановку вопроса о политехническом образовании на имевшем место в декабре 1920 г. партсовещании и на директивы, данные в связи

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 139.

с этим ЦК: «Вопрос о политехническом образовании решен, в основном, нашей программой партии, §§ 1 и 8 в отделе программы, посвященном народному просвещению. На эти пункты программы директива ЦК и указывает. § 1 говорит о *политехническом образовании* до 17 лет, § 8 — о «широком развитии профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста, *в связи с общими политехническими знаниями*»[1] (курсив Владимира Ильича).

На каждом крупном этапе нашего социалистического строительства мы должны внимательно вглядываться в то, соответствуют ли *формы* наших школ и других просветительных учреждений, *содержание их работы, существующие мероприятия* по народному образованию установленным основам нашей системы народного образования, с одной стороны, возможностям переживаемого этапа — с другой.

Предстоящее в феврале 1929 г. партсовещание как раз и подойдет к вопросам системы народного образования именно с этой стороны.

Партсовещанию придется, вероятно, остановиться на вопросе о том, насколько содержание преподавания в школе-семилетке и весь ее уклад соответствуют основам, установленным нашей программой партии, а также обсудить ряд мероприятий, которые могут быть в данный момент предприняты в целях укрепления, развертывания и улучшения школ-семилеток.

Но основным вопросом партсовещания должен быть вопрос о среднем профессионализированном и профессиональном образовании (8-й и 9-й годы школы II ступени, фабзавучи, техникумы), о самом характере преподавания в этих школах, о сочетании элементов узкой специализации и политехнизма в этих школах, о характере практики в них, о связи с потребностями развивающегося хозяйства и культуры, вообще о роли среднего профессионального образования во всей нашей системе народного образования.

Вопрос этот в данный момент имеет исключительно важное значение, он должен быть основательно подрабо-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 101—102.

тан, должны будут быть обдуманы мероприятия, которые поставят наше среднее профобразование на должную высоту.

Наши профессионализированные восьмые и девятые группы, направленные главным образом на подготовку советской полуинтеллигенции, не дают в большинстве случаев настоящего выхода в жизнь и стремятся стать главным образом пропускным пунктом в вуз.

С другой стороны, сеть техникумов слабо развита, не ориентирована на потребности реорганизующегося хозяйства и растущей культуры, они часто дают чересчур узкую специальность, не увязываются с элементами политехнического образования, не обеспечивают учащимся возможности в будущем углублять и расширять свои знания, дают слишком мало практических умений, не дают той общественной установки, тех общественных навыков, без которых немыслима работа советского спеца вообще, а особенно спеца, соприкасающегося с массой, обязанного непосредственно помогать ей в работе.

Партия вынуждена была в течение долгих лет сосредоточивать все свое внимание на политической борьбе, а затем на борьбе на экономическом фронте; вопросы народного образования отодвигались на задний план.

На переживаемом нами этапе вопросы просвещения принимают особо острый характер, в этих вопросах особенно становится нужной четкая, принципиально выдержанная линия — с одной стороны, учет проделанного опыта в области народного образования и учет всех потребностей данного этапа строительства социализма — с другой.

Вот почему предстоящее партсовещание имеет исключительно важное значение.

1928 г.

ПРОВЕРКА ВЫПОЛНЕНИЯ

В феврале 1929 г. намечается партсовещание по вопросам народного образования. Надо подытожить опыт строительства в этой области за последние годы, всесторонне обсудить ряд наболевших вопросов и разрешить их.

Наша партийная программа в области народного образования формулировала ряд положений, и вот надо прежде всего установить, насколько эти положения проводятся в жизнь, что из них и в какой мере удалось осуществить.

Вопрос дошкольного образования. Программа требует создания «сети дошкольных учреждений: яслей, садов, очагов и т. п., в целях улучшения общественного воспитания и раскрепощения женщины» [1].

Сейчас мы понимаем этот параграф лучше, глубже, чем понимали раньше. Мы знаем, что отсутствие детских садов, очагов для дошкольников — детей рабочих — ведет к отставанию этих ребят в школе, что отсутствие детсадов ведет не только к закрепощению женщины-матери, но и к закрепощению девочек-нянек, к закрытию перед ними возможности посещать школу.

И мы знаем, как ничтожно еще количество детсадов в рабочих районах, в деревне. Что нужно и можно сейчас сделать?

Что говорится в программе ВКП(б) о школе? Чего мы хотим в этой области? Ближайшей задачей ставится «проведение бесплатного и обязательного общего

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.

и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет»[1].

Сначала хотели провести всё сразу. Но жизнь заставила пойти обходными путями. Партсовещание 1920 г. снизило временно возраст всеобщего бесплатного и обязательного обучения до 15 лет. Но это снижение возраста имело не столько реальное значение, сколько значение директивы: максимальное внимание обратить на проведение всеобщности и бесплатности в школе I ступени и в семилетке.

Восемь лет прошло со времени партсовещания 1920 г. Насчет *всеобщности* мы знаем, как обстоит дело. Еще почти половина ребят возраста от 8 до 12 лет остается безграмотными. Таким темпом идти дальше нельзя. Надо принять экстренные меры. Надо выработать меры поддержки инициативы населения в деле строительства, оборудования и улучшения школ. Надо форсировать всеобщность обучения в городах и особо важных в экономическом и культурном отношении селениях, путем, может быть, принятия ЦИКом решения, стимулирующего к принятию подобных решений горсоветами и волостными исполкомами. Надо горсоветам и волисполкомам выяснить количество нужных детских общежитий, устраиваемых самим населением для детей, живущих в отдаленных от школы местностях, и помогать устройству их. Возложить на волисполкомы обязанность подвоза в школы детей бедняков там, где школы далеко. Придать больше гибкости подготовке детей в рамках школы I ступени, устраивая там, где нет еще школы, детские годичные ликпункты и школы малограмотных, работающие три раза в неделю (чтобы охватить две смены ребят), работающие в две смены, обязывая всех граждан посылать в эти ликпункты своих детей, особенно девочек. Призвать общественность к организации этого дела. Ни один ребенок не должен оставаться безграмотным. Надо создать условия для проведения в ближайшую же зиму обязательного поголовного обучения ребят грамоте. Возможно это или нет? Это решит партсовещание.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.

Что касается семилетки, то тут необходимо начать с широкого развертывания семилеток в заводских районах, в промышленных пригородах, стимулируя одновременно и в деревнях пристройку к четырехлетнему курсу пятых групп, к пятилетнему курсу — шестых, к шестилетнему — седьмых, форсируя в деревнях развитие школ крестьянской молодежи. Тут нужна полная бесплатность обучения, как и в четырехлетке, и преследование за введение платности. Надо стимулировать всячески оказание стипендиальной помощи детям батраков и бедняков со стороны разных хозяйственных, кооперативных и других учреждений. Надо шире развертывать это дело. Надо развернуть широко заочное обучение в размере школы-семилетки, создать заочную школу-семилетку с детально разработанными заданиями, надо организовать проверку выполнения этих заданий через опорные школы, школы-семилетки и пр. Партсовещанию надо будет продумать все эти меры.

Параграф 3-й пункта 12-го программы говорит еще, что необходимо «полное осуществление принципов единой трудовой школы, с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно светской, т. е. свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества»[1].

Насчет «преподавания на родном языке»,— этот вопрос войдет в особый пункт порядка дня совещания, посвященный вопросу об очередных задачах национальной политики в деле народного образования в СССР. Этот пункт особенно важен. Путь осуществления единой школы в национальных автономных республиках и в автономных областях, а равно и в отдельных местностях РСФСР, заселенных нацменьшинствами по преимуществу, особенно труден. Тут нужна особая гибкость школы, тут нужен особый ряд мер для проведения в жизнь совместного обучения. РСФСР должна тут многому поучиться у автономных республик, а последние — использовать наш опыт.

Для ряда автономных республик представляет, напри-

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419—420.

мер, большое затруднение осуществить совместное воспитание мальчиков и девочек, так как этому мешают бытовые и религиозные предрассудки. Борьба за совместное обучение начинается с борьбы за вовлечение девочек в школу вообще. Создаются специальные женские школы, куда население отдает девочек. Широкое развитие женских школ подготовляет почву для школ совместного обучения. Преодолевается представление, что девочкам не надо учиться вообще. Опыт показал, что там, где широко развиты женские школы, легче переходить к совместному обучению, чем там, где их нет. Этот опыт, может быть, надо учесть и РСФСР. Надо, конечно, чтобы отступление от программы было лишь временное, представляло собой лишь стратегический ход.

Вопрос *об единстве* трудовой школы, о борьбе с привилегированными школами, о борьбе с платностью в семилетке — вопрос чрезвычайной важности.

Вопрос об антирелигиозном воспитании и формах его не может быть не разрешен партсовещанием. Этот вопрос встал сейчас очень остро.

Готовит ли наша школа-семилетка действительно *всесторонне развитых членов коммунистического общества,* как этого требует § 3 пункта 12-го программы партии, установлена ли тесная *связь обучения с общественно производительным трудом,* как того требует тот же параграф, ведется ли в школе, правильно ли поставлено, как того требует § 1 того же 12-го пункта программы, *политехническое образование,* т. е. образование, знакомящее в теории и на практике со всеми главными отраслями производства, как это сказано в программе? На это должно дать ответ партсовещание, и не только дать ответ, но и обдумать ряд мер, которые немедленно же надо провести в жизнь. Отвечают ли программы нашей семилетки всем этим задачам? Отвечают ли этим задачам оборудование школы, учебные пособия? Не надо ли издать добавочные учебники и книжки по труду, ввести обязательное снабжение школы волшебными фонарями, создать учебные кинофильмы, облегчить школьные экскурсии, организовать школьные и внешкольные детские мастерские? Не надо ли и в какой форме втянуть хозяйственные органы и трудящееся население в дело осуществления связи обучения

в школе с общественно полезным трудом, в дело придания этому обучению политехнического характера?

Как вообще обстоит дело с проведением в жизнь § 6 12-го пункта, ставящего задачей «привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения» [1]?

Как поставлено *дело пропаганды* принципов советской школы среди трудящегося населения вообще? Его организованной части (организованной в партию, в делегатские собрания, в комсомол, в профсоюзы, в Советы и его секции) в особенности? Какие книжки изданы? Какой массовый журнал издается по этим вопросам *для населения?* Как эти вопросы освещаются в массовых газетах, в прессе вообще? Как поставлена *организация* вовлечения трудящегося населения в школьное дело? Правильные ли формы это вовлечение носит?

С особой остротой, конечно, встанет перед партсовещанием вопрос об осуществлении вводной части 12-го пункта партийной программы, гласящего, что «школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм» [2].

Каково содержание преподавания в школе, таково ли оно, чтобы *идейно* воспитывать ребят в духе коммунизма? Как организует школа ребят? Ленин говорит: гвоздь строительства социализма в организации. Так вот та организация, которой учат ребят в школе, навыки которой прививают ребятам в школе, насколько она пропитана духом коллективизма, насколько она приспособлена к тому, чтобы помочь ребятам осуществлять эти принципы коллективизма в дальнейшей жизни? Продуманы ли до конца принципы школьной организации ребят к этой цели? Помогают ли они ребятам тесно сплачиваться и объединяться, учат ли товарищеской взаимопомощи? И как наша школа *воспитывает* ребят, каких людей готовит?

Ведь в программе партии подчеркивается, что это именно самое важное. Может ли школа заботиться только

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 420.

[2] Там же, стр. 419.

об учебе, о формальных навыках, провозглашать примат учебы, отодвигая вопросы идейного, организационного и воспитательного влияния школы на второй план, не связывая учебу с этими задачами? Программа партии говорит об этом четко и ясно. Школа, которая не дает ребятам нужных знаний для того, чтобы воспитать из них всесторонне развитых людей, чтобы дать им возможность ориентироваться в окружающей жизни, пойти в ней по правильному коммунистическому пути; школа, которая не воспитывает в них нужных организационных навыков, привычек, навыков коллективного действия, коллективного труда, всесторонней взаимопомощи, правильного воздействия на окружающую среду; школа, которая только учит, а не воспитывает,— не наша, не советская школа. И партсовещание должно обсудить, чему учить, как организовывать, как воспитывать ребят в школе. Это особенно важный и особенно больной вопрос. К нему уже примыкает вопрос о переработке при помощи школы подрастающих кадров, выходцев из других классов. Программа партии говорит не об их отметании, а об их переработке. Не полупролетарские и непролетарские слои должны влиять на школу, а она на них. Такова задача.

О другом вопросе порядка дня партсовещания — о системе народного образования — скажу в следующем номере.

1928 г.

ВОСПИТАНИЕ

Под воспитанием понимают весьма различные вещи. В узком смысле слова под воспитанием понимается обычно то или иное преднамеренное и систематическое воздействие взрослых на поведение детей и подростков. Воспитателями обычно считаются родители или заменяющие их лица. Люди богатые нанимали вместо себя нянек, бонн, гувернанток, гувернеров. Воспитателями считаются учителя. Однако часть учителей занимается по преимуществу преподаванием, а для воспитания, для надзора за поведением создавались особые должности «надзирателей», «классных наставников», «классных наставниц», или, как их называли в просторечии, «классных дам».

Но воспитывают не только отдельные лица, воспитывает весь семейный, весь школьный уклад.

Воспитывает улица, воспитывают общественные учреждения, вся окружающая обстановка, весь общественный строй. Воспитывают события. Воспитывают не только детей, но и взрослых.

Поэтому слово «воспитание» употребляется часто и в другом, более широком смысле слова. Говорят: «жизнь воспитала из него человека с твердой волей», или: «он воспитывался в крайне тяжелых условиях», говорят: «дети улицы», «дети подземелья», «сын своего века», «дочь революции» и т. д.

Тезисы Маркса о Фейербахе с примечаниями Энгельса показывают, что Маркс и Энгельс считали, что люди представляют собою продукт обстоятельств и воспитания и что, следовательно, изменившиеся люди являются продуктами других обстоятельств и изменившегося вос-

питания. Но такое определение, которое давалось прежним материалистическим учением, казалось им недостаточным. Они добавляли к этому, что нельзя забывать, что «обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан», и что «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*»[1].

Этот тезис Маркса и Энгельса о Фейербахе показывает всю разницу между прежним материализмом и диалектическим материализмом Маркса и Энгельса. Диалектический материализм берет действительность в ее развитии, в процессе видоизменяющихся опосредствований (взаимозависимостей).

Этот тезис (3-й) о Фейербахе помогает нам лучше разобраться и в вопросе о взаимоотношении между воспитанием в широком смысле этого слова (как принято у нас говорить — «воспитанием среды») и воспитанием в узком смысле этого слова (планомерного, систематического воздействия взрослого на ребенка и подростка).

ВОСПИТАНИЕ В ПРОШЛОМ

На протяжении веков удельный вес роли воспитания в узком смысле слова менялся и продолжает меняться и по сию пору.

Возьмем родовой быт. Общественный уклад тогда был прост и элементарен. Влияние общественного строя, семьи и взрослых на детей и молодежь было единообразно, цельно, недифференцированно. Воспитывал, собственно говоря, только общественный уклад. Человеческая личность была элементарна и цельна. Гораздо большее влияние имела окружающая физическая среда, природа, форма борьбы рода за свое существование.

Религия в эпоху родового быта отражает не столько общественные отношения, сколько обоготворяет, персонифицирует стихийные явления природы.

Воспитание в узком смысле слова, т. е. в смысле систематического, планомерного воспитания взрослыми детей и молодежи, сводилось к физическому воспита-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 3, стр. 2.

нию, к обучению ориентировке в окружающей среде, к обучению приемам воздействия на эту физическую среду.

Как кошка учит своих котят ловить мышей, так взрослый человек учит детей способам добывания пищи, с той только разницей, что человек с течением веков учился все лучше и лучше вооружаться для борьбы с природой.

Конечно, такое изображение родового быта элементарно, грубо, схематично, но хотелось отметить лишь те его черты, которые определяли характер воспитания в то время.

С возникновением рабства возникает расслоение на господ и рабов, на два основных класса общества. Рабы были послушными и непослушными. На непослушных рабов господа воздействовали, воспитывали их к послушанию. Били, пороли плетьми, истязали. Сначала били только рабов. Но в классовом обществе классы живут в известном взаимодействии, заражают друг друга. В статье «Русские и негры» Ленин показал, как низкий культурный уровень негров в Северо-Американских Соединенных Штатах, в тех штатах, где существовало рабство, заражал своей безграмотностью все классы и делал те штаты, где существовало рабство, много безграмотнее тех штатов, где рабства не было. Культурный уровень класса-раба заражает культурный уровень класса-господина. На это указывал Ленин. И мы видим действительно, что на протяжении всей истории классового общества наблюдается такое «заражение». Точно так же и воспитательные методы, применяемые к воспитанию класса-раба, заражали воспитание и подрастающего поколения господствующего класса. Безраздельное, недифференцированное влияние родового строя стало ослабевать, «отцы» из господствующего класса пытаются удержать это влияние, передать молодежи опыт предков, «отцы» начинают «наставлять», «поучать» своих «сыновей». Однако жизнь классового общества не укладывается в рамки родового строя, поучения мало действуют, и отцы начинают «сокрушать» ребра своим сыновьям. Чем грубее формы рабства, тем грубее и методы воздействия, приемы воспитания и в господствующем классе и тем грубее еще они у промежуточных классов.

Битье, порка становятся общепринятыми методами воспитания. «За битого двух небитых дают, да и то не берут» — это убеждение прочно внедряется в умы всего рабского общества, им пропитывается и семейное воспитание. «Домострой» — типичное семейное воспитание рабского общества.

Религия в период рабства изменяет уже свой характер, она не только обоготворяет силы природы, она уже отражает классовый характер рабского общества. Бог уже становится всемогущим господином, господом богом, а люди — его рабами. Религиозное воспитание становится закреплением идеологии господствующего класса рабского общества. «Ветхий завет» — типичный продукт этого периода. Методы воздействия бога на своих рабов — гнев, кары всех видов. Бог рабского периода беспощаден в своем гневе. Люди — жалкие рабы, могут только падать ниц и трепетать.

Феодальное общество — уже несколько смягченное рабство. Смягчение диктуется, с одной стороны, восстаниями рабов, с другой — необходимостью максимального использования рабского труда. Господа не только уже истребляют рабов, бьют, истязают, сколько держат их под постоянной угрозой этого истребления, битья, истязания. Наказания крепостных принимают более «мягкий» и систематический характер, экономически более выгодный. Необходимость держать в повиновении большие массы вынуждает к мерам принуждения присоединять меры убеждения.

Религия феодального общества — религия смягченных форм рабства. Христианская религия уделяет уже мало места внешней физической среде — это религия, сосредоточивающая уже все свое внимание на взаимоотношениях между людьми. И она убеждает раба мириться с своей рабской участью, уверяет, что беда не в общественных отношениях, а в нем самом.

Церковь в средние века приобретает громадный удельный вес, срастается с государством, берет на себя роль воспитателя и взрослых и детей. Она наставляет, требует послушания, грозит адом, обещает райские блаженства, запирает в кельи, налагает посты, эпитимии, отлучает от церкви или отпускает грехи, она властвует над умами, она ставит искусство на службу церковных

целей, придает искусству народный характер, она берет на себя призрение престарелых, регулирование семейных отношений — крестит, венчает, хоронит, она устраивает школы для малолетних.

Семейное воспитание и школьное принимают также религиозный характер и применяют те же меры воздействия: наряду с оставшимися грубо рабскими мерами наказания — битьем и поркой — практикуются угрозы и награды, лишение пищи, добавочный труд — это проклятие господне. Воспитанников запирают в отдельные комнаты, выгоняют из школы или из дома или прощают. Целая скала наказаний: от выговора до самых свирепых кар.

Средневековые феодальные порядки видоизменялись в зависимости от стран, развивавшихся разными темпами, в различных исторических условиях, менялись на протяжении веков. Разные облики носило и влияние церкви, варьировались и воспитательные приемы.

Зарождающиеся новые общественные отношения, отношения капиталистического характера, подрывали роль церкви, усложняли вопросы воспитания.

В период, предшествовавший Великой французской революции, церковь, религия, весь старый уклад стали подвергаться беспощадной критике.

Вопросам воспитания посвящена имевшая громадное влияние на современников книга предшественника Великой французской революции Жан-Жака Руссо. Его «Эмиль, или о воспитании» вышел в 1761 г. Руссо говорит там о воспитании человека вообще. «В общественном порядке, где все места намечены, каждый должен быть воспитан для своего,— писал Руссо в «Эмиле».— В Египте, где сын был обязан занять положение отца, воспитание имело, по крайней мере, верную цель; но у нас, где только звания остаются, а люди беспрестанно меняют их, никто не знает, не действует ли он в ущерб своему сыну, воспитывая его для своего звания. В естественном порядке, где все люди равны, их общее призвание есть состояние человека; и кто хорошо воспитан для него, не может плохо выполнять связанные с ним назначения. Предназначают ли моего ученика для шпаги, для церкви, для судейской мантии — это для меня безразлично. Прежде родительского призвания природа

призывает его к человеческой жизни. Жизнь — вот ремесло, которому я хочу его обучить. Выйдя из моих рук, он не будет — я согласен с этим — ни судьей, ни солдатом, ни священником; он будет прежде всего человеком; всем, чем должен быть человек, он сумеет стать по мере надобности не хуже всякого другого; и пусть судьба заставляет его менять места,— он всегда окажется на своем».

Руссо мечтает об обществе, где все люди равны. Он пытается поставить своего воспитанника вне влияния существующего общественного уклада, вне влияния церкви, вне влияния семьи. Он создает для своего воспитанника искусственную среду — его воспитанник и воспитатель не связаны ни материальными условиями, ни требованиями определенного класса, ни домашней обстановкой. Старое воспитание все покоилось на принуждении. Руссо требует естественного воспитания: «Не давайте вашему воспитаннику никаких словесных наставлений, так как он должен извлекать их из опыта; не подвергайте его никаким наказаниям, так как он не знает, что такое быть виновным; никогда не заставляйте его просить прощения, так как он не в состоянии вас обидеть... Нет прирожденной испорченности в сердце человеческом... Первоначальное воспитание должно быть чисто отрицательным. Оно состоит не в преподавании добродетели или истины, а в оберегании сердца от порока и ума от заблуждения».

Руссо хочет воспитывать своего Эмиля в деревне, «вдали от лакейской сволочи, худшего сорта людей после своих господ, вдали от черных городских нравов, которые наводимый на них лак делают соблазнительным и заразительным для детей, тогда как пороки крестьян, неприкрашенные и во всей своей грубости, способны скорее оттолкнуть, чем соблазнить, если нет никакого интереса, который заставил бы подражать им».

«Эмиль» и теперь читается с интересом. Особенно интересны те страницы, где говорится о трудовом воспитании.

Идеи Руссо означали разрыв со всем старым воспитанием, воспитанием феодального периода,— и в этом основное значение «Эмиля». Но Руссо говорил о таком воспитании, которого не могло быть в жизни, воспитании

вне конкретной среды, вне конкретных жизненных условий.

В Швейцарии, куда в XVIII веке уже проникло капиталистическое производство, где под его влиянием стали разлагаться старые патриархальные устои, где крестьянство дифференцировалось и вся страна переживала определенный кризис, Песталоцци попытался приложить идеи Руссо к воспитанию крестьянских ребят. Жизнь сломала, исказила попытки Песталоцци.

В отсталой тогда в экономическом и политическом отношении Германии была сделана попытка применить идеи Руссо для воспитания господствующих классов. «Филантрописты» с Базедовым во главе пытались устраивать закрытые учебные заведения для детей состоятельных родителей, так называемые «филантропины». «Мои предположения и педагогические труды,— писал Базедов,— предназначены лишь для состоятельных сословий, начиная с принцев и кончая детьми купцов и художников включительно. Светское воспитание этого большого и наиболее ценного слоя должно неоспоримо носить практический, нужный этому сословию «характер». В филантропинах существовали так называемые «фамуланты» — слуги из бедных учеников. Они обслуживали учеников из привилегированных сословий, чистили им сапоги, делали кровати и пр. В наказание привилегированные ученики переводились в разряд фамулантов и должны были выполнять черную работу, считавшуюся унизительной. Идеи Руссо сочетались со старыми крепостническими методами воспитания...

В период Великой французской революции вопросы народного образования горячо обсуждались и в Национальном собрании, и в Законодательном собрании, и в Конвенте. В них ярко отразился классовый характер всей происходившей борьбы. Надо и сейчас внимательно изучать эту борьбу в области подхода к вопросам народного образования и воспитания; особенно внимательного изучения заслуживают идеи якобинцев.

5 августа 1791 г. вслед за провозглашением прав человека провозглашается общественное образование, общее для всех граждан. Мирабо, выразитель взглядов крупной буржуазии,— за общественное воспитание масс из-за страха перед этими массами и из желания влиять на них че-

рез школу. Епископ Талейран — за всеобщее обучение, бесплатное и обязательное на I ступени, но по-прежнему религиозное.

Когда руководящая роль переходит к жирондистам, Кондорсэ от их имени вносит в Законодательное собрание проект, по которому преподавание религии заменяется преподаванием морали, все ступени школы, вплоть до вузов, бесплатны, увязаны между собою; 13 июля 1793 г. в Конвент вносится уже проект якобинца Лепелетье, который подходит уже к вопросу с классовой точки зрения, с точки зрения пролетариата, говорит о том, как на деле осуществить всеобщее воспитание, где взять на него средства, как обеспечить беднякам возможность учиться. К проекту Лепелетье тесно примыкал проект Лавуазье и Газенфратца, освещавший вопрос о трудовом политехническом образовании и поддержанный грандиозной демонстрацией пролетариата от 15 сентября 1793 г. Якобинцам не удалось провести своих идей в жизнь. Но Великая французская революция положила начало всеобщему обучению, сделала народную школу бесплатной и светской.

Классовая школа феодального периода сменилась классовой школой капиталистического периода.

Капиталисты всех стран понимают всю важность образования народных масс. Чем дальше, тем образованнее должны быть рабочие, этого требуют успехи техники, от этого зависят успехи промышленности. Но образованный рабочий опасен капиталисту. Поэтому капиталисты всех стран обращают особое внимание на то, чтобы воспитать рабочие массы в желательном для себя духе. Место религии, авторитет которой в некоторых странах подорван довольно основательно и который все более и более подрывается с каждым днем завоеваниями науки, заняло преподавание буржуазной морали, морали, проникнутой шовинистическим, собственническим духом. Впрочем, в целом ряде стран школа еще не отделена от церкви. Религиозное воспитание процветает еще по сию пору в народной школе. Методы же воспитания заимствованы целиком из времен рабской и феодальной эпохи.

Они процветают и в светской школе и в школе с религиозным преподаванием. В народных школах Швейцарии, Германии, Франции ребят бьют, наказывают, запугивают и награждают.

В этих школах в детях убивают всякую самостоятельную мысль, усиленно работают над тем, чтобы овладеть чувствами ребенка, научить ребят на все смотреть сквозь буржуазные очки, преклоняться перед богатством, перед всяким начальством, учат слепо повиноваться, выполнять каждый приказ учителя.

Своих детей буржуазия воспитывает другими методами. Там царит «новое воспитание». Для своих детей буржуазия создает «новые сельские воспитательные учебные заведения» (Landerziehungsheime). Как Руссо воспитывал своего Эмиля на лоне природы, подальше от развращающего влияния города, так и современная буржуазия воспитывает своих «будущих главарей промышленности» в парках и имениях, подальше от бурной классовой борьбы больших городов.

Первая школа подобного типа была основана д-ром Редди в Англии в Аббатсхольме, затем в Англии устроена была еще одна такая же школа в Бедале. 10 лет спустя по инициативе Демолена такая школа была основана во Франции. Теперь таких школ немало во всех капиталистических странах. Организует буржуазия детей и вне школы. Типичной формой буржуазного внешкольного воспитания является бойскаутизм. Это очень продуманная педагогическая система воспитания, покоящаяся на знании детской психологии, детских интересов, детской среды. Бойскаутская организация — добровольная организация. Она увлекает ребят, потому что организует их труд и отдых, вносит элементы игры. Через бойскаутизм буржуазия воспитывает верных слуг буржуазного строя. Прогулки, игры, вся деятельность бойскаутов направлена на воспитание в ребятах чувства преданности королю (или буржуазной республике), чувства религиозного фанатизма, шовинизма.

Современный бойскаутизм приобретает все более агрессивный характер, перерождается в фашизм, в черносотенную организацию, проникнутую чувством ненависти ко всякому революционному движению.

Через школу фашизм стремится точно так же воздействовать на ребят. Воспитание в ребятах слепого ожесточения против революционного движения проходит там, где слабо рабочее движение, где рабочие не дают отпора фашизму, где рабочая семья не принимает участия в борьбе с фашизмом, где ребенок верит на слово учителю. Там, где

рабочие дают отпор фашизму, ребенок уже становится не так беззащитен по отношению к фашистской пропаганде, становится менее восприимчивым к ней.

И на одном фашизме буржуазия выехать сейчас не может.

Война, Октябрьская революция в России, венгерская, германская революции заставили буржуазию обратить особое внимание на превращение школы в более острое орудие духовного порабощения подрастающего поколения.

Воспитывать по-старому нельзя. Надо по-новому. Буржуазия придает особое значение моральному воспитанию. Она собирает международные конгрессы по моральному воспитанию. Началось это еще до войны, но теперь этим конгрессам придается особое значение.

На этих конгрессах речь шла о выработке кодекса буржуазной морали, о развитии личности в желательном для буржуазии духе.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс прекрасно вскрыли подоплеку всех этих разговоров о вечной морали, о личности. Они показали, как воплями о разрушении морали, разрушении личности буржуазия старалась отвлечь внимание рабочего класса от сознания классовых противоречий, от классовой борьбы. Энгельс уже в первых произведениях как нельзя лучше вскрыл, как в недрах капиталистического общества зарождается класс, класс наемных рабочих, у которого под влиянием условий труда и всей обстановки вырабатывается новая, высшая мораль, мораль коллективистическая, коммунистическая.

Пролетариат в капиталистических странах лишь в очень слабой мере может влиять на воспитание подрастающего поколения в своем пролетарском духе через школу. Школа — в руках господствующих классов, в руках буржуазии.

Но пролетариат имеет свою теорию воспитания. Основы ее заложены Марксом. Изучая фабричный труд детей в Англии, ознакомившись с тем, что думали и проводили в жизнь Беллерс и Роберт Оуэн, Маркс стал обосновывать и защищать необходимость соединения обучения с производительным трудом. «Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный

труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» [1],— писал К. Маркс в I томе «Капитала».

Какое громадное значение придавал Маркс такому типу обучения, видно из его «Критики Готской программы», где он пишет, что «раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества» [2].

Маркс указал также и на характер этого преподавания. Исходя из анализа тенденций развития крупной промышленности, он указывает на необходимость всестороннего политехнического воспитания.

Развитие крупной промышленности толкает буржуазную школу на путь политехнического воспитания, но буржуазия понимает, что это воспитание положит конец ее господству. Поэтому буржуазия и вынуждена по-прежнему культивировать школу учебы. Лишь завоевание рабочими власти сделает возможным осуществление политехнического воспитания.

Взгляды на воспитание, как они выявились в нашей российской педагогике, представляют собою лишь вариации вышеупомянутых взглядов. Интересно отметить влияние на эти взгляды революционного движения нашего и европейского, влияние этого движения на воспитательную практику нашей школы, на наше учительство, но этот вопрос требует очень большой исследовательской работы и не может быть уложен в рамки данной статьи.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ВОСПИТАНИЯ

Октябрьский переворот означал коренной переворот и в деле воспитания.

Весь советский строй стал воспитывать массы по-другому.

Он организует миллионные массы вокруг Советов в целях реорганизации всей жизни на новых началах.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 530—531.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 286.

Каждый член Совета превращается в общественного деятеля. Работа Советов с каждым годом все углубляется, охватывает все более широкие массы. На советской работе массы растут, учатся, организуются.

Все это происходит на глазах ребят.

Дело воспитателя — помочь ребятам как можно раньше примкнуть к работе Советов, в меру своих детских сил помогать этой работе.

На этой работе ребята лучше всего поймут, как много еще остатков старого в окружающей жизни, научатся отличать то, с чем надо бороться, от того, что надо заботливо охранять, растить.

На этой работе ребята лучше всего поймут основы нашего советского строя, научатся бороться в повседневной жизни за равноправие женщины, за равноправие всех национальностей, научатся настоящим товарищеским отношениям к женщине, научатся подлинному интернационализму. На этой работе научатся ребята товарищеской спайке, взаимопомощи в работе.

Воспитательное значение такой работы громадно.

Но необходимо, чтобы Советы шли на помощь ребятам, научились использовать их силишки, их горячее желание помочь работе Советов.

Дело воспитания подрастающего поколения — не только дело родителей, не только дело учителей — это дело всех трудящихся, всего революционного народа.

И Советы не могут отказаться от участия в воспитании ребят.

Обязанность воспитателя — стать консультантом секций Советов, помогая им выделять работу, на которой можно лучше всего воспитать, организовать ребят, помогая организовать контроль над работой ребят, над их воспитанием.

Надо, чтобы Советы стали для ребят чем-то своим, близким, органически спаянным с их жизнью. Тогда воспитательное влияние Советов на подрастающее поколение станет громадным.

Советский строй помогает прежде всего сорганизоваться наиболее сознательной части населения, наилучше понимающей, куда идет общественное развитие, что́ надо делать в каждый данный момент для того, чтобы обеспечить победу всей массы трудящихся, сорганизоваться той

части населения, которая неразрывно связывает всю свою жизнь с делом трудящихся, которая внутренне наиболее дисциплинирована. Основным ядром этой части населения, организованной в партию — ВКП(б), является передовая часть рабочего класса — его авангард.

Воспитывающая роль партии громадна.

Дело воспитателя — на конкретных примерах работы коммунистов, на конкретных описаниях жизни отдельных коммунистов (Ленина, Фрунзе и других) показать, за что и как борются коммунисты, возбудить в ребятах желание и самим стать коммунистами.

Если воспитатель сумеет это сделать, он усилит воспитывающее влияние на подрастающее поколение партии.

Знакомя ребят с работой партии, воспитатель должен показать, чем руководятся коммунисты в своих действиях. Он должен познакомить ребят с основами коммунистической морали. Эта мораль не похожа на мораль буржуазную, но воспитывающее влияние ее громадно. Буржуазная мораль сводится к тому, что «каждый за себя, а бог за всех», коммунистическая мораль идет под лозунгом сплочения всех трудящихся, объединения их для борьбы — без помощи господа бога — за светлую для всех жизнь.

Воспитатель должен разъяснить на примерах то, что говорил Ленин в 1920 г. на съезде комсомола о коммунистической морали. «Надо,— говорил Ленин,— чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия... Они выводили ее из идеалистических или полуидеалистических

фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата» [1].

«Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов» [2].

Если воспитатель сумеет помочь учащимся понять эти слова Ленина, он поможет осуществлению воспитательного влияния коммунистической морали на подрастающее поколение.

На примерах работы делегатских собраний, на примере комсомола учащийся увидит, как учатся в организациях коммунистической морали, как учатся умению совместно действовать ради достижения общих, коммунистических целей.

Воспитатель должен помочь ребятам в меру своих сил примкнуть к этой работе делегатских собраний и комсомола. И как в Советах, так и в женорганизациях, в комсомоле он должен стать консультантом по организации детской помощи этим организациям.

У нас 11 с лишним миллионов трудящихся входят в профсоюзы. Ленин говорил, что профсоюзы являются организацией воспитательной, организацией вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничанья, школа коммунизма.

И вот воспитатель должен вскрыть эту воспитательную роль профсоюзов и научить ребят, как они должны организовать свой труд так, чтобы поставить его наиболее целесообразно, чтобы воспитать в себе уменье коллективно работать, беречь время, силы друг друга, помогать друг другу в работе, чтобы привлекать в свою организацию все

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 266.
[2] Там же, стр. 268.

больше и больше ребят. Тогда воспитательная роль труда увеличится во много раз.

Желательно было бы, чтобы профсоюзы выделяли своих представителей для помощи трудовым организациям ребят.

У нас стало быстро расти колхозное строительство, строительство коммун.

Уже сейчас приходится видеть, какое громадное воспитательное влияние оказывают коммуны на своих членов, как начинает зарождаться в коммунах новый быт. Но особенно влияет весь режим коммуны на ребят. Воспитательное влияние окружающего организованного, коллективного труда на ребят очень велико. Вот почему члены коммун всегда настаивают, чтобы в коммунах строились школы, куда ходили бы и ребята из окрестных деревень, а в больших коммунах строились бы и общежития для ребят более отдаленных сел. Уже сейчас коммунары окружают «детей коммун» особой заботой, вникают в то, как организовано обучение и воспитание детей в школе, как организован детский труд и отдых.

Воспитателям надо рассматривать коммуны как базы коллективистического воспитания и помогать коммунарам в их большой воспитательной работе.

Колхозам, кооперативам всех видов, комитетам крестьянской взаимопомощи должен помогать воспитатель в их воспитывающей ребят работе.

Важна организация детских отделений при добровольных обществах («Долой неграмотность», «Друг детей», «Технику — массам» и пр.).

Очередная воспитательная работа — помочь партийным, советским и общественным организациям проводить систематичнее свое воспитательное влияние на подрастающее поколение.

Необходима их смычка со школой.

Необходима лучшая организация школьных советов, обеспечение в них достаточного влияния партийных, советских, общественных организаций, необходимо совместное обсуждение вопросов общественного воспитания ребят и подростков.

Тогда только станет осуществим § 12 программы ВКП(б), гласящий:

«В период диктатуры пролетариата, т. е. в период

подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм» [1].

Конечно, наряду с воспитательным влиянием партийных, советских и общественных организаций на учащихся в том же направлении должно идти и все содержание школьных программ, объясняющих, растолковывающих ребятам смысл происходящего вокруг них строительства, открывающих ребятам глаза на окружающее.

В том же направлении должна идти и вся организация школьной жизни. Рабские, крепостнические, буржуазные приемы воспитания (всякие «скалы наказаний», разделение учащихся на овец и козлищ, предоставление одним ребятам права наказывать других, разжигание детского самолюбия, детского карьеризма, культивирование индивидуализма) должны встречать дружный отпор как со стороны учащихся, так и со стороны учащих, должны осуждаться инспектурой союзов работников просвещения, пионерскими организациями.

Партийные, советские и общественные организации нашей страны влияют воспитывающе и на воспитателя. Воспитатель не стоит над всей общественностью. Но он не может смотреть на эту все больше и больше развивающуюся общественность со стороны, он должен быть ее участником, участвовать в революционной (преобразующей жизнь) практике. Только тогда он испытает на себе ее воспитывающее влияние.

Вот почему надо всячески бороться со стремлением оторвать учителя от общественной работы и замкнуть его в стены школы. Воспитывающее влияние общественной деятельности важнее изучения сотен методических проработок, оторванных от жизни.

Воспитывающее влияние организованной общественности испытывают на себе и родители. И когда эта общественность ближе подойдет к вопросам воспитательной

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.

работы, она повлияет и на родителей, заставит их на многие свои методы воспитания посмотреть новыми глазами.

Тогда весь общественный уклад, вся реорганизующаяся жизнь, тогда школа и воспитатель, тогда семья — все будут воспитывать ребят и молодежь в духе ленинизма, в духе марксизма.

Так организуемое воспитание, пожалуй, ближе всего подойдет под определение, данное в свое время Сен-Симоном: «Под воспитанием, в самом общем значении этого слова, следует разуметь совокупность всех усилий, употребляемых для приспособления (каждого нового поколения) к тому общественному строю, к которому его призывает поступательное движение человечества».

ВОПРОСЫ, ТРЕБУЮЩИЕ ПРОРАБОТКИ

Коммунистическое воспитание только тогда может быть правильно поставлено, если оно будет научно обосновано.

Чтобы правильно воспитывать, надо знать, что представляет собою ребенок, как он развивается.

Современное состояние биологии — науки о живых развивающихся организмах, особенно изучение работы головного мозга, нервной системы, желез внутренней секреции — дает возможность изучить законы формирования развивающейся детской личности.

...Давно уже разрушена легенда об отдельном существовании души и тела, давно уже установлено, что психологическая жизнь человека неотделима от работы его нервной системы, от работы его головного мозга. Материалисты XVIII века очень наивно и упрощенно представляли себе психическую деятельность человека, являющуюся, конечно, функцией человеческого организма, но функцией очень сложной. Этой сложности они не понимали. Оттого их и называли «вульгарными» материалистами. С тех пор естественные науки колоссально продвинулись вперед. Учения о наследственности, о рефлексах вскрыли механику образования тех сложных реакций, которые известны под именем психической деятельности. Особенно много внесла в этом отношении в последнее время невропатология, изучающая болезни нервной системы и их причины.

Учение о рефлексах осветило еще один вопрос — оно объяснило влияние на психическую деятельность человека окружающей его общественной среды. Перекинут мост между двумя областями материалистической науки. Это имеет громадное значение...

Мы не хотим изолировать ребенка от жизни. Нам этого не нужно. Это нужно было помещикам, отдававшим своих детей в закрытые учебные заведения: институты, кадетские корпуса, лицеи.

Это нужно было буржуазии, отдававшей своих детей в филантропины, отдававшей их в «сельские воспитательные учреждения». Чем дальше живут их дети от живой жизни с ее борьбой, чем меньше, хуже они понимают эту жизнь, эту борьбу, тем им легче. Слепота к явлениям окружающей жизни помогает им тверже отстаивать свою, помещичью, буржуазную точку зрения.

Мы организуем воспитание наших детей в гуще жизни, при помощи этой кипучей жизни, идущей по пути неустанной и все более глубокой борьбы за социализм.

Однако воспитание в гуще жизни требует очень серьезных предпосылок.

Оно требует знания окружающей среды. Не поверхностного, краеведческого, в старом смысле слова, или обывательского знания этой среды.

Оно требует марксистского анализа этой среды, анализа общественных явлений, в ней происходящих, уменья понять их значимость, их взаимозависимость, их причины, их положительное или отрицательное значение. Необходимо уменье общественные явления, наблюдаемые в окружающей среде, связать с процессами, происходящими во всей стране, связать с практическими задачами текущего момента.

Пока у нас существуют лишь отдельные попытки давать такие анализы волости, того или иного района города, той или иной рабочей, крестьянской среды. Учительство в своей массе еще не владеет методом такого марксистского анализа среды. Надо вооружить его этим методом.

Но этого мало. Нужно не просто констатировать те или иные явления. Нужно уметь отличать в этих явлениях пережитки старого, обреченного на гибель, и ростки нового. Надо отдать себе отчет в том, каким путем пойдет отмирание старого и развитие ростков нового. Без этого

нельзя определить, что надо поддерживать, с чем надо бороться, какими методами поддерживать, какими методами бороться. Если у воспитателя нет ясного представления об этом, он, будь он учитель или вожатый, не сумеет помочь воспитанию в гуще жизни, воспитанию, опирающемуся на жизнь. Увязка воспитательного процесса с жизнью останется чисто формальной и не даст необходимого воспитательного эффекта. Чтобы получился этот воспитательный эффект, надо знать, как эмоционально подготовлять ребят к восприятию тех или других явлений, как организовать их эмоциональную жизнь...

К этому же вопросу тесно примыкает вопрос о воспитательном значении игры и о художественном воспитании.

Игра чаще всего расценивается с точки зрения физкультуры. Иногда лишь дается оценка ее с точки зрения придания ей советской внешности. Но нет анализа общественно-воспитывающего значения тех или иных игр. Насколько те или иные игры воспитывают уменье коллективно реагировать, коллективно действовать, насколько они сплачивают, дисциплинируют, организуют — такого анализа практикующихся игр нет, а он настоятельно необходим.

К вопросу об игре тесно примыкает вопрос о художественном воспитании, о художественно-организованном действии и восприятии. И опять-таки не хватает научного анализа детских песен, книг, картин, кино, театра. Насколько эмоционально действуют те или иные образы в разных возрастах, насколько они воспитывают, в каком направлении воспитывают и т. д.

Очень слабо проработан еще вопрос о детском мировоззрении современного ребенка различных возрастов и различных слоев населения. Это чрезвычайно важный вопрос, который должен найти отражение и в программах, и в методах преподавания.

Плохо разработаны частные методики, указывающие, как научить ребят наиболее экономно, наиболее эффективно овладевать знаниями и умениями и применять эти знания и умения в практической жизни.

Нет марксистски и педагогически обоснованной, продуманной с точки зрения ленинизма теории детского самоуправления и детских организаций. Как строить самоуправление и детские организации так, чтобы они имели

максимально воспитывающее влияние на ребят, воспитывали бы ребят не в рабском, крепостническом или буржуазном духе, а в духе социализма, в духе коллективизма?

Нужно, например, разработать вопрос об оптимальной величине детских организаций в разных возрастах, о характере работы этих организаций на разных ступенях, о правильной организации всей работы, о выработке условий, благоприятствующих развитию внутренней дисциплины в ребятах, о недопустимости вооружения организаций правами налагать наказания на своих членов, о разлагающем влиянии таких прав, об условиях, способствующих развитию максимальной самодеятельности членов детских организаций, о роли взрослых в детских организациях и т. д. и т. п.

Особо тщательно должен быть подработан с научной точки зрения вопрос о детском труде.

Нельзя говорить о воспитательной роли труда вообще. В различные возрасты разные виды труда действуют различно.

...Надо анализировать различные виды труда и с их общественно-воспитывающей точки зрения.

Само собой, что выполнение должно быть посильно ребятам каждого возраста. Одно дело поднять палку, другое дело поднять бревно, одно дело пройти $^1/_2$ километра, другое — 10, одно дело набрать грибы, другое — построить модель какой-нибудь машины. Непосильная работа переутомляет, не развивает силы, а разрушает их, вызывает неуверенность в своих силах, ослабляет целеустремленность в работе («все равно ничего не выйдет»), вызывает небрежность в работе, не организует, а дезорганизует.

Нужно дать анализ различных видов труда с точки зрения их воспитывающей роли.

Надо выяснить, как действует на ребят однообразный механический труд в разных возрастах, в различных дозировках, когда и при каких условиях он успокаивает, организует, воспитывает внутреннюю дисциплину, а когда только раздражает, утомляет, дезорганизует.

Надо анализировать роль механического труда в различных типах коллективного труда.

Надо выяснить воспитывающую роль творческого труда, коллективных форм этого творческого труда, пока-

зать, как влияет на творчество политехническое воспитание, знакомство с самыми разнообразными отраслями труда, изучение их технической и общественной сущности.

Надо проработать формы организации детского труда под углом их воспитывающей роли.

В выработке умелых работников заинтересовано всякое общество, и буржуазное и социалистическое.

В буржуазном обществе накоплен большой опыт в деле выработки умелых исполнителей. Этот опыт должен быть учтен и использован Страной Советов в своих целях.

Но гвоздь воспитывающей роли труда — в целевой установке.

В буржуазном обществе целевая установка дается хозяином, помещиком или капиталистом через посредство обслуживающих его агронома, инженера и их подручных. Наемный рабочий, сельскохозяйственный батрак или фабрично-заводской рабочий — простые выполнители заданий капиталиста.

Они не заинтересованы в выполнении целевой установки, намеченной помещиком или капиталистом. Они заинтересованы лишь в повышении своей персональной заработной платы. Их целевая стимулирующая установка — чисто индивидуалистическая.

Капиталистическое трудовое воспитание преследует цель выработать в ребятах привычку ставить целевые установки производственного характера, связанные с личной заинтересованностью и стимулирующие хорошее исполнение обычными приемами капиталистического общества.

Целевая установка в обществе, где обобществлены земля и орудия производства, перестает быть целевой установкой частного владельца. Она все больше и больше становится целевой установкой кооперированных производителей, работающих по общему плану в интересах всего громадного коллектива трудящихся в целом.

В переходный период от капитализма к социализму необходимо воспитать в подрастающем поколении умение и привычку ставить сообща общественно полезные производственные цели своему труду.

Общественно полезная работа школы идет по этому пути. Имеется уже большой опыт в этом отношении. Но теоретически вопрос не подработан.

Самое важное, чтобы ребята сами ставили цели своей общественно полезной работе. А на деле эти цели ставит им часто учитель или вожатый. Цели не обсуждены, не увлекают ребят, не воспитывают из них общественников-коллективистов.

Как влияет политехническое воспитание на умение ставить правильные цели, намечать правильные пути к их выполнению, контролировать выполнение — этот вопрос совершенно еще не подработан.

И, наконец, самый вопрос о политехническом воспитании в целом еще недостаточно освещен, увязан с жизнью.

Вот те главные вопросы, которые требуют своей научной разработки, отсутствие которой больно бьет по практике.

В ходе работы все четче и четче будут выступать характерные особенности коммунистического воспитания, долженствующего воспитать поколение, могущее осуществить коммунизм.

1928—1929 гг.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОВЕЩАНИИ ЗАВЕДУЮЩИХ КРАЙОНО

ПО ДОКЛАДУ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

Прежде всего, относительно классового лица нашей школы. Тут очень много говорилось о составе наших школ. Я считаю, что Анатолий Васильевич (Луначарский.— *Ред.)* на 100% прав, ибо мы говорим о классовой точке зрения, а не о сословной, а сейчас мы видим в целом ряде мест соскальзывание на средневековую, сословную точку зрения, когда всему мешает происхождение. Ведь не случайно в программе нашей партии говорится о переработке, о том, что надо всех переработать. Мы не за происхождение оцениваем, а за то дело, которое нужно рабочему классу. Часто у нас подходят так, что выбрасывают из школы ребенка, у которого отец или дед был псаломщик. Это ведь несообразность. Я получила недавно письмо, в котором указано, что дед был псаломщик, отец был красноармеец, но так как дед был псаломщик, то ребенка выбрасывают из школы. Это же дикость. По этому поводу я послала запрос в ОПУ, и мне ответили, что хорошее распоряжение уже дано. Я не знаю, можно ли ограничиваться такими общими директивами. Мне кажется, что в каждом таком случае должен быть соответствующий подход. Раз считают, что классовая точка зрения — это сословная точка зрения, то очевидно, что те хорошие постановления, которые приняты, на местах не получаются и не разбираются.

Другой вопрос: является ли наша школа действительно той школой, какой она должна быть? Анатолий Васильевич правильно указал, что важно, чтобы в рабочих районах было достаточно школ. В этом отношении у нас очень мало сделано. Тут, я думаю, надо заботиться о том, чтобы в рабочих районах строили как можно быстрее и больше школ II ступени.

О школах ФЗУ. Мне пришлось побывать в Перми в одной школе ФЗУ, и меня взяло большое сомнение относительно работы этой школы. Недалеко от этой школы находится крупный завод, и если бы рабочие были распропагандированы, то школу можно было бы обслужить мастерской и устроить ее как следует — все, что требуется для школьной мастерской, можно было взять из этого завода. Когда я зашла в школу, то увидела, что в хибарке наемный столяр что-то строгал. Я спросила, призывались ли рабочие для того, чтобы они здесь работали, на это ответили что-то неопределенное. Мне кажется, что рабочие массой в строительство школ не вовлекаются, и в этом гвоздь вопроса.

О школах крестьянской молодежи и вообще деревенских школах. Не везде еще ведется работа по пропагандированию строительства коммун и колхозов.

Слышатся жалобы, что школа иногда не понимает воспитательных задач коммуны. Тут, по-моему, и в отделах народного образования, и среди учительства важно, чтобы школа поняла, какое громадное значение имеет перестройка всего сельского хозяйства на новых началах. Если учитель и вся школа интересоваться этим не будут, мы не сможем сделать школу классовой.

На партсовещании этот вопрос должен быть поставлен, потому что надо обсудить, какая наша школа, уточнить ее программу, всю работу таким образом, чтобы школа была классовой и всякий ребенок чуждого класса, попавший в эту школу, воспитывался бы в коммунистическом духе.

Много говорили об антирелигиозной пропаганде и о пропаганде интернациональной. Конечно, и то и другое важно, но ведь все воспитание не сводится только к антирелигиозной пропаганде, к правильной постановке интернационального воспитания. Классовый подход гораздо шире.

О внутришкольной дисциплине. Товарищи инспектора рассказывали о тех наказаниях, которые бывают в школах. Ведь это наша беда. Вопрос об организации ребячьей работы — чрезвычайно важный вопрос. Воспитываем ли мы коллективистов? Если с этой точки зрения подходить, то вывод таков, что наше школьное самоуправление в конце концов стало слепым. Один представитель говорил,

что если у нас во II ступени, хотя бы с великолепнейшим классовым составом, где не будет ни одного чуждого элемента, ребята будут судить друг друга, постоянно жаловаться на каждого мальчика, вместо того чтобы создать товарищескую дисциплину, и доводить об этом до сведения родителей, все равно ничего хорошего не получится. Ведь и раньше учителя призывали родителей и рассказывали о поведении ребят, которых потом дома лупили (это было в 90-х годах). Сейчас учитель не наказывает ребенка, а ребята сами жалуются родителям на своих товарищей и говорят: «Вот ваш сын нарушает дисциплину, то-то и то-то делает». Куда же это годится? Какое же это товарищеское воспитание, какое же это классовое воспитание? Выходит, что наша машина заехала не туда, куда это нужно. Надо всерьез подумать, как само содержание нашей школы сделать действительно классовым до конца.

О результатах обследования инспекции. Наше обследование всегда вскрывает интересные картины. Но что значит анкета, которую заполняют ребята,— верующий он или неверующий? Ребята могут припоравливаться, а какое это имеет практическое значение? Никакого. Относительно антирелигиозной работы. Правильно нас кроют за то, что этому вопросу уделяется недостаточно внимания, но те, кто ругает, часто делают такие предложения, против которых мы в свое время боролись. На учительском съезде собралось человек 60 учителей с больными вопросами. Говорили об антирелигиозной пропаганде. Учитель спрашивает учительницу: «А как вы,— ведете антирелигиозную пропаганду?» — «Да,— говорит она,— начинаем».

А как проходят наши комсомольские рождества? Я помню, как я пришла к Владимиру Ильичу и говорила, что мы отпустили столько-то тысяч на комсомольское рождество. Он говорит: «А какое вы имели право? Хотя антирелигиозная пропаганда — это хорошая мысль, но деньги-то советские и расходовать их нужно по-советски».

Я смотрю, как у нас проходит рождество. Нарисуют всяких попов с крестами, ломающихся и не ломающихся, сам черт ничего не поймет, пройдет демонстрация — и больше ничего. Какая же это антирелигиозная пропаганда? А как связать это с нашим бытом?

Как мы можем эту нашу общественно полезную работу, которая имеет громадное значение, связать с антирелигиозной пропагандой? Как мы ведем работу? Показываем ли мы, как надо самим строить жизнь, а не только надеяться на господа бога?

И тут нужно, чтобы каждый район учел все свои особенности и в зависимости от этого ставил свою антирелигиозную пропаганду, потому что в каждом районе разные условия. К этому нужно внимательно присмотреться, исследовать и изучить этот вопрос.

Относительно учителей. Конечно, молодежь, которую мы готовим в педтехникумах и педвузах, не вся любит школьное дело,— и здесь нужно острее поставить перед ней вопрос такого характера: если ты любишь это дело, то учись, а если нет, то выбирай другое дело. Сейчас же мы не можем потребовать от всех учителей, чтобы они проводили антирелигиозную пропаганду, потому что многие из них — люди, выросшие в религиозной обстановке, и говорить им «веди антирелигиозную работу» — невозможно. Для этого у нас есть комсомол, на это у нас существуют пионерские организации, политпросветучреждения, которые могут эту работу вести. Мы могли бы выбросить тех учителей, которые не ведут антирелигиозной пропаганды, но это было бы большим минусом. Их, конечно, лучше выбросить, если есть кем заменить, и это мы сделаем тогда, когда подготовим наших безрелигиозных учителей. Сейчас же нам заменить старых опытных учителей, умеющих прекрасно вести сельское хозяйство, организовывать ребят и т. д., некем.

Здесь много говорилось о том, что у нас избачи — не совсем хорошие работники, но я скажу, что избачи политически хотя капельку подкованы, а другие и этого не имеют. Избачу нужно и хлебозаготовку провести, и в избе работать, так что, если иногда бывает изба-читальня закрыта, это не значит, что избач никакой работы не проводит; это значит, что он работает где-то в другом месте. Я прекрасно знаю, что у избачей много еще промахов и незнания, как вести работу, но они все-таки ведут ее довольно успешно. Правда, в перевыборной кампании избачи отстали от школы I ступени, которая имела в перевыборной кампании большие достижения. Мы знаем, что избач должен проводить перевыборы так, чтобы обо-

стрять классовую линию, и они обостряют, поэтому в Калужской губернии убит избач, в Нижегородской губернии также убит и в третьем месте убит, и все из-за того, что они проводят классовую линию. Здесь нужно говорить не только о том, что они не представляют собой культурной силы, которой там нет, а нужно покрепче спаять избача с учителем и создать такую атмосферу, которая необходима ему для того, чтобы вести работу. Тов. Авксентьевский рассказал о том, какие есть достижения у школы по Толстовской волости, но ничего не сказал, какие достижения по уезду в избах-читальнях. Мы знаем, что школы существуют уже давно, а избы-читальни создались только после революции. На это нужно сейчас обратить внимание. Нужно поднимать квалификацию избачей, нужно также бороться в губкомах и обкомах за то, чтобы избачей не трогали, дали им возможность работать, и это должно быть одной из важнейших наших задач. Сейчас нам удалось достичь перелома, например, в настроении профсоюзов, и я думаю, что вместе с профсоюзами и с другими организациями, ведущими политпросветработу, удастся нам преодолеть трудности этой работы, а ставить на ней крест нельзя.

ПО ДОКЛАДУ М. Н. ПОКРОВСКОГО

Половина ребят в возрасте I ступени — это не относится к Московской губернии и Ленинградской области — в возрасте от 8 до 12 лет безграмотна. Я думаю, что нам нужно пойти на устройство одногодичных школ в тех деревнях, которые отстали. Мы в свое время даже боялись ставить этот вопрос, опасаясь как бы наша школа четырехлетка не снизилась в трехлетку, двухлетку и т. д. Но сейчас в связи с таким напором к знанию со стороны населения бояться снижения не приходится. Сейчас по Черноземной области мы слышим, что есть целые деревни, где и взрослые крестьяне и дети ни одной строчки, ни одной буквы не знают, не умеют подписать своего имени. Надо там организовать школы-однолетки. Это нисколько не снизит нашу четырехлетку, а поможет ей, потому что, проучившись год в однолетке, ребята на второй год уже добьются большего.

Нельзя сказать, что мы за 10 лет ничего не сделали. В первые годы было много школ с различными очень интересными трудовыми процессами, с интересной обстановкой. Когда мы иностранцам показывали школы, они убеждались, что школы действительно подходят к политехническому типу. Сейчас это под нажимом требования учебы в большей части школ исчезло. Была одна школа, на Бутиковской фабрике, у которой была большая связь с текстильным производством и с целым рядом других отраслей, идущих от этого производства. Было в свое время много интересных начинаний в провинции. Сейчас мы больше гонимся за знаниями условными, чем за тем, чтобы наша школа стала действительно трудовой. Я думаю, что Михаил Николаевич (Покровский.— *Ред.*) заострил этот вопрос совершенно правильно. Нам нужно серьезно браться за дело построения политехнической школы. Это необходимо ввиду наших споров с т. Гастевым. Тов. Гастев ставил вопрос о политехнизме таким образом: он говорил, что нужны не знания, а навыки, несколько навыков, несколько ремесел. Мы же считаем, что нужно понимание техники, нужно уменье охватить суть всякой машины, нужно то, что Владимир Ильич называл кругозором, нужен политехнический кругозор, нужны знания и умения, особенно в нашей стране, где реорганизуется сельское хозяйство, где реорганизуется промышленность. Нам политехническая школа важнее, чем в некоторых других странах. Нам нужен не простой исполнитель, обслуживающий машину, а сознательный строитель нового трудового государства. Может быть, кто-нибудь скажет, что это утопия, но я думаю, что опыт тех школ, которые существуют, показывает, что нужно умение пользоваться всем окружающим. Если есть плуг, то нужно его в школьной жизни использовать до конца, если есть электростанция, то ее надо использовать как следует. Экскурсия Воеводина, которая была по Украине, привезла материалы об одной украинской школе, которая очень много сделала приспособлений в области электрификации. В этой школе никаких особенных условий не было. Например, в Московской губернии достаточно электростанций, чтобы использовать их в школьной учебе в целом ряде деревень. Кроме этого, есть тракторы, веялки,— это

все понимающий учитель знает, как связать со школьной жизнью.

Мы гонимся за большим и не даем самых элементарных навыков, которые нужны для хозяйства. В этом отношении американская школа гораздо более гибка. Там учат, как нужно запаять водопровод, исправить лампочку и т. д., т. е. американская школа дает общую сумму знаний. Я согласна с тем, что Михаил Николаевич так четко поставил этот вопрос.

О средней школе. Тут у нас сейчас получилась чрезвычайная трагедия. Товарищи с мест знают, как у нас трагически обстоит дело со средним образованием. В нашей отсталой стране среднее профессиональное образование играет огромную роль. Если мы обратимся, например, к угольной промышленности или к ряду других отраслей промышленности, то увидим, что повсюду не хватает среднего персонала. В Москве на одном из металлических заводов получилась такая вещь: так как техник был недостаточно квалифицирован и перепутал чертежи, то весь завод в течение недели изготовлял какие-то зубья, которые оказались никуда не годными. Не было человека, который растолковал бы эти чертежи, не было хорошего квалифицированного техника. Вопрос о нашей средней школе, средней профессиональной школе, стоит чрезвычайно остро. Если мы серьезно не будем работать по этому вопросу, то провалимся со всем нашим строительством, потому что те техникумы, которые у нас есть, немножко старомодны. Если американец говорит о своей средней профессиональной школе, то первым делом напирает на то, что надо дать практические знания для той работы, которую делает квалифицированный рабочий, чтобы быть в состоянии эту работу инструктировать. Наша средняя школа, как это было заведено до революции, готовит под инженера, вместо того чтобы дать квалифицированного рабочего. Это громаднейший минус. На совещании II ступени товарищи из Орехово-Зуева и Сталинграда говорили, что они профессионализированную школу просто не ввели. Сталинград ввел своеобразную школу, построил ФЗУ на семилетке, в то время как в других местах ФЗУ строилась на четырехлетке. В Ленинграде то же самое говорят о том, что наша профессионализация не удовлетворяет рабочих. В связи с

этим встает вопрос о необходимости этот наш профессионализированный уклон расширить за пределы педагогического и кооперативного и ввести целый ряд технических уклонов. Профессионализированные школы должны быть гораздо более разнообразны.

Все техникумы и профшколы должны быть организованы в зависимости от местных условий. Я слышала доклад о том, что в каменноугольном районе было два горнозаводских техникума, и так как их перевели на местные средства, то их закрыли и заменили педагогическими — в результате каменноугольная промышленность оказалась без горного техникума, без среднего технического персонала. В Центрально-Черноземном районе, в Тамбовской губернии, не было сельскохозяйственного техникума, а был коннозаводческий техникум. Все это говорит за то, что в каждом районе надо строить профессиональную школу в зависимости от потребности района. Это, по-моему, диктуется самой жизнью. Нужно принять целый ряд мер для того, чтобы создать подготовительные школы для детей рабочих, чтобы подготовить их в техникумы. Орабочить состав в техникумах чрезвычайно нужно. Тут не надо таких общежитий устраивать и стипендий давать, как на рабфаке, но соответствующие меры принять надо. Меня поражает, до чего у нас по стране мало развито представление о среднем учебном заведении. У нас в деревне каждый крестьянский парень и каждая девушка мечтают не о том, чтобы получить квалификацию в средней школе, а непременно в вузе. Мы получаем массу трагических писем. Вот что один парень рассказывает. Он кончил четырехлетку, кончил давно, так что почти неграмотен. Затем его увлекло строительство коммун, колхозов, и он решил, что со своими знаниями ничего дать не сможет и что ему надо учиться. Он знал, что был Ломоносов, который пешком ходил в Москву,— он добыл 5 рублей и пошел в Москву. Пришел, когда все учебные заведения были заполнены. И по неграмотности ни в одно учебное заведение попасть не мог. Он рассказывает, как он ходил в Главпрофобр, как ночевал в ночлежке и в конце концов вернулся домой. На месте ему никакой помощи нет. Парень очевидно с большой энергией, с желанием учиться, но не имеет никакого представления о том, куда и как

обратиться. Нужно расширить инструктаж, информацию. Необходимо, чтобы такая даровитая молодежь могла подготовиться за год-два в педагогический техникум.

В техникумах надо поставить вопрос о том, чтобы учить одновременно, как работать с массой, как работать в производстве, как поставить практическую работу на достаточную высоту. Это один из больших вопросов.

О школах крестьянской молодежи. Составом в школах крестьянской молодежи мы должны быть довольны. Нам надо эти школы сделать орудием подготовки к колхозному строительству и строительству коммун. На этом надо заострить внимание школ крестьянской молодежи, иначе они превратятся в пропускные пункты. Нам надо, ввиду встающих перед нами задач, воодушевить молодежь так, чтобы не только деревенская молодежь оставалась в деревне, но чтобы и городскую потянуло туда.

О ФЗУ. Я не знаю, как они сложились в действительности. Но знаю, как в идее они должны быть построены. Каждый учащийся ФЗУ должен знать не только свою узкую специальность, но понимать роль этой специальности во всем производстве, он должен учиться сознательному отношению к производству, учиться быть не слепым исполнителем, а сознательным участником производства. Но, может быть, у нас школа ФЗУ не всегда бывает тем, чем она должна быть. И это дает повод хозяйственникам поднимать большую кампанию за то, чтобы ликвидировать школы ФЗУ и заменить их. Они говорят о необходимости введения цитовского метода: обслуживание машин, деловое быстрое исполнение и только. По этой линии у нас с профсоюзами идет спор. Профсоюзы говорят о выгодности и экономности подготовки по ЦИТу. Но ЦИТ учит только обслуживать машины, а у нас рабочие находятся в таком положении, что должны думать о том, как перестроить, как наладить производство. Притом мы готовим из рабочего не простого исполнителя, а хозяина производства. ФЗУ должны давать широкое профессиональное образование, а не давать некоторую сумму навыков, которую, конечно, надо давать, но не исключительно.

О том, стоит ли наша средняя школа на высоте или нет. Сказать, что она стоит на высоте, еще нельзя. Я ви-

дела сочинения старших групп (8-х и 9-х), в которых было написано так: «При социализме будут работать машины, а не люди». Это, наверное, сказал какой-нибудь преподаватель. Представления о том, что такое социализм, нет не только у первоступенцев, но оно является весьма смутным и у старших групп. Но всё же теперешние школы не сравнимы со старой школой...

1929 г.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

«Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса.

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»[1],— писали в 1847 г. Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте».

Теперь, 82 года спустя, наш Союз Советских Социалистических Республик переживает эпоху, переходную от капитализма к социализму. Рабочий класс крепко организован как класс, власть в руках пролетариата, порядочно сделано для уничтожения старых условий производства. Но уничтожены ли они целиком и полностью? Конечно, нет. Годы ушли на то, чтобы подготовить переход к коллективизации сельского хозяйства. Эта коллективизация именно и является подходом к тому уничтожению старых условий производства, которые порождают классы и их борьбу. Сейчас, после XV съезда, коллективизация приняла массовый характер, она идет уже самотеком. Идет ломка старых условий производства, именно та ломка,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 4, стр. 447.

которая необходима для того, чтобы не только сельское хозяйство вылилось в новые, социалистические формы, но и для того, чтобы создался и для крупной промышленности соответствующий фон, без которого ей трудно выкристаллизовываться в подлинно социалистические формы.

Было бы более чем наивно думать, что переход на коллективистическое хозяйство может произойти без обострения классовой борьбы; без борьбы часто жестокой. Мы знаем, что жгут колхозы, убивают рабкоров и пр., и пр., что ожили секты, что сильно недовольство в «крепких» слоях крестьянства, в известных слоях обывателей. Но тут своеобразная диалектика: чтобы вырвать корни самого существования классов, покончить борьбу классов, необходимо пройти через обострение классовой борьбы. Классовая борьба в данный момент острее, чем в предыдущие годы. И нельзя от нее отрекаться.

Но есть классовая борьба и классовая борьба. Есть классовая борьба стихийная, слепая, и есть классовая борьба сознательная, организованная, продуманная до конца. Когда пролетариат разрушал машины, это тоже была классовая борьба, но в самой своей зачаточной форме; бессознательность, неорганизованность характерны для этого периода. И другая форма — уже организованная, например октябрьские забастовки пятого года, или забастовка протеста против Ленского расстрела, или борьба Советов рабочих депутатов.

В нашей стране власть в руках рабочего класса уже более 11 лет. Эта власть завоевана упорной борьбой. Рабочий класс нашей страны сейчас имеет громадную, скованную внутренней дисциплиной могучую партию, организован в профсоюзы. Само собой разумеется, что ведущаяся им в данный момент классовая борьба может быть строго продумана, отлита в соответствующие формы.

К сожалению, надо сказать, что классовая борьба в области народного образования проходит у нас часто в таких формах, точно у нас нет никакого революционного опыта. Точно мы делаем еще самые первые шаги в этой области.

Приведу примеры. Идет борьба с кулаками, частниками, попами, лишенцами...

И что же у нас делают? Сплошь и рядом в школе травят детей лишенцев, попов — малышей. Это так просто,

ведь не то, что со взрослыми борьба. Не берут на экскурсию: «Ты — внук попа; другие пойдут на экскурсию, а ты сиди». Или в старших классах: «Ты дочь лишенца. Что нам за дело, что ты прекрасно учишься, что стремишься стать в ряды комсомола, что ты прекрасный товарищ, что ведешь общественную работу, что у тебя умелые руки, горячее сердце, богатая инициатива, твердая воля... какое нам дело до того, что через год ты кончаешь школу и можешь принести стране немалую пользу... Ты дочь лишенца — уходи из школы!»

Программа партии говорит о том, что школа должна всех детей перевоспитывать в коммунистическом духе, влиять на них, организовывать их для строительства социализма. Да, конечно, скажут иные, но это дело сложное, проще удалить их из школы, и удаляют пачками. Наркомпрос разъяснил, что этого делать нельзя, РКИ восстановляет... Но крепко еще держится мнение, что гнать ребят попов и лишенцев из школы — это и есть самая доподлинная классовая борьба.

И именно те школы, которые торопятся расправиться с ребятами за их происхождение, как правило, являются школами со старой закваской; туда меньше всего проникли идеи советской школы, там господствуют буржуазные методы воспитания, меньше всего связи с жизнью, меньше всего заведующие школой думают о том, чтобы заложить в детях основы коммунистического воспитания.

С удивлением узнала я, что целый ряд библиотек вычеркнул из числа подписчиков лишенцев, попов и их детей, лишил их возможности знакомиться с книгами материалистического и антирелигиозного содержания, следить за тем, как могуче растет наш Союз... Нелепо это. Разве в этом «борьба», разве это защита классовой точки зрения?

Вычеркнуть из списка чуждые элементы очень легко, много легче, чем умело, проводя подлинную классовую линию, подбирать книжки в библиотеке, чем добиваться, чтобы в числе подписчиков были беднота, батрачество, чтобы библиотека всячески помогала проведению в жизнь линии партии.

Социализм означает могучий, буйный рост науки и культуры, социализм предполагает не только поголовную грамотность, но поголовную чрезвычайно высокую образо-

вательную подготовку, политехническую подготовку. Обо всем этом очень выразительно говорит программа ВКП(б). Социализм ни для кого не закрывает пути к знанию.

На III Всероссийском съезде Советов в 1918 г. Ильич говорил: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием...» [1] Коммунисты, лишающие кого-либо права на просвещение и развитие,— это нечто совершенно ни с чем не сообразное. Это капиталисты закрывают рабочим путь к знанию, а коммунисты никогда, никому закрывать путь к знанию, к коммунизму не могут. Чем дальше, тем ярче будет пылать факел коммунизма, тем больше и больше будет освещать он путь не только рабочим и крестьянам, но поголовно всему человечеству.

Запрет читать книги, посещать школу тем или другим категориям населения — это не классовая борьба.

Дело не только в происхождении, а в том, что человек сам по себе представляет. Конечно, по отношению к выходцам из других классов нужна известная настороженность, ибо воспоминания детства, окружающая обстановка оказывают свое влияние, но это другое дело. Если школа скатывается к средневековью, тем самым уничтожаются все стимулы к развитию, к тому, чтобы примкнуть к коммунизму: как ни учись, как ни работай, какую общественную работу ни веди — все равно родился в поповской семье и умрешь изгоем...

Само собой разумеется, что детей рабочих, детей бедноты, детей батраков надо принимать в школу в первую очередь. *Это абсолютно необходимо,* и, конечно, им надо оказывать все преимущества перед остальными слоями населения. Раньше им были заказаны все пути, и, чтобы поставить их в равное положение с остальными, надо создать для них более благоприятные условия приема. Надо именно их в первую голову вооружить знанием, чтобы они сумели начатое дело строительства социализма довести до конца и повести за собой широчайшие массы.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 436.

Рабочий класс брал власть не для того, чтобы устроить для себя привилегированное положение, а чтобы перестроить весь мир по-своему, чтобы положить конец существованию всяких классов, чтобы поднять все человечество на высшую ступень.

В классовой борьбе, которую неизбежно должны вести и ведут наши просветительные учреждения, мы постоянно должны иметь это в виду и не придавать ей форм, задерживающих ясно очерченный ход развития.

1929 г.

О СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

1. Индустриализация страны, реконструкция промышленности и сельского хозяйства требуют как повышения культурного уровня всей массы трудящихся, так и соответствующей подготовки *среднего технического персонала,* который производственно организовал бы массу, руководил бы ею, инструктировал бы ее.

Старый средний технический персонал, воспитанный во времена царизма, становится в своей массе все менее и менее пригодным, во-первых, потому, что не умеет руководить современной массой, на которую продолжает смотреть сквозь хозяйские очки, не умеет работать вместе с этой массой, во-вторых, потому, что его техническая подготовка была рассчитана совершенно на иной уровень техники, задач строительства он не понимает, не увлечен ими; ему трудно приспосабливаться ко все меняющимся условиям производства. Между тем в нашей стране, где культура труда еще очень низка, где навыки коллективного труда еще только развиваются, где приходится все хозяйство строить заново, роль этого среднего технического персонала исключительно велика.

В подготовке среднего персонала для промышленности и сельского хозяйства *решающее значение имеет средняя школа,* которая должна давать новый тип среднего технического персонала, который обладал бы достаточной образовательной и общественной подготовкой, с одной стороны, и с другой — практически и теоретически знал свою специальность.

В реконструктивный период становится совершенно необходимым подведение более высокой общеобразовательной базы под подготовку такого нового типа среднего технического персонала.

Опыт ФЗУ показал особенно наглядно, что база четырехлетки совершенно недостаточна, что отсутствие общеобразовательных и политехнических знаний подрывает эффективность занятий, заставляет тратить время на элементарную учебу, именно потому и VIII съезд профсоюзов и комсомол пришли к убеждению, что ФЗУ должна строиться на базе семилетки. То же относится и к профшколе.

Следовательно, *базой для подготовки среднего персонала должна являться семилетка,* улучшение состояния которой должно составить важнейшую задачу в народном образовании.

2. Состояние семилеток в настоящее время, несмотря на происшедший за последние годы некоторый сдвиг как по охвату, так и по содержанию их работы, далеко не удовлетворяет задач, выдвигаемых в реконструктивный период. Число семилеток и оканчивающих их ничтожно (по данным за 1927/28 г. из поступивших в первую группу доходят до седьмой лишь 7,4%, считая ШКМ и ФЗС). Семилетка плоха и *по социальному составу,* ибо общеизвестен факт, что отсев идет за счет детей хуже оплачиваемых рабочих и детей бедноты (детей рабочих и батраков вместе взятых в седьмых группах лишь 23,6%).

Целевая установка школы-семилетки: а) вооружить учащихся знаниями и умениями, которые необходимы для дальнейшей общеобразовательной работы; б) научить применять знания к жизни; в) дать общую политехническую культуру труда, вооружить умением планово, рационально, коллективно работать; г) заложить у ребят прочные основы коммунистического мировоззрения; д) выработать привычку регулировать свое поведение принципами коммунистической морали — эта целевая установка в значительной мере еще не выполняется школой. За последние годы школа-семилетка сделала значительный шаг вперед по части вооружения детей общеобразовательными знаниями и умениями, однако надо еще продолжать обращать сугубое внимание на вооружение учащихся *умением самостоятельно работать;* по части увязки знаний с жизнью

дело лучше поставлено в ШКМ, в других же семилетках, как правило, школа делает меньше, чем, например, школа-четырехлетка.

Насчет общей политехнической культуры и умения планово, рационально и коллективно работать в большинстве школ-семилеток дело обстоит совсем неблагополучно. Дело тут не столько в отсутствии мастерских при школе, сколько *в общественной недооценке политехнического образования,* с одной стороны, а с другой — вытекающих отсюда затруднениях в деле *организации связи с окружающим производством,* а также в отсутствии умелых инструкторов по труду.

Что касается коммунистического мировоззрения, то в схемах программ этот момент был достаточно подчеркнут, однако предметность преподавания и общая перегрузка программ семилетки, как и неподготовленность педагогов, оттесняют эту сторону дела на задний план, вследствие чего вопросы коммунистического мировоззрения поставлены в школе неудовлетворительно.

В деле воспитания в учащихся сознания необходимости руководствоваться основами коммунистической морали в обычных семилетках наблюдается часто соскальзывание на воспитательные приемы старой школы. Это сказывается в насаждении форм школьного самоуправления, соответствующих во многом буржуазно-демократическим формам его, в неумении воспитывать товарищескую атмосферу среди ребят, заражать их энтузиазмом социалистического строительства.

3. Семилетка должна явиться базой для второго — профессионализированного — концентра, части техникумов, школ ФЗУ и профшкол.

Второй концентр II ступени, ФЗУ, профшкола и техникум должны составлять важнейшие каналы по воспроизводству средней рабочей силы для промышленности и сельского хозяйства, а также по подготовке в высшую школу. Однако свою роль эти виды учебных заведений выполняют чрезвычайно слабо. Особенно неудовлетворительно положение с профессионализированным концентром II ступени — только 16% учащихся (по РСФСР) профессионализированных школ получают производственную подготовку, остальные же подготовляются к профессии педагогов или служащих. Поэтому на профессионализиро-

ванную школу смотрят главным образом *как на коридор в вуз.* По социальному составу 2-й концентр еще хуже, чем семилетка, фактически являясь по своему составу школой детей служащих, будучи недоступной для детей малообеспеченных рабочих, бедноты и батрачества.

Техникум дает более глубокую квалификацию, но *производственную* квалификацию дают только 48% техникумов, 11% — дают медицинское образование, 11% — художественное, остальные дают педагогов. В техникумах меньше обращается внимания на общеобразовательный стержень, часто он сводится на нет, не везде поставлена еще производственная практика, и целевая установка часто не соответствует требованиям жизни. Часть техникумов принимает учащихся лишь с 18 лет. Эти техникумы строятся скорее над девятилеткой, а не над семилеткой.

Сеть профессионализированных концентров и техникумов часто не согласована между собой и не находится ни в каком соответствии с запросами на типы среднего технического персонала данной области и округа.

На базе семилетки теперь будут строиться и *фабзавучи.* ФЗУ, по существу дела,— школы *привилегированные,* которые отличаются от других школ тем, что учащиеся получают за свою работу плату. Фабзавучи находятся в лучшем положении, чем другие средние школы, однако и в их работу надо ввести целый ряд улучшений.

Таким образом, необходимо признать, что подготовка среднего квалифицированного персонала находится в неудовлетворительном состоянии (особенно если принять во внимание, что в профессионализированном концентре обучается одна треть всех учащихся средней школы); продукция средней школы по количеству и качеству не удовлетворяет возрастающих потребностей реконструктивного периода.

ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО УЛУЧШЕНИЮ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

1. Исходя из того, что при дальнейшем развитии Советского Союза семилетка должна превратиться во всеобщую и обязательную школу (как указало еще партсовещание по народному образованию в 1920 г.) и должна составлять базу, на основе которой строятся школьные

учреждения, подготовляющие квалифицированную рабочую силу,— необходимо:

Во-первых, увеличить охват учащихся школой-семилеткой через большее развертывание семилеток, в первую очередь в рабочих центрах, в больших совхозах, коммунах, колхозах, устраняя тем самым старое наследие теперешней сети, которая группируется в центре городов и в бывших торговых селах; ввиду крайней заинтересованности промышленности и сельского хозяйства в строительстве школ-семилеток, *необходимо привлечь к этому делу хозяйственные органы.* Наряду с развертыванием обычной сети семилеток надо еще создавать *подготовительные школы с курсом семилеток при техникумах, особенно индустриальных и сельскохозяйственных,* для детей рабочих, батраков, бедняков, колхозников и коммунаров, не могших пройти курс семилетки. Необходимо также организовать *заочные семилетки,* создавая при школах и техникумах консультпункты.

Во-вторых, всемерно повышать удельный вес детей рабочих, батрачества и бедноты в семилетках путем проведения специальных мер по оказанию материальной помощи в виде стипендий, бесплатного снабжения одеждой, обувью, учебниками, горячими завтраками и проч., широко привлекая к этой помощи общественные организации. Организовать при обычных семилетках *общежития для детей бедноты, батрачества,* хуже оплачиваемых категорий рабочих, для детей не окрепших еще колхозов и коммун.

В-третьих, необходимо школу-семилетку *сделать политехнической школой.* Для этой цели нужно ШКМ (школы деревенские) более ориентировать на колхозное строительство, поставить в них обучение не только сельскохозяйственному, но и индустриальному труду; для этого целесообразно устраивать их при межселенных тракторных станциях. Школы ФЗС надо теснее связывать с производством, для чего необходима директива по линии предприятий и вовлечение заводских ячеек в это дело; крайне желательно, чтобы предприятия организовали некоторые виды детского труда на предприятии, устроили для школы мастерские. Остальным школам-семилеткам желательно придать также производственный характер на

базе связи с коммунальными предприятиями, с пищевой, химической, строительной и др. промышленностями.

Вся программа семилетки должна быть пересмотрена под углом зрения политехнического образования. Соответственно этому политехническая школа потребует новых кадров педагогов в педвузах. Поэтому надо обратить внимание на политехнический характер подготовки педагогов, изменив соответственно программу педвузов, производственную практику и оборудование их. Начавшаяся практика организации курсов по труду для учителей семилеток должна быть усилена.

В целях большей увязки программы школы с задачей выработки у учащихся коммунистического мировоззрения программа семилетки должна быть несколько разгружена от ряда условных знаний, с одной стороны, с другой стороны — необходимо дополнить ее такими вопросами, как пятилетка, индустриализация страны, колхозное строительство и пр. Надо особо обращать внимание на мировоззренческие пункты программы, более подробно и конкретно знакомя ребят с тем, что такое строительство социализма, классовая борьба, какую роль играет религия, необходимо подчеркивать интернациональные моменты и пр.

Имея в виду, что вопросы самоуправления, общественно полезной работы школы, запрещения наказаний, воспитания сознательной дисциплины разработаны, задача должна заключаться лишь в том, чтобы все это проводилось в жизнь, чтобы вся работа была рационально налажена и организована.

2. Основными мероприятиями, обеспечивающими *подготовку среднего технического персонала — производственного организатора и инструктора масс*, должны быть следующие:

а) Необходимо, чтобы профессионализированные школы 2-го концентра, техникумы и фабзавучи составляли единую сеть, которая отвечала бы в каждой области запросам на рабочую силу.

б) Необходимо, чтобы происходила своеобразная «контрактация» рабочей силы со стороны потребляющих ее органов, чтобы подготовка шла не на глаз, а с учетом тенденций развития области, с учетом ухода в вуз, перехода в другую профессию и проч.

в) Необходимо, чтобы в программах был забронирован достаточно широкий общеобразовательный и политехнический стержень во всех типах средних учебных заведений, готовящих работника средней квалификации. Это относится и ко вторым концентрам, техникумам и фабзавучам.

г) Необходимо, чтобы каждое из вышеупомянутых учебных заведений было тесно связано с производством, чтобы учащиеся проделывали определенную работу в данной области, за которую они отвечают, чтобы эта работа учитывалась и оплачивалась. Если это педагогический уклон, то учащиеся берут на себя обязательство обучить столько-то безграмотных, проработать столько-то дней книгоношами, проработать столько-то дней в детсадах, провести столько-то экскурсий и пр. В медтехникумах — свои обязанности, в сельскохозяйственных техникумах и уклонах — свои, в промышленных — свои и т. п.

Но каковы бы ни были специальности, известная сумма навыков и знаний и в области промышленного труда и в области сельскохозяйственного должна быть приобретена. Оплачиваться должен только действительный труд практиканта, давший реальные результаты. Все это придаст более деловой характер нашим техникумам и профессионализированным концентрам II ступени.

д) Необходимо также постепенно вводить, как это введено в техникумах, двух- или трехлетнее пребывание на соответствующей работе молодежи, кончающей профессионализированные концентры II ступени, кончающей ФЗУ,— до поступления в вуз. В течение этого времени необходима связь с учебным заведением и выполнение некоторых работ по его заданию.

е) Необходимо значительное материальное укрепление 2-го концентра II ступени, который значительно отстает по своей материальной базе от всех других учебных заведений.

ж) Особо важное внимание должно быть обращено на улучшение социального состава, особенно во 2-м концентре II ступени, путем проведения мероприятий, аналогично намечаемых по семилетке.

з) Необходимо всемерно развивать вечерние и самообразовательные формы (вечерние профшколы, техникумы, заочные курсы и пр.).

Для того чтобы все намеченное по линии улучшения положения средней школы было реально обеспечено, необходимо соответственное *уточнение культурной пятилетки* в части подготовки среднего технического персонала, с учетом потребностей областей и округов.

Особенно это необходимо в связи с введением ряда новых уклонов как индустриально-технического, так и сельскохозяйственного типа.

Другим необходимым условием реального обеспечения намеченных мероприятий является широкое привлечение общественности к работе средней школы, в частности и в особенности комсомола и партии.

1929 г.

НЕ СУЖАТЬ ИНИЦИАТИВЫ МАСС

(ОТВЕТ НА ВОПРОС АНКЕТЫ „УЧИТЕЛЬСКОЙ ГАЗЕТЫ")

С изданием декрета об обязательном обучении грамоте взрослого населения следует повременить. Сейчас этим большим общественным делом заняты не только просвещенцы, а вся общественность в лице добровольных обществ, профсоюзов и кооперации.

Я боюсь, что после издания такого декрета общественная инициатива может сойти на нет. Вместо того чтобы убедить неграмотного в необходимости начать учебу, вместо того чтобы обслужить его бытовые нужды, многие, несомненно, скажут: «Есть приказ, и ладно. Каждый сам будет отвечать, что вовремя не ликвидировал неграмотность».

От декрета, обязывающего взрослых ликвидировать неграмотность, да к тому же еще репрессивными мерами, пока следует воздержаться. Мы еще не испробовали все другие пути. Они есть, и помощь в этом деле, несомненно, окажут учительство, интеллигенция и все, кому близко дело народного образования. Сейчас еще нужно вести работу типа культурного похода.

Другое дело — обязательное обучение детей. Здесь не следует ожидать. Ответственность за обучение ребенка надо возложить на родителей и особенно на работодателей. Даже среди рабочих мы наблюдаем такие случаи, когда они вывозят из деревни нянек — десятилетних девочек — и нисколько не заботятся о том, чтобы обучить их

грамоте. Поэтому одновременно с обязательством обучения надо разработать и форму ответственности за невыполнение его.

В этом отношении пример можно взять с Германии. Там работодатель, не посылающий подростка в вечернюю школу, подвергается судебной ответственности.

1929 г.

ОБЩЕСТВО ПЕДАГОГОВ-МАРКСИСТОВ

Каждая революция сопровождается коренной встряской привычного мировоззрения, коренной ломкой традиционных подходов к оценке окружающих явлений; ожесточенной критике подвергаются обычно и установившиеся взгляды на вопросы воспитания, на вопросы просвещения.

Мы знаем, как горячо обсуждались все вопросы воспитания и просвещения в период Великой французской революции, какой толчок педагогической мысли дала революция 1848 г., заложив основы марксистской педагогики; знаем, как у нас толкали педагогическую мысль и революция 1905 г., и Февральская революция 1917 г., и особенно Октябрь.

Сейчас идеи Октября относительно новых, возможных лишь в советских условиях, коллективистических форм хозяйствования становятся достоянием миллионов. Идеи Маркса, Энгельса, Ленина становятся теми тракторами, которые глубоко перепахивают целину традиционной мысли. В глухой деревне Центрально-Черноземной области можно сейчас услышать такие речи из уст пожилого крестьянина: «Я мало интересовался до сих пор вашими книжками, что за Маркс такой, мне не интересно было, а сейчас мы вот на колхозы перешли, мне Марксова книжка попала, гляжу — наша ведь книжка-то. Выходит, ваши книжки — наши книжки. Марксовых книжек нам побольше дайте». Марксовы книжки, ленинские книжки приобрели как-то вдруг новую колоссальную силу. Прикоснувшись к земле, к взбудораженным умам, они превра-

щаются в могучие орудия, перепахивающие старые воззрения миллионов.

Переживаемый момент реконструктивного периода выдвигает каждый день ряд новых проблем в области пропаганды, агитации, организации на идеологическом фронте. Все эти вопросы поднимаются на страницах наших газет и журналов, но обсуждаются как-то между прочим, клочковато, лапшисто, часто без увязки друг с другом. А некоторые вопросы, как например вопросы учета совершающихся в массах идеологических сдвигов, внесения планомерности в этот учет, выработки стандартов этого учета,— эти вопросы, к сожалению, совершенно почти не поднимаются, нет никакой методологии этого учета. Сейчас у нас очень любят учитывать интересы зрителя, читателя и пр., но ведь надо прямо сказать, методы этого учета весьма мало научны, первобытны, с марксизмом имеют весьма мало общего. Или возьмем такой вопрос, как вопрос нашей национальной политики в области культуры. Во многих национальных областях лишь сейчас начинается настоящая классовая борьба, и идеологическое обслуживание близких нам слоев приобретает исключительное значение. Как его организовать? Как использовать для этих целей накопленный за последние годы опыт классовой борьбы в советских условиях? Или вопросы быта под углом зрения марксистской теории, увязка их с вопросами социалистического строительства, культурной революции — целая уйма вопросов очень большой значимости, которые нельзя решать как-то мимоходом, на бегу, возникают каждодневно в большом количестве. Где-то их надо разрешать.

Пробуждающееся сознание миллионов не может не отразиться и будет с каждым годом все больше и больше отражаться на всех областях идеологического фронта, в том числе и на фронте просвещенском. Сейчас этот фронт стал одним из самых боевых фронтов. Правда, пока на фронте педагогики идут лишь поединки, со всеми атрибутами поединков, со всеми их отрицательными сторонами, но вопросы воспитания подрастающего поколения, воспитания смены уже горячо интересуют массы. Это мы видели во время пионерского слета. Такой вопрос, как воспитание ребят во вновь строящихся городах, обсуждается не только на страницах наших центральных газет,—

оказывается, есть фабрики (например, «Новая заря»), где почти поголовно все рабочие и работницы прочли соответствующую статью в «Правде». А таких вопросов будет с каждым днем становиться все больше и больше. Вопросы воспитания глубоко интересуют массы.

Массы хотят знать, как воспитывать ребят. Вопрос не только в том, чтобы убеждать массы в необходимости посылать детей в школу, вовремя укладывать их спать, не поить водкой, не водить в церковь. Это само собой. Но надо дать четкие ответы на вопросы, какое поколение должны мы воспитывать и как его воспитать. А для того чтобы дать эти ответы, нужна четкость в постановке всех вопросов марксистской педагогики. Тут нужной ясности, нужной конкретности еще нет. Лучше всего об этом свидетельствуют происходящие на фронте педагогики поединки. Надо прямо сказать: то, что сделано в области марксистской педагогики, еще капля в море. Только первые камни марксистской педагогики заложены. А надо целое здание выстроить. Каждый день вспыхивает ряд новых вопросов, требующих ответов. Нужна громадная работа в области марксистской педагогики. Ее нельзя откладывать в долгий ящик. Ответов ждут массы, ответов ждут пионервожатые, ответов ждут десятки, сотни тысяч учителей, ждут все культармейцы. Надо воспитывать новые громадные кадры педагогов. Как? Нам нужны не только цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина по вопросам воспитания и просвещения — мы должны всю марксистскую педагогику до конца продумать с точки зрения марксизма-ленинизма.

Переживаемый момент реконструктивного периода, с его бешеными темпами, требует придания всей нашей системе народного образования чрезвычайной гибкости, требует увязки новых, творимых в гуще стройки форм народного образования с нашей общей марксистско-ленинской линией в педагогике. Без этой увязки новые формы часто вырождаются в малоценные опыты, не приобретающие того размаха, который они должны получить...

Часто в стремлении перестроиться по-новому мы с водой выплескиваем из ванны и ребенка, как говорят немцы. Перестраиваясь по-новому, мы зачастую мимоходом губим ценные достижения. Так нельзя. «Гвоздь строительства социализма в организации»,— любил повторять Владимир Ильич. Нельзя отрывать вопросов организации от вопро-

сов политики, учил он нас. Нельзя думать, что мы осуществим наши марксистские идеи в области педагогики, разрешим задачи, выдвигаемые культурной революцией, если мы не продумаем вопросов организации дела народного образования до конца, не определим линии его развития под углом зрения марксистско-ленинской теории. В переломные моменты нашей борьбы и строительства Ильич всегда особенно усердно перечитывал Маркса и Энгельса. Жизнь, в которую он вглядывался со всей страстностью и вниманием, открывала для него часто новый, более глубокий смысл в хорошо знакомых, почти наизусть известных строках сочинений Маркса и Энгельса — он находил в них новое руководство к действию.

Просвещенцы-марксисты, педагоги-марксисты в настоящий переломный момент не могут просто плыть по течению. Каждый из них чувствует, что ему нужно поглубже продумать все вопросы текущего культурного строительства, вопросы марксистской педагогики, вопросы организации дела народного образования под углом зрения революционной, марксистско-ленинской теории, чтобы вместе с массой начать более твердыми, уверенными руками строить культурную базу социализма.

Вот почему при Коммунистической Академии по указанию партии организовано Общество педагогов-марксистов, которое уже приступило к работе.

1930 г.

О ЗАДАЧАХ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С ОБОСТРЕНИЕМ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

(РЕЧЬ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ КОМИТЕТОВ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ)

Товарищи, я хотела несколько слов сказать о том, что нового вносит в жизнь нацреспублик и нацобластей данный момент, когда таким быстрым темпом идет индустриализация, когда таким быстрым темпом идет колхозное движение. Мне кажется, что важно поговорить о тех задачах, которые сейчас встают в области просвещения перед национальными областями и республиками. Мне бы хотелось провести параллель между той борьбой, которая идет сейчас в этих областях, и той борьбой, которую вела наша партия в первый период, когда только начиналась организованная борьба рабочего класса. С самых первых своих шагов партия подчеркивала, что борьба, которую начинает рабочий класс, касается не одних только рабочих, а касается всех трудящихся и будет идти против всего уклада. И вот с самого же начала встал вопрос о крестьянстве. Тов. Ленин, подходя к освещению этого вопроса, говорил, что крестьянство больше всего страдает от наследия старого, от пережитков крепостничества, и он в первых своих работах старался показать, как эти крепостнические пережитки и это общее угнетение помещиками всего крестьянства в целом,— как все это отражается на борьбе пролетариата и на всем строе нашей страны.

Первые произведения Владимира Ильича, касающиеся крестьянства, именно и имели целью дать картину закабаления крестьянства в целом, но тут же он указы-

вал, что развитие капитализма ведет за собой расслоение крестьянства на различные слои, которые по существу разделяют крестьянство на часть, которая примыкает к буржуазии,— кулачество, и на часть, которая примыкает к пролетариату,— батрачество, бедноту, т. е. сельский пролетариат и полупролетариат. Борьбу с остатками крепостничества т. Ленин ставил в первую очередь. Имеется его статья «Пролетариат и крестьянство», писанная в 1905 г.; там он с полной откровенностью говорит, что сейчас борьба идет только против пережитков крепостничества, против царизма, что если пролетариат и победит в данную минуту, то крестьянство не может от этой победы ждать полного раскрепощения. Нужна будет дальнейшая борьба, борьба против капитализма, проникнувшего и в деревню. В этой статье Владимир Ильич говорил о том, что надо вывезти две телеги с мусором: одну телегу — с мусором пережитков крепостничества и вторую — с мусором капиталистическим. Мы начинаем с того, что вывозим сначала мусор закрепощения, чтобы развязать себе руки. Крестьянство не может надеяться на то, что от победы над царизмом, над крепостниками сразу будут изжиты нищета и угнетение.

Приблизительно такое положение мы имеем в национальных республиках и областях. Их всячески угнетал царизм. Мы знаем хорошо все безобразия великорусского шовинизма. И когда началась борьба в октябре 1917 г., то угнетенные национальности примкнули к этой борьбе, чтобы раскрепоститься, освободиться от этого угнетения своей национальности царизмом. Поэтому в целом ряде областей националы в целом примкнули к этой борьбе, особенно те из национальностей, где особенно сильны были пережитки старого докапиталистического уклада.

Надо сказать, что если по линии русской национальности с самых первых дней Октября очень ярко сказалась внутренняя классовая борьба, то мне кажется, что среди целого ряда национальностей внутренняя классовая борьба только сейчас ставится со всей остротой, она становится острее, чем когда бы то ни было. У нас особенно обостряется классовая борьба в деревне, борьба с кулачеством, и во многих национальных областях эта борьба только сейчас становится актуальной и ясной для масс крестьянства нацреспублик и областей, потому что вна-

чале, после Октября, это классовое разделение в значительной степени затушевывалось тем обстоятельством, что в национальных областях и республиках были сильны в гораздо большей мере, чем в других районах, пережитки старого строя,— капитализм не охватил еще в то время ряда областей.

Если Ленин говорил, что мы имеем налицо пять общественных укладов, то среди нацменьшинств еще сохранились такие уклады, как, например, пережитки родового быта. Благодаря этому мы видим, что классовая рознь в некоторых из национальных республик замаскирована в гораздо большей степени, чем у нас. Мне приходилось разговаривать с товарищами из Башкирской республики по этому поводу, получать оттуда письма. В одном письме рассказывалось подробно, как сама стройка деревни, весь быт, все традиции затемняют классовую рознь, рассказывалось, какие методы употребляются более зажиточными слоями — кулачеством — для того, чтобы смазать, затушевать классовую рознь. Конечно, это относится не только к Башкирской республике.

Если мы будем говорить о восточных республиках, то мы увидим, что там сейчас и религия приспосабливается главным образом к тому, чтобы затушевать классовое различие и представить дело так, как будто есть очень много общего, связывающего бедняков и кулаков, предпринимателей и наемных рабочих. Тут усилия буржуазии и богатых слоев направлены на то, чтобы затушевать всячески классовую рознь.

Я считаю себя недостаточно осведомленной в этой области, но мне кажется, что сейчас одна из основных задач, стоящих перед нацреспубликами и областями, заключается во вскрытии классовой розни, чтобы было понятно для каждого бедняка, для каждого батрака, в чем именно различие интересов, в чем заключается противоположность интересов, потому что если у нас, в центре советских республик, это уже ясно широким массам, то я боюсь, что широким массам национальных республик это ясно не до конца. Конечно, здесь нельзя провести общую мерку, нельзя сказать, что везде, во всех национальных областях, дело обстоит одинаково: есть на Востоке такие республики, где и раньше остро велась классовая борьба. Это как раз очень важно в области культурной

и идеологической работы. Нужно вскрывать классовую рознь как можно шире. Недавно, например, встал вопрос относительно того, как подойти к агитации против уразы и байрама. Сейчас новые реформисты в области представительства религии ислама — муллы — особенно проповедуют благодеяние богатых по отношению к бедным, особенно проповедуют необходимость того, чтобы богатые по праздникам кормили бедных. Что это значит? Это значит — вербовка подкулачников, это значит — затушевывание классовой розни, и это затушевывание в рамках национальной борьбы должно особенно беспощадно вскрываться. Религия — это, конечно, только кусочек. Но когда мы говорим о жизни кочевых народов — самоедов и т. д.,— нам важно агитировать не просто за то, чтобы они мыли руки, меняли рубахи и т. д., а важно, чтобы в красных юртах освещался вопрос о классовом расслоении.

В русской деревне мы более или менее знаем, кто такой середняк, бедняк, кулак, а когда дело касается киргизов, калмыков, где еще есть пережитки родового быта, там в этих вопросах гораздо труднее разобраться, и они должны быть поставлены со всей четкостью.

Когда начиналась борьба, то тогда думали, что будет ее вести пролетариат более передовых в промышленном отношении стран, а мы — страна отсталая, мы только будем идти следом за другими странами. Жизнь показала, что историческая обстановка сложилась так, что на первый план выдвинулась наша страна. Особенность ленинизма заключается в том, что мы, беря общую установку, которая была дана Марксом и Энгельсом, стараемся применить ее к конкретным условиям. Благодаря этому удалось победить. Я думаю, что учет всех конкретных условий, конкретных особенностей важно проводить и в нацменьшинских областях. Студенчество из нацреспублик и национальных областей должно особенно ярко осознать свои задачи в области изучения своего края, своего уклада, потому что необходимо все конкретные особенности классовых отношений и противоречия классовых интересов вполне выявить для того, чтобы нащупать правильные методы борьбы. Мы ставим перед страной задачу догнать в промышленном и культурном отношениях капиталистические страны, и не только догнать, но и перегнать. Помосму, эта задача догнать и перегнать стоит тоже и перед

нацреспубликами. Важно, изучив особенности своего края, прошлое своего народа, широко развить борьбу за уничтожение всех пережитков старого уклада и вопрос этот поставить ясно и четко. Чрезвычайно важно повести соответствующую пропаганду и агитацию среди населения.

Надо сказать, что более зажиточные слои обычно знают русский язык, они знают всю историю борьбы, которая происходила в нашей стране, и они могут для своих целей использовать историю этой борьбы. Слои, которые ближе всего сейчас к пролетариату в деревне,— это слои бедняцко-батрацкие. Эти слои в национальных республиках меньше знают русский язык и русский опыт, чем другие слои населения. Если же вы посмотрите книги, которые издаются на национальных языках, то надо сказать, что размах и характер издательств иногда внушают большие опасения. Издаются книги, в которых красной нитью не проходит линия классовой борьбы, издаются книги, как, например, переводные книги, без тех примечаний, которые необходимы, которые ориентировались бы на условия жизни и борьбы в нацреспубликах. Ликвидация элементарной неграмотности идет тоже слишком медленными шагами, а между тем надо культурно поднять наиболее близкие к Советской власти слои бедняцко-батрацко-середняцкие. Надо вооружить их всем опытом борьбы, борьбы бедняков, которая продолжается и сейчас, и после Октября, и которая именно сейчас особенно должна быть выпячена и обострена.

Если наша страна, начиная свою борьбу, не могла опереться на непосредственную помощь пролетариата других стран, потому что в буржуазных странах пролетариат нигде не стоял у власти, то в этом отношении в нацреспубликах положение другое, потому что национальные республики могут найти непосредственную опору в Советской власти. Если у нацреспублик, у отсталых народов не было еще опыта в отношении этой борьбы, то надо сказать, что опыт нашей страны, сумевшей взять власть в свои руки и развернуть социалистическую стройку,— этот опыт уже является конкретным опытом, на котором массы национальных республик могут многому научиться.

Ленин в 1905 г. говорил, что даже если земля будет обобществлена, то это еще ничего не значит. Надо, чтобы обобществлен был и капитал. Только тогда можно ждать,

что массы избавятся от нищеты. Он противопоставлял эту точку зрения точке зрения народников, которые считали, что если земля будет социализирована, то этим дело и кончится. Ленин и наша партия со всей четкостью ставили вопрос о том, что этого мало. Мы видим, что в Октябре земля действительно была социализирована. Она стала достоянием всей страны и перестала быть частной собственностью. Борьба же за выкорчевывание корней капитала гораздо сложнее, и сейчас, 12 лет спустя после Октября, мы должны сказать, что по части выкорчевывания корней мы сильно продвинулись вперед и сейчас стержень уже вырван, остается вырвать мелкие корешки.

Наряду с социализацией земли идет и социализация других общественных средств производства — социализация капитала и т. д. Сейчас мы все ближе и ближе подходим к социализму, и в этот момент особенно важно идти сплоченным, единым фронтом. Поэтому мне кажется, что сейчас перед нацреспубликами особенно остро стоит вопрос о правильной постановке агитации и пропаганды. Необходимо поставить ясно вопрос о перспективах борьбы и показать батраку, бедняку и середняку, что выход для них только в коллективизации, показать им на живом примере, по какому пути и как мы идем. Сейчас этот пример стал уже гораздо более убедительным, потому что мы можем не на словах, а на деле показать им наш путь. Пример какой-нибудь образцовой коммуны, где правильно налажен коллективный труд и где жизнь складывается по-новому,—такой пример чрезвычайно убедителен. Недавно я получила письмо из Киргизии от одного товарища, который спрашивает, куда и как можно устроить экскурсию в показательную коммуну. Мне лично думается, что сейчас постановка таких экскурсий для наглядного показа чрезвычайно важна.

Для того чтобы экскурсия могла достигнуть своей цели, ее нужно тщательным образом подготовить, надо в предварительных беседах выяснить, что может помешать восприятию опыта, надо подготовить восприятие этого опыта. Затем также важно обсуждение вопросов о том, как все виденное претворить в жизнь.

Как обстоит вопрос со школами? Если мы возьмем техникумы, если мы возьмем школы крестьянской молодежи, вообще школы более высокого типа, то мы увидим,

как жизнь захватывает их. Благодаря тому, что наш организатор школ крестьянской молодежи т. Руднев обладает организаторскими способностями и умеет направлять экскурсии школ крестьянской молодежи и преподавателей ШКМ, всегда наглядно можно видеть, как окружающая жизнь влияет на подрастающее поколение. Я думаю, что на эту молодежь, на колхозную молодежь, на комсомол, на школы II ступени нужно обратить в нацреспубликах особенное внимание.

Затем относительно женской части населения. Тут вопрос особенно тяжел в целом ряде национальных областей. О трудностях не приходится говорить — мы все их знаем. Но вот что меня удивило. Как-то в прошлом году, в связи с женской конференцией, которая проводилась с представительницами из национальных областей и республик, мне пришлось говорить на эту тему со студентами КУТВ (Коммунистического университета трудящихся Востока.— *Ред.*), и особенно поразило меня то, что этот вопрос прорабатывался только с женской частью учащихся и студентов. Студенты в целом оказались не втянутыми в этот вопрос; конечно, они в общих чертах знают о женском движении, но практически преподаватели не разговаривали с ними на эту тему. Работа с женщинами считалась не их работой, а между тем мы знаем, как тяжело обстоит этот вопрос в нацреспубликах, как тут только совместными усилиями и мужской и женской части сознательного населения можно покончить с пережитками старого уклада. Если говорить о пережитках старого уклада, то паранджа является одним из ярких примеров, затемняющих классовую борьбу. Если население мало сознательно, если население не сагитировано, то это бьет на руку зажиточным слоям и бедняки не борются против пережитков старого. Вся сознательная часть комсомола, не говоря уже о партийцах, должна дружными рядами и дружным фронтом выступать по этим вопросам, и не только теоретически, но и практически. Раскрепощенная женщина является обыкновенно борцом за новый строй. Сейчас та громадная стройка, которая происходит во всей стране,— стройка на хозяйственном фронте,— захватывает национальные области, она чрезвычайно облегчает ломку старого. Создается новая база, которая старую базу оттесняет. Если мы говорим, что хозяйствен-

ная стройка — это главное, а культурная — это надстройка, то нужно отдать себе отчет в том, что надстройку тоже необходимо строить и само слово «надстройка» включает понятие строительства, и поэтому тот, кто думает, что вот мы вспашем поле, засеем зерно, уберем хлеб — и все, глубоко ошибается. Надстройку строить необходимо и в области культурной, тщательно продумывать, какими руками строить, в каком направлении и из какого материала. Все эти вопросы стоят сейчас с чрезвычайной остротой,— с большей остротой, чем когда бы то ни было.

В заключение я хотела бы сказать пару слов о западных национальных областях. Там дело обстоит иначе. Там другие трудности, там очень сильно влияние буржуазной печати, печати капиталистической, которая всячески проникает в разных формах и в пережитках старого сказывается чрезвычайно сильно. Тут нужен другой тип борьбы, тут надо особенно заострить всю борьбу по всем областям, которую приходится вести с пережитками капитализма наиболее старых формаций и наиболее старых укладов. Надо четко вести борьбу с капиталистическим миром — и особенно важно учитывать влияние западно-экономическое — и быть по отношению к нему достаточно настороже. Дело в том, что современная буржуазия еще больше, чем мы видим это у реформистов, старается втереть очки. Мы видим, как в области педагогической буржуазия очень талантливо приспособляется к новым условиям, как при помощи своих школ старается затемнить сознание. Мы видим сейчас обостряющуюся борьбу на Западе, мы видим, что на Западе классовая борьба становится все острее, что многие вопросы ставятся глубже, чем ставились за последние годы, и тут надо внимательно следить за этим, быть чрезвычайно осторожными, чтобы буржуазное влияние не осталось как-нибудь без отпора. Эта задача стоит перед польской национальностью, еврейской и другими, близлежащими к Западу.

Позвольте в заключение выразить надежду, что наши национальные республики и национальные области догонят и перегонят в культурном отношении не только буржуазные страны, но догонят и всю Советскую республику в целом и что общими усилиями всех национальностей мы

сможем дать отпор умирающему капитализму и добиться социализма в кратчайшие сроки.

То, что мы сейчас подходим к социализму, это мы чувствуем на каждом шагу. Каждый из нас сознает все трудности, которые перед нами стоят, и никакого комчванства тут нет, но характерно то, что сейчас на рабочих собраниях и на собраниях в колхозах поступает масса записок на тему о том, что такое социализм и каков будет труд при социализме. Наблюдается особый интерес к конкретному социализму. Иногда в записках, которые поступают на собраниях в колхозах, спрашивают про организацию труда при социализме и говорят, что у нас иногда так бывает, что мы что-нибудь начнем, но не кончим, а при социализме этого не должно быть, т. е. там все должно быть обдумано и доведено до конца. Жизнь ставит перед нами задачи о социализме в конкретной форме, и таких задач в целом ряде областей с каждым днем будет ставиться все больше и больше. Дело в том, что социалистический уклад меньше всего мирится с теми традиционными перегородками, которые имеются в среде национальностей. Конечно, я не говорю о том, что все национальное стирается. Тут важно укрепление положительных сторон — национальных положительных сторон,— которые развиваются на основе пережитой истории, но тут также важно и то, чтобы те искусственные перегородки, которые были созданы старым феодальным укладом, которые были созданы капиталистическим строем,— чтобы они были уничтожены.

1930 г.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ БАЗА СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СОВЕЩАНИИ ОБЩЕСТВА ПЕДАГОГОВ-МАРКСИСТОВ)

СОВЕЩАНИЕ ОБЩЕСТВА ПЕДАГОГОВ-МАРКСИСТОВ 7 ФЕВРАЛЯ 1930 г.

Товарищи, сейчас то, что происходит в окружающей жизни — развитие промышленности, коллективизации, все те сдвиги, которые мы наблюдаем в хозяйственной и общественной жизни,— не может не отразиться и на деле народного образования. Наша система отличается коренным образом от системы буржуазных государств. Система буржуазных государств приноровлена к удовлетворению потребностей хозяйства, построенного на базе капиталистической, и там классовый характер всей этой системы чрезвычайно резко сказывается и в системе народного образования.

До революции наша система была копией с худших буржуазных систем, на ней еще лежала тяжелая печать докапиталистического периода, периода феодального, и сейчас даже, спустя 12 лет после Октябрьской революции, это сказывается, и мы еще не имеем всеобщего обучения — так над нами тяготела, так мешала и связывала нам руки старая система народного образования.

В программе партии определенно указаны основные линии социалистической системы народного образования, вытекающей из учения Маркса и Ленина. Конечно, программу нашей партии присутствующие здесь достаточно знают, и я останавливаться на этом не буду, но надо отметить, что сейчас мы ясно видим, насколько еще мало

эта система проведена в жизнь. Теперь по всем линиям с особой остротой встают те вопросы, которые встали сразу после Октябрьской революции. Сейчас характерно, что все те вопросы, которые ставились в конце 1917 и в 1918 г.,— все эти вопросы ставятся опять, но уже мы имеем другие средства и другие возможности для их осуществления и разрешения.

Если в 1918 г. многие вопросы ставились лишь как перспективные, не ясны были пути осуществления многих из поставленных задач, то 12 лет спустя, после борьбы изо дня в день, борьбы повседневной, при новой организации, которая за эти годы создалась,— сейчас мы ставим все эти вопросы не только как вопросы далекого будущего, но как вопросы, к разрешению которых можно приступить сейчас же. Тут особенно мы чувствуем весь пройденный нами путь, когда приступаем к решению этих вопросов не только по линии народного образования, но и по всем другим линиям.

То, что казалось далекой перспективой, в теперешних условиях делается близким, поднимается революцией на другую, более высокую ступень. Если мы посмотрим на нашу систему народного образования, то мы увидим, что в программе нашей партии стоит вопрос о поголовном обслуживании всего подрастающего поколения. А если мы посмотрим на то, как у нас обстоит с этим дело,— то дело обстоит более чем скверно. В этом отношении мы к социализму не только не приближаемся, но еще буржуазных стран не догнали. Нет у нас даже всеобщего обучения, дошкольное дело представляет собой еще жалкие крохи. И I ступень и школы второступенского типа представляют собою каплю в море. Так что в этом отношении отставание у нас очень большое.

Но, с другой стороны, мы видим сейчас, как создаются новые методы вовлечения населения в культурное строительство. Метод культпоходов имеет огромнейшее значение, особенно ярко это сказывается на примере ЦЧО (Центрально-Черноземной области.— *Ред.*). Надо сказать, что́ такое ЦЧО, какое мы там имеем наследство. Это была область густопсовых помещиков, сплошной неграмотности населения, а теперь мы видим, что ЦЧО начала развертывать культпоходы. Год тому назад это было бы совершенно немыслимо, потому что там еще не было того

сдвига, который необходим для того, чтобы методы культпохода могли развернуться.

Еще года два тому назад крестьянка писала оттуда: «У нас даже вслух нельзя произносить слово «колхоз». Я помню это интересное письмо, которое заканчивалось словами: «А все же я на мéжи теперь и глядеть не могу». Это было два года тому назад, а сейчас мы там имеем сплошную коллективизацию.

Там для населения, состоящего в огромном большинстве из бедноты, открылись новые выходы, и там поэтому совершенно ломается старая психология. В связи с этой ломкой мы видим там чрезвычайно большие сдвиги. Я слежу за газетой «Орловская правда» (правда, не очень систематически). Каждый номер ее говорит о том, что там идет доподлинная культурная революция.

Несколько примеров. В связи с ликвидацией неграмотности развертываются интереснейшие бытовые формы, например, там объединяют швейные машины, устраивают починочные мастерские и посылают туда бригады портных. Возьмем дошкольное дело: вдруг создается 500 дошкольных изб. Своими силами провели всеобщее обучение. Они открыли 2500 комплектов по ЦЧО — это значит, что всех детей восьмилетнего возраста они принимают в школу. Все, кто там был, указывают на то, что среди взрослого населения чрезвычайно большой подъем. Характерно не только это.

Возьмем такую вещь, как детдома. Оказывается, там сейчас огромное внимание обращается на детдома — это дело у нас везде в последнее время в забросе,— там ставится соцсоревнование между детдомами. Во всех областях идет по-новому работа,— в одном из последних номеров я вычитала такую историю.

Мы несколько лет тому назад начали составлять «паспорта» некоторых губерний — тогда еще районов не было. Паспорта включают в себя материал о природных условиях, об истории края начиная с 1861 г., все массовые движения, которые там были, рассматривается организация промышленности, сельского хозяйства, всего строительства. И вдруг читаешь в «Орловской правде», что сейчас в Орловском округе подготовляется фильм, где будут, с одной стороны, даны характерные природные условия, с другой — история края: борьба с деникинцами,

как они к Орлу подходили и пр., картины теперешней жизни: Шатиловская станция, совхозы, колхозы, предприятия и т. д.

Характерно, что толчок дан не только в области низовых форм просвещения, вроде ликвидации неграмотности, но толчок дан во всех областях, даже в такой области, как создание кинофильмов.

Сейчас, когда слушаешь рассказы Нижней Волги о том, что делают они, то ясно, что мы сейчас вступили в полосу совершенно других темпов. То, о чем невозможно было несколько лет тому назад подумать,— то сейчас возможно осуществить. Поэтому темпы нашего строительства должны быть взяты таким образом, чтобы охватить действительно поголовно все подрастающее поколение,— это одна сторона дела.

Другая сторона дела — это качество нашей школы и политпросветительных учреждений. В программе нашей партии очень определенно говорится, что школа наша должна быть школой, которая перевоспитывает молодое поколение в коммунистическом духе. С другой стороны, она должна быть школой политехнической.

Но если мы подойдем к этому вопросу, то за эти 12 лет какие формы школы и школьной работы мы у себя имеем? Скажем, такой основной вопрос, как вопрос об общественно полезной работе? Этот вопрос в свое время довольно горячо обсуждался, и это, пожалуй, то, что отличает нашу школу коренным образом от школы буржуазной. Наша школа ведет общественно полезную работу, которая выражается, с одной стороны, в культурной, с другой стороны, в хозяйственной работе. Может быть, наиболее типична в этом отношении школа крестьянской молодежи. Если вы придете на конференцию ШКМ, то услышите, как ребята рассказывают про эту работу, которую они проводили в деле ликвидации неграмотности, по перевыборам Советов, а с другой стороны, расскажут, как они проводили работу по сортировке семян, по пропаганде правильного кормления скота и т. д.

То же в отношении школы I ступени, главным образом деревенской,— она также проделывает большую общественно полезную работу; это имеет огромное значение в том отношении, что она научает подрастающее поколение быть активными строителями новой жизни.

Но если мы посмотрим, как у нас проходит это дело в городе, то мы увидим, что город у нас сильно отстает, отстает и школа I ступени, но в еще большей мере отстает школа II ступени. Если в деревне в ШКМ почти все принимают участие в общественно полезном труде, то этого совершенно нельзя сказать про городские школы I и II ступени.

Но и в деревне мы видим весьма пеструю картину. Мы видим, что одна школа проводит весьма интересное начинание, а другая только время от времени ведет эту общественно полезную работу, чтобы только отделаться. Последнее обследование инспектуры, которое было в ряде областей, подтверждает эту пестроту в отношении общественно полезной работы, которую ведет школа.

Что мы можем сейчас сделать? Считаем ли мы необходимым сделать эту общественно полезную работу обязательной для школы? Каждый скажет, что это возможно, это не требует ни огромных построек, ни оборудования, это потребует только определенной четкой установки, и это можно провести без особых затруднений, но надо требовать, чтобы была общественно полезная работа в такой же степени, как от всякой школы требуется, чтобы она научила читать и писать и давала определенные общеобразовательные навыки. Наша школа должна в обязательном порядке давать навыки общественной работы.

Часто говорят: общественно полезная работа *школы*, а оказывается, что в школе работает только какая-нибудь головка — учком, а вся масса ребят относится пассивно, или иногда работает один учитель или один избач, а не работает все учреждение как целое.

Я думаю, что было бы необходимо проводить то, что школа как целое — все учащиеся, все преподаватели и весь технический персонал школы — должна проводить общественно полезную работу.

Если школа будет проводить эту работу как целое, то она должна иметь свой производственный план, продуманный, и тут мы подходим к одному большому вопросу.

Мы очень часто гордимся пятилеткой; мне пришлось слышать, как после доклада о пятилетке на съезде Советов с большим воодушевлением съезд Советов пел

«Интернационал»,— ясно, был подъем. Но что значит пятилетка? Планировка хозяйства означает, что не только Госплан один работает над плановостью, а вся страна, каждый планирует работу своего учреждения, своего предприятия. Четко должна планироваться и работа школы. Но это планирование, конечно, должно проходить не в бюрократическом порядке, а быть планированием, в которое должны быть вовлечены все ребята. Это будет давать те навыки плановой работы, которые будут иметь огромное значение. Мы должны наше подрастающее поколение воспитать таким образом, чтобы у него было понимание того, что работа каждого примыкает к общей работе, плановость надо воспитывать практически на этой работе. Это вопрос чрезвычайно важный, который отличает наше хозяйство от капиталистических стран. Это показывает все качественное различие нашего хозяйствования от хозяйствования капиталистического.

Если мы хотим социалистическую школу строить, то мы должны ее строить так, чтобы у ребят воспитывать умение планировать. Конечно, план школы должен строиться не произвольно, а он должен строиться таким образом, чтобы эта общественно полезная работа была действительно чрезвычайно нужной работой. Плановая работа школы и избы-читальни должна примыкать к плану района. Сейчас каждый район имеет свой производственный план. И необходимо, чтобы школа планировала не только общественно полезную работу по линии только кампаний, а чтобы она планировала свою повседневную общественно полезную работу. На этой работе научатся ребята, особенно школы II ступени и техникумов, понимать и изучать планирование данного района. Планирование предполагает умение четко учесть все возможности, умение проверить исполнение, и тут чрезвычайно важно, чтобы план школы, план каждого учреждения связывался с общим планом района.

Конечно, необходимо, чтобы все наши просветительные учреждения помогали друг другу, чтобы между ними было какое-то разделение труда — не все вели одну и ту же работу. Работа школы I ступени будет качественно и по размаху и по возможностям отличаться от работы техникумов или школ II ступени. Тут важно

правильное распределение функций, которые тоже будут базироваться и на возрастных возможностях.

Когда мы говорим о том, что надо, чтобы работа наших просветительных учреждений примыкала как-то к общественным и культурно-бытовым задачам, то тут мы подходим к целому ряду новых вопросов.

У нас был недавно съезд юных натуралистов и ЦБ юных пионеров. Все они подходят к вопросу о необходимости создания детских колхозов в деревне. Одно время даже давался ими лозунг: «Детские колхозы». Но сейчас уже и у юных натуралистов и ЦБ юных пионеров создалось определенное представление о том, как детский труд планировать. Предполагается таким образом, что в общих больших колхозах взрослых будет организовываться труд ребят в детских коллективах. «Детские колхозы» будут брать на себя выполнение разных функций, выполнение известных хозяйственных работ. Это чрезвычайно важно, потому что если этого нет, то в колхозах некоторые ребята будут загружаться такой работой, на которой они не могут расти, а часть ребят будет болтаться без дела и не находить нужного применения своим силам.

Мне приходилось говорить по этому поводу с колхозниками, которые также ставят вопрос о детском труде, о том, что необходимо организовать труд детей. Пусть они хоть маленькую работу делают, пусть ребенок хоть курицу кормит, но все же что-то делает, потому что только тогда он будет себя чувствовать членом колхоза.

Мы знаем отдельные колхозы в ЦЧО. Есть интересный колхоз «Искра Ленина». В этом колхозе педагог принимает участие в организации колхоза, и ребячья работа организована определенным образом. Сейчас и молодежь, и взрослые — все подходят к вопросу о необходимости организации труда поголовно всех ребят, организации труда на колхозных основаниях. Как организовать этот труд? Эта задача стоит во весь рост, над ней думают отдельные педагоги.

В журнале «На путях к новой школе» довольно много проходит статей, в той или иной форме касающихся данного вопроса. Некоторые статьи довольно интересны и указывают на то, что вся эта проблема организации детского труда в колхозах, организации особых дет-

ских участков труда, где бы ребята учились общественно работать, коллективно работать, распределять между собой труд, стоит на очереди.

Сейчас в городах развивается индустрия, развивается много бытовых форм, например развитие всякого рода столовых. Сейчас жилкооперация выдвигает чрезвычайно интересную проблему в области общественного обслуживания быта. Видно, как снизу прут все эти вопросы бытового обслуживания, открываются очень большие перспективы. Возьмите механизацию быта и обобществление бытовых сторон жизни. Школа должна быть со всем этим увязана точно так же, как она должна быть увязана и с производством. У нас создаются ФЗС. Там есть очень интересные отдельные опыты, но наряду с этим там есть и большие промахи.

Есть такого типа школы, которые только в мастерской ставят работу, совершенно не увязывая этой работы с работой заводов и предприятий. Они только в своей теоретической учебе касаются вопросов данного производства, но участия в работе предприятий не принимают. Эти предприятия даже стараются как-то особо отгородиться от ребят, от школы. Тут нет часто необходимых сдвигов в этом отношении.

Но сейчас меняется в очень многом взгляд на школу, и особенно важно, чтобы этот взгляд переменился в рабочей среде. Мне кажется, что тут сдвиги возможны. Сегодня мне пришлось говорить с товарищем из Наркомтруда — и как будто бы вырисовываются такие перспективы: в НКТ сейчас меньше расходов на безработицу, которая сильно сокращается. В связи с новыми перспективами у целого ряда товарищей из НКТ возникает мысль о необходимости того, чтобы прийти на помощь Наркомпросу со стороны НКТ в деле технического и политехнического воспитания подрастающего поколения.

Мы должны все наше поколение поголовно воспитать способным к труду. Это — колоссальнейшая задача, которую прекрасно понимают рабоче-крестьянские массы, а в этом отношении у нас сделано до чрезвычайности мало, и возможности у самого НКТ, если он в одиночку это дело поведет, чрезвычайно ограниченные.

Сегодня, проглядывая № 9 «Статистического обозрения», я наткнулась на статью, которая указывает на то,

что в школьных зданиях, которые выстроены за период с 1918 г., мастерские занимают только 1,9% площади школьных зданий. Даже раздевалки в школьных зданиях — и те занимают около 5%.

Итак, в программе у нас значится политехническая школа, а когда здания строились, то строились таким образом, что под мастерские отводились какие-то уголки. Если мы посмотрим, что это за уголки, то увидим, что они помещаются в подвалах и т. д.

Если в одиночку это дело вести, то ничего не выйдет. Необходимо, чтобы и НКТ, и ВСНХ, и другие хозяйственные организации поняли все значение трудового воспитания подрастающего поколения. Сейчас, когда так остро стоит вопрос с рабочей силой, когда мы видим постоянные прорывы на трудовом фронте благодаря отсутствию самой элементарной культуры труда у тех новых кадров рабочих, которые приходят на производство,— хозяйственники начинают лучше понимать значение трудового воспитания.

Если человек откроет кран и уйдет, а потом остановится вся фабрика, так как вода залила машину, и предприятие станет на ремонт,— то это следствие отсутствия трудовой культуры.

Необходимость воспитания трудовой культуры в школе осознали буржуазные государства, но они не в состоянии разрешить эту задачу по другим причинам. Это теперь настолько бьет в глаза, что не знаю — в будущем году или через несколько лет, но наши хозяйственники почувствуют эту проблему со всей силой.

Индустриализация страны предъявляет спрос на рабочую силу, и вопрос этот становится чрезвычайно злободневным.

С другой стороны, мы в наше понятие «политехнизм» должны внести еще одну добавочную черту. Мы не только должны обучать ребят главным, основным видам труда, но необходимо, чтобы они и технические и агрономические знания, которые они будут приобретать, учились применять к весьма сложным и разнообразным условиям.

Политехнизм, преподаваемый как особый предмет,— это политехнизм мертвый, а политехнизм живой — это политехнизм, связанный с предприятием, с общественно

полезной работой, и сейчас вся жизнь толкает на то, чтобы этот живой политехнизм начать проводить.

В этом направлении сейчас ясно, что можно сделать и как можно сделать, и вся проблема стала совершенно актуальной. Наличие детских организаций показывает, как мы можем в весь детский труд внести момент организации. Мы все наблюдали слет пионеров и видели, какая у этих пионеров в массовом масштабе привычка к организации, вырабатываются организационные навыки и умения. Это скажется на нашей политехнической учебе и на воспитании ребят чрезвычайно положительно, потому что одно дело — ребенок, который привык в одиночку учиться и работать, и другое дело — ребенок, который привык всю свою жизнь, всю свою деятельность организовывать вместе с другими ребятами и в деле организации имеет определенные навыки.

Мне кажется, что весь переживаемый нами момент дает возможность все то, что значится в нашей программе в разделе просвещения, т. е. поголовное обслуживание подрастающего поколения и поголовное обслуживание взрослого населения, провести в жизнь, углубить социалистический характер нашей школы, воспитать у ребят организационные навыки, осознание себя членом коллектива, определенную выработку навыков культурно-коллективистических — все это дает возможность осуществить настоящий реконструктивный период. Перед нами открываются широкие возможности. То же самое и в отношении планирования и в отношении социалистического строительства.

И наконец — тот вопрос, которому мы придавали все время такое большое значение,— поголовное трудовое воспитание подрастающего поколения, которое строит республику труда и должно будет жить в республике труда. Этот вопрос в значительной степени по-новому ставится, а на этом фоне некоторые наши спорные вопросы получают другое освещение. Мы очень горячо спорим с комсомолом, который говорит, что надо над семилеткой строить техникум. Соцвос говорит: надо школу II ступени строить, комсомол говорит: надо выход в жизнь давать.

Дает ли школа II ступени выход в жизнь? Около этого спорного вопроса ведутся горячие дебаты. Но надо

сказать, что умение сочетать теорию с практическим знанием жизни будет давать та школа, которая тесно будет увязана с хозяйственной стройкой, она будет давать ту практическую закалку, которая даст умение теорию связать с практикой.

Поэтому вопрос о том, надо ли давать общеобразовательные или политехнические знания, или можно их сводить до минимума, как в техникуме, как давать трудовую практику и т. д.,— все эти вопросы потеряют свою остроту. Пока мы будем стремиться семилетку сделать всеобщей, над семилеткой, может быть, будут строиться школы другого типа, которые будут иметь в себе положительные элементы и техникума и школы II ступени. Тут теория будет с практикой теснейшим образом связана, будет расти поколение, хорошо знающее жизнь не только по книжкам, а знающее жизнь потому, что оно принимает участие в социалистической стройке. Это будет поколение, вооруженное для того, чтобы быть активными работниками социалистического государства. В этом отношении многие из спорных вопросов отпадут сами собой.

Что касается учреждений для взрослых, то на этом вопросе я сегодня не буду останавливаться подробно. Сегодня хотелось бы внимание сосредоточить главным образом на школе, но, конечно, если возьмем какую-нибудь Бородинскую избу-читальню, которая вместе с активом спланировала, как из церкви сделать мельницу, которая сумела это провести при горячем участии всего актива, посещавшего избу-читальню, который провел эту постройку собственными руками при участии избы-читальни, причем изба-читальня постоянно вывешивала сведения о ходе работ, и была выстроена мельница, которая сразу подорвала религиозные верования, и тогда население другую церковь превратило в дом социалистической культуры,— то нельзя не видеть, что вся эта плановая работа дала огромный толчок всему культурному развитию села.

Если бы изба-читальня занималась только книжками — а есть такой уклон, например в Ленинградской области, где хотят, чтобы изба-читальня поменьше в жизнь совалась, а она суется и не может не соваться в жизнь,— то такого результата мы бы не имели. Там, где избач

мало-мальски подкован, где он умеет плановую работу развернуть и ее увязать с задачами строительства,— там получаются чрезвычайно большие результаты, и все смотрят на это просветительное учреждение не как на бедного родственника, а как на нечто действительно ценное, и тот соседний завод, который не хотел дать избечитальне цемента, теперь с удовольствием дает, раз из церкви строится мельница, о которой вздыхало все население.

Так именно надо подойти ко всем этим вопросам, так поставить просветительную работу, чтобы высшие ее звенья низшим помогали, чтобы все это шло по одному плану,— это сделает нашу школу подлинно социалистической, подлинно политехнической.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СОВЕЩАНИЯ 4 МАРТА 1930 г.

Товарищи, с первого нашего заседания прошел целый месяц. Поэтому я боюсь, что у многих стерлись уже воспоминания о том, о чем мы говорили. Кроме того, может быть, сегодня присутствуют товарищи, которые в тот раз не были. Поэтому я в нескольких словах напомню содержание нашей беседы и цель ее.

Мы как раз хотели обсудить вопрос о том, как то новое, что происходит в нашей экономической и общественной жизни, как оно должно отразиться на системе нашего народного образования. Мне пришлось в своем докладе говорить о том, что сейчас создаются условия для того, чтобы мы могли построить школу подлинно политехническую, которой у нас еще до сих пор нет, политехническую в широком смысле этого слова, где теория может связываться с практикой,— это с одной стороны. С другой стороны, я говорила о том, что сейчас создаются условия, когда мы можем построить школу социалистическую, т. е. не просто трудовую школу, а такую школу, в которой был бы общественный труд, был коллективный труд. Это то, что всей нашей школе может придать социалистический характер. Сейчас мы вообще имеем в лучшем случае только трудовую школу, а нам чрезвычайно важно использовать момент для того, чтобы создать именно социалистическую по духу школу.

И, наконец, третий вопрос, на котором я тогда хотела

остановиться и останавливалась,— это вопрос о том, что сейчас мы можем каждое наше просветительное учреждение, каждое воспитательное учреждение строить как учреждение, выполняющее известную культурную и хозяйственную работу. Поэтому сейчас наша система народного образования должна и может гораздо больше, чем раньше, опираться на всю хозяйственную систему, быть гораздо теснее с ней связанной. Ведь вся наша система народного хозяйства должна строиться таким образом, чтобы все учреждения были связаны между собой, связаны в нечто единое. Это даст нам возможность несколько по-иному, гораздо глубже ставить нашу основную идею, которую мы выдвинули,— идею о единой школе. Школа разных ступеней может сейчас быть превращена в подлинную единую школу. Вот это содержание доклада, около которого развернулись прения.

За прошедший месяц этот вопрос и у нас, в Наркомпросе, и на разных собраниях в разговорах с товарищами пришлось обсудить с разных сторон. Поэтому к тому, что говорилось раньше, я бы хотела прибавить еще несколько слов.

Я хотела бы указать на то, что у нас сейчас замечаются такие вещи. С одной стороны, чувствуя, что много возможностей открывается перед нами, люди часто начинают фантазировать, чувствуют, что что-то такое можно по-новому, как-то гораздо шире и глубже делать. Начинают с того, что, например, хотят уничтожить школу, говорят, что школа уже потеряла свое значение, что в сущности сейчас можно так строить систему образования, что и школ-то не надо. А наряду с этим возникают такие теории, что мы должны труд ребят делать обязательным начиная с самого детского возраста. Я слышала, например, разговоры об обязательности детского труда начиная с семи лет... Ставится знак равенства между семилетним ребенком и взрослым человеком, совершенно упускаются из виду особенности детского развития. Так что в этом отношении замечается большой перегиб.

Причем еще таким образом толкуется, что надо, чтобы детский труд происходил по заданиям, по нарядам колхозов. Но надо же отдать себе отчет, что это значит: детский труд по наряду колхоза. Колхоз и прав-

ление колхоза — это не есть какая-то такая единица, которая педагогически подходит к этому вопросу. Как будет колхоз подходить к этой проблеме в большинстве случаев? Он будет смотреть на ребенка так, как смотрели до сих пор в крестьянском хозяйстве. Надо там стеречь мелкий скот, надо там полоть гряды, надо стеречь бахчи,— ребята будут стеречь бахчи. Одним словом, самый однообразный труд, тот труд, на котором ребенок не может расти, развиваться, может как раз стать тем трудом, который по наряду колхоза будет даваться ребятам, и ребята обязаны будут его выполнять. Это, конечно, к политехническому воспитанию никакого отношения не имеет.

Затем у нас наблюдается увлечение практикой. Часто даже комсомольцы начинают говорить о «расщепленном» труде. На молодежь производит впечатление организация хозяйства в колхозе. Видят: один доит коров, другой засыпает корм коровам, третий занимается куроводством, четвертый еще чем-то,— словом, разделение труда. И вот это разделение труда, человек видит, дает большие положительные результаты, и он поэтому воодушевляется. Начинают говорить, что и ребят надо учить «расщепленному» труду. Но что значит расщепленный труд? Это значит — мелкие функции: девочку учить с малых лет быть только дояркой. Это будет не политехническое воспитание, а узкопрофессиональное, против которого мы всячески должны восставать. Вот все такие перегибы — они, конечно, вполне естественны, но очень вредны.

Когда начинают впервые обсуждаться вопросы, то, понятное дело, очень многие вопросы начинают ставиться не всегда в том разрезе, в каком следует, чтобы они были поставлены. Мне бы хотелось, чтобы те товарищи, которые сегодня будут высказываться, чтобы они побольше говорили о том, что им приходилось наблюдать в области детского труда в колхозах, и говорили бы по поводу того, как им представляется организация политехнического труда в колхозах. Но не только вопрос о колхозном труде ребят — сейчас встает и вопрос о труде на предприятиях, поскольку мы говорим о заводах-втузах, где рабочий проходит все стадии обучения.

Предполагается, что во втузах молодежь будет проходить известную политехническую подготовку.

И, наконец, третье — именно сейчас, в этом году, в эту зиму, мы обсуждаем довольно много разных бытовых вопросов: вопрос об общественных формах всего хозяйства, об общественном питании, об общественном воспитании малышей — обо всех этих вопросах сейчас очень много говорится. И в связи с обсуждением, например, такого вопроса, как дома-коммуны, дома в новых социалистических городах, приходится другой раз слышать такие отзывы, такие мнения, что там должен быть использован труд детей. Но если мы не говорим, как должен быть труд действительно использован в домах-коммунах, где живет 2 тыс. человек, если мы просто скажем об использовании детского труда, то что в результате у нас получится? — Что у нас ребята будут на посылках, их будут посылать с этажа на этаж за кипятком, за справками, за письмами и т. д., и будем говорить — вот у нас организованный труд. Так что тут, конечно, необходимо точно так же дать себе отчет в том, что мы должны очень настороженно относиться к вопросу о домашнем детском труде даже в обобществленном секторе, мы должны обдумать, что в этом большом хозяйстве, которое заменяет домашнее хозяйство, какую роль могут играть дети, могут ли они вообще играть какую-нибудь роль и как, в чем должна быть настороженность. А с другой стороны, надо не упустить те новые возможности, которые открываются для политехнического воспитания ребят, для социалистического воспитания нашего подрастающего поколения. Это вопрос, который за этот протекший месяц особенно встал со всей, по-моему, яркостью.

Другой вопрос, по которому было бы хорошо, если бы товарищи высказались,— это вопрос такого рода: мне кажется, что те успехи, которые мы делаем на хозяйственном фронте, они со всей остротой ставят вопрос о трудовой, поголовно трудовой подготовке, политехнической подготовке подрастающего поколения, подростков.

Конечно, в ближайшем будущем мы не будем иметь столько школ повышенного типа, чтобы они охватывали всю молодежь. Школа в лучшем случае может стать

определенным консультационным пунктом, таким учреждением, которое обрастет целым рядом вспомогательных учреждений. Но имея такие организационные пункты, как школы, мы должны охватить нашим влиянием нашу молодежь, молодежь, даже не посещающую школу. И надо эту молодежь как-то пропустить через какую-то политехническую учебу. Этот вопрос ставился и в других государствах, например, в Австрии, но там он ставился на базе ремесленного труда. Правда, говорили там не о трудовом воспитании детей рабочих, но все же этот вопрос ставился.

Мы знаем, в Германии обращается внимание на трудовое воспитание подрастающего поколения, оно там обязательно. И вот сейчас, по-моему, и у нас в стране встает вопрос об обязательном политехническом воспитании подрастающего поколения — не только детей рабочих, но и всех детей поголовно, всего молодого поколения поголовно. Если мы сейчас, в ближайшем будущем, добьемся того, что у нас школа I ступени будет поголовно охватывать всех ребят,— мы знаем, что сейчас это осуществимо, что сейчас это не далекая перспектива, а что мы можем добиться того, чтобы школа I ступени в ближайшем будущем стала обязательной,— то затем надо держать курс на всеобщность школы-семилетки.

Сейчас на предприятия ребят принимают с 14 лет, они получают заработную плату, которая нормирована, регулируется определенным образом. Необходимо, чтобы и труд молодежи в колхозах не шел стихийно, а нормировался, чтобы этот труд не был расщепленным каким-то трудом, не давал бы им лишь какие-то узкие профессиональные навыки, а чтобы он давал навыки труда в самых разнообразных областях, давал бы политехническую культуру. Это — одна задача. И я думаю, что надо не только путем организации достаточного количества школ, на что в ближайшие годы трудно рассчитывать, помогать молодежи учиться, надо создать целую систему народного образования, разных курсов, лекций, рекомендательных списков книг, которые надо прочитать, учебников заочного типа.

Я думаю, что если бы мы продумали, как надо труд подростков поставить политехнически в городе и деревне, продумали бы всю систему культурного обслужива-

ния молодежи в смысле вооружения ее необходимыми знаниями, то мы могли бы ту задачу, которая так настоятельно выдвигается жизнью,— задачу политехнического воспитания молодежи вне школы, при помощи школы, при помощи консультации со стороны школы, постоянной помощи со стороны школы,— я думаю, мы эту задачу смогли бы разрешить.

Вот те замечания, которые я бы хотела сделать перед открытием прений.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Я остановлюсь сначала на одном вопросе, на котором останавливался предыдущий оратор,— на вопросе о том, насколько плодотворна наша дискуссия о социалистических городах.

Конечно, если бы мы только и делали, что говорили о социалистических городах, а не смотрели бы на то, что нам надо делать сегодня, то это было бы довольно бесплодным занятием. Но дело в том, что разговор о социалистических городах имеет самое прямое и непосредственное отношение к нашей повседневной работе,— эти разговоры о социалистических городах заставляют нас самих проверять, насколько мы социалистически умеем смотреть на то, что находится у нас под руками.

И вот те споры, которые на нас обрушились довольно неожиданно, имеют для нас большое значение в том отношении, что каждый участник этих споров отдает себе отчет в том, да что же это такое, какие же это социалистические города будут, а в чем же тут социалистическое — одни ли здания, или социализм в чем-то другом.

Правда, когда вопрос обсуждается в таком учреждении, как Госплан, то в большинстве случаев обсуждается самый вопрос о строительстве. Естественно, конечно, для педагогов поставить вопрос шире: а как же будет поставлено воспитание в этих социалистических городах, как эти города будут удовлетворять потребности населения? И тут же возникает вопрос: а какие же потребности это будут? И вот мы таким образом всеми четырьмя лапами попадаем в вопрос о том, что такое социализм.

Всем нам казалось и все мы думаем, что мы знаем, что такое социализм, но в этих спорах о социалистических городах выявляется, что надо еще очень многое продумать в этом отношении. Например, возьмем вопрос о социалистических городах: как там будет организована жизнь? Мне как-то пришлось быть в Брянске, там в центре города стоит большой Дом Советов, где собраны и партийные и профсоюзные организации. Тут же рядом — большой театр, где происходят массовые собрания. Этот в центре города находящийся Дом Советов является центром, который притягивает к себе массы. Брянск — не социалистический город и весьма мало на него походит, потому что, кроме этого Дома Советов, все остальные дома — это типичные дома провинциального города. Но это здание Дома Советов и вся эта картина невольно заставляли думать: пожалуй, когда новый город будет строиться, то необходимо, чтобы был какой-то центр, в котором сердце жизни города будет биться.

Когда я слушала потом обсуждение вопроса о социалистических городах, то вопрос о центре всей жизни города как-то выпадал. Может быть, надо строить не совсем так, как в Брянске, может быть, по-другому, гораздо проще — широкие улицы и т. д.:

Ясно, что, когда строился в Брянске этот Дом Советов, вряд ли кто думал о социализме, а думали о том, как удобнее это сделать. Этот маленький зачаток нового строительства говорит о том, что необходимо, чтобы все было связано в одно целое.

Социалистический город — это город-коллектив, где должна быть глубокая связь между всем населением. Это — не просто обыватели, которые живут в своих уголках: одни — в одном хорошем доме, другие — в другом хорошем доме, а это нечто такое, что связано в живую могучую силу, которая живет общими интересами, которая эти интересы глубоко продумывает.

Когда говорят о социалистических городах, о кубатуре, как бы там больше не пришлось против нормы, сколько можно под каждую комнату подвести,— все это как-то мертво. Тут не чувствуется биения жизни. Представляется часто город в этом плане чем-то стабильным: столько-то тысяч, все они заняты на фабрике. Относительно детей много было споров: где они селиться бу-

дут — за городом или в городе. Уступка сделана, что дети в городе будут жить, но основной вопрос, где именно и как будут жить, отодвигается. И еще один большой вопрос: как же этот город будет связан с деревней, с районом? Мы все говорим, что при социализме пропасть между городом и деревней будет уменьшаться, они будут сближаться, а тут мы строим какой-то город, который — сам по себе, точно вокруг него какое-то безвоздушное, незаселенное пространство или пустыня.

Вот эта связь между городом и деревней, которая должна быть гораздо более интенсивной, чем в настоящее время, как-то упускается, и этот вопрос мало обсуждается.

Но и то обсуждение вопроса, которое началось только со зданий, с рационализации построек, с внешних форм, помогает нам уяснить, как мы по-настоящему должны строить. Если мы посмотрим на нашу окружающую действительность после того, как поспорим немного, мы начинаем больше замечать то, чего не замечали раньше. Придет рабочий с собрания, где говорилось о социалистических городах, и ему казарма или дом, в котором он живет, станет настолько непереносимым, что он захочет сейчас же приложить руку, чтобы его перестроить по-новому.

Если бы мы только и делали, что собирались и говорили о социалистических городах, то это было бы довольно праздным занятием. Но наряду с этим должно развиваться довольно большое бытовое движение. О быте сейчас очень много говорят, и не только говорят, но кое-какие результаты конкретные получаются непосредственно, и эта увязка с повседневной жизнью, с улучшением быта имеет огромное значение.

Когда мы говорим о быте, мне всегда вспоминается один рассказ Джона Рида, который, вероятно, многие из вас читали,— «Дочь революции», где рассказывается о внучке коммунара, ставшей проституткой. В этом рассказе очень хорошо вскрыто, как быт обывательский, где отец — глава семейства, где женщина должна заниматься только хозяйством, где отношение к женщине остается старым, глушит другие влияния, влияния отца-коммунара. Несмотря на то, что отец был коммунаром, что отец был участником революционного движения, не-

смотря на все это, внучка коммунара — дочь революции — все же остается чуждой этой революции, потому что быт остался старый, в отношении быта ничего не изменилось. Вот вопрос о быте, который ставит Джон Рид, сейчас особенно чувствуется со всей актуальностью.

Все вопросы быта, которые сейчас ставятся на массовых собраниях, конечно, непосредственно связаны с тем большим вопросом социалистического строительства, который перед нами стоит.

Мы часто в последний год говорим: «Строим социализм»,— но говорим только о хозяйственной стройке, а ведь это не только хозяйственная стройка, это — перестройка всех взаимоотношений между людьми, и сейчас этот вопрос начинает с достаточной яркостью выступать.

Многие товарищи отмечали, что мы заново ставим теперь многие вопросы, которые уже в начале революции нами ставились. Тов. Крупенина напомнила мне, как в 1918 г. у нас внутри Наркомпроса ставился вопрос, да нужна ли школа вообще, особенно после речи Владимира Ильича, который говорил о том огромном значении, какое имеет школа. У него есть даже такое выражение, что только школа сможет избавить подрастающее поколение от тех войн, которые сейчас происходят, от того разматывания и растраты человеческих сил, свидетелями чего мы сейчас являемся.

Эта установка Владимира Ильича о школе встретила со стороны некоторых товарищей возражения, и в журнале «Народное просвещение» появилась статья одного из наших сотрудников т. Шапиро, который доказывал, что при социализме школа не нужна. Это, конечно, совершенно неправильная постановка вопроса. Школа необходима. Школа, которая явится организационным центром, которая поможет молодому поколению, всем ребятам по-новому организоваться, по-новому овладевать знанием и которая будет для всей молодежи таким центром,— такая школа, конечно, сыграет крупнейшую роль. И тут я подхожу к основному вопросу — к вопросу о том, что социализм — это организация.

Ленин всегда подчеркивал, что гвоздь строительства социализма в организации, и поэтому неверно думать, что профсоюзы через некоторое время, не при социализме, а даже в более близкое время, отомрут. И текстили,

и металлисты, и другие профсоюзы нужны, у них у всех свои особенности. Надо так, чтобы население по разным занятиям, по разным целям, по самым различным направлениям организовывалось.

Если мы сравним теперешнее население с тем, которое у нас было в 1917 г., то мы увидим, что в смысле организационном сделан огромный шаг. Я помню первые женские собрания наперечет; были работницы, которые участвовали в женских конференциях. Была захвачена верхушка, а низы только присутствовали и сами активного участия не принимали. Если же мы теперь посмотрим, как обстоит дело в этом отношении, то мы увидим обратное. В отношении Ленинграда мы не можем сказать, чтобы там в 1917 г. был мал актив,—напротив, масса там была очень активна в смысле революционном и в смысле политическом. Но если подойти к бытовому вопросу, то я помню, как у нас в Выборгском районе было заседание относительно того, как организовать клуб. И вот на этом заседании все передовые рабочие оказались в плену у пары поваров, которые захватили власть и повели разговор о том, какие кушанья в клубе надо приготовлять и как их надо вкусно готовить. И так как никто не знал, с какой стороны к клубу подойти и что должен собой рабочий клуб представлять, то чрезвычайно развитые рабочие терпеливо выслушивали рассказы поваров о том, как надо приготовить судак. На этом заседании почувствовалось, насколько это новая область и как здесь придется по-новому организовываться.

Если мы возьмем деревню, то в организационном отношении положение в деревне в 1917 г. было чрезвычайно тяжелое, а посмотрите, какие теперь организаторы выросли в деревне. Деревенский организатор как организатор еще ярче выступает, он знает приемы, как работать с массой, как массу организовывать. И вот поэтому сейчас, когда вопросы встают по-новому, у нас имеются совершенно новые возможности, которые заключаются в том, что сейчас можно всю эту систему народного образования уже строить руками самих масс, что́ в 1918—1919 гг. сделать было нельзя.

В особенности сейчас, когда идет строительство в области промышленности, коллективизации хозяйства, создаются новые условия, и эти новые условия хозяйства,

новая организация самого хозяйства, организаторские таланты, которые создались в массе,— все это, вместе соединенное, открывает необыкновенно широкие возможности глубоко по-новому организовать всю систему народного образования.

В разговорах мельком товарищи касались некоторых вопросов, главным образом изменения школы в направлении ее гораздо большей политехнизации. Говорилось о том, что сейчас создаются новые предпосылки, которые делают возможным поголовное воспитание всех подростков, даже не ходящих в школу. Много говорилось о новых методах.

Возьмем хотя бы вопрос о детских домах. Если мы возьмем период до 1920 г., то о детских домах говорили совершенно иначе, чем сейчас. Сейчас мы все привыкли к тому, что у нас детские дома — это дома для беспризорников, и сами наши детские дома стали какими-то беспризорными учреждениями, какими-то пасынками.

А если мы возьмем 1918—1919—1920 гг., то тогда говорили о детских домах, как о таких учреждениях, которые должны явиться формой нового общественного воспитания.

Мы с детскими домами пережили чрезвычайно тяжелую вещь. Если у нас вначале детские дома развивались и в 1921—1922 гг. число детей, обслуживаемых детскими домами, достигало 540 тыс., то начиная с 1921—1922 гг. число детей, обслуживаемых детскими домами, стало быстро падать. Сейчас мы имеем цифру в 136 тыс. — огромное падение количества детей, обслуживаемых детдомами. Установился на детдом взгляд как на учреждение только для беспризорных.

А теперь мы в колхозах видим, что возрождается старое понимание детского дома не только как дома для беспризорных, но как дома, который помогает воспитывать ребят вообще, и первое, что в коммуне строят,— это скотный двор, а второе — детский дом. Правда, часто детские дома строятся по соседству со скотным двором, и врач, приезжая, только руками разводит,— настоящей помощи и инструктирования в этом отношении еще нет, мы опаздываем с инструкциями, не видим тех потребностей, которые есть, а между тем надо понимать, что потребность очень большая, потому что стихийно начи-

нают строиться нового типа детдома, которые находятся на глазах колхозников, в которых их дети воспитываются.

Чрезвычайно важно сейчас вопрос о детдомах обсудить, сделать детдома открытыми, доступными для всех ребят. Этот пример с детским домом показывает, как меняется отношение ко всем вопросам. Детский дом должен войти также определенным звеном в систему народного образования.

Меняется, конечно, отношение ко всем вопросам профессионального образования, открываются новые формы, меняется вся система политпросветработы и т. д.

Наши три заседания, которые мы провели по вопросу о новой системе народного образования, прошли несколько разбросанно. Общество педагогов-марксистов только-только еще образовалось, и самая аудитория еще не очень отстоялась — у нас еще не отстоялось ядро, еще не сложились основные кадры. Но я думаю, что было правильно, что первым вопросом, который мы на трех заседаниях обсуждали, мы поставили вопрос о системе народного образования, а не поставили какой-нибудь отвлеченный вопрос, носящий академический характер.

Мы поставили тот вопрос, который сейчас имеет колоссальное значение. Вы знаете, что будет партсовещание 25 апреля сего года, на котором будет стоять вопрос о системе народного образования. Стенограммы нашего обсуждения этого вопроса дадут, конечно, материал, который поможет лучше оформить и продумать вопрос о системе народного образования.

Сейчас мы несколько связаны партсовещанием, и совет еще не определил следующей темы открытого совещания. Может быть, надо поставить другим вопросом также вопрос, стоящий на повестке партсовещания? Мне кажется, что такого рода совещание, как это, помогает иногда отдельной фразой, отдельным замечанием того или другого товарища бросить известный свет на весь вопрос.

Поэтому думается, что в дальнейшем надо практиковать такие собрания, может быть, несколько лучше подготавливая их, чем это, но думается, что и данное обсуждение вопроса о системе народного образования прошло не без пользы.

1930 г.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Всякий интересующийся судьбой национальностей, населяющих наш Союз, читал, знает статью Ленина «О национальной гордости великороссов», написанную в декабре 1914 г., в разгар империалистической войны, в разгар взаимного истребления, в момент самого бешеного натравливания одной национальности на другую. О чем писал Ленин в этой статье? По существу дела, он писал о соревновании различных народов на другом фронте, на фронте революционном. В то время когда империалистическая война рвала в клочья интернациональные связи рабочего класса разных стран, Ленин писал о том соревновании, которое глубоко сближает национальности, крепит их интернациональную связь. Пролетариат какой национальности добьется большего в деле революционной борьбы? Ленин не употреблял термина «соревнование», но таков дух всей его статьи. «Мы полны,— писал он,— чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...»[1] Общими усилиями — к одной общей цели. И у великорусского пролетариата, и у национальностей, угнетаемых капиталистами и помещиками,— одна цель: полное их раскрепощение, создание для них условий могучего всестороннего развития. Великороссам это нужно не меньше, чем угнетавшимся царизмом национально-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 85.

стям. Ленин приводит слова Маркса: «Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы» [1].

Прошло 15 лет с тех пор, как написана эта статья «О национальной гордости великороссов», а она все еще является руководством к действию.

Мы гордимся тем, что сбросили иго помещиков и капиталистов, мы гордимся тем, что строим социализм, что у нас нет угнетения слабых, отсталых в хозяйственном и культурном отношении национальностей. Но в это же время мы чувствуем и величайшую ответственность. Всё ли делаем мы для того, чтобы дать возможность слабым национальностям, населяющим наш Союз, развернуть все свои силы, поднимаем ли мы на борьбу с пережитками старых классовых отношений самые забитые, самые угнетенные слои этих национальностей? Делаем ли мы всё, что надо, чтобы организовать эти слои, культурно поднять их?

Поднять угнетавшиеся раньше царизмом национальности на уровень культуры, гораздо более высокий, чем каким обладают сейчас самые передовые национальности,— такова наша цель. Это — цель, для достижения которой надо прокладывать совершенно новые пути. Мы не можем, например, идти по пути буржуазной Америки. Америка ставит себе целью «ассимилировать» другие национальности, другими словами, стереть с них их национальные особенности, растворить их в господствующей национальности. У них большой опыт в этом направлении. Недавно я читала, как формируются библиотеки для иммигрантов. Для детей и молодежи, которые гораздо легче могут быть «ассимилированы», составляются библиотеки преимущественно на английском языке из американских книг, для более же пожилых, не могущих быть так легко «ассимилированными», устраиваются библиотеки на родном языке. «Пусть,— говорят американцы,— они читают те книги, которые привыкли читать у себя на родине, и благословляют страну, которая предоставила им эту возможность». Американская буржуазия действует умно, но только для достижения своих, буржуазных целей. А мы? Мы не хотим, конечно, никого «ассимилировать», нам ненавистно само это слово.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 86.

Только надо продумывать до конца то, что мы делаем. Будем ли мы, например, предлагать формировать библиотеки в нацобластях *только* на языке данной национальности? Это было бы самое простое и на первый взгляд соответствующее нашей национальной политике. Однако мы знаем, что много литературы на этих языках, которая была написана при старом строе, что такая литература насквозь проникнута религиозным мировоззрением, пренебрежительным отношением к женщине, воспеванием родового или феодального быта. Эта литература пропитана шовинистским духом. Новой, революционной литературы на многих нацязыках почти нет.

Так как же быть? По букве закона мы должны советовать формировать библиотеки только на национальных языках. А с точки зрения той классовой борьбы, которая развертывается сейчас внутри нацобластей и нацреспублик? С этой точки зрения мы должны озаботиться, чтобы национальные библиотеки были обеспечены современной революционной литературой хотя бы и на русском языке. Или обучение грамоте. Более зажиточные слои знают русский язык, дети их учатся во II ступени, а беднота? Наркомпрос РСФСР заботится об обучении грамоте нацменьшинств только на родном языке (вопрос идет о взрослых). Обучению на русском языке мы не помогаем взрослым нацменам. Мы так делаем, боясь русификаторских пережитков, но в момент развертывания особо остро классовой борьбы внутри нацмен можем ли мы так поступать, лишая отсталые, наиболее близкие нам слои знания русского языка и тем лишая бедняцкие и батрацкие массы знакомства с революционным опытом великороссов?

Несомненно, обучая родному языку, мы должны сделать как можно больше для развития прессы на этом языке, для быстрейшего развития на этом языке новой литературы, для перевода на этот язык лучших новых, лучших революционных вещей. Но все это дело не одного дня. Совершенно исключительное значение приобретает радио, говорящее на родном языке о современности, совершенно исключительное значение приобретает кино, особенно культфильм. Надо только, чтобы надписи делались на языке той национальности, которая смотрит кино, или чтобы при показе присутствовали переводчики,

выкрикивающие перевод надписей. Газета, радио, кино — вот наиболее революционизирующие мысль отсталых национальностей орудия (я не говорю тут об общем изменении экономического и политического уклада, о роли Советов — это само собой разумеется). Очень важно развитие совершенно новых форм школьной и политпросветской работы.

Мы должны особенно внимательно изучать условия жизни отсталых национальностей не только во время царизма, но и в послереволюционный период. Без этого мы не сумеем как следует индивидуализировать нашу школьную и политпросветительную работу, не сумеем как следует повести нашу агитацию и пропаганду. Одной коренизации госучреждений мало. Надо уметь всю работу приспособлять к национальному быту, всегда ориентируясь на массы, заботясь об их организации, об их вооружении для борьбы за новый строй.

1930 г.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ РАБОЧЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

(ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА СОВЕЩАНИИ ПО РАБОЧЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ)

Поскольку ставится вопрос о рабочем образовании в целом, то тут надо посмотреть на разные ступени этого образования. В данную минуту среди рабочего класса, среди разных его категорий чрезвычайно пестрая подготовка — и общеобразовательная, и техническая, и политическая. Тут надо обдумать такую систему рабочего образования, которая давала бы возможность самым широким слоям продвинуться вперед в области самообразования и приобретения целого ряда знаний, которые необходимы и для работы, и для жизни, и для борьбы.

Я вспоминаю давно прошедшие времена, когда мне приходилось практически работать в этой области,— это дореволюционные времена. Мне кажется, что сейчас нужно обратить внимание на одну сторону, которую мы постоянно упускаем. Я работала в Смоленских классах, где было следующее разделение: школа грамоты, затем школа для плохо грамотных и затем были группы, по окончании которых выдавались свидетельства об окончании народной школы,— так называемые выпускные группы. В то время окончание народной школы давало некоторые привилегии по воинской повинности. Я точно не помню, какие это были привилегии; они были не очень значительные, но все же окончание народной школы давало кое-какие привилегии. Была целая категория рабочих, которые имели свидетельство об окончании народной школы, но так как они жили в таких условиях, что не имели возможности учиться, многие жили в де-

ревнях, то существовали так называемые повторительные группы, цель которых была дать знания в размере начальной школы.

Конечно, если мы посмотрим на эту систему, то мы должны сказать, что эта школа давала узкий минимум знаний. Мне кажется, что если мы посмотрим на нашу современную систему образования в разрезе I ступени, то увидим, что мы здесь делаем некоторые промашки. Так, например, когда у нас кончают ликпункты, у нас не выдается никаких удостоверений, которые должны бы выдаваться на основании проверки знаний. У нас учащийся посещает год ликпункт, после чего учителя сами решают, усвоил ли данный учащийся в достаточной степени грамоту. У нас нет никаких фактических общеобразовательных норм для всей страны в отношении того, кого считать грамотным; у нас нет еще такого стандарта. У нас это решается приблизительно, на глаз. У нас проверка не поставлена формально, все зависит от благоусмотрения данного учителя. Это не годится. Необходимо, чтобы школа выдавала удостоверение о грамотности.

Относительно школы I ступени. Тут дело еще хуже обстоит. Что у нас должна давать школа I ступени? Конечно, определенную грамотность, определенные знания в области математики, в области гигиены, в области организации труда, географии, истории, вообще известную сумму минимальных знаний, а затем, что особенно важно, эта школа должна давать те знания, которые необходимы каждому гражданину для того, чтобы он мог быть сознательным участником общественной жизни, как-то: знание того, что такое Совет, как работает Совет, какая у нас система управления и т. д. Надо сказать, что у нас довольно часто развитые работницы имеют весьма фантастическое представление, как это ни странно, о том, что такое Советы. Даже в Москве во время последних перевыборов оказалось, что человек, который читает изо дня в день газету (мне на такую работницу пришлось натолкнуться), не знает, что такое Совет и как он работает. Немножко трудно этому поверить, поэтому я и обращаю на это внимание. Мне товарищи из школы ликбеза говорили, что есть достаточное количество рабочих, которые не знают, что такое Совет..

У нас нет никакого стандарта знаний, который был бы обязателен и на основании которого была бы возможность выдавать свидетельства об окончании школы I ступени. Надо такой стандарт установить. Эти знания должны соответствовать приблизительно тому, что дает школа-четырехлетка, но немножко с ориентацией на взрослого человека, с некоторым добавлением знаний. По-моему, это необходимо. Тут необходима выдача определенного свидетельства и общественная проверка знаний, чтобы это не было келейным делом отдельных преподавателей, а чтобы это было общественное дело. Тут у нас, по-моему, большие недочеты.

Если мы возьмем Германию, то там для того, чтобы поступить на завод, требуется окончание школы-восьмилетки. Если ее не окончишь, на завод не возьмут.

У нас профсоюзы хотели провести такую вещь: конечно, не восьмилетку, а сделать обязательным условием для поступления на завод грамотность. Это было отклонено, так как у нас половина населения неграмотна и это приняло бы очень тяжелые формы. Но по мере того, как ликвидация неграмотности принимает у нас широкий размах, к целому ряду профессий можно предъявить требование хотя бы обязательной грамотности. Например, по союзу медсантруд на должности нянь берут неграмотных, что совершенно не годится.

Я думаю, что профсоюзы должны бы сейчас установить те разряды, которые требуют непременной грамотности. Раньше окончание школы давало некоторые льготы в отношении воинской повинности. Мне кажется, что надо бы установить обязательность окончания школ I ступени. Мы знаем, что рабфаки стоят очень дорого, а на рабфаки принимаются не окончившие школы I ступени. Пока, конечно, в отношении школ I ступени нет определенных стандартов, нет возможности получить в любом месте эту подготовку.

Но я думаю, что тот размах, который получает ликвидация неграмотности, через год охватит и подготовку в объеме школы I ступени. И тогда, при массовом размахе, для поступления в рабфак, совпартшколы и на целый ряд производств можно требовать окончания этой школы I ступени.

Это будет стимулом, толчком к тому, чтобы учились.

Нельзя, конечно, ставить вопрос так, что если ты окончишь школу, то ты получаешь место. Но окончание школы должно быть необходимым условием для некоторых отраслей производства. И сейчас для целого ряда производств, например для металлистов, как для более квалифицированной профессии, можно этот метод применять. Конечно, это нельзя применять, например, к нарпиту, сельхозрабочим, которые используют в широкой мере деревенских работников. Но постепенно встать на этот путь нужно и можно.

У нас сейчас оканчивают школу I ступени — четырехлетку, так называемую детскую четырехлетку. Мы часто видим дикую безграмотность ребят, кончающих четырехлетку. Конечно, в Питере и Москве все же пишут грамотнее, но ученики, кончающие четырехлетку в деревне, не умеют даже адреса написать и пишут: «город, дедушке», совершенно по-чеховски. И в арифметике ничего не знают, и в смысле грамотности бог знает что накручивают. Надо подогнать и тех, кто кончил I ступень, к определенному уровню знаний, к определенному стандарту.

Тут надо добиться, чтобы это было в разрезе всеобуча, который для ребят становится обязательным, так как мы вводим обязательное обучение с будущего года для всех восьмилетних ребят. На партсовещании будет закреплено, что всеобщее обучение делается обязательным для ребят. Параллельно с этим мы должны придать громадный размах подготовке в разрезе школы I ступени.

Я должна сказать про наше заочное обучение, что того, что у нас имеется в разрезе I ступени, оно, конечно, гораздо выше. Те заочные курсы, которые имеются — в смысле естествознания, географии,— дают фактический уровень семилетки, но, с другой стороны, по обществоведению дают мало вследствие того, что написать популярный учебник чрезвычайно трудно. Десятки товарищей, пробовавшие писать популярно, или просто скатываются к простой агитке, не давая нужных знаний, или берут совсем не тот тон, который нужен. На протяжении ряда лет не удалось создать такой учебник, какой хотелось бы иметь по I ступени. Тут надо будет, если будет такой стандарт, заочное обучение подогнать под этот стандарт. Конечно, эти курсы будут не трехгодичные, это будут очень разношерстные курсы — и годичные, и

двухгодичные, в зависимости от подготовки, но это массовое низовое в разрезе школы I ступени общее образование мы должны широко развернуть.

Я думаю, что мы не должны оставаться на той ступени, на которой мы стоим. Если в смысле ликвидации неграмотности теперь рабочие много прохладнее к этому относятся, говорят, что у нас все безграмотные, то после того как на фабриках вывешиваются плакаты, что у нас нет ни одного грамотного, надо, чтобы в порядке соцсоревнования повысились и грамотность и общий уровень I ступени. Мне кажется, что тут этому мероприятию надо придать такой же размах, какой придали ликвидации неграмотности. Но надо эту общественную проверку поставить гораздо шире, чем это ставилось раньше. Надо посмотреть, как было раньше, не форсить, а взять то хорошее, что было, а хорошее заключается в проверке, которая была.

Это одна часть массовых мероприятий. Эта часть, мне кажется, в рабочий университет не должна входить. Она должна получить широкое развитие, может быть, в тех местах, где этого нет еще; для того, чтобы сдвинуть это дело, надо приложить это к рабочему университету в виде подготовительных курсов и т. д.

Но мне представляется, что это должно было бы пойти в отдел массовых мероприятий.

Что касается рабочих университетов, то тут должны быть две части: одна, которая дает знания в размере семилетки, т. е. принимать с четырехлеткой, в пятый, шестой и седьмой годы отлить в общеобразовательные курсы, но не такие курсы, какие существуют у нас сейчас— какие-то бесхребетные, о которых трудно сказать, что это — курсы дореволюционные или послереволюционные, так как если выбросить агитку, то не разберешь, что это за курсы.

В общеобразовательной работе нужно ориентироваться на определенное производство, и в этом отношении общеобразовательные курсы нужно составлять из ряда групп. Скажем: если общеобразовательные курсы при текстиле, то нужно, чтобы эта семилетка, которая войдет в комбинат рабочих университетов, давала и определенный трудовой навык и общее знакомство с теми данными, которые существуют относительно текстильной

промышленности: распределение этой текстильной промышленности, знание увязки текстильной промышленности с другими соприкасающимися областями. Надо, чтобы весь курс строился так, как он строится в ФЗС. Если это будет прикреплено не к производству, то нужно, чтобы оно было прикреплено к городскому хозяйству, кооперации, т. е. чтобы работа шла на определенном материале и чтобы эта увязка с определенным производством давала бы внутреннюю связь между отдельными предметами.

Когда у нас создавались заочные курсы, то некоторые товарищи говорили, чтобы не было и следа комплекса. Но внутренняя увязка получится, если эти общеобразовательные курсы, охватывающие 2-й концентр, будут иметь определенную ориентировку на определенную отрасль хозяйства.

Когда я говорила о школе I ступени, то я думала, что и от выдвиженцев нужно тоже требовать окончания школы I ступени, так как если выдвиженец приходит малограмотным, то ему трудно занять то место, которое он должен занять. Отсюда вытекает целый ряд тяжелых для выдвиженца переживаний. Для выдвиженца определенный минимум знаний необходим, и его нужно установить в размере школы I ступени.

Сейчас нужно подумать о самом содержании. Если мы возьмем общеобразовательные курсы какие есть, то мы увидим, что связи с жизнью, с отдельными областями народного хозяйства в большинстве общеобразовательных школ нет.

Я не знаю, может быть, я ошибаюсь, тут товарищи меня поправят, но у меня такое впечатление, что это — общеобразовательная школа чистой воды, без увязки с областью хозяйства. Конечно, необходимо было бы деление школ на школы взрослых и на школы молодежные, потому что тут может быть разный темп работы и разный круг интересов. Хорошо было бы провести такое деление там, где это можно.

У нас в Москве в рабочие университеты принимают только после окончания общеобразовательных подготовительных курсов. Мы говорили на конференции по рабочему образованию о том, что тут нужно давать выход в производство. Тут на днях на конференции прямо ста-

вили вопрос о том, чтобы передать эти курсы в вузы или хозяйственникам и т. д. Мое мнение и мнение ряда товарищей, с которыми мне приходилось говорить,— важно уравнять курсы в некоторых льготах. Так, например, для посещающих вечерние техникумы работа кончается на 2 часа раньше. Этого надо добиться и для этих специальных курсов, и для рабочих факультетов.

После сдачи определенных зачетов должны выдаваться определенные удостоверения уже технического характера. Надо отдать себе отчет, что эти курсы будут иметь профтехнический характер. Надо ли сейчас, сию минуту, передавать эти курсы хозяйственникам? Что надо? Надо эти курсы немедленно прикрепить к определенным предприятиям, к определенным заводам. Надо, чтобы хозяйственники, которые заинтересованы в подготовке средней квалифицированной силы, в смысле содержания, в смысле помещения приняли в этом деле самое активное участие. То отношение хозяйственников, которое у нас есть к делу народного образования, показывает очень большой недоучет того, что во всех странах, где промышленность продвинулась вперед, учитывается,— это недоучет значения общеобразовательных знаний, определенных знаний математики, умения чертить и т. д., что для производства является решающим, так как без этого мы будем срываться. Поэтому вы видите во всех странах, где промышленность достигла высокого уровня, со стороны хозяйственников громадные затраты. Это делается не для прекрасных глаз рабочих, а потому, что есть понимание того, что это необходимо для производства. Сейчас у нас такое положение, что хозяйственники как будто стали понимать, что вузы, выпускающие инженеров, нужны. Сейчас как будто начинается понимание того, что и средний технический персонал надо подготовлять, потому что недостаточно этого технического персонала. Может быть, в некоторых случаях этот недостаток еще больше отзывается на производстве, чем недостаток инженеров, потому что инженеров можно из-за границы выписать, а средней квалификации рабочих, которые должны иметь дело с массой, которые должны быть посредствующим звеном между инженером и между квалифицированными рабочими,— это звено у нас до ужаса выпадает. Старая цепь разорвана, новой цепи не

хватает. Думать, что из-за границы можно выписывать этих техников,— это ошибка, потому что они у нас трудно приживаются. Они привыкли к другому уровню культуры; у нас была революция, и многого наши рабочие не потерпят. Так было с американцами. Они приезжали к нам с энтузиазмом, а потом через некоторое время начиналась буза. И дело не в том, что не вовремя давали зарплату, что не дали квартир. Просто заграничные рабочие не могут сжиться с массой, так как у нас масса другая, переживания были другие, и средний персонал заграничный не понимает того, что понимает наш рабочий. Если будут техники, вышедшие из масс, то они смогут уловить, что нужно квалифицированному рабочему объяснить. Один из студентов рабочего факультета при 2-м МГУ сказал: «Я два года учился и только на третьем понимаю, чего мне не хватало, и теперь, помогая рабочему-студенту, я знаю, какие нужды у промышленности». То же относится и к технику. Он должен знать, какая помощь нужна нашему рабочему, и поэтому в этом деле имеет чрезвычайную важность подготовка среднего персонала из рабочей массы.

Поэтому, если мы поставим программу рабочих университетов сначала в разрезе семилетки, а потом техническую, то мы очень поможем в смысле подготовки кадров. Может быть, тут в отдельных случаях возможна договоренность с хозяйственниками; возможно, что будет возможность передачи известной части рабочих университетов, которая будет под руководством производственников. Но важно, чтобы хозяйственники признали эту работу нужной им, чтобы они вкладывали бы в это дело силы и шли бы навстречу, чтобы это не было чем-то таким, в чем они не заинтересованы. Тут нужно соответствующим образом привлекать хозяйственников к этому делу, чтобы подготовка среднего персонала стала их кровным делом. Если это подготовка выдвиженцев, то нужно, чтобы были представители соответствующих органов, чтобы аппараты были заинтересованы в подготовке работников средней квалификации.

Рабочий университет, основная общеобразовательная семилетка и затем надстройка техническая над семилеткой. Это параллельно с тем, что мы будем иметь в нашей общей системе образования. У нас ведь по программе

партии профобразование должно строиться над окончанием школы девяти- и десятилетки, но на предыдущем партсовещании, которое было еще при Владимире Ильиче, постановлено было, что это для нас сейчас невозможно, и поэтому временно снижается этот возраст до семилетки и над семилеткой строится профобразование. Значит, профобразование, которое будет даваться в рабочем университете, будет идти по такой линии, по которой идет вся система.

Можно ли сейчас приравнять рабочие университеты к техникумам? Я думаю, что не по всем отраслям, а только по некоторым. Сейчас, в данный момент, этого делать не надо. У нас нет массовой профессиональной подготовки. Сейчас «гастевщина» идет в форме подготовки массового работника, обслуживающего машину. Главпрофобр обращает большое внимание на подготовку инженеров, кончающих вузы, а подготовке техников, специалистов средней квалификации уделяется меньше внимания. А что касается подготовки квалифицированных рабочих современного типа, то когда вычерчивается диаграмма, то эта подготовка обозначается такой тоненькой линией, что и начертить этого нельзя. Между тем потребность в профессиональной подготовке квалифицированных рабочих чрезвычайно широка. Тут, конечно, чрезвычайно важно, чтобы в подготовке квалифицированных работников хозяйственники приняли участие. Без них этого сделать нельзя. Сейчас они подходят к этому.

Недооценка этого профобразования выражается в том, что понимают это профобразование как страшно узкое. В Главпромкадре говорят, что нам нужны общеобразовательные школы и что профшколы нужно передать им, а они уж их преобразуют: из одних школ будут выпускаться машинисты, из других — истопники, из третьих — что-нибудь другое. Они рассматривают профобразование как сообщение определенных навыков — и только. Это, конечно, не годится. Я думаю, что через некоторое время это изменится и они поймут необходимость увязки профобразования с общим политехническим кругозором, как это называл т. Ленин. Пока это неизбежный период «детской болезни», если хотите — перед непонимания того, что профобразование должно связываться с широ-

ким политехническим кругозором и с общим некоторым образованием.

И вот, пока подрастет это сознание хозяйственников, очень важно было бы не целиком отдавать им это профобразование, а завязать с ними теснейшую связь. Было бы проще — отдал это профобразование, ну и слава тебе, господи,— одним отделом работы меньше. Так вот, поскольку нам нужно вносить гибкость, передавать это дело, растаскивать его по кусочкам не следовало бы. И когда я говорила о комбинате рабочего образования, я имела в виду, чтобы все это было связано с некоторым общеобразовательным и политехническим кругозором. За это нужно бороться и это нужно отстаивать. Конечно, это не исключает в отдельных областях определенного соглашения, идущего вплоть до передачи профессиональной подготовки. Но я думаю, если это — вопрос гибкости, то в полтора года можно пройти то, что проходится в три. Можно основываться на том, что здесь есть люди, которые имеют определенный навык.

Я думаю, что было бы большим перегибом, если бы мы сказали, что нам нужно сейчас профобразование, а не общее политическое образование и политехническое, которые делают рабочего хозяином производства. Эту сторону можно было бы угробить. Нам важен рабочий, который имеет не только определенные навыки, а нужен рабочий, который охватил бы производство в целом и понимал бы, что там нужно делать и как нужно делать. Для этого рабочего нужно вооружить. Наш рабочий — не рабочий капиталистических стран, а сведение знаний рабочего к узкой специализации является недоучетом той роли, которую играет рабочий в производстве. Я считаю в политическом отношении этот недоучет вредным. Рабочего необходимо вооружить широкими знаниями.

Можно, конечно, отдельного бессознательного рабочего убедить, что «вот ты получишь квалификацию, тебе важны профзнания, а остальное — это второстепенное».

Но именно такая установка будет систематически приводить к тому, что в нашем производстве будут постоянные прорывы и чуждые элементы будут иметь в нем власть, потому что для того, чтобы изжить вредительство до конца, нам необходимо, чтобы рабочие имели широкий политехнический горизонт, чтобы они обладали

известной суммой знаний. Без этого, сколько бы мы ни сажали вредителей в тюрьмы, все равно у нас вредительство будет процветать. Так что я думаю, что рабочие университеты должны вооружать и профзнаниями и теми знаниями, которые сейчас, в переживаемый момент, нужно выпячивать на первый план.

Мне недавно пришлось прочитать брошюру министра просвещения Пруссии или Германии (никто не мог мне сказать, прусский это министр или германский, во всяком случае это министр «прусский»). Эта брошюра интересна тем, что по ней видно, какая там боязнь массы, как он хочет эти знания свести на нет. Он боится этих знаний. Он говорит: раньше признаком принадлежности к образованному классу было то, что человек стоял за науку, а массы держались за религию, а теперь наоборот: массы стоят за науку, а принадлежность к образованному классу — это когда человек понимает, что суть дела в том, чтобы создать новую религию: конечно, старая религия коренным образом подорвана современной техникой, а вот новую религию надо создавать. Знания — конечно, технические знания — и навыки, которые необходимы, нужно давать рабочим, так как без знаний в производстве не обойдешься, но дело не в науке, а в этой новой религии.

Когда слушаешь врага, который говорит, что дело не в науке, то я думаю, что всякий рабочий скажет: «Нет, господин министр, дело в науке, и мы не будем научную сторону выбрасывать из профшколы, а дадим науку в достаточном количестве». *В этом прав пролетарий!*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Я в своей статье написала: «комбинат рабочего образования». Конечно, не в слове дело, не в названии. Мне это слово понадобилось потому, что нельзя задач, которые стоят перед рабочим образованием, сводить к чисто профессиональным организациям. Тут стоит чрезвычайно сложная задача, и ее нельзя уложить в одну однотипную школу. Конечно, было бы легче всего, если бы взять все школы и превратить их в однотипные, но у нас в

жизни существует очень много различных школ,— получилась бы очень пестрая система. В нашей огромной стране совершенно различные условия: Ростов-на-Дону — одно, Москва — другое, Ленинград — третье и т. д. В каждом месте свои особенности, свой уровень подготовки и свои конкретные задачи. Больше всего надо бояться шаблона, стремления все подогнать под одну марку.

С одной стороны — это, а с другой — неправильно то, что у нас сейчас имеется. У нас каждая школа живет, как в старинку говорили, «на всё божья воля», не интересуясь тем, что делается рядом. Мы на партсовещании будем говорить о едином плане работы, об объединении средств, о разделении труда между различными организациями. Я думаю, что, когда придется говорить о едином плане, придется говорить и о едином плане подготовки рабочих масс, потому что иначе будет затрачиваться много энергии и все-таки мы получим не то, что надо.

Вот почему мне понадобились слова «комбинат рабочего образования». Мне это понадобилось для выражения той мысли, что нужно все уложить в одну систему. Нельзя все стричь под одну гребенку, задачи очень разнообразны, нельзя их все сводить к подготовке инженеров, но, с другой стороны, надо, чтобы между всем этим была определенная увязка.

Относительно того, как мы будем увязывать, я думаю, что надо, чтобы в рабочих центрах все было построено по одному типу. Должна быть только общая линия, иначе мы будем каждый раз собираться и смотреть друг на друга такими глазами: «А не хочет ли он опровергнуть все рабочее образование?» В каждой области будет свое лицо. Ивановцы, как их ни укладывай, будут все-таки иметь свое лицо. Приезжают на курсы Гастева работницы из Иванова, и они отличаются от всех — и московских, и других. Даже студенты, приезжающие из Иванова, отличаются от всех. Питерцы — это также другой народ. У всех разные уровни подготовки, разные переживания, настроения и т. д.

Теперь — основное. Прежде всего насчет предварительного образования. Ведь каждое общее образование необходимо давать в размере четырехлетки. Надо всем

школам и курсам, которые ниже I ступени, придать известный стандарт. На партийном совещании будет подчеркнуто значение всеобуча. Всеобщее обучение уже стало не чем-то далеким, а тем, что мы в ближайшее время проведем. К этому всеобщему обучению мы должны приравнивать и рабочее обучение. Как мы придали большой размах ликвидации неграмотности, так же мы должны такой размах придать и школам I ступени. На ликбез, может быть, нужно будет отвести 2 года. Один сможет обучиться за два года, другой — за три года и т. д. Ликбез должен будет продолжаться от 2 до 3 лет. Надо только все это делать с проверкой знаний, с выдачей свидетельства и т. д. Тут у нас предполагается сектор массовых мероприятий, где, с одной стороны, будет всеобщее обучение, а с другой — ликбез. Я полагаю, что надо подумать не только о ликбезе, но и о массовой школе I ступени. Это — первоначальная база.

Случайна ли увязка с определенными профессиональными знаниями? Конечно, не случайна. Вот Центрально-Черноземная область в деревне проводит ликбез, а для того, чтобы привлечь больше женщин туда, там же проводятся курсы по шитью. Из Орловского округа шлют в деревню бригады портных, там имеются обобществленные машины, и бригады дают слушательницам определенную квалификацию.

Вот вливаются на заводы на Урале новые кадры химиков, и черт знает что делается: надо, например, скот выгонять, и рабочие не выходят на работу — завод стоит. Приходит какая-нибудь машина, заказанная у Круппа. Рабочий думает: «Ну что, машина может кирпич перемолотить, а вот я лом брошу — сумеет она переломать или нет?» Он проделывает опыты над конвейерной машиной, и останавливается не один станок, а вся конвейерная система. Ясно, что на одногодичных курсах нужно ставить какие-то курсы по организации труда, для этих новых кадров нужна добавочная работа, может быть экскурсия на завод и т. д.

Вот сейчас меняется быт. Надо, чтобы четырехлетка была как-то увязана с знаниями по общественному питанию, гигиене и т. д. Нужны какие-то особые профессиональные часы, или как хотите называйте это, но нужно, чтобы это обучение для взрослых связывалось с ка-

ким-то элементарным изучением определенных вещей. Вместе с тем это должно увязываться с политической подготовкой: ведь мы никогда не представляем себе общеполитического образования как-то оторванным, наоборот — наша сила именно в общей связи. Это относительно массовых мероприятий.

Я должна сказать, что у нас мало увязки. Позвольте в порядке самокритики сказать, что у нас прямо каменные стены между Главпрофобром и Главполитпросветом, между Главпрофобром и Главсоцвосом и т. д. Мы идем в Главпрофобр и говорим: «Нужно то-то», а они говорят: «Вам нужно с хозяйственниками поговорить». Между тем у Главпрофобра уже есть договоренность. Но все это ломается. Как в Кремле ломаются старые стены и возводятся новые здания, так и здесь эти стены ломаются. (Тов. Б о ч а ч е р: «Могут создать новые стены!»)

Вот этого и нужно избегать. Теперь нам нужно теснее увязать систему техникумов, систему рабфаков, систему школ политпросвета. Тут я уже говорила об общеобразовательных курсах, которые должны соответствовать курсу семилетки. Я должна сказать, что мы в молодежи не должны развивать рвачества. Это — мое слово, и относилось оно к тому, что, когда мы говорим молодежи, что сразу по окончании учения она сможет быть принята в вуз, мы вместо внимания к работе развиваем стремление проскочить поскорее в вуз. Надо быть особенно осторожным, чтобы не развивать в молодежи худших наклонностей. Я смотрю, нахлынули студенты осенью и говорят: «Дашь комнату». Главпрофобровец, измученный отвечает, что еще не выстроили. Студент начинает требовать и говорить, что, когда их посылали, им обещали квартиры. Нельзя давать невыполнимых обещаний.

Я смотрела недавно, как мы относились к колхозному движению. В 1905 г. эсеры обещали, что дадут землю крестьянам. Казалось бы, что большевики должны были присоединиться к этому. Однако Ленин пишет: товарищи, брать землю надо, но не думайте, что сразу не будет нищеты, темноты и т. д. Только тогда, когда начнут земли обрабатывать на коллективных началах,— тогда будет шаг вперед к изживанию темноты и нищеты. Ни-

каких ложных обещаний он не давал. То же было и в 1917 г. *В этом сила нашей партии.* Мы также должны учиться у партии не увлекаться, не давать невыполнимых обещаний. Если мы говорим, что мы из четырехлетки открываем дорогу в вуз, тут есть подход несколько рекламный. Этого не должно быть.

Когда мы строим общеобразовательные курсы, мы должны дать то, что дает ФЗС, ФЗС — это не ФЗУ. Я должна сказать, что наши хозяйственники не знают часто разницы между ФЗС и между ФЗУ, и я раз на заседании Совнаркома с удивлением слушала, как ставился знак равенства между ними. Правда, это было года два назад.

ФЗС теперь — это не профессиональная школа. Мы будем бороться против тех, которые стремятся превратить ФЗС в профессиональную школу. Надо дать общее развитие ребятам и не стараться с самого начала повернуть их на узкую профессию. Если ФЗС с текстильным уклоном, мы должны дать целый ряд знаний, связанных с текстильной промышленностью. Оканчивающие ФЗС с текстильным уклоном придут на производство не слепыми, и легче будет их приставить к той или другой профессии.

Мы будем брать и в рабочие университеты с производства, мы должны дать известный уровень знаний, чтобы помочь рабочим в их работе. Я не знаю, как у металлистов,— ко мне обращаются больше женщины-текстильщицы, и часто видишь, как им не хватает минимальных общих знаний. Когда текстильщица — вождь на своей фабрике — опаздывает ко мне на 3 часа, потому что она села на другой трамвай, я ее спрашиваю, почему это произошло. Оказывается, что она неграмотна и не могла прочесть, куда идет трамвай. Видишь, как все это одно с другим связано — общее развитие, профессиональные знания и т. д. Надо точки над «i» поставить и надо, чтобы эти точки ставились в производстве. Но все это не значит, что не будет параллельных курсов. Возьмем чертежные курсы. В прошлое время, я знаю, бывало много таких курсов. Для этого не требуется кончать вуз. Могут быть различные такие курсы по разным специальностям. Можно построить курсы, которые научат обращаться с той или иной машиной, дадут

Н. К. Крупская в своем рабочем кабинете

известные знания по той или иной промышленности. Сейчас в нашу жизнь вклиниваются события большой политической значимости. Может быть, нужны специальные курсы по международному движению. Надо дать очень гибкую систему.

Теперь о том, надо ли средний курс передать хозяйственникам. Я стояла бы за то, чтобы не передавать его хозяйственникам, а чтобы увязать его с техникумами, рабфаками и т. д. Это вполне возможно.

Что составляет особенность рабочих университетов? Там имеются рабочие с большим производственным стажем. Они легче могут пройти программы техникумов, взять из них то, что касается производства. Может быть, производственную практику надо как-нибудь иначе ставить — это надо проработать,— я этого вопроса не знаю. Должен решать вопрос о практике тот, кто знает это дело. Специалисты, которые сидят в Главпрофобре, также не всегда знают. Это надо связывать с участием рабочих, для этого нужен ряд лет. Если учащийся думает, что нельзя двух дней перетерпеть,— это напрасно. Надо программу проработать тщательнейшим образом, чтобы она удовлетворяла действительно всем требованиям.

Вот тут товарищ говорил: «Снимите старое руководство». Этого в одну минуту не сделаешь. Мы должны еще очень много учиться у стариков. Нам приходится учиться даже от наших врагов, тем более — от людей, более или менее близких к нам. Нам нужна длительная работа.

Нам надо, с одной стороны, в систему вузов ввести общеобразовательные двух-трехлетние школы, ближе связав их с отдельными отраслями производства. Над этим мы можем строить техникумы, добиться того, чтобы они были прикреплены к определенным производствам и к определенным вузам, чтобы они были не в худшем положении, чем техникумы. Но мы должны побольше внимания обращать на политехническое образование и на политический горизонт, чего у хозяйственников в профессиональной школе нет.

Возьмите профсоюзы. Они перестраиваются. Разве для нас не важно помочь сложиться новому типу профсоюзника? Возьмем экономические и политические отделения рабочих университетов. Они также должны стро-

иться иначе. Тут нужен целый ряд комбинатов параллельно существующим типам, и самое их существование будет залогом того, что наша учеба примет тот политический оттенок, который нам нужен.

У меня такое впечатление, что мы все с разных концов к этому подходим. Если мы спорим, то потому, что нельзя на новом деле не погорячиться, и затем из споров возникает истина.

1930 г.

О ПАРТСОВЕЩАНИИ ПО ВОПРОСАМ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Наша советская школа в корне отличается от школы буржуазной.

В капиталистических странах строятся разные школы: одни для «народа», для широких масс, другие для господствующих классов. Дети рабочих, мелких служащих воспитываются по-одному, дети людей богатых, власть имущих — по-другому. Из первых воспитывают послушных исполнителей, не смеющих самостоятельно думать, рассуждать; из вторых — людей самостоятельных, «капитанов промышленности», как иногда выражаются устроители школы. По-одному воспитывают девочек, по-другому — мальчиков. В «народных» школах ребят бьют, заставляют зубрить молитвы; в школах для богатых действуют убеждением, внимательно подходят к ребенку, развивают его.

В одних капиталистических государствах все это делается откровенно, в других — в более прикрытой форме. Вся система народного образования построена так, что для бедных, для рабочих доступ к высшему образованию затруднен. В последние десятилетия в ряде капиталистических государств стали в школе обучать труду, но тоже по-разному. Детей бедноты, детей рабочих учат, как лучше работать, напряженнее, аккуратнее, вводят строгую дисциплину, но стараются ставить так, чтобы давать детям рабочих лишь трудовые навыки, давать как можно меньше представлений о всем народном хозяйстве в целом, о промышленности и ее развитии, стараются не давать тех знаний и умений, которые соединяют труд со знанием, позволяют стать одновременно и работником и

хозяином производства. Такие широкие знания в области труда, такое политехническое, как это принято называть, образование дают лишь детям богатых, тем, которых готовят в хозяева производства. Детям бедноты и рабочих дают узкие трудовые навыки, детям богатых — политехнические знания. Правда, крупную промышленность в стране безграмотной не построишь. Это отлично понимают капиталисты, и потому они вводят всеобщее обязательное обучение. В Германии, например, обязательное обучение продолжается 8 лет (от 6 до 14). Тут получается противоречие — с одной стороны, крупную промышленность не построишь, если у рабочей массы нет необходимых знаний, а с другой — всякий знает: знание — сила. Обучая рабочих, капиталисты подрывают свое собственное господство. Они стараются выйти из положения тем, что для детей бедноты, крестьян, рабочих дают знания похуже, стараются дать поменьше развития, затемнить сознание.

Когда в 1917 г. власть перешла у нас в руки рабочего класса, у нас была выработана такая система народного образования, которая создавала единую школу для всех, которая давала бы трудовое политехническое образование, не допускала бы в школу религиозного дурмана, воспитывала бы мальчиков и девочек вместе, воспитывая в них чувство товарищества, которая бы не делала разницы между детьми разных национальностей. Советская система народного образования строилась так, что давала каждому ребенку и подростку возможность учиться все дальше и дальше, а также и перед взрослыми рабочими и крестьянами открывала путь к знанию. В разработке советской системы народного образования принимал самое активное участие Владимир Ильич, вникал во все подробности. В программе партии в пункте 12-ом эта система народного образования подробно развита.

Зачем же сейчас, в 1930 г., понадобилось специальное партийное совещание по вопросам народного образования?

Дело в том, что система-то народного образования у нас правильная, но много в ней за эти годы оказалось прорывов, очень многое из того, что стоит в программе партии, осталось на бумаге.

В наследство от царского строя осталась у нас страна темная, безграмотная, особенно безграмотна была деревня, а в деревне безграмотной оставалась вся батрацкая, бедняцкая масса. Особо тяжело обстояло дело с женской безграмотностью. Чтобы поднять нашу школу хотя бы на уровень четырехлетки, требовалось вложение громадных денег и сил. Война империалистическая, война гражданская, разруха, голод — все это выдвигало на первый план другие вопросы, военные, хозяйственные, и хоть сразу же были созданы пути, как рабочему подняться по ступенькам знания до вуза, были созданы рабфаки, всякие курсы и школы, но отстали мы на фронте просвещения здорово. Отстали со всеобщим обучением, с ликвидацией безграмотности, отстали со средней школой — она у нас самое больное место,— отстали с обучением труду, с политехническим образованием.

Индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства дали очень сильный толчок и делу народного образования, пробудили во всей стране громадную тягу к знанию.

И вот партийцы, близко стоящие к делу народного образования, собрались, чтобы обсудить, как выравнять систему народного образования, как идти в области народного образования единым фронтом, сплачивая, объединяя все силы и средства, как перестроиться органам народного образования для того, чтобы лучше помогать развитию дела народного образования.

Партсовещание открылось 26 апреля и закончилось 30-го. По вопросу о системе народного образования делали доклады т. Бубнов и т. Скрыпник (их доклады уже напечатаны), по вопросу о новых методах работы и едином плане народного образования делала доклад т. Крупская и о перестройке органов народного образования — т. Бубнов.

Состоявшееся партсовещание поможет развернуться делу народного образования в Стране Советов с необходимой широтой и быстротой.

1930 г.

О СОЦИАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ

25 мая открывается конференция по охране детства. В связи с этим я хотела бы сказать следующее.

Наша система помощи ребятам, не могущим получить воспитание в семье, очень не гибка, а между тем именно в данный, реконструктивный период, когда отмирают целые общественные классы старого уклада, когда отмирают старые хозяйственные формы, когда по-новому, на новых основах строятся общественные отношения между людьми, когда семья перестает все больше и больше быть определенной экономической единицей,— семейное воспитание меняет свой характер, его положительные стороны слабеют, возможности суживаются, оно все меньше и меньше удовлетворяет и самих родителей и ребят. Вопрос об общественном воспитании встает со всей остротой, а это один из самых слабых участков просветительного фронта.

Возьмем вопрос о детях деклассированных слоев. При советском строе теряют свои социальные корни и отмирают целые классы. Умер класс помещиков, капиталистов, теряет свои социальные корни, возможность своего существования — по мере развития коллективизации — кулачество. Дети лиц, принадлежащих к этим классам, уже деклассированы, назад возврата им нет, они должны как-то примкнуть к общей работе, приспособиться к новому укладу. Деклассированные ребята в очень значительном числе случаев стремятся порвать со своей семьей. «Скажите, как мне порвать с семьей?» — спрашивает подросток. Это не так просто. Порвать — значит остаться на улице, без куска хлеба, без учебы, за

которую требуют платы, без возможности приобрести какую-либо специальность. Мы должны помочь ребятам оторваться от прежней обстановки, помочь стать полезными членами общества.

Чем быстрее, безболезненнее будет происходить этот процесс, тем лучше. Но мы ничего, почти ничего не делаем, чтобы урегулировать этот процесс.

Мы имеем миллионы деревенской детворы — детей середняков и бедняков. Их родители — мелкие собственники, ведущие индивидуальное, мало производительное, отсталое хозяйство, ведут так, как вели отцы и деды. Там крепко держатся старые семейные традиции. Но в реконструктивный период, когда наряду с мелким индивидуальным хозяйством развивается крупное машинизированное, научно поставленное коллективистическое хозяйство, почва под ногами индивидуалистического хозяйства начинает колебаться, начинают колебаться и семейные устои, семья становится не тем, чем была, теряет авторитет в глазах подрастающего поколения.

Наряду с этим возрастает, особенно в середняцких хозяйствах, эксплуатация детей в их собственных семьях. Чтобы удержаться, надо напрягать все силы. Ребятам не под силу работа. «Нас воспитывают пинками да тычками»,— говорят ребята. Семья для них становится формой очень тягостного существования. Как мы им помогаем? Почти никак. Усиленно возвращаем в семью бегущих из нее ребят.

Передовые слои рабочих и колхозников видят, что при современных условиях, при напряженной общественной работе, которую им приходится вести, при современном укладе семейной жизни они не могут в семье давать своим ребятам того воспитания, которое необходимо, чтобы воспитать из ребенка сознательного борца и строителя нового строя. Но учреждений социального воспитания для их ребят нет. В детские дома берут лишь беспризорных.

«Я готова платить за воспитание своего сына, но мне некуда его отдать, его не берут даже в детский сад, а я хочу, чтобы он воспитывался по-новому»,— говорит работница-текстильщица.

Вопрос о социальном воспитании имеет сейчас первостепенное значение.

Важно, чтобы учреждения социального воспитания перестали быть учреждениями какого-то благотворительного (для бедных) и карательного (для беспризорных) характера. *Нам надо сейчас приступить к стройке целой системы учреждений социального воспитания, учреждений массового характера, имеющих в виду обслуживание всех детей, и доступных для всех.*

Такую систему мы можем выстроить лишь вместе с передовыми слоями трудящихся, лишь *методами углубленного культпохода.* Главная беда наша была в том, что наши детдома были не только домами для беспризорных, но они сами были беспризорными. Населению не было до них дела, советские органы рассматривали траты на детдома как какой-то накладной расход. Вот почему мы наблюдаем за ряд лет катастрофическое снижение бюджета, вот почему мы до сих пор наблюдаем сплошь и рядом в детдомах такие методы воспитания, которые нетерпимы в Советской республике.

Прежде всего мы должны наладить так, чтобы детдом был лишь звеном в целой цепи учреждений социального воспитания, а не был чем-то исключительным.

Нам нужны и в городе и в деревне — в последней в особенности — консультации социального воспитания для ребят и взрослых.

Надо, чтобы было место, куда подросток, мать, отец ребенка могли бы прийти посоветоваться, как найти выход из создавшегося положения, и не только выход, но и помощь.

В деревне такая консультация должна быть либо при сельсовете, либо при школе, но работать в полной увязке и с комитетами крестьянской взаимопомощи и с сельсоветами. В городе социальная консультация должна организоваться в каждом участке городского района, особенно в рабочих, кустарных районах, при вокзалах и т. д. Надо поставить на широкую ногу дело социального содействия подрастающему поколению. Тут широкое поле деятельности для общества «Друг детей», которое до сих пор как-то не может найти своей полочки. Работа социальной консультации должна всесторонне обсуждаться в педагогической прессе и на страницах общей печати.

Нужны детсады, *поголовно* обслуживающие всю детвору дошкольного возраста. Саратовский опыт дал уже ключ к разрешению этого вопроса. Дифференцированная плата за ребят. Дифференциация не бюрократическая, а общественно организованная. Каждая мать сообщает, сколько она может платить и может ли платить вообще. При общественной постановке этого дела обман — редкое исключение.

Кроме детсадов, необходимы еще деточаги для детей школьного возраста, где они могли бы проводить свободное от школы время, организованно работая, играя, читая. Этих полудетдомов, стоящих много дешевле, у нас почти вовсе нет, если не считать детплощадок, работающих обычно только летом и охватывающих лишь сравнительно небольшую часть ребят больших городов. Работа детплощадок недостаточно поставлена под контроль общественного мнения.

В помощь социальному воспитанию должна быть развернута также сеть детских мастерских, детских клубов, библиотек, столовых и пр.

То количество этих учреждений, которое имеется, далеко не достаточно.

Для подростков особое значение имеет всеобщее трудовое обучение, не игрушечное, а серьезное, дающее трудовую культуру и выход в жизнь.

Детские и подростковые общежития в городе и деревне для детских и подростковых масс у нас развиты лишь в форме пионерских лагерей, а они должны охватывать все детские массы.

Как и в области политпросветработы, в области детского обслуживания и воспитания сейчас на очереди дня встал *совершенно иной размах всей работы.* Этого нельзя добиться без помощи Советов, без помощи партийных, комсомольских, пионерских, профсоюзных, кооперативных, всех советских организаций, без помощи хозяйственников.

На фоне этой работы совсем другой облик примет и детдом. Из замкнутого, закрытого учреждения, в котором создается специфическая атмосфера кадетско-институтского типа, где воспитатели вздыхают о том, что нет решеток и карцеров, а ребята бегут из учреждения, *детдом должен превратиться в учреждение для широких*

слоев детворы, учащейся, работающей, играющей наполовину или даже на три четверти вне стен детдома, принимающей участие в общей строительной работе, в учреждение, близкое населению, находящееся под его заботливым контролем. Над этим надо работать.

Создание такого типа учреждений устранит целый ряд болезненных явлений в общественной жизни и будет содействовать росту поколения бодрого, организованного, трудоспособного поколения сознательных коллективистов.

1930 г.

ВСЕОБЩЕЕ ОБУЧЕНИЕ И КУЛЬТГЕКТАР ИМЕНИ XVI ПАРТСЪЕЗДА

XVI съезд партии принял решение о введении всеобщего обязательного обучения. Это не просто административное постановление. Это решение означает, что надо развернуть громадную работу по строительству школ, по подготовке учительских кадров, по организации населения вокруг этого дела, по созданию условий, делающих возможным обязательность всеобщего обучения, надо развернуть громадную работу по обслуживанию громадных масс детворы медицинской помощью, по организации детского питания и помощи детям бедноты.

Проведение всеобщего обязательного обучения требует одновременно громадного развертывания работы среди взрослых по ликвидации безграмотности, по обслуживанию их газетой, книгой, радио и пр.

Одно из мероприятий, которое немедля надо развернуть силами населения,— это хозяйственная помощь школе, учителю, детворе.

Редакция газеты «За коммунистическое просвещение» выдвинула лозунг: «Не менее одного процента всех посевных площадей засеять вне плана под культурные гектары имени XVI съезда партии». Этот лозунг надо всячески поддержать. Наша страна должна стать во что бы то ни стало страной просвещенной в возможно короткий срок.

Пойдем за учительским молодняком, уже начавшим работу на этом фронте. Засеем культгектар имени XVI съезда партии!

1930 г.

XVI ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД И ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ

Тов. Сталин в политическом отчете ЦК на XVI съезде партии, говоря об очередных задачах культурного строительства, сказал:

«Главное теперь — перейти на общеобязательное первоначальное обучение. Я говорю «главное», так как такой переход означал бы решающий шаг в деле культурной революции. А перейти к этому делу давно пора, ибо мы имеем теперь все необходимое для организации обязательного всеобщего первоначального образования во всех районах СССР.

До сего времени мы вынуждены были «экономить на всем, даже на школах», для того чтобы «спасти, восстановить тяжелую промышленность» (Ленин). За последнее время, однако, мы уже восстановили тяжелую промышленность и двигаем ее дальше. Следовательно, настало время, когда мы должны взяться за полное осуществление всеобщего обязательного первоначального образования» [1].

В соответствии с этим XVI съезд в единогласно принятой резолюции по отчету Центрального Комитета записал:

«XV съезд совершенно правильно выдвинул одну из важнейших проблем реконструктивного периода — проблему *культурной революции*. Однако темпы развертывания культурного строительства в стране еще совершенно недостаточны. Съезд обращает внимание на необходимость их усиления. Проведение всеобщего обязательного

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 299—300.

первоначального обучения и ликвидации неграмотности должно стать боевой задачей партии в ближайший период»[1].

У нас до сих пор нет обязательного обучения даже в крупнейших промышленных центрах. Недавно еще заведующий отделом народного образования города Москвы на вопрос, все ли ребята соответствующего возраста обучаются, ответил: «У нас никому не было отказа в приеме в первые группы». Что это значит? Это значит, что родители могли отдавать и не отдавать детей в школу, что наниматель не отвечал за то, если живущая у него в няньках девчурка безграмотна, что заведующий детдомом не отвечал, если в числе воспитанников были безграмотные... Права ребят на ученье были никак не защищены. Необходим закон об ответственности воспитателей, родителей, нанимателей. Такой закон проведен в одной из самых отсталых областей — в Центрально-Черноземной области (ЦЧО). Но надо, чтобы закон не остался на бумаге, а был проведен в жизнь. Нужен контроль. Кто будет контролировать? Надо установить точно. Очевидно, органы народного образования. Но необходимо, чтобы вошло в обычай, чтобы каждый гражданин сообщал в ОНО о случаях уклонения от закона. Тут очень много могут сделать члены общества «Друг детей», ОДН, молодежь, сами ребята.

Но мало требовать, чтобы ребята посещали школу. Надо дать эту возможность. Что это значит? Это значит, надо заботиться, чтобы не было больных ребят. Здравотделы должны развернуть громадную работу по охране здоровья детей, по борьбе за здоровую домашнюю обстановку. Необходимо развернуть громадную работу по борьбе с бытовыми условиями, подрывающими здоровье детей. Колхозы и комитеты крестьянской взаимопомощи в деревне, горсоветы и профсоюзы в городе должны принять участие в этом деле, прийти на помощь детям. Нужно снабжать ребят неимущих родителей обувью и одеждой, надо организовать школьное питание, не допускать при этом, чтобы одни дети ели, а другие смотрели. Надо обеспечить школы возможностью устраивать

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 561—562.

завтраки, снабжать молоком, овсянкой, другой крупой, овощами. Ребята у нас должны расти крепкими и здоровыми, тогда и учиться будут ребята успешнее. Пусть более состоятельные родители не думают, что это не их дело: отстающие ребята, слабые ребята задерживают работу всего класса, мешают налаживанию трудовой, деловой работы школы. Всеобщее обязательное обучение означает сокращение эксплуатации ребят, ограничение произвола родителей, огромное повышение общественного внимания к улучшению положения ребят. Необходимо, чтобы каждый принял участие в проведении в жизнь постановлений XVI съезда партии. Необходимо, чтобы все сознательные граждане примкнули к этой работе. Бюрократическим путем провести его в жизнь нельзя.

1930 г.

КРЕПЧЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ХВАТКА

На очереди дня задача — стать страной грамотной. Не первый год стоит эта задача, но XVI партсъезд подчеркнул ее ударность. Крепче должна быть хватка, надо бить темноту и безграмотность без промашки, развернуть шире ликбезпоход, налечь всем СССР на всеобуч. Каждый гражданин СССР должен определить, что он делает для всеобуча, для ликбеза. Если кто думает, что научить всех ребят грамоте, читать, писать да считать — это дело правительства и учителей, а он тут ни при чем, то это лишь означает, что человек он, по существу дела, малосознательный и не отдает себе отчета в том, что в нашей отсталой стране строить социализм, и культуру в том числе, можно лишь руками миллионов. Для этого и организуются культэстафеты, чтобы втянуть в дело широчайшие массы. Но это обязывает Наркомпрос к тому, чтобы популяризировать всю работу, поставить учет работы на должную высоту, неустанно выдвигать перед массами ударные задачи, каждую задачу освещать со всех сторон.

В «Правде» от 1 сентября мы прочитали первую сводку по всеобучу. Из приведенных в этом же номере контрольных цифр на 1930/31 учебный год по РСФСР (без автономных республик) мы узнали, что в 1930/31 учебном году в I ступени должно учиться ребят больше, чем в предыдущий учебный год, на полтора миллиона. По 13 областям цифра эта распределяется неровно. Добавочно, против прошлого года, должно быть обучено по областям (в тысячах):

Более чем 150 тыс.

ЦЧО	235,7
Московская обл.	189,5
Урал	173,1
Сибирь	167,1

Более чем 100 тыс.

Нижегородский край	147,8
Западная обл.	136,4
Северный Кавказ	132,2
Ленинградская обл.	111,4

Менее 100 тыс.

Средневолжский край	90,8
Нижневолжский край	88,1
Иваново-Вознесенская обл.	80,3
Дальневосточный край	76,2
Северный край	62,5

Исключительно большая задача ложится на ЦЧО, самую бедную область. Но она идет впереди других, она уже в прошлом году взялась за проведение всеобщего обязательного обучения, здорово подвинулась вперед. Ей надо всячески помогать. Из других трех областей, которые должны обучить свыше 150 тыс., Московская область находится в наиболее благоприятных условиях. Эта область — промышленная, население в общем грамотное, культурных сил много, нацменьшинств мало. Будет позорно, если Московская область не проведет в этом году намеченных планов.

Затем идут Урал и Сибирь; тут затрудняют дело расстояния, но Урал — промышленный центр, а Сибирь — богатая страна с широкими возможностями. Из областей, которым надо обучить добавочно каждой свыше 100 тыс., в наиболее благоприятных условиях находится Ленинградская, которая находится почти в таких же благоприятных условиях, как Московская. Ей надо обратить внимание лишь на карельское население, где девочки почти сплошь неграмотны, на глухие деревни. Остальные три области — Нижегородский край, Западная область и Северный Кавказ — очень трудные. Нижегородский край очень глухой, лесной, когда-то сплошь занятый кустарными промыслами, за которые засаживали ребят с ранних лет; кроме того, край с очень пестрым национальным составом. Этот пестрый национальный состав, а также земледельческий характер населения затрудняют работу по всеобучу. В Западном крае затруднят дело не изжитое еще до конца хуторское хозяйство. Из областей, которым надо добавочно обучить менее 100 тыс., в благоприятных

условиях находятся Ивановская область — промышленная, обладающая культурными силами,— и Нижневолжская — старый культурный центр, за последние годы широко развернувший работу по ликбезу, дошкольному делу, работу среди взрослых. В самом тяжелом положении находится Средневолжский край с его бедностью, пестрым национальным составом. Пожалуй, после ЦЧО это самый трудный район, но того энтузиазма, которым охвачено население ЦЧО, в Средневолжском крае мы пока не видим. Нужно в этой области особенно усиленное внимание всех краевых органов к делу всеобуча.

Первая сводка, помещенная в «Правде» от 1 сентября, сигнализирует отсутствие четкости в учете материальной базы всеобщего обучения. Сводка дана по девяти областям (в нее не входят Московская область, Ивановская, Средневолжская и Дальневосточный край). Первое, что надо сделать,— *учесть число детей,* подлежащих обучению. Что учет проведен, имеются сведения лишь по трем областям: ЦЧО, Уралу и Западной области; по Нижегородскому краю и Нижневолжскому учет заведомо не проведен. По остальным — неизвестно. Учет числа детей, подлежащих обучению,— основное, без чего вся работа будет идти «на глазок» и никогда нельзя будет добиться всеобщности обучения. Надо настаивать, чтобы учет был проведен во что бы то ни стало по областям и районам.

Необходимо привлечь к учету необучающихся детей все население. Как? Необходимо, чтобы каждый, кто видит, что какой-нибудь ребенок или подросток не обучается, немедля заявлял об этом в Совет. Совет должен поручить совету содействия немедля проверить, почему ребенок не учится, и организовать его обучение (если виноваты родители, опекуны — привлечь их к ответственности; если школа далеко — поднять вопрос о подвозе; если нет одежды — добиться из фонда бедноты, через комитеты крестьянской взаимопомощи, через общество «Друг детей»; если ребенок болен — добиться его лечения). При Советах, дорогу куда знает каждый, должны быть «столы всеобуча», где должны дежурить члены советов содействия. Надо вытащить ребят из хибарок, с чердаков и подвалов, вытащить девочек-нянек, вытащить из домашней кабалы в школу. Всем за этим надо следить. Сколько

надо будет добавить школьных комплектов (школьный комплект рассчитан приблизительно на сорок человек)? На это отвечают те края, которые произвели учет учащихся (ЦЧО, Урал, Западная область), да еще Северный край и Нижегородский край, рассчитав, очевидно, на глаз; остальные области молчат. Но если не знать, сколько надо добавочных комплектов, нельзя определить, где и как их разместить,— неясен, значит, план работы. Если не знать, сколько нужно добавочных комплектов,— неизвестно, сколько надо добавочных учителей. Вот почему относительно числа необходимых зданий под школы и числа нужных учителей кое-что членораздельное ответили лишь области, где произведен был учет детей, подлежащих обучению. Впрочем, Урал насчет помещений еще ничего не знает тоже. ЦЧО ответила: имеется всего пригодных 8563 помещения, из них 877 приспособлено из домов кулаков, строится 350 новых школ. Западная область не указала общего числа пригодных для школ помещений, не указала числа строящихся школ, а указала лишь, что у кулаков взято 393 дома и 503 нанято.

Сколько домов взято под школы у кулаков, указали почти все,— но и только. Ленинградская область указала еще, что приспособлено всего под новые группы 793 помещения,— и только.

Очевидно, у областей весьма смутное представление об имеющихся помещениях. На помощь должны прийти районные исполкомы, им легче произвести учет. Но, чтобы учет не был формальным, чтобы действительно было под школы взято все, что можно, надо, чтобы развернули активность добровольные общества, хозяйственные организации, колхозы, совхозы. Необходимо, чтобы каждый мог заявить в Совет о приходящих ему в голову комбинациях, дать их в советский «стол всеобуча». Без помещений всеобуча не проведешь. Насчет ремонта — хорошо бы устроить бригады по ремонту и инструктировать их. Тут союз строителей может оказать очень большую услугу. Учебный год начался, а целый ряд школ еще не отремонтирован, ждут рабочих, а ремонт-то пустяковинный часто. Комсомол много может тоже тут помочь.

Насчет учителей данные так разношерстны, что не поддаются сравнению.

По части учебников, по-видимому, лучше других обстоит дело в Западном крае и Ленинградской области; в Западном крае школы обеспечены на 90%, в Ленинградской области тоже, в других областях — от 35 до 50%.

Северокавказский край что-то ничего не знает, что у него делается; Сибирь также, Нижневолжский край тоже.

Нельзя ведь так. *Нужен единый, простой план учета,* без лишних вопросов, каждый вопрос должен быть ясно формулирован, но *края обязаны на эти вопросы ответить, районы обязаны на эти вопросы дать сведения краям.* Без таких данных соцсоревнование превращается в пустую фразу.

Насчет фондов бедноты нигде ничего не сделано, кое-что проведено только на Урале да в Северном крае. Если так будет дальше, дети бедноты не смогут учиться. Тут надо приналечь покрепче партийцам, комсомольцам, профсоюзам. Вопрос политический.

О школьных завтраках, о политехнизации, о подвозе учащихся никто ничего не говорит. А все это неразрывно связано ведь с проведением всеобуча.

Большевистская хватка нужна в проведении всеобуча, надо цепляться зубами во всякую мелочь и не отставать, пока не добьешься цели.

1930 г.

ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ III СЕССИИ ГУСа

МЕСТО КУЛЬТУРНОГО ФРОНТА В СОЦСТРОИТЕЛЬСТВЕ

У нас было принято говорить, что просвещенческий фронт, культурный фронт — это третий фронт. Это, конечно, имело свои основания, но надо сказать, что такое название весьма неудачно, потому что оно предполагает, что сначала надо строить хозяйственную область, а потом уже, после этого, строить культуру. Такое понятие есть нечто ложное. Конечно, экономика — это база, а культура — надстройка, но ведь и политика — надстройка, а никогда коммунисты не рассуждали таким образом, что надо достигнуть сначала известной ступени экономического развития, а потом лишь можно вести коммунистическую агитацию. Такая точка зрения никогда не разделялась большевиками. То же самое и в области культуры. Иначе ведь мы совершенно неправильно понимали бы взаимоотношения между базой и надстройкой. Еще Энгельс указывал на то, что такое понимание есть совершенно неправильное понимание, которое разделяет причину и следствие, не видит взаимодействия между причиной и следствием. И на практике мы постоянно видим, как вопросы культуры переплетаются с вопросами экономического строительства. Владимир Ильич еще в первых своих произведениях («Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?») специально останавливался на этом вопросе. На ряде примеров он показал, с одной стороны, какое громадное влияние на культуру оказывает известный экономический уровень, а с другой стороны, показывал, как культура в свою очередь влияет на развитие экономики. И вот эта тесная связь, это переплетение — это то основное, что мы сейчас видим

на каждом шагу. Мы видим на каждом шагу, как иногда недостаточное развитие культуры, недостаточно широкий размах ее отражается на нашем строительстве, как иногда из-за отсутствия необходимой агитации, необходимого разъяснения очень простые вещи превращаются в весьма трудно преодолимые препятствия. И с другой стороны, мы видим, как простое разъяснение чего-нибудь массе сразу облегчает дело. Такая тесная связь между экономическим строительством и между культурным строительством сейчас особенно сильно выпячивается на первый план. Прежде всего это чувствуется самими массами. Мы наблюдаем в массах громаднейшую тягу к знаниям. Например, идет заседание сессии ВЦИК или ЦИК, и всегда слышишь, как выступающие с мест крестьяне, рабочие много говорят о культуре. Почему? Потому, что они понимают, какое препятствие тут стоит на их пути, выражающееся в недостаточном развитии культуры. Мы видим точно так же, что недостаточное развитие верхних звеньев культурного строительства, запаздывание с подготовкой специалистов определенного типа бьют по экономическому строительству. Недаром партия с такой остротой поставила вопрос о необходимости обратить на это дело особенное, сугубое внимание. Мы имеем два потока: один поток, поднимающийся снизу,— громадный спрос на культуру, и другой, встречный поток, идущий сверху. Мы видим, что широко развертывается у нас сейчас подготовка специалистов, но эта подготовка упирается в то, что все яснее и яснее становится, что надо наладить среднюю школу, широко развить ее сеть, поднять ее качество. Пока мы не наладим ее соответствующим образом, если у нас средняя школа не будет по всему фронту развернута по-настоящему, если она не будет поставлена так, как это необходимо, мы не сможем укрепить и высшую школу. Культурный фронт является неразрывной частью социалистического строительства. Мы видим и другое — что все отдельные звенья культурного фронта между собой тесно связаны.

ПОЛИТЕХНИЗАЦИЯ ШКОЛЫ

У нас средняя школа имеет весьма узкий размах. Этот узкий размах средней школы ведет к тому, что нет достаточного количества молодежи, которая могла бы идти в

техникумы и ФЗУ. Вот сейчас, в этом году, стоит вопрос о ФЗУ. ФЗУ требуют громадных кадров, а окончивших семилетку почти нет. Надо затратить крупнейшие средства для того, чтобы как-нибудь подготовить ускоренными темпами молодежь для школы ФЗУ. Все это переплетается одно с другим. Этот переплет еще гораздо более виден, более ясен сейчас, когда наша школа стала на путь политехнизации. Конечно, это не случайно, что именно сейчас, когда у нас идет быстрыми темпами индустриализация, когда идет машинизация сельского хозяйства широким размахом, что именно в этот момент удалось протащить политехническую школу в жизнь.

Ленин говорил, что в трудном деле надо уметь десять раз начинать одно и то же дело, пока не наступит такой момент, когда то, о чем говорилось годы, благодаря изменившейся обстановке удается провести в жизнь. Сейчас мы имеем быстрое развитие фабрик, заводов, тракторизацию,— всё это предпосылки для того, чтобы можно было начать осуществлять политехническую школу. Это, конечно, громадный шаг вперед, потому что это меняет весь характер нашей школы на всех ее ступенях. Может быть, мы даже не отдаем себе отчета в тех громадных изменениях, которые произойдут во всей системе нашего образования вследствие политехнизации школы.

Мы имеем в виду политехнизацию не только начальной школы, не только школы-семилетки. Ленин говорил о необходимости политехнизации и всего высшего образования. Сейчас мы и встали на этот путь. Непрерывная производственная практика — это составная часть политехнизации. Производственная пропаганда, которая сейчас так необходима, в данный момент может иметь гораздо более глубокие формы, чем в тот период, когда она впервые развертывалась,— эта широкая производственная пропаганда точно так же может развернуться настоящим образом лишь на почве политехнизации. Тесно связаны с производственной пропагандой производственные совещания, производственные курсы. Все это вместе взятое дает новый размах всему движению.

Мне очень интересно было проверить, как относятся к проблеме политехнизации люди, не имеющие прямого отношения к культурному строительству. Я расспрашивала ряд товарищей, практического отношения к просвещению

имеющих очень мало, например расспрашивала уральцев, как рабочие относятся и как дети относятся к политехнизации. Мне было интересно, скажут ли они мне в ответ: «А что это такое за штука — политехнизация?» — или же они ответят что-нибудь другое. И вот товарищи, стоящие далеко от непосредственной культурной работы, ответили, что сейчас среди рабочих громадный интерес к политехнизации, а дети еще гораздо более ею захвачены. Они рассказывали, что крестьяне также требуют политехнизации школы. Они говорят: «В городе вы даете политехническую школу, и мы, крестьяне, мы тоже хотим иметь политехническую школу». И на политехническом съезде у нас уже присутствовали колхозники, которые рассказывали о «политехнических избах», где дети имеют возможность учиться труду. Правда, у этих колхозников было очень смутное представление о политехнизации. Но все это указывает на громадный интерес к делу политехнизации, которая, с одной стороны, связывает производственный труд с учебой, а с другой стороны, совершенно на другие рельсы ставит эту учебу. Все это имеет громадное значение. Пойдете ли вы теперь на любую фабрику в Ленинграде, Москве, промышленном центре, вы услышите, что сотни, тысячи рабочих учатся в разных учебных заведениях. С другой стороны, мы вплотную подходим к такой школе, где рабочие хотят поставить обучение таким образом, чтобы оно было связано с производственной работой. Все это открывает совершенно новые горизонты.

Конечно, все наши программы придется перестроить. Я считаю, что в наше время вообще трудно говорить о стабилизации программ. Я не верю в стабилизацию в наш период. У нас и статистику толком нельзя проводить, потому что все — сплошная динамика. Недавно производили статистическое подомовое обследование. Это было два года назад, причем обследование производили по разным районам, в разных округах, но сейчас весь этот материал не продвигают в прессу. Я спрашиваю: «Почему же вы такой интересный материал подомового обследования не продвигаете, ведь это очень интересно?» Они проводили подомовые обследования, узнавали, имеются ли иконы, кто учится, какие культурные потребности и т. п.,— все это довольно интересно. Я спрашиваю: «Почему же вы не публикуете этот материал? Ведь он устареет». Но оказы-

вается, что все это уже устарело. «Теперь коллективизация — лицо деревни изменилось, и если мы опубликуем,— говорят они,— наши данные, то получится ложная картина, которая совершенно не отразит то, что имеется на самом деле, а деньги были большие затрачены». Вот тут со статистикой и подите в наше время. Все движется вперед, все развивается. В таких условиях стабильные программы весьма трудно установить.

И несомненно, развитие политехнизации, углубление всей работы поставит через год уже перед нами целый ряд новых задач, задач очень большой значимости, которые не смогут не отразиться на всей нашей учебе.

Сейчас, последние годы, мы видим громадный размах массовой работы. Но, с другой стороны, мы видим и такую вещь, что этот громадный размах массовой работы особенно иллюстрирует нашу методическую отсталость, слабость нашего методического фронта.

Сейчас мы настроили школы ликбеза, школы I ступени, ФЗС, техникумы, ФЗУ; новые огромные кадры учащих ведут работу, кадры учащих нового типа, у которых нет ни старых, ни новых педагогических навыков, которым приходится наново, в процессе обслуживания учащихся, учиться.

О МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ПЕДАГОГИКЕ

И вот перед нами встает масса методических вопросов всякого рода. Сейчас рождается масса запросов среди широких масс педагогов, и ответов на эти вопросы они найти не могут.

Это заставляет, конечно, особо критически отнестись к тому, что же у нас есть. Что у нас есть в области педагогики, программ, методики и т. д.? Тут мы видим чрезвычайную слабость нашего фронта. Возьмем так: все мы говорим о марксистско-ленинской педагогике, цитируем из Маркса, из Ленина, и в редкой книжке вы не встретите этих цитат. А между тем у нас совершенно не собрано все то, что говорил Ленин о культуре. В лучшем случае, и то с большим трудом, где-нибудь, как редкость, можно найти тоненький сборничек, изданный когда-то Политпросветом. Те, кто читает полное собрание сочинений, те берут отдельные статьи. Но Ленин говорил о культуре не только

в специальных статьях. Если взять все то, что говорил Ленин о культуре, то это ведь очень обширное богатство.

Ряд товарищей проделал такую работу: брали и подряд сплошь читали все сочинения Ленина — и относящиеся, и не относящиеся к культуре. И как раз в тех сочинениях, которые не относятся к культуре, больше всего есть высказываний по культуре. И в каждый период эти высказывания представляют нечто целое, увязанное со всей политической деятельностью партии. Все это представляет несомненный интерес. Но сейчас, очевидно, нужно организовывать бригады для того, чтобы это собрать и оформить.

Как это ни странно, но у нас, у марксистов, не собрано все то, что говорили Маркс и Энгельс по этому поводу. Есть отдельные книжки, отдельные работы, а всего не собрано. Каждый находит особо интересную цитату и считает, что он открыл Америку: «Ах, ведь вот что сказал Маркс. Маркс сказал: из всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный рабочий класс». И человек начинает с этим носиться. Так, читая Энгельса и Маркса, люди открывают на каждом шагу Америки.

Дальше,— мы не знаем наших предшественников. Мы не знаем, что говорили Плеханов, Чернышевский, Писарев. Это остается где-то под спудом, и нужно делать специальные раскопки. Марксистско-ленинская педагогика не оформлена как нечто целое. А если бы это было сделано, то многие молодые педагоги, многие деятели культуры, многие из профессоров гораздо бы легче ориентировались в некоторых вопросах.

Часто приходится говорить с просвещенцами разного типа, и видишь, как затрудняют человека очень часто элементарные с марксистской точки зрения вещи, как много усилий нужно часто человеку, чтобы некоторые явления связать вместе и их осознать.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОГРАММНОЙ И МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ОБЩЕСТВА ПЕДАГОГОВ-МАРКСИСТОВ

Затем другой вопрос — вопрос о программах. Ведь как ставится этот вопрос? Он ставится в значительной степени кустарным образом: есть такой-то педагог, такой-

то профессор, они — специалисты писать программы, и они их пишут. Один — хуже, другой — лучше. Но нужно, чтобы программы подвергались общественному просмотру, чтобы это перестало быть кустарщиной, чтобы программы были результатом очень глубокого обсуждения вопросов, что́ нужно выбирать из общей суммы знаний и как выбранное скомбинировать.

Методы учебы сейчас требуются совершенно другие. Ведь сейчас обстановка совершенно другая, чем была каких-нибудь пятьдесят лет назад. И подходы должны быть другие. А эти подходы возможны. Взять такие вещи, как радио, кино. Это создает совершенно новые возможности. А мы все это используем совершенно кустарно, в совершенно недостаточном объеме. И прорыв на методическом фронте чрезвычайно резко сказывается. Сейчас все его чувствуют и идет стихийная тяга к методике, к уяснению того, что такое марксистско-ленинская педагогика и т. д., идут отдельные обсуждения, споры, но все это идет кустарно. Сейчас стоит вопрос: как это все организовать? Как организовать методическую работу наиболее целесообразно? По-видимому, намечается такой путь: необходимо, чтобы те искания, которые идут в широких слоях работников просвещения всех категорий, студенчества, учащихся, молодежи и научных работников, чтобы они влились в какое-то определенное русло. В прошлом году было создано Общество педагогов-марксистов. До сего времени оно ужасно плохо развивалось — «как мокрое горело», как говорят. Собирался совет, поговорили немножко и... больше ничего. В этом году как будто бы клюнуло. В этом году виден интерес определенный — идут общие собрания, на открытые собрания Общества педагогов-марксистов собирается очень много народа,— по-видимому, привлекается большое внимание. Почему это так происходит? Потому что очень много запросов по всем линиям.

И опять-таки по этим линиям теоретическое обсуждение вопросов марксистами-педагогами еще не развернулось в достаточной степени, а между тем около этих вопросов уже чрезвычайно много запросов, так что в этой области необходимо развернуть широкую дискуссию.

ЕДИНЫЙ ПЛАН КУЛЬТРАБОТЫ

По политехнизму создалась в Обществе педагогов-марксистов особая секция. Эта секция лучше всего функционирует.

Функционирует еще одна секция,— посвященная разработке единого плана культработы. Единый план культработы — это, по существу, рационализация нашей работы, это объединение всех сил, это гораздо шире, чем одна общая касса, как иногда это толкуется. Это не общая касса, и дело вообще не в кассе, а дело в том, как наиболее целесообразно построить всю систему народного образования, построить так, чтобы у нее были свои определенные центры, на которые она могла бы опираться,— центры, которые вокруг себя распространяли бы эту культуру. Это вопрос о связи всех звеньев нашей культурной работы.

Теперь мы говорим так: вуз должен быть производственным центром, должен какую-то работу производить. Ясно, что вуз должен обрастать целым рядом культурных учреждений. Это не только в теории, это мы имеем на практике. Мы видим, что вузы обрастают рабочими университетами, обрастают целым рядом заочных курсов, всякого рода подготовительными курсами, одним словом, вуз становится громадной силой, культурным центром. Он должен стать руководителем техникумов. Не может быть разрыва между техникумами и вузом, они должны на соответствующий вуз опираться, и соответствующий вуз должен помогать техникумам. Тут группировка работников идет определенная. Техникумы же должны помогать школам.

В эту зиму пришлось говорить с целым рядом экскурсий учащихся техникумов, которые рассказывали про свою работу, про ту работу, которую они проделывали в деревне по всеобучу, по ликбезу. Наша молодежь старших курсов — в техникумах — уже непосредственно вступает в работу и на этой работе учится. Наши учащиеся старших курсов техникумов уже не являются учениками, которые предлагают очень часто наивные вопросы,— это учащиеся, которые уже побывали в деревне, в тяжелых условиях, которые на практике учились, которым при-

шлось рыться в книжках, чтобы получать определенные знания. Это совершенно другие ребята. Жизнь учит их, практика учит чрезвычайно.

И тут мы видим, как все звенья связаны тесно между собой. Нужно, чтобы работа Общества педагогов-марксистов отражалась не только на низшей школе, но отражалась бы на всех звеньях — и на политпросветской работе и на чисто научной работе. Сейчас Общество педагогов-марксистов работает в Москве в Комакадемии, и вот сейчас со всей ясностью встала такая задача, что надо выходить на широкую научную дорогу. При Комакадемии существует ряд научных обществ, и ясно, что педагоги-марксисты должны опереться на эти научные общества, не должны быть узкоучительской организацией. Скажем, по вопросам политехнизации сразу оказывается необходимым опереться на Институт экономики, в котором имеется отдел рационализации, в котором имеется Общество историков-марксистов; между прочим разрабатываются и вопросы истории техники. Все надо связать в один узел. Или у нас возник вопрос о математике: как надо правильно сейчас в наших школах построить методику арифметики, методику математики? Ясно, что надо опереться на наше научное общество. При той же академии существует Общество естественников-марксистов, и там есть подсекция математики. Нужно сомкнуться с этой секцией, с этим обществом, услышать, что они скажут, а не разводить какую-то кустарщину. Выход на широкую дорогу совершенно необходим. Без этого никаких настоящих программ мы не построим. Тогда будет так, что те, кто писал в прежнее время программы и учебники, будут писать и сейчас, изменив кое-что, залатав кое-где, вставив кое-какое новое словечко. Ведь те, кто в прежнее время писал программы и учебники, пишут и сейчас. Они подправляют кое-что, вставляют слово «колхоз», слово «кулак», и получается новый учебник. Что может получиться от такой вставки отдельного слова? Нужно привлекать научно подготовленных людей к этой работе, научные организации всех областей, научным образом составлять все программы, и тогда не будет таких историй, что выскочила где-то в программе какая-нибудь несуразица, и неизвестно, кто в этом виноват,— виновато ли отдельное

лицо, виноват ли ГУС. Надо, чтобы программы были результатом большой научной работы. И вот в Обществе педагогов-марксистов надо эту работу по-серьезному начать.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Несомненно, надо больше работать по национальным вопросам. Тут приходилось говорить с товарищами из других национальных республик, которые выдвигали мысль, что Общество педагогов-марксистов должно быть ассоциацией педагогов-марксистов различных национальных республик. Об этом говорить не стоит. Мне лично кажется это правильным. Пока этот вопрос не разрешен, но независимо от этого все национальные республики заинтересованы в том, чтобы в РСФСР этот вопрос — национальный вопрос, вопрос чрезвычайно сложный,— был как-то общественно проработан. У нас так: для нацменьшинств берется программа русских школ, приставляется еще один подготовительный год, и это идет в национальные республики. Я помню доклад одного инспектора, который приехал из Ингушетии и рассказывал, как там организовываются школы. Он рассказал, как приехали на конях из разных сторон, привезли своих детей и как в школе занимались враждующие рода, как дети одного рода сидят на одних скамейках, а другого — на других. А мы даем им программу, которая разработана для центральной области, которая может быть видоизменена для близлежащих областей, но негодна для Ингушетии. Там живые ребята перед нами, у них живой запас впечатлений, а поэтому надо исходить из окружающих ребят условий, надо давать им конкретный материал. Они в наших программах ничего не разберут. Тут громаднейшая работа — какую надо давать литературу, какой материал, какие программы давать в национальные республики и в национальные области? Сейчас возможности для этой работы открываются большие. Сейчас, например, сорок человек, окончивших АКВ (Академию коммунистического воспитания.— *Ред.*) по линии политико-просветительной работы, распределяются по национальным областям. Конечно, с каждым из них бу-

дет установлена тесная связь. Каждый из них будет там проводить какую-то исследовательскую работу. Надо, чтобы эта работа по национальной культуре где-то собиралась. Я думаю, что наша секция, секция в Обществе педагогов-марксистов,— секция национальная и имеет очень большое будущее.

Насчет учебников и учебных пособий я мельком говорила. Тоже нужно будет на этот вопрос обратить внимание.

Таким образом, вырастет очень большое количество таких работ, которые должны стать научными. Что представляет собой Общество педагогов-марксистов? Оно не является каким-то оперативным органом, оно занимается проработкой определенных идей, собиранием определенного опыта, обобществлением этого опыта. Это чрезвычайно важная работа. Важно то, как ГУС должен отнестись к Обществу педагогов-марксистов. Конечно, он должен на это общество глядеть дружескими глазами. Он должен всячески этому обществу помогать. Но, с другой стороны, он должен вести учет и выбирать изо всего самое ценное для того, чтобы этим ценным оплодотворять работу организационную, работу методическую, работу Наркомпроса. Конечно, мало того, чтобы только продискутировать, поговорить. Важно, чтобы все это нашло где-то глубокую проработку. Андрей Сергеевич (Бубнов.— *Ред.*) здесь говорил о РАНИМПе (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов марксистской педагогики.— *Ред.*), о создании целого ряда научно-исследовательских педагогических институтов, которые будут разрабатывать определенные проблемы. РАНИМП должен быть связан с Обществом педагогов-марксистов, он должен еще теснее связаться с ГУСом, должен работать под определенным руководством ГУСа. Необходимо, чтобы работа не протекала так, как она протекала до сих пор, вразброд, когда ряд институтов занимается одной и той же параллельной работой. Все занимаются методом проектов, в то же самое время целые большие области остаются неисследованными. Нужно внести планомерность в работу. Нужно выбирать темы самые злободневные и их обрабатывать.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ ГУСа И УМСа[1]

Теперь в отношении самого ГУСа. Уже года два ГУС фактически не существует, а только работают сессии ГУСа. ГУС как постоянно работающий орган только восстанавливается сейчас, только недели две назад Совнарком утвердил положение о ГУСе, так что ГУС как постоянно работающий орган сейчас возрождается. Не случайно то, что он возрождается. Но он должен не только возродиться, но и расти. Нужно, чтобы были у него крепкие руки, потому что без этого ему не к чему существовать. Ему надо проводить очень большую методическую работу. Важно то, чтобы каждый член ГУСа был бы не только просто гостем на сессии, а важно, чтобы он был бы участником того большого строительства, которое развертывается перед ГУСом. Нам нужно качество сделать настоящим, сделать другим. Нам важно, чтобы качество наших школ, всех наших учебных заведений, всех наших просветительных учреждений было насквозь коммунистическим.

О ШКОЛЕ I СТУПЕНИ

Я думала над вопросом о школе I ступени. Только в этом году ее переводят на всеобуч. Кажется, что по сравнению с Европой мы имеем неимоверное запоздание. Отсталость как будто невероятная. Но если мы сравним нашу школу I ступени со школой I ступени буржуазных стран, то что мы здесь увидим? Школа I ступени буржуазных стран воспитывает фашистское юношество. Кто составляет кадры фашистов? Молодежь. Школа воспитывает из года в год фашистское настроение. А вы возьмите наши школы, вы поглядите на наших ребят. Ребята у нас очень бойкие, о чем они не пишут! На все происходящее в жизни они откликаются. Недавно я получаю письмо с просьбой переслать его Горькому от ребят третьей группы. В этом письме они убеждают детей Франции и Англии, что если будет война, то она будет никчемной, что только капиталисты хотят войны. Детским языком в письме, написанном, как видно, по собственной инициативе детей,

[1] УМС — учебно-методический сектор Наркомпроса.— *Ред.*

ребяческим стопроцентным языком дети просят дедушку Горького о том, чтобы он довел до сведения ребят Франции и Англии, что теперь, если будут война и интервенция, то они ни к чему. Ребята на все по-своему отзываются. Конечно, наша школа в этом играет большую роль. Несмотря на то, что школа имеет недостатки, все же эта школа теперь другая. Она растит совершенно другое поколение. Поэтому у нас всеобуч — это кусок строительства социализма. У нас всеобуч — это громаднейший камень, который закладывается в стройке социализма. Необходимо ГУСу поработать над этим большим камнем, заложенным в стройку социализма.

Теперь еще в Наркомпросе существует УМС — учебно-методический сектор. Как он построен? Он построен как орган оперативный. На него возлагается целый ряд обязанностей, которые без соответствующего научного фона чрезвычайно трудно будет проводить. Когда будет развиваться Общество педагогов-марксистов, когда разовьется РАНИМП, когда разовьется ГУС, тогда и УМС станет тем органом, который необходим. Если взять прошлое ГУСа, то надо сказать, что очень часто выходило так, что ГУС принимал хорошие постановления, но все они повисали в воздухе. Выходило, что существует какое-то общество для разговоров, и пропадала охота в нем работать. Теперь задача УМСа состоит в том, чтобы все те установки, которые будут даваться ГУСом, проводить в жизнь.

1930 г.

1931 · 1937

ЛЕНИН, КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВСТРЕЧНЫЙ КУЛЬТПЛАН ОБЩЕСТВА ПЕДАГОГОВ-МАРКСИСТОВ

Как это ни странно, а до сих пор не собрано, не сведено в одно целое, не обработано все то, что говорил Ленин по вопросам культуры и просвещения. Конечно, в различных статьях по вопросам культуры часто приводятся различные цитаты из Ленина; Главполитпросветом изданы были в свое время брошюры «Вечер Ленина в клубах» — сборник статей Ленина о культуре, была издана брошюра, что говорил Ленин о библиотеках. «Работник просвещения» издал мою брошюрку, страшно устаревшую,— «Заветы Ленина в области просвещения». Но все это было уже давно, а теперь и этих крох нигде днем с огнем не найдешь. А в таких настольных книгах для учителя, как «Педагогическая энциклопедия» (3 тома), Ленину (если не считать пятка цитат) отведено 120 строк.

Все это поставило перед Обществом педагогов-марксистов задачу — немедля же взяться за собирание и систематизацию всех высказываний Ленина по вопросам культуры и просвещения.

Первая задача — собрать речи и статьи Владимира Ильича, посвященные этим вопросам. Сборник Главполитпросвета был составлен по неполному первому изданию собрания сочинений Ленина. Если мы сравним первое и второе издания сочинений, то увидим, что именно по вопросам культуры в первое издание не вошло очень много статей Ильича.

И потому первейшая задача — собрать и немедленно издать все статьи и речи Ленина, посвященные этим вопросам.

Но не только это надо сделать, необходимо тщательно собрать все, что говорил Ленин о народном образовании, просвещении, культуре в статьях и речах, посвященных другим вопросам. Это особенно важно, так как вскроет все связи и опосредствования, в которых брал Владимир Ильич вопросы культуры и просвещения. В этой работе нужна особенная тщательность. Наконец, необходим сборник декретов и распоряжений по просвещению и декретов, имеющих непосредственное отношение к нему, подписанных Лениным.

Работа по собиранию ленинского наследства в этой области — самая первоочередная. Она должна быть проделана в самый ближайший срок. Сейчас, когда просвещение получило такой колоссальный размах, когда масса сама берется вплотную за дело просвещения, та часть учения Ленина, которая посвящена вопросам просвещения, должна стать достоянием масс, стать еще более, чем была до сих пор, руководством к действию.

Надо положить конец кустарщине в этом деле.

Надо выявить также, что написано по просвещению в тех журналах, сборниках, которые выходили под руководством Ленина, при его активном участии, начиная с «Искры» и «Зари». Первой работой должно быть собирание высказываний Ленина о просвещении по периодам, так как только тогда ясно станет, в какой связи, на каком фоне высказывалась та или иная мысль.

На этой основе должна быть проделана следующая работа: должен быть разработан вопрос, как одна и та же мысль последовательно развивалась Лениным на различных стадиях развития нашего рабочего движения, что нового было в постановке одного и того же вопроса в каждый последующий период.

И, наконец, надо осветить ленинские установки в связи с текущими задачами в области просвещения в связи с культурной революцией.

Должно быть также собрано и расценено все то, что писалось и говорилось о высказываниях Ленина по вопросам культуры и просвещения. И не только в русской, но и в заграничной литературе.

Необходимость широчайшей научной популяризации того, что говорил Ленин о просвещении, совершенно ясна.

Общество педагогов-марксистов не может, конечно, ограничиться чисто исследовательской работой, оно заинтересовано в том, чтобы ленинское учение проводилось в жизнь. Поэтому наряду с чисто научной работой оно должно вести другую работу — с точки зрения учения Ленина о культуре, о просвещении, о народном образовании расценивать существующую практику. Целый ряд бригад педагогов-марксистов должен будет работать и в этом направлении.

Параллельно с этим перед Обществом педагогов-марксистов стоит другая чрезвычайно важная задача. Ленин был учеником Маркса, его высказывания по вопросам просвещения вытекают из всего учения Маркса, стоят в непосредственной связи с высказываниями Маркса и Энгельса по этим вопросам. Не зная этих высказываний, нельзя до конца понять и высказываний Ленина.

Общество педагогов-марксистов должно посвятить не менее серьезное внимание собиранию и разработке всего того, что говорилось по вопросам культуры и просвещения Марксом и Энгельсом. Необходимо также собрать и то, что писалось по этому поводу марксистами в Германии и других странах, дать оценку этим высказываниям. Мы, марксисты, должны знать как можно лучше учение Маркса и Энгельса в той области, в которой мы работаем.

Точно так же необходимы изучение и оценка того, что говорили по вопросам просвещения Плеханов, Чернышевский, Герцен, Писарев, на произведениях которых учился в свое время Владимир Ильич.

В нашей педагогической литературе вы почти не найдете ничего в этой области.

Что сделано Обществом педагогов-марксистов?

Пока еще немного.

Издано обращение к членам Общества педагогов-марксистов: «Задачи Общества педагогов-марксистов в деле изучения и проведения в жизнь взглядов Ленина, Маркса и Энгельса по вопросам культуры и просвещения».

Это обращение разослано по педагогическим вузам, научно-исследовательским педагогическим институтам, с ним ознакомлена аспирантура, члены ГУСа (на III сессии ГУСа была проведена специальная работа в этом направлении), воззвание переведено на немецкий язык. Мы

надеемся на помощь немецких педагогов-марксистов, особенно в области разработки наследства Маркса и Энгельса. Секретариат Общества педагогов-марксистов стал уже получать письма по этому поводу.

Проработаны уже первые три тома сочинений Ленина (период 1894—1900 гг.), написана об этом статья и скоро выйдет в № 1 журнала «На путях к новой школе» [1]. Эти три первые тома дают богатейший материал как раз по основным вопросам культуры — о влиянии экономического уклада на уровень и характер культуры, о влиянии культуры на ход экономического развития, о классовом характере культуры, о буржуазной культуре, об интеллигенции, о классовой школе, о политехнической школе и т. д. Высказывания Ильича за этот период, когда закладывались основы ленинизма, особенно важны, они имеют и посейчас — 30—36 лет спустя после их написания — злободневный характер.

Сейчас образована бригада из десятка человек — особо квалифицированная аспирантура,— которая продолжает работу над последующими томами.

Образуется другая бригада — по собиранию и разработке вопроса о высказываниях Ленина в области национальной культуры.

В Институте методов школьной работы (теперь преобразован в Институт марксистско-ленинской педагогики) готова уже работа по Чернышевскому.

В Ленинградском институте политпросветработы организована работа по разработке высказываний Плеханова.

Сейчас при Институте красной профессуры создается семинар по педагогике. Вопросы педагогики ставятся на обсуждение в Обществе воинствующих материалистов. Я не сомневаюсь, что все это поможет разработке мыслей Ленина в области культуры и просвещения, скрытых в его философских высказываниях. Интерес к этим последним очень велик в среде педагогов-марксистов.

За последние годы — после XV съезда — мы видим широкий размах культработы, получившийся в результате роста в массах тяги к знанию, в результате того, что массы сами взялись за дело культурного строительства. Культпоход, всеобуч, заводы, предприятия — все это уже зар-

[1] См. следующую статью.— *Ред.*

ницы приближающейся культурной революции. Теперь надо поднять начавшееся движение на высшую ступень, подводя под него теоретическую базу, покоящуюся на высказываниях Ленина, Маркса и Энгельса.

Общество педагогов-марксистов выдвигает свой «встречный культплан», одной из важнейших составных частей которого является доведение высказываний Маркса и Ленина в области культуры до каждой культячейки.

1931 г.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЛЕНИНА ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ ЗА ВРЕМЯ РАБОТЫ В ПИТЕРЕ, В ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ

До сих пор не собрано все то, что говорил Ленин по вопросам народного образования. Печатались лишь сборники его речей и статей по народному образованию, напечатанных в первом издании его сочинений. Но как раз в первое издание не вошло очень много высказываний Владимира Ильича по вопросам народного образования, которые вошли во второе издание. Кроме того, сборники статей Ленина по этому вопросу выходили без комментариев. А между тем каждая статья, каждая речь является звеном в ряде речей и статей Владимира Ильича, написанных и сказанных в данную эпоху; и понята она может быть до конца лишь в связи со всеми этими высказываниями. Осветить эту связь должны комментарии. Кроме того, в речах и статьях Владимира Ильича, посвященных другим вопросам, много очень рассеяно высказываний о культуре, о школе, о просвещении, об агитации и пропаганде и т. д. Эти высказывания нигде не собраны, но связаны воедино с его статьями о просвещении. Работа эта должна быть сделана как можно скорее.

В данной статье я остановлюсь лишь на первых трех томах, охватывающих период работы Ленина в Питере, в тюрьме и ссылке.

Это были годы, когда усиленно освещались в легальной и нелегальной печати основные вопросы марксистской теории, когда вырабатывалась программа партии, основы ее организации. Вот почему особенно важны высказывания Владимира Ильича по вопросам народного образования именно в этот период.

Статей, специально посвященных вопросам народного образования, написанных Ильичем за этот период, не так много.

В первом томе помещена популярная статейка «О чем думают наши министры?» [1], предназначавшаяся для популярной газеты «Рабочее дело», которую предполагалось издавать нелегально в народовольческой типографии. Эта статья не увидела света, ибо Владимир Ильич с группой товарищей был арестован в 1895 г., а летом 1896 г. была арестована на Лахте и нелегальная типография, где должна была печататься газета. Статья «О чем думают наши министры?» была посвящена вопросу о работе воскресных школ. В конце 1895 г. Владимир Ильич написал для газеты «Самарский вестник» (помещена в № 254 от 25 ноября за подписью: К. Т-ин) статью «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии», посвященную разбору статьи Южакова, напечатанной в майской книжке «Русского богатства»,— «План всенародного обязательного среднего образования». Статья «Гимназические хозяйства» — лишь начало статьи, продолжение не появилось из-за ареста автора.

Статья «О чем думают наши министры?» говорит о деятельности воскресных школ. О деятельности этих школ хорошо знал Владимир Ильич. В нашу социал-демократическую группу входил ряд учительниц, работавших за Невской заставой в Смоленской воскресной школе. Там работали Якубова, Кржижановская, Книпович. Владимир Ильич был в курсе всей нашей работы, слышал о школе от учеников. Несколько моих учеников по воскресной школе входили в кружок, который вел Владимир Ильич, они рассказывали ему о школе. Владимир Ильич был в курсе нашей работы, в курсе наших попыток вести через школу пропаганду учения Маркса. Через воскресную школу собирали мы сведения о порядках на фабриках, о жизни и быте рабочих. Эти сведения использовались потом для листков.

Основные мысли статьи «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии» были развиты Владимиром Ильичем в 1897 г. в большой, обстоятельной статье

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 71—76.

«Перлы народнического прожектерства» (*С. Н. Южаков. Вопросы просвещения. Публицистические опыты.— Реформа средней школы.— Системы и задачи высшего образования.— Гимназические учебники.— Вопрос всенародного обучения.— Женщина и просвещение, Спб., 1897, стр. VIII + 283. Цена 1 р. 50 к.*); статья помещена во II томе сочинений Ленина.

Эта статья тесно связана с одной из важнейших работ Владимира Ильича, относящихся к этому периоду,— с его нелегально изданной книжкой «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Эта книжка сыграла в то время громадную роль, создав революционную марксистскую платформу для русской социал-демократии. Она освещала вопрос о наличии капитализма в нашей стране, о формах революционной деятельности социал-демократов в существующих русских условиях, подвергала беспощадной критике мелкобуржуазные народнические идеи, их стремление подменить революционную борьбу мелкотравчатым культурничеством.

«Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» состояла из трех тетрадок, они печатались на гектографе, их отобрали при обыске; с трудом удалось разыскать в Берлинском архиве 1-й и 3-й выпуски. Выпуск же 2-й — о Южакове — до сих пор не разыскан.

Статья «Перлы народнического прожектерства» как нельзя лучше дополняет «Что такое «друзья народа», органически связана с этой книжкой.

В томе II мы не имеем никаких других статей по народному образованию, кроме «Перлов народнического прожектерства».

В томе III также нет какой-либо специальной статьи по народному образованию, весь том посвящен вопросу «Развитие капитализма в России».

Таким образом, мы имеем за период 1893—1900 гг. лишь три специальные статьи Владимира Ильича по вопросам народного образования. Самая значимая из них — это «Перлы народнического прожектерства». Остановимся подробнее на этой статье.

В статье «Перлы народнического прожектерства» Ленин останавливается прежде всего на вопросе о раз-

личии между школой сословной и школой классовой. Приведя ряд путаных высказываний Южакова, Владимир Ильич пишет: «Тут верно указано *одно* из отличий класса от сословия, именно что классы отличаются один от другого не юридическими привилегиями, а фактическими условиями, что, следовательно, классы современного общества предполагают *юридическое равенство*. И другое различие между сословиями и классами г. Южаков как будто бы не игнорирует: «...Мы... отказались тогда (т. е. после отмены крепостного права)... от крепостного и сословного строя национальной жизни, в том числе и от системы сословной закрытой школы. В настоящее время внедрение капиталистического процесса дробит русскую нацию не столько на сословия, сколько на экономические классы...» (8). Тут верно указан и другой признак, отличающий сословия от классов в истории Европы и России, именно что сословия — принадлежность крепостного, а классы — капиталистического общества» [1]. В примечании Владимир Ильич добавляет: «Сословия предполагают деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий. Говоря о классах просто, мы разумеем всегда бессословные классы капиталистического общества» [2]. Приведя ряд цитат из Южакова, Ильич пишет: «Все это яснее ясного показывает, что, несмотря на многообещающее заглавие, несмотря на велеречивые фразы, г. Южаков совершенно не понял, в чем сущность классовой школы. Сущность эта, почтеннейший г. народник, состоит в том, что образование одинаково организовано и одинаково доступно для всех *имущих*. Только в этом последнем слове и заключается сущность классовой школы в отличие от школы сословной. Поэтому чистейший вздор сказал г. Южаков в вышецитированной тираде, будто при классовых интересах школы «не может быть и речи об одном общем типе государственной средней школы». Как раз наоборот: классовая школа — если она проведена последовательно, т. е. если она освободилась от всех и всяких остатков сословности — необходимо предполагает один общий тип школы. Сущность классового общества (и

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 431.
[2] Там же.

классового образования, следовательно) состоит в полном юридическом *равенстве,* в полной равноправности всех граждан, в полной равноправности и доступности образования для имущих. Сословная школа требует от ученика принадлежности к известному сословию. Классовая школа не знает сословий, она знает только граждан. Она требует от всех и всяких учеников *только одного:* чтобы он заплатил за свое обучение. Различие программ для богатых и для бедных вовсе не нужно классовой школе, ибо тех, у кого нет средств для оплаты обучения, расходов на учебные пособия, на содержание ученика в течение всего учебного периода,— тех классовая школа просто не допускает к среднему образованию. Классовой замкнутости вовсе не предполагает классовая школа (разрядка моя.— *Н. К.*): напротив, в противоположность сословиям, классы оставляют всегда совершенно свободным переход отдельных личностей из одного класса в другой. Классовая школа не замыкается ни от кого, имеющего средства учиться... Ввиду той невероятной путаницы понятий, которую обнаруживает г. Южаков, мы считаем даже не лишним сделать для него еще следующее добавочное разъяснение: в современном обществе и та средняя школа, которая не берет никакой платы за обучение, нисколько не перестает быть классовой школой, ибо расходы на содержание ученика в течение 7—8 лет неизмеримо выше, чем плата за учение, а доступны эти расходы лишь для ничтожного меньшинства»[1].

И далее Ленин пишет, что Южаков «неосторожно выразился... сказав, будто мы сразу и решительно (??) «отказались от сословной школы», и приводит данные о сословном составе гимназий и реальных училищ. «Само собою разумеется,— продолжает Ленин,— что мы вовсе не хотим сказать этим, чтобы вопрос о замене сословной школы классовою и об улучшении последней был вопрос неважный или безразличный для тех классов, которые не пользуются и не могут пользоваться средней школой: напротив, и для них это не безразличный вопрос, ибо сословность и в жизни, и в школе ложится на них осо-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 432—433.

венно тяжело, ибо смена сословной школы классовою есть лишь одно из звеньев в процессе общей и всесторонней европеизации России» [1].

Вопрос о том, что классовая школа представляет собой шаг вперед по отношению к школе сословной, мало освещался в нашей печати. Мало кто знает вышеприведенные высказывания Ленина. А между тем они и по сию пору не потеряли своей актуальности, ибо современная наша школа очень часто в своей практике соскальзывает на путь сословной школы, что совершенно недопустимо. Поскольку не отмерли еще до конца в нашей стране классы, советская школа остается и должна оставаться классовой, как это отметил Ленин в своей речи на I Всероссийском съезде по народному образованию 28 августа 1918 г. Весь вопрос в том, в руках какого класса находится школа. Буржуазия делает школу орудием классовой борьбы, направленным против рабочих и крестьян. «Наша школа будет классовой,— говорил Ленин,— но преследующей интересы исключительно трудовых слоев населения». «Классовая школа не предполагает классовой замкнутости»,— писал Владимир Ильич в 1897 г. в «Перлах народнического прожектерства». Вот почему в программе группы «Освобождение труда» в 1884 г. уже фигурирует пункт о том, что должно быть введено «всеобщее, светское, даровое и обязательное образование, причем государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями». Это требование «всеобщего, дарового и обязательного образования и снабжения бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства» на II съезде партии было дополнено словами «для детей обоего пола до 16 лет», а слово «образование» дополнено словами «общее и профессиональное». Всеобщность и обязательность образования не изменяют еще классового характера школы, но исключают классовую замкнутость школы.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 435—436.

Тотчас же после взятия власти — 25 ноября н. ст. 1917 г.— был опубликован за подписью Вл. Ульянова (Ленина) декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов.— *Прим. автора.*

О всеобщем, бесплатном и обязательном образовании для детей обоего пола до 17 лет говорит и теперешняя программа нашей партии, принятая на VIII съезде, причем в вводной части раскрывается смысл требований этой всеобщности: «Школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм» [1]. Школа должна быть классово-выдержанной по содержанию, по установкам, но не должна быть классово-замкнутой.

Южаков, строя планы волостных гимназий, которые охватили бы всех детей и подростков от 8 до 20 лет, вовсе не собирался менять классового содержания обучения. Он предлагал даже не менять «установившихся учебных планов», предлагал только заменить древние языки новыми. Инородцы и сектанты, по его плану, не смогут воспользоваться благами всенародного среднего образования. Южаков предполагал сохранить систему двух гимназий, мужской и женской, из уважения к «предубеждению на континенте Европы против совместного обучения обоих полов». Отметив это, Владимир Ильич подробно останавливается на основной мысли Южакова — на проекте «окупить» гимназии трудом учеников, в силу чего гимназия должна быть вместе с тем и земледельческим хозяйством.

«... Тут есть действительно правильная мысль,— пишет Ленин.— ...Эта правильная мысль заключается в том, что нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания. Эту мысль высказали еще старые великие утописты (Владимир Ильич имеет в виду Оуэна.— *Н. К.*); ее

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.

вполне разделяют и «ученики» (Маркса.— *Н. К.*), которые именно по этой причине, между прочими, не восстают принципиально против промышленного труда женщин и подростков, считают реакционными попытки запретить совершенно этот труд и настаивают лишь на постановке его в условия вполне гигиенические»[1]. Это не значит, что Ленин считал, что допустима на фабриках и заводах работа детей любого возраста. В проекте программы, написанной им в тюрьме в 1896 г., в разделе Г, пункте 3, выставлено требование: «Законодательного запрещения ночной работы и смен. Запрещение работы детей до 15 лет» (разрядка моя.— *Н. К.*). В программе, принятой на II съезде партии, этот пункт формулирован так: «Воспрещение предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничение рабочего времени подростков (16—18 лет) шестью часами». Такая формулировка требовала охраны детского труда до 16 лет от эксплуатации предпринимателей, но это не значило, что запрещается производственный труд детей вообще. В программе партии, принятой на VIII съезде, сказано: «Запрещение пользоваться трудом детей и подростков в возрасте до 16 лет» — и предлагается «окончательно снять с работы малолетних и провести дальнейшее сокращение рабочего дня для подростков». И лишь ввиду крайнего разорения, вызванного войной, временно разрешался труд подростков от 14 до 16 лет, причем их рабочий день ограничивался четырьмя часами.

Все это важно отметить, ибо сейчас в области детского труда мы наблюдаем многочисленные факты перегибов: надо-де, чтобы дети работали с самого раннего возраста, лет с девяти, на предприятии.

Далее Владимир Ильич высказывает очень важную мысль о том, что школа должна готовить *всех ребят поголовно* к участию в производительном труде. «Для того, чтобы соединить всеобщий производительный труд с всеобщим обучением, необходимо, очевидно, возложить на *всех* обязанность принимать участие в производительном труде. Казалось бы, что это само собой ясно? — Оказывается, однако, что нет. Наш «народник» решает

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр 440.

этот вопрос так, что обязанность физического труда действительно должна быть установлена как общий принцип, *но вовсе не для всех, а только для несостоятельных*... Обязательный производительный труд является, следовательно, у нашего народника не условием всеобщего и всестороннего человеческого развития, а просто платой за обучение в гимназии. Именно так» [1]. Подробно разбирает Ленин весь план, сочиненный Южаковым, и доказывает, что он не что иное, как *крепостнически-бюрократически-буржуазно-социалистический эксперимент, и ничего более.* Для состоятельных — одна школа, для несостоятельных — другая; есть деньги — плати за учение, а нет — так работай! Народническую утопию Южакова Ленин сравнивает с практикой крепостника Сергея Шарапова, описывающего, как у него в течение лета «почти восстановляется крепостное право, кроме, конечно, зуботычин и экзекуций на конюшне» [2].

Говорит Ленин также и о том, что Южаков в своей утопии предполагает, что сохраняется противоположность между городом и деревней. «Не только «учителя» теперешних учеников (Маркс и Энгельс.— *Н. К.*) писали против этого абсурда, но и старые утописты, и даже наш русский великий утопист (Н. Чернышевский.— *Н. К.*). Г-ну Южакову до этого дела нет!» [3]

Статья «Перлы народнического прожектерства» до чрезвычайности злободневна.

Статья «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии», помещенная в томе I сочинений, разбирает сокращенно (статья газетная) ту же статью Южакова, помещенную ранее выхода в свет сборника Южакова в «Русском богатстве».

Во всех первых трех томах мы встречаем мысли, имеющие прямое отношение к вопросам культуры. В этот период Ленина интересуют главным образом следующие вопросы: 1) о зависимости культурного развития от развития экономического, об органической связи между ними; 2) о буржуазной культуре, о вооружении масс марксистской теорией; 3) об интеллигенции.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 441.
[2] Там же, стр. 452.
[3] Там же, стр. 448—449.

Экономический уклад, формы хозяйствования влияют определенным образом на мировоззрение человека.

Мелкое крестьянское хозяйство выращивает из мелкого земледельца крайнего индивидуалиста. Владимир Ильич приводит в своей статье «От какого наследства мы отказываемся?» (написана в конце 1897 г.) тому примеры, ссылаясь на данные такого знатока деревни, как Энгельгардт. «Энгельгардт,— пишет Ленин,— вскрывает поразительный *индивидуализм* мелкого земледельца с полной беспощадностью. Он подробно показывает, что наши «крестьяне в вопросах о собственности самые крайние собственники» (стр. 62, цит. по изд. 1885 г.), что они терпеть не могут «огульной работы», ненавидя ее по мотивам узко личным и эгоистическим: при огульной работе каждый «боится переработать» (стр. 206). Эта боязнь переработать доходит до высшей степени комизма (пожалуй, даже трагикомизма), когда автор рассказывает, как живущие в одном доме и связанные общим хозяйством и родством бабы моют каждая отдельно свою дольку стола, за которым обедают, или поочередно доят коров, собирая молоко для *своего* ребенка (опасаются утайки молока) и приготовляя отдельно каждая для своего ребенка кашу (стр. 323). Энгельгардт так подробно выясняет эти черты, подтверждает их такой массой примеров, что не может быть и речи о случайности этих фактов» [1].

В статье «Кустарная перепись в Пермской губернии» (написана в 1897 г.), подводя итоги переписи и отмечая влияние на мировоззрение и уровень культуры кустарных промыслов, Ленин пишет: «Можно с уверенностью сказать, что не найдется ни одной капиталистической страны, в которой бы регистрация почти 9-ти тысяч мелких заведений с 20-ю тысячами рабочих обнаружила *такую поразительную раздробленность и одичалость* производителей, среди которых нашлось лишь несколько десятков случаев *общей собственности* и *менее десятка* случаев объединения 3—5 хозяйчиков для закупки сырья и сбыта продукта! Эта раздробленность служила бы *вернейшим залогом беспросветного экономического и культурного застоя,* если бы мы не видели, к счастью,

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 475—476.

как капитализм с каждым днем подрезывает под корень патриархальное ремесло с его местной ограниченностью самодовлеющих хозяйчиков, с каждым днем разрушает мелкие местные рынки (которыми держится мелкое производство), заменяя их национальным и всемирным рынком, *заставляя* производителей не одной какой-нибудь деревни Гаврята, а производителей целой страны и даже разных стран вступать в союзы между собой, выводя эти союзы за пределы одних только хозяев и хозяйчиков, ставя перед этими союзами вопросы более широкие, чем вопрос о более дешевой закупке лесного материала и железа, или вопрос о более выгодной продаже гвоздей и телег»[1].

В «Друзьях народа» Ленин вскрывает корни религиозности мелких производителей. Он указывает на то, что «разрозненные мелкие производители производили каждый по нескольку операций зараз и потому были сравнительно независимы от других: если, напр., кустарь сам сеял лен, сам прял и ткал,— он был почти независим от других. На таком-то режиме мелких, раздробленных товаропроизводителей (и только на нем) оправдывалась поговорка: «каждый за себя, а за всех бог», т. е. анархия рыночных колебаний. Совсем иначе обстоит дело при достигнутом благодаря капитализму обобществлении труда. Фабрикант, производящий ткани, зависит от бумагопрядильного фабриканта; этот последний — от капиталиста плантатора, посеявшего хлопок, от владельца машиностроительного завода, каменноугольной копи и т. д. и т. д. В результате получается то, что ни один капиталист не может обойтись без других. Ясное дело, что поговорка «каждый за себя» — к такому режиму совсем уже неприложима: здесь уже каждый работает на всех и все на каждого (и богу не остается места — ни в качестве заоблачной фантазии, ни в качестве земного «златого тельца»)»[2].

В «Развитии капитализма в России», материал для которого собирался Лениным в 1896—1897 гг., также есть места, иллюстрирующие то положение, что культура создается на базе развивающейся индустрии. Развитие

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 411—412.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 159.

мануфактуры (в кустарных промыслах) уже поднимает до известной степени уровень культуры. «Промышленность и сравнительно развитые торговые сношения с остальным миром поднимают жизненный уровень населения и его культурность; на крестьянина-земледельца работник мануфактуры смотрит уже сверху вниз. Крупная машинная индустрия доканчивает это преобразование, отделяет окончательно промышленность от земледелия, создает, как мы видели, особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных. В мелких промыслах и в мануфактуре мы видим всегда остатки патриархальных отношений и разнообразных форм личной зависимости, которые, в общей обстановке капиталистического хозяйства, чрезвычайно ухудшают положение трудящихся, унижают и развращают их. Крупная машинная индустрия, концентрируя вместе массы рабочих, сходящихся нередко из разных концов страны, абсолютно уже не мирится с остатками патриархальности и личной зависимости, отличаясь поистине «пренебрежительным отношением к прошлому». И именно этот разрыв с устарелыми традициями был одним из существенных условий, создавших возможность и вызвавших необходимость регулирования производства и общественного контроля за ним» [1].

Культура города выше культуры деревни. Промышленные центры играют крупную роль в деле содействия умственному развитию населения; Ленин говорил об этом в статье «К характеристике экономического романтизма», относящейся к 1894 г.

«Научная теория (марксизм.— *Н. К.*) указывает, напротив, ту *прогрессивную* сторону, которую вносит в это противоречие (преобладание города над деревней.— *Н. К.*) крупный промышленный капитал. «Вместе с постоянно растущим перевесом городского населения, которое скопляет капиталистическое производство в крупных центрах, оно накопляет историческую силу движения общества вперед» (die geschichtliche Bewegungskraft der Gesellschaft). Если преобладание города необходимо, то

[1] В. И Ленин, Соч., т. 3. стр. 479—480.

только привлечение населения в города может парализовать (и действительно, как доказывает история, парализует) односторонний характер этого преобладания. Если город выделяет себя необходимо в привилегированное положение, оставляя деревню подчиненной, неразвитой, беспомощной и забитой, то только приток деревенского населения в города, только это смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения... создает условия для устранения противоположности между городом и деревней»[1]. В «Развитии капитализма» Владимир Ильич приводит сведения о Покровском уезде Владимирской губернии, подтверждающие этот факт. «Плотничество положило глубокий отпечаток на весь склад здешней крестьянской жизни... Крестьянин-плотник мало-помалу отвыкает от земледелия, а впоследствии и совсем бросает его». Жизнь в столицах наложила на плотника отпечаток культурности: он живет несравненно чище окрестных крестьян и резко выделяется своей «интеллигентностью», «сравнительно высокой степенью умственного развития»[2].

«Отхожие уезды значительно превосходят земледельческие и лесные местности по благоустройству своей жизни... Одежда питерщиков гораздо чище, щеголеватее и гигиеничнее... Ребята содержатся чище, почему у них реже встречается чесотка и другие накожные болезни»... В отхожих волостях Костромской губ. «в половине домов вы найдете бумагу, чернила, карандаши и перья»... «Грамотные питерщики положительно лучше и сознательнее лечатся», так что заразные болезни действуют среди них не так гибельно, как в волостях «малокультурных»[3].

«Отход в города ослабляет старую патриархальную семью, ставит женщину в более самостоятельное положение, равноправное с мужчиной. «Сравнительно с оседлыми местностями, солигалическая и чухломская семья» (самые отхожие уезды Костр. губ.) «гораздо менее крепка не только в смысле патриархальной власти старшего, но даже и в отношениях между родителями и детьми, мужем и женою. От сыновей, отправляемых в Питер с 12 лет, конечно, нельзя ожидать сильной любви к роди-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 208.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 466—467.
[3] Там же, стр. 505, примечания.

телям и привязанности к родительскому крову; они становятся невольно космополитами: «где хорошо, там и отечество». «Привыкшая обходиться без мужской власти и помощи, солигаличанка вовсе не похожа на забитую крестьянку земледельческой полосы: она независима, самостоятельна... Побои и истязания жен здесь редкие исключения... Вообще равенство женщины с мужчиной сказывается почти везде и во всем» [1].

Город культурно поднимает, деревня заражает своим бескультурьем.

Исследуя в 1897 г. данные кустарной переписи 1894—1895 гг. в Пермской губернии, Ленин отмечает: «Связь с земледелием», по данным переписи, отражается чрезвычайно рельефно на *грамотности* кустарей... Оказывается, что неземледельческое население *значительно грамотнее* земледельческого, причем это отношение наблюдается без исключения по всем подгруппам и для мужчин, и для женщин» [2]. «...Мы можем констатировать, что связь с земледелием (речь идет о мелком крестьянском хозяйстве.— *Н. К.):* 1) задерживает наиболее отсталые формы промышленности и тормозит экономическое развитие; ...3) задерживает культурное развитие населения, имеющего более низкий уровень потребностей и далеко отстающего в грамотности от неземледельцев» [3].

И Владимир Ильич со всей четкостью ставит вопрос о материальных предпосылках культурного развития. На Западе потребление выше. «Почему? — Потому, что культура выше,— пишет он в «Друзьях народа».— Но в чем же состоят материальные основания этой культуры, как не в развитии капиталистической техники, в росте товарного хозяйства и обмена, приводящих людей в более частые столкновения друг с другом, разрушающих средневековую обособленность отдельных местностей? (разрядка моя.— *Н. К.)* Не была ли во Франции, напр., культура не выше нашей перед великой революцией, когда еще не завершился раскол ее полусредневекового крестьянства на деревенскую буржуазию

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр 506—507.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 372.
[3] Там же, стр. 373.

и пролетариат? И если бы автор повнимательнее присмотрелся к русской жизни, он не мог бы не заметить того, напр., факта, что в местностях с развитым капитализмом потребности крестьянского населения стоят значительно выше, чем в чисто земледельческих местностях...

«Друзья народа» не обращают никакого внимания на подобные «мелочи», потому что для них дело тут объясняется «просто» культурой или усложняющейся жизнью вообще, причем они даже и не задаются вопросом о материальных основаниях этой культуры и этого усложнения»[1] (разрядка моя.— *Н. К.*).

Экономика определяет собой уровень культуры. Но, с другой стороны, и культура является фактором, в свою очередь влияющим на экономику. Следствие диалектически превращается в причину. Пример влияния культуры на экономику Ленин приводит в «Развитии капитализма». «...В руках крестьянской буржуазии сходятся нити и торгового капитала (отдача денег в ссуду под залог земли, скупка разных продуктов и пр.) и промышленного капитала (торговое земледелие при помощи найма рабочих и т. п.). От окружающих обстоятельств, от большего или меньшего вытеснения азиатчины и распространения культуры в нашей деревне зависит то, какая из этих форм капитала будет развиваться на счет другой»[2] (разрядка моя.— *Н. К.*).

Уровень культуры влияет на формы эксплуатации. «Эта масса мелких деревенских эксплуататоров,— пишет Ленин,— представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, поодиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплуатация при дикости деревни, порождаемой свойственными описываемой системе низкою производительностью труда и отсутствием сношений, представляет из себя не один грабеж труда, а еще и азиатское надругательство над лично-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 231—232.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 56.

стью (разрядка моя. — *Н. К.*), которое постоянно встречается в деревне» [1].

Классовый характер общественной среды определяет, кто воспользуется *«улучшением культуры»*.

«Какой это марксист, когда он не понимает, что та общественная среда, для которой он прожектирует свои прогрессы,— есть буржуазная среда, что поэтому все «улучшения культуры», действительно замечаемые даже в крестьянском хозяйстве, означают прогресс буржуазный, улучшающий положение меньшинства и пролетаризирующий массы! Какой это марксист, когда он не понимает, что государство, к которому он обращается с прожектами, есть классовое государство, способное только поддерживать буржуазию и давить пролетариат!» [2]

Владимир Ильич особо останавливается на вопросе о влиянии капитализма на деревню. «Отнятие промышленностью у земледелия самых сильных, энергичных и интеллигентных рабочих есть всеобщее явление не только промышленных, но и земледельческих стран, не только Западной Европы, но и Америки, и России. Противоречие между культурой городов и варварством деревни, порожденное капитализмом, неизбежно ведет к этому» [3].

«Для развития техники земледелия городской капитализм старается дать все средства современной науки, но социальное положение производителей он оставляет по-прежнему жалким; городской культуры он не переносит систематически и планомерно в деревню» [4].

Владимир Ильич не закрывает глаза на отрицательные стороны капитализма. В рецензии на книгу Каутского «Аграрный вопрос», вышедшую в 1899 г., он пишет: «Прогрессивная деятельность в современном обществе может стремиться только к тому, чтобы ослабить вредное действие капиталистического прогресса на население, чтобы усилить сознательность этого последнего и способность к коллективной самозащите» [5].

Что вытекает из того, что говорил Ленин в период 1898—1900 гг. о культуре? Прежде всего ясно, почему мы отстаем на культурном фронте. Годы разрухи и вос-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 217—218.
[2] Там же, стр. 181, примечание.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 135.
[4] Там же, стр. 133.
[5] Там же, стр. 83.

становительный период не могли еще создать материальных предпосылок для развития культуры, *лишь реконструктивный период создает эти материальные предпосылки для широчайшего размаха в культурном строительстве.* Не случайность, что именно со времени XV съезда партии в связи с индустриализацией и коллективизацией стала у нас быстрым темпом развиваться ликвидация безграмотности, возможно стало введение всеобщего обучения. С другой стороны, ясна необходимость повышения — в целях повышения экономического строительства — уровня культуры, повышения влияния промышленных центров на деревню, необходимость поднять культуру деревни, чего не делал капитализм и в чем кровно заинтересована Советская власть. Ясна необходимость тесно связать всю культурную работу с политической пропагандой и агитацией, вовлекать в то же время как можно шире сами массы в культурное строительство.

Владимир Ильич со всей решительностью уже тогда, в 1894 г., говорил о буржуазной культуре, о мещанской культуре, от которой окончательно «дифференцирован» (отделен) и бесповоротно враждебен ей «антипод буржуазии» (рабочий класс).

Откуда взялась эта буржуазная, эта мещанская культура? «...Они (речь идет о русских капиталистах.— *Н. К.)* стараются подражать западноевропейской буржуазии, выписывают книжки, учатся [вот уже автор сам (автор статьи «Новые всходы на народной ниве», помещенной в «Отечественных записках» за 1879 г., которому возражает Ленин.— *Н. К.)* должен признать фантастичность сочиненного им сейчас мечтания: будто у нас «мещанская культура» развилась на почве *невежества.* Неправда. Именно *она* принесла пореформенной России ее культурность, «образованность»...]» [1].

«Культурное общество»,— отмечает Ленин,— попрежнему с охотой будет, в промежутке между пирогом с вязигой и зеленым столом, толковать о меньшем брате и сочинять гуманные проекты «улучшения» его положения...» [2].

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 327.
[2] Там же, стр. 252—253.

Что же это за проекты?

Остановившись на реакционных сторонах программы народников, Ленин пишет: «Но есть у них и другие пункты, относящиеся к самоуправлению, свободному и широкому доступу знаний к «народу», к «подъему» «народного» (сиречь мелкого) хозяйства посредством дешевых кредитов, улучшений техники, упорядочений сбыта и т. д. и т. д. и т. д. Что подобные, общедемократические, мероприятия прогрессивны,— это признает, конечно, вполне и г. Струве. Они не задержат, а ускорят экономическое развитие России по капиталистическому пути, ускорят создание внутреннего рынка, ускорят рост техники и машинной индустрии улучшением положения трудящегося и повышением его уровня потребностей, ускорят и облегчат его самостоятельное мышление и действие»[1] (разрядка моя.— *Н. К.*).

Только «марксисты должны *иначе ставить* эти вопросы (речь идет об общедемократических мероприятиях.— *Н. К.*), чем это делали и делают гг. народники. У последних вопрос ставится с точки зрения «современной науки, современных нравственных идей»; дело изображается так, будто нет каких-нибудь глубоких, в самых *производственных отношениях* лежащих причин неосуществления подобных реформ, а есть препятствия только в грубости чувств: в слабом «свете разума» и т. п., будто Россия — tabula rasa (чистая доска.— *Н. К.*), на которой остается только правильно начертать правильные пути»[2].

По словам Ленина, «марксисты должны... не только принять общедемократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше. Чем решительнее будут такие реформы в России, чем выше поднимут жизненный уровень трудящихся масс,— тем резче и чище выступит важнейшая и основная (уже сейчас) социальная противоположность русской жизни»[3]. Что это за «социальная противоположность русской жизни»? Под этим подразумевается «противоположность классовых интересов». Работа «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», откуда взята эта цитата,

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 481.
[2] Там же, стр. 483.
[3] Там же, стр. 482.

предназначалась для легальной печати, а потому и говорилось в ней «о противоположности классовых интересов» намеками. Еще более «рыбьим языком» пришлось говорить о классовой борьбе. Классовая борьба называлась «теорией классового антагонизма», требования рабочего класса назывались «формулировкой насущных интересов каких-то классов», борьба рабочего класса за свои требования называлась «утилизацией», рабочие назывались «участниками производственных отношений в наиболее развитом и чистом их виде», нелегальная работа — «невидной работой», отказ от борьбы за демократические требования, игнорирование их — «обрывом нити», социализм — «идеалами». Не только царской цензуре, но и читателю трудненько было расшифровать смысл нижеследующей цитаты:

«Если ставить те же вопросы применительно к теории классового антагонизма [для чего нужен, конечно, «пересмотр фактов» русской истории и действительности],— тогда ответы на них... будут предназначаться на практическую утилизацию (конечно, для *этой* «утилизации» требуется громадная подготовительная работа... по самому существу своему, невидная...) их именно этими заинтересованными классами и исключительно одними ими,—они будут рваться, говоря прекрасным выражением одного марксиста, из «тесного кабинета интеллигенции» к самим участникам производственных отношений в наиболее развитом и чистом их виде, к тем, на ком всего сильнее сказывается «обрыв нити», для кого «идеалы» «нужны», потому что без них им приходится плохо»[1].

В переводе на «русский язык» эта цитата значит:

«Если подходить к вопросу с точки зрения классовой борьбы (для этого нужно с этой точки зрения разобрать факты русской истории и действительности), тогда необходимо составить программу, которая формулировала бы практические требования рабочего класса, надо организовать борьбу за них рабочего класса (конечно, для такой борьбы требуется громадная подготовительная работа, притом работа, по существу своему, нелегальная). Программа должна обсуждаться не только в среде интеллигенции, но должна стать руководством к действию

[1] В. И. Ленин, Соч., т. I. стр 484.

широких масс рабочих, которые сильнее всего страдают от самодержавного строя и кровно заинтересованы в осуществлении социализма, ибо при капитализме их участь тяжела».

Не знаю, расшифровали ли цензоры эту столь иносказательно написанную цитату, во всяком случае дух ее поняли,— и сборник, для которого данная статья была написана за подписью: К. Тулин («Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», Спб., 1895 г.), был царской цензурой сожжен.

Классовая борьба должна окрашивать собой и всю культурную работу. Культурная работа не должна вырождаться в культурничество. Об этом говорил Ленин.

«Друзья народа»,— писал Ленин,— забыли об этой антагонистичности (т. е. противоположности классовых интересов.— *Н. К.*), утратили всякое чутье того, как «под покровом демократизма» и у нас, на святой Руси, прячутся чистокровные буржуа; и потому теперь они («Друзья народа».— *Н. К.*) реакционны (по отношению к пролетариату), так как замазывают антагонизм, толкуют не о борьбе, а о примирительной культурнической деятельности»[1] (разрядка моя.— *Н. К.*).

И далее: «...мы с поразительной наглядностью видим, до какой степени выдохлись эти идеи (народнические.— *Н. К.*), как потеряли они всякую цельную теоретическую основу, спустившись до жалкого эклектизма, до самой дюжинной культурническо-оппортунистской программы»[2] (разрядка моя.— *Н. К.*).

Необходимо знание, науку, в первую голову марксизм, дать в массы. В период работы в Питере Владимир Ильич работал, как и вся его группа, в рабочих кружках. Половину времени занятий в кружке он посвящал беседе с рабочими об их работе на фабрике, об условиях их труда и пр., а другую — читал с ними I том «Капитала» Маркса. Так приблизительно работали и другие товарищи. Члены нашей группы, работавшие в воскресной школе, как я уже сказала выше, стремились связать преподавание элементарного школьного курса с ознакомлением учеников со взглядами Маркса и Энгельса. «Теорию, учение

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 265—266.
[2] Там же, стр. 269.

Маркса и Энгельса — в массы!» — был лозунг того периода. И в ссылке, помогая в учебе рабочим, товарищам по ссылке, наша группа читала с ними «Капитал», «Коммунистический манифест» и пр. Через популярные брошюры, листки стремились тогдашние революционные марксисты, тогдашние социал-демократы, приблизить теорию к массе. Мы старались с этой целью научиться писать просто и понятно для рабочих. К этому периоду относится ряд брошюр, написанных Владимиром Ильичем для рабочих («Объяснение закона о штрафах», «Новый фабричный закон»). И понятно поэтому следующее место из письма Ленина Аксельроду от 16 августа 1897 г.: «Ваши и его (Плеханова.— *Н. К.*) отзывы о моих литературных попытках (для рабочих) меня чрезвычайно ободрили. Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих»[1]. Важность создать популярную литературу, популярный журнал для рабочих стояла в то время во весь рост.

Вот что писал по этому поводу Ленин в «Друзьях народа»: «... г. Михайловский говорит: «Маркс отнюдь не имел в виду именно этот круг читателей (рабочих) и ожидал кое-чего и от людей науки». Совершенно неверно: Маркс прекрасно понимал, как мало можно рассчитывать на беспристрастие и на научную критику со стороны буржуазных представителей науки, и в послесловии ко 2-му изданию «Капитала» высказался на этот счет совершенно определенно. Он говорит там: «Понимание, которое быстро встретил «Капитал» в широких кругах немецкого рабочего класса,— есть лучшая награда за мой труд. Г. Мейер, человек, стоящий в экономических вопросах на буржуазной точке зрения, в одной брошюре, вышедшей во время франко-прусской войны, изложил совершенно верную мысль, что выдающиеся способности к теоретическому мышлению (der grosse theoretische Sinn), считавшиеся наследственным достоянием немцев, совершенно исчезли у так наз. образованных классов, но зато снова оживают у них в рабочем классе» [2]. И в другом месте: «...наш автор (г. Михайловский.— *Н. К.*) с пафосом негодует против «этой науки, умещающейся чуть ли не в

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 34. стр. 4.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 144.

карманном словаре». Какой ужас, в самом деле: наука — и социал-демократические брошюры, стоящие гроши и умещающиеся в кармане!! Не ясно ли, до какой степени неосновательно самоуверены те люди, которые лишь постольку и ценят науку, поскольку она учит эксплуатируемых самостоятельной борьбе за свое освобождение, *учит сторониться от всяких «друзей народа», замазывающих антагонизм классов и желающих на себя взять все дело* (курсив мой.— *Н. К.*), и которые поэтому излагают эту науку в грошовых изданиях, так шокирующих филистеров. То ли бы дело, если бы рабочие предоставили свою судьбу «друзьям народа», они показали бы им настоящую, многотомную, университетскую и филистерскую науку, подробно ознакомили бы их с общественной организацией, соответствующей человеческой природе, если бы только... рабочие согласились подождать и не начинали сами борьбы с такой неосновательной самоуверенностью!» [1]

Особый интерес представляет то, что Ленин писал в эти годы об «интеллигенции». Сейчас (декабрь 1930 г.) перед нами прошел процесс «Промпартии», который чрезвычайно ярко вскрыл нутро буржуазной интеллигенции, примкнувшей к буржуазии и продолжающей ей служить в стране, где уже более десятка лет власть вырвана из рук буржуазии.

«Состав «интеллигенции»,— писал Ленин в «Друзьях народа»,— обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей: если в последнем царит и правит капиталист, то в первой задает тон все быстрее и быстрее растущая орава карьеристов и наемников буржуазии,— «интеллигенция» довольная и спокойная, чуждая каких бы то ни было бредней и хорошо знающая, чего она хочет... За этими пределами начинается либеральная и радикальная «интеллигенция», которая изливает бесчисленное количество фраз о прогрессе, науке, правде, народе и т. п., которая любит плакать о 60-х годах, когда не было раздоров, упадка, уныния и апатии, и все сердца горели демократизмом» [2], «... когда классовые антагонизмы буржуазного общества

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 169—170.
[2] Там же, стр. 276.

были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции...»[1]

«Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях»[2].

Таким образом, в «Друзьях народа» Владимир Ильич указывал на то, что социалистическая интеллигенция может стать силой, может вести только тогда плодотворную работу, если она примкнет к борьбе рабочего класса — класса, за которым будущее. Как-то раз, разговаривая с Лениным на эту тему в Сибири, мы говорили о Некрасове, о том, что интеллигент тогда только сила, когда он «утлый свой челнок привяжет к корме большого корабля», т. е. когда он свяжет свою судьбу с судьбой рабочего класса.

Вопрос о бессословной интеллигенции Ленин затронул также и в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Когда сословности был нанесен удар в 1861 г., интеллигенция стала на точку зрения либеральной буржуазии. Борьба за демократические реформы не есть что-то несовместимое с буржуазной точкой зрения. Когда под влиянием развития капитализма в крестьянстве началось расслоение, точку зрения мелкой крестьянской буржуазии стала отражать в своих высказываниях народническая интеллигенция. Приведу соответствующее место из высказываний Ленина.

«Если... все вообще общественные группы представляют из себя реальную силу только поскольку... они совпадают с общественными классами или к ним примыкают, то очевидно, что «бессословная интеллигенция» не есть реальная общественная сила» (70). В абстрактном теоретическом смысле автор, конечно, прав. Он ловит,

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 276.
[2] Там же, стр. 278.

так сказать, народников на слове. Вы говорите, что на «иные пути» должна направить Россию интеллигенция — вы не понимаете, что, не примыкая к классу, она есть нуль. Вы хвастаетесь, что русская бессословная интеллигенция отличалась всегда «чистотой» идей — поэтому-то и была она всегда бессильна. Критика автора ограничивается сопоставлением нелепой народнической *идеи* о всемогуществе интеллигенции с своей совершенно справедливой *идеей* о «бессилии интеллигенции в экономическом процессе» (71). Но такого сопоставления мало. Чтобы судить о русской «бессословной интеллигенции», как об особой группе русского общества, которая так характеризует всю пореформенную эпоху — эпоху окончательного вытеснения дворянина разночинцем,— которая, несомненно, играла и продолжает играть известную историческую роль, для этого нужно сопоставить идеи и еще более программы нашей «бессословной интеллигенции» с *положением и интересами данных классов русского общества*... Русская передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной. «Бессословность» нимало не исключает классового происхождения идей интеллигенции. Всегда и везде буржуазия восставала против феодализма во имя бессословности — и у нас против старо-дворянского, сословного строя выступила бессословная интеллигенция. Всегда и везде буржуазия выступала против отживших сословных рамок и других средневековых учреждений во имя всего «народа», классовые противоречия внутри которого были еще не развиты, и она была, как на Западе, так и в России, права, так как критикуемые учреждения стесняли действительно *всех*. Как только сословности в России нанесен был решительный удар (1861),— тотчас же стал обнаруживаться антагонизм внутри «народа», а наряду с этим и в силу этого антагонизм внутри бессословной интеллигенции между либералами и народниками, идеологами крестьянства (внутри которого первые русские идеологи непосредственных производителей не видели, да и не могли еще видеть, образования противоположных классов). Дальнейшее экономическое развитие повело к более полному обнаружению социальных противоположностей в русском обществе, заставило признать факт разложения

крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат. Народничество совсем уже почти превратилось в идеологию мелкой буржуазии, отделив от себя марксизм»[1].

В «Задачах русских социал-демократов» (1897) Ленин подробно останавливался на двуличности мелкой буржуазии:

«Мелкая буржуазия двулична по самой своей природе, и тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам, пытается задержать историю, способна поддаться на эксперименты и заигрывания абсолютизма (хотя бы в форме «народной политики» Александра III), способна заключить союз с правящими классами против пролетариата *ради* укрепления своего положения, как *мелких собственников*. Образованные люди, вообще «интеллигенция» не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой оппозиционный и революционный пыл за казенное жалованье или за участие в прибылях или дивидендах. Что касается до демократических элементов в угнетенных народностях и в преследуемых вероучениях, то всякий знает и видит, что классовые противоречия внутри этих категорий населения гораздо глубже и сильнее, чем солидарность всех классов подобной категории против абсолютизма и за демократические учреждения. Только один пролетариат может быть — и, по своему классовому положению, не может не быть — последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, не способным ни на какие уступки, компромиссы. Только один пролетариат может быть *передовым борцом* за политическую свободу и за демократические учреждения, ибо, во-1-х, на пролетариате политический гнет отражается всего сильнее, не находя никаких коррективов в положении этого класса, не имеющего ни доступа к верховной власти, ни даже доступа к чиновникам, ни влияния на общественное мнение»[2].

---

[1] В. И Ленин, Соч., т. 1, стр. 401—402.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 311—312.

Социалистическая интеллигенция становится марксистской. В среде ее все большее место начинает занимать «рабочая интеллигенция». О ней писал Ленин в статье «Попятное направление в русской социал-демократии», написанной в конце 1899 г. Привожу соответствующее место:

«В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике,— находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». В России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии»[1].

В «Проекте программы нашей партии», написанной в том же 1899 г., Ленин указывает еще на один слой интеллигенции — на сельских учителей: «Затем, не надо забывать и деревенской интеллигенции, напр., народных учителей, которые находятся в таком приниженном, и материально и духовно, положении, которые так близко наблюдают и на себе лично чувствуют бесправие и угнетение народа, что распространение среди них сочувствия социал-демократизму не подлежит (при дальнейшем росте движения) никакому сомнению»[2].

Характеристика, которую дал за период 1894—1900 гг. Владимир Ильич «интеллигенции», и по сию пору имеет актуальнейшее значение. Сейчас, в связи с процессом «Промпартии», каждый «интеллигент» неизбежно должен поставить и ставит себе вопрос о том, с какой партией связывает он свою судьбу: с умирающей буржуазией или с рабочим классом? Жизнь ставит точки над «i». Процесс «Промпартии» показал лицо современной «интелли-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 258.
[2] Там же, стр. 232.

генции», идущей за крупной буржуазией. Процесс Кондратьева показал лицо интеллигенции, связывающей свою судьбу с судьбой верхних слоев мелкой буржуазии, с судьбой кулачества. Все внимание правительства и партии направлено сейчас на формирование своей, рабочей интеллигенции, на вооружение ее необходимыми знаниями. Эта рабочая интеллигенция органически, неразрывно связана с рабочим классом. Весь вопрос сейчас в том, как в возможно более короткий срок овладеть ей необходимыми знаниями, как перестроить с помощью этих знаний буржуазную культуру в культуру социалистическую.

1931 г.

ЛЕНИНСКИЕ ДНИ

(ДОКЛАД В ИНСТИТУТЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ПЕДАГОГИКИ)

В последнее время внимание всех привлекает вопрос о том, что говорил Владимир Ильич по философии, как он занимался философией, как к ней подходил. Я не буду подробно на этом вопросе останавливаться. Скажу только, что философия для Владимира Ильича была тоже орудием борьбы, и еще в Сибири он чрезвычайно много занимался вопросами философии, конечно, постольку, поскольку там под руками были соответствующие книги. Библиотеки не было там, конечно, никакой, а были книги, которые удалось с собой привезти. Над этими книгами Владимир Ильич и работал. Тогда уже он придавал занятиям по философии чрезвычайно большое значение. Ему приходилось спорить с т. Ленчиком по некоторым философским вопросам, и он тогда подчеркивал, что философия нужна для того, чтобы найти правильный подход к оценке всех явлений. Мы видим, что действительно во всех подходах ко всем вопросам он стоит на точке зрения диалектического материализма. Он умел брать каждое явление, каково бы оно ни было, не как нечто закостенелое, — он каждое явление берет в развитии, в той обстановке, в какой дело происходит, берет его во всех опосредствованиях. Надо сказать, что Владимир Ильич любил иногда заглянуть вдаль и помечтать о будущем. Я помню один разговор о войне. Это было в начале 1918 г. в Петрограде. Владимир Ильич говорил, что современная техника сейчас все более и более помогает разрушительному характеру войны. Но будет такое время, когда война станет настолько разрушительной, что она вообще станет невозможной. Потом к этому вопросу Вла-

димир Ильич вернулся в 1920/1921 г. Он рассказывал мне про один разговор с инженером, который говорил, что сейчас на очереди стоит такое изобретение, что можно будет на расстоянии уничтожить большую армию. Это сделает всякую войну невозможной. Ильич с большим увлечением говорил об этом. Видно было, как страстно он хотел, чтобы война стала невозможной. Ильич брал вопрос о войне в его развитии. К какому бы вопросу он ни подходил, он брал явления не в застывшем виде. С самого начала, когда он стал марксистом, он ясно себе представлял ту громадную роль, какую сыграет рабочий класс в истории. Он в самых первых статьях говорил о той громадной исторической роли, которую суждено сыграть рабочему классу. Но в то же время, говоря о рабочем классе, он говорил всегда о конкретном рабочем классе. Говоря о нашем русском рабочем классе, он говорил о том, что собой в данный момент этот класс представляет.

На разных стадиях развития за все годы революционной деятельности каждый раз он отмечал особенности рабочего класса на данном этапе. Он указывал на все то, что помогает развитию рабочего класса, указывал на то, что связывает по рукам рабочий класс в его борьбе. И этот вопрос он умел ставить, всегда беря его в его развитии. Недавно Горький прислал письмо, в котором он вспоминает разговор с Лениным, который происходил в 1919 г. Владимир Ильич жил в Горках. Горький приехал взволнованный бытовыми вопросами и рассказывал, как в Ленинграде рабочие не умеют беречь общественного имущества. Они разбирали деревянные дома на топливо. Горький указывал, что попутно рабочие били стекла, бросали кровельное железо и все ломали. Страшно неэкономно все делалось, и было небрежное отношение к общественному труду и общественному имуществу. Горький говорит, что Владимир Ильич промолчал и ничего не сказал, и он подумал, что не следовало бы рассказывать Владимиру Ильичу таких мелочей. Потом, когда они пошли на прогулку, Владимир Ильич сказал: «Напрасно вы думаете, что это мелочи, это совсем не мелочи, это чрезвычайно важный и большой вопрос. Бережное отношение к обще-

ственному имуществу, умение экономить и сохранять общественное имущество — это большое дело. Но дело в том, что сознательное отношение к труду должно длительно воспитываться. Нельзя сейчас от рабочих, которые жили при капитализме и только несколько лет живут при Советской власти,— нельзя требовать от них сознательного отношения к труду. Если у них будет сознательное отношение к труду, значит они будут социалистами, а это сразу не дается».

В данном конкретном случае, как всегда, Владимир Ильич прекрасно видел и ни на минуту не забывал той роли, какую сыграет рабочий класс во всем движении, но в то же время, понимая и изучая рабочий класс, он знал все его недостатки.

Если вы просмотрите целый ряд его статей, вы увидите это чрезвычайно трезвое отношение к рабочему. У Владимира Ильича совершенно исключительное отношение к рабочим. Он говорил, что до конца положиться мы можем только на рабочий класс. Говоря это, он в то же время тщательно изучал все особенности рабочего в данный период. То же самое мы имеем и в отношении крестьянства. На разных стадиях развития крестьянства он понимал роль отдельных прослоек. Он видел, как под влиянием революционного движения внутри крестьянства меняется соотношение прослоек. Интересно это проследить на протяжении всех лет.

Подходя к вопросам культуры, Владимир Ильич также не брал вопросы культуры как нечто неизменное, неменяющееся, а брал культуру во всех ее опосредствованиях. В своей первой большой работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» он подробно останавливается на взаимоотношениях экономики, политики и культуры. Как-то Энгельс в одном из писем указывал на неправильный подход, когда резкую грань ставят между причиной и следствием и говорят: «Это причина, а это следствие» — и не видят их взаимодействия. В этом отношении интересно, как Владимир Ильич брал вопросы культуры. Как марксист, он понимал все значение экономики. Как раз книга «Что такое «друзья народа» посвящена полемике с народниками. Народники к вопросам культуры подходили чрезвычайно

наивно. Им казалось, что просто от непонимания зависит то, что у нас такой низкий уровень культуры, и все дело только в том, что надо кого-то убедить в том, что надо поднять культуру на более высокий уровень.

Южаков строил планы о том, как покрыть всю страну гимназиями. Это при царизме, при мелком, нищем крестьянском хозяйстве. Народникам вообще и Южакову в частности казалось, что все это не имеет значения: какую хочешь культуру — такую и построишь. Против этого возражал Ильич и доказывал, что определенному экономическому уровню соответствует и определенный вид культуры. Тут есть определенные границы, многое зависит еще и от политического уклада. Целый ряд звеньев определяет культурное развитие. Он возражал народникам, которые думали, что при царизме на любом экономическом уровне можно построить любую культуру. Возражая, он в то же время указывал на важность культурного развития и на то, как более высокий культурный уровень в свою очередь способствует экономическому развитию Эта книга — «Что такое «друзья народа» — написана в 1894 г. Там Владимир Ильич определенно указывает на взаимодействие между уровнем экономическим и культурным. В дальнейшем в своих произведениях Владимир Ильич также останавливается на этом вопросе. Если внимательно читать из тома в том его произведения, то можно наблюдать такую вещь, что одна и та же мысль, одна и та же идея у него повторяется на протяжении многих лет. Он опять вновь и вновь возвращается к какой-нибудь раз уже высказанной мысли, только он по-другому ее излагает. Он берет ее в данной конкретной обстановке. Вот, например, в книге «Что такое «друзья народа» он приводит пример, как на определенном экономическом уровне в мелком крестьянском хозяйстве, где каждый работает только на своем клочке земли, когда он мало имеет дело с другим хозяйством. как каждый заботится о себе и как вырастает психология: «каждый за себя, и бог за всех». Он об этом писал в 1894 г., и потом гораздо позднее, в 1920 г., уже при Советской власти, выступая на беспартийном собрании в Краснопресненском районе, он повторяет ту же мысль. Только он сейчас делает из нее целый ряд выводов: обращаясь к рабочим, связанным тесно с деревней, беспартийным рабочим, он говорит о том, что при Советской власти представление

о том, что «каждый за себя и бог за всех», не может иметь места. Сейчас надо общими усилиями добиться другого порядка. Первый раз, когда он говорил, он только констатировал факт. Теперь он этот факт опять приводит, но приводит, чтобы показать, что с этим фактом надо бороться. Обращаясь к массе беспартийных рабочих, он указывает на это и зовет их к другому порядку. Характерно, что в произведениях Владимира Ильича одна и та же мысль на протяжении многих лет повторяется. Но каждый раз в определенной конкретной обстановке эта мысль как-то оживает, делается более актуальной, более близкой и более понятной. И каждый слышит эту мысль по-новому, потому что она берется как-то по-новому,— это не есть просто повторение старого. В мыслях о культуре мы видим то же самое. В 1918 г. Владимир Ильич писал статью «Очередные задачи Советской власти». Кстати сказать, эта статья до чрезвычайности актуальна. Она имеет значение и для данного момента. Там Владимир Ильич говорит о производительности труда, о том, каким путем поднять производительность. Он указывает, что основное, что необходимо,— это развитие индустрии, развитие промышленности, а другое, что необходимо и что имеет громадное значение,— это поднятие образования и культурного уровня. О культурном уровне он говорит как о факторе, который влияет на поднятие производительности труда. Как многие хозяйственники смотрят на культуру? Им кажется, что культура не важна и что самое важное — это только машины для развития промышленности, и они думают, что культура никакой роли не играет. Часто можно видеть, как хозяйственник выпирает библиотеку и вместо библиотеки устраивают какую-нибудь контору, которую можно сделать в другом месте. И когда рабочий напирает в отношении культуры, хозяйственник как бы делает уступку и не понимает всего того значения, какое имеет культура, которая в свою очередь влияет на экономику и влияет на сознательное отношение рабочих к труду. Для поднятия производительности труда нужны не только машины, но нужно сознательное отношение рабочих к труду. Это в значительной степени зависит от образовательного уровня. Об этом говорил Владимир Ильич в 1918 г., потом — в 1923 г., в последних своих статьях, которые он диктовал, уже будучи больным, в которые он старался

вложить все то, что он хотел передать товарищам, остающимся на работе. Он особенно обдумывал эти статьи. И тут мы видим, что он опять говорит о той громадной работе, которую надо произвести в крестьянстве, чтобы поднять деревню до уровня города. Последняя его статья, которую он хотел продиктовать, но уже не смог,— это была статья о ликвидации безграмотности. Он хотел связать вопросы ликвидации неграмотности с вопросами производственной пропаганды, вопросы, которым он точно так же придавал громадное значение. Мы видим, что в статьях 1894 г. и 1918 г. и в 1923 г. вопросы культуры везде выступают у Владимира Ильича, и он со всей силой подчеркивает значение культуры, ни на одну минуту не забывая того, что культура вырастает на базе определенного экономического уровня. Владимир Ильич не берет культуру как нечто изолированное, взятое вне времени и пространства. Он эту культуру считает увязанной со всеми сторонами жизни. На II съезде политпросветчиков он говорил, что раз назвались политпросветчиками, то вам до всего должно быть дело. В стране процветает взяточничество. Если вы действительно политпросветчики, если вы по-настоящему поднимаете культуру, то вы должны поставить себе задачей борьбу со взяткой. Он говорил не об административной борьбе со взяткой, а о такой борьбе, когда создается определенное общественное мнение, которое делает невозможным эту взятку. Эту увязку со всеми сторонами жизни Владимир Ильич неустанно подчеркивал. Это придавало его высказываниям о культуре чрезвычайно большую конкретность, и отсюда понятно то, что он говорил о пролеткульте. Почему он спорил с пролеткультом? Потому что пролеткульт эту сторону, увязку культуры со всеми сторонами жизни, недоучитывал. Пролеткультовцы думали, что можно построить специальную пролетарскую культуру, которая не будет связана со всей окружающей жизнью, т. е. культуру, которая будет представлять нечто обособленное, нечто замкнутое.

Против этого резко возражал Владимир Ильич. И в то же время вы у него часто встречаете выражение «пролетарская культура». Но он пролетарскую культуру понимал совершенно в другом смысле. И в своей первой большой книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют про-

тив социал-демократов?» в 1894 г. он там уже говорит о буржуазной культуре. Слов «пролетарская культура» он не употреблял еще, но говорил о том, что рабочие враждебны буржуазной культуре. Это очень характерно. Он ясно и четко ставит вопрос о том, что нет культуры вообще «какой-то», а есть культура определенного класса. И вот об этой классовой буржуазной культуре он говорит в первом своем большом произведении. Конечно, рабочий класс строит свою культуру, но ту культуру, о которой говорил Владимир Ильич, он ее мыслил увязанной со всеми сторонами жизни и заключающейся не в создании какой-то специфической, пролетарской литературы, а он считал, что пролетарская культура должна пропитывать насквозь всю жизнь, на все влиять и на все класть свой отпечаток. В этом было отличие точки зрения Владимира Ильича от пролеткультовской. Как он смотрел на буржуазную культуру? Характерно, что он говорил об этой буржуазной культуре позже, в «Очередных задачах Советской власти». Он говорил, что буржуазная культура подняла массы на более высокую ступень. С одной стороны, он видит положительную сторону буржуазной культуры, и эту сторону он часто подчеркивал. Сравнивая полукрепостническую культуру с культурой страны, где развит капитализм, он показывал, что наша полукрепостническая культура, выросшая на базе мелкого хозяйства, значительно ниже буржуазной культуры. И в то же время он пишет, что рабочие буржуазных стран находятся в культурном рабстве. Тут он видел другую сторону культуры. Владимир Ильич берет культуру во всей ее сложности. С одной стороны, буржуазная культура подняла рабочего на более высокую ступень, а с другой стороны, в силу классового своего характера эта культура подавляет рабочего. Владимир Ильич брал понятие о культуре во всей его сложности. Это чрезвычайно характерно для Владимира Ильича. Вспоминается мне один разговор с Владимиром Ильичем, когда он был болен. Я прихожу и рассказываю, что я прочитала в одном американском журнале, что американцы собираются к такому-то году ликвидировать свою безграмотность. А когда мы ликвидируем,— это неизвестно. Он говорит: «Мы можем к тому же сроку ликвидировать, только при том условии, если массы возьмутся». Это «если массы возьмутся» характерно для всей точки зре-

ния Владимира Ильича. Он смотрел на массы как на главнейший движущий фактор, который создаст нечто новое.

Характерны высказывания Владимира Ильича по вопросу о науке. Он тоже науку не просто брал как нечто отвлеченное,— он брал науку в зависимости от того, в руках какого класса она находится. Одно значение имеет наука, когда она в руках класса капиталистов, другое значение,— когда она в руках пролетариата.

В своей речи на III съезде Советов Владимир Ильич сказал: раньше наука была в руках буржуазии, в руках немногих, была средством порабощения масс, она была в руках этой небольшой кучки средством эксплуатации, а отныне, при Советской власти, наука никогда не будет служить целям эксплуатации, все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием. Этот подход к науке чрезвычайно характерен. Это было в начале 1918 г., когда процветал саботаж, когда учителя и инженеры бастовали, и Владимир Ильич говорил, что люди из науки делают барьер, хотят науку использовать только в одном направлении и хотят быть на службе у капиталистов, чтобы наука служила капиталу, а не массам. В одной из своих речей, тоже в начале 1918 г., он говорит, что ум десятков миллионов создаст гораздо более высокое, чем самый великий гений. Эти слова особенно характерны для Владимира Ильича. Учение о роли массы, о творческой значимости массы, о чем Маркс и Энгельс не раз говорили, это было воспринято Владимиром Ильичем и развито им полностью. И во всем и всегда Владимир Ильич так подходил.

Недавно праздновали десятилетие плана ГОЭЛРО. По этому вопросу была переписка Владимира Ильича с Кржижановским. Многим попадалась, вероятно, эта переписка. Там Ленин говорит, что надо перед массами поставить большую практическую задачу — электрифицировать страну, надо зажечь массы желанием добиться электрификации, вовлечь массы в это дело.

В последних своих статьях Владимир Ильич писал, что для того, чтобы построить социализм, нам надо сейчас добиться крупной индустрии,— в этом, и только в этом, наша надежда. Надо с обнищалой лошади пересесть на лошадь крупной индустрии, на лошадь Волховстроя.

Как он мыслил себе построение этой крупной индустрии? Он не мыслил, что это можно сделать приказом. Еще раньше, перед этим, он поставил вопрос о социалистическом соревновании, о вовлечении при помощи соцсоревнования рабочих в дело строительства крупной промышленности. Когда он это писал, тогда это практически не нашло применения, потому что тогда условия были таковы, что это не могло широко развиться. Когда Владимир Ильич писал, это было такое время, когда рабочие не столько думали о производительности труда и о повышении производительности труда, сколько о том, что теперь они хозяева. Я помню, как в Политпросвет пришла одна работница и рассказывала, что они сегодня не работают, так как: «Мы хозяева, так мы постановили не работать». Вот какая была психология! Это надо было пережить. Это была определенная стадия, которая была неизбежна. Из года в год у нас сознательность росла. Теперь мы видим, какой размах приняло это соцсоревнование и как воспитывается сознательное отношение к труду.

Какую бы мысль, какую бы идею Владимир Ильич ни выставлял, он всюду на первый план выдвигал самодеятельность массы. Это является характерной чертой марксизма вообще. Сохранилась переписка Маркса и Энгельса по поводу Лассаля, в которой Маркс говорил, что ошибка Лассаля была в том, что он думал, что прусское правительство поможет рабочим, а на самодеятельность рабочих не обращал внимания. Маркс подчеркивал, что в этом у него всегда было расхождение с Лассалем. Самое важное, что́ Маркс считал,— это необходимость поднять самодеятельность масс. Все рабочее движение идет по этой линии, и когда Владимир Ильич в последнее время в своих статьях писал о культурной революции, он точно так же имел в виду эту самодеятельность масс.

В чем заключается культпоход? Он заключается в том, что за дело взялась сама масса. Культпоход явился результатом самодеятельности масс. Характерно, что в самой отсталой Центрально-Черноземной полосе, которая более всех была затоптана помещиками, самодеятельность масс выявилась наиболее бурно. Тов. Шацкий рассказывал, как ликбезники сидят в избе и крестьянин, который пускает задаром к себе в избу ликбезников, сидит и чинит топором карандаш. Помогают друг другу в учебе

чем могут. На этой почве выросло большое движение. В нем ребята и взрослые принимают участие.

Сейчас, семь лет спустя после смерти Владимира Ильича, особенно понятными и близкими делаются некоторые его лозунги. Многое из того, что он в свое время говорил и на что тогда не обращалось должного внимания, теперь становится особенно понятным и особенно актуальным. Например, его статья «Очередные задачи Советской власти», написанная в 1918 г., сейчас до чрезвычайности актуальна, как и речь Владимира Ильича на III съезде комсомола, сказанная в 1920 г.; комсомольцы перепечатали ее в двух миллионах экземпляров и проработали у себя в ячейках. И правильно сделали, ибо эта речь является сейчас руководством к действиям и имеет сейчас колоссальное значение. Сейчас она тому же комсомолу гораздо понятнее и ближе, чем она была в тот момент, когда была сказана. Сейчас развитие крупной промышленности будит сознательность. Пожалуй, больше всего это отражается на молодежи. Молодежь особенно впечатлительна. И строительство крупной индустрии особенно захватило молодежь. Мы видим, что молодежь идет в первых рядах ударничества, идет впереди по соцсоревнованию, что она охвачена громадным энтузиазмом и на этом деле чрезвычайно растет. И больше, может быть, она в этом отношении захвачена, чем взрослое население. Теперь, когда растет молодежь, и особенно понятны ей те лозунги и те указания, которые в свое время делал Владимир Ильич. Именно благодаря тому, что они теперь более понятны, ближе и яснее выступают на фоне нашего теперешнего развития, особенное значение имеет то дело, которое мы все начали,— это собирание того, что говорил Владимир Ильич в разные эпохи и в разное время. И не только те специальные статьи его, которые писаны по вопросам культуры, но важны все высказывания его по этим вопросам. У Владимира Ильича нельзя оторвать вопроса культуры от всех других вопросов. Все это связано в один узел, и, чтобы понять по-настоящему Ленина, нужно брать его высказывания во всех опосредствованиях. У нас много цитируют Ленина. Редкая статья по культуре написана без цитаты. Но эти цитаты вырываются из разных периодов и поэтому хотя читаются с интересом, но потом забываются, потому что не видно тех опосредство-

ваний, в которых они были сказаны. Мне кажется, что здесь нужна большая коллективная работа над собиранием всего того, что сказал Владимир Ильич. Нет собрания всех декретов, которые были изданы Владимиром Ильичем по вопросам культуры, а между тем таких декретов было достаточное количество, и декретов, которые близко соприкасаются с вопросами культуры. Тут очень большая работа, и эту работу можно проделать, если просвещенческие массы коллективно за нее возьмутся [1].

*

Вспоминается первое время знакомства с Владимиром Ильичем. Это было в 1894—1895 гг. в Ленинграде. Владимир Ильич тогда ходил в рабочие кружки, и интересно, как он проводил занятия в рабочих кружках. Половину времени он уделял на то, чтобы объяснять рабочим «Капитал» Маркса. Надо сказать, это может показаться странным, что как это он такую трудную и толстую книгу сразу несет рабочим, неквалифицированным рабочим 1894 г., рабочим, мало еще развитым, идет с объяснением научной большой книги. Это вытекало из всех взглядов Владимира Ильича. Он не считал, что рабочему надо давать что-то такое упрощенное, а считал, что ему нужно дать всю науку целиком. И, как все марксисты, он получал страшно много от Маркса и считал, что рабочему тоже надо рассказать, что Маркс говорил. Учение Маркса Владимир Ильич считал чрезвычайно важным, так как это — учение, которое дает возможность видеть далеко вперед. С рабочими он занимался чтением Маркса половину времени, а половину времени он употреблял на то, чтобы спрашивать рабочих об их условиях труда и об условиях жизни. И один рабочий в своих воспоминаниях говорит: «Вспотеешь,— так закидает вопросами».

Характерно, что в разговоре с рабочими Владимир Ильич очень внимательно вслушивался и во все, что рабочий говорит, и как он говорит. Разговаривая с рабочим где-нибудь в кружке или с каким-нибудь приезжим товарищем рабочим позднее, за границей, Владимир Ильич

[1] Затем Н. К. Крупская по просьбе рабочих, присутствовавших на докладе, поделилась личными воспоминаниями о В. И. Ленине (текст следует ниже).— *Ред.*

потом долго ходит по комнатам и этот разговор со всех сторон обдумывает.

Владимир Ильич обладал умением вслушиваться и обдумывать каждую мелочь. После 1905 г. он мне как-то говорит: «Ты замечаешь, как рабочие никогда не говорят 1905 год, а говорят просто «пятый» год. Это показывает, что рабочий этот пятый год выделяет, что он оставил глубокое впечатление. И они прямо считают достаточным употребить слово «пятый». И потом сам стал писать «пятый». Владимир Ильич внимательно вдумывался во все, что говорил рабочий, и старался подхватить каждую инициативу. В 1917 г. мы приехали из-за границы в Россию. Перед Октябрьской революцией приходилось со многими рабочими разговаривать. Помню, один шахтер приехал и рассказал, как рабочие захватили шахты и организовали правильную охрану всех машин, как организовали снабжение и т. д. Владимир Ильич говорил: «Вот у кого нужно учиться!»

И каждую инициативу рабочих он подхватывал. Я помню, мы в пятом году, когда приехали из-за границы, остановились в гостинице, и прислуживающие девушки, собираясь на собрание, обсуждали политические вопросы. Я, помню, пошла на собрание и потом рассказала Владимиру Ильичу о том, что там говорилось и как выступали работницы. Владимир Ильич лестно отозвался о моих наблюдательских способностях. После этого я привыкла, когда что-нибудь наблюдаешь или разговариваешь, мысленно уже формулировать, как я это расскажу Владимиру Ильичу. До сих пор я себя ловлю, что мысленно формулирую то, что надо бы, хотелось бы рассказать Ильичу. Он умел научить ряд товарищей вслушиваться и присматриваться к тому, что говорят рабочие. Еще в самом начале, когда он был в ссылке, он писал за границу Плеханову и Аксельроду: «Ничего бы я так не хотел, как научиться писать для рабочих». В своих статьях, писанных для рабочих, Ильич ставил вопросы по-серьезному: не упрощая, не вульгаризируя, но говоря все, что надо сказать.

В своих воспоминаниях о 1917 г. один рабочий говорил: «Он с нами всегда всерьез говорил». Он вслушивался в то, что говорит рабочий, и сам говорил всерьез, как с близким товарищем. Поэтому рабочие относились

к нему, как к особенно близкому человеку, который умеет подойти, умеет передать и рассказать свои мысли. Он часто рассказывал о своих разговорах с рабочими по поводу того или другого события. В последнее время он уже болен был: у него последний год пропала способность речи, и он только мимикой и жестами мог выражать свои мысли. Раз его провезли по дороге, он видит, что рабочий красит крышу; он быстро здоровой рукой снимает фуражку. Помню, приехал сапожник снимать мерку для протеза, и в то же время — доктор. Он на доктора не обращает внимания, а рабочему подвигает еду, всячески его угощает.

Вообще доктора охраняли Владимира Ильича от посещений.

Владимир Ильич говорил как-то, что в совхозах надо разводить новые растения, совхозы должны быть показательными, нужно из-за границы выписывать новые сорта растений. Мне вспоминается, как в 1920 г., зимой, Ильич ездил в деревню Горки поговорить с крестьянами. Говорил и, между прочим, о том, что совхозы должны быть показом. Я помню, стоит один крестьянин и говорит: «Да должны-то должны, но какое хозяйство в совхозе в Горках, лошадей к весне подвешивают — так плохо их кормят». В связи с этим разговором помнится и другой. Както идем мы в Горках, а навстречу нам идет заведующий хозяйством. Владимир Ильич говорит: «Как вы помогаете крестьянам?» А тот отвечает: «Капусту им продаем». Даже вопроса не понял.

Во время болезни Владимира Ильича рабочие узнали от кого-то, что Владимир Ильич интересуется разведением растений, и привезли отростки молодых яблонь, и стали звать его вниз с ними поговорить. Ильич пошел. Характерно то, что, хоть Владимир Ильич не мог уже и тогда говорить, они этого не заметили, и на другой день писали в газете, что Владимир Ильич говорил им то-то и то-то. Настолько у него была выразительна мимика, что они не заметили, что он не может говорить, настолько взаимное понимание было достигнуто, что могла иметь место такая ошибка.

Как-то в канун нового года в 1918 г. в Ленинграде я агитировала Владимира Ильича поехать в Выборгский

район. В манеже была большая встреча нового года, часть рабочих ехала на фронт. Владимир Ильич остался очень доволен вечером, и рабочие, очень довольные, принялись его качать. От этого вечера у него осталось светлое впечатление. Потом мы тут, уже в Москве, жили, вспомнили Выборгский район и под новый год в 1920 г. поехали по районам.

Вся эта тяга к рабочим у Ильича была связана с пониманием той роли рабочего класса, которую, по убеждению Владимира Ильича, он должен сыграть, она была связана со всеми надеждами, которые он возлагал на рабочий класс. Это отношение к рабочему классу вытекало из его понимания тех задач, которые стоят перед рабочим классом.

1931 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА XV ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

Товарищи, однажды, когда я говорила с Владимиром Ильичем о ликвидации неграмотности, о темпах, которыми должна идти ликвидация неграмотности, он сказал — все дело в том, чтобы сами массы взялись за ликвидацию неграмотности, чтобы они сами взялись за строительство культуры.

Тов. Бубнов на карте показывал вам, как быстро за последние годы стала у нас расти ликвидация неграмотности. Чем это объясняется? Это объясняется именно тем, что массы сами взялись за это дело. Вы знаете, что сейчас ликвидация неграмотности идет совершенно другими путями, чем она шла раньше, что сами рабочие и работницы, колхозники и колхозницы взялись за это дело вплотную, и именно благодаря этому мы видим такой быстрый рост этого дела.

Но ведь вопрос не только в ликвидации неграмотности; нам надо чрезвычайно повысить нашу культурность. Об этом много раз говорил Владимир Ильич — о необходимости поднять культуру масс совершенно на другой уровень. Ведь если у нас поднимется культура, то сила наша возрастет во много раз. Каждый из вас знает, как недостаток знаний, недостаточное овладение знаниями, неумение пользоваться книжкой и всякими справочниками,— как все это постоянно становится поперек дороги и как оно мешает развернуться по-настоящему работе сельских советов, горсоветов, как оно мешает развернуть вглубь работу профсоюзов, как оно мешает коллективизации. Если мы поднимем культурный уровень широких масс, то этим самым мы силу и мощь нашей страны уве-

личим во много раз. И это понимает каждый рабочий, каждая работница, каждый колхозник, каждая колхозница. Вы сами знаете, как велика жажда к знанию. В этом отношении, действительно, можно сказать, что мы подходим вплотную, и уже отчасти даже подошли, к культурной революции.

Ведь в чем гвоздь культурной революции? В том, что массы сами с боя завоевали себе знания,— вот в этом заключается задача данного момента.

Те громадные сдвиги, которые мы имеем в хозяйственной области, в области промышленности, в области коллективизации,— ведь эти громадные сдвиги требуют того, и массы это великолепно понимают, требуют того, чтобы все знания поднимались на более высокую ступень.

Недавно т. Сталин на конференции хозяйственников говорил о том, что надо овладеть техникой. Четко и ясно поставил он целый ряд задач. Его речь вооружает массы — она понятна каждому. Он говорил о том, что нас за нашу отсталость, и в том числе за нашу культурную отсталость, били. Вот это-то каждый рабочий, каждая работница испытывают на себе,— они видят, как наша культурная отсталость мешает развернуть работу по-настоящему.

Говорил т. Сталин еще, что мы отстали на 50—100 лет. Мы отстали, действительно, в культурном отношении. Если мы сравним наш культурный уровень с культурным уровнем более передовых в промышленном отношении стран, то мы должны прямо сказать, что отсталость у нас громадная. Но в то же время т. Сталин выдвинул задачу — в 10 лет догнать. И я думаю, что просвещенцы, а с ними и вся громадная масса рабочих и крестьян, скажут: да, мы должны проделать на нашем фронте громаднейшую работу в течение 10 лет.

Дальше — надо овладеть техникой. В реконструктивный период техника имеет решающее значение. Да, товарищи, это совершенно необходимо. Недавно я получила письмо от одной уральской работницы-культармейки. О чем она пишет? Она пишет: «Надо всю работу политпросветов, начиная от ликвидации неграмотности, связать непосредственно с производством». Она пишет: «Я ездила по разным заводам и вижу, что рабочие не

будут сидеть и изучать буквы, слова, если это не будет связано с тем, что их в данную минуту больше всего интересует, больше всего захватывает».

Что их больше всего интересует? Их интересует ударничество, соцсоревнование, борьба за промфинплан. Если мы нашу культурную работу будем строить в стороне от этих задач, она не будет продвигаться. Но если мы сможем всю эту культурную работу связать, и тесно связать с теми задачами по социалистическому строительству, которые перед нами стоят, тогда культурная работа может быстро развернуться во всю ширь.

Мы строим школу политехническую. Мы вооружаем подрастающее поколение. Мы должны вооружить его в нашей политехнической школе знанием техники, всесторонним знанием техники. Мы должны показать связь этой техники со всеми сторонами жизни. В этом гвоздь политехнической школы. Но мы политехническую школу, настоящую политехническую школу, не можем построить только силами просвещенцев — нам нужна громадная помощь со стороны самих масс, со стороны рабочих и работниц, со стороны колхозников и колхозниц, со стороны основной массы крестьянства. Нам необходимо сделать нашу школу по-настоящему школой, которая вооружает молодежь новыми знаниями, дает ей новые силы и которая вместе с тем воспитывает коммунистически эту молодежь. Вот какие громадные задачи стоят перед нами.

Мы о политехнической школе говорим давно, но только сейчас, когда растет в массах сознательное отношение к труду, когда мы в области индустрии, в области коллективизации продвинулись вперед,— со стороны широких масс мы можем в строительстве политехнической школы найти полную поддержку, и мы видим, как за последние месяцы это дело стало быстро продвигаться вперед.

Но, конечно, того, что сделано, еще чрезвычайно мало. Необходимо, чтобы в каждой нашей школе дело падало не только на одного учителя, а на десятки культармейцев, которые помогали бы всячески школе проводить в жизнь то, что школа должна провести. Культармеец-рабочий и работница, которые знают производство, могут провести экскурсию, могут показать, как работать у станка. И не только это — они могут рассказать

ярко, красочно, как не сумеет рассказать ни один учебник, про свою борьбу, как они боролись за Советскую власть, рассказать ребятам про Советы, про то, что должны Советы делать и как должны делать. Они смогут лучше, чем кто-нибудь, рассказать про партию, рассказать детям, с малых лет дать им понять, что значит передовой отряд рабочего класса, рассказать, как только благодаря организации широчайших масс, под руководством партии, добились мы совершенно других порядков, чем те, какие существуют в Западной Европе, в капиталистических странах. Там тоже обучают технике ребят, но недавно мне пришлось прочесть статейку, как обучают во Франции ребят технике. Целыми часами ребята сидят и занимаются распутыванием запутанных клубков. Дают им запутанный клубок ниток, и их задача (это называется уроком труда) — распутать эти нитки. Зачем они это делают? Они говорят: «Рабочему нужно приучиться к терпению». Если они и обучают ребят делать какие-нибудь предметы, то только затем, чтобы эти предметы потом свалить в подвал. Больше всего стараются во французской школе, чтобы дети занимались не производительным трудом, а только тренировкой. Вот вам капиталистическая школа. А наша школа зажигает, воодушевляет ребят, потому что ребята научаются по-новому работать, с детства сознательно относиться к труду, учатся коллективно работать, учатся работать организованно. Это имеет громадное значение.

У меня времени немного, и я хотела бы остановиться лишь на одном вопросе: что могут сделать горсоветы и сельсоветы для дела народного просвещения.

У нас сейчас новые составы горсоветов, сельсоветов; им надо как можно лучше наладить свою работу. Мне приходилось не раз разговаривать с секциями по народному образованию, с бюро секций; часто состав секций бывает очень хороший, но часто члены Советов, члены секций неясно представляют себе свои права и обязанности. Например, разговариваем мы так: «Как,— спрашиваю я,— секция по народному образованию связана с другими секциями?», а бюро одной культурной секции мне отвечает, что никак не связана. Вот это никуда не годится. Ведь культурная секция должна быть

теснейшим образом связана со всеми другими секциями. Должна культурная секция быть связана с секцией быта? Необходимо должна. Должна она быть связана с кооперативной секцией? Совершенно необходимо. Должна ли секция быть связана с финансовой секцией? Должна. Должна ли она быть связана с секцией по труду? Обязательно. Со всеми секциями должна быть связь. Все эти связи должны быть как можно теснее. Не может культурная секция работать отгородившись, она должна идти во все другие секции, тесно связываться со всеми другими секциями Советов и эти секции привлекать к своей работе. Надо, чтобы не только какая-то отдельная культурная секция горсовета или сельсовета заботилась о культурном строительстве. Это задача всего Совета, всего горсовета, всего сельсовета, необходимо, чтобы культурная секция помогала другим секциям всю работу ставить культурно.

Вот эта работница с Урала, культармейка, которая писала мне о том, как надо тесно связывать ликбез и всю культурную работу с производством, она писала и о другом, об очень важном,— о том, что нам надо всю нашу работу пропитать культурным подходом, какая бы эта работа ни была. Возьмем работу финансовую. Не может быть там и не должно быть там бюрократического подхода, а должно быть понимание дела, должен быть культурный подход ко всякому вопросу. Скажем, вопросы труда. Ведь ясно, что секция труда, отделы труда по-настоящему могут поставить свою работу, если они будут знать, как эту работу ставить, если вся их работа будет культурно организована. Итак, все секции Советов, вся наша работа должна быть культурной, должна быть поднята на более высокий культурный уровень, и культурные секции городских и сельских советов должны этому делу уделять очень много времени, они должны развернуть в этом направлении большую работу. Ведь если мы в 10 лет должны подняться на чрезвычайно высокую культурную ступень, то мы должны очень напряженно работать, мы должны смотреть, что кругом нас делается.

Товарищи, вы видели тут диаграммы, вы видели, что у нас большие количественные достижения, но надо внимательными глазами вглядываться в жизнь и помо-

гать, чтобы все эти количественные данные подкреплялись качественными данными. Скажем, вопрос о всеобщем обучении, об обязательном всеобщем обучении.

Обязательное всеобщее обучение имеет громадное значение, потому что все ребята с детства будут воспитываться по-новому, а между тем на деле проводится ли у нас обязательное обучение? Мне приходилось говорить с колхозниками. Я спрашиваю: «Все ли ребята у вас в колхозе учатся? Есть ли поголовное обучение ребят? Все ли девочки ходят в школу?» Мне на это колхозники, часто передовые колхозники, отвечают так: «Ну как же? Женщина посылает двух ребят учиться, не может же она третьего послать, тогда уж некому будет ничего по дому сделать». Или говорят так: «Мать больна, так что некому и воды подать». Конечно, все это очень острые вопросы, но надо сказать, что они особенно остры в отношении беднячества,— там особенно часто нужно помочь ребятам.

Что же тут может сделать сельсовет? Мы не можем формально подходить к этому вопросу: «Если ты не посылаешь детей в школу, мы штрафуем»,— не в этом дело, надо сделать таким образом: организовать помощь той семье, где без ребенка обойтись нельзя. И в этом отношении горсоветы, сельсоветы могут сделать очень многое. Ведь работают не только члены Советов. И горсовет и сельсовет должны обрастать громадной массой, помогающей их работе.

Сельсовет, горсовет — это организаторы масс, они должны организовать вокруг себя широкие массы. Мы знаем, что существуют старостаты, мы знаем, что существуют уполномоченные в тех селениях, где нет сельсоветов. На них надо опираться, и надо, чтобы старостаты опирались на рабочих завода, чтобы уполномоченные опирались на широкие бедняцко-середняцкие массы. Необходимо вокруг всех текущих вопросов организовать всю массу, и тогда такие вопросы будут легко разрешимы. Мы по опыту ликбеза знаем, как разрешаются эти вопросы. Если не может женщина идти в ликпункт, так к ней приходит комсомолка, остается дома, пока та на ликбезе, или организуют детскую комнату. Тысячи выходов находятся для того, чтобы помочь делу. Инициа-

тива масс чрезвычайно важна, и сельсовет и горсовет должны эту инициативу масс организовать.

Сейчас громадная работа. Вопрос не только в ликбезе. Ликбез — это только первый шаг. Нам важно вооружить всех мужчин и женщин знанием хотя бы в размере школы-четырехлетки. Для того чтобы провести общественную работу, для того чтобы работать, надо знать арифметику, уметь подсчитать, надо уметь пользоваться любой книжкой, любым учебником. Это дело нужное — это каждый знает. Я раз была на курсах выдвиженок, которые устраивала кооперация. И выдвиженки с громадным волнением рассказывали, в какое тяжелое положение они попадают благодаря своей малограмотности. Они попадают в руки спецов, они чувствуют, что тут что-то не то, но дать указания они не могут, потому что они недостаточно культурно подкованы. А сейчас мы видим, что рабочий класс не только работает у станка. Рабочие едут в колхозы и там участвуют в правлениях, они выдвигаются во всех областях работы. Рабочий класс перерастает свои старые рамки. Это имеет громадное значение. Но это требует от рабочего класса и от колхозников в деревне, на которых теперь все смотрят, высокого культурного уровня.

По части строительства школ — всеобуча. Тут работа, которую делает сельсовет, которую делает горсовет, должна быть прямо громадна. Если вы посмотрите «Положение о горсовете и сельсовете», то увидите, что там вопрос стоит не только о средствах, не только о зданиях, не только о материальной помощи — хотя все эти вопросы имеют громадное значение,— там стоит вопрос также об общественном воспитании, там стоит вопрос о том, что горсоветы и сельсоветы должны помогать воспитывать молодежь в социалистическом духе, в коммунистическом духе.

Как это сделать? А вот пример одного колхоза. Они взяли программы школы, стали изучать, как они говорят, «по буковке»; по каждому параграфу разобрали эти программы, обсудили их и пришли на помощь школе. Мне кажется, что членам культурных секций также надо познакомиться с программами и с учебниками. Им надо все это дело изучить и знать. Все мы при Советской власти должны упорно и много учиться. Не толь-

ко ребята, но и каждый ответственный работник должен учиться, и чем ответственнее его работа, тем больше нужно ему обучаться. Необходимо культсекции также с учителями и инспекторами устраивать постоянные собеседования, знакомиться поближе с делом. Необходимо читать книжки о том, как надо коммунистически воспитать молодежь, и затем рабочие, работницы, колхозники, колхозницы свой революционный опыт, свое организационное умение принесут в школу, и тогда общими усилиями можно будет создать действительно настоящую социалистическую политехническую школу.

Все эти задачи чрезвычайно велики. А если посмотрим, как у нас работают секции горсоветов, сельсоветов, то увидим, что они часто не знают своих прав и обязанностей. Они выполняют те или другие поручения инспектора отдела народного образования, но они как-то не отдают себе отчета, что их задача — настаивать, добиться того, чтобы вопросы культурного строительства были продвинуты. Часто говорят так: «Президиум поставил этот вопрос, но он стоит через три месяца». Вздыхают — через три месяца поставлен, а дело горит сейчас. Вздохами не поможешь, а надо дела добиться, убедить президиум, убедить Совет, что дело это неотложное, что без разрешения культурных вопросов на хозяйственном фронте мы не сможем добиться того размаха и той глубины постановки дела, которые необходимы.

Тов. Сталин в своей речи хозяйственникам говорил о том, что мы должны стать ударной бригадой мирового пролетариата. Я думаю, что и на культурном фронте мы должны также стать ударной бригадой мирового пролетариата. Мы должны развить чрезвычайно быстрые темпы, углубить качество.

Позвольте, товарищи, закончить пожеланием, чтобы вы действительно превратились в такую ударную бригаду.

1931 г.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ВСЕОБУЧА

«Аппетит приходит во время еды»,— говорят французы. По мере того как наш Союз Советских Социалистических Республик начинает культурно расти, население предъявляет к нашему культурному росту более высокие требования. *Повелительно выдвигается требование борьбы за качество нашей школы.* Конечно, борьба за качество ни в малейшей мере не означает, что мы остановимся на полдороге, прекратим, забросим нашу борьбу за всеобуч и, удовлетворившись громадными результатами, достигнутыми за минувший год, скажем: главное сделано, довольно идти вширь, пойдем вглубь. На культурном фронте указания Ильича о том, что теперь надо двигаться вперед *всей массой,* необходимо выполнять полностью. Бескультурье отсталых слоев заражает, снижает культуру передовых слоев.

Мы должны сочетать борьбу за всеобщий охват с борьбой за качество. Борьба за всеобщий охват сейчас будет труднее, чем была в прошлом году, ибо теперь придется работать над охватом учебой тех, кто наиболее темен, живет в наиболее тяжелых условиях, кого надо особо настойчиво выцарапать из лап старого уклада. Борьба за всеобщий охват учебой подрастающего поколения сейчас потребует большой настойчивости, большой гибкости. О трудностях этой борьбы, об ее классовой остроте смогут особо много рассказать многие нацреспублики, бытовые условия которых часто сильно затрудняют борьбу.

Но если заражает бескультурье, то не в меньшей, а еще в большей степени заражает массовая борьба за

культуру. Это порука, что все трудности в борьбе за всеобщий охват будут преодолены. Может быть, цифры охвата будут скромнее, но удельный вес их будет не меньше, а больше. Дело до конца доведем.

Борьба за качество пойдет по двум направлениям. Необходима борьба за улучшение материальной стороны дела — борьба за горячие завтраки, за планомерное снабжение ребят обувью, одеждой, учебниками и учебными пособиями; чтобы одна книжка приходилась не на четыре человека, а на каждого ученика; чтобы у всех были тетради, карандаши и пр.; чтобы школьные помещения отапливались, вентилировались, хорошо были освещены; чтобы школа работала в одну смену; чтобы при школах были мастерские; чтобы учителя выше оплачивались, чтобы учитель лучше снабжался и т. д. На эту материальную сторону дела надо будет обращать сугубое внимание, помнить, что на этом фронте у нас громадная отсталость и что тут *нам надо напрячь силы, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны.* Мы это можем сделать в сравнительно не так большие сроки, если Советы и советские органы, профсоюзы и колхозы перестанут считать дело культурного строительства чем-то третьестепенным и учтут не на словах, а на деле все его значение для всех других областей социалистического строительства.

Борьба за качество, которая выдвинута сейчас и на хозяйственном фронте, требует громадного повышения качества культурного фронта. В борьбе за улучшение материальной стороны просвещенского дела нужно *соцсоревнование,* но соцсоревнование не только просвещенцев, а соцсоревнование Советов, фабрик и заводов, совхозов и колхозов. Необходимо поднять инициативу всех организаций, инициативу населения, необходимо научиться поддерживать эту инициативу, идти ей навстречу.

Инициатива населения не премируется. Работа населения над улучшением школы слабо освещается в печати, не превращается в показ. *Премирование инициативы населения* должно выражаться не только в денежной поддержке, но и в повышении внимания к этой инициативе, во всесторонней помощи ей. Это — важнейшее дело, это — очередная задача. Партия борется с бюрократизмом во всех областях. *Бюрократизм* в отношении

к культурному строительству *должен быть угроблен,* и тогда с задачей догнать и перегнать в деле материальной помощи школе мы справимся легче, чем это может показаться на первый взгляд.

Но не только по линии улучшения материальных успехов должна идти борьба за качество. *Эта борьба должна идти и по линии улучшения качества преподавательской и воспитательной работы школы.* Надо бороться за то, *чтобы школа действительно вооружала подрастающее поколение необходимыми знаниями, чтобы школа политехнизировалась по-настоящему, чтобы она давала подлинно коммунистическое воспитание.* Тут нужна громадная помощь учителю, помощь конкретная. Наши методические органы долгие годы работали над общими установками. Теперь задача в том, чтобы эти общие установки конкретизировать, надо давать их не в сыром, а в проверенном и методическом соку, в удобоваримом виде. Нельзя ограничиваться общими указаниями учителю: надо локализовать материал, надо указать, как эта локализация должна проводиться. *Мало сказать* инженеру, агроному, технику: *«Помогай учителю»,— надо указать, как надо помогать.*

Сейчас задача в том, чтобы поднять всю просвещенскую, всю культармейскую массу на гораздо более высокий уровень, сейчас *необходимо вооружить эту массу конкретными педагогическими умениями* проводить наши правильные общие установки в жизнь.

Надо развернуть широкую педагогическую пропаганду среди рабочих, среди колхозников. Без развертывания этой педпропаганды нельзя будет организовать деловой общественный рабочий контроль над содержанием работы, над качеством работы школы. А такой контроль необходим.

Большие, важные задачи в деле просвещения стоят перед всей нашей Страной Советов. Мы их осознали, мы их выполним.

1931 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) «О НАЧАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ» И ЗАДАЧИ ОБЩЕСТВА ПЕДАГОГОВ-МАРКСИСТОВ

5 сентября опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе». Это постановление имеет исключительно важное значение.

Мы провели в жизнь всеобщее обязательное обучение. Школьное дело получило чрезвычайно широкий размах. Мы перестраиваем школу на началах политехнизации.

Все это требует *особого внимания к школе.* И ЦК *требует* от партийцев, от хозяйственников, от всей общественности внимания к школе, к учителю. ЦК сурово осуждает тех, кто разговорами об отмирании школы ослабляет внимание к этому важнейшему участку советского строительства. Школа не может быть отдана во власть стихии, не может быть превращена в нечто бесформенное.

Школа — существеннейшая часть социалистического строительства. Она готовит людей, которые должны быть способны строительство социализма довести до конца. Подрастающее поколение должно овладеть техникой, овладеть достижениями современной науки, овладеть революционной теорией. И ЦК подчеркивает необходимость *обратить сугубое внимание на содержание преподавания, на программы,* обращает внимание *на недопустимость снижения уровня знаний.* Эта опасность имеется налицо, и ЦК сигнализирует ее. Увязку теории с практикой проводят часто неумело, берут из теории только то, что нужно для практической цели, впадают в американское делячество.

Бывает еще хуже, когда, не умея по-настоящему увязать теорию с практикой, попросту выбрасывают всякие

программы. *Знания сообщают без всякой системы.* В результате получается какая-то смесь обрывков знаний. Это недопустимо. ЦК особо напирает на программы, на то, чтобы они были пропитаны марксистско-ленинским духом. *Нужно еще поднять на необходимую высоту искусство преподавания.* Можно создать прекраснейшие программы, но они принесут мало пользы, если учитель не сумеет сделать их близкими и понятными ребятам.

Современные дети развитее, бойчее прежних. Но с ними *нельзя работать старыми методами.* Надо уметь их заинтересовать, увлечь, влить в определенное русло их активность. Надо выработать целый ряд новых подходов, *надо научиться искусству преподавания и воспитания.*

И ЦК ставит перед просвещенцами задачу научиться этому делу. *Коммунистам* — руководящим работникам в области просвещения ЦК предлагает всерьез заняться изучением методической стороны школьной работы. *Нельзя руководить, не зная дела.* Должны учиться *заведующие школами* — им надо ведь отвечать за то, что делается в школе. *Учителям* надо отвечать за качество учебы. По-новому надо готовить *инструкторов.* Они должны уметь замечать все мелочи, показывать, как надо устранять недостатки. Инструктор должен быть сам ученым, знающим педагогом. *Учиться* методическим подходам *надо не только педагогам по профессии.* Индустриальным и сельскохозяйственным вузам вменяется в обязанность вооружить будущих *инженеров и агрономов* знанием методов работы по политехнизации школы и постановки производственно-технического обучения. Школа перестает быть узковедомственным учреждением, до которого никому, кроме органов Наркомпроса, нет дела. Над строительством подлинно политехнической школы должна работать *вся страна.*

Как организовать всю эту учебу? ЦК обязывает наркомпросы союзных республик немедленно организовать и поставить на должную высоту научно-исследовательскую работу, привлечь лучшие партийные силы для этого дела и перестроить ее на строго марксистско-ленинских основах.

Наркомпросам союзных республик вменяется в обязанность *организовать практическую помощь учителям.*

В течение 1931—1932 г. должно быть организовано ознакомление всех учителей *с основами производства на заводах, в совхозах, в МТС и в колхозах. На помощь педагогам в изучении производства, на непосредственное участие в работе школы заводы* должны выделить *квалифицированных рабочих и специалистов.* Наркомзем должен дать агрономов. Это будет серьезная помощь. ЦК требует создания целой сети *опорных* школ, которые служили бы показом, как надо вести работу. В опорные школы должны быть направлены лучшие учителя.

Педагогические журналы должны теснее связаться с учительством, ближе подойти к нуждам школы.

ЦК ставит перед Обществом педагогов-марксистов при Коммунистической Академии задачу разработки по заданиям Наркомпроса основных вопросов методической помощи учителю в его повседневной работе. Это должно стать руководством к действиям Общества педагогов-марксистов. *Как можно ближе связаться с учительством, со школой, прийти им на помощь.*

Внимание учителю,— требует ЦК. Надо улучшить его материальное положение, нужна помощь со стороны профсоюзов, со стороны хозяйственников.

Уже тот факт, что ЦК так заострил вопрос о помощи учителю и школе, меняет положение, поднимая удельный вес школы и учителя.

До сих пор дело было так, что многие заводы, колхозы, совхозы смотрели на школу как на организацию, которая обязана поставлять им рабочие руки. «Соединение обучения с производительным трудом,— говорится в постановлении ЦК,— необходимо проводить на такой основе, чтобы весь общественно производительный труд учащихся был подчинен учебным и воспитательным целям школы». Это указание — очень большой важности: оно разрешает ряд наших споров с хозяйственными организациями.

ЦК предлагает руководиться указаниями Ленина о политехнической школе. В этих указаниях говорится, что надо *избегать ранней специализации и что необходимо во всех профтехшколах расширить общеобразовательные предметы.* Это означает, что надо давать самый энергичный отпор тем предприятиям и руководителям школ, ко-

торые хотят превратить школы ФЗС и ШКМ в школы профессиональные. Это значит, что *в школах ШУМП, ФЗУ и техникумах, в школах колхозуча необходимо расширить преподавание общеобразовательных предметов, необходимо ввести повсюду, во всех профшколах преподавание политехнического минимума.*

Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе придает ей ту *устойчивость,* которой не было до сих пор и которая необходима ей до крайности. Без этой устойчивости нельзя двигаться вперед.

Постановление ЦК означает серьезнейший поворот во всей постановке школьного дела.

Надо бороться за осуществление постановления ЦК, энергично вести борьбу против тех, кто вместо повышения *качества обучения* либо увлекается пустыми «левыми» фразами, либо тянет назад, к буржуазной школе. На педагогическом фронте немало оппортунистических, антиленинских извращений политики партии в области школьной работы. Есть правые извращения. Правые говорят, что политехнизм у нас в стране провести трудно, думают, что главное внимание должно быть обращено на чисто словесное усвоение знаний, что практика — дело второстепенное, что теория — сама по себе, а практика — сама по себе. И не столько это говорится, сколько делается. С этим надо бороться. Такие правооппортунистические подходы очень вредны. Но вместо того, чтобы помогать стать школе на деле ленинской, работать над политехнизацией школы, над повышением качества учебы, над тесной органической связью теории с практикой, некоторые педагоги создают «левацкие» теории об «отмирании школы», учителя и т. д. Правым как нельзя более на руку эти теории. Поэтому ЦК требует решительной борьбы с антиленинскими «левацкими» теориями, которые фактически вели к разрушению школы. Не на словах, на деле, на практике надо осуществлять ленинскую школу. Под этим углом зрения и должна развертываться работа Общества педагогов-марксистов.

Постановление ЦК требует от членов Общества педагогов-марксистов напряженной *творческой* работы над улучшением качества школы, требует реальной помощи учителю.

Филиалы общества и ячейки содействия должны просмотреть свои планы под этим углом зрения. Нужно всячески помогать школе стать школой подлинно политехнической, подлинно коммунистической, вооружающей подрастающее поколение знаниями и умениями, которые позволят ему в новой, более сложной обстановке дело Ленина довести до конца. По этому пути мы и пойдем.

1931 г.

Н. К. Крупская осматривает биологический кабинет в новой школе. Москва, 1931 г.

«О НАЧАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ»

(ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ ОБЩЕСТВА ПЕДАГОГОВ-МАРКСИСТОВ СОВМЕСТНО С РАБОТНИКАМИ ПРОСВЕЩЕНИЯ МОСКВЫ)

Я не хочу делать очень длинного доклада. Мне хотелось бы, чтобы товарищи с мест пошире высказались по поводу постановления ЦК и того, как проводить это постановление в жизнь.

Вы знаете, товарищи, что за последний год у нас в области народного образования имеется очень крупный сдвиг. Прежде всего это то, что проведено всеобщее обучение в размере четырехлетки. Это, конечно, громаднейшее завоевание. Школа делается уже громадным фактором воспитания подрастающего поколения. Она охватывает всех детей от 8 до 12 лет, все слои населения и превращается действительно в мощное орудие воспитания подрастающего поколения.

Другая особенность последнего года — это то, что лозунг, который был выброшен тотчас после Октябрьской революции — лозунг превращения нашей советской школы в школу также политехническую,— теперь начинает всерьез проводиться в жизнь. На базе развития индустриализации, на базе коллективизации сельского хозяйства, его механизации мы видим, что политехнизация уже сейчас превращается в массовое мероприятие, что она проводится не только в отдельных школах, а во всей массовой школе,— всюду развивается политехнизация школы. Есть уже база для этого.

Вот этот сдвиг велик, но все же на всем культурном фронте до последнего времени не было достаточной устойчивости. Очень часто дело, начатое отдельными учителями, хорошие начинания этих учителей оставались неизвест-

ными всей остальной массе учительства, и часто очень интересное дело не находило настоящей поддержки. Вообще говоря, на школу часто смотрят как на какой-то десятый фронт. Мне пришлось слышать такие слова от одного парня, которого вербовали в педтехникум. Он говорит: «Ну, знаете, мне хочется принять участие в социалистическом строительстве, мне не хочется идти в педтехникум». Я думаю, что среди молодежи у нас довольно распространено такое мнение. По крайней мере, приходится получать такого рода письма даже от рабочих. У меня есть письмо одного рабочего, который пишет: «У меня дочь хочет идти в индустриальный техникум, ей хочется стать инженером, хочется участвовать в социалистическом строительстве, а вы ей предлагаете идти в педтехникум».

Я думаю, что постановление ЦК кладет конец этим разговорам. Это постановление имеет совершенно исключительное значение. Оно приковывает внимание партии к вопросам школы, к вопросам просвещения. Весь дух этого постановления, все постановление в целом говорит о том, что школа является одним из важных участков социалистического строительства. Конечно, до сих пор те, кто хоть немного знаком с марксизмом, кто читает Маркса, кто читал Ленина, тот знал, что есть определенное взаимодействие между экономикой, политикой и культурой. Но так как все внимание было сосредоточено долгое время на политической борьбе, на классовой борьбе, которая до сих пор продолжается, благодаря тому, что внимание было сосредоточено на хозяйственном фронте, этот вопрос о взаимодействии между экономикой, политикой и культурой на практике как-то отодвигался несколько на задний план. Постановление ЦК в этом отношении имеет громадное значение. Оно приковывает внимание партии к школе. Очень часто была такая вещь, что хозяйственник смотрел на школу как на нечто такое, что приходится, конечно, терпеть, но если была хоть какая возможность занять помещение школы, то это делалось,— школа-де может где-нибудь на окраине существовать. Конечно, в последний год определенный перелом наблюдался. Уже не так легко выселялись школы, не так легко переводились в худшие помещения. Тут работе Наркомпроса постановления Совнаркома очень много помогали, создавая известную устой-

чивость, но все же считалось так, что это дело второстепенное, и внимание к школе не привлекалось в достаточной мере.

В постановлении ЦК говорится, что соединение обучения с производительным трудом детей подчиняется учебным и воспитательным целям, целиком подчиняется. Это чрезвычайно важное место постановления ЦК, потому что у нас хозяйственники за последний год, когда широко стала развиваться политехнизация, зачастую стали смотреть на школу как на поставщицу рабочих рук. Я как-то разговаривала с одним товарищем, который работает в сахарной промышленности. Он говорит: «Хорошо у нас в этом году будет. Ребята у нас обработают столько-то гектаров свеклы». Я говорю: «О каких ребятах вы говорите — II ступени или I ступени?»

Он говорит: «О школе вообще». Я на это говорю, что в I ступени этот номер не пройдет, потому что ребята учатся, силишек у них мало, как же они будут все эти гектары свеклы обрабатывать.

Когда другой раз и говоришь о труде ребят, о том, что это соединение обучения с производительным трудом должно быть подчинено учебным целям, что оно должно воспитывать у ребят сознательное отношение к труду, дать широкий политехнический кругозор, что нельзя ребят ставить на механическую длительную работу, которая ребят интересует лишь в первую минуту, то просвещенец на это говорит: «Но ведь на первом-то плане у нас хозяйство». И приходится ему говорить так: «Да, конечно, но от воспитания молодого поколения зависит не только сегодняшний, но и завтрашний день хозяйства. Мы должны смотреть вперед и должны думать о том, кого мы из ребят воспитываем, каких мы действительно работников из них воспитываем, а не смотреть только на сегодняшний день, сколько картошки ребята выкопают».

Конечно, товарищи, понимать в узком смысле слова «подготовка кадров» мы не можем. Мы должны наше молодое поколение воспитывать так, чтобы оно действительно могло хозяйство поставить совершенно по-новому, социалистически организовать все это дело. Но для того, чтобы добиться этого, мы должны по-новому воспитать молодое поколение.

Этот путь к воспитанию молодого поколения совершенно четко указан в постановлении ЦК. Это имеет громадное значение. Это есть признание того, что школа является важнейшим участком социалистического строительства.

А затем и другое — постановление ЦК привлекает внимание к учителю, требуя методической помощи ему. Со времени опубликования этого постановления прошла неделя. Мы знаем, что за эту неделю, если судить по Москве — но я думаю, что это относится и к другим городам,— идут массовые собрания по школам, где обсуждается это постановление. Только вчера мне пришлось выступать в Ленинском районе, тут, в Москве. И что бросилось в глаза, так это то, что на собрание (это было большое собрание, примерно человек около 900) пришел рядовой учитель. Обыкновенно на конференции видишь инструкторов, разного типа просвещенцев и т. д. Но на вчерашнем собрании был виден массовый учитель, лицо этого массового учителя очень молодое. А затем второе, что бросилось в глаза,— это определенное советское настроение. Интересно было выступление в этом отношении одной молодой учительницы, только что недавно окончившей семилетку и прошедшей четырехмесячные курсы. Она сказала: «Мы всегда готовы проводить все директивы нашей партии. Мы готовы провести и это постановление в жизнь». Это настроение у молодежи довольно сильное. Но в то же время чувствуется определенная настороженность. Когда читаешь постановление, видишь, что в нем приковывается внимание к школе, к учителю. Это вызывает у учителей определенное стремление — узнать, как же это будет осуществляться практически. И вот каждое слово слушается с особым вниманием потому, что в постановлении говорится определенно о значении школы, о помощи — методической, материальной и всякой другой помощи — учительству. И учительство, которого это больше всего касается, хочет знать, как же ему надо работать соответственно директивам партии.

Товарищи, рядовое учительство хочет найти правильные пути. Оно понимает, что сейчас школа имеет громадное значение. Оно чувствует и другое — что на нас, на Советскую страну, обращено внимание трудящихся всего мира. Каждая наша ошибка смущает борющихся со ста-

рым миром, а каждый наш успех воодушевляет их в борьбе. Вы знаете, какое сейчас в целом ряде стран напряженное положение, вы знаете, какое сейчас международное положение. Мне в этом году приходилось довольно много беседовать с учителями, приезжавшими сюда на экскурсию из разных стран. И вот, когда с ними говоришь, видишь, с каким напряженным вниманием они всматриваются в то, что у нас делается. Наша школа привлекает всеобщее внимание. Из Германии, Швеции — отовсюду пишут и просят прислать побольше материала, потому что сейчас имеется громадный спрос снизу на материал, который давал бы картину того, что делается у нас в школе, что делается у нас на культурном фронте. И это, конечно, чувствует наш рядовой учитель. Читая газеты, он знает, что делается в других странах, и понимает, что надо работать, и работать как можно лучше. А вот как работать — в этом отношении мы имеем в постановлении ЦК очень четкие указания. В постановлении ЦК говорится о целом ряде мер, которые должны действительно помочь учителям.

Позднее я подробнее остановлюсь на вопросах программ, методов и т. д. А пока я укажу на то, что в постановлении говорится о том, что коммунисты, работающие в области просвещения, должны взяться вплотную за изучение методики. Этим самым постановление показывает, что партия придает методике очень большое значение. Партия, повторяю, придает сейчас очень большое значение методике, т. е. умению подойти к ребенку, умению ребенка научить, умению организовать все преподавание наиболее рационально. В постановлении говорится не только о коммунистах. В постановлении говорится о том, что заведующий школой отвечает за работу школы, а для того, чтобы отвечать, надо понимать. И поэтому заведующий школой точно так же должен владеть методикой.

Затем очень важный момент в постановлении — это вопрос об инструкторах. Инструкторы — это такого рода помощники учителя, которые не только будут говорить вообще, но которые на практике будут уметь показать, как надо делать.

Я, как-то беседуя с одним крупным инспектором года два назад, заинтересовалась вопросом, умеет ли инспектор заметить ошибки методического характера, умеет ли он

помочь изжить эти ошибки. Я спросила об этом инспектора хорошего — в том отношении, что у него общие установки правильны, очень большая горячность и преданность делу народного образования. Я его спросила: «Вот вы приезжаете в школу и видите, что учитель проводит урок не так, как надо, могли ли бы вы вместо него дать урок, чтобы он видел, как надо работать?». Он говорит: «Нет, я за это не возьмусь». Конечно, как инспектор, который видит недочеты в организации дела, он, может быть, хорош, но как инструктор он должен уметь методически помочь. И вот ЦК подчеркивает всю важность организации такого рода инструктажа.

Чрезвычайно важна помощь показом. Инструктор покажет, но двух инструкторов на район мало. Помощь нужна большая, нужна постоянная помощь, и ЦК подчеркивает особую важность и опорных школ. У нас в свое время были опытно-показательные школы. Когда власть перешла в руки Советов, сразу же всем стало ясно, что надо строить школу по-новому, что по-старому нельзя, а как строить,— тут думали по-разному и не знали, как осуществлять на практике. Опытно-показательные школы у нас пробили дорогу новым идеям. Они в свое время были совершенно необходимы. Конечно, у нас был разный опыт. Были прекрасные опытные школы, которые действительно проделали большую работу, а были и опытные школы весьма странного типа, которые решали, что надо учить чему-то необыкновенному. Я помню, что на Урале была латышская опытная школа, которая в 1919 г. старалась ученикам объяснить, почему у одного человека глаза голубые, а у другого карие. Как они объясняли, я не знаю; ребята там занимались трудом, а теория была аховая. Были очень интересные опыты, но были и опыты бросовые, никуда не годные. В общем и целом, опытные школы тогда были необходимы.

Теперь, в настоящее время, нам нужны другого типа школы. Нам нужны школы, которые были бы обычными школами, но в которых был бы умелый, опытный персонал, были бы условия, при которых он мог развернуть вовсю работу. Надо очень хорошо подумать, как строить наши опорные школы. В постановлении ЦК говорится об этих опорных школах,— и там говорится, что опорные школы должны служить показом. И вот нам важно найти, нащу-

пать, где именно такую опорную школу устроить,— именно в таком месте, чтобы можно было наблюдать эту работу; надо, чтобы окружающее население помогало этой школе, чтобы была тесная связь или с очень хорошими предприятиями, с МТС, или с каким-нибудь хорошим колхозом, совхозом, чтобы с их стороны была действительная, а не на бумаге помощь этой школе; надо, чтобы она на практике была такой школой, у которой было бы чему поучиться.

Мы знаем, что у нас стихийно вырастают такого рода учреждения, где идеи учебы осуществляются показом. Возьмем хотя бы опыт Краснополянского района на Урале. Это район сплошной коллективизации, который охватывает 30 с лишним селений. Это место, где очень рано начало возникать колхозное движение, еще во время гражданской войны, и там есть такие колхозы, которые существуют уже очень долго, более 10 лет. Там много партизан среди населения, но культурный уровень населения был очень низок. Бригада Наркомпроса, которая туда ездила, собрала о Краснополянском районе чрезвычайно интересный материал; бригада, например, рассказывала, как одна старая партизанка говорила, что в годы гражданской войны, когда колхоз только создавался, она усердно молилась богу о том, чтобы их колхоз сохранить. А теперь эта колхозница говорит, что сейчас она ни в какого бога не верит, убедила ее жизнь, что никакого бога нет. В этом Краснополянском районе вот что вышло. Там в большом селе построили Дом культуры, который превратился в постоянную показательную школу для всего населения. Вокруг этого Дома культуры мы имеем разные просветительные начинания. Один агроном, который приехал оттуда, рассказывал, что в деревне стали обобществлять кур, а куры стали дохнуть. Курице нужен песок, а они кур в одно помещение согнали, дали массу корму, а песку не насыпали. Агроном устроил курсы для всего населения. Каждое селение выбрало крестьянина или крестьянку, которые должны были познакомиться с этим делом. В этом Доме культуры агроном рассказал, как надо осуществлять обобществление кур, чтобы куры не дохли, а чтобы чувствовали себя великолепно, отлично неслись, чтобы все было как нельзя лучше. И тут же у них имеется

такой сарай для кур, где на деле показывается, как это дело надо делать. Колхозники остались довольны, потому что все недоумения, которые у них были, были изжиты.

Точно так же у них было с дошкольным делом. Тут около Дома культуры возникли дошкольные курсы. Выписали опять крестьянок из каждого селения, по одной-две. Они приехали на курсы. Они на курсах побыли один месяц и на практике увидели, как надо обращаться с детьми, почему надо, чтобы ребята мыли руки, почему им нельзя давать немытые плоды и т. д. Все, что, так сказать, полагается знать дошкольнице, тут на практике им показали. Затем сюда же съехались учителя из всех окрестных селений, в которых имеются школы. С ними была проведена конференция, они посмотрели на организацию дела в местной школе, и им дали наглядные указания, как надо поставить работу. Таким образом этот Дом культуры сам явился опорным показательным пунктом. Мы знаем, что таких опорных пунктов уже создалось довольно много, — опорных пунктов, которые могут служить указанием, как надо проводить ту или другую работу. То же самое имеет место и в некоторых колхозах. Так, например, имеется одна коммуна, давно уже существующая, которая жаловалась на то, что к ним постоянно ездят крестьяне с окрестных местностей, а покормить их, оставить переночевать негде. И вот эта коммуна просила о том, чтобы был устроен опорный Дом культуры,— приезжая куда, крестьянин мог бы посмотреть работу коммуны, собрать материал, посмотреть, как надо делать то или другое, смог бы там переночевать и т. д. Надо сказать, что это стремление узнать, посмотреть, как надо работать, чрезвычайно велико. Поэтому опорные школы могут играть громадную роль. Но надо, конечно, к этому вопросу подойти со всей серьезностью. И вот мы видим целый ряд мероприятий, которые намечает Центральный Комитет для того, чтобы действительно могла быть оказана помощь рядовому учителю.

Конечно, товарищи, в той большой работе, которая у нас развертывается с каждым днем, которая растет вширь, мы видим разного рода неправильные уклоны. Иногда они сказываются в теории, иногда это просто результат недостаточно умелых рук, недостаточной подготовленности, влияния старого прошлого. Все это помогает созданию на

практике очень неправильных подходов к нашим просветительным делам. Сейчас, когда уделено такое большое внимание школе, необходимо нам взять единую правильную линию и избегать всякого рода искажений правильной линии.

У нас очень часто и в теории и на практике не в одинаковой, конечно, степени, но сказываются двоякого рода загибы. Одни загибы выражаются в том, что думают, что надо делать все так, как было раньше, недооценивают того, что сейчас наша учеба качественно должна быть другая, качественно должна быть пропитана совершенно иным духом, программы должны быть насквозь пропитаны духом марксизма-ленинизма. Люди этого не хотят. Это и создает целый ряд правых перегибов. С другой стороны, незнание жизни, незнание конкретных условий, неверные «левацкие» теории создают другие загибы, когда людям кажется, что все можно сделать в два счета, когда строятся очень большие планы и на первый взгляд все это выглядит очень революционно, а когда вглядишься, посмотришь поближе, то на деле они оказываются такими, которые, вместо того чтобы помочь делу просвещения, мешают ему. «Левацкие» загибы как нельзя более на руку правым. Идешь налево, а попадаешь направо. Получается право-«левацкий» блок.

И вот в связи с этим я хотела бы остановиться на ряде вопросов. Возьмем первый вопрос — это вопрос о школе. В чем тут может быть правый загиб и в чем — «левый»?

В некоторых наших книжках по педагогике проскальзывала (а в жизни это сказалось на практике) такая мысль, что школа — сама по себе, а жизнь — сама по себе. Некоторые полагали, что быстро меняющаяся жизнь, революционизирующаяся обстановка в корне школу не меняет. Органической связи, которая должна существовать и существует между школой и жизнью, не видели и школу хотели замкнуть, оставить в старом виде. Это и по сию пору очень часто наблюдается. Мы часто слышим разговоры, что школу не надо «трепать». Но есть у нас и совершенно другие перегибщики — «левые», которые говорили: «Видите ли, у нас быстро меняющаяся жизнь. Она перерождает людей». Да, конечно, жизнь перерождает людей, это верно. Но «левые» делают из этого неверный вывод. Они говорили: «Школа не имеет значения, школа

отомрет, а поэтому важно вообще, чтобы ребята воспринимали окружающую жизнь, а школа... это дело десятистепенное». Конечно, этот «левый» загиб в теории давал неправильную перспективу, а в жизни не приковывал того внимания, которое необходимо, к школьным проблемам. Ведь необходимо указать, как наладить, как организовать школьное дело, как его действительно поставить по-новому. А вместо этих указаний — через имеющиеся здесь трудности, через необходимость найти новые пути перескакивали и говорили: «Жизнь влияет, а школа... школа нам не важна».

Что говорит по поводу школы партия? Прежде всего позвольте привести то, что говорил т. Ленин о школе. В августе 1918 г., на съезде по народному образованию, он говорил: «Необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы, которая лишь одна сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобно той, что продолжается уже пятый год» [1]. Под углом зрения тех споров, которые сейчас происходят, разговоров о том, отомрет ли школа или не отомрет, мы не можем не учесть этого заявления Владимира Ильича о той громадной роли, которую играет школа, как директиву сугубого внимания к школе. Владимир Ильич говорил, что мы все силы, энергию, все знания должны положить для того, чтобы создать нашу трудовую политехническую школу, и об этом мы слышим сейчас в постановлении ЦК. Затем, если мы возьмем программу нашей партии, то вы все знаете, что там говорится о школе, что «в период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм».

Вы видите, что этот 12-й параграф программы нашей партии придает школе громаднейшее значение. Школа

---

[1] Цитируется Н. К. Крупской по тексту отчета в газете «Правда» № 184 от 30 августа 1918 г.— *Ред.*

должна воспитать по-новому всех ребят, в котле нашей советской школы должны вывариться последние остатки пережитков разных классов и должно выковаться молодое поколение, способное окончательно установить коммунизм. Вот если под углом зрения высказываний Владимира Ильича, под углом зрения этого параграфа программы нашей партии мы посмотрим на постановление ЦК, которое опубликовано 5 сентября, то мы увидим, что это постановление идет по указанной линии и говорит: больше внимания школе — школа важнейший участок социалистического строительства. Надо бороться всячески за школу, повысить качество ее.

Другой вопрос — это вопрос о программах. Тут мы тоже имеем уклоны вправо и «влево». Мы знаем, что часть говорит таким образом: «Не надо часто менять программ, лучше их стабилизировать. Надо непременно старые предметы сохранить. Вообще мудрить особенно тут нечего»; а то, что жизнь требует иных подходов, что наука идет вперед, что надо выбрать новые факты, иначе их группировать, об этом никто из правых не говорит. О том, что программы должны быть насквозь пропитаны духом марксизма-ленинизма, об этом не говорится. Это есть правый уклон.

Но говорят и иначе, в особенности за последнее время, когда стали проводить политехнизацию, когда стали связывать теорию с практикой. Трудно эту теорию с практикой связать. Еще опыта нет. Вот и говорят, что программы новые не нужны, надо учиться у кипящей жизни, важна не столько программа, а важен «настрой», важен лозунг,— и мы видим, как иногда основной стержень школьных занятий, который должен закладывать основу миросозерцания, просто выпадает. Вместо соединения теории с практикой мы имеем просто выбрасывание программы. Вместо них даются «проекты». Приходилось мне видеть такие «проекты», где, например, соединялись 1, 2, 3 и 4-я группы и где вся последовательность программных знаний, всякая систематизация уничтожалась. Дело происходило таким образом. Выбрасывался ряд лозунгов: «Поможем провести промфинплан!», «Все за культурную революцию!»,— ряд лозунгов, по которым должна была работать вся I ступень, все должны были это проводить. Когда приходилось говорить, что ребята так не смогут учиться, что не будет посте-

пенного накопления знаний, ребята не будут чувствовать своего роста, нам отвечали: «Что вы говорите? Жизнь этого требует». Это, конечно, был уклон «влево».

А что говорит партия? Опять я начну с того, что т. Ленин говорил по этому поводу. Вы все знаете, что он говорил на III съезде комсомола,— что, «только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества» [1]. Владимир Ильич говорил, что надо опираться на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме. Он говорил против буржуазной школы, говорил против программ буржуазной школы. Он говорил в речи на съезде просвещенцев в 1918 г., что юные умы затемняются в буржуазной школе глупейшими предрассудками. Программа в буржуазных школах насыщена ложью, клеветой в угоду буржуазии. Что же говорит по этому поводу постановление ЦК? Оно говорит, что ребятам надо овладеть знаниями, овладеть всеми достижениями науки. Не надо обрывков знаний, а нужны систематические знания. Всякий взрослый рабочий особенно это поддержит потому, что сейчас время такое, когда и взрослые и дети как бы из воздуха приобретают знания: газеты читают, доклады слушают, радио слушают. Много знаний приобретают, но чего не хватает? Не хватает систематики. Знают, а как это все связать одно с другим, как связать все это в определенную систему,— этого нет. И вот рабочие, которые идут сейчас в школу учиться, сейчас чего хотят? Чтобы все эти знания уложились в определенную систему — все те знания, которые есть, кусочки, обрывки знаний,—они должны уложиться в определенную систему, они должны заложить основы материалистического мировоззрения, они должны сделать близким и понятным учение Маркса и Ленина. Систематика имеет громадное значение. В этом отношении недооценка систематики чрезвычайно вредно отражается на всей учебной и воспитательной работе. Поэтому партия особенно налегает на то, чтобы давать не обрывки знаний, а систематические,

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 259.

строго научные знания. Ведь сейчас мы уже живем в такой период, что, не овладев техникой, не овладев наукой, мы не сможем строить так, как надо строить.

Мы должны это сделать. Сталин говорил об овладении техникой и наукой, и он выразил в своих словах то, что чувствует вся страна,— необходимость овладеть наукой, знанием.

Посмотрите, как относятся сейчас к знанию рабочие массы, колхозные массы, и вы поймете, как недопустимо игнорирование программ, как недопустима недооценка того, что надо давать систематизированные, строго научные, проверенные знания. Если буржуазная школа в своих программах старается начинить ребят всякой ложью и клеветой, стремится всячески разжигать шовинизм, стараясь воспитать из детей рабов, если она искажает исторические факты, то нам в нашей школе надо давать строго проверенные, научные знания. Поэтому нам надо сугубо внимательно отнестись к построению наших программ, нам надо еще и еще раз проверить их с научной точки зрения. Так, например, товарищи естественники недавно говорили, что в наших учебниках ботаники до сих пор еще проводится система Линнея, старая система, наукой отвергаемая. Нам нужно посмотреть, чтобы такие вещи в программу не попадали, чтобы не попадали устарелые научные системы. И вот наши учебники, наши программы необходимо хорошенько проверить с этой стороны.

Мы видим, постановление партии уделяет сейчас очень много внимания вопросу о том, чему учить. Это решающий вопрос, и мы должны его хорошенько продумать.

Пойдем дальше. Как учить? Вопрос, как учить, включает в себя и вопросы знания ребенка и понимание метода, как этому ребенку передать знания, как к нему подойти, как его коммунистически воспитать. В этом вопросе имелись у нас и правые и «левые» перегибы. В чем сказались эти перегибы?

Что характеризует правый уклон? Правый уклон считает так: ребенок — слабое, беспомощное существо, его дело — больше слушаться родителей и учителей. Мы должны воспитывать ребенка, вести его, каждый шаг его контролировать потому, что он существо слабое, беспомощное. В этом сказывался правый перегиб, недооценка, недоверие к ребенку. Этот уклон является чрезвычайно

вредным. Он был и есть еще по сие время. Мне приходилось как-то с одним старым учителем говорить. Он мне сказал: «Да как же можно с ребятами говорить о политике, да разве ребята понимают что-нибудь в политике?» Но дело ведь в том, что сейчас сами ребята говорят о политике. Попробуйте с ними сейчас не говорить о политике. Еще Лев Толстой говорил, что когда идет передел в деревне, то тогда в школе невозможно заниматься: ни один самый лучший учитель не проведет урока, потому что все ребята думают о переделе, который в деревне происходит. Сейчас у нас идет соцсоревнование. Что же вы думаете, что есть такие ребята, которые вблизи фабрики живут и которые этим делом не интересуются? Помню я старое время, когда стачечная борьба развивалась, когда я работала в Петербурге, за Невской заставой, и вот мне рассказывали, что пришел ученик в школу и говорит учительнице так: «Вот наши бастовали, я впереди бежал — и как грязью залепил этому директору!» Ребенок знает, что его отец, его мать, все рабочие против черносотенного директора, что против этого директора идет стачка. Он также настроен против него, и он хочет также принять участие в этой борьбе, и он его принимает тем, что бросает в директора ком грязи. Ребята хотят принимать участие в окружающей жизни, и хочет или не хочет учитель с ними говорить о политике, они сами о политике разговаривают. Я помню, что, когда мы были в ссылке, к нам часто заходил мальчонка лет шести, сынишка катальщика. Однажды я смотрю, он стоит, разбирает бумажки и сам с собой разговаривает: «Неизвестно, кто врет, председатель ли врет, или правительство врет». Конечно, он совершенно механически повторял то, что он слышал. Он часто ходил с отцом в волость и слышал, что в волости крестьяне говорили: «Неизвестно, кто врет, председатель или правительство»,— и он это повторяет, десять раз повторит, это у него в памяти закрепится, и когда-нибудь он осмыслит эту фразу. Не говорить с ребятами о политике нельзя.

С другой стороны, говорят: «Нет возрастных особенностей, ребенок все может, он все понимает, может вынести любую нагрузку». Я согласна, что наши ребята многое знают и понимают. Но я думаю, что и при коммунистическом строе двухлетние ребята будут от шестилетних отличаться, а шестилетние — от четырнадцатилетних. Ведь

нельзя же выбросить возрастные особенности. Так думать, что можно их выбросить, нельзя. И разговор насчет того, что ребенок все может и что возрастных особенностей нет,— это очень большая ошибка. Мы должны тщательнейшим образом изучать возрастные особенности, мы должны эти возрастные особенности знать, и надо знать, как эти возрастные особенности использовать для всестороннего развития ребенка. Нам нужно уметь всесторонне воспитать ребенка, а сможем мы сделать это только тогда, когда мы будем умело подходить к ребенку. Конечно, это изучение ребенка должно заключаться не в том, что мы будем строить разные схемы исследований и т. д.,— надо усвоить все достижения науки, которые имеются и которые дают путь изучения ребенка. Все это надо проверить на практике наблюдения над ребенком. Необходимо установить возрастные особенности. А говорить, что ребята всё могут, ставя знак равенства между ребенком и взрослым,— это, конечно, глубокая ошибка.

Подойдем теперь к методам обучения и воспитания. Что говорит здесь правый уклон? Правый уклон говорит: знаете, методы — они ведь веками вырабатываются, что же тут мудрить? Знаете, в старину умели ребят воспитывать лучше, порядку больше было. На вчерашнем собрании в Ленинском районе один прислал записку: «Ничего с вашими методами не выйдет, беспорядок один только в школе». И подписался — «Приезжий». Но я не знаю, откуда он приехал. Понимаете, тут какой вопрос,— старый, веками выработанный подход к детям, к учебе, и люди боятся это старое нарушить.

У нас есть «левые» перегибы в данном вопросе. Новые методы мы берем у Западной Европы, у Америки, берем методы, недостаточно их проверяем, не додумываем до конца, и давай с размаху валить все методы в кучу. «Метод проектов — это единственный, всеобъемлющий метод»,— а на практике оказывается, что это непроверенный метод. Должны ли брать методы от Западной Европы и Америки? Конечно, должны. Я, например, помню, какой заказ давал мне Владимир Ильич. Проф. Тулайков ездил в Америку, и Владимир Ильич мне говорит: «Ты расспроси его, какими методами они работают». Потом приехала жена старого партийца, которая лет двадцать пожила в Америке и потом посмотрела нашу деревню, и

говорит: «Как у вас мало умеют в деревне делать. Вот в Америке — там жители многое что умеют». Владимир Ильич мне говорит: «Хорошенько расспроси, как у них идет обучение разным умениям». Я считаю, что нам надо изучить очень внимательно весь опыт капиталистических стран, какой путь, какой подход они нашли и к взрослым и к ребенку. Но, конечно, нам надо это пропустить через нашу марксистскую, нашу ленинскую точку зрения, потому что если просто слепо будем перенимать методы германские, методы американские, то ничего хорошего из этого не выйдет. Метод органически связан с самим содержанием преподавания. Если учить лжи и клевете, то этому учат одним методом, а если учить настоящей науке, если учить марксистско-ленинской теории, то для этого нужны другие методы. Можно брать только то, что для нас приемлемо, научно проверено, посмотреть, как мы должны всё глубоко переработать, перестроить, чтобы действительно выработать тот метод, который нам надобен.

Вот, скажем, метод проектов. Под влиянием разговоров с Тулайковым я стала глядеть американскую литературу. Там имеются очень интересные вещи с приложением этого метода проектов к сельскому хозяйству. Ученик какой-нибудь школы строит проект,— скажем, проект курятника: он собирается развести сто кур. Он строит проект, как это он сделает, где построит курятник, где достанет соответствующую породу кур, устанавливает, что ему надо, и развертывает целый хозяйственный план. План этот обсуждается в школе, учитель консультирует, учитель и группа учеников идут в хозяйство представившего план ученика: вместе с родителями обсуждают этот план и заключают договор. Что тут есть ценного и что в 1923 г. показалось в этом ценным? Прежде всего учащийся учится планировать, взвешивать все средства и возможности. Нам, россиянам, надо уметь здорово поучиться планировать, чтобы не только Госплан планировал, надо, чтобы каждый планировал свою работу, а то бывает так, что в заводе выстроен новый цех, а потом через год этот цех сломаем и выстроим другой, по-новому. Сегодня дом отремонтировали, а завтра его сносим. В повседневной жизни бывает очень много недочетов вследствие нашего российского неумения планировать. В жизни, в практической работе отсутствие плана, умения учесть все

условия, неумение планировать является большим недостатком, и мы должны этому учиться. Владимир Ильич говорил о том, что мы должны научиться работать: «Нам, россиянам, надо учиться работать». Это особенно он говорил в последний год своей деятельности, говорил на конгрессе Коминтерна, что нам надо учиться работать. Это умение работать нам надо завоевать. Оно до конца не завоевано. И поскольку метод проектов учит известному планированию, взвешиванию всех условий (на мелочах учит), учит работать, постольку он ценен. Что есть еще в американском методе проектов? Там насквозь деляческая точка зрения, там целевая установка, личный интерес, материальная заинтересованность. Он кур разведет, потом за такие-то деньги продаст, и будет ученик себя по карману похлопывать, что он столько-то денег заработал. Эта погоня за личной, индивидуальной выгодой проходит красной нитью через все американские проекты. Таким образом, из этого метода проектов мы должны взять то, что нам подходит, а именно: умение проектировать, вносить плановость в работу, а индивидуализма этого мы не можем применять.

Когда в 1923 г. обсуждался этот метод, то он обсуждался главным образом в разрезе политпросветработы: в отношении клубной работы и школы взрослых. Мы говорили о внесении в клубную и учебную работу метода проектов для того, чтобы больше заинтересовать членов клуба, чтобы больше ориентироваться на их интересы. В политпросветработе метод проектов мало привился, больше всего он практиковался по линии сельскохозяйственных кружков. Стала их также проводить в жизнь школа крестьянской молодежи, перерабатывая проекты в нашем духе. В городской школе он почти не применялся. В последнее время, когда стало видно, что школу надо теснее связать с жизнью, когда стало ясно, что надо теорию теснее связать с практикой,— а в методе проектов она увязывается определенным образом,— когда жизнь стала напирать, то у нас стали метод проектов применять широко, и шире всего в школе I ступени. Но стал он применяться довольно своеобразно, стали методом проектов называть все что угодно, например агитационную всякую работу. Когда выбрасывают лозунг «Поможем нашей фабрике провести промфинплан!», то это называется «методом

проектов». Почему? Где же тут планирование, где распределение сил, где преодоление препятствий, где тут учет общественно полезных результатов работы? Этого нет,— выходит, что мы методом проектов называем то, что имеет весьма отдаленное к нему отношение, а затем пошла у нас заводиловка. Реальных проектов-то очень мало. Правда, есть исключения. У меня, например, имеется ребячье письмо, в котором ребята пишут, что они постановили по методу проектов работать, и где они очень конкретно, по-ребячьи, рассказывают, как они этот проект разработали; там говорится насчет ликвидации неграмотности и т. д.; я всего уже не помню, у меня нет под руками этого письма. Это, конечно, реальный проект.

Думать, что все другие методы отмирают, что исследовательский метод, что трудовой метод, наглядный метод,— что все это отомрет, что все это по случаю метода проектов надо отбросить,— это, конечно, неправильная постановка, это, конечно, пустяки. Метод проектов нам важен в деле воспитания действительного умения планировать. Когда заговорили о пятилетке, о выполнении пятилетки в четыре года, сознание, что мы должны учить ребят планово работать, охватило учительство довольно широко. Но как это делать, не знали, и начали всякую агитационную попытку в этом направлении, всякую попытку связать теорию с практикой называть методом проектов. Таким образом, метод проектов стал чем-то расплывчатым, чем-то бесформенным. Начали говорить, что программы не надо давать, надо давать лишь проекты, и т. д. Ну, куда же это годится? Это, конечно, извращение самого понятия метода проекта, оно никуда не годится. Поэтому ЦК говорит о том, что надо искать новые пути. Постановление говорит о том, что надо создать исследовательский институт, дать туда лучшие, крепкие коммунистические силы, которые продумали бы новые методы под углом зрения марксистско-ленинской теории, которые начали бы действительно находить новые пути, как рационализировать, как правильно поставить преподавание. Но ЦК предлагает подходить к новым методам с осторожностью, проверять новое на опыте, вглядываться внимательно в ту работу, которая делается у нас в школе. А мы ведь, знаете, ужасно плохо умеем себя рекламировать. Иногда в отдельных наших школах имеются очень интересные подходы, новые ме-

тоды, а об этом не говорят. Считают так: «Ну раз в школе все идет хорошо, значит, ладно. Разве написать об этом в газете? Хорошо было бы, но времени написать нет». И вот как раз из-за этого очень часто у нас пропадает громадная творческая работа рядового учительства, которое изучает ребят, которое думает о том, как бы лучше ребятам передать знания и каким способом рациональнее организовать школьную жизнь. Вот ЦК и предлагает нашим исследовательским институтам обратить особенное внимание на проверку опыта, на обобществление опыта с тем, чтобы отдельные начинания становились общим достоянием, чтобы это было дело проверенное, чтобы все оно было пропитано единым духом, духом диалектического материализма. Надо десять раз отмерить и один раз отрезать. То же самое и в отношении наших методов надо сказать. Нам новые методы совершенно необходимы, потому что нам надо прежде всего рационализировать самую постановку учебного дела. Надо его так поставить, чтобы время у ребят было распределено как следует.

Мы теперь должны заботиться о нашей учительской молодежи, окончившей семилетку и прошедшей четырехмесячную короткую подготовку. Спрашивается, как у этих учителей идет дело в школе? Дело идет таким образом, что они очень хорошо относятся к детям, у них имеются определенные организационные планы, есть порядок в школе. Товарищи знают, что наша современная школа-семилетка дает ребятам известные организационные навыки. Действительно, если мы посмотрим на наших школьников, на наших пионеров и сравним их со школьниками старой школы, то надо сказать, что наши школьники совсем другие. Школьники старой школы были какими-то безрукими, а сейчас ребята в смысле организационном — народ довольно умелый. Правда, они не совсем грамотно пишут и вместо «Петров» могут написать «Питров», но, повторяю, по части организационной они народ довольно умелый. Но в общем и целом надо сказать, что у молодых учителей педагогического опыта нет, что они методики не знают, что они, например, занимаются математикой два часа подряд. А где наша методика? Методика, где ты? Изучение ребенка, где ты? Поэтому необходимо нашу учительскую молодежь вооружить знанием того, как располагать временем ребят, как строить так экономно про-

грамму времени, чтобы не уходило четверть часа на разливание чернил, или доставание книг, или какую-нибудь еще суетню, какая часто бывает в школе. Необходимо добиваться того, чтобы весь школьный режим был чрезвычайно налаженный. А от этого зависит очень многое. Он в значительной мере облегчает и вопрос с дисциплиной. Я уже говорила о том, как ЦК сейчас сугубое внимание уделяет методике, как он призывает обучаться ей, и поэтому в этой области перед нами стоит большая работа как по выработке новой общей методики, так и по разработке методик отдельных дисциплин, т. е. частных методик. Все эти вопросы надо с научной точки зрения продумать, потому что каждая область знания имеет свою организацию и необходимо, чтобы методика была именно увязана с содержанием и соответствовала бы нашим общим установкам.

И наконец, товарищи, есть перегибы у нас и в отношении к учителю. Правые говорят: «Учитель — хозяин школы» — и дальше не расшифровывают, *какой* учитель. А «левые» говорят так: «Чем меньше учитель будет вмешиваться в школьное дело, тем лучше. А если совсем его не окажется, то тоже не беда: скорее школа перерастет в детскую организацию».

Постановление ЦК приковывает внимание к учителю. Если мы возьмем постановление ЦК, то увидим, что тут говорится и о материальном положении, и о том, чтобы выдвинуть из среды учительства наиболее талантливых учителей, наиболее самоотверженных; там говорится против того, что учитель — это какая-то бесформенная масса, против этого ЦК говорит. ЦК говорит о необходимости соцсоревнования, о выдвижении наиболее талантливых, самоотверженных учителей, ЦК говорит о методической помощи, и особенно он напирает на качество учителей.

Последнее — это о детских организациях. Тут есть и правый и «левый» загибы. Часто учителя считают, что детские организации, школьные организации — только помощники учителя, что учком должен только вызывать родителей. Самому учителю по теперешним временам вызывать родителей неудобно, а если школьная организация вызвала, то это другое дело. Так смотрят на школьную организацию правые, об ее громадной воспитательной роли они забывают. С другой стороны — «левый» перегиб,

который говорит, что чем меньше взрослые вмешиваются в школу, тем лучше. А что говорит ЦК? ЦК признает важность школьных организаций, но школьная организация должна заботиться о том, чтобы поднять учебу, о том, чтобы пробудить в ребятах сознательное отношение к делу, сознательную дисциплину. Мы знаем, что есть к этому разные пути. Как детские школьные организации могут поднять учебу? Правые говорят так: учком должен вызывать родителей, вообще должна быть строгость. Но мы знаем и другой путь. Мы знаем, что даже в старой школе часто лучше учившиеся ребята помогали более отсталым. Мы должны заботиться о том, чтобы наши школьные организации, детские организации как можно лучше организовали эту взаимопомощь, чтобы вырабатывалось детское общественное мнение. Вы знаете, как это важно, как ребята считаются с мнением товарищей: значительно больше, чем с мнением учителей или родителей. И вот важно, чтобы такое общественное мнение в ребячьей организации создалось, чтобы ребята боролись против нарушения дисциплины, против беспорядка, чтобы они более слабым оказывали постоянную помощь. Эта совместная работа по установлению дисциплины, эта взаимопомощь для школы имеет громадное значение, и нам надо, чтобы комсомольские и пионерские организации всерьез обсудили этот вопрос.

Товарищи, вы видите, что все постановление ЦК является громадным практическим указанием во всей нашей работе. Там есть указания и по адресу педагогов-марксистов. Там говорится, что Общество педагогов-марксистов должно разработать основные вопросы методической помощи учителю в его повседневной борьбе. Это что значит? Если мы посмотрим на работу Общества педагогов-марксистов, то у нас интереснее всего работала секция политехническая. Работала секция по выработке культплана. Но сейчас, учитывая постановление ЦК, я думаю, что мы должны обратить особое внимание на то, чтобы у нас хорошо была поставлена работа в деле изучения ребенка и детского коллектива, чтобы был основательно разработан вопрос об организации школьной работы, организации всей школьной жизни. Должно быть обращено особое внимание на обсуждение всех методов, на подработку всех методов и на обсуждение программ, на содержание про-

грамм. Тут нам важно как можно теснее сомкнуться с рядовым учителем, помочь ему в его учительской работе. Необходимо помочь учителю так, чтобы каждую свою мысль, свою инициативу, свой новый почин он мог через Общество педагогов-марксистов доводить до всеобщего сведения. Большая просьба помочь Обществу педагогов-марксистов провести в жизнь это постановление ЦК.

1931 г.

ВАЖНЕЙШЕЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАРТИИ

В своей брошюре «Знание — сила, сила — знание» Вильгельм Либкнехт писал когда-то: «Не было еще господствующей касты, господствующего сословия или класса, которые пользовались бы своей властью для просвещения, образования и воспитания угнетенных, а не наоборот — систематически охраняли их от истинного образования, от образования, которое дает свободу». И далее: «Школа — самое могущественное средство освобождения, но она же — могущественное средство порабощения, смотря по характеру и целям государства». В своей брошюре Вильгельм Либкнехт очень убедительно доказывал, что в капиталистическом государстве, в Германии в частности, всеобщее обязательное обучение является средством классового господства, все дети находятся в распоряжении государства. Буржуазия превращает школу из образовательного учреждения в заведение для дрессировки. Старые педагоги-марксисты хорошо знали эту брошюру Вильгельма Либкнехта, учились по ней...

Теперь у нас диктатура пролетариата. «В период диктатуры пролетариата,— сказано в программе ВКП(б),— т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного оконча-

тельно установить коммунизм»[1]. Сейчас, когда мы вступили в полосу строительства социализма по всем линиям, когда мы провели всеобщее обучение, мы должны уделять школе особо большое внимание. Школа — это не только дело учителя, это не только дело Наркомпроса,— это дело всей страны, это дело всех коммунистов, дело профсоюза, хозяйственников, дело комсомола и пионерорганизации. Постановление ЦК требует от всех внимания школе, помощи школе и учителю.

Школа должна идейно влиять на ребят, закладывать у них основы коммунистического мировоззрения, сделать для них близким, понятным дело коммунизма. Школа должна вооружить ребят знанием. Переживаемая эпоха — эпоха высокого развития техники, науки.

Надо подрастающему поколению овладеть техникой, овладеть знанием — без этого нельзя стать хозяином жизни. Вот почему ЦК в своем постановлении так усиленно налегает на поднятие вооружения знанием учащихся на высшую ступень. Нужны научно обоснованные программы, нужны систематические знания, а не обрывки знаний, не какая-то мешанина из случайных обрывков знаний. Знание — сила, молодежь должна быть сильна знанием. Успехи индустриализации страны сделали возможной политехнизацию школы. Но дело это новое, требующее от педагогов очень серьезной подготовки, которой у них часто нет. В результате неумения увязать теорию с практикой незаметно соскальзывают на путь игнорирования теории, снижения ее. Нельзя, чтобы труд заслонял знание. Это — возврат к старому, это — шаг назад. Надо труд осветить светом углубленного знания, осмыслить его, поднять на высшую ступень. Поэтому ЦК говорит: «Соединение обучения с производительным трудом необходимо проводить на такой основе, чтобы весь общественно производительный труд учащихся был подчинен учебным и воспитательным целям школы». Это постановление особо важно потому, что у нас увлечение участием детей в общем труде рабочих и колхозников, в общем строительстве, увлечение и преподавателей и самих ребят, зачастую приводит к тому, что учеб-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.

ные и воспитательные цели отодвигаются на задний план. Политехническая школа — школа трудовая, но все же это — школа.

В своих последних речах и статьях Ленин говорил о необходимости самой серьезной учебы. За последние годы на фронте хозяйственного строительства мы научились очень многому. Теперь партия призывает к серьезнейшей учебе на педагогическом фронте. Коммунисты должны овладеть методикой. На первый взгляд это звучит даже странно. Методикой? Да, методикой. Чтобы руководить, надо знать. Конечно, методика методике рознь. Методика связана теснейшим образом с содержанием преподавания, с целями его. Буржуазная методика должна быть переработана в корне. Потому и предлагает ЦК поставить хороших, крепких коммунистов на педагогическую научно-исследовательскую работу, чтобы найти пути, как наилучшим образом подойти к современному ребенку, как поднять искусство преподавания и воспитания на высшую ступень, как пропитать их насквозь марксистско-ленинским духом. Надо учиться коммунистам методике. Должны овладеть ею инженеры, агрономы, спецы. Лучшие учителя должны стать инструкторами. Их дело — не столько инспектировать, сколько инструктировать, показывать, как надо учить. Заведующий школой за школу отвечает, он хозяин в школе, но он должен знать дело, должен учиться. И наконец — учителя. Постановление ЦК недаром приводит цитату из Ильича, касающуюся положения учителя. Постановление ЦК требует внимания к учителю, помощи ему, помощи материальной, помощи ему в учебе, в его работе. Это то, что нужно.

Старое «хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры. Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано... не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д.» [1]. Это писал

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33. стр 445—446.

Ленин в статье «Лучше меньше, да лучше». Дело тут идет о госаппарате, но это место целиком относится и к школе, относится и по сию пору. В школьном деле старое не изжито до конца. Много нового, интересного, но старые традиции очень еще живучи. Правые никак не могут оторваться от старинки, полны недоверием к новшествам. Мерки старые крепко еще держат их в своих лапах. В постановлении ЦК указывается, что необходима борьба с правыми, тянущими к старой школе. Но эти правые настроения питаются в значительной степени «левыми» загибами. «В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус»[1],— писал Ильич в «Лучше меньше, да лучше». Постановление ЦК как раз и подчеркивает необходимость борьбы с этой торопливостью и размашистостью, которой так много у наших «левых». В педагогике не меньше, чем в других областях, нужно хорошенько продумать новое, проверить, испытать на опыте, закрепить. Непродуманное до конца с марксистско-ленинской точки зрения, непроверенное на опыте нельзя сейчас же выдавать за какое-то всеспасающее средство. И ЦК бьет по «левацким» загибам. ЦК предлагает исследовательским институтам обобщать проделанный учительством опыт, предлагает внимательнее вглядываться в жизнь. Практическая помощь учителю в школе — вот что сейчас нужно. Надо закрепить достигнутое, надо уверенным шагом идти по пути превращения школы в действительное орудие воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 445.

1931 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) «О НАЧАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ»

Постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе», опубликованное 5 сентября 1931 г., приковывает к вопросу о начальной и средней школе внимание всей страны.

За последний год мы достигли очень многого в смысле охвата обязательным обучением подрастающего поколения. Хотя надо еще очень много сделать для того, чтобы догнать и перегнать капиталистические страны; у нас всеобщее обязательное обучение пока что еще четырехлетнее, а в Германии, Австрии, Швейцарии, Северной Америке и пр.— восьмилетнее. И, конечно, Советам необходимо помогать всячески развертыванию школьной сети, необходимо следить за тем, чтобы обязательное обучение не просто значилось на бумаге, а проводилось на деле в жизнь. Тут нужен постоянный общественный контроль.

Но вопрос не только ведь в количественном охвате. Можно провести всеобщее обучение, а в школах учить всякой чепухе, никому не нужной и прямо вредной. Мы видим это в капиталистических странах, где школа, обязательное обучение в руках буржуазии является средством затемнять сознание масс. Весь вопрос в том, *чему* учить. В советской школе мы учим не тому, чему учили раньше или чему учат в капиталистических странах. Мы выбросили из программ наших школ разный старый хлам, вроде закона божьего, древних языков, разных побасенок, носивших название истории, и пр. Мы дали *качественно* гораздо лучшие программы, чем программы капиталистических стран, программы, нужные трудящимся массам, не затемняющие, а будящие

сознание подрастающего поколения. В смысле *содержания* программ мы перегнали уже капиталистические страны. ЦК требует дальнейшего улучшения программ.

Мы проводим в жизнь политехническую школу, прикрепили школы к фабрикам и заводам, совхозам и колхозам. Ребята старших групп идут на завод, в совхоз, чтобы научиться понимать производство, чтобы научиться овладеть техникой, планово организовать труд. Но в увлечении втягиванием ребят в производительный труд часто стали меньше обращать внимание на учебу, на теорию; практику не освещали достаточно светом теории. И ЦК бьет тревогу. Он, не допуская никакого снижения теории, подчеркивает важность овладения суммой общеобразовательных знаний. Он подчеркивает, что знание — сила и недопустимо, чтобы практика заслоняла теорию, отодвигала ее на задний план. ЦК не допускает никакого снижения теории, систематических общеобразовательных знаний. Надо, чтобы школа заложила в ребятах основы материалистического мировоззрения, чтобы она дала им понимание окружающих явлений, надо, чтобы ребята в школе научились самостоятельно учиться, привыкли читать серьезные книжки, умели хорошо излагать свои мысли. Нельзя снижать теорию.

Но качество школы зависит не только от того, чему учить, но и от того, *как* учить. Вот по части «как» у нас дело обстоит плоховато. Искусство обучения у нас стоит не очень высоко, тут мы порядочно отстаем, не владеют у нас учителя методикой. И ЦК требует, чтобы коммунисты, работающие на руководящей просвещенческой работе, овладели методикой, чтобы овладели ею заведующие школами, учителя.

Важно также, кто будет учить. ЦК требует внимания к учителю. Надо немедля улучшить его материальное положение — приравнять учителя в деле снабжения к рабочим, обеспечить снабжением его семью. Нужно повысить заработную плату. Нужно помочь ему в деле овладения техникой. Нужны специальные библиотеки для учителей, откуда они могли бы черпать необходимые знания, нужно поддерживать лучшие, образцовые школы, где учителя могли бы поучиться искусству преподавания. Нужны инструкторы из опытных педагогов, которые умели бы не только заметить недостатки, но и умели растол-

ковать, показать, как эти недостатки надо изжить. Всеобуч потребовал новых кадров учителей, и в ряды учительства влились десятки тысяч молодежи. Эта молодежь советская насквозь, среди нее много комсомольцев, недавних пионервожатых, которые умеют работать с детьми, увлекать их, организовывать. Это большой плюс, ибо успешность занятий зависит не только от учителя, но и от самих ребят. Нужно, чтобы ребята сами считали, что надо бороться за качество учебы, держали себя в руках, надо, чтобы у ребят сложилось такое мнение, что стыдно лодырничать, стыдно опаздывать в школу, стыдно плохо, небрежно, безграмотно писать. И молодые учителя умеют воодушевить ребят. Молодые учителя сумеют увлечь ребят. Но им самим надо еще очень много учиться, им нужна помощь, забота о них. ЦК, включая учительство в кадры великой стройки социализма, подчеркивает громадное значение учителя. Но учитель учителю рознь. Надо бороться за качестзо учителя. Надо выдвигать самых талантливых, энергичных, влюбленных в свое дело, умелых, добивающихся наилучших результатов. Надо уничтожить уравниловку и обезличку, надо поднять боевой дух учительства, надо поддержать его стремление повысить качество учебы.

Ленин придавал громадное значение школе. В 1918 г., за два дня до ранения, выступая на съезде по народному образованию, он подчеркивал, что «необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы» [1]. Долгие годы прошли со времени этого призыва Ильича, годы войны и разрухи, годы восстановления хозяйства, подведения фундамента социалистической экономики под нашу стройку. Постановление ЦК призывает нас сейчас вплотную взяться за стройку школы, не школы вообще, а школы, нигде еще не бывалой, школы советской, политехнической, социалистической, такой школы, какой мыслили ее себе Маркс и Ленин.

Надо отдать себе отчет во всей важности этой работы.

Рабочие и крестьянские колхозные массы кровно заинтересованы в этом деле. Речь идет об их детях. При-

---

[1] Цитируется Н. К. Крупской по тексту отчета в газете «Правда» № 184 от 30 августа 1918 г.— *Ред.*

крепление школ к заводам, фабрикам, колхозам, МТС приблизило школу к массам. Сейчас среди рабочих мы встречаем уже много таких, которые к вопросам политехнизации школы относятся с очень большим интересом, прямо с энтузиазмом.

Если мы возьмем положение дела в горсоветах два года тому назад, то картина была, как правило, такова, что культурные дела сдавались в секцию, которая работала замкнуто, без связи с другими секциями, без связи с президиумом горсовета, а члены секции не знали, что им делать, и работали просто по заданиям ОНО как его подсобная сила. Конечно, такое положение дела никуда не годилось.

Массовая школа — дело Совета в целом. Забота о школе, о качестве ее работы, об учителе не может быть просто сдана в культурно-бытовую секцию. Это должно быть делом всего Совета в целом, секция должна работать по заданиям Совета, под его контролем. Все другие секции должны помогать работе культурно-бытовой секции. Культурно-бытовая секция должна сплотить вокруг себя широкие советские массы, и в первую очередь рабочие массы, должна объединить вокруг себя работу добровольных обществ, поставить весь актив, принимающий близко к сердцу дело массовой школы, на выполнение завета Ильича о школе. Надо организовать вокруг работы Советов и молодежь, подростков в том числе.

Тут нужна не игра в штабы, нужна упорная, повседневная работа над улучшением школы, над поднятием ее на тот уровень, о котором говорил ЦК. Нужно всем подучиться этому делу посерьезнее, иначе можно проглядеть правые и «левые» уклоны, которых и в этом деле, в деле просвещения, более чем достаточно.

Старые взгляды на школу, на ребенка, на учителя, на труд детей далеко еще не изжиты даже в рабочей массе. Многим еще кажется, что школа — не школа, если учитель не кричит на ребят, не строжится над ними, если ребята не зубрят наизусть, не слепо повторяют то, что им сказано, а пытаются рассуждать. Дело ребят — слушаться, и только. А некоторым кажется, что и школа-то совсем не важна, надо только, чтобы ребята побольше работали, пораньше начали зарабатывать, побольше денег в дом несли. Им кажется, что надо, чтобы дети были в

полной власти родителей, на них работали, их слушали. И есть кое-кто из учителей, что смотрят не вперед, а назад, есть такие, что тащат школу назад. С этими правыми настроениями, которые очень живучи еще, надо всячески бороться. И Советы их должны знать, не закрывать на это глаз, а разъяснять, бороться. С такими взглядами нового поколения, перед которым жизнь поставит величайшие задачи в деле строительства нового, насквозь социалистического уклада, не воспитаешь.

Но у нас есть и другие настроения. Люди спешат, выдумывают все новые планы, новые методы, торопятся провести их в жизнь, не проверив их на опыте. Они, видя, что вырастающий на базе нового фундамента социалистической экономики общественный уклад могуче влияет на подрастающее поколение, делают тот вывод, что школа не нужна, выдумывают, что школа будто бы отомрет в будущем, точно не нужно будет всегда организованного, планомерного, систематического, общественного воспитания детей взрослыми. Они не замечают того, как льют воду на мельницу правых. Они перескакивают через трудности. Надо всячески бороться с этими «левыми» заскоками, с размашистостью. Надо не забывать того, что говорил Ильич: «Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни»[1]. Надо глубже вглядываться в повседневную будничную работу, уделять больше внимания тому хорошему, что делается в ходе работы, оглашать это, делать общим достоянием. Надо травить негодное. Так говорил Ильич. Все это целиком относится к работе над поднятием на должную высоту начальной и средней школы. Надо бороться с «левыми» заскоками, с «левыми» фразами, надо доводить до общего сведения о работе лучших школ, травить небрежное, бюрократическое отношение к учителю, к школе, травить произвол, разрушение хорошего, нужного, бороться с недооценкой значения школы. Советы могут проделать тут громадную работу. Это их очередная задача.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 80.

1931 г.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ОБЩЕСТВА ПЕДАГОГОВ-МАРКСИСТОВ И ЖУРНАЛА «НА ПУТЯХ К НОВОЙ ШКОЛЕ»

В № 25 «Правды» от 5 февраля 1921 г. напечатаны «Директивы ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса»[1] в связи с реорганизацией комиссариата. Эти директивы составлены Лениным.

В статье, написанной 7 февраля, «О работе Наркомпроса» Владимир Ильич подчеркивает основное в этих директивах — то, что директивы эти обращают «главное внимание» (кавычки Ленина) на борьбу с увлечением «общими рассуждениями и абстрактными лозунгами»[2].

«Довольно игры в общие рассуждения и якобы теоретизирование! — пишет Владимир Ильич.— Весь центр тяжести работы должен быть перенесен в дело «учета и проверки *практического* опыта», в дело «систематического *использования указаний* этого опыта»[3].

В декабре 1920 г. происходило партсовещание по вопросам народного образования. Давая оценку этому партсовещанию, Владимир Ильич писал: «На совещании партработников *нет* этого учета *практического* опыта, нет отзывов педагогов, применявших этот опыт так-то и так-то, а есть неудачные потуги на «общие рассуждения» и на оценку «абстрактных лозунгов». Надо, чтобы вся партия, все работники Наркомпроса этот недостаток сознали и чтобы мы общими силами взялись за его устранение. Надо, чтобы местные работники обменялись своим опытом в этом отношении и помогли партии выдвинуть

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 99.
[2] Там же, стр. 101.
[3] Там же, стр. 102.

образцовые губернии или уезды, или районы, или учебные заведения, или образцовых педагогов, которые добились хороших результатов в сравнительно узком, местном или специальном масштабе. Опираясь на эти, уже проверенные практикой, достижения, мы должны двигать дело вперед, расширяя — после надлежащей проверки — местный опыт до размеров всероссийского, передвигая талантливых или просто способных педагогов на посты более ответственные, с кругом деятельности более широким и т. д.» [1]

11 лет прошло со времени опубликования директив, выработанных Лениным. За эти годы Наркомпрос стал гораздо ближе к массовой школе, его руководство стало конкретнее, он лучше знает местный опыт.

Если мы сравним постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» с ленинскими директивами 1921 г., мы увидим между ними теснейшую связь.

Постановление ЦК говорит о необходимости, прежде чем начать в массовом масштабе применять какой-нибудь метод, *предварительно проверять его на практике.* Постановление ЦК говорит о необходимости создания образцовых школ, где были бы сосредоточены лучшие педагогические силы, чтобы учительские массы, рабочие, колхозники и учащиеся *могли на практике* учиться у них строительству политехнической школы. ЦК «предлагает наркомпросам союзных республик сосредоточить работу соответствующих исследовательских институтов главным образом *на изучении и обобщении опыта, накопленного практическими работниками школы, в особенности политехнизации».*

ЦК требует теперь, как и в 1921 г., *конкретного* руководства школой, он обязывает «наркомпросы союзных республик ввести в систему органов народного образования институт инструкторов, начиная с районных звеньев, для *постоянной практической помощи учителю в его повседневной работе в школе».*

От нас, *от Общества педагогов-марксистов, ЦК требует разработки основных вопросов методической помощи учительству в его повседневной работе.*

Мысли, которые развивал Ленин в статье «О работе

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 103.

Наркомпроса», органически увязаны с теми мыслями, которые он высказывал во время дискуссии о профсоюзах.

В связи с письмом т. Сталина особенно усердно перечитывается теперь всеми речь Владимира Ильича «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого».

Говоря о расхождениях с Троцким, Владимир Ильич писал: «...из-за чего же действительно у нас дружная работа не получается, которая нам так нужна? Из-за расхождения по вопросу о методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи* с массой. В этом вся суть»[1].

«Тезисы» т. Троцкого — политически вредная вещь. Его политика, в сумме, есть политика бюрократического дергания профсоюзов»[2].

Мы знаем, как бешено боролся Владимир Ильич с бюрократизмом. Не мог он не бороться и с бюрократическим подходом Троцкого к вопросам строительства социализма.

Я невольно вспомнила эту дискуссию с Троцким года два назад в связи с дискуссией об агрогородах. Товарищи с Нижней Волги, приехав в Москву, очень горячо рассказывали о своих планах построить агрогород в своем районе. В агрогород должны были по плану быть переселены жители тридцати с лишним селений. Я спросила: «А как крестьяне этих селений относятся к этой идее агрогорода?» Оказалось, что с ними об этом разговора еще не было. В утешение мне товарищи рассказали, что среди крестьянства многие стоят за колхозы... Как тут было не вспомнить Троцкого да попутно и его отношение к крестьянству.

Возражая Троцкому во время дискуссии о профсоюзах, Ленин говорил о необходимости изучать практический опыт. «Но тогда дайте практические предложения: переделать то-то и то-то. Вот это будет деловая постановка. Вот это не будет непроизводительная работа. Вот это не приведет к бюрократическому прожектерству»[3]. Касаясь в споре с Троцким производственной пропаганды, Ленин говорил: «Учреждения уже созданы.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 32. стр. 4—5.
[2] Там же. стр. 22.
[3] Там же. стр. 11—12.

Тезисы Троцкого говорят о производственной пропаганде. Напрасно, потому что «тезисы» тут уже устарелая вещь. Хорошо или плохо учреждение, пока не знаем. Испытаем на деле, тогда и скажем. Давайте изучать и опрашивать. Положим, устраиваются на съезде 10 секций по десяти человек: «Ты занимался производственной пропагандой? Как и что вышло?» Изучив это, наградим того, кто особенно преуспел, отбросим неудачный опыт. У нас есть уже практический опыт, слабый, маленький, но есть, и от него нас тащат назад, к «принципиальным тезисам» [1].

Надо переходить, говорил Ильич, «от интеллигентских разговоров о пустых разногласиях к деловой работе» [2]. И в статье «Еще раз о профсоюзах» Ильич писал, что переход «от *деловых* тезисов Рудзутака, ставящих конкретные, практические, жизненные, живые задачи... к абстрактным, отвлеченным, «опустошенным», теоретически неверным, по-интеллигентски формулированным общим *тезисам,* с *забвением* наиболее делового и практичного» [3] был шагом назад.

И вот, сопоставляя высказывания Владимира Ильича в споре о профсоюзах с его статьей «О работе Наркомпроса», лучше понимаешь, почему он так укоряет партсовещание за «увлечение» общими рассуждениями и абстрактными лозунгами и настаивает на учете практического опыта, на деловой работе, на уменье претворять осознанные истины в жизнь.

Общество педагогов-марксистов признает свою ошибку, что оно вовремя не дало отпора теории «отмирания школы» и дало разрастись педагогической дискуссии, вращавшейся около абстрактных, неверных формулировок, уходившей от живой практики.

В дальнейшем Общество педагогов-марксистов будет на ряде примеров, в частности на примере отдельных статей, помещенных в журнале «На путях к новой школе», вскрывать и исправлять сделанные промахи.

Ударной своей задачей Общество педагогов-марксистов считает непосредственную деловую помощь учителю и школе в их повседневной работе. ОПМ (Общество пе-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 12—13.
[2] Там же, стр. 17.
[3] Там же, стр. 64.

дагогов-марксистов.— *Ред.*) считает, что и до сих пор до конца не изжито то положение, что «фактов мы знаем мало, непомерно мало; собирать их не умеем; не знаем меры того количества вопросов, которые надо ставить и на которые можно (при нашем уровне культуры, при наших нравах, при наших средствах сообщения) ждать ответа (разрядка моя.— *Н. К.*); не умеем собирать указания практического опыта и обобщать их; занимаемся пустыми «общими рассуждениями и абстрактными лозунгами», а использовать дельных преподавателей вообще, дельных инженеров и агрономов для технического образования особенно, использовать заводы, совхозы, сносно поставленные хозяйства и электрические станции для политехнического образования не умеем» [1].

Научиться изучать опыт — это значит научиться смотреть, выработать показатели, мерила качества — этот вопрос у нас далеко не доработан. Научиться собирать — это значит научиться выбирать самое существенное, характерное, яркое. Научиться обобщать — значит научиться смотреть на факты трезво, без нытья и приукрашивания действительности, делать из наблюдений выводы, проверять их. Знать меру количества вопросов — значит научиться выбирать самое важное, самое актуальное, самое показательное.

Над всем этим должно поработать ОПМ. ОПМ будет проводить в жизнь лозунг Ильича, данный им педагогам-марксистам 11 лет назад и получивший свое дальнейшее развитие в постановлении ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе». Этот безусловный лозунг, как назвал его Ильич, гласил: «...побольше практического дела, то есть поменьше общих рассуждений, побольше фактов и проверенных фактов, показывающих, в чем, при каких условиях, насколько идем мы вперед или стоим на месте или отступаем назад. Коммунист-руководитель, исправивший программы преподавания педагогов-практиков, составивший удачный учебник, добившийся хотя бы ничтожного, но *практически осуществляющегося* улучшения в содержании работы, в условиях работы *десяти,*

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32. стр. 105.

сотни, тысячи педагогов-спецов,— вот это настоящий руководитель»[1].

ОПМ будет усиленно работать над тем, чтобы превратить до конца учение Маркса, Энгельса, Ленина в руководство к действию в повседневной практике учителя. Оно будет стремиться к тому, чтобы широким просвещенческим массам стало ясно, как в жизни, в школе, на практике осуществлять это учение, в чем заключаются отступления от него. Необходимо, чтобы рядовой учитель понял, как вооружает его марксизм-ленинизм на борьбу с пережитками прошлого, как научает преодолевать трудности, как превращает его самого, работающего на фронте культуры, в активного борца за социализм. Путем лекций, литературы, а главным образом путем выявления наиболее глубоко марксистски продуманного и последовательно проведенного в жизнь опыта, могущего служить показом, путем анализа ошибочных приемов, подходов надо сделать всей массе педагогов, всей массе культработников марксизм-ленинизм близким и понятным.

Необходимо повышение ответственности каждого члена ОПМ за свою работу. Нужно, чтобы каждый член ОПМ развил в той организации, в которой он работает, большую работу в направлении пропаганды марксизма-ленинизма в педагогике.

Существует, скажем, объединенная ячейка студентов и аспирантов АКВ (Академии коммунистического воспитания.— *Ред.)* и педагогов-марксистов Фрунзенского района. Эта ячейка находится в особо благоприятных условиях для того, чтобы подвергнуть марксистскому анализу педагогическую практику школ Фрунзенского района, выявить особо слабые места, научиться приходить на помощь школам, правильно ставить среди учительства марксистско-ленинскую пропаганду педагогических идей, улучшать методы преподавания.

Такая ячейка может организовать соцсоревнование между школами в отношении наилучшего проведения в жизнь того или иного начинания.

Надо обдумать до конца выдвигаемую проблему, сообща обсудить ее, выработать показатели успешного

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 104.

ее проведения в жизнь, начать соцсоревнование между 3—4 школами, особенно заинтересовавшимися этим делом, и лишь постепенно, по мере накопления опыта, придавать этому делу все более и более широкий размах. Вышеупомянутая ячейка может добиться особенно много в деле реального оказания методической помощи школе. Члены этой ячейки могут чрезвычайно вырасти на этой работе.

По типу ячейки АКВ Фрунзенского района может создаться ряд аналогичных ячеек вокруг педвузов и научно-исследовательских и педагогических институтов.

Или создается ячейка ОПМ при ЦК профсоюза рабочих общего машиностроения. Чрезвычайно важная задача ложится на нее. Вовлечение в работу над школой вообще, над ее политехнизацией в частности, инженеров и рабочих, постановка среди них пропаганды марксистско-ленинской педагогики, организация через производство ячейки производственной практики ребят, изучение школой истории завода, разработка вопроса о сближении с учительством и т. д. Потом такая ячейка может организоваться у печатников и т. д.

По линии колхозной будут другие проблемы, по линии молодежной — другие.

Работа ячеек ОПМ при надлежащей ее постановке может вырасти в очень ценную работу. Совет ОПМ должен будет объединять всю эту работу, вливать ее в единое русло.

Перспективы тут огромные.

«Изучать, пропагандировать, организовывать» — такова задача ОПМ в области укрепления, проведения в жизнь основ марксизма-ленинизма на фронте педагогики.

Органом ОПМ будет журнал «На путях к новой школе».

Ленин говорил в свое время, что газета — это коллективный пропагандист, агитатор и организатор. Практика целиком подтвердила это утверждение. То же самое относится к журналу.

Журнал «На путях к новой школе» существует уже около 10 лет. Опираясь на ОПМ, он может проделать громадную работу.

Мы постараемся сплотить вокруг него широкие кадры работников фронта просвещения. Вместе с учителями-

практиками, с комсомолом, с рабочими и колхозниками, вместе с учащейся молодежью постараемся мы сделать журнал органом марксистско-ленинской педагогики.

В ближайших номерах мы осветим работу журнала за 10 лет, укажем, за что он боролся, какие идеи защищал, выявим его сильные и слабые стороны, укажем на сделанные ошибки, будем учиться на этих ошибках. Это поможет нам научиться правильно подходить к строительству советской политехнической школы, к коммунистическому воспитанию подрастающего поколения, к созданию социалистической культуры.

1932 г.

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СВЕТЕ ПЯТНАДЦАТИ ЛЕТ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ)

Какой бы участок социалистического строительства мы ни взяли, мы видим за 15 лет существования Советской власти громадные сдвиги. История развития за это время в каждой области работы является до чрезвычайности яркой иллюстрацией основных положений марксизма-ленинизма, и анализ этой истории имеет громадное значение как для дальнейшего развития дела, так и для братских партий других стран, которым предстоит еще завоевать пролетарскую диктатуру и закладывать у себя фундамент социалистической стройки. У них будет другая почва, другие трудности, но анализ проделанной нами работы может помочь им, подобно тому, как изучение опыта революционного движения других стран — Франции, Англии, Германии — помогло русскому пролетариату взять власть в октябре 1917 г.

В годы нэпа было принято характеризовать культурный фронт как третий фронт. У меня тоже один сборник назывался «На третьем фронте». Этот термин мы употребляли зря, ибо он рождал совершенно неверное представление, что это фронт неважный, что *сначала* нужно налегать на экономику, *а потом* уже можно заняться культурой. Стиралось как бы представление о *взаимозависимости* всех факторов. Если каждому партийцу ясна была взаимосвязь между экономикой и политикой, то много хуже обстояло дело с пониманием роли культуры, хотя этот вопрос правильно освещен Лениным в программе партии, в его речах, статьях и в ряде постановлений ЦК.

В письме к Иосифу Блоху от 21 сентября 1890 г. Энгельс писал:

«Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором, в конце концов, экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (т. е. вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно определима, что мы можем забыть о ней, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени»[1].

В письме к Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. Энгельс останавливается на том же вопросе: «... то, что мы называем *идеологическим воззрением*, в свою очередь оказывает обратное действие на экономическую основу и может ее в известных пределах изменить,— это мне кажется само собой разумеющимся»[2].

Владимир Ильич с самого начала своей деятельности, в первых своих произведениях: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России» и др. — особо тщательно анализировал взаимозависимость между экономикой, политикой и культурой. Он указывал на связь роста культурных потребностей масс с развитием промышленности, на прогрессивную роль индустриальных центров в умственном развитии всего населения, на то, что промышленные села отличаются большей грамотностью, чем чисто земледельческие, указывал на то, как даже обрывки образования пробуждают у сельчан чувство собственного

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 245.
[2] Там же, стр. 259.

достоинства, влияют на быт, указывал на положительное влияние на культурное развитие населения отхожих промыслов. С другой стороны, он отмечал связь религиозных воззрений с отсталыми формами хозяйства, указывал на одичалость мелкого собственника, на его индивидуализм, на то, что скупость и черствость мелкого собственника породили теорию мальтузианства, что представители мелкой буржуазии с поразительным легкомыслием относятся к приобретениям западноевропейской культуры.

Ленин говорил о буржуазной культуре, о том, что городской капитализм несет в деревню технику, но не культуру, что на агентов мелкого производства возлагается труд затемнять сознание и развращать сердца работников.

И вместе с тем Ильич отмечает, как именно дикость и культурная отсталость деревни делают возможными самые грубые формы эксплуатации кулачеством бедняцкого населения. Все время, и до Октября и после Октября, Владимир Ильич подчеркивал важность культурной работы, это же мы видим в постановлениях партии.

Революционный подъем 1917 г. повлек за собой громадную тягу рабочих масс к знанию, к учебе. За годы революции массы чрезвычайно выросли. Но преобладание в стране мелкого крестьянского хозяйства, общая культурная отсталость, особенно отсталость деревни, вели сплошь и рядом к недооценке на местах отдельными работниками роли культуры.

Марксизм — как раз та идеология, то мировоззрение, которое оказало громадное влияние на весь ход развития нашего революционного движения, которое помогло партии — передовому отряду рабочего класса — ясно осознать цель и путь к осуществлению этой цели, помогло правильно учитывать все обстоятельства и использовать их для победы.

Марксисты опираются во всей своей работе на рабочие массы и всегда придавали и придают громадное значение вооружению масс знанием, политическим сознанием, марксистским мировоззрением.

Как подходить к массам, как вглядываться в их жизнь, быт, как писать и говорить понятно, популярно о самых важных вопросах,— тут у партии был громадный опыт.

Вся политпросветработа была поставлена на службу развернувшейся классовой борьбе и социалистическому строительству. Содержание, характер ее были в корне отличны от буржуазной агитации и пропаганды. Церковь, служившая раньше орудием одурачения народных масс, была отделена от государства, потеряла всю власть и всякое значение. Пресса была поставлена на службу Советскому государству, стала обслуживать интересы трудящихся. Искусство стало работать в том же направлении.

Школа в руках помещичьего и буржуазного государства всегда и всюду являлась орудием порабощения масс. Это прекрасно знала партия. Глубоко ненавидели массы старую, господскую школу. Я помню, как вскоре после того, как начал работать Наркомпрос, один приехавший с фронта командир рассказывал, как поставленные в гимназию на постой в одном из городов Западной области солдаты изодрали в мелкие клочки все учебники, карты, разбили все физические приборы, сломали парты, с ненавистью разрушали оборудование ненавистного им инкубатора царских чинуш. Школа была куском буржуазного, бюрократического государственного аппарата, и это смутно чувствовали солдаты.

Старая школа должна была быть в корне преобразована. Надо было перестроить всю систему народного образования так, чтобы были увязаны все ее звенья, чтобы для рабочего, для крестьянина не было никаких преград к овладению знанием, наукой во всей ее широте. Надо было создать единую школу, которая с детских лет растила бы сознательных борцов и строителей, вооружала бы их знанием и умением коллективно работать и жить. Надо было создать такую политехническую школу, какой хотели ее видеть Маркс и Энгельс. Опыта в строительстве трудовой политехнической школы не было. Приходилось прокладывать новые пути. 15 лет шла работа в этой области.

Первый период борьбы на культурном фронте. Этот период охватывает 1917—1921 гг., когда шла острая гражданская война, когда царила хозяйственная разруха, закладывались первые камни Советской власти. Это были годы военного коммунизма. Культурный фронт был органически связан со всей происходив-

шей борьбой, и общие трудности этих годов отражались и не могли не отражаться на культурном фронте. Но отражался на культурном фронте и тот громадный энтузиазм, который охватывал в эти годы массы.

Октябрь, как прожектором, осветил стоявшие перед нашим культурным строительством задачи, массы рвались к знанию, широко развертывалась работа. Шла ломка старого. Правда, наши просвещенческие декларации 1917—1918 гг., наши речи и статьи того времени носили еще весьма общий характер. Годы 1919—1920 сделали всю работу уже гораздо более конкретной. Наркомпрос разрешал массу практических вопросов. В 1921 г. мы уже окунулись в самую глубь строительства.

Легче всего, пожалуй, было работать в области культурной работы среди взрослых, тут уж был определенный опыт, в эту область охотнее шли работать партийцы. Внешкольный отдел в 1919 г. преобразовался в Главполитпросвет. Все вопросы политпросветработы тесно увязывались с политическими вопросами, охватывали работу во всех слоях населения, увязывались с вопросами искусства. Политпросветработа получила в этот период громадный размах, в ее недрах зародились совпартшколы, агитмассовая работа принимала самые разнообразные формы, даже работа по ликвидации неграмотности тесно увязывалась с политикой. Главполитпросвету было легко работать еще и потому, что его работа шла под непосредственным руководством Владимира Ильича. Он выступал на политпросветских съездах, внимательно следил за библиотечной работой, за развертыванием ликбеза, школ взрослых, совпартшкол, учил, как увязывать при советском строе культработу с политикой, как увязывать ее с производственной пропагандой. Ильич стоял за теснейшую увязку политпросветработы в самых различных слоях населения и резко выступал против стремления пролеткульта обособиться. В проекте резолюции, набросанной им 8 октября 1920 г., говорилось:

«1. В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения, как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение

классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком.

2. Поэтому пролетариат, как в лице своего авангарда, коммунистической партии, так и в лице всей массы всякого рода пролетарских организаций вообще, должен принимать самое активное и самое главное участие во всем деле народного просвещения»[1].

В пункте 5 предлагалось сказать:

«... Всероссийский съезд Пролеткульта самым решительным образом отвергает, как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации, разграничивать области работы Наркомпроса и Пролеткульта или устанавливать «автономию» Пролеткульта внутри учреждений Наркомпроса и т. п.»[2]

Столь же решительно был Владимир Ильич и против разделения культработы с профсоюзами, стоял за единую библиотечную сеть.

Владимир Ильич считал, что политпросветработа должна вестись и среди учительства, и говорил о том, что перед политпросветчиками стоит задача пропитать своим духом, зажечь огнем своей инициативы полумиллионную армию учительского персонала. Задача агитатора и пропагандиста — «руководить сотнями тысяч преподавательского персонала, заинтересовать их, побороть старые буржуазные предрассудки, привлечь их к тому, что мы делаем, заразить их сознанием непомерности нашей работы, и, только перейдя к этой работе, мы можем эту массу, задавленную капитализмом, которую он оттягивал от нас, вывести на правильный путь»[3].

В области школьного дела Советская власть сразу же провела декрет об отделении школы от церкви. Религия была изгнана из школы. Были уничтожены привилегированные дворянские учебные заведения. Школа стала единой и трудовой школой совместного воспитания на всех своих ступенях. Изменение духа всей школы сделало немыслимым старые программы, старые учебники, надо было составлять новые учебники, новые программы. С учителями было трудно. Сельское учительство было

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 291.
[2] Там же, стр. 292.
[3] Там же, стр. 345.

под сильным влиянием эсеров, городское — под влиянием кадетов. Учителя в своей массе не хотели идти за большевиками. Дело началось с саботажа. В Ленинграде, когда т. Луначарский со своими первыми сотрудниками пришел в бывшее министерство народного просвещения, там были одни только технические служащие. Наркомпрос был под бойкотом. В Москве дело началось с забастовки учительства, не бастовали только 4 учительницы. Всероссийский учительский союз был против Советской власти. Учителя-большевики насчитывались единицами. Пришлось временно организовать союз учителей-интернационалистов. Их была незначительная кучка. Они сплотились около Наркомпроса и повели горячую пропаганду идеи единой трудовой школы. К пропаганде стали прислушиваться. Особо широкий размах она приняла летом 1918 г. В отдельных школах учителя-энтузиасты старались строить дело по-новому.

Самое трудное было в то время — осуществление идеи трудовой школы. Это было главное новшество, тут надо было пролагать новые пути. Связи с производством не было, мастерских при школах не было, как увязывать теорию с практикой, обучение с производительным трудом,— никто не знал. Обучение труду в большинстве случаев сводилось к самообслуживанию и к обучению самыми примитивными способами столярничанию, переплетному делу, труду. Политехнизма еще никакого не существовало. Надо сказать, что 1918—1919 гг. были годами, когда промышленность была развалена, фабрики и заводы стояли, увязки с производством не было в школах почти никакой. В 1919 г. была принята программа партии, где уже говорилось не просто о трудовой, но о трудовой политехнической школе, ширящей горизонт. В массах росло сознательное отношение к труду, выражавшееся в субботниках. Ставился вопрос о всеобщей трудовой повинности. Это вносило новую струю и в школьный труд. Работая, ребята распевали о «республике труда». Был создан ряд опытно-показательных школ, где передовые учителя разрабатывали проблему увязки обучения с производительным трудом. В 1920 г. имелись уже определенные достижения на этом фронте.

Но раздавались голоса, что политехнизацию можно проводить лишь в крупных промышленных центрах, а в

других местах лучше подождать; что надо, чтобы школа давала как можно скорее определенную ремесленную квалификацию, а не занималась трудом «вообще» (на такой точке зрения стоял украинский Наркомпрос, превращавший свои школы-семилетки в ремесленные училища). Говорилось также и о том, что девятилетку кончает лишь небольшая кучка, так что говорить о том, что специализацию нужно начинать лишь с 17 лет, как о том говорила программа партии,— чистая утопия. С другой стороны, говорили, что труд отнимает очень много времени и не надо вводить его в школу. В конце 1920 г. намечалось партсовещание по вопросам народного образования. Я готовилась к докладу, набрасывала тезисы по вопросу о политехнизации. Набросок показала Ильичу. Он сделал ряд указаний. Тогда эти заметки не были опубликованы. Они не предназначались к опубликованию. На них была сделана надпись: «Приватно. Черняк. **Не оглашать.** Я еще раз и два обдумаю это» [1]. Прошло много лет, споры между наркомпросами Украины и РСФСР отошли в прошлое, потеряли свою остроту, но эти заметки имеют громадное принципиальное значение, являются руководством к действию и в данный момент, поэтому я, получив их из архива Института Ленина, решила в 1929 г. опубликовать.

В этих заметках говорится о необходимости подчеркивания принципиальной стороны дела, говорится против ранней специализации, против оремесливания школы, но в то же время говорится о необходимости для молодежи профобразования, даже ремесленного типа, но дополняемого увязкой с общим образованием и широким политехническим кругозором. Раннюю специализацию, оремесливание общеобразовательной школы Ильич называл «пересобачиванием до глупости». В то же время он требовал, чтобы о политехнизации не только говорили, а немедля проводили ее в жизнь, подчеркивал необходимость укреплять в школе преподавание общеобразовательных предметов. Партсовещание не разрешило до конца вопроса о политехнизации, и в феврале 1921 г. Ленин повторил те же мысли, что в «Заметках на тезисы Надежды Констан-

---

[1] В. И. Ленин, О политехническом образовании. Заметки на тезисы Надежды Константиновны, Соч., т. 36, стр. 490.

тиновны»,— в статьях «О народном образовании» и «Директивах ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса», дополнив их указаниями, как использовать окружающую техническую обстановку, электростанции, образцово поставленные совхозы и заводы. Он писал о необходимости теснейшим образом увязывать учебу с злободневными задачами соцстроительства, об изучении в школе основ электрификации, о введении изучения научной организации труда.

Имели мы также и общие указания Ленина о школе, особо полно сформулированные им в речи на III съезде комсомола.

Следующий этап в деле развертывания культработы был период нэпа.

В октябре 1921 г. на II Всероссийском съезде политпросветов Ленин дал указания, как должна вестись политпросветработа при переходе к нэпу. Он говорил о том, что нельзя рассчитывать на непосредственный переход к коммунизму, что пролетарская организованная власть — и передовые рабочие и небольшая часть передовых крестьян — должна суметь организовать вокруг себя народное движение. Ильич говорил о том, что необходимо подвести и под все политические завоевания Советской власти экономический фундамент. Для этого нужны годы учебы, нужно громадное повышение культуры. Нужно ликвидировать неграмотность, но этого мало,— нужно такое повышение культуры, которое помогло бы бороться с бюрократизмом, взяткой и волокитой. Нужны не декларации, необходимо проводить практически то, что намечено. Надо вести большую культурную работу среди крестьянства. Готовя план речи на XI съезде РКП(б), происходившем с 27.III по 2. IV 1922 г., Ильич писал:

«15. «Гвоздь момента» (звено цепи) = разрыв между величием поставленных задач и *нищетой* не только материальной, но и *культурной*.

16. Во главе масс надо быть, иначе мы капля в море. *«Полоса пропаганды декретами» прошла.* Массы поймут и оценят ***лишь*** деловую практическую работу, *практический успех* в хоз- и культработе»[1].

---

[1] Ленинский сборник, т. XIII, 1930, стр. 17—18.

И в 1923 г. в своих последних статьях писал Ленин о необходимости культурной работы среди крестьянства, о приближающейся культурной революции.

В первый момент переход к нэпу здорово ударил по политпросветработе. ЦК пришлось разъяснять даже, что недопустимо взимание платы за обучение и за пользование библиотекой. Переход на хозрасчет привел к закрытию целого ряда изб-читален и других политпросветучреждений.

Школ ликбеза в 1920/1921 г. насчитывалось 40 967, в 1921/1922 г.— 17 987, в 1922/1923 г.— 3535. Лишь с 1923/1924 г. начался, медленный сначала, подъем.

По избам-читальням мы видим ту же картину. Изб-читален в 1920/1921 г. насчитывалось 24 413, в 1921/1922 г.— 16 799, в 1922/1923 г.— 5018.

Ту же картину мы видим по библиотекам. Библиотек в 1920/1921 г. насчитывалось 20 030, в 1921/1922 г.— 17 058, в 1922/1923 г.— 10 538.

Численно политпросветучреждения чрезвычайно сократились. Но началась усиленная работа по улучшению их качества, по развертыванию их работы на новых основах. Они с каждым годом становились ближе населению. Работники этих учреждений учились ставить эти учреждения на службу поднятия сельского хозяйства, укрепления работы сельсоветов, вели широкую советскую пропаганду, разъясняли выходящие декреты, мероприятия Советской власти, будили интерес к книге, учили пользоваться газетой. Шло вовлечение женщин в эту работу.

Политпросветработа шла главным образом по линии деревни. Параллельно с этим развивалась культработа профсоюзов. И она теснее связывалась с производством, вопросы производственной пропаганды были выдвинуты на первый план. На этом особенно настаивал Ленин. Вся культработа теперь гораздо больше удовлетворяла культурным потребностям профсоюзов, она широко втягивала в работу женщин, становилась ближе, интереснее рабочим. Помню, однажды я была на выставке по культработе у транспортников. Мне показывала ее одна работница. В числе экспонатов был «Уголок транспортницы». В этом уголке красовались тончайшие вышивки и кружева. Я воркнула: «Зачем заниматься таким «рукоделием»... типичным для старого быта?» (Я постеснялась сказать

«мещанского».) — «Знаешь,— ответила мне работница,— транспортницам приходится вести очень грубую работу, пути подметать и пр., так ей такая рукодельная работа нужна, она хочет убедиться, что она и на самую тонкую работу способна».— «Да, вот они, своеобразные пути к созданию всесторонне развитых личностей»,— подумала я.

«Ближе к массам, ближе к быту, к их хозяйственной работе» — таков был лозунг политпросветработы в годы нэпа.

К 10-летию Октября мы восстановили количественные показатели до уровня последних лет периода военного коммунизма, лишь немного повысили их, но качество политпросветучреждений поднялось чрезвычайно. За эти годы была проделана также большая работа методического характера, подработаны вопросы, как углублять содержание всех учреждений политпросветработы, как улучшать пропагандистскую, агитационную, учебную работу. Большая работа проделана была по дифференцированию планов работы по областям. Усиленно шла подработка «паспортов» областей — выявление их природных условий, национального состава населения, особенностей их экономического развития, истории политического развития, характера происходившей классовой борьбы, культурного лица района. Эти «паспорта» имели очень большое значение в том отношении, что создавали основы живого планирования, давали правильную наметку содержания работы, помогали соответствующим образом подбирать работников. Большая работа была проделана по изучению особенностей работы среди нацменьшинств.

Шла работа по заочному образованию, по обслуживанию деревни кинопередвижками, по созданию популярной литературы. Вся эта работа шла параллельно мероприятиям, широко открывавшим двери в вузы рабочим и крестьянам. Рабфаки играли у нас совершенно исключительную роль. Параллельно развивались школы и курсы взрослых повышенного типа. В 1926/1927 г. был по СССР уже 31 рабочий университет, быстро росли школы и курсы политграмоты, совпартшколы.

Как шла работа на других участках просвещенческого фронта в период нэпа?

В дошкольном деле мы видим ту же картину: сначала быстрое сворачивание числа учреждений, потом их постепенный рост на базе улучшения качества этих учреждений. В 1920/1921 г. сеть дошкольных учреждений была 4723, 1921/1922 г.— 3560, 1922/1923 г.— 1526. Восстановление сети дошкольных учреждений шло, однако, медленнее, чем восстановление сети политпросветучреждений.

А что было со школой для детей и подростков?

Очень резкое снижение детских домов и приемников и числа обслуживаемых ими детей шло за весь отрезок времени с 1921 по 1927 г. Максимальной цифры достигло число детей в 1921/1922 г., когда голод 1921 г. создал громадную беспризорность, когда детдомами обслуживалось 473 949 человек, в 1926/1927 г. обслуживалось уже лишь 201 955 человек. По мере того как восстанавливались промышленность и сельское хозяйство,— ослабевала беспризорность, кроме того ребята раздавались на воспитание желающим брать их родственникам и даже посторонним лицам, которым предоставлялись за это известные льготы.

Что касается начального обучения, то надо сказать, что в этой области и в годы военного коммунизма не было особых достижений в количественном отношении. Да это и понятно. Во время гражданской войны белые жгли и разоряли школы, красные части занимали школы для военных целей, а потом под советские учреждения всякого типа. Другого выхода не было. И вот благодаря этому рост числа школ был незначителен. До революции, в 1914/1915 г., число школ было 104 610, а в 1920/1921 г.— 113 994. В первые годы нэпа число школ даже снизилось: в 1923/1924 г. до 87 258, а потом стало медленно подниматься: в 1926/1927 г. их было 108 424, т. е., немного больше, чем в дореволюционное время. Но школы были переполнены: если в дореволюционное время в них училось 7236 тыс., то в 1926/1927 г.— уже 9903 тыс., тяга к учебе росла с каждым днем. Однако в деревнях в большинстве школы были лишь трехгодичные, девочки составляли приблизительно лишь около одной трети учащихся, причем число учащихся с каждым годом таяло: из числа ребят, поступивших в первую группу, во вторую группу ходило лишь 67%, в

третью группу — 37%, а в четвертую — лишь 14%, причем наиболее сильно отсеивались дети сельскохозяйственных рабочих и бедняков.

В городах отсев был меньше; среди учащихся девочек было лишь на незначительный процент меньше, чем мальчиков. Число учащихся в школах, дающих среднее образование, сначала совсем не росло, в 1921/1922 г. снизилось до 520 тыс., к 1926/1927 г. поднялось до 785 тыс. Таким образом, за первые 10 лет рост учащихся и по I и по II ступени был не очень значителен. В деле продвижения по направлению к осуществлению требования программы нашей партии — обязательного обучения всех детей обоего пола вплоть до 17 лет — удалось сделать сравнительно немного.

Насчет содержания и методов образования сдвиги были гораздо крупнее. Школа изгоняла из своих стен старые приемы мертвой зубрежки, преобразуемая жизнь врывалась в школу, но этот процесс шел довольно стихийно; необходимо было поднять борьбу за качество учебы, за то, чтобы действительно превратить школу «из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества.

В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма,— гласила программа нашей партии,— школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм»[1].

Если первые годы уходили на то, чтобы выбросить из школы старые, проникнутые буржуазной идеологией учебники, вытравить из школы религию, шовинизм, методы муштры и зубрежки, сломить сопротивление реакционной части учительства, то теперь надо было влить новое содержание в преподавание, увязать школу как

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.

можно теснее с жизнью, сблизить с населением, организовать подлинное коммунистическое воспитание ребят.

По настоянию Владимира Ильича в Наркомпросе была усилена работа ГУСа, а в нем — работа научно-педагогической секции. Владимир Ильич говорил много раз о том, что в корне должно быть изменено все содержание преподавания, что оно должно быть тесно связано со всем соцстроительством, с злободневными задачами этого строительства. Как это сделать? «Мы знаем, что по-старому учить нельзя, а как по-новому, никто нам не говорит»,— жаловались учителя. Группа работников научно-педагогической секции ГУСа взялась за разработку программы. Мы ставили себе целью заложить у ребят, приходящих в школу, основы материалистического мировоззрения, развить у них понимание окружающей жизни и той коренной перестройки, которой она требует, развить у них умение коллективно работать, жить и учиться. Мы попробовали составить проект новых программ. В них мы взяли за стержень трудовую деятельность людей — производство в его развитии,— и около него увязывали вопросы природоведения, показав, как все более и более овладевает человек силами природы, использует их — это с одной стороны; с другой стороны, старались увязать экономику с политикой, со всем общественным укладом. Нам казалось, что таким путем лучше всего можно осмыслить труд, воспитать у ребят сознательное отношение к труду и сознательное отношение к окружающей жизни. Мы старались также построить программы таким образом, чтобы зажигать в ребятах интерес к преобразованию окружающей жизни, втягивать в общественную работу с возможно более раннего возраста, на чем так настаивал Владимир Ильич.

Его речь на III съезде комсомола, где он дал наметку, в каком направлении преобразовывать школу, тесно увязывая теорию с практикой, знания с производительным трудом,— служила нам руководством при составлении проекта программ. Проект программ не был по существу дела программой в тесном смысле этого слова, он говорил лишь о тех моментах, которые необходимо ввести в программы. Он не отменял «предметов», говорил только о том, что нужна глубокая внутренняя связь

между отдельными областями знаний, нужен синтез — обобщение всех приобретаемых учащимися знаний. Мы хотели дать ученикам возможность изучать явления во всех их связях и опосредствованиях, в их развитии.

В школу I ступени не вводилось особых «предметов». Их не было и раньше в начальной школе: был один предмет — «закон божий». В массовой начальной школе учили, кроме того, русскому языку и арифметике, а знания по географии, естествознанию давались попутно на уроках объяснительного чтения. Многие не знавшие массовой начальной школы ставят знак равенства между нею и младшими классами гимназии, где были «предметы». Но это — ошибка. В гимназиях был иной социальный состав, большинство были дети интеллигенции, у многих ребят были репетиторы, ничто не мешало им заниматься дома. Стремление внести известную систематику в объяснительное чтение, в беседы учителя с учениками никаких «предметов» не срывало.

Во II ступени «предметы» оставались. Проект новых программ был разослан по научно-исследовательским институтам, по ряду педагогических вузов и школ с просьбой дать отзывы о программах. Отзывы получались благоприятные. Коллегия Наркомпроса одобрила программы, нашла их марксистскими.

Программы ГУСа рвали со старыми традициями, к ним с озлоблением относились педагоги, вроде тех, которые группировались около «Педагогической мысли», желавшей сохранить старую привилегированную барскую школу, сохранить в школе религию и пр. Об этом открыто писалось еще в 1921 г. И именно поэтому программы ГУСа, вернее схемы программ ГУСа, стали знаменем, около которого группировалось передовое учительство. Они будили мысль, инициативу. Первый Всероссийский учительский съезд наглядно показал это.

Если смотреть на программы ГУСа современными глазами, они кажутся очень примитивными, наивными, но именно эта наивность, их недоделанность будила мысль, сплачивала, организовывала.

Программы ГУСа были определенным этапом на пути развития политехнической школы. Преподавание труда в школе носило в большинстве случаев еще ремес-

ленный характер, дело еще плохо ладилось, но все же поняли, что наша школа трудовая.

В годы нэпа выросли в недрах трудовой школы два новых типа школы, которые открывали двери настоящей увязке обучения с производительным трудом,— это школы ФЗУ и ШКМ. Взаправдашний труд в этих школах освещался светом знания. Нельзя сказать, чтобы эти школы были школами политехническими, но элементы политехнизма в них, несомненно, были.

Тесная увязка школы с жизнью была громадным завоеванием периода нэпа. Завоеванием была широкая организация общественно полезной работы школьников.

Совершенно исключительное значение имело возникшее 10 лет тому назад и могуче развившееся пионердвижение. Оно, несомненно, наложило печать и на всю работу школы.

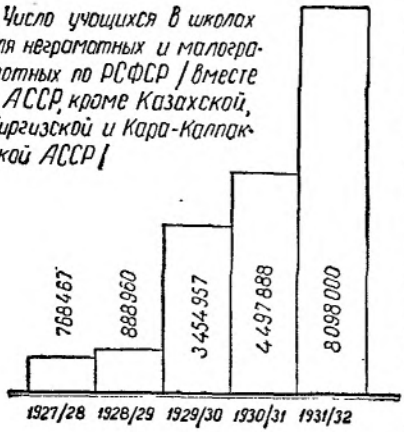
Количественно за время нэпа рост культурных учреждений шел довольно медленными темпами, но качественно работа изменилась, стала глубже, да и культучреждения перестали быть карточными домиками, которые сносит каждый порыв ветра. Годы нэпа не были тротуаром Невского проспекта; приходилось иногда наталкиваться на чудовищную недооценку культурного фронта, на полное непонимание того, в чем классовая сущность нашей культурной работы; приходилось бороться против тех, кто хотел выхолостить эту классовую сущность; приходилось бороться и с теми, кто хотел просто перескочить через все трудности, кто, вместо того чтобы поднимать школьную учебу на высшую ступень, толковал о том, что «жизнь учит», «жизнь воспитывает», кто систематическую учебу подменял агитацией, совершенно не учитывая сил и развития детей, кто говорил, что ребенок «все может».

К началу первой пятилетки культурное лицо СССР уже было иным, чем оно было при начале нэпа, в 1921 г. Но количественный охват населения культработой был еще незначителен, дело ликвидации неграмотности почти стабилизировалось, у нас не было даже в размере четырехлетки всеобщего обязательного обучения.

Годы первой пятилетки, когда шла реконструкция всего хозяйства на социалистических началах,

характеризуются бурным ростом культурного обслуживания и преодоления связанных с ним трудностей.

Сначала резче всего бурный рост культработы сказался на фронте ликбеза. Сознание того, что в стране неграмотной построить социализм нельзя, проникло в массы, и массы сами взялись за ликвидацию неграмотности. Неграмотность особо сильна была в глухих деревнях, особенно среди женщин. Особо затоптаны были при старом режиме нацреспублики и нацобласти. Грамотных в дореволюционное время было меньше одного процента среди киргизов (0,6), якутов (0,7), среди туркменов бывшей Закаспийской области (0,7), среди бурятов этой области (0,8), но и среди чувашей грамотность равнялась лишь 7%, среди татар бывшей Казанской губернии — 12,7%, т. д. и т. п. О темпах ликвидации неграмотности говорил пример Адыгеи. До революции там училась только дворянская верхушка, черкесская знать. Грамотных было всего 3%. К ленинским дням 1931 г. Адыгея стала сплошь грамотной.

На базе развернувшейся самодеятельности населения и достигнутых успехов Совнарком постановил 15 августа 1931 г.: «Ввести всеобщее обучение неграмотного населения в городе и деревне по территории РСФСР в возрасте от 16 до 50 лет». О темпах ликвидации неграмотности в РСФСР можно судить по таблице.

В настоящее время по СССР грамотных уже 90%. Массовый характер работы поставил во весь рост вопрос о новых формах организации этой работы, о сочетании массовой самодеятельности с четким руководством. Культпоходы, культштурмы, соцсоревнование применя-

лись и в других областях работы. Чрезвычайно характерна работа по дошкольному делу, в которой широко применяются методы культпохода. Достижения в области дошкольного дела характеризуются данными по СССР относительно роста охвата детей-дошкольников учреждениями дошкольного воспитания (см. стр. 602.— *Ред.*).

Мы видим также громадный рост за последние годы в области начального обучения (см. стр. 602.— *Ред.*).

Мы добились всеобщего обязательного обучения. Благодаря охвату начальным обучением всего подрастающего поколения удельный вес школы чрезвычайно возрос. Растет и число учащихся во 2-м концентре семилетки: в 1928 г. этот концентр обслуживал 1436 тыс. учащихся, в 1932 г.— уже 4094 тыс. Мы идем по пути к всеобщему обязательному семилетнему обучению.

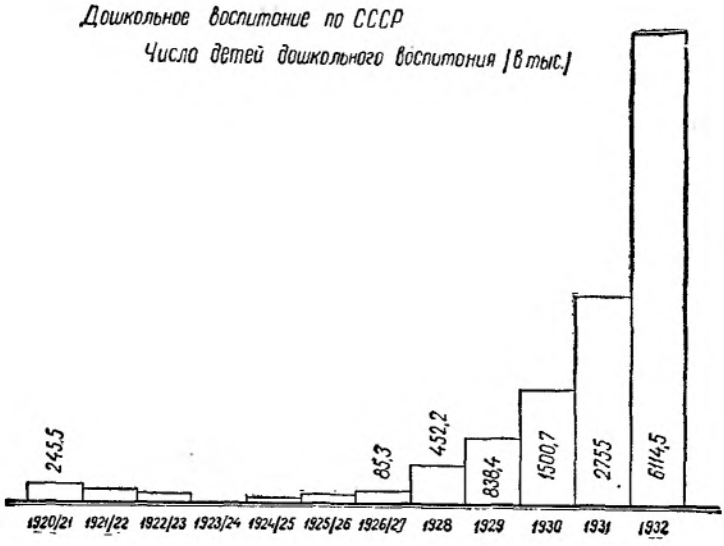
На пути к всеобщему четырехлетнему обучению мы встретились с громадными трудностями: с отсутствием материального оборудования, во-первых, с отсутствием необходимого количества подготовленных педагогов, во-вторых. Вопросы подготовки учительского персонала стали в центр внимания.

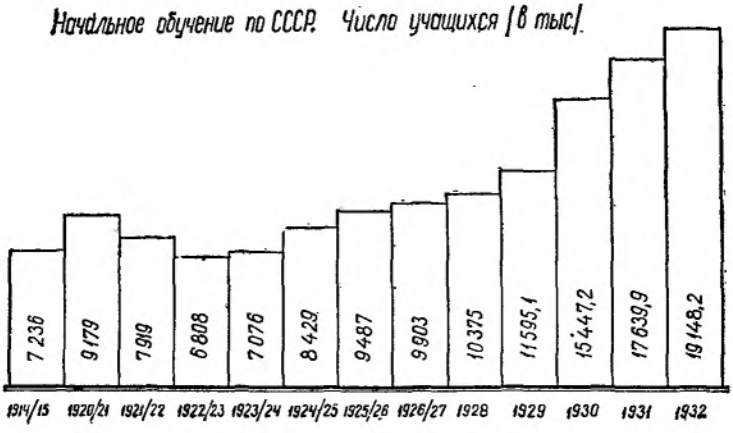
Но во весь рост встал и другой вопрос — вопрос о *качестве* учебы: насколько школа является подлинно трудовой, подлинно политехнической школой, насколько она вооружает ребят знаниями, насколько она правильно развертывает коммунистическое воспитание.

Вопросы политехнизации сейчас, когда техника играет в жизни страны такое решающее значение, когда ведется плановое хозяйство, когда строится усилиями миллионов социалистическое общество, приобретают исключительно большое значение.

Соцсоревнование и ударничество выковывают в массах сознательное отношение к труду, но сознательное отношение должно подкрепляться знаниями, опираться на широкий политехнический кругозор, на понимание задач строительства.

Вот почему вопрос о подлинной политехнизации школы встал с такой остротой. В августе 1930 г. происходил I политехнический съезд. Он проходил при участии рабочих, колхозников, специалистов. Учителя рассказывали про свой опыт, про свои достижения и трудности. Съезд

Дошкольное воспитание по СССР
Число детей дошкольного воспитания (в тыс.)
245,5
85,3
452,2
838,4
1500,7
2755
6114,5
1920/21
1921/22
1922/23
1923/24
1924/25
1925/26
1926/27
1928
1929
1930
1931
1932

Начальное обучение по СССР. Число учащихся (в тыс.)
7 236
9 179
7 919
6 808
7 076
8 429
9 487
9 903
10 375
11 595,1
15 447,2
17 639,9
19 148,2
1914/15
1920/21
1921/22
1922/23
1923/24
1924/25
1925/26
1926/27
1928
1929
1930
1931
1932

дал интереснейший материал. Он выявил с очевидностью, что политехнизация школы не может быть проведена в четырех стенах школы, что необходимо, чтобы это дело стало делом всей страны, что нужно сближение гораздо более тесное между школами и предприятиями, между школами и сельским хозяйством. После съезда стали прикреплять школы к фабрикам и заводам, колхозам и совхозам. Учитель стал ближе к рабочей массе, рабочие стали ближе к школе. В 1930 г. остро встал вопрос о нехватке рабочих рук — в результате кое-где бытовой труд стал захлестывать школу, ребят стали брать на завод, чтобы ликвидировать прорывы, отправлять школы на рытье картошки или свеклы. Связи обучения с производительным трудом никакой не получалось. Попытки не на словах, а на деле увязать обучение с производительным трудом вскрыли с особой остротой коренной недостаток школы — слабость вооружения учащихся знаниями. Современная эпоха, современные формы классовой борьбы требуют вооружения борцов за рабочее дело, вооружения строителей социализма очень серьезными знаниями. Без серьезного запаса знаний они будут вынуждены идти на поводу у чуждых элементов, они не смогут подходить с достаточным знанием дела к страшно усложнившимся и постоянно все более усложняющимся задачам борьбы и соцстроительства.

Знание — сила. Это относится ко всем временам, а в переживаемую нами сейчас эпоху это верно вдвойне.

И потому ЦК в своем постановлении от 5 сентября 1931 г. отнесся с такой серьезностью к оценке качества школьной учебы и неуклонно следил за его повышением. Недостаток систематики, скудность сообщаемых знаний, неумение отделить существенное от второстепенного, работа вслепую, без учета сил учащихся и их знаний, отсутствие ответственности со стороны учителя, переложение ответственности на самих школьников-бригадиров, отсутствие плановости в работе, применение методов, не помогающих работе, а мешающих ей,— вот те недостатки, на которые указал ЦК. Весь 1931/32 г. прошел под углом зрения борьбы за осуществление постановления ЦК: школы здорово подтянулись, самокритика обострила бдительность. 25 августа 1932 г. было издано второе постановление ЦК, где давались конкретные ука-

зания по выработке программ, давались указания насчет методов работы и создания необходимого режима, без которого невозможна ни правильно налаженная учеба, ни подлинное коммунистическое воспитание. Целый ряд новых, важных задач встал перед школой. Предыдущий путь развития создал условия для правильного их разрешения. Нужна очень большая, серьезная работа. Только подняв *качество учебы*, укрепив коммунистическую сознательность ребят, воспитав в них привычку действовать организованно, планово, самостоятельно учиться, можно будет поставить по-настоящему увязку обучения с производительным трудом учащихся, создать подлинно политехническую школу. Над этим и надо работать.

Я коснулась в данной статье лишь вопросов массовой работы среди взрослых и вопросов массовой школы. Это лишь небольшой участок нашего культурного строительства, наших достижений, но участок чрезвычайно важный, влияющий на всю работу страны, участок чрезвычайно показательный.

Пройденный путь — база для дальнейшего развертывания культурного строительства и вширь и вглубь, база для построения подлинной пролетарской, социалистической культуры, такой, как ее понимал Ленин.

1932 г.

ВОПРОСЫ КУЛЬТРАБОТЫ СРЕДИ НАРОДНОСТЕЙ

(ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОВЕЩАНИИ КУЛЬТРАБОТНИКОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА)

Один из чрезвычайно важных вопросов культурного строительства на Крайнем Севере — это вопрос о работе не только с самими отсталыми национальностями, но и с теми национальностями, которые соприкасаются с ними, вопрос о работе с русским населением, для того чтобы оно могло активно помогать культработе. В русских школах важно ставить изучение языка окружающего населения, потому что вести на русском языке политпросветработу среди населения, которое на этом языке не говорит,— это ни с чем не сообразное дело. *Необходимо знание языка, знание быта, очень хорошее знание и современного хозяйственного строительства края и его прошлого,* и поэтому необходимо, чтобы русское население, которое соприкасается с местным населением, было подковано в этом отношении в достаточной мере, чтобы оно достаточно осознавало необходимость знания языка, чтобы каждый учитель, каждый политпросветчик осознали необходимость знания — очень хорошего и глубокого — той национальности, среди которой они ведут работу.

Мне пришлось беседовать раз с избачами, приехавшими на экскурсию в Москву из Хакассии. Сначала делегаты стали выступать в официальных тонах. Я спрашиваю: «Ну, а как у вас обстоит дело с антирелигиозной пропагандой?» Они говорят: «У нас 80% шаманов сдали бубны». Я говорю: «Это ладно, но нужна большая работа, чтобы ушли в прошлое все религиозные верования». Тогда один из участников конференции говорит:

«Шаманы бубны сдали, а когда идет лошадь, вымытая молоком — она считается священной,— все встают и в пояс кланяются лошади». Так что внешне как будто благополучно идет: бубны сдал шаман,— а лошади в пояс кланяются, потому что лошадь считают священной.

Этот небольшой разговор показывает, что надо подходить к вопросам антирелигиозной пропаганды не с формальной стороны, а надо глубоко изучить все условия хозяйственной жизни, бытовые, недавнее прошлое края. Изучать быт особенно важно. Ведь ничто так прочно не держится, как разные бытовые условия.

Я в прошлом году была в Ленинграде в ленинские дни. В этом районе, где я работала в 90-х годах (Володарский район), была суконная фабрика Торнтона, расположенная по другую сторону Невы. Торнтон, как англичанин, был довольно сведущ в том отношении, как подходить к рабочему с капиталистической точки зрения. Он подбирал рабочих определенным образом, выписывал их из самых отсталых сел Смоленской губернии, давая им престольные праздники праздновать, подбирались родственники, чтобы была привычная деревенская обстановка и чтобы крестьянка, которая приезжает из далекой деревни, чувствовала себя, как среди своих — тут тебе и престольный праздник, и односельчане; поэтому крестьянки на эту фабрику охотно шли, хотя и платили тут много меньше и положение было невероятно тяжелое в смысле жилища и продолжительности рабочего дня. Торнтон старался, чтобы рабочие его не сносились с рабочими передовых заводов, расположенных по другую сторону Невы, по главному, так называемому Шлиссельбургскому, тракту (шоссе). Каждый раз для переезда на ту сторону Невы надо было брать разрешение. Были такие отсталые работницы, которые на этой стороне Невы ни разу не были, жили замкнуто, в стороне от кипучего рабочего движения. Это было в 90-х годах. Я была в Ленинграде в прошлом году и поехала в свой район, где я пять лет работала, и посмотрела, как там сейчас обстоит дело. Мне так один товарищ говорит: «А, знаете, на фабрике Торнтона есть работницы, которые ни разу на этой стороне не были». Прошли две революции, 14 лет существует Советская власть, а ста-

рое так властно, что еще до сих пор старухи не решаются перебраться на другую сторону Невы. И это в Ленинграде.

Этот пример показывает, как прочно держится быт. Я об этом факте рассказывала 8 марта в Свердловском университете. После собрания ко мне взволнованно подходит одна студентка и говорит мне: «Вы это откуда узнали?» —Я сказала. Она, волнуясь, говорит: «Моя бабушка тоже никогда не была на той стороне Невы». Это говорила внучка торнтоновской работницы — студентка Свердловского университета. Мне кажется, что этот факт наглядно показывает, что, ведя нашу политпросветработу, ведя культурную работу, мы должны вглядываться особенно остро в бытовые условия.

Только тогда, когда мы знаем быт, знаем историю данной области, данного района, данной национальности, если мы знаем все бытовые условия,— только тогда мы сможем найти верный путь к поднятию культурной работы.

Вот, скажем, хакасы, о беседе с которыми я рассказывала. Оказалось, что политпросветчик у них — московский булочник, пролетарий, который нашел правильный подход к этим хакасам. Он прислал мне целую тетрадь, где замечательно описал быт хакасов. Я очень жалею, что эту тетрадь у меня зачитали, так как это ценнейший человеческий документ. Он описывает, какие оригинальные формы принимает работа в национальных областях, какую нужно иметь чуткость и знание местных условий, местных особенностей, чтобы найти правильный подход. Этот булочник так начинает свою тетрадку: «Странно,— говорит,— мне как будто надо было бы печь булки, а революция вот что делает — в Хакассию меня кинула политпросветчиком». Дальше он описывает обычаи и т. д. А рядом с этим он описывает, например: «Я поехал в деревню. Забыл, какое число. Смотрю, какие-то черные тряпки развешаны около жилищ. Я подумал, что это кого-нибудь хоронят. Оказалось, что это ленинский день». Он описывает, как в ленинский день в особом помещении говорил старик докладчик и как после доклада все присутствующие дали залп из ружей. Было захватывающее настроение. Я думаю, что и над этим фактом надо подумать. *Надо найти то, что сближает тру-*

дящихся разных национальностей. Когда рассказываешь русским рабочим про хакасов, слушают так себе, а когда начнешь рассказывать, как там проводили ленинский день, как хакасы в этот праздник запретили политпросветчику пускать граммофон (он хотел начать веселую песню),— это производит впечатление на русских, даже отсталых, рабочих, и они иначе начинают относиться к товарищам отсталой национальности.

Надо сказать, что в Хакассию во время гражданской войны пришли русские красные войска, красные воевали с белыми, но красные были из крестьян, и поэтому, видя, что земля стоит пустая, неосвоенная, ничья, там гоняют только табуны лошадей, а земли никто не обрабатывает, они там и осели на земле, завели хозяйство и образовались русские поселки, и вот теперь идут другой раз трения между русскими и хакасами. Конечно, это в Советском Союзе вещь недопустимая.

Надо находить общие интересы, в первую очередь хозяйственные, осмысливать их, повести большую политпросветскую работу, добиться взаимного понимания, сближения; необходимо добиваться всеми силами, чтобы в зародыше душить национальную рознь.

Надо, чтобы мы в школе вели очень четкую линию в национальном вопросе.

Вот, например, русские ребята из одной русской школы, кажется Казахстана, написали мне письмо. Они писали: «Мы понимаем, что мы должны для окружающих темных, отсталых национальностей работать». Я им написала, что хорошо, что они понимают это, но пускай они не думают, что эти национальности во всем ниже их, пусть посмотрят, какой у них стойкий характер, как они стреляют, охотятся, как великолепно знают местность, природу, постаралась изложить все положительные стороны данной национальности, о которой шла речь, чтобы ребята смотрели не сверху вниз на них, а смотрели на ребят другой национальности как на товарищей и умели с ними работать.

Этот вопрос товарищеских отношений в школе между ребятами разных национальностей и русскими ребятами — это вопрос, на который и педагоги должны обратить большое внимание.

В прениях кто-то из товарищей с мест говорил на данной конференции о трениях, которые имеются между русским населением и между отдельными национальностями Севера. На эту сторону дела надо, конечно, обратить самое серьезное внимание, стараться выяснить причины и устранить их. Чтобы трения были изжиты, важно не столько лекцию по национальному вопросу прочитать, сколько на деле показать, как должно идти это сближение. Нам нужно изжить эту рознь, которая иногда стихийно возникает. Один из выступавших товарищей рассказывал, как стараются кулаки вбить клин между национальностями. Мы должны не только ругать кулака за это, но мы также должны вырвать почву из-под ног этой агитации.

Хозяйственные организации должны, конечно, смотреть, кого они посылают в нацрайоны и республики. Один товарищ приводил тут на конференции случай с торговцем пушниной. Это возмутительнейший случай. Хозяйственным организациям надо быть начеку и требовать от своих агентов на местах, чтобы они вели советскую линию в национальном вопросе. Тут нужен общественный контроль, ибо скупщики пушнины — народ тертый.

В селе Шушенском, где мы были с т. Лениным в ссылке, нашим начальником был «заседатель», местный богатый крестьянин; он должен был смотреть, как бы мы не убежали оттуда, и т. п. Так как бежать мы явно не собирались, никаких восстаний не устраивали, то он смотрел на нас спокойно: мы могли ездить куда хотели, к нам мог приезжать кто хотел, он продавал нам телятину и т. д. И на этом основании это наше бывшее «начальство» теперь подписывается: «друг Владимира Ильича». Так вот этот «друг Владимира Ильича» во время гражданской войны шел против бедняцкого населения. Во время нэпа, уже после смерти Ильича, на том основании, что он «друг Владимира Ильича», он заявился ко мне и просил какого-то содействия в хозяйственных органах. Я говорю: «А вы часто в Шушенском бываете?» Так он говорит: «Мне туда показываться нельзя». Теперь он устроился по части пушнины. Так вот, я себе представляю, как он там работает, этот «друг Владимира Ильича». Конечно, о пушнине он будет говорить

так, как рассказывал товарищ в прениях. Тут нужна большая общественная бдительность.

Подходя к вопросам культурного строительства среди отсталых в хозяйственном и культурном отношениях народностей, надо всегда учитывать всю сложность переплета старого с новым, переплета, который густой сеткой заслоняет часто самую классовую суть положения, глушит ростки нового, мешая росту классового сознания.

Возьмем, к примеру, Башкирскую республику. Вот что рассказывают товарищи из Башкирской республики. В одном доме живет кулак и тут же его родственники-бедняки. И часто, бывало, выселяют кулака — и бедняков вместе с ним. У них своего дома нет — на улице и остаются. Если не принять соответствующих мер, чтобы их не выселяли, то мы вместе с кулаком выбросим и бедноту. Если в кулацком доме устраивают какое-нибудь учреждение, то на это учреждение не только кулак, но и жившая ранее в нем беднота начинает смотреть косыми глазами. Я этот пример привожу к тому, чтобы показать, какие часто сложные бывают переплеты и какую тут нужно иметь классовую бдительность.

В той же Башкирии наблюдается такая вещь, что никто для себя обеда не готовит, а обед готовят для своих соседей,— кулак готовит для бедняка то, что для себя, и бедняк то же, что для себя, готовит для кулака. Это выросло исторически, потому что иначе вымерло бы все население, а этому обычаю придано религиозное содержание. Этого нельзя просто запретить. А между тем это сильное орудие в руках кулаков. Тут надо найти другие пути, например широкое развитие общественного питания.

Я привела эти примеры, чтобы показать, что, изучая жизнь любой народности, и северных народностей в том числе, мы должны подходить с чрезвычайным вниманием к бытовым условиям, находить те зацепки, которые можно найти.

Вот вопрос антирелигиозный. Конечно, с шаманом бороться надо, но надо показать самую сущность, чем он силен, в чем его влияние, какую хозяйственную роль он играет. Жили мы в Галиции. Там до чрезвычайности сильно влияние католического духовенства. В разговоре с одной молодой крестьянкой говорю: «Что же у вас —

всё ксендзы да ксендзы?» — «А как же! Пожаром отцу глаза выжгло. Кто же помогает? Ведь только ксендз, другой никто не поможет». Брала часто религия тем, что она является вроде комиссариата, который обслуживает население, и вышибить эту религию можно до конца только тогда, когда вместо этого поставить настоящую советскую работу. Совет не поставлен, а придет шаман, и поможет, и опутает за это человека по ногам и рукам.

Надо знать все пути влияния духовенства на бедноту. Вместо тех крох, которые даются духовенством для населения, надо поставить гораздо более серьезную, широко развитую советскую работу. *Если мы сумеем развить широкую работу по всем областям, не только по просвещению, но и в хозяйственной области, но и в области здравоохранения, совета, если мы сумеем широкую работу развернуть, опираясь на Советы, то мы лучше всего подорвем корни религии.* Старое живуче; лишь изменением всего быта, всего хозяйственного уклада можно изменить старое.

Тут громадную роль играет развитие крупной промышленности. В самых отсталых местностях строятся новые фабрики, новые предприятия. Это в корне ломает быт. Но пока еще не везде можно противопоставить новое хозяйственное крупное строительство отсталому быту, сложившемуся на базе отсталого хозяйственного уклада. Сами климатические условия многому мешают.

Но все, что можно ухватить из новой техники, из новой науки, нужно использовать. Все это надо ставить на службу тому, чтобы изживать старый быт и на место его выдвигать новый.

Вот я поглядела ваши стенограммы насчет политехнизации школ. Мне, к сожалению, не удалось прочитать всех стенограмм, потому что только сегодняшнее утро было у меня на это дело, а вчера вечером я была занята, но я их дочитаю, они очень интересны. Остановимся на вопросе политехнизации. Когда у нас только что начиналось политехническое образование, я имела в Казани разговор с заведующей ОНО. Она говорит: «Мы приучаем ребят к трудолюбию». Я очень боюсь, чтобы наши мастерские в северных областях не соскользнули бы на то, чтобы приучать детей к трудолюбию. Знаете, насчет трудолюбия ребят отсталых национальностей учить не

приходится — они работают сверх сил и с самого раннего возраста.

Тут правильно говорили о важности музеев, о важности иллюстраций,— конечно, нужно, чтобы иллюстрации не были кривыми и косыми. Нужна большая четкость. Меня всегда поражают рисунки ребят Севера. Все предметы на фоне однообразия Севера врезываются в их память, и поэтому рисунки ребят Севера, даже малышей, отличаются необыкновенной точностью. Если мы будем украшать наши учебники рисунками, нарисованными вкривь и вкось, они не произведут на них никакого впечатления. Надо подходить к этому вопросу очень внимательно, нужно давать рисунки, отличающиеся особой точностью, точно отображающие предмет.

Надо найти такой подход, как бы от отсталого подойти к более совершенному. В старой психологии Джемса, которую мы в целом отрицаем, потому что она основана на неправильных идеологических установках, мы все же можем найти очень много ценного, что можно взять. И вот мы приводим такой пример: на «дикаря», живущего на островах, пароход не производит никакого впечатления, а лодка, оборудованная по-новому, производит колоссальное впечатление, так как она ближе к его лодке. Психологически это правильно. Не надо гнаться за тем, чтобы сразу давать самые последние достижения. Не с этого надо начинать, а начинать с ознакомления не столько с гигантами, сколько с тем, что находит связь с известными им орудиями труда. Тут один товарищ очень верно отметил, что северные народности требуют, чтобы им рассказали, как это топор появился в их обиходе, откуда он взялся, как он делается, как то новое, что они видят, ощущают, как это новое творится. *Надо, начиная расширение кругозора, начинать с того, что близко. Я думаю, что знание повседневной жизни, быта, как какие орудия употреблять, как их изготовлять,— надо из этого исходить в политехнизации.*

Мы, конечно, с программами слишком долго предоставляли местам делать, что они хотят. 15 лет существует Советская власть, и до сих пор нет стандартизированной программы. Стандартизированная программа вовсе не значит, что она не будет локализирована, индивидуализирована в применении к новым условиям. *Нам*

важно при помощи программы по-коммунистически воспитать все подрастающее поколение, дать широкий политехнический кругозор и широкое понимание техники. Надо продумать все эти пути, надо продумать, как к этому подойти. Что хорошо в московском окружении, то где-нибудь на Крайнем Севере совершенно недопустимо и совершенно чуждо. Мы должны продумать, как эти мастерские, труд связать с окружающей жизнью. Если по оленеводству будет продумано и рассказано, как можно это оленеводство поднять на высшую ступень, если каждый оленевод увидит это и поймет, то ему и книжку захочется прочитать, преодолеть свою неграмотность, чтобы этим овладеть; но надо найти тот интерес, который будет толкать его на чтение книжки. Точно так же ребята будут гораздо более заинтересованы, если увязать это с повседневной жизнью.

Тут в прениях раза два поднимался очень интересный вопрос относительно разговора туземцев с т. Калининым: надо ли посылать ребят в школу, правильно ли делает местная власть, что заставляет детей посылать в школу. После беседы они все-таки сказали, что лучше не посылать. В чем тут дело? Дело в том, что у отсталых народностей на ребят возлагается большая хозяйственная работа. В прениях недостаточно вскрыт и бытовой уклад, который удерживает от посылки ребят в школу. В обычных условиях мы знаем, что́ удерживает от посылки ребят в школу, но в отношении национальностей Севера этот вопрос не до конца ясен. Потом *нужно уметь приспособить занятия ко времени, чтобы это было удобно по климату, по местному производству.*

С чего начать? Иногда, может быть, мы пойдем более медленным путем, чтобы потом не только догнать, но и перегнать. Надо некоторые особенности национальные так организовать, чтобы они помогли ребятам овладеть более глубоко некоторыми отраслями. Надо бы это показать на конкретных примерах.

Мне досадно, что я только вчера узнала о нашей конференции, так что собрать нужного материала я не успела. Я думаю, что вы, те, кто знает особенности народов Севера, продумаете, как эти программы локализовать. В программе важна целевая установка, объем знаний. *Нам нужно стремиться к тому, чтобы ребята*

национальных областей обладали знаниями в таком же объеме, как и русские, чтобы они овладевали необходимыми знаниями полностью. Но другое дело — подходы, как сделать эти знания наиболее легко усвояемыми и интересными. Тут нужна большая работа.

Мы должны полностью использовать технику. Ощущается большой недостаток книг, недостаток письменности на национальных языках. Тут должно быть использовано радио на языке той национальности, к которой обращаются. Нужно сделать все, что можно, чтобы наладить это радиовещание на национальных языках. Нужно точно указывать, что будет передаваться, чтобы все это происходило в определенный час, чтобы все население знало об этом и приходило слушать. Радио открывает здесь громаднейшие возможности. Радио имеет громадное будущее. Оно будет развиваться и даст нам великие возможности.

Я несколько лет назад читала немецкую брошюру Беккера. Это — прусский министр народного просвещения. Так вот он пишет: «Радио выпадает из-под буржуазного влияния, срывает его. Раньше мы могли влиять через школы, через церковь, а теперь воздух — поди-ка, улови!» Это «поди-ка, улови» для буржуазии плохо, а для нас очень хорошо. Я думаю, что в работе с национальностями Севера радио имеет исключительное значение. Я не знаю условий использования радио на Севере, но я думаю, что при теперешнем состоянии радиовещания нам можно тут добиться очень многого.

Кинокартины. Показывают баррикады, показывают то, что далеко, а то, что близко, не показывают. Если бы дать такую картину: показать, как русское правительство эксплуатировало народы Севера, показать, что дает и может дать в ближайшем будущем Советская власть. Я это говорю к примеру, может быть, это трудно сделать. Надо создать специальную серию фильмов и общественно-политического значения, и значения с точки зрения политехнизации, с точки зрения понимания всего производства в целом.

Буду теперь отвечать на записки.

Меня спрашивают о месте политехнизации в системе коммунистического воспитания.

Я как-то дала Владимиру Ильичу черновик, набросок тезисов. Теперь иногда товарищи понимают это как разногласие с ним. Я не специалист по писанию тезисов и поэтому к нему обратилась за советом. Тут никаких разногласий не было. Он сказал, где что подчеркнуть, как лучше спланировать тезисы. Он там говорит, что надо больше принципиальную сторону осветить. Это очень важный вопрос. В капиталистическом обществе существует разделение на черную и белую кость. Белая кость ни до чего не дотрагивается, как говорят, «до холодной воды не дотрагивается», а черная кость все ворочает, но что к чему — это считается, что черной кости не касается. Конечно, это так просто не говорится, это делается в прикрытой форме. Мы видим при капитализме разделение на тех, кто разрабатывает науку, и тех, кто выполняет указания и работает на белую кость. Маркс указывает, что все молодое поколение должно научиться работать, не только ворочать, но должно также понимать производство и должно понимать технику, связанную с экономикой, со всем общественным укладом. Ведь политехнизм — это определенный навык, определенное умение, но в то же время это очень широкий кругозор тоже. Вот почему Владимир Ильич подчеркивает, что нужно стать плотником, столяром, что это надо потому, что нет еще у нас машин, но плотник и столяр должен уже иметь политехнический кругозор, т. е. понимать технику, все взаимоотношения между различными отраслями техники. Ведь если он не понимает техники и связанного с ней экономического уклада, то как же он поймет пятилетку? А можем ли мы оставить народы Севера без понимания пятилетки?

Почему мы все силы свои напрягаем и кладем в крупное производство, почему мы особое значение придаем машиностроению, добыванию металла, почему так выпячивается Магнитострой — ведь надо, чтобы это понимали не только москвичи, а вся страна и все подрастающее поколение. Политехническая школа имеет то принципиальное значение, что она с детских лет учит всех работать и понимать широко технику и понимать все связанное с этой техникой, т. е. экономику и весь уклад. Вот это — принципиальная сторона.

У нас сплошь да рядом считают так: завели хорошенький станочек, сделали какие-то ручки — и это стопроцентный политехнизм. Это не политехнизм, это ремесленничество чистой воды. Это, конечно, не плохо — уметь делать разные поделки, но от политехнизма это очень далеко. Можно на этом же станочке дать понимание машины и т. д. Это нам важно давать как раз в наиболее отсталых в культурном отношении областях. Через книгу, картину, через кино мы можем дать некоторое представление о технике. Сейчас мы в гораздо большей мере можем дать представление о том, что делается в других местах.

Громаднейшее значение политехнизации заключается, во-первых, в том, что политехнизация ликвидирует белоручество, ликвидирует брезгливое отношение к черной работе, когда человек керосинку не может развести сам, а с другой стороны — мы ликвидируем и то, что человек работает, как вол, а что к чему — не понимает.

Нельзя думать, что только политехнизация нужна в школе. Наряду с ней необходим еще целый ряд других вещей. Недавно комсомол просил меня написать статью о том, чтобы комсомольцы шли не только на фабрики и заводы, но и в учителя, в писатели, шли в так называемые интеллигентские профессии. Я написала, как на данном этапе важно, чтобы комсомолец не только умел быть слесарем или токарем, но чтобы он знал и умел работать как политпросветчик, умел быть учителем, библиотекарем. Ведь у нас сейчас в библиотекари никто не идет из комсомольцев — плата ничтожная, снабжения нет, и только фанатики этого дела идут на библиотечную работу. А как же мы будем строить социализм без библиотек? Нам нужно во что бы то ни стало развернуть сеть библиотек. Этот вопрос чрезвычайно важен. Молодежь у нас на эту работу не идет. В учителя по мобилизации идут, а по призванию редко. Приходится с молодежью очень много на этот счет разговаривать. И я написала о том, что нельзя все на школьный политехнизм сваливать, а надо сделать так, чтобы молодежь сейчас же проводила такую линию: тот, кто занимается интеллигентской профессией, имел бы добавочную профессию по труду, и тот, кто работает по труду, имел бы добавочную интеллигентскую профессию.

Мне на одной фабрике пришлось разговаривать с рабочим-коммунистом. Он мне сказал: «Вот как у нас с женой — один день я на керосинке варю, а другой — она. У нас равенство».— «Ну, а дети как, помогают?» — «Нет, у нас дети — комсомолец и комсомолка, так мы им до холодной воды не даем дотрагиваться». Они между собой равны, а ребят в люди выводят — пусть «до холодной воды не дотрагиваются». Это бытовое даже у коммунистов живет. Очень важно изжить это до конца и понимать, что каждый человек обязан определенные функции выполнять на фронте физического труда, на фронте труда умственного. В этом отношении политехнизация дает правильную установку и может дать очень много.

Следующий вопрос — о темпах культурного развития у отсталых народностей.

Вначале темпы могут быть более замедленные, но важно с самого начала поглубже вопросы охватить. Тогда мы потом пойдем более быстрыми темпами. Статистика состояния культуры показывает, что культурные успехи русской национальности, выраженные в процентах, идут медленнее, чем культурные успехи тех национальностей, которые отстали. Тут мы видим гораздо более интенсивные темпы, но мы это видим по определенной ступени — немножко догнали, подогнали, а потом идут всякие задержки. Нам важно во второй пятилетке особенно внимательно смотреть, чтобы у нас не оставалось неподметенных углов, а то получается, что серединка у нас грамотная, культурная, а углы часто по глухим местам остаются неподметенными: там и неграмотность, и рецидив неграмотности, и книжка не доходит. Там еще много надо поработать, да ведь мы от черной работы никогда не отказываемся. Сейчас нужна более углубленная, более напряженная работа, но работа такая, чтобы у нас не было так, что одна видимость культуры. Надо раскачать женщину отсталую.

Каждый раз почта приносит нам интересные письма. Недавно приходит письмо от одной женщины, она пишет: «Узнала я такую новость, которая меня так же поразила, как смерть Владимира Ильича, и столько же горя причинила». Думаю: «Что случилось?» Оказывается: «Совершенно непоставлена работа среди женщин-

водниц, даже нет женорганизатора, куда-то сбежал». Письмо очень хорошее, несмотря на его наивность, в этом письме очень много ценного. Тут видно страстное желание, эта работница-партизанка добьется своего в смысле изживания отсталости, но помочь-то ей надо.

Я думаю, что *каждой национальности надо, чтобы повсюду отдел народного образования был связан с молодежной организацией, женской организацией, хозяйственными организациями для того, чтобы пробраться во всю гущу их жизни и чтобы оттуда брать все новые и новые силы.*

Ведь силища у нас громаднейшая. Вот идет какая-нибудь конференция. На конференцию выделяется очень много товарищей. Они выступают с очень интересными высказываниями — ведь работники знают работу мест. Мы сидим здесь, в центре, и учимся у этих товарищей, а потом они уехали на места — и куда они пропали, мы не знаем. Они живут, они работают на местах, а мы ничего о них не знаем. Нужно установить с ними крепкую связь.

Я думаю, что, пожалуй, никто из вас и не слыхал, что есть такое общество — Общество педагогов-марксистов. Между прочим, есть у нас там национальная секция. Я думаю, что нам нужно сегодня договориться таким образом: надо, чтобы наша секция по национальным вопросам обратила внимание на то, как показать на практике, как использовать местные условия, конкретные условия для политехнизации. Я бы просила товарищей писать нам по адресу: Волхонка, 14, Общество педагогов-марксистов —о всех затруднениях, которые им приходится испытывать, а мы в Обществе педагогов-марксистов постараемся подработать этот вопрос.

Какими нитями Общество педагогов-марксистов может связаться с Севером? Как держать систематическую связь, чтобы это общество пришло на помощь учителям в их работе на местах? Надо организовать на местах ячейки Общества педагогов-марксистов. У нас по положению мы можем в любом месте устроить ячейку Общества педагогов-марксистов. Обыкновенно ячейка связывается с областным отделом Общества педагогов-марксистов, но связь эта довольно слабая, так как ячейки заняты текущими областными делами и не всегда отве-

чают на те вопросы, которые им предъявляются. В центр любой товарищ, любая ячейка могут написать. Тут важно подхватить местную инициативу. На местах-то товарищи работают, на местах у нас громадная инициатива. Только тогда Общество педагогов-марксистов сможет развернуться по-настоящему, если оно будет подхватывать эту инициативу, поддерживать ее.

По завету Ленина мы, Советская страна, в смысле национальностей должны дать образцовую, товарищескую, дружную работу, и поэтому каждый работник Наркомпроса должен делать все, что можно, чтобы эту дружную работу наладить. Я думаю, что Общество педагогов-марксистов должно работать в этой области, и к вам просьба: поддержать нас и принять в нашей работе участие.

На местах важно организовать ячейки. Сейчас мы все привыкли работать не в одиночку — уже это есть достижение. Каждый пишет статью, но любит посоветоваться с товарищами; из разговоров всегда кое-что новое получается. Так что к коллективной работе у нас очень большое стремление на местах, и очень важна организация таких ячеек.

1933 г.

МАРКС О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Маркс не оставил специальной работы, посвященной коммунистическому воспитанию подрастающего поколения. Но, как известно, его произведения содержат целый ряд высказываний по вопросу о реконструкции воспитания, которые, будучи увязаны со всем его учением, являются для нас руководством к действию.

Всякий знает, какое громадное значение имел «Коммунистический манифест», написанный Марксом и Энгельсом в начале революции 1848 года. Это — сжатое, полное революционной страсти произведение, излагающее взгляды коммунистов на общественное развитие. В «Манифесте» говорится о том, куда и как идет общественное развитие, о соотношении экономики и идеологии, о классах, о классовой борьбе, о роли пролетариата в этой борьбе и неизбежности его победы, о неизбежности замены капиталистического строя коммунистическим. И в этой связи в «Манифесте» затрагиваются и вопросы воспитания того поколения, которому придется строить коммунизм. «Подобно тому,— говорится в «Манифесте»,— как уничтожение классовой собственности представляется буржуа уничтожением самого производства, так и *уничтожение классового образования* (курсив наш.— *Н. К.*) для него равносильно уничтожению образования вообще.

Образование, гибель которого он оплакивает, является для громадного большинства превращением в придаток машины»[1].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 4, стр. 440.

Отметив классовый характер образования вообще, творцы «Манифеста» подчеркивают, что крупная промышленность безмерно эксплуатирует детей, заставляет рабочих эксплуатировать собственных детей, разрушает старые семейные отношения, подрывает корни семейного воспитания. Воспитание в капиталистическом обществе насквозь классовое. Коммунисты хотят изменить характер воспитания. Вот что говорит об этом «Коммунистический манифест»:

«Или вы упрекаете нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей их родителями? Мы сознаемся в этом преступлении.

Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы хотим уничтожить самые дорогие для человека отношения.

А разве ваше воспитание не определяется обществом? Разве оно не определяется общественными отношениями, в которых вы воспитываете, не определяется прямым или косвенным вмешательством общества через школу и т. д.? Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной промышленности, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты» [1].

«Манифест» намечает ряд мероприятий, которые пролетариат должен будет провести, когда он станет у власти. Среди них в п. 10-м указываются и мероприятия, касающиеся воспитания. Это будет «общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.» [2]. Этот пункт связан у Маркса с рядом других пунктов, как переход орудий производства в руки государства, одинаковая трудовая повинность для всех, соединение земледельческого

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 4, стр. 443—444.
[2] Там же, стр. 447.

труда с фабричным, постепенное уничтожение различия между городом и деревней.

Глава вторая «Коммунистического манифеста» кончается словами: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [1].

Что это? Теория «свободного развития»? Неужели Маркс был ее сторонником? Мы не поймем этого места, если не осознаем, что Маркс под свободой понимает совсем другое, чем представители буржуазии. «Но не спорьте с нами,— говорится в «Манифесте»,— оценивая при этом отмену буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных представлений о свободе, образовании, праве и т. д. Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности...» [2] И далее: «Идеи свободы совести и религии выражали в области знания лишь господство свободной конкуренции» [3].

Энгельс в «Анти-Дюринге» писал:

«Гегель первый правильно понял отношение между свободой и необходимостью. Для него свобода, это — понимание необходимости. «Необходимость *слепа* лишь *постольку, поскольку она не понята*». Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей. Это верно как о законах внешней природы, так и о тех, которые регулируют физическую и духовную жизнь самого человека,— о двух классах законов, которые мы можем отделять друг от друга разве только в идее, но не в действительности. Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Следовательно, чем *свободнее* суждение какого-нибудь человека по отношению к известной проблеме, с тем большей *необходимостью* будет определено содержание этого суждения; а, наоборот, вытекающая из незнания неуверенность, которая выбирает якобы произвольно между многими различными и противоположными решениями,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 4, стр. 447.
[2] Там же, стр. 443.
[3] Там же, стр. 445.

этим именно доказывает свою несвободу, свою подчиненность объекту действительности, который она должна была бы как раз подчинить себе. Следовательно, свобода состоит в господстве над самим собой и над внешней природой, основанном на познании естественной необходимости; значит, она является необходимым продуктом исторического развития» [1].

Если мы под таким углом зрения подойдем к вышеприведенным словам — «на место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»,— мы поймем, что освобожденное до конца от пут капиталистического гнета общество, где не будет уже классов и классовой борьбы, будет связано с таким расцветом науки, познанием законов природы и развития человечества, что это обеспечит каждому наиболее полное, всестороннее развитие, и каждый член этой ассоциации, этого союза так тесно, органически связан будет со всей ассоциацией и ее прогрессом в целом, что вся его деятельность, вся его жизнь будет служить дальнейшему развитию этого будущего бесклассового общества.

В «Коммунистическом манифесте» все время сугубо подчеркивается мысль, что базой идеологии служит экономика. «Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия,— одним словом, их сознание?

Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным? Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, революционизирующих все общество; этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей» [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 113—114.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 445.

Маркс не только констатировал факты, но всегда указывал выход из положения. Еще в тезисах о Фейербахе (1845) Маркс писал: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [1].

А чтобы найти правильные пути изменения, он изучал развитие материальных условий, те элементы их, которые служили орудием преобразования всего общественного строя.

Интересно в этом отношении письмо Маркса к Анненкову, написанное им еще до «Коммунистического манифеста» — 28 декабря 1846 г. В этом письме Маркс писал:

«Для Прудона разделение труда — вещь совершенно простая. Но кастовый строй разве не был тоже определенным разделением труда? Разве цеховой строй не был другим разделением труда? А разделение труда мануфактурного строя, который начинается в Англии в середине XVII века и заканчивается в конце XVIII века, разве не отличается самым решительным образом от разделения труда в современной крупной промышленности?..

Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения не являются выражением определенного разделения труда? Разве все это не должно измениться вместе с переменой в разделении труда?

Прудон так мало понял вопрос о разделении труда, что даже не упоминает об отделении города от деревни, которое в Германии, например, произошло начиная с IX по XII столетие. Для Прудона это отделение есть вечный, неизменный закон, потому что он не знает ни его происхождения, ни его развития» [2].

В «Нищете философии» (написанной в 1847 г.) Маркс дает блестящий пример того, как в идущем все дальше разделении труда надо выявлять положительные стороны этой тенденции. Маркс пишет там о том, что «разделение труда внутри современного общества характеризуется тем, что оно порождает специальности, специалистов, а вместе с тем и свойственный им *профессиональный идиотизм*» (курсив наш.— *Н. К.*) [3].

Приводя факт профессионального идиотизма, Маркс в

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 3, стр. 4.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 24.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 391.

то же время отмечает, как дальнейшее развитие разделения труда помогает изжитию этого идиотизма. В «Нищете философии» он говорит о влиянии *автоматической фабрики* (не всякой, а именно автоматической) на развитие рабочих:

«Разделение труда на автоматической фабрике характеризуется тем, что труд совершенно теряет здесь характер специальности. Но как только прекращается всякое специальное развитие, является потребность в универсальности, чувствуется стремление индивидуума ко всестороннему развитию. Автоматическая фабрика стирает специальности и свойственный им профессиональный идиотизм» [1].

Маркс любил детей. В книжке «К критике политической экономии», вышедшей впервые в 1859 г., есть одно замечательное место о детях, правда сказанное мимоходом, но тем не менее проливающее свет на то, почему Маркс так любил детвору и что он в ней видел. Говоря об искусстве, он между прочим писал:

«Мужчина не может снова превратиться в ребенка или он становится ребячливым. Но разве не радует его наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на высшей ступени воспроизводить свою истинную сущность. Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде?» [2]

Маркс не был узким ученым специалистом. Он прекрасно знал литературу, понимал искусство и понимал детей.

Многие ли умеют с этой точки зрения наблюдать детей? Это умел делать Лев Толстой, смотревший на детей глазами великого художника, но у него была та беда, что он не мог понять своей эпохи. Маркс понимал и эпоху и детей. Глубокому пониманию ребенка должен учиться у Маркса каждый современный педагог.

Любовь к детям заставляла Маркса особенно сильно возмущаться капиталистической эксплуатацией детского труда. Но не в одной любви к детям причина того, что Маркс уделяет так много места в первом томе «Капитала»

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 391—392.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 203—204.

положению детей при капитализме. В одной только главе «Рабочий день» Маркс приводит более двадцати с лишним примеров возмутительнейшей эксплуатации детей на фабриках, причем факты берутся из официальных документов (из отчетов фабричных инспекторов, судебных дел, законодательных постановлений). Вопрос об эксплуатации детского труда занимает не меньше места и в главе «Машины и крупная промышленность».

Необычайно ярко рисует Маркс всю мизерность государственного законодательства Англии по охране детского труда; он показывает, как капиталисты находят тысячу путей, чтобы обойти даже эти мизерные законы, как и умственно и физически калечится подрастающее поколение.

Маркс писал обо всем этом потому, что в вопросе о детском труде, как в капле воды, отражалась тенденция капиталистического уклада к безмерной эксплуатации масс.

Изучая, с одной стороны, развитие промышленности, влияние тех или иных изменений ее на рабочие массы, а с другой — положение ребят на производстве, Маркс стремился найти начала, которые помогли бы так поставить общественное воспитание, чтобы подрастающее поколение оказалось способным в корне реорганизовать капиталистическое общество.

Приведем выдержку из главы «Машины и крупная промышленность», говорящую о том, что современная промышленность требует всесторонне развитого рабочего:

«Принцип крупной промышленности: всякий процесс производства, взятый сам по себе и прежде всего безотносительно к руке человека, разлагать на его составные элементы, создал всю современную науку технологии. Пестрые, по-видимому лишенные внутренней связности и застывшие виды общественного процесса производства разложились на сознательно планомерные, систематически расчлененные, в зависимости от желательного полезного эффекта, области применения естествознания. Технология открыла также те немногие великие основные формы движения, в которых неизменно движется вся производительная деятельность человеческого тела, как бы разнообразны ни были применяемые инструменты,— подобно тому как механика, несмотря на величайшую сложность машин, не обманывается на тот счет, что все они пред-

ставляют постоянное повторение элементарных механических сил. Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обусловливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего» [1].

«...Сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности. Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы, другим — «écoles d'enseignement professionnel» (профессиональные школы), в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства. Если фабричное законода-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 533—534.

тельство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и для технологического обучения, как теоретического, так и практического. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих стоят в полном противоречии с такими ферментами переворота и с их целью — уничтожением старого разделения труда» [1].

Таким образом, мы видим, какую крупнейшую роль отводит Маркс в деле реконструкции капиталистического общества, в социалистической перестройке общественному воспитанию подрастающего поколения. Это общественное воспитание должно выращивать всесторонне развитых людей. Это требование вытекает из самого характера крупной промышленности. Ребятам надо овладеть большой суммой знаний и надо учиться работать. Изучение истории фабричного законодательства Англии в отношении охраны детского труда привело Маркса именно к такому заключению.

«Уже в 1840 г.,— пишет Маркс в первом томе «Капитала»,— была назначена парламентская комиссия для обследования детского труда. Ее отчет 1842 г., по словам Н. В. Сениора, развернул «такую ужаснейшую картину жадности, эгоизма и жестокости капиталистов и родителей, нищеты, деградации и разрушения организма детей и подростков, какую едва ли когда-либо видывал мир... Этот отчет (1842 г.) пролежал без внимания двадцать лет, в течение которых детям, выросшим без малейшего представления как о том, что мы называем моралью, так и о школьном образовании, религии, естественной семейной любви,— этим детям позволили стать родителями теперешнего поколения» [2].

Комиссия требовала регулирования фабричного труда детей законодательным путем.

«Интеллектуальное же одичание,— пишет Маркс,— искусственно производимое превращением незрелых людей в простые машины для фабрикации прибавочной стои-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 535.
[2] Там же, стр. 540.

мости, которое легко отличить от первобытного невежества, оставляющего ум девственно-нетронутым, но не причиняющего вреда самой его способности к развитию, его естественному плодородию,— это одичание заставило, наконец, даже английский парламент провозгласить начальное образование обязательным условием «производительного» потребления детей до 14-летнего возраста во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству» [1].

«Как ни жалки в общем постановления фабричного акта относительно воспитания, они объявили начальное обучение обязательным условием труда. Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики с физическим трудом, а следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора, выслушивая показания учителей, скоро открыли, что фабричные дети, хотя их обучают вдвое меньше, чем школьников, регулярно посещающих школу днем, тем не менее успевают пройти столько же, а часто и больше. «Дело объясняется просто. Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система труда, чередующаяся с школой, превращает каждое из этих двух занятий в отдохновение и освежение после другого, и, следовательно, она много пригоднее для ребенка, чем непрерывность одного из этих двух занятий. Ребенок, который с раннего утра сидит в школе, особенно в жаркую погоду, не может соперничать с другим, который бодрый и возбужденный приходит от своей работы». Дальнейшие доказательства можно найти в речи Сениора, сказанной на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 г. Он указывает здесь между прочим и на то обстоятельство, что односторонний непроизводительный и продолжительный школьный день детей в высших и средних классах без пользы увеличивает труд учителей «и в то же время не только бесплодно, но и с прямым вредом заставляет детей расточать время, здоровье и энергию». Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производитель-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 439—440.

ный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» [1].

Полагал ли Маркс, что обучение труду надо перенести с фабрики в стены школы? Никоим образом. Признавая необходимость политехнической школы, он стоял все же за работу детей на фабрике.

«...Как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, *отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола* (курсив наш.— *Н. К.*), создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами» [2].

Рассказывая о безмерной эксплуатации детей их родителями, особенно в домашней промышленности, и указывая, что капиталистический способ эксплуатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление, Маркс говорит, что «необходимо было провозгласить право детей». «Дети и подростки имеют право на защиту законодательства от злоупотребления родительской властью, которое преждевременно подрывает их физические силы и принижает их моральное и интеллектуальное существо» [3]. Решающее значение, которое играют подростки и дети обоего пола в общественно организованном процессе, также меняет отношения между детьми и родителями, делая детей более самостоятельными и сознательными.

«Очевидно,— писал Маркс дальше,— что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» [4].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 529—531.
[2] Там же, стр. 537.
[3] Там же.
[4] Там же.

Совместная работа со взрослыми помогает развитию ребят.

Мы знаем, что писал Маркс о влиянии автоматической фабрики на развитие рабочих. В первом томе «Капитала», в главе о кооперировании, Маркс говорит о воспитательной роли совместного труда:

«Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное повышение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную дееспособность отдельных лиц» [1].

В сентябре 1866 г. в Женеве состоялся конгресс I Интернационала, где принята была резолюция, составленная Марксом:

«Мы считаем тенденцию современной промышленности привлечь детей и подростков обоего пола к участию в великом деле общественного производства прогрессивной, здоровой законной тенденцией, хотя при капиталистическом строе она и приняла уродливые формы. При разумном общественном строе *каждый ребенок* с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только умом, но и руками...

Исходя из этого, мы говорим, что родителям и предпринимателям ни в коем случае не может быть разрешено применять труд детей и подростков, если он не сочетается с воспитанием.

Под воспитанием мы понимаем три вещи:

Во-первых: *умственное воспитание.*

Во-вторых: *физическое воспитание*, такое, какое дается в гимнастических школах и военными упражнениями.

В-третьих: *техническое обучение,* которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и в то же время дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств» [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 359.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 198—199.

Остановимся еще на двух произведениях Маркса: «Гражданская война во Франции» (1871 г.) и «Критика Готской программы» (1875 г.), которые освещают другие стороны отношения Маркса к школе.

«По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства,— писал Маркс в «Гражданской войне во Франции»,— Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, «силу попов», путем отделения церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных людей, чтобы подобно их предшественникам-апостолам кормиться милостыней верующих. Все учебные заведения стали бесплатными для всех и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью» [1].

Маркс хвалит Коммуну за то, что она сразу устранила влияние на школу и вообще на все учебные заведения церкви и буржуазного государства, буржуазной правительственной власти, которая принимала все меры, чтобы затемнять сознание масс с самых ранних лет.

Интересно еще другое место в «Гражданской войне во Франции». Указав, что Коммуна хотела подчинить крестьян идейному руководству окружных городов и обеспечить им в лице городских рабочих естественных представителей их интересов, Маркс пишет, что «Коммуна освободила бы крестьянина от налога кровью, дала бы ему дешевое правительство, заменила бы таких кровопийц, как нотариус, адвокат, судебный пристав, и других судейских вампиров наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. Она освободила бы его от произвола сельской полиции, жандарма и префекта; она заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем» [2].

Критикуя проект программы, принятый с некоторыми поправками в мае 1875 г. на конгрессе германской социал-демократической партии в Готе, Маркс высказался там и

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 313.
[2] Там же, стр. 319.

по вопросам просвещения. Критикуя пункт, касающийся «ограничения женского и запрещения детского труда», он писал:

«Запрещение детского труда»! Здесь безусловно необходимо было указать предельный возраст.

Полное запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и поэтому останется пустым благопожеланием. Проведение этой меры,— если бы оно было возможно,— было бы реакционно, так как, при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей, раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества» [1].

Разбирая пункт, где от имени германской рабочей партии было высказано требование «всеобщего и *равного для всех народного образования,* находящегося в руках государства. Обязательного посещения школы. Бесплатного обучения», Маркс писал:

«Равное народное образование? Что представляют себе под этими словами? Воображают ли, что в современном обществе (а только о нем и идет речь) образование для всех классов может быть *равным*? Или требуют принудительным образом низвести высшие классы до скромного уровня образования,— народной школы,— единственно совместимого с экономическим положением не только наемных рабочих, но также и крестьян?

«Обязательное посещение школы. Бесплатное обучение». Первое существует даже в Германии, второе — в народных школах Швейцарии и Соединенных Штатов. Если в некоторых штатах Северной Америки «бесплатное» образование дается также и в высших школах, то фактически это означает только то, что высшие классы покрывают расходы по своему образованию из общих налоговых средств...

Параграф, относящийся к школам, должен был бы, по меньшей мере, требовать технических школ (теоретических и практических) в соединении с народной школой.

Никуда не годится *«народное образование, находя-*

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 286.

щееся в руках государства». Определять общим законом расходы на народные школы, квалификацию преподавательского персонала, программу обучения и т. д. и наблюдать при посредстве государственных инспекторов, как это делается в Соединенных Штатах, за соблюдением этих предписаний закона,— нечто совсем иное, что назначить государство воспитателем народа. Следует, наоборот, отстранить как правительство, так в равной мере и церковь от всякого влияния на школу. В современной Прусско-германской империи (и здесь не поможет пустая увертка, будто имеется в виду «государство будущего»,— мы видели, как в этом отношении обстоит дело) государство, наоборот, само нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа» [1].

Из рук церкви и из рук буржуазного государства хотел Маркс вырвать воспитание подрастающего поколения. Страстно спорил он с лассальянцами, думавшими, что можно идти на сделки с буржуазным правительством, ждать от него каких-либо реформ, идущих по линии реальной помощи рабочему классу, тем более реформ, облегчающих подготовку коренного переворота во всем общественном укладе. А Маркс ведь хотел, чтобы воспитание детей и подростков было поставлено так, чтобы оно стало могущественным орудием преобразования современного общества.

Мы далеко не исчерпали высказываний Маркса о воспитании и школе. Приведенные нами высказывания дали установку нашей советской школе. В меру уменья и сил мы стремимся поднять воспитание подрастающего поколения на ту высоту, на которой хотел его видеть Маркс в эпоху диктатуры пролстариата. Нам помогают, однако, в нашей работе по просвещению не только прямые высказывания Маркса. Нам помогает все его учение, взятое в целом, помогает его метод диалектического изучения явлений. Мы сумеем осуществить полностью, широко развив дальше, установки Маркса гораздо лучше тогда, когда учение его станет достоянием широчайших масс. Над этим мы работаем не покладая рук.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 285.

1933 г.

ПРОГРАММА ПАРТИИ И НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Сейчас, в связи с чисткой партии, партийцы усиленно перечитывают программу партии. Надо перечитать и продумать часто пропускаемый по старой привычке параграф 12-й, посвященный вопросам народного просвещения. Этот параграф теснейшим образом связан со всей программой партии в целом.

Первый абзац параграфа 12-го гласит:

«В области народного просвещения РКП ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества»[1].

Эта установка находится в тесной связи с установкой всей программы, говорящей о том, что диктатура пролетариата начала созидать основы коммунистического общества. Мы видим, что в вышеприведенном абзаце нет никакой речи об отмирании школы; напротив, на нее возлагаются задачи громаднейшей политической важности. В постановлении ЦК от 5 сентября 1931 г. сказано: «ЦК подчеркивает возрастающее значение и роль школы в социалистическом строительстве». Мы знаем, какая большая работа была проведена по борьбе с теорией «отмирания школы», борьба за поднятие авторитета школы.

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.

«В период диктатуры пролетариата,— гласит следующий абзац программы,— т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и *проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата* на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс *в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм*» [1] (Подчеркнуто мною.— *Н. К.*).

Все дети обоего пола до 17 лет обязаны посещать школу, школа должна проделать громадную воспитательную работу.

В июне 1930 г. на XVI партсъезде т. Сталин сказал: «Главное теперь — перейти на общеобязательное первоначальное обучение. Я говорю «главное», так как такой переход означал бы решающий шаг в деле культурной революции. А перейти к этому делу давно пора, ибо мы имеем теперь все необходимое для организации обязательного всеобщего первоначального образования во всех районах СССР.

До сего времени мы вынуждены были «экономить на всем, даже на школах» для того, чтобы «спасти, восстановить тяжелую промышленность» (Ленин). За последнее время, однако, мы уже восстановили тяжелую промышленность и двигаем ее дальше. Следовательно, настало время, когда мы должны взяться за полное осуществление всеобщего обязательного первоначального образования.

Я думаю, что съезд поступит правильно, если он примет на этот счет определенное и совершенно категорическое решение» [2].

К 1930 г. школы начального обучения охватывали по СССР 11 638 тыс. учащихся; в 1932 г. число обучающихся по СССР возросло до 19 148 тыс. Сейчас всеобуч в размере четырехлетки проведен; уже идет дальнейшее развертывание всеобщего обязательного обучения в объеме семилетки, идет также развертывание 3-го концентра (8, 9 и 10-х групп).

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.

[2] И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 299—300.

Что касается воспитательной работы, то постановлением ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. внесено очень много в дело лучшей организации всего школьного режима и приковано внимание к вопросам не только учебной, но и воспитательной работы.

Школа обязана разъяснять основы коммунизма учащимся; на эту сторону необходимо обращать серьезнейшее внимание, выдавать детям и соответствующие учебники, и соответствующие книги для чтения и т. д.

Для того чтобы поднять коммунизм, надо не просто заучить ряд формул, а продумать все учение о коммунизме, понять его, а для этого нужен ряд очень основательных знаний. Постановление ЦК «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г. особо подчеркивает все значение учебы, необходимость особо налечь на эту сторону дела, ликвидировать коренной недостаток школы — недостаточное внимание к учебе, недостаточную ее налаженность.

Школа должна, однако, не только учить — она должна проводить также громадную воспитательную работу в коммунистическом духе. Она должна быть «проводником идейного влияния пролетариата» на подрастающее поколение, она должна идейно воспитывать, т. е. заинтересовывать, увлекать ребят идеями коммунизма, а этого нельзя сделать, не связав теорию с практикой, не вовлекая ребят в меру их сил и возможностей в строительство социализма. Следует вспомнить то, что писал Ленин о значении вовлечения подростков в общественную работу (см. речь В. И. Ленина на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи [1]). Только заинтересовывая ребят идеями коммунизма, только увязывая теорию с практикой, вовлекая ребят в общественную работу, можно воспитать их в духе коммунизма. Такая работа будет серьезной страховкой от чуждых идейных влияний.

Характерную особенность советской школы составляет то, что она не замыкается в четырех стенах, а тесно связана с жизнью, с общественной работой взрослых. Это то, что особенно поражает всегда и пленяет иностранных рабочих. У нас было немало перегибов в том отношении, что

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 258—275.

хозяйственные организации глядели на ребят просто как на «рабочие руки», загружая их копкой картофеля, сбором утильсырья, разноской посылок, ликвидацией хозяйственных прорывов, срывая тем самым учебу. Постановление ЦК от 5 сентября 1931 г. указало на *необходимость подчинения общественно полезной работы школьников учебным и воспитательным целям.* Это определяет характер общественно полезной работы школьников. Работа общественная должна быть «нагрузкой», характер ее должен быть таков, чтобы она повышала интерес ребят к учебе, повышала их знания, с одной стороны, с другой — чтобы она идейно и организационно воспитывала ребят. Было бы большой ошибкой думать, что общественная работа школьников может быть сведена на нет, что школе до нее нет никакого дела. С такой точкой зрения Наркомпрос борется.

Пролетариат представляет собой класс, отличающийся особенной организованностью и сознательной дисциплинированностью. Эти свойства воспитала в рабочем его работа на фабрике. О воспитывающей роли фабрики много писали Маркс, Энгельс, Ленин. Приведу лишь одну цитату из работ Ленина:

«Именно фабрика, которая кажется иному одним только пугалом, и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплуатируемого населения. Именно марксизм, как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различию между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и ее организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства). Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной «школе» [1].

Правильно организованный коллективный труд воспитывает эту дисциплину и организованность, которые так

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 360—361.

необходимы в деле строительства социализма. Политехническое обучение вводится в школьные программы начиная с I ступени, всюду при школах заводятся школьные мастерские.

При школах имеются пришкольные участки, имеется специальный Научно-исследовательский институт политехнического труда, ведущий большую работу.

В пункте 3-м параграфа 12-го программы советская школа называется «единой трудовой школой». В буржуазных государствах школа для различных общественных классов — разная, преследует различные учебные и воспитательные цели: своим ребятам буржуазия дает одно воспитание, вооружает их знаниями, готовит из них правителей, из ребят пролетариата и крестьянства готовит себе слуг, стараясь научить их терпению, подавить в них всякую самостоятельность, всякую инициативу, подавить у них все проявления естественного стремления к коллективизму. У нас цель всех школ единая — *воспитать поколение, способное окончательно установить коммунизм, воспитать всех ребят, к какому бы классу общества ни принадлежали их родители, в едином пролетарском духе.* В капиталистическом обществе люди делятся на белую и черную кость, на людей, владеющих знанием, но не умеющих трудиться, не умеющих свои знания приложить к практике, и на людей труда, умеющих работать, но обладающих лишь ничтожными обрывками фальсифицированных знаний. А наша советская школа должна давать всем детям и серьезные знания и учить труду, должна осмысливать труд, тесно увязывая его со знаниями, поднимать труд на высшую ступень, создавать у ребят с ранних лет новое, коммунистическое отношение к труду.

Должна ли школа лишь давать трудовые навыки, превращать школьные мастерские в исключительно учебные мастерские, где по существу дела нет никакого производительного труда? Конечно, нет. Программа говорит об этом совершенно недвусмысленно. Она говорит об «общественно производительном труде» учащихся, т. е. не только об учебе, но и о производительном труде, о чем так много писали Маркс, Энгельс, Ленин. На это надо обратить особое внимание, ибо сейчас на практике школьные мастерские сплошь и рядом превращают в простые «учебные» мастерские, где никаким производительным трудом и не

пахнет, где труд в лучшем случае сводится к изучению «производственных процессов», к иллюстрации программ по физике и т. д., превращается в простое ремесленное самообслуживание школы линейками, ручками, палочками и т. д. Конечно, школьные мастерские должны заботиться об обслуживании школы, но это лишь часть их работы.

Коллективный производительный труд требует определенного общего плана работы, определенного распределения труда, определенной организации его, учета сил, времени, возможностей, определенных сроков выполнения, учета качества. *Только коллективный производительный труд воспитывает сознательное отношение к труду.*

В параграфе 15-м программы партии, касающемся задач в области экономической, в пункте 7-м говорится: «...социалистический способ производства может быть упрочен лишь на основе товарищеской дисциплины трудящихся, их максимальной самодеятельности, сознания ответственности и строжайшего взаимного контроля над продуктивностью труда»[1]. Этот параграф бросает свет на то, как должно быть поставлено преподавание труда в школе.

Работа учащихся на производстве является дальнейшим развитием организационно-воспитательной работы. Работа учащихся на предприятии производится у нас начиная с шестых групп (работа на фабрике разрешается с 14 лет). Недопустимо, чтобы работа на фабрике хоть в какой-либо мере срывала работу учебную. Чрезвычайно важна организация труда учащихся на фабрике, выбор «мест», их чередование; необходимо, чтобы и работа на фабрике была подчинена учебным и воспитательным целям. Но ликвидация работы школьников на фабрике недопустима. Важна именно производственная связь школы с фабрикой. Правильно поставленный производительный труд в мастерских и на фабрике имеет громадное воспитательное значение, организует детей, воспитывая в них сознательную дисциплину, воспитывая коммунистическое отношение к труду.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 422.

В пункте 1-м параграфа 12-го говорится о политехническом труде. Некоторые считают, что вставка о политехнизме устраняет пункт 3-й, где говорится о трудовой школе и производительном труде. Это, конечно, неверно. Пункт 3-й лишь развивает пункт 1-й. Вопрос о политехнизме не случайно связан с общим образованием в один пункт; эту связь мы поймем, если посмотрим на отдел программы, касающийся области экономической, где в § 15, пунктах 3-м и 5-м, говорится о едином общегосударственном хозяйственном плане, о поднятии внимания к наилучшим производственным единицам, о вовлечении широких масс трудящихся во всю хозяйственную стройку. Параграф программы, посвященный задачам в области сельского хозяйства, говорит об устройстве крупных советских хозяйств, о коллективизации, агротехнике, о широком и планомерном привлечении промышленных рабочих к коммунистическому строительству в земледелии и пр.

Упомянутые параграфы бросают яркий свет на то, почему нужна политехнизация, почему в нее обязательно должно войти и сельское хозяйство, почему нужно понимание связи между городом и деревней, связи между отдельными отраслями производства, почему нужен политехнический кругозор. Он так же нужен для строительства социализма, как и общее образование, без него нельзя понять основ общегосударственного хозяйственного плана, а это понимание нужно каждому. И надо, чтобы было не чисто книжное понимание этой общей связи между различными отраслями,— надо, чтобы эта связь была понята во всей ее конкретности. Поэтому нужна в этой области тесная связь между теорией и практикой. Но означает ли это, что мы должны дать максимум специальных навыков в каждой отрасли знания? Можно ли политехнизм сводить к ремесленному профобразованию в ряде отраслей? Конечно, нет. *Надо, чтобы учащийся овладел общей современной культурой труда, связанной с передовой современной техникой, требующей поэтому научного обоснования, понимания того общего, что есть в самых разнообразных процессах производства.*

Пункт 8-й параграфа 12-го говорит о том, что необходимо «широкое развитие профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста в связи с

общими политехническими знаниями»[1]. В этом пункте проводится четкая разница между профобразованием и политехнизмом. Политехнизм — это та база, на которой должно строиться современное профобразование, но это две вещи разные. Политехнические знания помогут быстрее овладеть профессиональным образованием, понять лучше его узловые пункты, легче преодолеть трудности, но одного политехнического образования недостаточно, чтобы овладеть профессией.

Ленин специально высказывался против ранней профессионализации, которая иногда подменяет политехнизм, перенося центральное внимание на получение большого количества навыков. Ни на минуту нельзя забывать об увязке политехнизации с производительным трудом, о поднятии благодаря этой увязке производительного труда на высшую ступень, о повышении этим путем его воспитательной роли.

Конечно, не один труд и его организация воспитывают сознательную дисциплину. Воспитывает и учеба и весь уклад школьной жизни. Аккуратно налаженная работа школы, точное расписание, продуманное планирование уроков, разъяснение составленных планов ребятам, хорошо налаженный учет, организация каждого урока так, чтобы он активизировал ребят, чтобы учеба превращалась в коллективную работу мысли, чтобы каждый сознавал свою ответственность за успехи всего класса,— все это воспитывает коллективистические навыки и повышает самое качество учебы. Последнее время идет большая работа по лучшему налаживанию всего школьного режима. А уменье связать теорию с практикой по всем предметам придаст более глубокий и интересный характер всей учебе. Надо только, чтобы увязка между теорией и практикой ставилась так, чтобы она не мешала учебе, а, напротив, углубляла ее.

Во втором абзаце вводной части 12-го параграфа программы говорится еще о пролетарском влиянии в воспитательной работе. Что надо под этим подразумевать?

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 420.

Воспитательная работа и методы ее проведения тесно связаны с тем, каких людей мы хотим воспитать, другими словами — с коммунистической моралью. О коммунистической морали говорил подробно Ленин в своем выступлении на III съезде комсомола. Коммунистическая мораль в корне отличается от морали буржуазной. Необходимо воспитывать убежденного коллективиста, умеющего коллективно учиться, работать и жить, подчинять свою волю постановлениям коллектива, воспитывать тем самым сознательную дисциплину, общественную активность, организаторские способности.

Игра, учеба, производительный труд, общественная работа, школьно-детское самоуправление, детские организации — пионерские в первую голову — должны воспитывать коллективиста, выдержанного, организованного, убежденного. Воспитать такого коллективиста — а без такой широко проведенной воспитательной работы нельзя воспитать поколение, способное установить коммунизм,— этого не может, как правило, сделать семья.

Коммунисту необходимо знать, что писали о семье Маркс и Энгельс, необходимо продумать соответствующие места «Коммунистического манифеста» о семье и общественном воспитании. Семейное воспитание может быть весьма различно в зависимости от взглядов родителей. Невольно вспоминаются слова молодого Энгельса: «Но если идеи, за которые боремся мы, дети нового времени, истинны, то не далека уже пора, когда женские сердца начнут биться за идеалы современного духа так же горячо, как они бьются за набожную веру отцов,— и лишь тогда наступит победа нового, когда молодое поколение станет его впитывать вместе с молоком матери».

Вот почему, между прочим, пункт 11-й параграфа 12-го в качестве ближайшей задачи выдвигает: «Развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этой цели аппарата и средств государственной власти» [1].

В партийной программе нигде не сказано о воспитательной роли родителей, но в пункте 6-м говорится о том, что необходимо «привлечение трудящегося населения к активному участию в деле просвещения (развитие

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 420.

«советов народного образования», мобилизация грамотных и т. д.)». Не всякий родитель годен в воспитатели. Если родитель насквозь пропитан религиозным суеверием, враждебно настроен к Советской власти, если его взгляды типично мелкобуржуазные,— разве он годится в воспитатели? Раньше считалось, что главными воспитателями являются родители. Согласно программе наша школа не только учит, но и воспитывает в духе идей революционного пролетариата, привлекая к этому делу организованное население. Вот это привлечение организованного населения, которому, независимо от того, являются ли они родителями детей, не может быть безразлично, как воспитывается подрастающее поколение,— имеет очень большое значение. Это вовлечение трудящихся в учебно-воспитательную работу является характерной особенностью советской школы: недаром о советах народного образования писал Владимир Ильич. Прикрепление школ к предприятиям явилось поэтому ценнейшим мероприятием. Необходимо только, чтобы это прикрепление не сводилось к простому материальному обслуживанию школы.

Усиление влияния на школу советов народного образования, увязка школы с окружающей средой не снижает, конечно, ни в малейшей мере роли учителя. *Учитель в школе — решающее звено.* Об этом четко говорит постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г.

Пункт 5-й параграфа 12-го говорит о подготовлении «новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма»,— не просто знакомых с программой партии, с основами коммунизма, а именно «проникнутых идеями коммунизма». Без таких работников невозможно поставить ни коммунистического воспитания, ни правильного вооружения подрастающего поколения знаниями, нужными для будущих строителей коммунизма.

Пункт 1-й параграфа 12-го говорит о необходимости проведения «бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет». Бесплатное и обязательное образование для всех детей обоего пола до 17 лет навсегда подрежет корни темноты и безграмотно-

сти и поднимет на небывалую высоту весь культурный уровень страны. «Обязательность» имеет в виду родителей, не имеющих права удерживать детей от посещения советской школы, но, кроме этого, этот пункт возлагает очень большую ответственность и на Советы. Последние обязаны создать все условия для осуществления обязательного образования детей до 17 лет; тут и вопрос о зданиях, об оборудовании их, об оплате педагогического персонала, подготовке его, и вопрос о подвозе детей в школы и организации детских общежитий и т. д. и т. п. Выше я уже указала, что всеобщее обязательное обучение в размере четырехлетки уже проведено и идет дальнейшее развертывание его.

Я не стану останавливаться подробно на вопросах о том, какое значение имеет для раскрепощения женщины введение для всех девочек бесплатного и обязательного общего и политехнического образования, как вооружает оно женщин для стройки социализма; не буду говорить о значении совместного воспитания, ставящего девочек в одинаковое положение с мальчиками и воспитывающего гораздо более нормальные отношения между полами; не буду говорить о значении развития яслей, дошкольных учреждений, очагов в деле раскрепощения женщин. Тут связь между всем направлением программы в деле фактического уравнения женщин во всех правах с мужчиной на фронте управления государством, хозяйством, в деле раскрепощения женщин от домашнего рабства, специальной охраны материнства — ясна. Отмечу только, с каким трудом проходил пункт о яслях в старой программе партии, принятой в 1903 г. на II съезде партии. Оппортунистическое крыло восставало против этого пункта, восставали представители «Южного рабочего», Бунда; говорилось, что ясли облегчат поступление на завод женщин, тем повысят эксплуатацию женского труда, что вопрос о яслях спорный, что при фабрике устраивать ясли негигиенично и т. д.

Целый скандал вышел на II съезде и с вопросом о преподавании на родном языке. Бундовцы боялись, как бы этот пункт не затемнил весь национальный вопрос. Вопрос, касающийся области национальных отношений, в теперешней программе полно освещен в параграфе 9-м,

Пункт 4-й параграфа 12-го говорит о том, что необходимо «снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства» [1]. В программе 1903 г. было сказано не «всех», а «бедных» детей. И около этого вопроса разгорелся спор. По этому вопросу от редакции «Искры», державшейся в начале съезда дружно, выступали Мартов и Плеханов. Против них опять-таки ополчилось правое крыло с Егоровым (Левиным) от «Южного рабочего» и Либером от бундовцев во главе. Они толковали о том, что не годится говорить о «бедных», что это будет оскорбительно для бедных, что вообще это «само собой разумеется» и потому весь этот абзац не нужен. Отвечая им, Мартов говорил, что дети рабочих не станут от этого богаче, если о них не будет сказано в программе, а Плеханов добавил, что если встать на такую точку зрения, то нельзя говорить и о подоходном налоге, что ему приходилось наблюдать в демократической Швейцарии, сколько унижений переносят ребятишки рабочих из-за отсутствия дарового снабжения, и «что знание есть гарантия прав пролетария».

В теперешней программе говорится о снабжении всех детей, а не только бедных. Конечно, о бедных детях не говорится не из лицемерных оппортунистических соображений, а потому, что программа 1903 г. писалась в условиях существования царизма и капиталистических отношений, а программа 1919 г. составлялась уже при Советской власти, когда пролетариат взял власть в свои руки.

То, о чем смешно и неправильно говорить при капитализме, становится возможным при Советской власти. Конечно, сначала необходимо осуществить снабжение беднейших учеников, но этим нельзя ограничиться. В деле снабжения ребят горячими завтраками, одеждой, обувью, несомненно, имеются достижения, но этого еще недостаточно. На это дело обращено серьезное внимание.

Пункт 3-й говорит еще о том, что школа должна быть «безусловно светской, т. е. свободной от какого бы то

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 420.

ни было религиозного влияния»[1]. Этот пункт связан с параграфом 13-м, говорящим о задачах партии в области религиозных отношений. Этот пункт проведен у нас полностью.

В параграфе 13-м говорится об отделении церкви от государства и школы от церкви и о значении этого мероприятия. Далее сказано: «РКП руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков»[2]. Это положение говорит о том, как тесно антирелигиозная пропаганда должна быть увязана со всей школьной программой и в частности с трудом и политехнизмом.

Само собой разумеется, что самое непосредственное отношение к вопросам воспитания имеет параграф 25-й, говорящий об охране народного здоровья[3].

Кроме вопросов воспитания и образования подрастающего поколения, параграф 12-й говорит и о культурной работе среди взрослых. Пункт 7-й говорит, что нужна «всесторонняя государственная помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян (создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.)»[4]. Этот пункт, равно как и пункт 11-й — о развитии самой широкой пропаганды коммунистических идей,— приобретает особенное значение на данном этапе нашего строительства, требующего от массы немало знаний и понимания, как надо практически осуществлять идеи коммунизма на всех участках строительства. Как было выше сказано, эта работа развернута у нас очень широко. Культпоход помог достигнуть громадных сдвигов в области ликбеза, он показал, что массы сами берутся за культурное строительство.

Пункт 9-й говорит об открытии «широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться,

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 419.
[2] Там же, стр. 420.
[3] Там же, стр. 429.
[4] Там же, стр. 420.

и в первую очередь для рабочих». Создание рабфаков и заочных университетов дало практическое разрешение этого вопроса, ряд новых льгот для детей рабочих и трудящихся крестьян помогает осуществлению этого пункта. Пункт 10-й нашей программы говорит о необходимости «открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства». Каждый трудящийся знает, как много сделано в этой области.

*

Из вышесказанного видно, что за 14 лет, прошедших со времени принятия теперешней программы партии, в области культурного строительства проделана очень большая работа. Конечно, «аппетит приходит во время еды». Культурные потребности растут не по дням, а по часам. Но то внимание, которое партия под руководством т. Сталина уделяет этому вопросу, в частности организация по инициативе т. Сталина политотделов МТС и совхозов, которые за небольшой срок уже достигли перелома во всей хозяйственной и культурно-политической работе в деревне,— является порукой тому, что заветы Ильича о культурной революции будут осуществлены полностью. Необходимо только, чтобы каждый коммунист уделял этому делу как можно больше внимания. *Культфронт давно уже перестал быть третьим фронтом — это один из важнейших и решающих участков всей нашей работы.*

1933 г.

ЗА ПОДЛИННЫЕ ОЧАГИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

«...Социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»[1],— говорил Ленин в первые дни организации Советской власти. За протекшие 16 лет мы имеем громадные достижения в области соцстроительства. Эти достижения были бы немыслимы, если бы массы относились к соцстройке без того неослабевающего энтузиазма, который мы наблюдаем каждодневно. И рабочая, и деревенская колхозная масса очень многому научились в процессе соцстройки. Но массам надо овладеть еще очень большой суммой знаний, чтобы на основе созданного фундамента социализма перестроить весь общественный уклад, построить бесклассовое общество. *Надо укрепить нашу социалистическую трудовую школу, превратить ее в подлинный очаг коммунистического воспитания.* В центре внимания капиталистических стран стоит школа привилегированная, в центре нашего внимания — школа массовая.

Капиталисты превращают народную школу в опору фашизма. Мы превращаем ее в опору коммунизма. Школа на данном этапе — мощное орудие борьбы.

За последние годы сделано особенно много для того, чтобы осуществить всеобщее обучение: оно осуществлено в объеме четырехлетки, по некоторым областям даже в объеме семилетки. В последний год проделана очень большая работа, совершенно необходимая для того, чтобы повысить качество учебы. Школы разукрупняются, выстроено много прекрасных зданий под школы, школам

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 255.

возвращен целый ряд зданий, произведен ремонт. Школы снабжаются тетрадями, перьями, карандашами, досками, мелом. Проделана большая работа по разработке стабильных учебников, отобраны лучшие учебники и изданы в миллионах экземпляров. Идет подготовка учителей. Партия, Советы заботятся о школе. Мы встречаем новый учебный год гораздо лучше подготовленными, чем в прошлые годы.

Советская социалистическая массовая школа должна стать любимым детищем всей советской общественности. Каждая партийная, советская, профсоюзная организация должна ставить себе вопрос: «Что я могу сделать, чтобы помочь школе?»

Но не только организация,— каждый сознательный гражданин должен поставить перед собой вопрос, не может ли он чем-нибудь помочь школе. У него есть хорошая книга — он снесет ее учителю, спросит, не годна ли эта книга для школьной библиотеки. У него есть ненужный ему инструмент — он отдаст его в школьную мастерскую. Он спец по агрономии — он предложит организовать для школьников агрономический кружок. Он побывал в чужих странах — он пойдет в школу к учителю, предложит рассказать на детском утреннике о виденном и т. д. и т. п. Стоит так подойти к делу — развернется богатая инициатива по обслуживанию школы. Нужно побольше почина, чтобы использовать эти большие возможности. Встретим новый учебный год с готовностью всеми силами помогать нашей советской, социалистической трудовой школе!

1933 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ТРАУРНОМ ЗАСЕДАНИИ В КОМАКАДЕМИИ

(А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ)

Товарищи, вместе с Анатолием Васильевичем пережито очень многое. Он приехал в Женеву в конце 1904 г., в момент, когда ясно было, что пути с меньшевиками разошлись окончательно, что нужна борьба, что меньшевики для дела пролетариата не сделают того, что необходимо было сделать.

Это было очень тяжелое время. За границей была сравнительно небольшая кучка сторонников Ленина; меньшевики занимали тогда главные позиции в заграничной эмиграции. В то время большевики решили издавать свою газету «Вперед». Надо было подобрать туда товарищей, которые могли бы бороться в момент, когда поднималась новая волна рабочего движения.

И вот приехал в Женеву Анатолий Васильевич. Я помню, как Владимир Ильич прямо вцепился в него, как целый час они, не переставая, говорили о перспективах движения, о том, как надо бороться, как надо развернуть работу партии для того, чтобы в данное время поднять все рабочее движение на нужную высоту.

Первое впечатление, которое осталось от Анатолия Васильевича,— это впечатление борца. Приехал в Женеву товарищ, который встал рядом с Владимиром Ильичем и с небольшой тогда группой большевиков-ленинцев и весь свой талант, все свои силы отдавал на борьбу за правильную марксистскую линию, на борьбу против меньшевизма.

Анатолий Васильевич много писал в тот период в газете «Вперед». В то время писать во «Вперед» — это не значило просто писать статьи. Каждая статья была боевой политической статьей, была орудием борьбы с меньшевиками. И кличка, которая была тогда у Анатолия Васильевича — «Воинов»,— это не случайная кличка. Это кличка, которая определяла весь характер его тогдашней деятельности.

Я помню, как переживалось нашей заграничной группой известие о 9 Января. Помню, мы шли с Владимиром Ильичем в библиотеку, не зная ничего, не зная о тех телеграммах, которые пришли и принесли вести о 9 Января, говорили о чем-то не важном. Навстречу нам быстро шел Анатолий Васильевич. От него первого мы узнали о расстреле рабочих. Охватило не только глубокое возмущение — охватило сознание, какой громаднейший толчок всему рабочему движению даст 9 Января, какая громадная ответственность ложится на партию. 9 Января мы переживали вместе с Анатолием Васильевичем.

Тогда Анатолий Васильевич тщательнейшим образом изучал вопросы революционного движения в других странах. Есть целый ряд его статей во «Вперед» под названием «Очерки революционного движения на Западе», посвященных этому вопросу. И, изучая опыт этого движения, он яснее осознавал тот путь борьбы, которым надо идти нашей партии.

Другой ряд статей Анатолия Васильевича в позднейших номерах «Вперед» посвящен массовой забастовке. Мы знаем, какую роль сыграла в революции 1905 г. массовая забастовка. И вот, о революционизирующем значении массовой забастовки писал тогда Анатолий Васильевич.

Анатолий Васильевич вызывал к себе ненависть со стороны меньшевиков. Имя Воинова было для меньшевиков именем одиозным. На III партийном съезде, собравшемся в период надвигавшейся революции 1905 г., когда разногласия с меньшевиками так обострились, что они отказались участвовать совместно с большевиками на общем партсъезде, а собрались на своей особой меньшевистской конференции,— на этом III съезде Анатолий Васильевич сделал доклад о вооруженном восстании. Доклад Анатолия Васильевича был обсужден и

согласован с Владимиром Ильичем. Когда перечитываешь то, что говорил тогда Анатолий Васильевич, то видишь, что главная, основная мысль его была о необходимости организовать революцию. Именно по этой линии шел спор с меньшевиками: они смотрели на революцию, как на стихию, не понимали той роли, которую сыграет в ней рабочий класс. Анатолий Васильевич говорил о необходимости организации революции, организации вооруженного восстания. К сожалению, тогда речи еще не стенографировались, и речь Анатолия Васильевича изложена тем, кто записывал ее, вследствие этого она менее красочна, чем была в действительности. Одно дело, когда записаны точные слова, другое дело, когда словами другого человека записано то, что говорил оратор. Содержание этой речи было боевое, это была именно та речь, которая в тот момент была нужна.

Анатолий Васильевич выступал потом и на Стокгольмском объединенном партсъезде в 1906 г. Там все выступления его были застенографированы, и мы видим, каким остроумием блещет его речь. На этом съезде меньшевики нападали яростно на Ленина, и с каким остроумием Анатолий Васильевич защищал тогда Владимира Ильича и защищал всю большевистскую линию! Перечитывая сейчас эти речи Анатолия Васильевича, видишь, почему именно так ненавидели его меньшевики.

Я не буду говорить о второй эмиграции — во второй эмиграции Анатолий Васильевич работал вдалеке от Владимира Ильича и его группы. К этому времени относятся его ошибки в области философии. Эти ошибки хорошо известны. Я остановлюсь на той работе, в которой мне приходилось близко соприкасаться с Анатолием Васильевичем, именно на его работе в области народного просвещения.

Еще перед Октябрем в районных думах Петрограда велась работа по народному образованию. Тогда, в 1917 г., эта работа носила особый характер, она велась в тесном контакте с рабочими массами, переплетаясь с политической работой. Работавшие по разным районам в этой области большевики собирались в Думе под председательством Анатолия Васильевича. Так что еще до организации Советской власти первоначальная, черно-

вая, работа в области народного образования проделывалась под руководством Анатолия Васильевича.

После Октября наступил период, когда организован был Комиссариат народного просвещения. Когда с теперешней молодежью говоришь, то молодежь забывает о том, какую борьбу приходилось вести тогда на фронте просвещения. Ведь это была совсем другая эпоха, чем сейчас.

Мне вспоминается первый момент, когда мы пришли — небольшая группка товарищей под предводительством Анатолия Васильевича — в Комиссариат народного просвещения, бывшее министерство народного просвещения. Около бывшего министерства народного просвещения был организован саботажниками пост, даже нас пробовали остановить, предупредить нас, чтобы мы близко даже не подходили к министерству, которое хотят захватить большевики.

Мы прошли в здание бывшего министерства народного просвещения, где, кроме служителей, кроме швейцаров и уборщиц, никого не было. Мы собрались в одной из комнат, поговорили о том, что делать. И вот я помню: мы собрали весь этот технический персонал на общий митинг, и Анатолий Васильевич говорил им о народном просвещении, ставил принципиальные, серьезные вопросы. В первый раз люди, служившие годами в министерстве народного просвещения, слышали, как народный комиссар, по-старому — министр, говорит с ними всерьез, о вещах важных, принципиальных, относится к ним, как к людям равным, а не как какое-то начальство. И речь Анатолия Васильевича, сказанная техническим служащим, была очень хороша и произвела на всех большое впечатление.

А затем пришлось шаг за шагом завоевывать все позиции. Вопрос шел об учительстве. Учительство начальной школы было тогда под громадным влиянием эсеров, оно было враждебно настроено по отношению к большевикам. Учительство II ступени было кадетское, за очень небольшим исключением. Эти еще более враждебно относились к большевикам. И вот в годы военного коммунизма шаг за шагом пришлось завоевывать учительство. Это была большая повседневная работа, незаметная работа, но имевшая громаднейшее значение.

Приходилось завоевывать молодежь. Ведь тогда молодежь средней школы была почти сплошь враждебно настроена. Я помню, как около дворца Кшесинской в период июльских дней и позднее — после 3 часов, когда кончаются занятия,— собирались толпы негодующих на большевиков гимназистов, как легко натравливали их всякие Алексинские на Ленина. В учащуюся молодежь надо было влить новые слои. Приходили отдельные группки сочувствующих учащихся в Наркомпрос, и с ними тоже вел беседы Анатолий Васильевич.

Я не говорю уже о работе в массах. Это была основная работа. Владимир Ильич говорил, что надо сломать старый бюрократический аппарат и построить новый, тесно спаянный с массами. В области народного просвещения благодаря предшествующей работе в районах, где была тесная смычка с рабочими, был уже известный опыт. К нам в наркомат в то время приходило много рабочих и работниц с фабрик и заводов: они сразу стали считать Наркомпрос своим, близким им органом. Тесно связаны были мы тогда и с фронтом. Благодаря этой тесной связи с массами удалось переломить в дальнейшем и настроение учительства, удалось завоевать очень большие кадры молодежи. Особую роль сыграли тут рабфаки.

Анатолий Васильевич вел широкую агитацию. Это была агитация борца, который ставил вопросы принципиально, умел зажигать огнем своего энтузиазма и показывать перспективы. Октябрьская революция во всех областях, как прожектором, осветила дальнейшие пути. Путь просвещения был тоже освещен.

И тут Анатолий Васильевич сыграл совершенно исключительную роль. Я не знаю другого человека, который мог бы сделать то, что сделал для народного просвещения в первые годы, в годы борьбы за советский строй, Анатолий Васильевич. Он умел подходить к массам. В этот период, период военного коммунизма, когда еще шла борьба за Советскую власть,— тогда особенно воодушевленно как-то умел работать, умел выступать Анатолий Васильевич.

Он, конечно, воодушевлял и всех работников наркомата, потому что работать в боевой обстановке, в какой приходилось тогда работать, можно было только тогда,

когда чувствовали, что в наркомате есть человек, который воодушевляет, который ведет, который знает, куда надо идти. И я помню наши заседания коллегии. Это было не просто обсуждение текущих дел. Каждое заседание коллегии обыкновенно давало установки, перспективы. За все время работы Анатолия Васильевича заседания коллегии были чрезвычайно интересны и каждому работнику наркомата давали чрезвычайно много.

Приходилось работать среди самых разнообразных слоев населения, не только среди рабочих и учителей, приходилось иметь дело с учеными, художниками, писателями. Тут опять-таки нужен был талант Анатолия Васильевича, его широкий кругозор, его умение к каждому человеку как-то по-особенному подойти. К нам тогда в Наркомпрос ходили все, кто интересовался делом народного просвещения, ходили рабочие, солдаты, крестьяне. Помню одного крестьянина, который у нас получил прозвище «Ненаглядные вещи», потому что он наглядные пособия называл «ненаглядными вещами». Так вот, «Ненаглядные вещи» рассказывал, как Анатолий Васильевич с ним разговаривал, с крестьянином-землекопом из Калужской губернии. Он говорил: «Посадил меня Луначарский на диван, а сам все ходит и говорит, ходит и говорит. Говорил и про школу. Я пошел после этого ботинки учительнице купил». Очевидно, речь Анатолия Васильевича убедила его, что надо заботиться как-то об учителях. Крестьянин рассказывал, как Анатолий Васильевич дал книги и «ненаглядные вещи» для школы.

О школе просто и горячо, сам увлекаясь, разговаривал с крестьянином Анатолий Васильевич.

Надо отдать себе отчет, какую агитационную роль играл тогда наш наркомат. Когда организовались рабфаки, рабочая и крестьянская молодежь увидела перед собой новые открывающиеся пути. Я помню, как кто-то привел в Наркомпрос молодого парня, только что приехавшего из деревни, который приехал в Москву учиться. Он не знал, как это сделать. Он слышал, что бедняцкой молодежи теперь можно учиться. Приехал в Москву, разыскал памятник Ломоносову, сел около него и ждал, что его кто-нибудь возьмет и отведет учиться. Что такое Наркомпрос, что такое рабфак,— он не знал, никогда не

слыхал. И действительно, какой-то прохожий поговорил с ним, узнал, в чем дело, привел его в наркомат. А в наркомате его отправили к Анатолию Васильевичу, и Анатолий Васильевич потолковал с ним. Я помню, как несколько дней спустя этот парень приходил и говорил, как и что он будет делать, и вспоминал разговор с Анатолием Васильевичем.

Вот этой черновой, незаметной работы никогда не чуждался Анатолий Васильевич, и каждый рабочий, каждый крестьянин чувствовал, что Анатолий Васильевич говорит о деле, которое ему близко, которым он сам увлекается. И эту искренность, то, что дело просвещения масс было дорого Анатолию Васильевичу,— это чувствовал каждый, даже еще малосознательный, рабочий, каждый, даже малосознательный, приезжающий крестьянин-бедняк, крестьянин-середняк.

Работа, которая была проделана тут под руководством Анатолия Васильевича, конечно, была очень большая. Завоевывались массы.

Анатолий Васильевич очень любил искусство, но он хотел, чтобы искусство стало достоянием масс. Тут сказывалась его марксистская установка на массы. В этом отношении все речи Анатолия Васильевича об искусстве не касались обыкновенно мелочей, а касались того, как сделать искусство органической частью агитации, как при помощи искусства зажечь массы интересом к политике. Вот эту сторону, этот подход к искусству особенно как-то приходилось ценить в Анатолии Васильевиче. Он говорил не столько о разных частных вопросах из области искусства, а о тех перспективах, о той организующей роли искусства, о важности эмоций, которые активизируют массы. Вот об этом приходилось слышать много от Анатолия Васильевича. И когда вспоминаешь пройденный путь, все это особенно как-то живо вспоминается, и тут понимаешь, какую громадную роль Анатолий Васильевич сыграл в области народного просвещения.

Потом наступили годы перехода к нэпу. Это были очень тяжелые годы, когда приходилось заботиться о всякой мелочи. Например, разрушают школу, созданную населением, и отдают эту школу в наем, говоря: «Мы работаем на хозрасчете». Тогда понимание хозрасчета часто было очень первобытно. И вот, в то время

Владимир Ильич особенно заботился о том, чтобы Анатолию Васильевичу и Михаилу Николаевичу Покровскому, его заместителю, дать в помощь крупного организатора, который занимался бы всеми этими делами и разгружал бы их от необходимости вникать в то, где и какое помещение взять, где надо воевать за то, чтобы школы не закрыли. Во время нэпа особенно важно было, чтобы эти мелочи не засели, и важно было, чтобы не снижалось, а яркой нитью проходило через всю работу идейное коммунистическое содержание. В этом отношении Анатолием Васильевичем была проделана большая работа.

Мы, наркомпросовцы, все относились к нему с горячим чувством уважения, видели в нем борца за дело вооружения масс знаниями, за дело вооружения масс всеми достижениями в области искусства.

1934 г.

ПРИВЕТ СЪЕЗДУ УДАРНИКОВ-УЧИТЕЛЕЙ МАРИЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Дорогие товарищи, учителя-ударники Марийской автономной области!

Шлю я вам горячий товарищеский привет! Вы, участники великой социалистической стройки, находитесь на одном из важнейших ее участков. Вы растите молодое поколение, которое будет довершать дело своих отцов и матерей, дело строительства социализма. Ваша работа исключительно ответственная. Вы должны вооружить ребят знаниями, умением прилагать эти знания к жизни, должны помогать им стать сознательными строителями социализма, коммунизма.

Вы должны растить из ребят коллективистов с твердой волей и характером, людей сознательной дисциплины.

В Марийской области введено всеобщее обучение, школа охватывает всех ребят.

Всеобщее обучение введено давно уже во многих странах капитализма. Но школа школе рознь.

Капиталистическая школа растит фашистов, *наша школа растит коммунистов.*

Капиталистическая школа растит рабов капитала, людей с мелкособственнической психологией. *Советская школа растит коллективистов, с психологией общественника, умеющего подчинить свою волю воле коллектива.*

Капиталистическая школа растит людей, привыкающих подчиняться палочной дисциплине. *Советская школа воспитывает сознательную дисциплину.*

Народности, которые топтал, давил царизм, при Советской власти культурно растут с необычайной быстротой. Вы — учителя-ударники, строители новой, социалистической культуры.

Горячий вам привет, товарищи!

1934 г.

ЗАДАЧИ НАШЕЙ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ И КАДРЫ ЕЕ СТРОИТЕЛЕЙ

Ленин придавал громадное значение школе. В своей речи от 28 августа 1918 г., за два дня до ранения, он выступил на I Всероссийском съезде по просвещению: «Необходимо,— сказал он,— приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы» [1].

Он говорит в данном случае *не о школе вообще, а о той будущей трудовой школе, над созданием которой он призывал энергично работать.* Он говорит о той школе, которая воспитает *все* молодое поколение в духе глубокого интернационализма, вооружит его всей суммой добытых человечеством знаний, научит его организованно, коллективно, планомерно работать, научит глубоко увязывать теорию с практикой, воспитает из ребят новых людей, у которых личная жизнь будет неразрывно слита с жизнью общественной, с борьбой за социализм, за коммунизм.

Для построения такой школы, как ее задумал Ленин, нужны были и соответствующие кадры. Учительство начальной школы в России тогда было под влиянием эсеров, среди учительства средней школы были сильны даже кадетские влияния. Советскую власть большинство учительства встретило враждебно. В Москве учителя встретили Советскую власть забастовкой. Незначительные кадры передового учительства организовали союз

[1] Цитируется Н. К. Крупской по тексту отчета в газете «Правда» № 184 от 30 августа 1918 г.— *Ред.*

учителей-интернационалистов, сплотившихся около Советской власти.

Выступая на Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 г., за 2½ месяца до I Всероссийского съезда по просвещению, Ленин уже указал учительству путь, как подойти к делу строительства школы будущего, которая должна сыграть такую крупнейшую роль в истории человечества. Он говорил:

«Учительская армия должна поставить себе гигантские просветительные задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения. Надо освободить жизнь, знание от подчинения капиталу, от ига буржуазии. Нельзя ограничить себя рамками узкой учительской деятельности. Учительство должно слиться со всей борющейся массой трудящихся. Задача новой педагогики — связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества.

Надо сказать, что главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности. Процесс брожения в широкой учительской массе только начинается, и истинно народным учителям не следует замыкаться в рамки организации Всероссийского учительского союза, а идти уверенно в массы с пропагандой. Этот путь приведет к совместной борьбе пролетариата и учительства за победу социализма» [1].

Прошло полгода с небольшим. Гражданская война была в самом разгаре. Она ставила все точки над «i», раскрывала глаза на истинную сущность всех партий, на то, какая партия за что борется на деле. И вот, выступая 18 января 1919 г. на II съезде учителей-интернационалистов, Ильич уже ставит перед ними задачу — не обособляться в особый союз, а работать над созданием общего профсоюза просвещенцев, который должен охватить широкие кадры учительства, сплотить их вокруг Советской власти. «Нельзя сомневаться в том,— говорил Ленин,— что громадное большинство учительского персонала, который стоит близко к рабочему классу и к трудящейся части крестьянства, что оно в громадном боль-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 409.

шинстве убедилось теперь, как глубоки корни социалистической революции, как неизбежно она распространяется на весь мир, и я думаю, что теперь громадное большинство учительства несомненно искренне встанет и будет становиться на сторону власти трудящихся и эксплуатируемых, в борьбе за социалистический переворот...» [1]

В марте 1919 г. была принята программа РКП(б), в разработку которой Ленин вложил массу сил. В ней говорилось, что «школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм». И далее давались пункты программы, указывающие, каким путем надо подойти к осуществлению этой цели.

Эта программа должна была служить не только коммунистам, но и учительству путеводной нитью: она указывала ближайшие цели строительства той школы будущего, о которой говорил Ильич.

Когда Советская власть победила в гражданской войне, когда перед ней во весь рост встали задачи соцстройки, Ленин еще раз высказался о роли учительства на совещании политпросветов 3 ноября 1920 г. Ленин никогда не ставил перегородок между учителями детских школ и просвещенцами, работающими среди взрослых. И в этой своей речи он обращается одновременно и к тем, и к другим. Он говорил:

«Наркомпрос пережил долгую борьбу, долгое время учительская организация боролась с социалистическим переворотом. В этой учительской среде особенно упрочились буржуазные предрассудки. Здесь долго шла борьба и в виде прямого саботажа и упорно держащихся буржуазных предрассудков, и нам приходится медленно, шаг за шагом, отвоевывать себе коммунистическую позицию. Для Главполитпросвета, работающего по внешкольному образованию, решающего задачу этого образования и просвещения масс, особенно ярко встает задача сочетать партийное руководство и подчинить

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 385.

себе, пропитать своим духом, зажечь огнем своей инициативы этот громадный аппарат — полумиллионную армию преподавательского персонала, которая состоит сейчас на службе у рабочего. Работники просвещения, учительский персонал, были воспитаны в духе буржуазных предрассудков и привычек, в духе враждебном пролетариату, они были совершенно не связаны с ним. Теперь мы должны воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты» [1].

«Нужно сказать, что сотни тысяч учителей — это есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками, которые еще до сих пор существуют в массах» [2].

«Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное. Задача наших работников просвещения — осуществить эту переделку массы. Ее заинтересованность, ее тяга к просвещению и знанию коммунизма, которые мы наблюдаем, служат порукой тому, что мы окажемся и здесь победителями, хотя, может быть, и не так скоро, как на фронте, быть может, с большими трудностями, а подчас и поражениями, но в конечном итоге победителями будем мы» [3].

Согласно этим установкам Ильича политпросветработники должны вести широкую пропаганду среди учительства, втягивать его в работу агитации и пропаганды, тесно связанной с общеобразовательной работой.

Почти 15 лет прошло с тех пор, как были сказаны эти слова. Массы стали иными. Мы имеем громадные сдвиги и в деле роста сознательности масс и в деле культурного строительства вообще.

Но отпадают ли те задачи, которые ставил Ильич перед просвещенцами, в частности перед учителями, в первые годы существования Советской власти: создание подлинно коммунистической школы, способной воспитать

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 342—343.
[2] Там же, стр. 344.
[3] Там же, стр. 345.

молодое поколение для тех великих задач, которые стоят перед ним, и параллельно с этим — воспитание в коммунистическом духе широчайших масс трудящихся? Задачи эти не отпали, они стоят по-прежнему остро, только на почве наших достижений они стали яснее, конкретнее. Каждый просвещенец, каждый учитель не может сейчас не осознавать, как он крепко должен быть вооружен для разрешения этих задач, как хорошо ему надо знать теорию марксизма-ленинизма, его практику, современные установки Коммунистической партии, как важно ему перечитывать вновь и вновь статьи Ленина, Сталина, ясно понимать их установки. Перед учителями, перед просвещенцами стоят громадной важности задачи, их роль в переживаемый момент особенно ответственна.

Как много каждому из нас надо работать над собой, как надо вглядываться в жизнь, чтобы оказаться на высоте задачи!

1935 г.

ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДУХЕ — ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА

Последнее время очень много говорят и пишут о воспитании. Это очень хорошо. Это *поднимает заботу о детях,* поднимает внимание к тому, как ребята живут, что они делают. Необходима забота о здоровье ребят, о создании благоприятных условий для их роста и развития. Необходима охрана ребят от разлагающего влияния хулиганствующих элементов. Печать, школа ставят во весь рост перед родителями вопрос о необходимости гораздо большей заботы о детях. Школьные секции горсоветов начинают организовывать общественный контроль в этом деле.

Забота о детях имеет громадное значение для воспитания, но это только часть вопроса. *Воспитание подрастающего поколения — серьезнейший вопрос соцстроительства.*

Воспитание всегда носило классовый характер. Это с особой силой подчеркивал всегда Ленин. Воспитание воспитанию рознь. Капиталист старается воспитать из своих детей не только людей здоровых, но и умеющих с наибольшей выгодой для себя эксплуатировать рабочие массы, держать их в узде. Он старается воспитать из своих детей людей влиятельных, способных занять крупные посты, хозяев, умеющих с выгодой для себя управлять промышленностью.

Мелкий собственник при воспитании своих детей тянется за капиталистом, но в то же время думает, как научить их получше сделать себе карьеру, «выйти в люди», устроиться. Он учит поэтому своих детей, в

первую очередь, угождать, приспособляться, на первый план ставить благополучие свое и своей собственной семьи.

Сознательный рабочий старается воспитать из своих детей борцов за дело трудящихся, готовых отдать свой талант, свои силы на борьбу со всякой эксплуатацией, угнетением, на борьбу за светлое будущее, за социализм. Он учит детей вооружаться знаниями, потому что знания необходимы для победы.

Общественные классы не разгорожены какими-то перегородками, и не всегда удается родителям воспитать своих детей так, как им хочется. Маркс и Энгельс, например, вышли из среды капиталистов, а их учение стало руководством к действию для рабочих всего мира. Добролюбов, Чернышевский вышли из среды духовенства, а их произведения сыграли крупнейшую роль в истории нашего революционного движения.

Из детей лавочников, кулаков, попов вышло немало революционеров. Это исключения, конечно. Но мелкая буржуазия повседневно соприкасается с массой трудящихся, тут перегородки между классами особенно непрочны, и влияние трудящихся на детей мелкой буржуазии растет и крепнет с каждым годом. С другой стороны, мелкособственнические взгляды часто заражают рабочих. Среди рабочих, особенно недавно приехавших из деревни, немало встречается таких, которые смотрят на воспитание своих детей мелкособственническими глазами. Теперь, когда стал господствующим колхозный уклад, колхозники начинают уже на многое смотреть глазами рабочих.

В моменты, когда революционное движение бывало на подъеме, мелкая буржуазия шла больше за рабочим классом. Сейчас, когда буржуазия стоит на краю гибели, мелкая буржуазия колеблется еще сильнее, ее взгляды на воспитание становятся все более и более неустойчивыми.

Во времена докапиталистические и в первое время существования капитализма преобладало воспитание домашнее. Помещики и капиталисты держали для своих детей гувернеров и гувернанток. У нас в России эти гувернеры и гувернантки были часто иностранцами. Наряду с этим помещики и капиталисты стали создавать

для своих детей привилегированные учебные заведения, где классовое воспитание проводилось более систематически и умело. Это были в большинстве своем закрытые учебные заведения. В России это были институты благородных девиц, кадетские корпуса, лицеи. Наряду с этим создавались ремесленные школы для мастеров разного типа и духовные училища. Духовенство было главным агентом в руках дворянства для одурманивания масс. Попы учили трудящихся, рабочих и крестьян воспитывать из своих детей «рабов божиих», смиренно терпящих всякую эксплуатацию, за непокорность обреченных на «муки адовы», а за смирение награждаемых «царством божиим» на небесах. Запугивание, битье, наказания — вот методы воспитания, которые проповедовало духовенство.

Встав у власти, буржуазия обратила особое внимание на воспитание подрастающего поколения. Она стала создавать школы не только для своих детей, но и для детей рабочих, трудящихся. Она старалась превратить школу в орудие воспитания масс в желательном для нее, буржуазии, духе.

Как воспитывала народная школа во Франции в довоенное время, мне пришлось наблюдать в годы эмиграции. Детей учили слепому послушанию. В школах царила отчаянная зубрежка, ребят усердно били по щекам. В выпускном классе женской начальной школы давали писать сочинение на тему «Что я должна делать, чтобы угодить хозяину», и т. д.

Во всех капиталистических государствах — в Англии, Германии, Франции, Швейцарии — созданы были так называемые «сельские воспитательные гимназии» с высокой оплатой, куда принимались только дети богатых, дети капиталистов. В стороне от классовой борьбы, на лоне природы, из них воспитывали «капитанов промышленности».

Советская власть видит в школе мощное орудие воспитания молодого поколения, которому предстоит завершить построение бесклассового, социалистического общества. Советская школа должна организовать воспитание всего подрастающего поколения в духе коммунизма, должна вооружить молодежь прочными знаниями, на-

учить ставить эти знания на службу социалистическому строительству, связывать теорию с практикой. Советская школа должна воспитывать из ребят общественников, для которых на первом плане стоят всегда общие интересы, которые не отделяют своих интересов от интересов общества. В 12-м пункте программы ВКП(б) говорится, что у нас должна быть школа единая (т. е. не должно быть школ привилегированных), трудовая политехническая (т. е. обучающая не какой-нибудь одной узкой специальности, а дающая умение браться за любую работу по-настоящему, дающая навыки, как обращаться с разным сырьем, машинами, как планировать работу, преодолевать трудности разного рода, как освещать труд светом знания, как работать наиболее производительно, организованно и т. д. и т. п.). В программе партии сказано, что наша советская школа должна быть школой совместного воспитания, что обучение должно быть всеобщее, обязательное.

Школа должна влиять и на внешкольное общественное воспитание и на воспитание домашнее. Школа у нас — ведущее звено в деле всего воспитания подрастающего поколения. Вот почему партия и правительство уделяют школе такое большое внимание.

Построение советской школы — дело нелегкое.

У старой школы, как и у буржуазной науки, мы должны взять все, что в ней было хорошего, и отбросить, что было в ней плохого. Хорошему надо подражать, а с плохим, классово враждебным, надо бороться. Тут нужна большая классовая бдительность. Рабочие и работницы должны всячески помогать советской школе проводить правильную классовую линию. Работница-мать, рабочий-отец часто могут заметить то, чего не заметят другой раз педагоги. Родители, наблюдая жизнь и учебу ребят, могут внести ряд ценных предложений по изжитию недостатков, включиться в общественную воспитательную работу.

Сейчас в школе учатся все ребята. Поступают туда и дети, родители которых заражены мелкобуржуазными и мелкособственническими взглядами. Дети в школе повторяют то, что слышат от родителей, иногда неохотно работают, форсят, хулиганят, озоруют. Родители — ра-

бочие и работницы — через своих ребят могут влиять и на других детей.

Помощь школе со стороны сознательных рабочих и работниц сейчас особенно нужна. Близость к школе поможет и педагогам глубже вдуматься в воспитание ребят, лучше воспитывать их в ленинском духе, так, как этого требует наша партия.

1935 г.

ДЕЛО ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ВАЖНОСТИ

1 июня этого года опубликовано постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о мерах борьбы с беспризорностью и безнадзорностью. Это постановление поставило перед советской общественностью вопрос о ликвидации беспризорности и безнадзорности со всей серьезностью. За осуществление постановления взялись культсекции Советов, вопрос стал продвигаться в депутатских группах.

24 октября в «Комсомольской правде» помещено письмо стахановок-отличниц Трехгорной мануфактуры ко всем работницам Советского Союза. Работницы Трехгорки призывают работниц всего Союза в Октябрьские дни пригласить к себе воспитанников детдомов, окружить их в эти дни заботой и лаской.

На первый взгляд письмо очень скромное, никаких громких слов в нем нет. Письмо простое, понятное каждой работнице, каждой колхознице. Но письмо это — пролетарский почин очень большого дела. Рабочие, работницы берутся сами за осуществление постановления партии и правительства. На указания партии и правительства они отвечают делом. Начинают с очень простого, доступного всем мероприятия. Но это именно то звено, за которое надо ухватиться.

Это совместное празднование с бывшими беспризорными ребятами Октябрьских дней крепко свяжет рабочих и работниц с детдомами, повысит внимание к тому, что делается в детдомах, поможет превратить их в культурные очаги, в очаги коммунистического воспитания, поставит их под общественный контроль.

Сейчас мы живем в такое время, когда наши успехи на хозяйственном фронте создали прочный фундамент для развертывания самой широкой, самой углубленной культурной работы. Строим новый быт, новую жизнь, в которой не будет места беспризорности.

Работа большая, но теперь поднять ее можно: люди за 18 лет существования Советской власти изменились, выросла сознательность, выросли организованность, умение налаживать всякое общественное дело.

Почин Трехгорки имеет громадное значение.

Рабочие и работницы, колхозники, колхозницы, поддержите почин Трехгорки, шире разверните заботу о беспризорных ребятах, возьмите детдома под свой пролетарский контроль!

Ваши дочери и сыновья, комсомольцы и пионеры будут вам всячески помогать.

Почувствовав семейную заботу, познав материнскую ласку, наши ребята из детских домов еще больше будут стараться вырасти настоящими ленинцами!

1935 г.

ЗАБОТА ПАРТИИ О НАРОДНОМ УЧИТЕЛЕ

13 лет назад Ленин, чувствуя, что он уходит из жизни, продиктовал ряд статей. Эти статьи касались вопросов, которым Ильич придавал особо важное значение. Он писал в этих статьях о социализме, о путях к социализму. Он писал о том, что нужна «целая полоса культурного развития всей народной массы».

«...Без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д.,— без этого нам своей цели не достигнуть» [1]. Особо подчеркивал он необходимость культурной работы для крестьянства. Крестьянство — громадная масса, и если культура деревни подымется, это будет целая культурная революция.

«Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [2].

«У нас делается еще слишком мало, безмерно мало для того, чтобы передвинуть весь наш государственный

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 430.
[2] Там же, стр. 435.

бюджет в сторону удовлетворения в первую голову потребностей первоначального народного образования»[1].

«Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и, главное, главное и главное — над поднятием его материального положения»[2].

С тех пор как написаны были эти строки, прошло более 13 лет, и мы наглядно видим, как за эти годы мы продвинулись вперед. Коллективизация сельского хозяйства внесла громадные изменения во всю жизнь страны. Теперь изменилось все лицо деревни. По своим взглядам, настроениям колхозники стали гораздо ближе к пролетариату, чем были раньше, стали заботиться не только о своем хозяйстве, о своей полосе, а стали думать, как общими усилиями сделать жизнь светлее и радостнее. Неизмеримо грамотнее стал народ, а главное — выросла чрезвычайно сознательность населения. Но эта сознательность как раз еще во много раз усилила среди колхозников и колхозниц жажду знания. Сейчас к учителю предъявляются особо большие требования и по части политической его подготовленности.

При Ильиче наша страна была еще так бедна, что не могла обеспечить учителя. Я помню, как он нервничал по этому поводу, хотел сократить расходы на театры.

А теперь хлеба у нас родится много, страна становится с каждым годом богаче.

И вот 10 апреля опубликовано постановление партии и правительства о повышении заработной платы учителя. Это постановление, принятое по инициативе т. Сталина и обсужденное вместе с учителями с мест, имеет громадное значение. Особо значительно повышена заработная плата сельских учителей, учителей далеких окраин и целого ряда национальных республик. Кроме того, постановление о заработной плате учителей составлено так, что оно побуждает учителя все время работать

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 423—424.
[2] Там же, стр. 424.

над повышением своей квалификации, своих знаний. Опубликованное 11 апреля постановление партии и правительства о порядке введения персональных званий для учителей и назначении их на работу говорит о том, что звание учителя считается почетным, что права учителя будут особенно внимательно охраняться. В учителя будут отбираться хорошо подготовленные, знающие работники, профессия учителя перестает быть временной.

Принятые постановления имеют громадное значение. Завет Ильича выполняется полностью. Поднята заработная плата, звание учителя поднимается на необходимую высоту. Особое значение это постановление имеет для поднятия культурного уровня села. Учительство ликует. Но не могут не ликовать и колхозницы. Это постановление означает, что улучшится школа, улучшится учеба, и их дети получат возможность быстрее, лучше овладевать знаниями, расти настоящими коллективистами, учиться с детства дружно, организованно работать, помогая друг другу, прилагая все знания к улучшению жизни. Мы строим новую, светлую жизнь. Наши дети сделают ее еще лучше, светлее, радостнее.

Привет нашей партии за заботу о наших детях, за заботу об учителе.

1936 г.

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ

У каждой политической партии есть своя программа. В программе сказано, чего партия хочет, за что она борется. Наша партия — партия рабочего класса — сложилась еще при царизме. То, что стояло в ее программе 1903 г.,— при царизме, конечно, осуществить было нельзя. Но программа указывала цель, освещала путь борьбы. Когда власть в октябре 1917 г. перешла в руки трудящихся, программа была уточнена, расширена и принята в новом изложении в 1919 г.

Но очень многое из того, что было далекой целью в 1903 г., за что надо было еще долгие годы бороться, теперь стало действительностью, уже осуществлено, уже осуществляется.

Конституция — это не программа, это отражение общественного уклада, который уже имеется налицо, который надо только довести до конца, углубить, отшлифовать.

Вопросу о праве граждан СССР на образование посвящена статья 121-я Советской Конституции. Она входит в главу X — «Основные права и обязанности граждан». Статье 121-й посвящены лишь несколько строк, как и другим статьям, но рассматривать ее надо в тесной связи с другими статьями Конституции.

В статье 121-й, например, ничего не говорится о праве на образование женщин, об этом сказано в статье 122-й. О правах на образование всех граждан, независимо от принадлежности к той или иной национальности или расе́, сказано в статье 123-й.

В этих пунктах сказано, что́ завоевано трудящимися,

чего никогда не знала и не могла знать царская Россия. Борьбу за ликвидацию бескультурья Советская власть повела с первых же шагов своего существования. Трудности были громадные — не было бумаги, не на чем было печатать учебники, не было тетрадей, карандашей, перьев, не было школьных зданий и не из чего было их строить. В деревне все еще часто можно было слышать рассуждения: «Мы неучеными прожили, и дети наши так проживут». Еще в 1921 г. в г. Кимрах — центре сапожной кустарной промышленности — союз работников просвещения принимал постановление, что ставить вопрос о ликвидации неграмотности преждевременно, что дело это невыполнимо. Правда, Кимры были исключением, но дело продвигалось медленно. Сейчас такие взгляды отошли в далекое прошлое, теперь тяга к знанию огромна. В этом году начальной школой охвачены все 100% детей соответствующего возраста.

Идет массовая ликвидация неграмотности и малограмотности и среди взрослых. За годы существования Советской власти обучились грамоте многие миллионы неграмотных взрослых. Теперь дело ликвидации неграмотности близится к концу. Ничтожно стало число неграмотных допризывников. С членами сельсоветов, с ударниками и ударницами, со стахановками и стахановцами, если они оказываются малограмотными, ведутся особые занятия, к ним прикрепляются особые преподаватели. Обращено большое внимание на ликвидацию неграмотности среди женщин, особенно в нацобластях и республиках.

Сейчас уже никого не надо убеждать в пользе грамотности. Неграмотности стыдятся.

Изменилось самое содержание преподавания в детской начальной школе. В статье 124-й указывается, что школа отделена от церкви, преподавание религии не допускается в школе. Начальная школа дает знания, открывающие глаза на окружающую жизнь, осмысливающие ее, по-новому воспитывается подрастающее поколение.

Преподавание в СССР ведется на 112 языках.

Таким образом, в основном всеобщее начальное обучение уже осуществлено, надо лишь укреплять его, отшлифовывать.

В статье 121-й говорится, однако, не только о начальном образовании, в ней говорится об открытии для всех граждан доступа к дальнейшему образованию. Вопрос этот большой важности. Среднее образование при царизме было платное. Были привилегированные школы, где плата была особо высока. Переход из начальной школы в среднюю затруднялся несогласованностью программ. Кончивший начальную школу не мог поступить в среднюю школу благодаря тому, что не знал каких-нибудь второстепенных частных вопросов. У нас среднее и высшее образование, а также образование профессиональное бесплатно, программы увязаны. В нынешнем году число учащихся в начальных, неполных средних школах и средних школах равняется 25,5 миллиона. Строятся новые здания, издаются учебники, подготовляются преподаватели для этих школ повышенного типа.

Но обучаются в школах повышенного типа не только подростки, не только молодежь. Школы повышенного типа для взрослых ведут большую работу по культурной перековке людей. В социалистической стройке общеобразовательные знания нужны, как винтовка в бою. Чтобы быть настоящими хозяевами жизни, трудящиеся должны вооружаться знаниями. Не жалкие клочки знаний, не обрывки знаний нужны трудящимся. Им нужно овладеть всеми достижениями науки и техники.

Громадную роль в свое время сыграли рабфаки, дававшие взрослым рабочим и крестьянам возможность на время оторваться от производства и засесть за учебу. Стипендии давали возможность содержать на время учебы семью. По той же системе строились и совпартшколы. Рабфаки открывали рабочим и крестьянам двери в вузы, помогали становиться на путь овладения вершинами знаний. Число вузов и учащихся в них растет. В 1930 г. в вузах училась 191 тыс. студентов, в 1935 г.— 522 тыс., 38% из них — женщины.

В Красной Армии учатся все красноармейцы, все командиры. Красная Армия в нашей Стране Советов давно уже является одним из крупнейших культурных центров. Это усиливает ее мощь.

Наряду с учебой с отрывом от производства расширяются всевозможные формы учебы взрослых без отры-

ва от производства — развивается заочное обучение, растет сеть школ взрослых повышенного типа.

Я не буду говорить о громадных средствах, затрачиваемых на народное образование (в 1936 г. затрачено 13 млрд.), о профессиональном образовании, об условиях, создаваемых для расцвета науки. Об этом каждодневно рассказывается в газетах, которые теперь выходят в громадных тиражах, читаются самыми широкими массами. Право на образование, о котором говорит статья 121-я,— не слова, это право, имеющее такое громадное значение, обеспечивается на деле. Все шире и шире осуществляются установки Ленина, Сталина в деле вооружения знаниями всех граждан нашей великой Родины.

1936 г.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ

В гимназии, в которой я училась, был очень хороший учитель русского языка Н. Е. Смирнов. Он требовал от нас, чтобы мы читали произведения лучших писателей, делали из них выписки, писали, чем нам особенно понравился тот отрывок, который мы выбрали, давал нам писать сочинения на темы, требующие изучения первоисточников. В программу по истории литературы входили и такие вещи, как «Летопись», «Слово о полку Игореве» и т. п. И вот, изучая крещение Руси по «Летописи», мы вычитали там, что у Владимира святого было 400 наложниц. Одна мамаша возмущалась, что нам, девочкам 13—14 лет, дают читать такие вещи, устроила Н. Е. сцену. Н. Е. решил поговорить на эту тему с нами. Он говорил нам о том, какое значение имеет изучение истории, в том числе и истории литературы по первоисточникам, как изучение истории по первоисточникам будит мысль, заставляет понимать исторические факты во всей их конкретности. Конечно, в первоисточниках могут попадаться места, говорил он, могущие возмутить ту или иную мамашу, но он надеется, что мы уже достаточно сознательны и сумеем с достаточной серьезностью отнестись к изучаемому материалу.

Потом мне приходилось наблюдать, как Ленин постоянно изучал те или иные факты по первоисточникам, судил о неправильности взглядов того или иного писателя, тщательно изучая его произведения. Даже изучая произведения Маркса, Ленин изучал также и те произведения, на которые ссылается Маркс.

Так, например, перечитав письмо Маркса к Энгельсу от 1. II 1858 г., где Маркс ругает книгу Лассаля «Философия Гераклита Темного из Эфеса» (2 тома), Ленин достает эту книжку Лассаля, даже конспектирует ее и на основании такого изучения приходит к выводу: «В общем итоге верен отзыв Маркса. Книгу Лассаля не стоит читать».

Из речи Ленина на III съезде комсомола мы знаем, что Ленин хотел, чтобы молодежь умела разбираться в фактах, чтобы она их продумывала, училась различать то, что нужно было для капитализма и что является необходимым для коммунизма.

Эта речь Ленина обязывает нас давать нашей молодежи такой материал, который учил бы ее разбираться в фактах.

Тов. Сталин последнее время усиленно подчеркивает необходимость изучения истории. Правильно поставленное изучение истории подводит к более углубленному пониманию марксизма-ленинизма. Без знания истории развития человеческого общества усвоение основ марксизма-ленинизма будет очень поверхностным. Вопрос в том, как наилучшим образом поставить изучение истории.

Руководству по подготовке педагогов надо разбудить в молодых педагогах интерес к истории. Это лучше всего можно сделать, поставив как следует изучение истории педагогики. Педагогика — в первую очередь наука общественная, история педагогики тысячами нитей связана с историей вообще. Это должны знать наши педагоги. Они лучше всего поймут это, когда на конкретных исторических примерах увидят органическую связь истории педагогики с общей историей на соответствующем этапе.

Это проложит путь и к лучшему пониманию учащимися основ марксизма-ленинизма.

Недаром говорил Ленин, что каждый специалист придет к пониманию марксизма своим путем, через свою специальность.

Историю педагогики надо ставить так, чтобы она была органически связана с историей вообще, чтобы учащийся на истории педагогики учился исторической ориентировке, учился на исторических документах самостоятельно разбираться в них.

Монографии отдельных педагогов-классиков могут сослужить тут большую службу.

Монография К. Д. Ушинского (1824—1870) имеет с этой точки зрения исключительно большой интерес благодаря особенности той эпохи, в которую жил и работал Ушинский. Мировоззрение К. Д. Ушинского сложилось в николаевскую эпоху, в эпоху господства умирающего, разложившегося крепостнического строя, а педагогом Ушинский стал в эпоху начала царствования Александра II, когда подготовлялась реформа 1861 г. Сильно было влияние заграницы на педагогические идеи Ушинского. В 1848 г. разгорелась классовая борьба во Франции, в Германии, затем наступили годы реакции, возникшей во Франции Второй империи. Наполеон III, укрепление влияния Бисмарка в Германии, австро-прусская война 1866 г., с одной стороны, борьба против рабства в Америке, появление в 1852 г. книжки Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», гражданская война между Севером и Югом в Америке 1861—1865 гг., польское восстание 1863 г.— с другой — все это влияло на педагогические взгляды Ушинского. Это беглый материал для истории педагогических идей К. Д. Ушинского.

Работа над развитием педагогических идей Ушинского, поставленная на базе изучения истории данной эпохи, может увлечь молодых педагогов, научить их разбираться в том, что́ из идей Ушинского надо взять, что́ отбросить, что́ перестроить.

Соответственно этому должны быть составлены и примечания к каждой статье Ушинского. К сборнику должна быть приложена хронология вразумительно рассказанных событий в России и за границей. Предисловие надо написать так, чтобы натолкнуть учащегося на исследовательскую работу; может быть, в него надо включить план исследовательских работ (разной трудности, требующих разной длительности выполнения и т. д.).

Смешно было бы бояться, что учащиеся заразятся религиозными настроениями Ушинского или его монархическими чувствами; эти настроения слишком уже наивны для современного читателя.

Ушинский (родился в 1824 г.) в начале 40-х годов учился в университете и, кончив его, с 1846 по 1848 г. был и. о. профессора, читал лекции по законоведению, госу-

дарственному праву и финансам (тогда это называлось «камеральными науками») в Ярославском лицее. В 1848 г. он выступил с речью «О камеральном образовании». Эта речь была протестом против политики тогдашнего министерства народного просвещения — министерства николаевской эпохи. Министерство того времени старалось всячески связать лекторскую деятельность профессуры, требовало точного распределения программы по часам, конспекты лекций, а Ушинский указывал, что это сделает невозможным живое преподавание, сделает невозможной ориентировку на слушателей, сделает преподавание формальным. За эту речь Ушинский был снят с должности преподавателя и до 1855 г. не мог заниматься педагогической деятельностью. Учащиеся наших педвузов и педтехникумов, знакомясь с речью Ушинского, могли бы конкретно представить себе николаевскую эпоху — и как в связи с революционным движением в Германии и во Франции в 1847 г. вышел «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, и как даже самые чуждые революции элементы, вроде Ушинского, стали ощущать всю глубокую реакционность николаевской политики, реакционность крепостного уклада. С 1848 по 1855 г. Ушинский был отстранен от преподавательской деятельности, изучил английский язык, с 1852 по 1854 г. работал в «Современнике» переводчиком, составлял обозрения иностранных журналов и т. д.

С 1855 г. начинается, собственно говоря, педагогическая деятельность Ушинского. Ему удастся получить место преподавателя географии [1], а затем инспектора классов в Гатчинском сиротском институте. В 1857—1858 гг. Ушинский работает в «Журнале для воспитания», в котором участвовал и Добролюбов, пишет статьи «О пользе педагогической литературы», «Три элемента школы», «О народности в общественном воспитании», «Школьная реформа в Северной Америке», «Внутреннее устройство северо-американских школ», а в журнале «Сын отечества» — «О средствах распространения образования посредством грамотности».

---

[1] В Гатчинский сиротский институт К. Д. Ушинский был зачислен на должность преподавателя русской словесности и географии в конце 1854 г.— *Ред.*

В 1859 г. Ушинский стал преподавателем в Смольном институте, стал вводить там новые порядки, но в начале 1862 г. был вынужден покинуть институт. В вежливой форме он был выслан за границу. Ему дана была пятилетняя командировка за границу.

В 1860—1862 гг. Ушинский редактировал «Журнал министерства народного просвещения» и написал для него ряд статей: «Труд в его психическом и воспитательном значении», «О нравственном элементе в общественном воспитании», «Воскресные школы», «Вопросы о народных школах», «Проект учительской семинарии», «Родное слово», «Педагогические сочинения Н. И. Пирогова». В 1861 г. Ушинским выпущена была хрестоматия для детского чтения «Детский мир», которая уже в течение первого года имела три издания. За границей Ушинский занялся изучением швейцарских школ, и в течение двух лет, 1862—1864 гг., в «Журнале министерства народного просвещения» печатались его письма: «Педагогическая поездка по Швейцарии»; в 1864 г. вышли 1-й и 2-й год «Родного слова», а также руководство для учащих под тем же заглавием. Книжки эти пользовались громадной популярностью. За границей взялся Ушинский за писание большого педагогического труда «Человек как предмет воспитания».

По возвращении из-за границы Ушинский пишет немного. Интересны его статьи: «Необходимость ремесленных школ в столицах» (1868) и «Общий взгляд на возникновение наших народных школ» (1870). Но пишет он мало. И силы уходили, и новые вопросы встали перед ним. Вернулся из-за границы Ушинский другим, чем уехал, многое для него стало ясно, чего он не понимал раньше.

Биография Ушинского, знакомство с его произведениями, такими простыми, ясными, анализ их дадут педагогу возможность ориентировки в том, что нам надо взять у Ушинского, дадут возможность сознательно отнестись и к различным течениям в современной педагогике.

1937 г.

В. И. ЛЕНИН И ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вопросы демократии Ленин всегда связывал с вопросами просвещения широчайших масс населения. Он знал, как безграмотность, отсутствие самых элементарных знаний темнят сознание трудящихся, как это на руку эксплуататорам, как эта темнота делает их беззащитными перед лицом всякого обмана, отдает во власть эксплуататоров и их прислужников.

Сын учителя-шестидесятника, Ильич с детства постоянно слышал разговоры о школе, о народном образовании. Илья Николаевич Ульянов имел большое влияние на Ильича. И Ильичу было чему поучиться у отца.

Не так давно я получила письмо от учителя Полево-Сундырской неполной средней школы Батыревского района Чувашской АССР Ивана Яковлевича Зайцева. Ему 77 лет. 55 лет уже учительствует он в чувашских школах. Имеет звания Героя Труда, отличника просвещения. Активный общественник. Вел работу по ликвидации неграмотности и малограмотности, был председателем союза работников просвещения, был членом сельсовета, месткома и пр. Работал по сельскохозяйственной статистике, был инструктором во всех народных переписях, вел работу на метеорологической станции и т. д.

Иван Яковлевич — сын батрака. С 8 до 13 лет пас гусей. Страстно хотелось ему учиться, и он бежал потихоньку от отца из дому, чтобы поступить в школу. Два дня пробирался до Симбирска, и хотя опоздал к началу занятий, но все же поступил там в школу благодаря Илье Николаевичу Ульянову, пожалевшему мальчонку.

Иван Яковлевич Зайцев рассказывает, как однажды, в первый год его пребывания в школе, на урок арифметики

пришел Илья Николаевич Ульянов. Илья Николаевич вызвал его к доске; Зайцев хорошо решил и объяснил задачу. Илья Николаевич сказал: «Хорошо, иди на место!»

«После обеда,— рассказывает в своем письме Иван Яковлевич,— ученикам была дана самостоятельная письменная работа — сочинение. Учитель задал тему «Впечатления сегодняшнего дня». При этом он объявил, что мы можем писать о любом случае из своей школьной жизни, который сами считаем особенно важным. Одним словом,— о чем угодно.

Все ученики на несколько минут призадумались, подыскивая подходящую тему. Некоторые вспомнили довольно смешные случаи из школьной жизни, а другие старались выдумывать из головы. Мне не пришлось долго искать тему, так как у меня не выходило из головы посещение урока математики директором Ильей Николаевичем и его объяснение плана решения задачи. Я и решил писать об этом.

Я написал: «Сегодня, в 9 часов утра, во врёмя урока математики, пришел к нам г. директор, Илья Николаевич. Вызвали меня к классной доске и задали задачу, в которой несколько раз повторялось слово «гривенник». Я записал задачу, прочитал ее и стал планировать ход решения. Г. директор, Илья Николаевич, задал мне наводящие вопросы; и тут я заметил, что Илья Николаевич чуточку картавил и слово «*гривенник*» выговаривал «*ггивенник*». Это врезалось мне в голову и заставило думать: я, ученик, и то умею правильно произносить звук «р», а он, директор, такой большой и ученый человек, не умеет произносить звук «р», а говорит «гг».

Далее я писал о кое-какой мелочи и на этом кончил сочинение. Дежурный собрал тетради и сдал учителю В. А. Калашникову.

Через два дня, после обеда, на уроке должно было быть изложение прочитанной статьи. Нам роздали наши тетради. Все бросились смотреть отметки. Одни радовались, другие так себе, не выказывали ни радости, ни горя.

Учитель Калашников умышленно оставил мою тетрадь у себя. Потом, швырнув мне тетрадь в лицо, с возмущением сказал: «Свинья!»

Я взял тетрадь, раскрыл ее и увидел, что мое сочинение перечеркнуто красным крестом, а в конце его стоит отметка «0» — ноль. Потом подпись. Я чуть не заплакал. Слезы выступили из глаз. Я от природы был прост, наивен, впечатлителен и правдив. Таким я остался на всю жизнь.

Во время письменной работы в класс явился Илья Николаевич. Поздоровались и продолжали работу. Илья Николаевич ходил между партами, кое-где останавливался, наблюдая за работой. Дошел и до меня. Увидев на моем прошлом сочинении красный косой крест и отметку «ноль», положил одну руку мне на плечо, другой взял мою тетрадь, стал читать. Читает и улыбается. Потом подозвал учителя, спросил: «За что вы, Василий Андреевич, наградили этого мальчика орденом красного косого креста и огромнейшей картошкой? Сочинение написано грамматически правильно, последовательно, и нет здесь ничего выдуманного, искусственного. Главное — написано искренне и вполне соответствует данной вами теме».

Учитель замялся, сказал, что в моем сочинении есть места, не совсем удобные для начальствующих, и что будто он... Директор И. Н. Ульянов, не дав ему договорить, перебил его и сказал: «Это сочинение одно из лучших. Читайте заданную вами тему — «Впечатления сегодняшнего дня». Ученик написал именно то, что произвело на него наибольшее впечатление во время прошлого урока. Сочинение отличное». Потом он взял мою ручку и в конце сочинения написал: «Отлично» — и подписался: «Ульянов».

Этот случай я никогда не забуду, его нельзя забыть. Илья Николаевич доказал, насколько он был добр, прост, справедлив».

Это письмо старого учителя прекрасно обрисовывает личность Ильи Николаевича, оказавшего большое влияние на Ильича.

Владимир Ильич, изучая произведения Маркса и Энгельса, с особенным вниманием изучал все, что они писали о народном просвещении, об учителе, о вооружении масс знанием.

Уже в своих первых произведениях Ильич пишет об этих вопросах: в «Друзьях народа», в своей работе «Развитие капитализма в России» и др.

В 1913 г. мы жили в эмиграции в Кракове. Когда установлена была тесная связь с большевистской фракцией Государственной думы, Ильич стал помогать членам фракции в их работе. Он написал для т. Бадаева А. Е. проект выступления по докладу о смете министерства народного просвещения. Проект этот кончался словами: «Рабочий класс сумел это доказать в пятом году, и он сумеет доказать еще раз и доказать гораздо убедительнее, гораздо внушительнее, гораздо серьезнее свою способность к революционной борьбе за настоящую свободу и за *настоящее,* не-кассовское[1] и не-дворянское, *народное* просвещение!»[2]

Когда в 1914 г. началась империалистическая война и мы перебрались в Швейцарию, Ильич, говоря о том, что эта грабительская война неизбежно приведет к революции, советовал мне пока что использовать жизнь в эмиграции для изучения всего опыта Европы и Америки в деле народного образования. Он считал это необходимым для того, чтобы на основании этого опыта и опыта нашей русской школы, на которой сильно отразились демократические идеи 60-х годов, можно было после революции так организовать у нас в России дело народного образования, чтобы оно помогало развитию настоящего демократизма, поднимало сознательность широких масс, вооружая массы знанием.

Я засела за работу, стала подбирать материал к брошюре «Народное образование и демократия». Ильич эту работу читал, мы много говорили с ним на эти темы. В 1916 г., когда брошюра была готова, Владимир Ильич написал из Берна письмо Алексею Максимовичу Горькому, который жил тогда в России, прося его прямо или косвенно посодействовать изданию брошюры. Ильич писал: «...в брошюре собраны как личные наблюдения, так и материалы о новой школе Европы и Америки. Из оглавления Вы увидите, что дан также, в первой половине, очерк истории демократических взглядов. Это тоже очень важно, ибо обычно взгляды великих демократов прошлого излагают неверно или с неверной точки зрения... Изменения в школе новейшей, империалистской эпохи, очерчены

[1] Кассо — министр народного просвещения, ярый черносотенец.— *Прим. Н. К. Крупской.*

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 122.

по материалам последних лет и дают очень интересное освещение для демократии в России»[1].

Брошюра вышла лишь в 1917 г.

Как обстояло дело с народным образованием в России накануне Октябрьской революции?

Детям рабочих и крестьян доступ в школу был крайне затруднен. Вынужденные с малых лет работать на капиталистов и помещиков, они не имели возможности учиться.

В городах в это время широко применялся труд женщин и подростков. Ребята работали зачастую столько же, сколько и взрослые. Среди подростков было много неграмотных, много кончивших лишь один класс, научившихся грамоте самоучкой.

Рабочий класс, большевистская партия энергично защищали интересы рабочих подростков: они требовали ограничения рабочего дня подростков, требовали организации фабрикантами при фабриках и заводах школ для детей и подростков. Рабочие подростки были захвачены революционным настроением взрослых рабочих, были очень активны. Но систематического большевистского влияния на них до лета 1917 г. не было. Пытались влиять на ребят враждебные большевикам элементы — кадеты, анархисты и пр. Но эти попытки не увенчались успехом. Массовое революционное движение молодежи ширилось и разрасталось. VI съезд партии положил начало организации комсомола.

В тяжелом положении находилась и деревенская детвора. В деревнях ребята должны были помогать матерям, на которых целиком легла тяжелая деревенская работа: мужья были на фронте. Ребята были загружены работой — их в школу не пускали.

Школа носила ярко выраженный, неприкрытый классовый характер. Учительство в своей значительной части не сочувствовало делу пролетарской революции.

Летом 1917 г. в Питере происходил Всероссийский учительский съезд, где выступали оборонцы, вроде Алексинского, где преобладало влияние кадетов и правых эсеров. На этом тысячном собрании социал-демократы, и большевики и меньшевики вместе взятые, представляли собой небольшую кучку — человек в 20. Учительство сред-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 333.

ней школы было в это время под влиянием кадетов, учительство начальной школы — под влиянием эсеров.

Учащиеся средней школы — гимназисты — все время устраивали перед дворцом Кшесинской враждебные демонстрации по адресу большевиков.

Всероссийский учительский союз, враждебно настроенный по отношению к большевикам, встретил Советскую власть в штыки. Он повел среди учительства острую агитацию против большевиков, организовал всеобщую учительскую забастовку. Руководители Всероссийского учительского союза были на стороне кадетов и правых эсеров. Опирались они на учителей средней школы, бывшей тогда школой привилегированной. Учителя начальной школы, стоявшие ближе к массам, быстрее стали переходить на сторону Советской власти, но в момент Октябрьской революции они еще плохо разбирались в политических вопросах и шли за своими лидерами.

Когда нарком просвещения А. В. Луначарский вместе с несколькими большевиками — будущими членами Коллегии Наркомпроса — пришел в бывшее министерство народного просвещения, на Фонтанке, он не нашел там ни одного служащего, кроме сторожей, швейцаров, уборщиц. Шкафы и столы были заперты. Еще более острые формы приняла учительская забастовка в Москве.

Народному Комиссариату просвещения помогали только рабочие, уже в предоктябрьский период развернувшие большую работу в районах Питера, да передовые учителя, сгруппировавшиеся в союз учителей-интернационалистов. Их было немного.

В таких условиях вынужден был тогдашний Наркомпрос развертывать работу по организации народного образования, по созданию новой, советской школы. В этом ему оказал неоценимую помощь В. И. Ленин. Владимир Ильич очень внимательно следил за работой органов народного образования, систематически руководил ими.

Вынужденный вести острую борьбу с руководством учительского союза, тогдашний Соцвос был очень воинственно настроен по отношению к членам Всероссийского учительского союза. Он вынужден был снимать с работы часто очень квалифицированных, но враждебно настроенных по отношению к Советской власти учителей, отказывавшихся подчиняться директивам Советской власти, ди-

рективам Наркомпроса. Часто приходилось заменять их педагогами малоквалифицированными. Очень остро стоял этот вопрос.

Владимир Ильич предлагал Соцвосу все же делать все возможное, чтобы привлечь на свою сторону учительство в целом. Выступая 5 июня 1918 г. на съезде учителей-интернационалистов, Владимир Ильич указывал, что им не следует противопоставлять себя всем другим учителям, а надо стараться влиять на учительство в целом, добиваться превращения основной массы учительства из противников Советской власти в ее сторонников. Ильич говорил, что «учительская армия... должна стать главной армией социалистического просвещения. Надо освободить жизнь, знание от подчинения капиталу, от ига буржуазии. Нельзя ограничить себя рамками узкой учительской деятельности. Учительство должно слиться со всей борющейся массой трудящихся. Задача новой педагогики — связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества» [1].

И Наркомпрос широко развернул работу среди учительства.

Первые годы революции были очень тяжелыми годами, годами общей разрухи, развала промышленности, сельского хозяйства. Народ голодал, голодали и учителя, не получавшие за свою работу никакой заработной платы. Но декреты Советской власти об отделении школы от церкви, о единой для всех слоев населения трудовой школе, школе, единой для мальчиков и девочек, одинаково доступной для всех национальностей, меры, принятые Советским правительством для открытия доступа в высшие учебные заведения всем трудящимся,— все это воодушевляло учительские массы, особенно низовое учительство. Особенно горячо встречены были мероприятия Советского правительства учительством национальных областей и республик. Разгоревшаяся гражданская война открывала глаза учительству на то, кто враг, кто друг. Белые на Урале, в Сибири пороли учительниц, расстреливали подростков, повсюду жгли школы. Это убеждало учительство лучше всяких слов.

Правда, в первое время за Советской властью шло

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр 409.

преимущественно низовое учительство, а учительство средней школы колебалось дольше. Часть его, переходя по мере побед Советской власти на ее сторону, все же держала камень за пазухой, враждебно относилась ко всяким новшествам. Но основная масса учительства, особенно учительство на селе, в самые трудные годы не бросала работы, перебивалась кое-как при поддержке местного населения, вела работу в труднейших условиях, проявила себя подлинными героями труда.

История советской школы неразрывно связана с именем Владимира Ильича Ленина. В. И. Ленин всегда уделял огромное внимание делу народного образования.

Выступая 2 октября 1920 г. на III съезде комсомола, Владимир Ильич говорил:

«...Наша школа должна давать молодежи основы знания, уменье вырабатывать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей. Она должна за то время, пока люди в ней учатся, делать из них участников борьбы за освобождение от эксплуататоров» [1].

Это указание Ильича легло в основу всей той огромной работы по строительству советской школы, которую партия и Советское правительство под руководством Ленина и Сталина проводили на протяжении всех 20 лет Советской власти. Это указание Ильича должны всегда помнить все работники нашего педагогического фронта, все работники Ленинского комсомола, на который партия возлагает большую ответственность за работу в школе.

Необходимо было бы теперь создать историю советской школы за истекшее 20-летие Советской власти, дав эту историю по периодам, указанным товарищем Сталиным, на фоне развивавшейся социалистической стройки, на фоне борьбы за социализм. Такая история покажет, что́ помогало и что́ мешало работе по народному образованию, покажет громадную роль учительства и комсомола в этой борьбе, ярче осветит стоящие перед нами задачи.

История советской школы — это неповторяемый кусок истории борьбы за социализм, яркая страница того пути, который пройден нашей великой Родиной под руководством партии, под руководством Ленина и Сталина.

1937 г.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 270.

ПРИМЕЧАНИЯ
И
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

Во втором и последующих томах издания Педагогических сочинений Н. К. Крупской публикуются произведения, написанные автором *после* Великой Октябрьской социалистической революции (кроме автобиографических произведений, вошедших в первый том).

В работах Н. К. Крупской, составляющих содержание настоящего тома, главным образом освещаются общие вопросы педагогики и организации народного образования в СССР: основы просветительной политики Коммунистической партии и Советского государства, сущность коммунистического воспитания, цели и задачи советской школы, система народного образования, общественно-правовое положение учителя в нашей стране и др.

Произведения располагаются в хронологическом порядке.

*

1918—1920

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

(стр. 7)

Впервые опубликовано в журн. «Народное просвещение», ежемесячный орган Государственной комиссии по народному просвещению, Пг., 1918, № 1—2. Публикуется по сборнику: Н. К. Крупская, Вопросы народного образования, изд-во «Коммунист», М.— Пг., 1918.

ИНТЕРЕСНАЯ СТАТЬЯ

(стр. 19)

Впервые опубликовано в журн. «Народное просвещение», ежемесячный орган Государственной комиссии по народному просвещению, Пг., 1918, № 1—2, за подписью *Н. С.*, затем — в сборнике: Н. К. Крупская, Вопросы народного образования, изд-во «Коммунист», М.— Пг., 1918. Печатается по тексту сборника.

О СВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

(стр. 25)

Впервые опубликовано в журн. «Народное просвещение», ежемесячный орган Наркомпроса, М., 1918, № 3. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Вопросы народного образования, изд-во «Коммунист», М.— Пг., 1918.

Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был опубликован в печати 23 января (5 февраля) 1918 г.

К РЕФОРМЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

(стр. 31)

Впервые опубликовано за подписью *Н. С.* в журн. «Народное просвещение», ежемесячный орган Наркомпроса, 1918, № 3; затем — в сборнике: Н. К. Крупская, Вопросы народного образования, изд-во «Коммунист», М.— Пг., 1918. Печатается по указанному сборнику.

Отмечая некоторые положительные черты американской школы, Н. К. Крупская в то же время ясно видела ее отрицательные стороны и в ряде статей предупреждала о недопустимости идеализации современной американской массовой школы: «...у нас особенно силен предрассудок, что американская школа является какой-то идеальной школой, чуждой классового характера...— писала она в 1924 г.,— пропитывание школы буржуазным духом в Америке протекает в условиях широкого демократизма и потому выработало особо утонченные формы буржуазного влияния на детей трудящихся. Сочетание умелых методов подхода к ребенку с буржуазной сущностью преподавания и воспитания является отличительной чертой американской школы»[1] (см. также в этом томе ст. «К вопросу о целях школы», в 1-м томе — статьи: «Два типа организации школьного дела», «О школьном самоуправлении», «О постановке народного образования в Северной Америке и Западной Европе» и примечания к ним на стр. 486, 487, 488).

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ДЕЛО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНЕ

(стр. 37)

Впервые опубликовано в газ. «Правда» № 60 от 31 марта 1918 г. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Вопросы народного образования, изд-во «Коммунист», М.— Пг., 1918. В сборнике в заголовке статьи ошибочно напечатано «*внешкольного* образования» вместо «*народного* образования» (в оглавлении название приведено правильно). Название статьи уточнено по первой ее публикации в газ. «Правда» и предисловию автора ко второму изданию сборника «Вопросы народного образования», Берлин, 1922 (см. ниже примечание к ст. «Школа и государство»).

Формирование советских органов управления народным образованием, начавшееся непосредственно после победы Октябрьской революции, завершилось изданием 26 июня 1918 г. «Положения об

---

[1] Н. К. Крупская, Коллективная работа учительства, М., изд-во «Работник просвещения», 1924, стр. 4—5.

организации дела народного образования в Российской республике», утвержденного Советом Народных Комиссаров. В «Положении» закреплялась новая, демократическая организация управления народным образованием, опиравшаяся на революционную инициативу масс. На местах руководство народным образованием полностью возлагалось на губернские, уездные и волостные отделы народного образования, организованные при местных Советах. *Советы народного образования* (СНО) создавались при этих отделах как контрольно-совещательные органы. Для работы в них привлекались представители местных общественных организаций, учителя и учащиеся старших классов. В программе РКП(б), принятой в 1919 г. на VIII съезде, было указано на необходимость дальнейшего развития советов народного образования как одной из форм привлечения трудящихся к активному участию в деле просвещения.

КОНТРОЛЬ СВЕРХУ И КОНТРОЛЬ СНИЗУ В ДЕЛЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(стр. 41)

Впервые опубликовано в газ. «Правда» № 76 от 20 апреля 1918 г. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Вопросы народного образования, изд-во «Коммунист», М.— Пг., 1918.

ШКОЛА И ГОСУДАРСТВО

(стр. 43)

Впервые опубликовано в газ. «Народное просвещение» (приложение к газ. «Известия ВЦИК»), 1918, № 1, 2, 3. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Вопросы народного образования, изд-во «Коммунист», М.— Пг., 1918.

Статья посвящена вопросу о децентрализации административного управления делом народного образования, имевшей место в первые месяцы после победы пролетарской революции в связи с разрушением дореволюционной системы управления делом народного образования и формированием новых, советских органов народного образования в центре и на местах. В предисловии ко второму изданию своего сборника «Вопросы народного образования» (Берлин, 1922) Н. К. Крупская писала: «Из старых статей я выкидываю три небольшие статьи, касающиеся организационных вопросов и теперь утратившие значение (это статьи: «Как организовать дело народного образования в стране», «К вопросу об организационной политике Наркомпроса» и «Школа и государство»). Когда писались эти статьи (в начале 1918 г.), у нас в России организационный опыт был ничтожен. Теперь эти статьи должны быть написаны гораздо полнее, должен быть учтен трехлетний опыт (предисловие датировано декабрем 1920 г.— *Ред.*) диктатуры пролетариата...»

Роль и значение демократической деятельности Горация Манна (1796—1859), педагогические идеи которого оказали в XIX в. влияние на формирование прогрессивных сторон американской школы, Н. К. Крупская показывает также в статьях: «О постановке дела народного образования в Северной Америке и Западной Европе», «Два типа организации школьного дела» и др. (см. том I настоящего издания).

Положительно оценивая, в сравнении с классово-сословной школой дореволюционной России и ряда стран Западной Европы, некоторые прогрессивные черты американской школы XIX в., Н. К. Крупская в то же время предупреждала, что к современной нам американской школе подход должен быть иным, чем к школе времен Гораса Манна: «...лицо школы меняется в зависимости от задач текущего момента. Американская школа времен борьбы против рабства, времен расцвета буржуазного демократизма — одно, современная фашизируемая американская массовая школа — нечто совсем другое» [1],— писала она в 1931 г. (См. также примечание к ст. «К реформе средней школы», стр. 696.)

УЧИТЕЛЬ И НАСЕЛЕНИЕ

(стр. 55)

Впервые опубликовано в газ. «Народное просвещение» (приложение к газ «Известия ВЦИК»), 1918, № 1. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Вопросы народного образования, изд-во «Коммунист», М.— Пг., 1918.

Попытки кадетско-эсеровских руководителей Совета Всероссийского учительского союза (Совета ВУСа) склонить все учительство к открытому саботажу не увенчались успехом. Благодаря огромной политико-разъяснительной работе партийных и советских организаций основная масса учительства не пошла за реакционно настроенной верхушкой ВУСа.

«ЦИК заявляет, что установлен факт прекращения саботажа в области народного культурно-просветительного дела и выражает удовлетворение по поводу плодотворной работы Комиссариата по народному просвещению»,— сообщалось в газ. «Правда» № 71 от 13 апреля 1918 г.

УЧИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ И СОЮЗ УЧИТЕЛЕЙ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

(стр. 58)

Впервые опубликовано в газ. «Народное просвещение» (приложение к газ. «Известия ВЦИК»), 1918, № 2. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Вопросы народного образования, изд-во «Коммунист», М.— Пг., 1918.

Статья написана к открытию I Всероссийского съезда учителей-интернационалистов, проходившего 2—6 июня 1918 г. в Москве. Начало созданию союза учителей-интернационалистов было положено в декабре 1917 г. К концу 1918 г. в результате огромной воспитательной работы со стороны большевистской партии, советских органов народного образования и союза учителей-интернационалистов подавляющее большинство учительства порвало связи с Всероссийским учительским союзом, и этот союз был распущен в декабре 1918 г. специальным декретом ВЦИК.

Летом 1919 г. окончательно оформился новый профессиональный союз — союз работников просвещения и социалистической

[1] Журн. «На путях к новой школе», 1931, № 3, стр. 20.

культуры; союз учителей-интернационалистов, сыграв свою положительную роль в борьбе с контрреволюционным Советом Всероссийского учительского союза и в сплочении учительства вокруг Советской власти, слился с новым профессиональным союзом учительства.

СТРАННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

(стр. 61)

Впервые опубликовано в газ. «Народное просвещение» (приложение к газ. «Известия ВЦИК»), 1918, № 5. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Вопросы народного образования, изд-во «Коммунист», М.— Пг., 1918.

«Новая жизнь» — газета меньшевистского направления, орган группы социал-демократов (так называемых «интернационалистов»), объединявшей меньшевиков, сторонников Мартова и находившихся под их влиянием одиночек-интеллигентов. Газета занимала враждебную позицию по отношению к Советской власти (выходила с апреля 1917 г. по июль 1918 г.).

Упоминаемая в статье Е. Т. Руднева несколько позднее включилась в работу Наркомпроса и принимала активное участие в строительстве новой, советской школы (руководила работой опытно-показательных учреждений Наркомпроса, была членом научно-педагогической секции ГУСа).

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

(стр. 64)

Впервые опубликовано в газ. «Народное просвещение» (приложение к газ. «Известия ВЦИК»), 1918, № 6. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Вопросы народного образования, изд-во «Коммунист», М.— Пг., 1918. См. примечание к статье «Школа и государство» (стр. 697).

НЕ СОВСЕМ ОДНО И ТО ЖЕ

(стр. 69)

Впервые опубликовано в газ. «Народное просвещение» (приложение к газ. «Известия ВЦИК»), 1918, № 6. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Вопросы народного образования, изд-во «Коммунист», М.— Пг., 1918.

О СОВМЕСТНОЙ РАБОТЕ КОМИССАРИАТОВ

(стр. 73)

Опубликовано в газ. «Народное просвещение» (приложение к газ. «Известия ВЦИК»), 1918, № 9. Печатается по указанному источнику.

О СОВЕТАХ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(стр. 75)

Впервые опубликовано в газ. «Народное просвещение» (приложение к газ. «Известия ВЦИК»), 1918, № 11. Печатается по указанному источнику.

См. примечание к ст. «Как организовать дело народного образования в стране» (стр. 696).

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОВЕТАХ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(стр. 78)

Впервые опубликовано в газ. «Народное просвещение» (приложение к газ. «Известия ВЦИК»), 1918, № 12. Печатается по указанному источнику.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

(стр. 80)

Опубликовано в газ. «Народное просвещение» (приложение к газ. «Известия ВЦИК»), 1918, № 12. Печатается по указанному источнику.

Доклад Н. К. Крупской на тему «Школа и государство» и ее выступление в прениях по докладу В. М. Познера «Организационные задачи нового учительства» состоялись 6 июня 1918 г.— в последний день заседаний I Всероссийского съезда учителей-интернационалистов.

ИДЕАЛЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

(стр. 83)

Речь Н. К. Крупской на конференции пролетарских культурно-просветительных организаций 20 сентября 1918 г.

Печатается по Собр. соч. Н. К. Крупской, т. III. Учпедгиз, М.— Л., 1934.

ГОД РАБОТЫ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

(стр. 92)

Впервые опубликовано в газ. «Известия ВЦИК» № 245 от 10 ноября 1918 г. Печатается по указанному источнику.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОМИССАРИАТОВ

(стр. 99)

Впервые опубликовано в газ. «Правда» № 38 от 19 августа 1919 г. Печатается по указанному источнику.

СОВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И СОВЕТЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(стр. 102)

Впервые опубликовано в журн. «Внешкольное образование», 1919, № 2-3. Печатается по Собр. соч. Н. К. Крупской, т. II, Учпедгиз, М.— Л., 1932.

См. примечание к ст. «Как организовать дело народного образования в стране» (стр. 696).

РАБОТНИЦА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

(стр. 107)

Впервые опубликовано в сборнике «Коммунистическая партия и организация работниц», М., 1919. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Женщина Страны Советов — равноправный гражданин, М., 1938.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

(стр. 109)

Из речи Н. К. Крупской на I Всероссийской конференции школьных подотделов (октябрь 1920 г.). Опубликовано в журн. «Народное просвещение», еженедельник Наркомпроса, 1920, № 71-73. Печатается по указанному источнику.

1921—1930

ПРОБЛЕМА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

(стр. 113)

Впервые опубликовано в журн. «Коммунистка», 1921, № 8-9. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, В поисках новых путей, М., изд-во «Работник просвещения», 1924.

К ВОПРОСУ О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

(стр. 121)

Впервые опубликовано в журн. «Юный коммунист», 1922, № 8-9. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Воспитание молодежи в ленинском духе, М., изд-во «Молодая гвардия», 1925.

ЕДИНАЯ ТРУДОВАЯ ШКОЛА

(стр. 127)

Впервые опубликовано в газ. «Правда» от 28 октября 1922 г. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, В поисках новых путей, М., изд-во «Работник просвещения», 1924.

Против ранней и узкой профессионализации Н. К. Крупская выступала еще до Октябрьской революции (см. 1-й том настоящего издания). После Октябрьской революции, особенно в первые годы, ей также не раз приходилось выступать против попыток протаскивания буржуазной идеи ранней профессионализации (см., например, в этом томе ст. «Профессиональное и общее образование», в

4-м томе — статьи: «Задачи профессионального образования», «Общее и профессиональное образование»).

О программах ГУСа, основные принципы построения которых излагаются в данной статье, в настоящем томе см. также: «Советская школа», «Вопросы, требующие разрешения», «Речь на III сессии ВЦИК XII созыва», «Об интернациональной и национальной культуре», «Культурная революция в свете пятнадцати лет пролетарской революции».

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ

(стр. 133)

Впервые опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1923, № 1 (4). Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, В поисках новых путей, М., изд-во «Работник просвещения», 1924.

Вариант этой статьи под названием «Католические попы, общественность и комсомол» помещен в сборнике: Н. К. Крупская, Воспитание молодежи в ленинском духе, М., изд-во «Молодая гвардия», 1925.

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ ШКОЛЫ

(стр. 142)

Впервые опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1923, № 2 (5). Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, В поисках новых путей, М., изд-во «Работник просвещения», 1924.

Упоминаемая Н. К. Крупской статья В. Н. Шульгина «О целях школы» помещена в том же номере журн. «На путях к новой школе».

СИСТЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РСФСР

(стр. 144)

Впервые опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1923, № 2 (5) и затем с незначительными изменениями в сборнике: Н. К. Крупская, В поисках новых путей, М., изд-во «Работник просвещения», 1924. Печатается по сборнику.

В 1921—1923 гг. в связи с организационной перестройкой системы народного образования в стране Н. К. Крупская в своих статьях и выступлениях особое внимание уделяла освещению принципиальных основ советской системы народного образования. (В этом томе см. также статьи: «Проблема коммунистического воспитания», «Единая трудовая школа», тезисы доклада «Система народного образования в РСФСР» на съезде заведующих отделами народного образования; в 5-м томе — доклад на V съезде РКСМ «Советская система народного образования и РКСМ».)

НЕМНОЖКО О ПЕДАГОГАХ

(стр. 148)

Впервые опубликовано в газ. «Правда» № 67 от 27 марта 1923 г. Печатается по указанному источнику.

К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНО-ДЕФЕКТИВНЫХ ДЕТЯХ

(стр. 151)

Впервые опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1923, № 9. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, В поисках новых путей, М., изд-во «Работник просвещения», 1924.

О НАШЕЙ ШКОЛЕ

(стр. 154)

Опубликовано в журн. «Работница», 1923, № 9. Печатается по указанному источнику.

СИСТЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РСФСР

(стр. 157)

Впервые опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1923, № 9. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, В поисках новых путей, М., 1924.

Тезисы написаны Н. К. Крупской для своего доклада на съезде заведующих отделами народного образования в Москве. Доклад состоялся 29 ноября 1923 г.

В связи с характеристикой школы крестьянской молодежи (ШКМ) как нового типа учебного заведения (стр. 163) Н. К. Крупская касается вопроса о применении в ней, наряду с другими методами обучения, метода проектов.

Рассматривая вопрос о критическом использовании некоторых черт этого метода в условиях советской действительности, Н. К. Крупская в ряде своих работ указывала на необходимость опытной его проверки, предостерегала от «стопроцентного его применения в массовой школе». В 1930 г. в своих замечаниях на проект программы Наркомпроса она писала: «Ошибочна сама установка — перевести всю работу на метод проектов». И далее: «Проекты обществоведческие решительно никакой критики не выдерживают... Проекты, если их брать всерьез, срывают всю работу, весь план работы — либо живые газеты устраивать, демонстрации против прогульщиков, инсценировки лозунгов, вовлекать родителей в производственные коммуны, либо выполнять учебный план» [1]. В письме С. Т. Шацкому, относящемуся также к 1930 г., Н. К. Крупская писала: «Меня пугает та бессистемность, которая получается при методе проектов, в которую многие впадают; теряется всякий стержень, всякая последовательность» [2].

В настоящем томе см. также статьи: «О начальной и средней школе», «Важнейшее постановление партии», «Постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе», «Культурная революция в свете пятнадцати лет пролетарской революции».

ВОПРОСЫ БЕСПРИЗОРНОСТИ

(стр. 168)

Речь Н. К. Крупской на открытии (16 марта 1924 г.) Московской конференции по борьбе с детской беспризорностью, созванной

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 19б, ч. III, л. 939.

[2] Там же, л. 837.

Государственным ученым советом и Институтом коммунистического воспитания. Печатается по журн. «На путях к новой школе», 1924, № 4-5.

ВСЕСОЮЗНЫЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ СЪЕЗД И ЕГО ЗАДАЧИ

(стр. 173)

Впервые опубликовано в журн. «Коммунистка», 1924, № 11. Печатается по указанному источнику.

Статья написана в связи с подготовкой к созыву I Всесоюзного учительского съезда (состоялся в Москве 11—19 января 1925 г.). Съезду предшествовали учительские конференции на местах. На съезде Н. К. Крупская выступила со специальным докладом, опубликованным в настоящем томе (стр. 189).

ПУТИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

(стр. 177)

Впервые опубликовано в «Учительской газете» № 10 от 4 декабря 1924 г. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, На третьем фронте, ч. I, М., 1927.

Статья, так же как и предшествующая, написана в связи с подготовкой к созыву I Всесоюзного учительского съезда.

ЛЕНИН И НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

(стр. 180)

Статья была написана, как видно из текста (стр. 181), в 1924 г., к I Всесоюзному учительскому съезду.

Опубликована в журн. «Коммунистка», 1925, № 1. Печатается по тексту сборника: Н. К. Крупская, О работе среди женщин, изд. 2, Гиз, М.— Л., 1926.

ВСЕСОЮЗНЫЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ СЪЕЗД

(стр. 186)

Впервые опубликовано в газ. «Правда» № 8 от 10 января 1925 г., накануне открытия I Всесоюзного учительского съезда. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, На третьем фронте, ч. I, М., 1927.

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА

(стр. 189)

Доклад Н. К. Крупской на I Всесоюзном учительском съезде, состоявшемся в Москве 11—19 января 1925 г. Опубликован в журн. «Народное просвещение», 1925, № 2. Печатается по указанному источнику.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ СЪЕЗД

(стр. 204)

Впервые опубликовано в журн. «Народный учитель», 1925, № 2. Печатается по указанному источнику.

Статья написана в связи с окончанием работы I Всесоюзного учительского съезда.

ВОПРОСЫ, ТРЕБУЮЩИЕ РАЗРЕШЕНИЯ

(стр. 211)

Впервые опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1925, № 3. Печатается по указанному источнику.

ЗА НОВУЮ, ПРОСВЕЩЕННУЮ СТРАНУ

(стр. 216)

Речь Н. К. Крупской на III Всесоюзном съезде Советов, состоявшемся 13—27 мая 1925 г. Опубликовано в «Учительской газете» № 26 от 21 мая 1925 г. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, На третьем фронте, ч. I, М., 1927.

КОЛЛЕКТИВНЫМИ УСИЛИЯМИ

(стр. 218)

Впервые опубликовано в «Учительской газете» № 42 от 10 сентября 1925 г. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, На третьем фронте, ч. I, М., 1927.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ НАРКОМПРОСА

(стр. 221)

Доклад на собрании комячейки Наркомпроса. Опубликован в журн. «Народное просвещение», 1925, № 12. Печатается по указанному источнику.

О ВСЕОБЩЕМ ОБУЧЕНИИ

(стр. 236)

Опубликовано в Избранных педагогических произведениях Н. К. Крупской, М., изд-во АПН РСФСР, 1955. Печатается по указанному источнику.

Данные о времени написания статьи в архиве не обнаружены. В настоящем издании статья датируется 1926 г. на основании ссылки в тексте (стр. 237) на совещание промышленных губерний РСФСР по вопросам введения всеобщего обучения, которое состоялось в Наркомпросе 20—24 января 1926 г. (см. Труды совещания промышленных губерний РСФСР по вопросам всеобщего обучения, М., 1926). На совещании обсуждались подготовительные мероприятия по введению всеобщего начального обучения детей, проводившиеся на местах в связи с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г.

О БЕСПРИЗОРНЫХ

(стр. 240)

Впервые опубликовано в газ. «Правда» № 36 от 14 февраля 1926 г. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, На третьем фронте, ч. I, М., 1927.

РЕЧЬ НА III СЕССИИ ВЦИК XII СОЗЫВА

(стр. 243)

Опубликовано в «Учительской газете» № 45 от 13 ноября 1926 г. Печатается по указанному источнику.

ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

(стр. 248)

Доклад на I сессии Совета по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса. Впервые опубликован в журн. «На путях к новой школе», 1927, № 7-8. Печатается по указанному источнику.

КАК РАБОТАТЬ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

(стр. 263)

Речь и заключительное слово на Всесоюзном съезде работниц и крестьянок — членов Советов (октябрь 1927 г.). Печатается по сборнику: А. Луначарский и Н. Крупская. Народное образование и женщина-общественница, М.— Л., 1928. А. В. Луначарский на этом съезде выступил с докладом на тему «Просвещение и женщина-общественница».

ЛЕНИН О ПРОСВЕЩЕНИИ И НАРОДНОМ УЧИТЕЛЕ

(стр. 286)

Впервые опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1927, № 10. Печатается по указанному источнику.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ЗА 10 ЛЕТ

(стр. 290)

Опубликовано в журн. «Изба-читальня», 1927, № 19 (63). Печатается по указанному источнику.

ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(стр. 294)

Доклад в Коммунистической Академии. Издан отдельной брошюрой под тем же названием, М., 1928. Печатается по указанному тексту. В Собр. соч. Н. К. Крупской, т. IV, Учпедгиз, М.— Л., 1934, опубликован неполный текст доклада.

ЛЕНИН О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ ПРОЛЕТАРИАТА

(стр. 318)

Впервые опубликовано в журн. «Просвещение на транспорте», 1928, № 1. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Ленинские установки в области культуры, М., Партиздат, 1934.

НА ПОРОГЕ ПЯТОГО ГОДА БЕЗ ЛЕНИНА

(стр. 323)

Впервые опубликовано в журн. «Коммунистка», 1928, № 1. Печатается по указанному источнику.

О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ

(стр. 327)

Впервые опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1928, № 9. Печатается по указанному источнику.

О Л. Н. Толстом см. также статью Н. К. Крупской «Лев Толстой в оценке французского педагога» (т. 1 настоящего издания).

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

(стр. 330)

Опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1928, № 9. Печатается по указанному источнику.

ПОЛОЖЕНИЕ О ЕДИНОЙ ТРУДОВОЙ ШКОЛЕ РСФСР

(стр. 333)

Опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1928, № 10-11, и в «Учительской газете» № 46 от 7 ноября 1928 г. (в газ.— под названием «Цели те же — будем дальше строить трудовую школу»). Печатается по журналу.

О СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(стр. 335)

Впервые опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1928, № 10-11. Печатается по Собр. соч. Н. К. Крупской, т. IV, М.— Л., Учпедгиз, 1934.

Статья написана в связи с подготовкой к созыву II партийного совещания по народному образованию, намечавшегося вначале на февраль 1929 г. Совещание состоялось в апреле 1930 г. (См. также ст. «О партсовещании по вопросам народного образования».)

ПРОВЕРКА ВЫПОЛНЕНИЯ

(стр. 341)

Впервые опубликовано в «Учительской газете» № 52 от 21 декабря 1928 г. Печатается по указанному источнику.

Статья написана в связи с подготовкой II партийного совещания по народному образованию. См. примечание к предыдущей статье.

ВОСПИТАНИЕ

(стр. 347)

Впервые опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1928, № 12 и 1929, № 1. Одновременно статья печаталась в БСЭ, т. 3, М., 1929. Вышла отдельным изданием под названием «Очередные задачи коммунистического воспитания», М., Гиз, 1929. Печатается с некоторыми сокращениями по журн. «На путях к новой школе».

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОВЕЩАНИИ ЗАВЕДУЮЩИХ КРАЙОНО

(стр. 369)

Совещание заведующих крайоно проходило в Наркомпросе 15—20 февраля 1929 г. Н. К. Крупская выступила на совещании по докладам А. В. Луначарского «Основные вопросы партсовещания» и М. Н. Покровского «Вопросы системы народного образования». Текст выступления Н. К. Крупской опубликован в журн. «Народное просвещение», 1929, № 3-4. Печатается по указанному источнику.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

(стр. 379)

Опубликовано в газ. «Правда» № 129 от 8 июня 1929 г. Печатается по указанному источнику.

О СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

(стр. 384)

Опубликовано в журн. «Коммунистическая революция», 1929, № 14. Печатается по указанному источнику.

НЕ СУЖАТЬ ИНИЦИАТИВЫ МАСС

(стр. 392)

Ответ Н. К. Крупской на вопрос анкеты «Учительской газеты»: «Нужно ли ввести обязательное обучение грамоте взрослых?» Опубликован в «Учительской газете» № 150 от 26 декабря 1929 г. Печатается по указанному источнику.

ОБЩЕСТВО ПЕДАГОГОВ-МАРКСИСТОВ

(стр. 394)

Впервые опубликовано в журн. «Народное просвещение», 1930, № 1. Печатается по указанному источнику.

Общество педагогов-марксистов существовало с 1930 по 1934 г. при Коммунистической Академии. Создано было на основе постановления ЦК ВКП(б) «О руководящих кадрах народного образования» от 5 августа 1929 г. Председателем Общества педагогов-марксистов была Н. К. Крупская.

О ЗАДАЧАХ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С ОБОСТРЕНИЕМ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

(стр. 398)

Текст речи Н. К. Крупской на Всероссийском совещании комитетов по просвещению национальных меньшинств. Впервые опубликован в журн. «На путях к новой школе», 1930, № 2. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Ленинские установки в области культуры, М., Партиздат, 1934.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ БАЗА СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(стр. 407)

Выступления Н. К. Крупской на совещании Общества педагогов-марксистов в феврале и марте 1930 г. по вопросу о новой системе народного образования в СССР. Опубликовано в Собр. соч. Н. К. Крупской, т. IV, М.— Л., Учпедгиз, 1934. Печатается по указанному источнику.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

(стр. 430)

Впервые опубликовано в журн. «Просвещение национальностей», 1930, № 3. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Ленинские установки в области культуры, М., Партиздат, 1934.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ РАБОЧЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

(стр. 434)

Доклад и заключительное слово на совещании по рабочему образованию, созванном методической комиссией Главполитпросвета 24 апреля 1930 г. Опубликовано в журн. «Коммунистическое просвещение», 1930, № 6. Печатается по указанному источнику.

О ПАРТСОВЕЩАНИИ ПО ВОПРОСАМ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(стр. 451)

Опубликовано в журн. «О наших детях», 1930, № 5. Печатается по указанному источнику.

Статья написана в связи с окончанием работы II Всесоюзного партийного совещания по народному образованию (состоялось 26—30 апреля 1930 г.). В качестве основного вопроса на совещании обсуждался вопрос о системе народного образования.

О СОЦИАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ

(стр. 454)

Опубликовано в газ. «За коммунистическое просвещение» № 62 от 23 мая 1930 г. Печатается по указанному источнику.

ВСЕОБЩЕЕ ОБУЧЕНИЕ И КУЛЬТГЕКТАР ИМЕНИ XVI ПАРТСЪЕЗДА

(стр. 459)

Опубликовано в газ. «За коммунистическое просвещение» № 86 от 16 июля 1930 г. Печатается по указанному источнику.

XVI ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД И ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ

(стр. 460)

Опубликовано в журн. «О наших детях», 1930, № 7. Печатается по указанному источнику.

КРЕПЧЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ХВАТКА

(стр. 463)

Опубликовано в газ. «Правда» № 248 от 8 сентября 1930 г. Печатается по журн. «Коммунистическое просвещение», 1930, № 9. В этом источнике исправлена неточность в названии статьи (в газ. «Правда» было напечатано «схватка» вместо «хватка»).

ДОКЛАД НА ПЛЕНУМЕ III СЕССИИ ГУСа

(стр. 468)

Доклад сделан Н. К. Крупской 29 декабря 1930 г. Опубликован в журн «За качество кадров», 1931, № 2. Печатается по указанному источнику.

1931—1937

ЛЕНИН, КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВСТРЕЧНЫЙ КУЛЬТПЛАН ОБЩЕСТВА ПЕДАГОГОВ-МАРКСИСТОВ

(стр. 483)

Опубликовано в газ. «Правда» № 22 от 22 января 1931 г. Печатается по указанному источнику.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЛЕНИНА ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ ЗА ВРЕМЯ РАБОТЫ В ПИТЕРЕ, В ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ

(стр. 488)

Впервые опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1931, № 1. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Ленинские установки в области культуры, М., Партиздат, 1934.

ЛЕНИНСКИЕ ДНИ

(стр. 515)

Текст доклада Н. К. Крупской в Институте марксистско-ленинской педагогики 27 января 1931 г. После доклада Н. К. Крупская по просьбе присутствовавших рабочих поделилась личными воспоминаниями о В. И. Ленине.

Впервые опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1931, № 2. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Ленинские установки в области культуры, М., Партиздат, 1934.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА XV ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

(стр. 529)

Печатается по Стенографическому отчету XV Всероссийского съезда Советов, Бюллетень XI, М., 1931. Выступление Н. К. Крупской на съезде состоялось 2 марта 1931 г.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ВСЕОБУЧА

(стр. 537)

Опубликовано в газ. «За коммунистическое просвещение» № 191 от 14 августа 1931 г. Печатается по указанному источнику.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) „О НАЧАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ" И ЗАДАЧИ ОБЩЕСТВА ПЕДАГОГОВ-МАРКСИСТОВ

(стр. 540)

Опубликовано в журн. «Коммунистическое просвещение», 1931, № 18. В газете «Известия» от 11 сентября 1931 г. статья дается как обращение «К членам Общества педагогов-марксистов» за подписью: *Председатель Общества педагогов-марксистов Н. Крупская.* За той же подписью, но под названием «Ближе к школе, к учителю» статья опубликована в журн. «На путях к новой школе», 1931, № 10. Печатается в настоящем издании по журн. «Коммунистическое просвещение», 1931, № 18.

„О НАЧАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ"

(стр. 545)

Доклад Н. К. Крупской на заседании Общества педагогов-марксистов совместно с работниками просвещения Москвы. Состоялся 12 сентября 1931 г. Опубликован впервые в журн. «На путях к новой школе», 1931, № 10. Печатается по указанному источнику.

ВАЖНЕЙШЕЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАРТИИ

(стр. 567)

Опубликовано впервые в журн. «Народный учитель», 1931, № 9. Печатается по указанному источнику

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) „О НАЧАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ"

(стр. 571)

Впервые опубликовано в журн. «Власть Советов», 1931, № 28. Печатается по сборнику: Н. К. Крупская, Ленинские установки в области культуры, М., Партиздат, 1934.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ОБЩЕСТВА ПЕДАГОГОВ-МАРКСИСТОВ И ЖУРНАЛА „НА ПУТЯХ К НОВОЙ ШКОЛЕ"

(стр. 576)

Опубликовано в журн. «На путях к новой школе», 1932, № 1. Печатается по указанному источнику.

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СВЕТЕ ПЯТНАДЦАТИ ЛЕТ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(стр. 584)

Опубликовано в журн. «Большевик», 1932, № 20. Печатается по указанному источнику.

ВОПРОСЫ КУЛЬТРАБОТЫ СРЕДИ НАРОДНОСТЕЙ

(стр. 605)

Переработанная автором стенограмма выступления на совещании культработников Крайнего Севера.

Опубликовано в журн. «За политехническую школу», 1933, № 2. Печатается по указанному источнику.

МАРКС О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

(стр. 620)

Опубликовано в журн. «Большевик», 1933, № 5. Печатается по указанному источнику.

ПРОГРАММА ПАРТИИ И НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

(стр. 635)

Опубликовано в журн. «Пропагандист», 1933, № 13-14. Печатается по указанному источнику.

ЗА ПОДЛИННЫЕ ОЧАГИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

(стр. 649)

Опубликовано в газ. «За коммунистическое просвещение» № 201 от 1 сентября 1933 г. Печатается по указанному источнику.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ТРАУРНОМ ЗАСЕДАНИИ В КОМАКАДЕМИИ

(стр. 651)

Посвящено памяти А. В. Луначарского, умершего в декабре 1933 г. Опубликовано в журн. «Красный библиотекарь», 1934, № 2. Печатается по указанному источнику.

ПРИВЕТ СЪЕЗДУ УДАРНИКОВ-УЧИТЕЛЕЙ МАРИЙСКОЙ ОБЛАСТИ

(стр. 659)

Опубликовано в газ. «За коммунистическое просвещение» № 46 от 24 февраля 1934 г. Печатается по указанному источнику.

ЗАДАЧИ НАШЕЙ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ И КАДРЫ ЕЕ СТРОИТЕЛЕЙ

(стр. 661)

Опубликовано в газ «За коммунистическое просвещение» № 69 от 22 мая 1935 г. Печатается по указанному источнику.

ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДУХЕ — ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА

(стр. 666)

Опубликовано в журн. «Работница», 1935, № 13. Печатается по указанному источнику.

ДЕЛО ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ВАЖНОСТИ

(стр. 671)

Опубликовано в газ. «За коммунистическое просвещение» № 148 от 30 октября 1935 г. Печатается по указанному источнику.

ЗАБОТА ПАРТИИ О НАРОДНОМ УЧИТЕЛЕ

(стр. 673)

Опубликовано в журн. «Красный библиотекарь», 1936, № 5. Печатается по указанному источнику.

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ

(стр. 676)

Опубликовано в газ. «Красная звезда» № 241 от 18 октября 1936 г. Печатается по указанному источнику.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ

(стр. 680)

Статья датируется 1937 г. примерно. Опубликована впервые в журн. «Советская педагогика», 1940, № 2. Печатается по указанному источнику.

В. И. ЛЕНИН И ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(стр. 685)

Впервые опубликовано под названием «Из воспоминаний» в журн. «Начальная школа», 1937, № 11. Печатается по журн. «Юный коммунист», 1938, № 1.

Статья написана в связи с XX-летием Великой Октябрьской социалистической революции (в 1937 г. одновременно с этим исполнилось 20 лет со дня организации Народного Комиссариата просвещения).

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

А

«Автономия школы» — 22, 23, 41, 72

Агитация — 78, 228, 306, 395

Агрономия, преподавание и изучение в школе — 74, 88 — 89

Академия коммунистического воспитания (АКВ) — 477, 581

Атеистическая пропаганда — 70, 212, 255—257, 275, 370, 371—372, 417, 575, 596, 605, 606, 610—611, 646—647

Арифметика, преподавание — 196, 476

Б

Беллерс Д., педагогические взгляды — 356

Бесплатность обучения — 34, 36, 46, 109, 116, 294—295, 337, 341—343, 354, 493, 494, 621, 632, 644, 645, 678

Беспризорность, причины, борьба с нею — 152—153, 158, 165, 168—172, 231—234, 240—242, 269—270, 283—284, 304, 595, 671, 672

Библиотеки и библиотечное дело в СССР — 38, 39, 73, 74, 95, 97, 166, 226, 227, 298, 381, 382, 432, 457, 572, 588, 589, 593, 616, 647

Биология, преподавание и изучение — 111, 130, 131, 557

Блонский П. П., педагогические взгляды — 19—24

Бойскаутизм — 120, 355

Быт советский, основные проблемы, борьба с пережитками старого — 253 — 254, 255, 259—260, 395, 414, 425—426, 427, 432, 477, 593—594, 605—607, 610—611

В

Вечерние Смоленские классы в Петербурге — 434, 489, 507—508, 558

Вечерние школы и курсы — 215, 228, 230, 231, 279

Взаимосвязь учебных предметов — 35, 84, 118, 123, 124,

[1] Составлен Н. В. Стариковым.

130—132, 138, 139, 178, 195, 310, 446, 447, 597, 598, 641, 642, 681—684
Внешкольная работа с детьми и подростками — 158, 165, 344, 457
Внешкольная работа среди взрослых. См. Культурно-просветительная работа, Политико-просветительная работа, Образование взрослых
Волостные комитеты по политико-просветительной работе (волполитпросветкомы) — 275, 276
Волостные отделы народного образования (волисполкомы). См. Отделы народного образования (ОНО)
Воскресные университеты —311
Воскресные школы — 489, 507
Воспитание, сущность, цели и задачи
— в первобытном обществе — 135—136, 348—349
— в рабовладельческом обществе — 115, 349—350
— в феодальном обществе — 350—351, 667
— в капиталистическом обществе — 7—13, 14, 15, 16, 20, 21, 46, 54, 69—72, 83—86, 88, 89, 90, 107—108, 116, 117, 120, 133—135, 142, 143, 151, 154—155, 156, 182, 183, 184, 212, 256—257, 351—356, 357, 359—360, 362, 367, 422, 479, 666—667, 696, 698
— коммунистическое—11, 13, 14, 15, 16, 17—18, 69—72, 83, 86, 87, 88, 89, 115—126, 135—136, 142—143, 151—153, 155—156, 183—185, 260, 288, 318—322, 328—329, 334, 335, 345, 346, 347—348, 356—357, 363—368, 370, 381, 386, 394—396, 410, 421, 423, 428, 484, 485, 531, 535, 539, 547—548, 557—563, 568, 583, 596, 597, 601, 604, 614, 615, 616, 617, 620—634, 635—648, 649—650, 666—670, 691
Воспитание
— воли и характера — 8, 125, 126, 335
— дисциплины — 46, 72, 90, 125, 198, 253, 334, 370, 371, 389, 659
— коллективизма, дружбы и товарищества — 13, 71 — 72, 135, 198, 219, 287, 334, 345, 361, 597, 659
— научно-атеистическое — 50, 70, 78—79, 95, 158, 212, 344, 370, 371—372, 417, 597, 605—606, 610—611, 646—647
— нравственное — 9, 13, 27, 28, 54, 71, 72, 84—85, 89, 90, 107—108, 115, 116, 124, 125, 143, 151—155, 212, 253, 254, 257, 260—261, 271, 288, 350, 351, 354—356, 358—360, 370, 371, 385, 386, 642, 643, 659, 666—668, 686, 687. См. также Воспитание — коммунистическое
— общественное — 11, 12, 13, 71—72, 83, 89, 133—141, 158, 159, 219, 269—270, 361, 454, 455, 456
— пролетарского интернационализма — 71, 370, 608, 609
— религиозное — 9, 27—28, 29—31, 70—71, 115—116, 133,

134, 155, 212, 260, 350, 351, 354, 668
— советского патриотизма — 430—433
— в процессе обучения — 12—15, 89—91, 158, 182—183, 334—335, 345, 346, 568
— семейное — 83, 351, 454, 455, 667
— совместное — 158
— трудовое — 11—18, 71—72, 87—91, 129, 139, 360—361, 366—367, 414, 415, 416, 421, 422, 457, 532. См. также Политехническое образование и обучение
— умственное — 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 17, 30, 35, 50, 51, 54, 66, 70, 84—85, 88, 90, 91, 107, 108, 110—112, 118, 122—126, 129—133, 138—140, 144—147, 154, 155, 159, 178, 184, 194—196, 198, 199, 256—259, 374, 375, 381, 382, 384, 385, 386, 389, 435—437, 440, 443, 444, 448, 449, 539—544, 556, 557, 568, 572, 585—587, 597, 598, 603, 612—616, 628, 637, 641, 646, 647, 659, 661, 667—669, 675, 678, 679, 692. См. также Знания, значение, овладение ими; Навыки
— физическое — 8, 11, 17, 66, 85, 115, 120, 129, 348, 349, 357
— эстетическое — 115, 365, 648
Воспитатель — 8, 138, 152—153, 350—351, 358—362, 364—365. См. также Учитель
VIII съезд РКП(б), программа партии в области народного образования — 109, 112, 293, 294, 298, 301—304, 307, 337, 338, 339, 341—346, 361, 381, 382, 407, 416, 441—442, 452, 494, 495, 567, 568, 590, 591, 596, 663, 669
Всеобщее обязательное обучение — 9, 10, 109, 199, 218, 224—225, 236—238, 243, 266—268, 293, 294, 295, 301, 337, 338, 341—342, 354, 392, 393, 407, 408, 422, 437, 446, 452, 453, 459—462, 463, 464, 465, 466, 467, 480, 486, 493, 494, 534, 537, 540, 545, 567, 571, 595, 596, 599, 601, 659, 677
Всероссийский учительский союз (ВУС) — 31, 56, 59, 60, 63, 81—82, 92, 590, 690
Всероссийский учительский съезд (1917) — 81, 82, 205, 689, 690
Всесоюзный съезд работниц и крестьянок — членов Советов (1927), вопросы народного образования — 277, 284, 303
Всесоюзный учительский съезд. См. I Всесоюзный учительский съезд (1925)
II *партийное совещание по народному образованию* (1929) — 326, 339—342, 344—346, 370
II Всероссийский съезд политпросветов (1921) — 520, 592
II Всероссийский съезд учителей-интернационалистов (1919) — 285, 662
II съезд РСДРП (1903), вопросы народного образования — 493, 495, 645, 646
Выбор профессии — 132, 147

Выборность учителей — 23—24, 52, 81
Высшая школа — 8, 10, 14, 54, 69, 94, 96, 161, 164—167, 177, 179, 200—201, 272, 307, 308, 310, 311, 312, 337, 340, 387, 390, 440, 451, 470, 475, 541, 678

Г

Газенфратц Ж.-А., деятельность по народному образованию — 354
Герцен А. И., изучение педагогического наследия — 485
Гимназия в России — 7, 8, 36, 69, 70, 85, 86, 494, 518, 598, 680
Главное управление профессионального образования (Главпрофобр) — 145, 376, 442, 447, 449
Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос) — 127, 128, 148, 202, 280, 416
Главный политико-просветительный комитет (Главполитпросвет) — 221, 245, 447, 472, 483, 523, 588, 663
Государственная комиссия по просвещению — 66—67, 68, 93, 333
Государственный комитет по народному образованию (1917)— 30—31, 92
Государственный ученый совет (ГУС) — 128, 148, 149, 170, 197, 330, 331, 468, 476, 478—480, 597
— программы ГУСа — 127—132, 194—197, 208, 214, 215, 244, 261, 597—599
Грамотность, значение для строительства социализма — 9, 236—237, 272—273, 290, 297, 324, 436. См. также Ликвидация неграмотности и малограмотности
Группа «Освобождение труда», требования в области народного образования — 493
Губернские отделы народного образования (губоно). См. Отделы народного образования (ОНО)

Д

Дети как объект воспитания, их возрастные особенности — 7, 8, 11—13, 90, 91, 133, 134, 136, 143, 151—153, 154, 158, 170—172, 207, 231—234, 239, 240, 257—258, 302—303, 327, 328, 365, 388, 424—425, 454—455, 479, 595, 625
Детские дома — 158, 170, 232—234, 239—240, 282, 283, 301, 302—303, 409, 428, 429, 455, 456, 457—458, 595, 671—672
Детские клубы — 457
Детские колонии — 98
«Детские колхозы» — 413
Детские площадки — 265, 301, 457
Детские праздники — 265, 266
Детские сады. См. Дошкольное воспитание
Детские ясли — 301, 337, 341
Детский коллектив, пути и формы его организации — 12, 13, 35, 66, 70—72, 87, 89—91, 119—122, 125, 133—141, 143, 156, 158, 185, 198, 209, 219, 220, 270, 271, 288, 334, 335, 346, 358, 360, 361, 365—368,

370, 371, 385, 411—414, 416, 565, 597, 637, 638, 640, 642, 643, 659, 669, 675
Детское коммунистическое движение. См. Пионерская организация и ее работа
Детское творчество — 12, 13
«Дефективные» дети — 232—233
Диалектико-материалистическое мировоззрение, формирование его основ у учащихся — 70, 260, 330, 541, 553, 555, 556, 568, 572, 597, 637
Дисциплина в школе. См. Воспитание — дисциплины
Добролюбов Н. А., изучение педагогического наследия— 667
Дом культуры — 551—552
Дом ребенка — 98
«Домострой» (памятник русской педагогической литературы)— 350
Доступность образования — 9, 10, 11, 46, 107, 676, 678, 689
Дошкольное воспитание — 11, 12, 13, 14, 133, 147, 159, 178, 203, 264—266, 289, 301, 302, 337, 341, 408, 409, 455, 457, 465, 552, 595, 601

Е

Единая школа — 54, 66, 70, 72, 94, 95, 96, 109, 111, 112, 116, 117, 118, 127, 128, 159—161, 302, 333—335, 337, 338, 334, 344, 590, 669

Ж

Женское образование в дореволюционной России — 70, 95, 668

З

Заводы-втузы — 420, 421
Завтраки горячие для детей — 280—281, 459, 461, 462, 467, 538
Закрытые учебные заведения — 70, 353, 667, 668. См. также «Новые» буржуазные школы
Заочное обучение — 279, 306, 307, 343, 388, 437, 594, 679
Знания, значение, овладение ими — 10, 43, 51, 69, 75, 96, 107, 108, 126, 129, 183—185, 189, 194—195, 290, 309, 310, 315, 382, 514, 529, 530, 540, 556, 568, 572, 587, 603, 659, 678, 679, 681

И

Игра, воспитательное значение— 18, 115, 120, 136, 365
Игрушки — 11
Избы-читальни — 97, 166, 206, 212, 222, 226, 227, 238, 256, 273—274, 278, 279, 290, 372—373, 411—412, 417—418, 593, 605
Изучение возрастных особенностей детей — 365, 366, 558, 559
Индивидуальный подход к ребенку — 11—14, 90, 91, 139, 152, 153, 156, 241, 257—259, 280, 281, 327—329, 477, 559, 560, 612—614
Индустриализация социалистическая, влияние на культуру и просвещение — 385, 394—397, 416, 460, 504, 530, 531, 545, 557, 568, 599—601
Инспектора по народному образованию — 42, 53, 55, 536, 549—550

Инстинкты общественные — 121, 122, 125, 126, 133—136, 138, 152, 158
Инструкторы по народному образованию — 94, 304, 377, 428, 549, 550, 569, 572, 573, 577
Искусство, воспитательная роль — 12, 130, 166, 211, 212, 250, 254, 255, 315, 334, 587, 588, 657
История педагогики, преподавание и изучение — 681—684
История, преподавание и изучение — 107, 138—139, 680, 681

К

Кадетские корпуса — 668
Кершенштейнер Г., педагогические взгляды — 84
Кино, учебное и воспитательное значение — 166, 212, 249—250, 261, 262, 291, 306, 343, 409, 410, 432, 433, 439, 474, 594
Клубы и клубная работа — 38, 93, 97, 145, 166, 223, 226, 227, 427, 561
Коллективизация сельского хозяйства, влияние на культуру и просвещение—460, 486, 504, 530, 531, 545, 674
Комвузы — 116, 404, 607—623
Комитеты крестьянской взаимопомощи (крестьянские комитеты взаимопомощи), работа по народному образованию — 201, 206, 231—232, 268, 274, 280, 461, 465
Коммунистическая Академия — 397, 476, 542
Комсомольская организация и ее работа — 125, 126, 128, 136, 137, 158, 159, 171, 197, 207—216, 221, 222, 228, 234, 241, 274, 307, 372, 385, 391, 404, 416, 420, 466, 524, 565, 583, 616, 689, 692
Конвент, обсуждение законопроектов по народному образованию — 52, 53, 353
Кондорсэ Ж.-А., деятельность по народному образованию — 52—53, 354
Консультация по социальному воспитанию — 456
Красные уголки — 226, 290—291
Крестьянские университеты — 272
Крупская Н. К., автобиографические сведения — 327, 328, 434, 489, 558, 606, 609, 680, 688
Культармейцы — 396, 530, 531, 533, 539
Культпоходы — 392, 408, 409, 456, 486, 523, 600, 601
Культура
— общие вопросы — 201, 222, 230—231, 247—251, 256, 257, 261, 262, 289, 290, 297, 298, 324, 325, 326, 339, 340, 382, 395, 401, 431, 468—469, 486, 490, 498—502, 503, 504, 507, 514, 517—521, 546, 585, 586, 617, 673, 674
— интернациональная — 247, 248, 249, 250, 252, 262
— национальная — 247, 248, 249, 250, 251, 252, 257, 262, 292, 395, 401, 402—406, 430—433, 477, 486, 605
— социалистическая, ее строительство в СССР — 39, 144, 218, 222, 289, 290—293, 324, 382, 395, 397, 401, 408, 409, 460,

486—487, 503, 504, 520, 521, 530, 533, 536, 538, 539, 569, 574, 583, 584—604, 605—610, 612—614, 618, 648, 660, 673. См. также Воспитание — коммунистическое; VIII съезд РКП(б), программа партии в области народного образования; Всеобщее обязательное обучение; Ликвидация неграмотности и малограмотности
Культурная революция в СССР. См. Культура — социалистическая, ее строительство в СССР
Культурно-просветительная работа — 38—40, 74, 77, 97, 100, 109, 226—227, 246, 316, 325, 326, 418, 475, 486, 507, 531, 586, 588, 599, 605—619, 647
Курсы для взрослых — 94, 95, 97, 145, 173, 205, 206, 221, 279, 390, 422, 437, 438—440, 445—446, 448—449, 453, 552, 594

Л

Лавуазье А.-Л., деятельность по народному образованию — 354
Ленин В. И. о культуре и народном образовании — 173, 174, 180—185, 188, 189—190, 194, 204, 205, 208, 216, 218, 222, 243, 244, 245, 252, 270, 279, 283, 286—289, 290, 306, 318—322, 323—325, 330—331, 349, 359—360, 382, 407, 426, 447—448, 452, 468, 472—473, 483—487, 488—514, 515—528, 529, 537, 546, 554—555, 556, 569—570, 573, 575, 576—577, 578—579, 580—581, 585—586, 588—589, 591—593, 597, 619, 636, 637, 644, 658, 661—665, 666, 673—674, 680—681, 685, 687—688, 690—692
Ленин В. И. о политехническом образовании — 180—181, 193, 197, 338—339, 374, 442, 470, 494—496, 542, 554—555, 591—592, 615, 638, 639, 642, 661
Лепелетье Л.-М., деятельность по народному образованию — 354
Ликвидация неграмотности и малограмотности — 144, 166, 199, 200, 206, 207, 214, 223, 225, 228, 245, 272, 273, 278—279, 290, 291, 294, 295, 298, 315, 342, 392, 402, 408, 409, 410, 435, 436, 438, 446, 453, 459, 461, 463, 465, 472, 520, 521, 523—524, 529, 530, 535, 588, 592, 599, 600, 677
Литература, преподавание и изучение — 130, 680, 692
Лицеи — 668
Луначарский А. В., работа по народному образованию — 92, 93, 200, 203, 243, 265, 270, 272—274, 300, 326, 369, 590, 653—658, 690

М

Мани Горас, педагогическая деятельность — 48—51, 53
Марксизм-ленинизм как основа педагогики — 28, 151, 152, 219, 294, 330—332, 356, 357, 364, 365, 394, 395, 396, 397, 472—474, 483—514, 541, 546, 553, 555, 560, 581—583, 620—634, 638, 639, 643, 665, 681
Маркс К. и Энгельс Ф. о воспитании — 28, 34, 46—48, 51,

88, 96, 151—152, 180, 294, 347, 348, 356—357, 379, 495, 496, 573, 587, 615, 620—634, 638, 639, 643, 667
Математика, преподавание и изучение — 130, 196, 476, 563
Материнские школы (детские сады) Франции — 12
Методическая работа—130, 165, 173, 202—203, 206, 343, 472, 474, 479, 480, 539, 542, 548—552, 577, 582, 594
Методы обучения — 9, 14, 15, 23, 46, 70, 84, 111, 118, 119, 128, 129, 130, 138, 139, 160, 174, 208, 219, 260, 261, 365, 428, 453, 474, 478, 549—550, 557, 559—563, 564, 572, 596, 703—704
Мирабо О.-Г.-Р., педагогические взгляды — 353—354
Молодежь советская — 13, 125, 126, 136, 137, 376, 421—423, 447, 475, 524, 616, 681
Мораль
— буржуазная —9, 28, 29, 30, 116, 151, 260—261, 354, 356, 359—360
— коммунистическая — 28, 151—152, 261, 359—360, 386. См. также Воспитание — коммунистическое, Воспитание — нравственное
Музеи — 97, 207, 315, 612

Н

Навыки
— общественные — 13, 66, 133, 324, 340, 345, 411
— организационные — 90, 119, 120, 125, 129, 140, 220, 323, 345, 346, 412, 416
— педагогические — 472
— письма — 13, 196, 411
— трудовые — 13, 14, 89, 90, 125, 140, 220, 229, 301, 308, 309, 374, 377, 422, 451—452
— счета — 13, 196
— чтения — 13, 195—196, 411
«На путях к новой школе» (журнал) — 128, 330, 486, 576, 579, 582—583
Народное образование, состояние
— в России до Октябрьской революции — 10, 24, 31, 32, 37, 41, 53, 55—58, 69, 70, 81, 85, 95, 105, 107, 138, 160, 180, 181, 183, 184, 198, 204, 205, 237, 371, 375, 386, 394, 407, 434, 489, 518, 563, 587, 598, 600, 645, 646, 667, 668, 676—678, 680, 685—690
— в других капиталистических странах — 9, 10, 22, 24, 35, 46—52, 54, 80, 83—89, 107—111, 116, 117, 120, 125, 126, 134, 135, 139, 142, 143, 145, 154—156, 181, 212, 230, 236, 280, 297, 303, 316, 336, 349, 353—357, 367, 375, 392, 394, 405, 407, 410, 415, 422, 431, 436, 440, 444, 451, 452, 479, 532, 557, 567, 571, 587, 615, 639, 646, 649, 659, 666—668, 696, 698
— в СССР — 17—25, 27—29, 32—34, 37—40, 42—45, 48, 53, 54, 56—60, 62—70, 73—82, 91—101, 105, 106, 108—112, 116—120, 123, 126—132, 136, 137, 142—167, 170, 171, 173—238, 240—247, 253—255, 257—306, 308—317, 320—326,

330—346, 357—377, 380—397, 400—403, 407—423, 426—429, 431—467, 469—479, 483—514, 517—525, 529—583, 586—619, 635—650, 653—665, 668—679, 685, 687, 690—692, 697. См. также Воспитание, сущность, цели и задачи; VIII съезд РКП(б), программа партии в области народного образования; Всеобщее обязательное обучение; Культура; Ленин В. И. о культуре и народном образовании; Ликвидация неграмотности и малограмотности; Образование; Система народного образования
Народные дома — 97, 145, 166
Народные политехникумы — 97
Народные университеты — 97
Народный Комиссариат просвещения (Наркомпрос) — 39, 40, 42, 44, 53, 59, 64, 65, 66—68, 75, 92—101, 105, 112, 116—118, 127, 128, 132, 144, 157—159, 164, 167, 171, 186, 206, 215—218, 221—235, 243, 244, 262, 277—278, 297, 305, 313, 325, 331, 381, 414, 419, 426, 432, 463, 478, 480, 542, 546, 576—579, 587—590, 597, 598, 619, 654—656, 663, 690, 691
Наследственность, среда и воспитание — 81, 83, 134, 135, 151—152, 232, 253—259, 347, 348, 363—365, 433, 477, 551—554, 605—614, 637, 643, 669, 670
Научно-исследовательская работа в области педагогики — 164, 165, 562, 563, 569, 570, 577
Научно-педагогическая секция ГУСа. См. Государственный ученый совет (ГУС)
Национальности, их просвещение — 211—214, 234—235, 248, 251—255, 257—262, 292, 343, 398, 400—406, 432, 433, 594, 605—607, 659. См. также Школа национальная
«Новые» буржуазные школы — 7, 8, 85, 116, 355, 364, 668

О

Образование
— общее — 66, 160, 293, 294, 337, 443, 445, 446, 493
— взрослых — 97, 109—112, 434—450, 465, 478
— начальное — 9, 10, 13, 14, 22, 23, 94, 95, 128, 145, 146, 147, 159, 162, 163, 166, 174, 177—179, 195—197, 199, 218, 220, 223, 224—225, 227, 244—245, 266, 269, 271, 279, 280, 295, 298—300, 307, 342, 343, 373, 385, 386, 408, 410—412, 422, 435—439, 445, 446, 470, 472, 479, 535, 543, 561, 571—575, 595—596, 598, 601, 677, 678
— специальное. См. Профессиональное образование — среднее — 8—10, 13, 14, 22, 23, 34—36, 54, 69, 70, 85—86, 116, 123, 128—132, 144, 145—147, 159, 160—163, 165, 177—179, 197, 200, 201, 219, 220, 227, 245, 252, 253, 268, 271, 279, 280, 297, 300, 301, 311, 339, 342—344, 369, 375—377, 384—391, 404, 408, 411, 412, 416, 417, 422, 438, 439, 441, 470, 563, 591, 596, 598, 601

Обучение
— качество — 571, 572
— на родном языке — 211, 212, 234—235, 257—259, 292, 302, 337, 343, 432, 605
— совместное — 50, 51, 117, 302, 337, 343, 344, 589
Общественно полезная работа — — школы и учащихся — 199, 209, 269, 270, 389. См. также Общественно полезный труд учащихся
— учителя — 201—202, 206, 209, 362
Общественно полезный труд учащихся — 13—15, 136—138, 160—161, 291, 301, 344, 345, 367—368, 389, 410—412, 542, 568, 569, 599
Общественно производительный труд учащихся См. Политехническое образование и обучение, Соединение обучения с производительным трудом
Общество «Долой неграмотность» —274, 278—279, 361, 461
Общество «Друг детей» — 274, 361, 456, 461, 465
Общество педагогов-марксистов — 394—397, 429, 474—478, 480, 483, 485, 486, 542, 543, 565, 566, 577, 579—582, 618, 619
Опытно-показательные школы — 96, 136, 167, 223, 550, 590
Отделение школы от церкви — 28, 30, 31, 33, 46, 78—79, 291, 302, 452, 589, 677. См. также Воспитание — научно-атеистическое
Отделы народного образования (ОНО) — 40, 43, 44, 78, 93, 94, 106, 164, 165, 167, 233, 243, 370, 461, 611, 618
Оуэн Р., педагогические взгляды — 356, 491, 629—630

П

Парижская Коммуна, вопросы народного образования —46, 632
I партийное совещание по народному образованию (1920) — 307, 338—340, 342, 387, 442, 576, 577, 579, 591
Педагогика и политика — 7—11, 17, 20, 21, 28, 30—34, 41, 46—54, 70—72, 80—82, 84—86, 92—96, 182—189, 204—208, 210, 245, 246, 286—289, 293, 318—322, 353—356, 361, 362, 380—383, 394, 395, 405, 493, 494, 543, 544, 553—555, 557—559, 564, 565, 567, 569, 574, 575, 579, 586—590, 596, 597, 635, 636, 654, 655, 689—692
Педагогическая мысль XVIII — начала XIX в. — 11, 46, 52—53, 85, 132, 353—356, 363, 394, 485, 494, 620—623, 667, 682—684
Педагогическая мысль конца XIX — начала XX в. — 11, 48—51, 53, 84, 89, 139, 216—217, 243—244, 277, 293—294, 298, 301—304, 307, 320, 391, 394, 462, 567, 589, 592, 676—679. См. также Ленин В. И. о культуре и народном образовании, Ленин В. И. о политехническом образовании

Педагогическая печать — 49, 56, 128, 276—278, 576, 579, 582—583
Педагогическая пропаганда — 78—81, 164, 165, 238, 245, 345, 539
Педагогический опыт, изучение и обобщение
— советской школы — 219, 364—368, 477, 478, 541, 559—560, 562, 563, 570, 571—588, 688—689
— буржуазный — 559, 560
Педагогическое образование — 50, 55, 58, 94, 95, 162, 164, 165, 178, 202—203, 213, 372, 376, 387, 389, 459, 546
I Всероссийский съезд по народному просвещению (1918) — 174, 181, 189, 493, 554, 556, 573, 662
I Всероссийский съезд учителей-интернационалистов (1918) — 60, 80, 662
I Всесоюзный учительский съезд (1925) — 173—177, 179, 186—188, 192, 203, 204, 206—210, 218, 219, 242, 303
Песталоцци И.-Г., педагогические взгляды — 353
Пионерская организация и ее работа — 158, 159, 197—199, 207, 291, 300, 365, 368, 372, 396, 413, 416, 457, 563—565, 599
Писарев Д. И., изучение педагогического наследия — 473, 485
Плеханов Г. В., педагогические высказывания—216—217, 473, 485, 486
Покровский М. Н., работа по народному образованию — 330—332
Политехническое образование и обучение — 15, 88, 98, 109, 111—112, 118—120, 159, 219, 293, 294, 300, 307, 308, 337, 338, 339, 340—342, 344, 345, 356—357, 368, 373, 374, 386, 388, 389, 410, 414, 415—417, 418, 420—423, 428, 442, 443, 449, 452, 453, 469—472, 475, 531, 536, 539, 540, 542—545, 547, 554, 568, 569, 572, 573, 577, 583, 587, 590—592, 598—599, 601, 603, 604, 611, 612, 613, 614—617, 649—650
Политико-просветительная работа (политпросветработа) — 74, 77, 97, 100, 109, 166, 203, 211, 212, 221, 222, 227, 246, 272, 273, 278—279, 304, 305, 309, 310, 316, 337, 372, 410, 429, 433, 520, 530, 561, 587, 588, 592—594, 595, 605—608, 647, 663—664
«Положение о единой трудовой школе РСФСР» (1918) — 333—335
Постановления ЦК ВКП(б) о школе (1931—1932) — 540—556, 562, 564—566, 568—575, 577, 580, 603—604, 635, 637—638, 644
Правые и «левацкие» извращения в советской педагогике — 419, 426, 543, 552—553, 554, 555—563, 564, 565, 570, 574, 575, 579
Производственная практика — 449, 470, 582
Производственная пропаганда — 129, 161, 470, 520, 578, 579, 593
Пролеткульт — 93, 99, 100, 128, 256, 520, 521, 588, 589

Профессиональное образование — 66, 88, 97, 98, 109—112, 145, 163, 164, 228, 231, 294, 307, 311, 313, 314, 315, 337—339, 377, 429, 442—444, 493, 542, 591, 678, 679
Профессиональные союзы и вопросы народного образования — 97, 98, 100, 170, 222, 226, 241, 274, 307, 360—361, 373, 436, 461, 589
Профессиональный союз работников просвещения — 128, 164, 165, 175, 206, 218, 230, 292, 293, 677

Р

Рабочие университеты — 97, 272, 291, 308, 309, 438, 439, 441, 442, 444, 448—450, 594
Рабочие факультеты — 146, 165, 166, 291, 307—308, 311, 436, 440, 441, 453, 594, 655, 678
Рабселькоровское движение — 290, 306
Радио как средство просвещения — 212, 249—250, 261, 262, 291, 305, 306, 432, 433, 474, 614
Разделение труда — 125, 139, 140, 412, 420
Родительские комитеты —43, 44
Русский язык в национальной школе. См. Школа национальная
Руссо Ж.-Ж., педагогические взгляды — 351—353, 355

С

Самообразование — 126, 279, 304, 337
Светская школа. См. Воспитание научно-атеистическое, Отделение школы от церкви
Связь школы с жизнью — 81, 136, 158, 175, 178, 179, 186, 197, 208, 253, 269, 291, 292, 551, 597—597
Семья и школа — 43, 44, 117, 134, 135, 279, 454, 455, 500, 501, 630, 643
Сен-Симон А.-К. о воспитании — 363
Система народного образования — в дореволюционной России — 69, 70, 107, 180, 273, 407, 434, 435, 667, 668, 678, 689—690
— в других капиталистических странах — 7—9, 48—52, 54, 83—85, 86, 88, 89, 107, 125, 126, 145, 181, 230, 336, 357, 375, 407, 410, 451, 452, 557, 567, 639, 649, 659, 696, 698
— в СССР — 94—98, 109, 127, 128, 129—132, 144—147, 157—167, 177—179, 193—197, 200—203, 214, 215, 218—220, 223—225, 227—233, 237, 238, 245—247, 265—267, 272—274, 280, 281, 283, 284, 291, 292, 294—296, 301—305, 308—310, 312, 313, 315, 333—335, 336—340, 341, 342, 361, 362, 369, 370, 373—377, 384—391, 407, 408, 409—414, 416—418, 419, 420—422, 426, 427—429, 434—451, 452, 453, 456—462, 469—472, 475, 479, 480, 540, 542—567, 571—574, 587, 589—599, 601—604, 615, 636—639, 649, 650, 661, 669, 676—679. См. также Образование — начальное, среднее, Профессиональное образование

Советы и народное образование — 263—264, 265—272, 274—276, 278, 303, 304, 532—536
Советы народного образования (СНО) — 39, 40, 42—45, 65—66, 75—79, 80—81, 93—94, 105, 106, 186
Советы содействия всеобучу — 465
Совместное обучение. См. Обучение — совместное
Совпартшколы — 126, 146, 166, 291, 436, 588, 594, 678
Соединение обучения с производительным трудом — 10, 15, 34, 85, 96, 180, 302, 337, 343, 344, 355—356, 471, 542, 547, 568, 590, 603, 604. См. также Политехническое образование и обучение
Союз учителей-интернационалистов — 58—60, 82, 94, 285, 590, 661, 662
Сталин И. В. о культуре и просвещении — 460, 530, 557, 636, 681, 692
Стипендии — 10, 343, 388, 678
«Столы всеобуча» — 465, 466
Студенчество советское — 401, 404, 447

Т

Талейран Ш.-М., педагогические взгляды — 354
Театр — 291
Теория и практика — 161, 417, 540, 541, 568, 590
Теория «отмирания школы». См. Правые и «левацкие» извращения в советской педагогике
Техникумы — 146—147, 163, 164, 179, 231, 311, 312, 314, 339, 340, 375—377, 386—390, 403, 412, 416, 417, 440, 441, 449, 470, 472, 475, 543
Толстой Л. Н. как педагог —246, 249, 327—329, 625
Труд в школе — 12—15, 70, 89, 90, 96, 117, 118—120, 136, 158, 191, 193—194, 197, 219, 220, 300, 301, 388, 453, 590, 598—599. См. также Воспитание — трудовое, Политехническое образование и обучение
Труд детей и подростков — 12—15, 241, 366—367, 388, 390, 413, 419—422, 494—496, 568, 569, 625—631, 633, 689. См. также Воспитание — трудовое, Политехническое образование и обучение
Трудовая школа — 13, 35, 70, 72, 95, 96, 118, 140, 163, 176, 190—194, 197, 219, 220, 287, 418, 554, 569, 573, 590, 598—599, 649—650

У

Уездные отделы народного образования (УОНО). См. Отделы народного образования
Ульянов И. Н., педагогическая деятельность — 286, 685—687
Университеты — 70, 96, 97
Урок — 9, 35, 41, 42, 281, 686, 687
Учебник
— школьный — 96, 117, 154, 155, 178, 179, 187, 196, 208, 213, 307, 344, 476, 478, 557, 589, 596, 677, 678

— для заочного обучения — 306, 422, 437

Учебные программы — 9, 10, 23, 46, 70, 117, 128—132, 146, 147, 163—165, 174, 177, 179, 181, 194—197, 208, 214, 215, 218, 230, 244, 259—261, 301, 330—332, 334, 337—339, 344, 362, 370, 386, 389, 390, 449, 471, 472—474, 476, 477, 540, 541, 555, 557, 562, 565, 568, 571, 572, 589, 597, 598, 599, 603—604, 612—614, 637

Учитель
— в дореволюционной России — 31, 32, 41, 55—58, 81, 204—205, 513, 689
— в других капиталистических странах — 7, 8, 22, 50, 53, 86, 89, 154—155, 204, 291
— советской школы — 20—24, 31, 32, 33, 41, 44, 52, 53, 54, 55—63, 71—72, 76, 78—79, 91—96, 81, 82, 105—106, 117, 143, 148—150, 152, 154, 156, 164, 165, 173—179, 182, 185—188, 190—195, 197—199, 201—210, 213, 215, 218—219, 234, 281—282, 288, 290—292, 303, 320—321, 328—330, 332, 335, 362, 364, 370, 372, 392, 396, 411, 463, 466, 513, 531, 538, 540—542, 543, 546, 548, 549, 552, 563, 564, 566, 569, 570, 572, 573, 575, 577, 580—583, 589—590, 596—598, 601, 605, 616, 654, 659, 661—665, 673—675, 681, 682, 685—687, 689, 692

Учительская газета» — 175, 203, 210

Ушинский К. Д., педагогические взгляды и деятельность — 682—684

Ф

Фабрично-заводская семилетка (ФЗС) — 227, 375, 414, 439, 448, 472, 542—543

Филантрописты — 353, 364

Фребель Ф., педагогические взгляды — 11

Ц

Цекпрос. См. Профессиональный союз работников просвещения

Цель воспитания. См. Воспитание, сущность, цели и задачи

Центральный институт труда (ЦИТ) — 374, 377, 442, 445

Ч

Чернышевский Н. Г., изучение педагогического наследия — 473, 485, 496, 667

Ш

Школа буржуазная, цели, задачи, организация — 7—10, 13, 15, 17, 20, 21, 28, 35, 36, 46, 50, 51, 54, 70—72, 80, 83—86, 89, 107—108, 116, 117, 128, 135, 142, 143, 154—156, 168, 181—184, 189, 287, 296, 315, 335, 354, 355, 356, 405, 451, 493, 532, 567, 571, 587, 659, 668, 696, 698

Школа в социалистическом обществе, цели, задачи, организация — 7, 10—18, 19, 20, 22, 53—57, 59, 69—72, 88—90, 91, 94, 95, 116, 117—120, 128, 129—132, 142—143, 174, 176—179, 181—203, 205, 208, 209,

218, 219, 227, 252, 253, 266, 287, 289—290, 291, 299, 315, 333—335, 338, 369, 412, 413, 418, 421, 422, 442, 449, 451, 493, 532, 539, 540, 554—555, 561, 563, 564, 571, 573, 575, 596, 603—604, 649—650, 659—665, 668—669, 673—674, 677
Школа взрослых — 144, 146, 147, 165, 166, 279, 291, 561, 588, 594, 678, 679
Школа крестьянской молодежи (ШКМ) — 160, 161, 163, 164, 179, 200, 220, 227, 271, 272, 343, 370, 377, 386, 388, 403, 404, 410, 411, 542—543, 561, 599
Школа национальная — 212—214, 234—235, 258—259, 306—309, 375, 432, 433, 605
Школа продленного дня — 158
Школа сословная и классовая — 51, 181, 491—493
Школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) — 137, 145, 146, 160, 161, 163, 164, 200, 220, 223, 227—231, 312, 313, 339, 370, 375, 377, 385—390, 448, 470, 472, 543, 599
Школьная сеть — 158, 199, 200, 237, 238, 388, 389, 571, 679
Школьное самоуправление — 7, 120, 140, 141, 158, 198, 220, 253, 334, 365, 366, 386, 389, 564, 565
Школьное строительство — 154, 414, 415, 459, 535, 677, 678
Школьные завтраки. См. Завтраки горячие для детей
Школьные мастерские — 301, 344, 388, 415, 457, 538, 590, 639, 640
Школьный режим — 563, 564, 603—604

Э

Экскурсии — 97, 130, 173, 207, 208, 255, 315, 344, 374, 403, 404, 446, 475, 531, 605
Энгельс Ф. о воспитании. См. Маркс К. и Энгельс Ф. о воспитании

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Авксентьевский Д. А.— 373
Аксельрод П. Б.— 508, 526
Александр II — 682
Александр III — 512
Алексеев С. В.— 268
Алексинский Г. А.— 655, 689
Альтер И. М.— 64, 67, 68
Анпенков П. В.— 624

Б

Бадаев А. Е.— 688
Базедов И.-Б.— 353
Беккер К.-Г.— 614
Белльерс Д.— 356
Бисмарк О. —682
Бичер-Стоу Г.— 682
Блонский П. П. 19—24, 95
Блох И.— 585
Бочачер Ф.— 447
Бройдо Г. И.— 242
Бубнов А. С.— 453, 478, 529

В

Ваганян (Тер-Ваганян) В. Л.— 248, 251, 253
Вахтеров В. П.— 62
Верещагин В. В.— 327
Воеводин П. И.— 374
Вышинский А. Я. —311

Г

Газенфратц Ж.-Л.—354
Галкин А.— 34
Гастев А. К.— 374, 442, 445
Гегель Г.-В.-Ф.— 622
Герцен А. И.— 485
Гончаров И. А.— 332
Горький Л. М.— 479, 516, 688—689
Гранкова, работница из Донбасса — 240

Д

Делянов И. Д.— 107
Демолен Э.— 355
Джемс У.— 139, 612
Дикштейн Ш.— 122
Добролюбов Н. А.— 667, 683
Дону Ж.-К. — 52
Дробнис Я. Н.— 231

Е

Егоров (Левин) Е Я.— 646
Енукидзе А. С.— 264, 333
Ерема (Шнеерсон А. А.) — 306

З

Зайцев И. Я.— 685—687
Золотарев С. А.— 62
Зорге Ф.-А. — 337

И

Иорданский Н. Н.— 148—149

К

Калашников В. А.— 686—687
Калинин М. И. — 243, 613
Каммерер О.— 314
Кассо Л. А.— 688
Каутский К.— 503
Кершенштейнер Г.— 84
Клемансо Ж.-Б. — 86
Книпович Л. М.— 489
Кольцов А. В.— 260
Кондорсэ Ж.-А.—52—53, 354
Кржижановская (Невзорова) З. П.— 489
Кржижановский Г. М.— 522
Крупенина М. В.— 426
Кузине Р.— 89

Л

Лавров (Миртов) П. Л.— 103—104
Лавуазье А.-Л. — 354
Лассаль Ф.— 85, 98, 523, 681
Левитин С. А.— 95
Ленгник Ф. В.— 515
Ленин В. И.— 65, 143, 173, 174, 176, 180—185, 188, 189—190, 193, 194, 197, 203, 204, 205, 207, 208, 216, 218, 222, 243, 244, 245, 252, 264, 270, 272, 275, 279, 283, 286—289, 290, 292, 293, 306, 318—322, 323—325, 330—331, 338—339, 345, 349, 359—360, 371, 374, 382, 394, 396—397, 398—399, 400, 403, 407, 413, 426, 430—431, 442, 447, 452, 468, 470, 472—473, 483—487, 488—514, 515—528, 529, 537, 542, 544, 546, 554, 555, 556, 559—560, 561, 569, 570, 573, 574, 575, 576—581, 582, 584, 585—586, 588—589, 591—593, 597, 604, 615, 617, 619, 636, 637, 638, 639, 642, 644, 648, 649, 651, 652, 653, 655, 658, 661—665, 666, 673—674, 675, 679, 680—681, 685, 687—688, 690—692
Лепелетье Л.-М. — 354
Лепешинский П. Н.— 63
Либер (Гольдман) М. И.— 646
Либкнехт В.— 567
Линней К.— 557
Ломоносов М. В.— 376, 656
Лоти П.— 134—135
Луначарский А. В.— 92, 93, 200, 203, 243, 265, 270, 272, 273, 274, 277, 300, 326, 331, 333, 369, 590, 651—658, 690

М

Мамин-Сибиряк Д. Н.— 260—261
Манн, Горас — 48—51, 53
Мансуров А.— 259
Маркс К.— 28, 34, 46—48, 51, 53, 65, 86, 88, 96, 122, 123, 151—152, 180, 294, 337—338, 347—348, 356—357, 379, 394, 396, 397, 401, 407, 431, 472, 473, 485—487, 495, 496, 507—508, 523, 525, 546, 556, 573, 581, 587, 615, 620—634, 638, 639, 643, 667, 680, 681, 683, 687
Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) — 646
Мейер З.— 508
Мирабо О.-Г.-Р.— 353
Михайловский Н. К.— 508
Монтессори М.— 11

Н

Наполеон III — 682
Некрасов Н. А.— 61, 131, 510

О

Ольминский М. С.— 99
Оуэн Р.— 180, 356, 494, 629

П

Паульсен Ф.— 86
Песталоцци И.-Г.—353
Пирогов Н. И.— 684
Писарев Д. И.— 473, 485
Плеханов Г. В.— 216, 318, 473, 485, 486, 508, 526, 646
Познер В. М.— 63, 80, 81
Покровский М. Н.— 330—332, 333, 373, 374, 375, 658
Прудон П.-Ж.— 624
Пушкин А. С.— 251

Р

Рафаил (Фарбман Р. Б.) — 148
Редди С.— 355
Репина Е.— 27
Рид Дж.— 425—426
Рудзутак Я. Э.— 579
Руднев П. В.— 404
Руднева Е. Т.— 62—63
Рузвельт Т.— 51
Руссо Ж.-Ж.— 351—353, 355

С

Салтыков-Щедрин М. Е.— 131
Свердлов Я. М.— 333
Сениор Н.-В.— 628, 629
Сен-Симон А.-К.— 363
Скоропадский П. П.— 61
Скрыпник Н. А.— 453
Смирнов Н. Е.— 680
Сталин И. В.— 460, 530, 536, 557, 578, 636, 648, 665, 674, 679, 681, 692
Струве П. Б.— 505, 510

Т

Талейран Ш.-М. — 354
Толстой Л. Н.— 85, 247, 250, 327—329, 558, 625
Троцкий Л. Д.— 578—579
Тулайков Н. М.— 559, 560
Тургенев И. С.— 131

У

Ульянов И. Н.— 685—687
Ушинский К. Д.— 260, 682—684

Ф

Фейербах Л.— 347—348, 624
Фребель Ф.— 11
Фрунзе М. В.— 359

Ч

Чернышевский Н. Г.—473, 485, 486, 496, 667

Ш

Шапиро Л. Г.— 426
Шарапов С. Ф.— 496
Шатуновский Я. С.— 127—128
Шацкий С. Т.—148—149, 523, 703
Шейдеман Ф.— 103
Шмидт К.— 585
Шульгин В. Н.— 142

Э

Эберт Ф.— 103
Энгельгардт А. Н.— 497
Энгельс Ф.— 28, 86, 122, 123, 151—152, 347—348, 356, 379, 394, 396, 397, 401, 468, 473, 485—487, 496, 507—508, 517, 523, 581, 585, 587, 620—624, 638, 639, 643, 667, 681, 683, 687

Ю

Южаков С. Н.— 489—496, 518

Я

Яковлев Я. А.— 245
Якубова А. А.— 489

СОДЕРЖАНИЕ

1918—1920

К вопросу о социалистической школе 7
Интересная статья 19
О светской школе 25
К реформе средней школы 34
Как организовать дело народного образования в стране 37
Контроль сверху и контроль снизу в деле народного образования 41
Школа и государство 46
Учитель и население 55
Учительский союз и союз учителей-интернационалистов 58
Странная психология 61
К вопросу об организационной политике народного комиссариата по просвещению 64
Не совсем одно и то же 69
О совместной работе комиссариатов 73
О советах народного образования 75
Еще несколько слов о советах народного образования . 78
Письмо в редакцию 80
Идеалы социалистического воспитания
(Речь на конференции пролетарских культурно-просветительных организаций) 83
Год работы Народного Комиссариата просвещения . . 92
Организация комиссариатов 99
Советская демократия и советы народного образования 102
Работница и народное образование 107
Профессиональное и общее образование
(Из речи на I Всероссийской конференции школьных подотделов) 109

1921—1930

Проблема коммунистического воспитания 115
К вопросу о коммунистическом воспитании молодежи . 121
Единая трудовая школа 127

Общественное воспитание 133
К вопросу о целях школы 142
Система народного образования в РСФСР 144
Немножко о педагогах 148
К вопросу о морально-дефективных детях 151
О нашей школе 154
Система народного образования в РСФСР
(Тезисы доклада на съезде заведующих отделами народного образования) 157
Вопросы беспризорности
(Речь на открытии Московской конференции по борьбе с детской беспризорностью) 168
Всесоюзный учительский съезд и его задачи 173
Пути советской школы 177
Ленин и народное просвещение 180
Всесоюзный учительский съезд 186
Советская школа
(Доклад на I Всесоюзном учительском съезде) 189
Первый Всесоюзный учительский съезд 204
Вопросы, требующие разрешения 211
За новую, просвещенную страну
(Речь на III Всесоюзном съезде Советов) 216
Коллективными усилиями 218
Очередные задачи Наркомпроса
(Доклад на собрании комячейки Наркомпроса) 221
О всеобщем обучении 236
О беспризорных 240
Речь на III сессии ВЦИК XII созыва 243
Об интернациональной и национальной культуре
(Доклад на I сессии Совета по просвещению национальных меньшинств) 248
Как работать по просвещению
(Речь и заключительное слово на Всесоюзном съезде работниц и крестьянок — членов Советов) 263
Ленин о просвещении и народном учителе 286
Народное просвещение за 10 лет 290
Проблемы народного образования
(Доклад в Коммунистической Академии) 294
Ленин о воспитательной работе пролетариата 318
На пороге пятого года без Ленина 323
О Льве Толстом (воспоминания) 327
М. Н. Покровский 330
Положение о единой трудовой школе РСФСР 333
О системе народного образования 336
Проверка выполнения 341
Воспитание 347
Выступление на совещании заведующих крайоно . . . 369
Классовая борьба в просветительных учреждениях . . 379
О средней школе 384
Не сужать инициативы масс
(Ответ на вопрос анкеты „Учительской газеты“) 392
Общество педагогов-марксистов 394

О задачах национально-культурного строительства в связи с обострением классовой борьбы
(Речь на Всероссийском совещании комитетов по просвещению национальных меньшинств) 398
Социалистическая база системы народного образования
(Выступления на совещании Общества педагогов-марксистов) . 407
К вопросу о национальной культуре 430
К вопросу о системе рабочего образования
(Доклад и заключительное слово на совещании по рабочему образованию) 434
О партсовещании по вопросам народного образования 451
О социальном воспитании 454
Всеобщее обучение и культгектар имени XVI партсъезда 459
XVI партийный съезд и вопросы всеобщего обучения . 460
Крепче должна быть хватка 463
Доклад на пленуме III сессии ГУСа 468

1931—1937

Ленин, культурная революция и встречный культплан Общества педагогов-марксистов 483
Высказывания Ленина по вопросам культуры и просвещения за время работы в Питере, в тюрьме и ссылке 488
Ленинские дни
(Доклад в Институте марксистско-ленинской педагогики) . . . 515
Выступление на XV Всероссийском съезде Советов . . 529
Очередные задачи всеобуча 537
Постановление ЦК ВКП(б) „О начальной и средней школе“ и задачи Общества педагогов-марксистов . . . 540
„О начальной и средней школе“
(Доклад на заседании Общества педагогов-марксистов совместно с работниками просвещения Москвы) 545
Важнейшее постановление партии 567
Постановление ЦК ВКП(б) „О начальной и средней школе“ 571
Очередные задачи Общества педагогов-марксистов и журнала „На путях к новой школе“ 576
Культурная революция в свете пятнадцати лет пролетарской революции (некоторые итоги) 584
Вопросы культработы среди народностей
(Выступление на совещании культработников Крайнего Севера) 605
Маркс о коммунистическом воспитании подрастающего поколения 620
Программа партии и народное просвещение 635
За подлинные очаги коммунистического воспитания . . 649
Выступление на траурном заседании в Комакадемии
(А. В. Луначарский) 651
Привет съезду ударников-учителей Марийской области 659
Задачи нашей советской школы и кадры ее строителей 661
Воспитание подрастающего поколения в коммунистическом духе — важнейшая задача 666

Дело чрезвычайной важности 671
Забота партии о народном учителе 673
Право на образование 676
К вопросу об изучении истории педагогики 680
В. И. Ленин и вопросы народного образования 685

ПРИМЕЧАНИЯ И УКАЗАТЕЛИ

Примечания 695
Предметно-тематический указатель 714
Указатель имен 729

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА
КРУПСКАЯ
Педагогические сочинения
Том второй

*

Редактор *И. И. Монахов*
Переплет художника *Н. К. Литвинова*
Худож. редактор *Н. С. Орлова*
Техн. редактор *В. Г. Лаут*
Корректор *Т. Ф. Юдичева*

Сдано в набор 25/IV 1958 г.
Подписано к печати 13/IX 1958 г.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. л. 11,5 + вклейки 0,12
Печ. л. 46,0 + вклейки 0,5
Усл. печ. л. 37,72 + вклейки 0,41
Уч.-изд. л. 34,47. А08453. Тираж 45 000. Зак. 1813
Цена 14 руб.

Изд-во АПН РСФСР, Москва, Погодинская ул., 8.
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.